

ПУСТЫНКА ШЕДЕВРЫ ПУСТЫНКА ШЕДЕВРЫ

ЧЕЛСИ КУИНН ЯРБРО

ОТЕЛЬ
"ТРАНСИЛЬВАНИЯ"

ПУСТЫНКА ШЕДЕВРЫ ПУСТЫНКА ШЕДЕВРЫ

ЧАСИ КУХНИ
ЯРВРО

Отель
«Трапезный»

УДК 82 (1-87)
ББК 84(7 США)
Я 71

Chelsea Quinn Yarbro

HOTEL «TRANSYLVANIA»

© 1978 by Chelsea Quinn Yarbro

THE PALACE

© 1978 by Chelsea Quinn Yarbro

Публикуется с разрешения автора и его литературного
агента Irene Kraas Agency (США)

Составитель серии *А. Жикаренцев*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Художник *И. Жмайлова*

Я 71 Ярбро Ч. К.
Отель «Трансильвания»: Романы / Пер. с англ. — М.:
Изд-во Эксмо; СПб.: ИД Домино, 2005. — 800 с. —
(Шедевры мистики).

ISBN 5-699-10507-7

Граф Сен-Жермен, Франческо Ракоци... У него много имен.
Он желанный гость на всех светских балах и приемах, им востор-
гаются женщины, ему завидуют мужчины... Он чувствует себя как
дома в любой стране и на любом континенте, хотя его образ жизни
многим кажется странным и подозрительным.

Во Франции его с удовольствием принимают в домах самых
знатных аристократов. В Италии он становится другом великого
Лоренцо Медичи и после смерти правителя прекрасной Флоренции
противостоит фанатичному монаху-доминиканцу Савонароле, ввер-
гающему город в пучину мракобесия и страха.

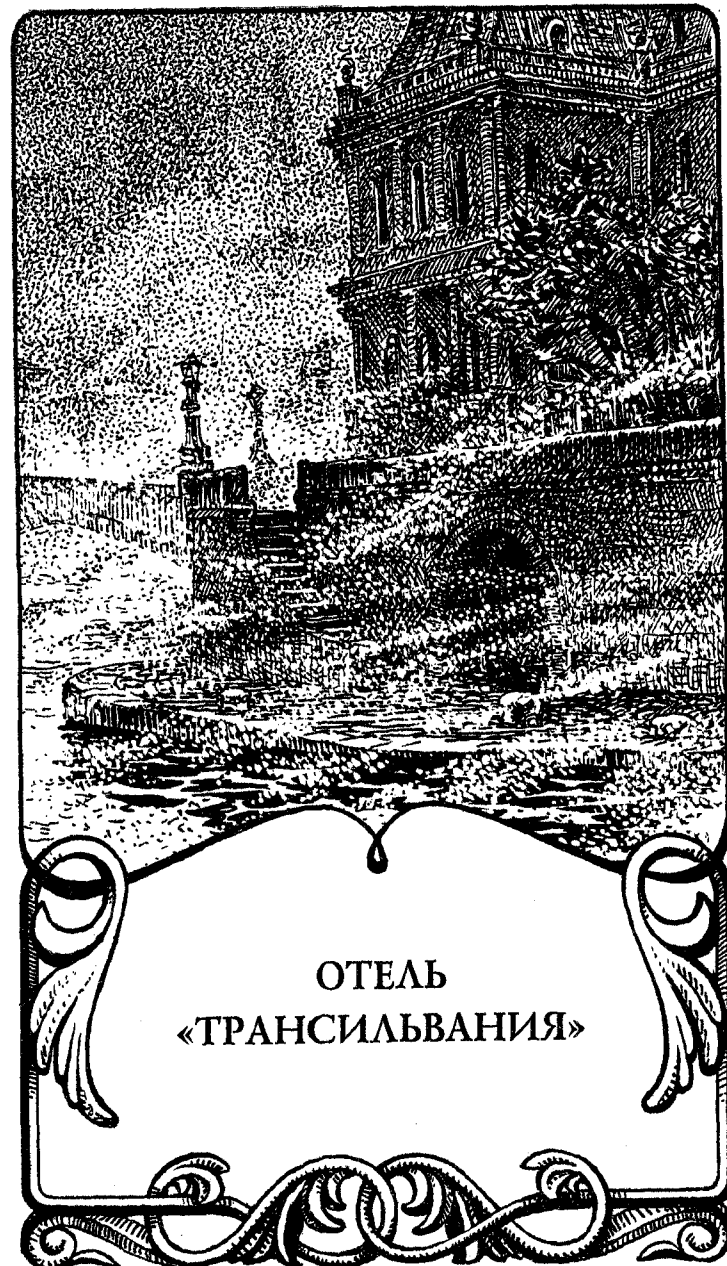
Он интересуется всех, но о нем ничего не известно.

Так кто же он — этот таинственный человек? И человек ли он?

УДК 82 (1-87)
ББК 84(7 США)

© Перевод. И. Тогоева, Т. Петрушенко, 2005
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2005

ISBN 5-699-10507-7

Часть 1

ГРАФ СЕН-ЖЕРМЕН

Кристоферу Луи

Нам и любовь, и розы.
Массне. «Манон», акт 4

Отрывок из письма графини д'Аржаньяк к своей племяннице мадемуазель Мадлен де Монталье.

«13 сентября 1743 года.

...Вечер был посвящен музицированию, и салон графиня составила очень удачно. Невзирая на возраст, пришел даже Рамо*, однако не выступал. Мадемуазель де Тревель-он пела баллады, музыканты его величества сыграли парочку чудных вещей.

Там был еще Сен-Жермен — не граф Луи, а другой, весьма загадочный господин, прибывший в Париж лишь в мае, — он блестяще исполнил несколько собственных опусов на скрипке и клавесине. Рамо восхитился, полез с поздравлениями и даже счел нужным заметить, что похожего виртуоза встречал лишь однажды, правда очень давно: в 1701 или 1702 году. И тому человеку, а звался он граф Балетти, было уже крепко за пятьдесят, тогда как самому Сен-Жермену едва ли за сорок, а значит, талант его только-только достигает расцвета. Граф чрезвычайно изящно вернул комплимент. Он заявил, что желал бы походить на Балетти, поскольку тот был, без сомнения, личностью выдающейся, раз уж ему удалось произвести впечатление на великого музыканта.

Все ждали выхода де Кресси, но та, к сожалению, прихворнула. Таким образом, мы лишились возможности на-

* Рамо, Жан-Филипп (1683–1764) — выдающийся французский композитор и теоретик музыки. (Здесь и далее примечания редактора.)

сладиться ее игрой на виоль д'амур*. Это известие опечалило общество, а Сен-Жермен — видела бы ты выражение его глаз! — попросил передать де Кресси пожелание поскорее оправиться от недуга и прибавил, что сочинил три мелодии специально для ее инструмента.

Мы встретили там и Боврэ. Этот шут пропыхтел, что все дамы, очарованные Сен-Жерменом, будут ужасно расстроены, когда окажется, что он шарлатан. Бедный Боврэ: со своими духами, бриллиантами и кривыми ногами он не может не завидовать такому элегантному и очаровательному мужчине, как Сен-Жермен! Он воевал одно время дружбу с Сен-Себастьяном, этот Боврэ. Только доброе имя и манеры жены открыли ему вход в общество, где все его переносят с трудом...

Я и твой любящий дядюшка, дорогая, с нетерпением ждем, когда же ты нас навестишь. Замечательно, что твои родители наконец-то решились отправить тебя в столицу: когда дело касается будущего детей, всем нам следует быть реалистами. Девушке твоего ума и твоей красоты не позволительно прозябать в Провансе. Можешь уверить своих близких, что тут тебя поручат вниманию дам, которые лучше других разбираются в том, что пристало, а что нет юным особам столь безупречного происхождения и воспитания. Я надеюсь, тебя не шокирует моя прямота; я верю: чем раньше девушка осознает важность практической стороны жизни, тем лучше.

В ожидании момента, когда смогу лично поцеловать твои розовые щечки, передаю привет твоим уважаемым родителям (в особенности моему брату, маркизу) и умоляю их отправить тебя к нам еще до конца сентября.

Остаюсь твоей любящей тетюшкой,
Клодия де Монталье, графиня д'Аржаньяк».

* Виоль д'амур — струнный смычковый инструмент, виола, которую держат горизонтально, как скрипку.

Он был здесь известен как граф Сен-Жермен, хотя другие имена у него тоже имелись. И достаточно громкие. Однако Париж вряд ли слышал о них. Двор Людовика XV нисколько не занимало, что творится по другую сторону французской границы, а Король-Солнце* — прежний правитель Франции — вообще затмевал собой весь остальной мир.

Да и в самом Париже встречались местечки, о каких при дворе и знать не желали. В их число входила, пожалуй, и темная улочка, по которой брел сейчас Сен-Жермен. Он внимательно поглядывал под ноги, старательно обходя груды отбросов, наполнявших ночной мрак почти осязаемой вонью. Это, собственно, мог быть и не Париж. Ночью трущобы всех городов мира выглядят одинаково.

Тихий плеск воды раздражал. Он походил на стрекот назойливых насекомых и постоянно напоминал, что рядом находится Сена. Красные глазки крыс, блеснувшие в подворотне, и долетавшие до слуха звуки возни заставили Сен-Жермена скривиться. Он так и не научился относиться к этим тварям терпимо, хотя зачастую ему приходилось мириться с их агрессивным соседством.

Дойдя до перекрестка, путник остановился. Улочка, уводящая прочь от реки, не имела особых примет. И все же он выбрал ее и пошел по ней дальше. Над его головой, почти смыкаясь фасадами, нависали дома, покосившиеся под тяжестью многих столетий. Сен-Жермен брел и брел по невидимой во тьме мостовой.

Выше блеснул свет фонаря. Сен-Жермен укрылся в черноте подворотни, нетерпеливо ожидая, когда ночной сторож пройдет. Он мог бы проскользнуть мимо обходчика

* Король-Солнце — прозвище французского монарха Людовика XIV (годы правления: 1643–1715), славившегося тягой к увеселениям и чудовищной расточительностью.

незамеченным — у него имелись на то способы, но они были связаны с определенными неудобствами, а порой приводили к казусам, обрастающим слухами, чего Сен-Жермен и вовсе не выносил. Ему претила всякого рода шумиха, полезнее подождать.

Когда сторож ушел, Сен-Жермен продолжил свой путь. Несмотря на туфли, оснащенные толстыми подошвами и высокими каблуками, он двигался совершенно бесшумно, с текучей грацией рыси, замечательной для человека его лет.

Наконец он увидел вывеску, какую искал, и поплотнее завернулся в бархат плаща. Все драгоценности, за исключением рубина на шее, оставлены дома. В черном плаще, с ненапудренной головой он станет неотличимым от людей, с которыми у него назначена встреча. «Логово красного волка» — странноватое название для таверны. Впрочем, не все ли равно.

Девять пар глаз уставились на вошедшего в опасливом ожидании. Сен-Жермен аккуратно закрыл за собой дверь.

— Приветствую вас, братья, — произнес он с легким поклоном. Его голос прозвучал резче, чем хотелось.

— Князь Ракоци из Трансильвании? — задал вопрос кто-то из ожидающих. — Эге, малый, да ты просто храбрец!

Сен-Жермен, внутренне усмехнувшись, вновь поклонился.

— Да, это я.

Это имя имело к нему такое же отношение, как Сен-Жермен или Балетти. Впрочем, он пользовался им много лет: в Италии, Венгрии, Богемии, Австрии и даже в германском городе Дрездене.

— А вы, насколько я понимаю, представляете гильдию магов?

Среди магов попадался всякий народ, и эта компания не была исключением из общего правила. Два-три лица тут действительно были отмечены печатью истинного стрем-

ления к знанию, но остальные... Сен-Жермен устало вздохнул. Остальные выглядели именно так, как им это и надлежало. Жулье, торгаши, прохиндеи, потрошители женского чрева, шантажирующие своих тайных клиенток. Мудрость им подменяло коварство, тягу к знанию — всеядность и неразборчивость.

— Мы уж и не надеялись, что вы явитесь, — буркнул ворчливо другой маг. — Поздновато уже..

Сен-Жермен всем телом подался вперед. Маг испуганно отшатнулся.

— Я никогда не опаздываю.

Где-то поблизости ударили колокола, напоминая, что ночь вступает в свои права.

— Как видите, — сухо сказал Сен-Жермен, — я пришел даже раньше.

— Мертвец полуночный, — пробормотал маг и вскинул руку, чтобы осенить себя крестным знамением, но, спохватившись, тут же ее опустил. Он повернулся к Сен-Жермену, его хитрые глазки блеснули. — Нас известили, что вы можете нам поспособствовать... ну, это... насчет драгоценных камней.

Сен-Жермен снова вздохнул.

— Французов всегда отличала неприкрытая алчность.

Маги подобрались, в красноватом полумраке таверны засветились неприязненные улыбки. Тот, что спросил о камнях, просто пожал плечами — он ждал ответа.

— Ну хорошо, — Сен-Жермен пересек зал и сел во главе стола, заставленного всяческой снедью. — Я открою вам секрет выращивания драгоценных камней. Но на определенных условиях.

— Каких условиях? — быстро спросил хитроглазый кудесник.

— Я дам вам задание, которое надлежит выполнить как можно скорее. Справившись с ним, вы получите то, что хотите. Но не раньше.

Маг язвительно усмехнулся.

— А когда задание будет выполнено, вы дадите еще одно, и еще, и еще. Потом вам срочно понадобится уехать, а мы с пустыми карманами останемся в дураках.

— Я уже сказал, что жадность — ваша беда, — повторил Сен-Жермен.

Неожиданно подал голос другой маг — один из тех, в чьих глазах светилось стремление к знанию.

— Я принимаю ваши условия. Да, есть опасность, что вы можете нас обмануть, но я, пожалуй, рискну.

Сен-Жермен пристально вгляделся в него.

— Как вас зовут? — спросил он, приподняв брови.

— Беверли Саттин, — ответил тот, слегка нервничая. У магов не было принято открывать свои настоящие имена.

— Англичанин? — спросил Сен-Жермен по-английски.

— Да, ваше высочество, — сказал маг, также переходя на английский. — Но уже много лет проживаю во Франции. Я долго ждал счастливого случая, и вот, кажется, появилась возможность ухватить его за вихор.

Его манеры и речь дышали достоинством, мало вязавшимся с окружающей обстановкой.

— Где вы учились, Саттин?

— Колледж Святой Магдалины, Оксфорд.

Имя святой маг произнес коротко, как Мадлен. После паузы Саттин продолжил:

— Меня изгнали оттуда на втором году обучения. За ересь. Мне было тогда двадцать девять.

Прочие маги стали проявлять признаки нетерпения. Тот, что первым завел речь о камнях, вскричал:

— Я не понимаю, о чем вы говорите!

Сен-Жермен поднял ладонь.

— Прошу прощения, господа, я поступил не совсем вежливо, исключив вас из беседы! — Его французский имел легкий акцент.

Вокруг стола суетился хозяин таверны. Его круглое лицо блестело от пота. Он исподтишка бросал тревожные

взгляды на нового человека, наполняя вином бокалы гостей.

После того как потный толстяк ушел, Сен-Жермен сунул руку в один из карманов своего бархатного плаща и вытащил оттуда кожаный кошелек. Убедившись, что взгляды всех присутствующих прикованы к его действиям, он сказал:

— Вы хотите подтверждения — что ж, извольте. Вот что я вам предлагаю.

Он открыл кошелек и в полной тишине, нарушаемой только потрескиванием огня в очаге, высыпал на стол десяток огромных бриллиантов.

Маги при виде такого богатства окаменели. Один из них потянулся к камешку, катившемуся к его краю стола, и боязливо отдернул руку.

— Пожалуйста, господа! — приглашающе кивнул Сен-Жермен. — Можете их потрогать. Проверьте их подлинность. Убедитесь, что вас не обманывают. А потом поговорим о деле.

Он откинулся на спинку грубо сколоченного кресла и с безразличным видом уставился на огонь очага. Собравшиеся схватили со стола бриллианты и принялись их жадно рассматривать, тихо переговариваясь хриплыми голосами. Когда маги умолкли, Сен-Жермен заговорил снова.

— Вы полагаете, Ле Грас, что очень ловко его подменили? — спросил он, устремив взгляд в пространство.

Хитроглазый маг подскочил на месте.

— Ваше высочество, вы ошибаетесь! — Он указал на англичанина. — Это наверняка его рук дело! Его, а не моих!

Сен-Жермен повернулся к Ле Грасу.

— Поймите меня правильно, — мягко сказал он. — Я не из тех, кого можно надуть. Я не дурак. Саттин не жульничал, это сделали вы. Камень лежит во внутреннем кармане вашего жилета, вместе с шестью поддельными бриллиантами из стекла. Я считаю до десяти. На счете десять вы положите камень на стол. Один...

Ле Грас спрятал глаза, уклоняясь от жесткого взгляда.

— Князь Ракоци... — пробормотал он, оглядываясь на своих притихших товарищей.

— Два.

Англичанин сделал нетерпеливое движение.

— Ваше высочество, Ле Грас не...

— Три.

В пятно света, идущего от очага, вскочила крыса, оскалилась и исчезла во тьме. Два мага встали из-за стола и отошли в сторону. Один из них тихо сказал другому:

— Ле Грас не называл своего имени.

— Четыре.

Ле Грас невольно схватился за жилетный карман. Лицо его исказила гримаса.

— Князь, давайте спокойно все обсудим.

— Пять.

Саттин слегка отодвинулся от Ле Граса и сказал по-английски:

— Он мошенник, но он полезен.

— Не для меня. Шесть.

— Но это глупо! — возразил Саттин. — Если вы действительно владеете секретом получения драгоценных камней, какая вам разница, пропал один или нет?

— Семь. Мне не нравится, когда меня грабят. — Сен-Жермен отвечал англичанину на его родном языке. — И когда мне лгут. Человек, стащивший у меня бриллиант, ненадежен. Восемь.

Ле Грас обратил вспотевшее лицо к Сен-Жермену и, ерзая в кресле, вытер лоб рукавом. Губы его пересохли, он с жадностью осушил свой бокал.

— Девять.

Хотя голос Сен-Жермена не стал громче, этот счет прозвучал как пушечный выстрел.

— Ладно, — буркнул Ле Грас и сунул руку за пазуху. — Хорошо!

Он вытащил кошелек и швырнул на стол.

— Ищите!

Раздался всеобщий вздох облегчения. Два мага, стоявшие у камина, вернулись к столу. Сен-Жермен взял кошелек и открыл его. Как он и предсказывал, на стол высыпались семь бриллиантов.

— Ну и который из них ваш? — саркастически спросил Ле Грас.

Не произнося ни слова, Сен-Жермен обернул ладонь салфеткой, сгреб туда камни и сжал пальцы в кулак. Когда пальцы разжались, на стол посыпалась стеклянная пыль. Сен-Жермен окинул присутствующих вопросительным взглядом.

— Ваше высочество, — медленно произнес Саттин. — От имени нашего братства и гильдии я приношу вам извинения.

Сен-Жермен кивнул.

— Извинения приняты. Только избавьте меня от присутствия этого человека и позаботьтесь, чтобы он больше не появлялся на наших с вами собраниях.

Два мага встали и подошли к Ле Грасу.

— Пойдем, — сказали они, явно собираясь применить силу, если он вздумает сопротивляться.

Глаза Ле Граса вспыхнули.

— Он же обманщик! Все его бриллианты фальшивые. — Гонимый маг в отчаянии шарил взглядом по лицам собравшихся. — Они не могут быть настоящими. Это просто стекляшки!

Сен-Жермен холодно и устало взглянул на него.

— Если вы шарлатан, это не означает, что в мире нет честных людей.

Он положил бриллиант, оставшийся целым, на стол — прямо поверх стеклянного крошева, снова обернул руку салфеткой и изо всех сил ударил по нему кулаком. Стол содрогнулся от удара. Когда Сен-Жермен поднял руку, все увидели, что камень наполовину вдавлен в столешницу.

Сен-Жермен разжал кулак и размотал салфетку.

— Ваша рука,— пробормотал Саттин.

Сен-Жермен положил руку рядом с камнем — ладонью вверх.

— Как видите,— сказал он.

Все промолчали. Не издал ни звука даже Ле Грас. Он низко опустил голову и позволил собратьям себя увести.

— Вы его убедили,— удовлетворенно произнес Саттин, осознавая, что зрелище потрясло и его.

— Ненадолго,— ответил Сен-Жермен неохотно и покачал головой.— Вскоре шельмец решит, что это какой-нибудь фокус.— Он поднес руку к затылку и коснулся своих темных волос — в том месте, где они были перехвачены лентой.— Пустяки, англичанин. Мне грозят куда более серьезные неприятности, чем нападки какого-то мага.

— Вы говорили, что вам от нас что-то нужно,— напомнил Саттин, наклоняясь вперед.

Пятеро остальных магов насторожились и превратились в слух.

— Да, в обмен на секрет драгоценных камней.— Сен-Жермен обвел собравшихся взглядом.— Среди вас есть французы?

Утвердительно ответили четверо.

— А вы кто? — спросил Сен-Жермен последнего мага, поскольку с Саттином все было ясно.

— Испанец. Меня зовут Амброзиас Мария Доминго-и-Рохас. Я родом из Бургоса,— низко кланяясь, отвечал тот.— Я был осужден за ересь, но, воспользовавшись беспечностью стражи, сбежал по дороге в Мадрид. Сейчас говорят, что меня спасло колдовство, но мне помогла только собственная смекалка.

Сен-Жермен окинул невысокого испанца изучающим взглядом.

— Возможно, вы пригодитесь мне позже,— сказал он на безупречном испанском.— Я должен поздравить вас. Уйти от инквизиции удастся лишь единицам.

Он вновь повернулся к французам.

— Кто из вас имел дело с аристократами?

Маги переглянулись. Тот, что выглядел постарше других, сказал:

— Я служил мажордомом у Савиньи. Но это было лет десять назад.

Сен-Жермен кивнул.

— Вы сумеете изобразить аристократа? Разумеется, не представителя высшего круга, но хотя бы купившего дворянское звание буржуа?

Бывший мажордом пожал плечами.

— Я никогда не пробовал, князь, но примерно понимаю, о чем вы говорите. Думаю, что смогу.

— В таком случае именно вы и заключите для меня эту сделку.

На лице француза появился вопрос.

— В предместье Сен-Жермен,— князь усмехнулся,— есть одно игорное заведение. Адрес: набережная Малакэ, десять. Здание построено еще при Людовике Тринадцатом, и судьба его была непростой. Называется оно «Трансильвания».

— Оно было названо в честь какого-то Ракоци, не так ли, ваше высочество? — отважился спросить Саттин, когда молчание, воцарившееся в зале таверны, сделалось невыносимым.

— Полагаю, оно так называлось всегда,— сказал Сен-Жермен.— Но лет тридцать назад там действительно оставался некий Ракоци.

— Ваш отец?

Вопрос задал Саттин, но читался он в каждом взгляде.

— Можете так считать.

Взгляды магов поползли в разные стороны. Присутствующие принялись прилежно рассматривать стены, потолочные балки, пылающие поленья в зеве камина. Они готовы были изучать что угодно, лишь бы не глядеть на невысокого человека в черном плаще, терпеливо ожидающего, когда неловкая ситуация сама себя изживет.

— Что нам следует сделать с этим отелем? — спросил наконец Доминго-и-Рохас.

— Я хочу, чтобы вы приобрели его для меня. Можете думать, что я испытываю сентиментальные чувства к его названию или к самому зданию, если, конечно, вам нужны какие-то объяснения, — сказал Сен-Жермен, предвосхищая поток новых вопросов. — Я выдам вам сумму, вдесятеро превышающую реальную стоимость и дома, и того, что в нем находится, и не потребую отчета о расходах. Надеюсь, так много вы не потратите, но, сколько бы это ни стоило, отель «Трансильвания» должен стать моим. Все ли вам ясно?

— Да, князь.

В комнату вернулись маги, которые увели Ле Граса. Они скромно присели к столу.

— Книжонка аббата Прево* создала «Трансильвании» дурную славу, — задумчиво произнес Сен-Жермен, глядя на пламя камина. — Однако в те времена, когда здесь гостил мой... отец, репутация отеля была совершенно иной. Короче говоря, — резко сказал он, отворачиваясь от огня, — вам надлежит приобрести это здание, но на меня никаких ссылок быть не должно. Назовитесь агентами какой-нибудь вздорной компании, либо скажите, что покупаете отель для себя. Если бы мне хотелось быть в этой сделке замешанным, я обратился бы к любому юристу, и через час мое имя значилось бы в полицейском досье. Я могу положиться на ваше благоразумие?

— Конечно, ваше высочество.

— Хорошо, — Сен-Жермен повернулся к бывшему мажордому. — Как вас зовут?

— Сельбье, — поспешно ответил тот. — Анри-Луи Сельбье.

* Прево д'Экзиль Антуан Франсуа (1697–1763) — аббат, плодовитый французский писатель, автор повести «История кавалера де Грие и Манон Леско», получившей большую известность.

— Очаровательно. Это имя внушает доверие. Когда будете вести переговоры с владельцами «Трансильвании», можете пустить его в ход. Впрочем, если это вам не по нраву, назовитесь как-нибудь по-другому.

— А что вы собираетесь делать с отелем, когда его получите? — почтительно, но с жадным любопытством в глазах спросил один из вернувшихся магов. — Пеше, с вашего позволения. Меня прозывают Пеше.

— Ну разумеется, я собираюсь распахнуть его двери Парижу! Он слишком долго был на положении бедного родственника у отеля «Де Виль». Теперь все переменится. Решительно все.

— И все-таки, ваше высочество, — вкрадчиво заговорил Доминго-и-Рохас, — почему вы желаете приобрести это здание? Потому что вы сами из Трансильвании, да?

Выразительные глаза Сен-Жермена подернулись мечтательной дымкой, лицо просветлело.

— Может быть, мой друг, может быть. Трансильвания — это все-таки моя родина, и она до сих пор не забыла меня. Да, господа, родная земля всегда нам дорога, и не важно, как далеко от нее мы находимся и как долго длится разлука. В общем, считайте, что это моя прихоть, и помогите мне исполнить ее. В обмен вы получите секрет изготовления драгоценных камней. Мне кажется, это совсем неплохая сделка.

— Когда все должно быть сделано? — спокойно спросил Беверли Саттин.

— Как можно скорее, англичанин, как можно скорее. Начало октября — это крайний срок. Такова моя воля.

Он собрал бриллианты, лежащие на столе, в одну грудку.

— Этим вы расплатитесь за отель. Полагаю, их стоимость превысит любую цену, какую бы вам ни назвали. Но если о моем участии в сделке узнает полиция, я буду считать вас своими врагами и стану вести себя соответственно. — Ногтем мизинца Сен-Жермен ковырнул бриллиант, вдавленный в стол. — Вам надо как-то его вытащить... Попросите у трактирщика нож.

Он поднялся и стал затягивать шнуровку плаща.

— Через десять дней в этот же час я буду здесь. Вы расскажете мне, как продвигается дело.

— Князь Ракоци,— спросил Саттин,— что нам делать с Ле Грасом?

Сен-Жермен нахмурил брови и прикоснулся к рубину, спрятанному под плащом.

— Он опасен. Подержите его пока где-нибудь здесь. Можете караулить по очереди. Только под рукой у охранника должна быть дубина. Будет весьма досадно, если Ле Грас сбежит.

Он окинул взглядом присутствующих. Что ж, эти маги, конечно, не производят отрадного впечатления, но ему встречались и хуже.

— Итак, через десять дней,— низко кланяясь, повторил Саттин.

Сен-Жермен сдержанно поклонился в ответ и вышел. Липкая парижская ночь поглотила его.

Отрывок из письма маркиза де Монталье аббату Понтнефу.

«21 сентября 1743 года.

...Так что, дорогой кузен, вы поймете мою тревогу. Доводы жены убедили меня, но я не могу не чувствовать опасения, что дочь моя может попасть под чье-либо дурное влияние. Мадлен прибудет в Париж четвертого или пятого октября в сопровождении служанки, Кассандры Леф, которая вот уже двадцать лет преданно нам служит. Пока Кассандра рядом с Мадлен, я за нее не боюсь. Но этого недостаточно. Мое заветное желание — чтобы вы присматривали за ней и помогали добрым советом, ибо нам обоим известно, какими искушениями полон двор нашего обожаемого суверена.

Уверен, что Мадлен вам понравится: она рассудительная девушка и притом обладает незаурядным умом. Сест-

ры монастыря Святой Урсулы высоко оценили ее успехи в учебе, выразив сожаление, что она не чувствует призвания к монашеской жизни. Действительно, единственное, в чем можно ее укорить, это в отсутствии снисходительности к тем, кто не настолько умен, как она, и в вызывающей тревогу склонности к причудам, к фантазиям. Моя супруга, впрочем, убеждена, что замужество положит этим причудам конец и превратит Мадлен в мягкую и отзывчивую женщину.

Я узнал от сестры, графини д'Аржаньяк, у которой собирается поселиться Мадлен, что Боврэ по протекции его жены вновь принимают в свете. Едва ли следует напоминать вам, что любые сношения с Боврэ категорически недопустимы. Нельзя позволить, чтобы кто-либо из бывших приятелей Сен-Себастьяна даже приблизился к ней. Простите мою настойчивость в этом вопросе, однако я вынужден повторить еще раз: будьте предельно строги, но уберегите мою дочь от влияния этих людей.

...Ежели Мадлен пожелает выйти замуж, я умоляю вас удостовериться, зов ли это сердца или пустое желание возвыситься в свете. Слишком часто причинами брака становятся амбиции юных особ, а не глубокие чувства. Моя супруга поручила графине д'Аржаньяк подыскать Мадлен подходящего мужа, и, разумеется, я буду рад, если дочь удачно устроится. Но я не перенесу, если ее жизнь будет погублена, как у многих других. Я полагаюсь на вас: когда час настанет, загляните в ее сердце...

Во имя Господа, которому мы поклоняемся, который избавил нас от адского пламени и привел на стезю спасения, не обойдите дочь мою своими заботами и помяните меня в ваших молитвах. Имею честь оставаться вашим покорным слугой и почтительным кузеном,

Робер Марсель Ив Этьен Паскаль,
маркиз де Монталье».

— Ах, Боже мой, граф! — испуганно воскликнула мадам де Кресси. — Вы всегда появляетесь словно бы ниоткуда!

Сен-Жермен низко склонился над ее узкой рукой.

— Коль скоро вы снова с нами, сударыня, все прочее блекнет. Если бы я действительно мог возникать там, где хочу, я почел бы себя счастливым. Другого средства пробиться к вам через толпы поклонников просто не существует.

Де Кресси нервно рассмеялась.

— Вы очень любезны, граф. Но, как видите, кроме вас, рядом со мной никого нет.

— В таком случае я счастлив вдвойне.

Сен-Жермен обвел взглядом заполненное людьми помещение.

— Я мечтаю поговорить с вами, мадам, но, кажется, здесь шумновато. Возможно, если мы отойдем в сторонку...

Мадам де Кресси, покорно склонив голову, направилась к нише, на которую указал граф. Ее широкие юбки зашелестели, как осенние листья. Ей очень шло атласное платье цвета морской волны, отделанное черной шелковой лентой; от чуть припудренных русых волос, уложенных в простую прическу, исходил аромат сирени. Наряд Сен-Жермена вполне гармонировал с отделкой платья Кресси. Камзол из черного шелка с парчовыми отворотами, узкие панталоны, черные туфли, чулки. Строгость его костюма подчеркивалась белизной кружевных манжет, обвивавших запястья. На пряжках туфель графа поблескивали бриллианты, жабо украшал рубин.

Деликатно поддерживая свою даму под локоток, Сен-Жермен не преминул шепнуть ей, что она чудо как хороша. Женщина только вздохнула.

— Вы так добры, граф, но зеркала уже мне не льстят. Даже муж заметил, как я переменялась. Боюсь, болезнь основательно подпортила мою внешность.

Она дотронулась до своего горла, невольно задев аккуратную мушку в виде миниатюрной скрипочки, соблазнительно подрагивавшую на алебастровой глади кожи.

— Вы действительно немного бледны, — согласился Сен-Жермен, поправляя манжеты. — Но бледность вам очень к лицу. В сочетании с цветом волос и кусочками неба, поселившимися в ваших глазах, она делает из вас ангела. Смотрите, как завистливо поглядывает на вас маркиза де Сакр-Сассо.

Глаза графа остановились на ювелирно исполненной мушке.

— Оригинальная идея, мадам. Думаю, вы введете новую моду.

— Благодарю, граф, — ответила де Кресси с отсутствующим видом. — Ввести новую моду удастся далеко не всегда...

Голос ее замер.

— Что с вами, мадам? — мягко спросил Сен-Жермен, когда молчание затянулось.

Мадам де Кресси вздрогнула и посмотрела на собеседника.

— Ничего, граф. Со мной все в порядке, — ответила она и деланно рассмеялась. — Просто в последнее время мне снятся тревожные сны.

— Это вполне естественно, поскольку вы еще не совсем оправились от недуга. Хотите, я дам лекарство, чтобы вам получше спалось?

— Вы? — быстро переспросила она и виновато потупилась. — Нет-нет, благодарю вас. И... как вы думаете, не пора ли к столу? Я, кажется, проголодалась.

Сен-Жермен вежливо улыбнулся. Он знал, что на самом деле женщине не хочется есть, но поклонился и протянул ей руку.

Вечер в отеле «Де Виль» был в самом разгаре. В бальном зале играл оркестр, там, казалось, колыхалось море цветов, там царствовали шелк, бархат, парча и атлас. Пена кружев, украшавших наряды танцующих, напоминала барашки волн. Соседний зал тоже бурлил, но несколько по-иному: там резались в запрещенную хоку. Лица игроков были по большей части напряжены, ибо на кон подчас ставились целые состояния. В других помещениях шла игра поспокойнее, и заполнявшая их публика лучилась самодовольством, подобно горкам золотых лудиров, возвышавшимся подле элегантных крупье.

Войдя в буфетную, Сен-Жермен поприветствовал находящихся там знакомых изысканным полупоклоном и проводил свою даму к дальнему столику, отъединенному от остальных.

— Что принести вам, мадам?

— То же, что и себе, — равнодушно ответила женщина.

— Я не голоден, — сказал граф, подумав про себя, что это не совсем так. — Нам предлагают ветчину и цыплят, а сейчас, похоже, вносят и блюдо с лобстером.

Он улыбнулся, одарив де Кресси многозначительным взглядом.

— Вы позволяете мне сделать выбор?

— Да, — пробормотала она, чувствуя, что вот-вот утонет в этих темных глубоких глазах. — Выбирайте, я полностью полагаюсь на вас.

Между бровями женщины появилась легкая складка, рука ее вновь потянулась к горлу.

Сен-Жермен кивнул и направился сквозь толчею буфетной к длинной стойке, уставленной блюдами со всяческой снедью. Там уже переминался с ноги на ногу герцог Вандом, юнец со странной улыбкой и бегающими глазами — по слухам, сущее наказание для своей родовой семьи.

— Терпеть не могу эти сборища, — прошипел сквозь стиснутые зубы юнец, ослабляя шейный платок. — Я их боюсь, ненавижу.

— В таком случае зачем вы сюда пришли? — осведомился Сен-Жермен, подгребая к себе лопаточкой ягоды можжевельника. Они были великолепной приправой к паштету из оленины.

— Затем, что иначе меня заела бы матушка, а потом — две ее занудные сестрицы. — В голосе герцога появились визгливые нотки. — Мне никуда от них не деться, я с ними живу! Они мечтают меня оженить и заставляют появляться на людях. Им кажется, что на меня вот-вот должна клюнуть какая-нибудь простушка. Невинная простушка, заметьте, девственница... чтобы принять мой титул и нарожать мне детей. — Вандом вдруг захихикал, он был уже пьян. — Я же смотрю на девственниц по-другому... С другой, так сказать, стороны, понимаете, а?

— Гм-м... — Сен-Жермен повернулся к буфету. О молодом герцоге в свете болтали разное, и, кажется, эти слухи были совсем не беспочвенны.

Вандом продолжал хихикать.

— Боврэ говорит, что нужна именно девственница. Настоящая девственница, нам ведь не всякая подойдет... Но где такую сыскать, вот в чем загвоздка.

— Подойдет для чего?

Сен-Жермен поднял брови, выражая вежливый интерес, хотя в душе его нарастало холодное отвращение.

— Для многого, — уклончиво буркнул Вандом и погрозил собеседнику пальцем. — Здесь не место говорить о подобных вещах. Тем более с посторонними. — Он ухмыльнулся. — Хотя вы ведь, кажется, иностранец? Тогда дело другое, тогда что ж... Иностранцам к нам ход не заказан...

Он ухватил бокал с подноса проходящего мимо лакея, но слишком резко — и вырвался, когда вино пролилось ему на жабо.

— Вам нравятся девственницы?

— Это не по моей части, — спокойно сказал Сен-Жермен, небрежно поклонился и пошел сквозь толпу к столику, где его ожидала мадам де Кресси.

— О, граф, ну что вы, мне столько не съесть! — воскликнула та смущенно и, расширив глаза, принялась изучать содержимое огромной тарелки, на которой теснились изысканные закуски.

Сен-Жермен улыбнулся и сел.

— Я ведь не знал, что именно вы предпочтете, и надеялся разнообразием раздражить ваш аппетит. Мне кажется, ваша бледность быстро пройдет, если вы перестанете ограничивать себя в пище.

— Да... но вы ничего не взяли себе.

Он махнул рукой.

— Я приглашен на ужин. Позднее. Кушайте же, не стесняйтесь! Вот превосходный паштет. Если он вам не по нраву, попробуйте заливное. Яйца по-флорентийски тоже весьма хороши...

Мадам де Кресси колебалась. Внимание загадочного и популярного графа грело ее самолюбие. Но неподдельная заботливость Сен-Жермена угрожала разрушить защитную оболочку, возведенную ею вокруг себя. Он мог добраться до правды, которую она желала бы скрыть. Отщипывая кусочки от сдобного хлеба, мадам де Кресси обдумывала свое затруднительное положение.

— Если что-то вас беспокоит, сударыня, вы можете мне открыться, — понизив голос, произнес Сен-Жермен. — Клянусь, я вас не выдам.

Женщина, пораженная его пронизательностью, задержалась с ответом, потом prorонила:

— Я не понимаю вас, граф.

Он наклонился к ней и негромко сказал:

— Ясно, дорогая моя, что вы сейчас не вполне здоровы. Но еще очевиднее, что вас что-то гнетет. Если бы вы рассказали мне о том, что вас беспокоит, возможно, я смог бы чем-нибудь вам помочь. До меня доходили слухи, — добавил он мягко, — что ваш муж нечасто бывает дома. И хотя я не в силах возродить угасшее в ком-то чувство, возможно, мне удалось бы исцелить вашу печаль.

Мадам де Кресси резко выпрямилась и покраснела.

— Граф!

Он вскинул брови, затем спохватился.

— Нет, нет, мадам, вы меня неправильно поняли.

Увидев, что гнев собеседницы не проходит, Сен-Жермен усмехнулся и принялся пояснять.

— Вы сами вложили в мои слова вульгарный подтекст. Целителей известного рода найти совершенно нетрудно. Особенно при вашей-то красоте. Я же предложил вам лишь свою дружбу и помощь. Не скрою, я восхищаюсь вами: вы, на мой взгляд, женщина каких мало. Но поймите, роль пошлого искusstеля не для меня. В эти игры я давным-давно не играю.

Краска гнева на щеках де Кресси сменилась румянцем стыда. Она прижала ладони лицу, но взгляд не опустила. Ей хотелось получше рассмотреть этого странного человека. Нет, на закоренелого женоненавистника он во все не походил, однако следовало признать, что даже самые записные сплетницы света ничего не могли сказать о его связях. Похоже, ни женщины, ни мужчины и впрямь не пробуждали в нем плотского интереса. Внезапно ей вспомнилось, как поначалу на новичка накидывались светские львицы. Накидывались и отступали, накидывались и отступали... поджигая хвосты. Женщина улыбнулась.

— Похоже, я вас действительно неправильно поняла.

Граф лишь пожал плечами.

— Если вы и заблуждались на мой счет, то в лестном для меня направлении. — Он бросил взгляд на тарелку. — Но вы ничего не едите! Разве мой выбор настолько плох? Де Кресси торопливо схватилась за вилку.

— Я не хотела обидеть вас, граф, — сказала она, подступая к паштету.

— Это не в ваших силах, мадам, — автоматически произнес Сен-Жермен.

Скрытая горечь проглядывала в этом галантном ответе. Граф расправил кружевное жабо, белой пеной спускавшееся на серебро отворотов камзола. Бриллиантовые булавки вспыхнули. Над ними словно маленькое сердечко загорел-

ся рубин. Де Кресси покосилась на все это великолепие и подумала, что при такой роскоши туфли графа могли быть и поскромнее, ведь и на их пряжках посверкивали драгоценные камни. Потом она изгнала дурацкие мысли из головы и переключила внимание на яйца по-флорентийски.

Сен-Жермен наблюдал, как она ест, как прихлебывает вино из бокала, поставленного перед ней расторопным лакеем. В его темных глазах замелькали веселые искорки. Действительно ли проголодалась мадам де Кресси или просто старается ему угодить? Граф коснулся своих волос, проверяя их состояние. Он был уверен, что Роджер поработал с ними как должно, и с удовольствием удостоверился в этом. Пудра оставила на кончиках пальцев следы. Граф удовлетворенно кивнул и подумал, что каждой эпохе присущи свои выверты моды. Напудренные прически французов ничуть не хуже надушенных шиньонов жителей давным-давно исчезнувших Фив. Потом он отвлекся от этой мысли и спросил:

— Как вам заливное, сударыня?

Его одарили ласковым взглядом из-под густых светлых ресниц.

— Великолепно, как и все, что здесь подают. Вы были правы: эти лакомства раздражили мой аппетит. Но, боюсь, вы скучаете рядом со мной.— Она явно так не считала.

— Нет, мадам, не тревожьтесь. Мне приятно смотреть на вас.

И это было истинной правдой.

— Ваши щеки порозовели.

— Может быть, причиной тому вино,— игриво заметила де Кресси.

— Тогда вам следует пить почаще.— Он уже поднимался из-за стола, намереваясь освободить свое место.— Сударыня, я не прощаюсь и где-нибудь поблизости вас пожду.

В буфетную ввалилась новая партия желающих перекусить. Гостей в отеле всегда бывало в избытке, и правила хорошего тона не позволяли засиживаться за столиками тем, кто уже насытился или ничего не ел вообще. Сен-Жермен отдал ожидающим общий поклон. Кто-то ответил на вежливое приветствие, кто-то предпочел его не заметить, а один низенький господин в парике с голубиными крыльшками сморщился, словно учуял, что где-то скверно запахло. Персиковый атласный камзол господина нелепо топорщился, бабочки, разлетевшиеся по всему полю жилета, отвлекали внимание от розовых панталон — и хорошо делали, ибо в тех помещались очень кривые и очень тощие ноги; впрочем, лиловые чулки с красными стрелками все равно бросались в глаза. Старомодные туфли, высокие красные каблуки, кружева в три ряда. И топазы — везде, где только это возможно, топазы! Сен-Жермен внутренне покривился.

— Проклятье! — громко выругался господин.

Сен-Жермен вопросительно поднял брови.

— Простите, сударь?

— Вы! — воскликнул тот, подхватив под руку одного из своих приятелей.— В жизни не видывал этакой наглости. Вы чужак, а расселись тут словно дома! Можно подумать, что все это ваше!

Спокойная улыбка скользнула по губам Сен-Жермена.

— Прошу прощения, но могу вас уверить, что этот отель вовсе не мой.

— Оставьте свой саркастический тон!

Станный господин шагнул вперед, полы его камзола, прохваченные китовым усом, резко качнулись.

— Мне почему-то кажется, что вы шарлатан!

Мадам де Кресси уронила вилку и испуганно глянула на Сен-Жермена. Граф больше не улыбался. Темные загадочные глаза его остановились на лице оскорбителя.

— Барон Боврэ,— произнес граф безупречно вежливым тоном.— Вы определенно пытаетесь затеять со мной

ссору. Не понимаю, что могло бы вас в моем поведении оскорбить. Почему вы избрали меня мишенью своих нападков?

Граф сделал паузу и с раздражением обнаружил, что все присутствующие уставились на него и что в дверях буфетной теснятся новые зрители, привлеченные разгорающимся скандалом.

— Если вы проглотите это оскорбление, вы не только шарлатан, но и трус!

Самодовольно выпятив живот, Боврэ ждал ответа.

Мгновение Сен-Жермен боролся с искушением придушить на месте пьяного дурака. Затем он ответил, и его звучный голос разнесся по всему помещению.

— Я всегда считал, что, пребывая в чужой стране, благородный человек должен вести себя, как положено гостю: уважать обычаи и нравы хозяев. Но и хозяевам надлежит держаться с гостями учтиво. В данном случае я — гость, вы — хозяин. Вы совершенно правы: я не француз.

Граф почувствовал враждебную настороженность публики и, внутренне усмехнувшись, нанес удар.

— Я приехал в Париж поучиться хорошим манерам. Французский вкус и французское обхождение составляют главное достояние той страны, потому-то люди со всех концов света и стремятся сюда. Но у вас, сударь, увя, учиться мне нечему. А потому разговор этот следует прекратить.

— Готов! — воскликнул один из теснящихся в дверях кавалеров и отсалютовал графу воображаемой шпагой.

— Вы от меня так не отделаетесь! — попытался вернуть ситуацию к исходной Боврэ, однако было уже поздно: он упустил момент. Приятель, стоявший рядом, потянул его за рукав к выходу, но барон раздраженно отдернул руку.

— Если бы в ваших жилах текла благородная кровь, вы бы потребовали удовлетворения.

— Кровавопролитием эта дуэль грозит только вам, — понизив голос, ответил граф, но слова его были слышны всем

присутствующим. — Ваша смерть мне чести не принесет. Вы будете убиты, не нарывайтесь.

Глаза Боврэ злобно сверкнули.

— Вы пожалеете об этих словах! — Барон повернулся к своим приятелям. — Что-то у меня пропал аппетит. Здесь воняет простолудином.

Он круто развернулся на каблуках и вышел из залы. Вся компания, теснясь и толкаясь, потянулась за ним. Все прочие занялись своими тарелками. Инцидент был исчерпан.

— Я должен извиниться за дядюшку, граф, — сказал, робко кланяясь, отставший от своих сотоварищей молодой человек. — Иногда он бывает словно бы не в себе.

«В данном случае он был в себе, — подумалось Сен-Жермену. — Не в себе этот олух бывает, когда пытается скрыть свою сущность под маской несвойственного ему благородства».

— Ваш родич уже не молод. Возможно, вам сто́ит за ним приглядеть. Постарайтесь, чтобы он ушел отсюда пораньше.

Юноша кивнул.

— Это какой-то кошмар. Он провел сегодня полдня с Сен-Себастьяном.

В разговоре возникла неловкая пауза. Сен-Жермен отметил с неудовольствием, что в буфетной вновь воцарилась мертвая тишина.

— Боюсь, что Сен-Себастьян вернулся в Париж, — добавил юноша с нервным жестом. — Мы просили дядюшку к нему не ходить, но в молодости они очень дружили и... ну и...

— Я понимаю, что вы в затруднительном положении. Тяжело племяннику с таким дядюшкой, а?

— О да! — Молодой человек одарил Сен-Жермена благодарной улыбкой. — Он все еще почитается главою семейства, хотя состояние давным-давно ушло из его рук...

Юноша прервался на середине фразы.

Сен-Жермен мягко кивнул. Разговор начинал ему надоедать.

— Тут может помочь только терпение, — пробормотал он и добавил с легким поклоном: — Вас, кажется, заждались ваши друзья.

Молодой человек с сияющим видом поклонился в ответ и произнес:

— Я рад, что вы не держите на дядюшку зла, я очень вам благодарен! И приму все меры к тому, чтобы ничто вас больше не беспокоило.

— Да неужели? — тихо произнес Сен-Жермен, когда юноша удалился. Ему не доводилось прежде встречаться с де Ле Радо. Молва утверждала, что манеры молодого барона гораздо тоньше, чем его ум, и это походило на правду.

— Граф, — окликнула его де Кресси, почувствовав, что неловкая ситуация окончательно разрешилась. — Вы не хотите присесть?

Она вдруг смутилась. Внимательный взгляд этого странного человека опять вселил в нее беспокойство.

— Прошу извинить, мадам, я вынужден вас покинуть, — задумчиво отозвался граф. — Но, с вашего позволения, я опять присоединюсь к вам... позднее. Вы не обидитесь, если я приведу сюда графиню д'Аржаньяк? С ней, полагаю, вам точно не будет скучно.

Лицо де Кресси вспыхнуло.

— Клодия? Она здесь?

— Я видел ее около часа назад. Похоже, теперь у нее под крылышком находится какая-то провинциалка, но я убежден: она не позволит какой-нибудь деревенщине очень уж вам докучать.

— Ах, граф, подчас совершенно невозможно понять, шутите вы или говорите серьезно! Немедленно ведите сюда графиню! Я уверена, ее родственница меня очарует! Во всяком случае, хотя бы ради самой Клодии я постараюсь прийти от нее в полный восторг.

Мило улыбнувшись, женщина вновь склонилась к тарелке, а Сен-Жермен отправился на поиски Клодии д'Аржаньяк.

Он нашел ее в бальном зале и заявил с улыбкой, что уже настало время перекусить и что один известный ей кавалер охотно готов сопроводить гранд-даму в буфетную. О де Кресси Сен-Жермен предпочел умолчать, полагая, что встреча с подругой явится для графини приятным сюрпризом. Графиня приняла предложение известного ей кавалера, но объяснила ему, что им обоим следует обождать, пока одно юное создание не натанцует до полного изнеможения.

— Я думала, бедное дитя рехнется от страха. Девочка впервые в Париже и совсем потерялась, увидев такую толпу. Она поначалу решила, что ее не заметят.

Графиня издала короткий смешок.

Сен-Жермен любезно улыбнулся в ответ. Клодия д'Аржаньяк ему нравилась. Он знал, что за ее легкомысленными манерами скрывается здравый и проницательный ум.

— Кто же эта бедняжка?

— Отнюдь не бедняжка, граф. Это единственная дочь моего старшего брата Робера, маркиза де Монталье. Он покинул Париж много лет назад, так что вы с ним не знакомы.

Сен-Жермен снисходительно наклонил голову — с особой, исполненной величавости грацией, присущей лишь ему одному. Этот кивок словно бы возвышал его над окружающими, хотя граф был и не очень высок. Имея такой жест в арсенале, даже с принцами крови при надобности можно было разговаривать свысока.

— Где же она?

— Танцует. Боже, ну и столпотворение!

— Опишите ее. Я тоже попробую принять участие в поисках.

Графиня приподнялась на цыпочки и всмотрелась в бурлящий круговорот лиц и фигур.

— Она в венецианском платье цвета лаванды... поверх итальянской узорчатой юбки... на шее кольцо из гранатов и бриллиантов. Да что ж это за морокка! — Клодия с досадой захолопнула веер.

— Рассмотреть человека, кружащегося на карусели, можно, лишь усевшись на эту же карусель,— посмеиваясь, заявил Сен-Жермен.

— Вон она! — воскликнула вдруг графиня. — Возле третьей колонны, под канделябром. Танцует с виконтом де Бельфоном.

— С господином в голубом атласном камзоле? — уточнил Сен-Жермен.

— Да. Ее зовут Мадлен Роксана Бертранда де Монталье...

Графиня еще говорила что-то, но он уже не слышал ее.

Под третьим от двери канделябром Мадлен Роксана Бертранда де Монталье завершала танцевальное па. Темные брови кофейного цвета, смеющиеся фиалковые глаза. Чуть худощава, чуть угловата... но вот Мадлен Роксана вздернула подбородок и...

У Сен-Жермена перехватило дыхание.

— Я предвещаю ей огромный успех в обществе, Клодия,— медленно произнес он, наблюдая, как девушка склоняется в реверансе, благодаря кавалера за танец.

Графиня опустила веки, скрывая довольство.

— Пойдемте, я вас представляю. А затем можно будет отправиться туда, куда вы нас приглашали. Уверена, что Мадлен не откажется перекусить. Даже я успела проголодаться, а мне ведь не приходилось вертеться туда-сюда.

Они уже пробирались сквозь толпу, неохотно растекавшуюся по залу. Сен-Жермен шел за графиней, приветствуя знакомых наклонами головы.

— Ну вот и Мадлен! — живо воскликнула графиня, приблизившись к спокойно стоявшей возле колонны племяннице. — Дорогая, ты только взгляни. Со мной один господин, умирающий от желания с тобой познакомиться. Я упоминала о нем в письмах. Это граф Сен-Жермен. Граф, позвольте представить вам мою племянницу Мадлен де Монталье.

Сен-Жермен склонился над маленькой ручкой юной провинциалки.

— Очарован,— выдохнул он и улыбнулся, увидев, как яркая краска румянца заливает ее лицо.

Отрывок из письма мадам Люсьен де Кресси к своей сестре аббатисе Доминик де ла Тристесс дез Анж.

«6 октября 1743 года.

...Сны, о которых я тебе уже не однажды писала, все продолжают, однако я ничего не могу с этим поделать. Иногда мне кажется, что даже и не хочу. Я молилась, но все напрасно. Я пыталась рассказать о них мужу, но его, разумеется, мой рассказ лишь насмешил. “Заведи любовника,— буркнул он,— и перестанешь думать о смерти”. Но не смерть преследует меня, Доминик. Я не знаю что, но не смерть.

По твоему совету я сходила к духовнику. Он сказал, что грех стучит в мои двери и что мне следует молить Бога о помощи. Он обещал, что и сам помолится за меня. Еще почтенный аббат намекнул, что женщине в моем возрасте пора бы иметь ребенка и что, стань я матерью, преследующее меня наваждение прошло бы само собой. Мне сделалось стыдно, я не стала ему объяснять, в какой позорный тупик зашли мои отношения с мужем. Эшил утверждает, что он эллин как по имени, так и по духу и что в Афинах все его гнусности почитались бы за невинные шалости. Муж на словах дает мне свободу, но, заведи я ребенка от кого-то другого, он тут же заклеит меня как распутницу. Можешь не сомневаться, все так и произойдет. Таким образом, я обречена на бездетность, и советы доброго аббата мне, увы, ни к чему.

Граф Сен-Жермен, о котором я тебе тоже писала, прислал мне три своих новых рондо. Игра на виоле — мое

единственное утешение. Возможно, я даже осмелюсь сочинить что-то сама, раз уж все мое время не заполнено почти что ничем.

По настоянию Сен-Жермена я заказала у Маттеи виолончель. Я уже брала уроки игры на этом удивительном инструменте и была просто поражена. По форме он напоминает скрипку, но его держат между колен, как виолу да гамба*. Однако звучит он совсем не так, как виола, и поначалу меня это смущало. Теперь же все сомнения позади. Виолончель определенно откроет передо мной дорогу к чему-то еще не изведанному. Как-нибудь я приеду с ней в твой монастырь и сыграю — ты тоже будешь поражена.

...Я надеюсь, что Божией милостью с тобой все благополучно. Прошу, молись о моих сновидениях, и я перестану просыпаться с душой, переполненной страхом и нечистым восторгом. Я стыжусь такое писать, но это правда. Уже трижды я побывала на вершинах экстаза и всякий раз, просыпаясь, ужасалась сама себе. Но вечерами теперь, когда Эшил уходит к приятелям, все мое тело изнывает от предвкушения наслаждения. Что мне делать, если меня предает собственная плоть?

Пять лет назад, когда отец отправил тебя в монастырь, вместо того чтобы выдать замуж, я сочла его деспотом. Сегодня я сожалею, что он не проделал того же со мной. Он рассудил, что для девушки с изуродованной ступней (как будто кто-либо, кроме мужа, увидит ее) нет иного удела, чем постриг. Впрочем, ты и сама отчасти виновата в том, что произошло. Ты ведь всегда утверждала, что церковь — твое истинное призвание, но, когда я теперь вспоминаю, как мы рыдали перед твоим отъездом, сердце мое сжимается от тревоги. И отец, умирая, признался, что твоя участь никогда не переставала его беспокоить. Ах, скажи мне, что ты счастлива, моя

* Виола да гамба — струнный смычковый инструмент, вертикально располагаемый при игре.

дорогая сестра! Я хочу верить, что хотя бы одной из нас повезло. И все же я никогда не считала, что физический недостаток может помешать тебе по-иному устроить свою судьбу.

Будь снисходительна ко мне, моя Доминик. Сегодня вечером у меня словно мутится рассудок. Если бы ты видела Эшила с Боврэ и в компании ему подобных развратников, с тобой происходило бы то же. Я сейчас совершенно беспомощна. Мне остается только сидеть и ждать, когда придут заказанная виолончель и этюды, которые обещал сочинить для меня Сен-Жермен. Возможно, это поздняя ночь водит моей рукой по бумаге и потому у меня получается Бог знает что. Общение с Эшилом не позволяет мне быть беспристрастной в суждениях. Матушка не зря говорила, что глупо переживать из-за вещей, которые нельзя изменить. А Эшил определенно измениться не может. Что ж, у меня остается музыка. Я более счастлива, чем Клодия д'Аржаньяк. У нее тоже нет детей, зато есть муж-картежник, приведший в расстройство свои денежные дела. Состояние Эшила пока не затронут, и ему все равно, на что я трачу деньги, пока это не ущемляет его интересов.

Доброй ночи, дорогая сестра. Да познаешь ты покой, который превьшие мирской суеты, и да будут твои сны безмятежны. С нежной привязанностью и покаянной любовью остаюсь твоей преданной сестрой,

Люсьен де Кресси».

ГЛАВА 3

Графиня д'Аржаньяк завтракала, когда в столовую вошла Мадлен де Монталье.

— А, доброе утро, милая. Надеюсь, ты хорошо спала?

— Да, тетушка. Мне снился прекраснейший сон, — с улыбкой ответила Мадлен.

— Неудивительно... после всего вчерашнего.

Графиня усмехнулась, знаком приглашая племянницу сесть.

— Взгляни-ка, что тебе тут по вкусу? Вот пирожки, фрукты. Если прикажешь, повар приготовит омлет. Юным девушкам надо питаться получше.

— То же самое говорил вчера Сен-Жермен, угощая меня сразу двумя порциями паштета.

Мадлен села за стол. Солнечный свет сквозь переплет окна осыпал золотистыми пятнами ее простенькое домашнее платье.

— Если это не причинит излишнего беспокойства, я хотела бы выпить чашку китайского чая, присланного отцом.

Она взяла яблоко из фарфоровой корзиночки, стоящей в центре стола, и принялась острым ножичком резать его на дольки.

— Ну разумеется, дорогая.

Не поворачиваясь, графиня махнула рукой лакею, стоящему у нее за спиной. Тот поклонился и вышел.

— Попробуй вот это,— сказала она Мадлен, передавая ей через стол блюдо со сдобными пирожками.— Лимоны для начинки взяты из оранжерей мужа. Он обещал, что вскоре мы будем есть персики круглый год.

— А где же сам дядюшка? Вчера он как ушел от нас, так и пропал, хотя говорил, что уходит совсем ненадолго.

Лицо графини на мгновение помрачнело.

— Граф был в других комнатах со своими друзьями. Он, моя милая, обожает азартные игры. Этот грех когда-нибудь погубит его. Порой я просто умираю от беспокойства.

Графиня поднесла к губам салфетку.

— Впрочем, это все пустяки. У меня есть собственное состояние и владения, которым он не хозяин. Хочет разориться — его дело, пускай... Но, думаю, в трудную минуту я смогу оказать ему кое-какую поддержку...

Она вздохнула и поднесла к губам чашку горячего шоколада. Потом, сделав глоток, поставила ее обратно на стол.

— Так вы несчастливы, тетушка? — вид у Мадлен был потрясенный.

— Я стараюсь довольствоваться тем, что у меня есть. Разумная женщина не может не помнить, что в жизни может случиться всякое. Не нужно далеко ходить, чтобы найти тому подтверждения. Помнишь даму, с которой мы ужинали вчера?

Взгляд Мадлен затуманился.

— Мадам де Кресси? Она выглядела такой печальной и погруженной в себя...

— Она недавно переболела,— спокойно сказала графиня.— Когда-нибудь ты будешь иметь несчастье познакомиться с ее мужем. Он... Не хотелось бы шокировать тебя, дорогая, но есть вещи, которых тебе следует остерегаться, и потому о них придется сказать. Видишь ли, существуют мужчины, которые к женщинам равнодушны...

Девушка с жаром кивнула.

— Добрые сестры рассказывали мне о таких. Это святые отцы или те люди, что с истинным рвением бегут от искушений мира сего, дабы возвыситься духом и усмирить свою плоть...

Графиня весьма невежливо ее прервала:

— Я не говорю о попах. Хотя и среди них попадаются приверженцы... хм... оригинальных стремлений...

Она еще раз сердито хмыкнула и пустилась в дальнейшие пояснения.

— Я говорю о том, что творится в мире. Существуют мужчины, которых влечет не к женщинам, а друг к другу, их великое множество — ты еще услышишь о них. Среди них порой встречаются знатные и уважаемые персоны. Таков, например, герцог де Мирабо. Я уверена: он общается с женщинами не чаще, чем Эшил Кресси. Но в отличие от эгоистичного, себялюбивого Эшила, доставляющего столько несчастий бедняжке Люсьен,— печально добавила гра-

финя, и легкий румянец проступил на ее щеках, — герцог очень добр, порядочен и любезен. Вот человек, какому можно безоглядно довериться. Злые языки зря болтают, что он стремится к примирению с Англией лишь потому, что боится за свои английские владения. Уверяю тебя: это не так.

Графиня встряхнула головой.

— Ты скоро познакомишься с ним. Если не брать в расчет интимные предпочтения, герцог не больше походит на Эшила, чем я — на вчерашнюю испанскую баронессу.

Помолчав, она добавила с неожиданной пылкостью:

— Говоря по правде, мне думается, что Мирабо и Кресси даже в тайных пристрастиях несколько не схожи. Различия между этими людьми чересчур велики.

Задумчиво глядя в окно, Мадлен заметила:

— Я слыхала, милая тетушка, что порой даже супруги в своих пристрастиях очень рознятся между собой.

Графиня энергично кивнула.

— О да, супружество — тонкая вещь. Однако, сделай мне Мирабо предложение в свое время, я не колебалась бы ни минуты.

Подметив, что племянница шокирована, тетушка усмехнулась.

— Уверяю тебя, из него вышел бы восхитительный муж. Он замечательный друг, обаятельный и искренний человек. Отнюдь не о многих мужчинах можно сказать такое. А если женщины в определенном смысле не привлекают его, ну что ж... есть немало и обычных мужей, пренебрегающих женами. Так ли уж важно, к любовнику или к любовнице уходит ночами супруг?

Мадлен взяла было пирожок с лимонной начинкой, но тут же отложила его в сторону.

— Но... зачем же тогда подобным людям жениться? И стоит ли выходить за них замуж? Все равно ни к чему хорошему это не приведет.

— Это жизнь, дорогая. Когда дело касается денег, поместий, недвижимости — супружество может сулить не-

малые выгоды заключающим брак сторонам. В подобных обстоятельствах отсутствие взаимной привязанности мало что значит. Равно как и наличие таковой.

Голос Клодии посуровел, а в глазах появилось жесткое выражение, которое могло бы встревожить ее юную соседницу, если бы та потрудились оторвать взгляд от стола.

— Дорогая, брак для нашей сестры — необходимость. Мужчины могут без него обойтись, но женщины — нет. Женщина всегда либо мать, либо нянька, либо любовница. Либо... чья-нибудь тетушка, — добавила она с коротким смешком. — Иначе нам грозит участь превратиться в бесполезный балласт.

Мадлен сосредоточенно пыталась собрать дольки яблока в единое целое.

— Все это... как-то очень уж безотрадно.

— Ах, Боже ты мой! — воскликнула графиня с иронией. — Теперь ты будешь считать меня мученицей, а я ведь вовсе не такова. Послушай, Мадлен, — с преувеличенной оживленностью сказала она, — на свете можно жить не только для мужа. Надо только быть осмотрительной в выборе кавалеров.

Она потянулась за шоколадом. Дверь столовой приотворилась и вновь закрылась, впуслав лакея, бесшумно закрывшего свой пост.

Мадлен поняла, что разговор окончен, но ее любопытство полностью не унялось.

— Зачем вы рассказали мне об этих мужчинах, мадам?

Графиня подняла бровь.

— Вчера ты танцевала с Бельфоном, и мне не хотелось бы, чтобы этому знакомству придавалось слишком большое значение.

— Он... он разве один из тех?.. — недоверчиво спросила Мадлен. Маленький нож, звякнув, упал на тарелку.

— Поговаривают. И компания, в какой он встречается, имеет дурную славу.

Графиня допила шоколад, протянула руку к вазе с фруктами и взяла апельсин.

— В глазах твоего отца Бельфон не будет желательным женихом, даже если вознамерится сделать тебе предложение. Он слишком близок к Боврэ и его кругу.

— К Боврэ? — Мадлен задумчиво положила в рот кусочек немилосердно искромсанного ею плода. — Это тот старичок в смехотворном камзоле? Дядюшка барона де Ле Радо?

— Ты виделась с Ле Радо? — быстро спросила Клодия. — Когда же?

— Когда вы ушли в соседнюю залу посмотреть на игру. Де Бельфон нас представил, и я танцевала с ним. Он пре-
мил танцует.

— Так ты познакомилась и с Боврэ?

Случилось то, чего не должно было произойти, осознала графиня. Но как же все это вышло? Она ведь дала брату слово держать Мадлен в отдалении от Боврэ.

Девушка почувствовала, что ее наставница чем-то расстроена.

— Нет, мадам. Де Ле Радо лишь показал мне своего дядюшку издалека. Он пояснил, что того не было в Париже семь лет и поэтому его костюм так старомоден.

Графиня нетерпеливо притопнула ногой.

— Полэн! — вскричала она. — Долго ли нам еще ждать? Сейчас же сходите и посмотрите, готов ли чай для моей племянницы, и если готов, принесите его.

Кивком отпустив лакея, дама обратилась к Мадлен:

— Не хочу говорить об этом в присутствии слуг. Ты должна держаться подальше от Боврэ, дорогая. Понимаешь, как можно дальше. Он злейший враг твоего отца. Сам старикашка, возможно, и полный дурак, но он закадычный друг некоего Сен-Себастьяна, а худшего знакомства для вашего дома себе и представить нельзя.

Мадлен широко раскрыла глаза.

— Но я не понимаю...

— Много лет назад, — продолжала графиня, — еще до твоего рождения, разразился ужасный скандал. Его быстро замяли, поскольку в нем были замешаны высокопо-

ставленные особы. Но в то время мы все были просто в ужасе. Этот скандал и заставил твоего отца покинуть Париж.

— Так я и знала!

Мадлен подалась вперед. Шелковые ленты на груди девушки затрепетали, корсаж внезапно показался ей слишком тугим.

— Я подозревала, что батюшка говорит мне не все! Он всегда оправдывал свой отъезд из столицы усталостью и нежеланием вести светскую жизнь, но, глядя на его постоянную опечаленность, в это трудно было поверить.

Графиня вздохнула. Видно было, что разговор с дочерью брата дается ей не без труда.

— Ты, разумеется, слышала о любовнице прежнего короля — мадам де Монтеспан?* Ее некогда обвиняли в связи с ведьмами и отравительницами. Правда, расследования ничего не дали, но именно в то время по Парижу и поползли слухи о черных мессах, спаси нас Господь! — Она перекрестилась. — В конце концов Монтеспан вышла из милости у короля, а со временем, говорят, сделалась чрезвычайно набожной. Но нечистые служения продолжались, и след привел к Сен-Себастьяну с Боврэ, а от них и к десятку знатных юнцов. Мой брат, твой будущий батюшка, также оказался к этому как-то примешан, но он спешно покинул двор, и потому его тревожить не стали...

Вошел лакей, и графиня умолкла.

— Чай, мадам, — объявил Полэн, ставя на стол английский фаянсовый чайник. — Мадемуазель будет пить его с молоком? — спросил он тоном, ясно показывавшим, насколько не по душе ему этот иностранный обычай.

— Китайский чай пьется без молока, — высокомерно произнесла девушка. — Тем не менее благодарю вас.

* Маркиза де Монтеспан — с 1667 по 1681 год некоронованная королева Франции, фаворитка Людовика XIV. Родила ему восемь детей, из которых четверо достигли зрелого возраста.

Полэн поклонился и вернулся к двери.

Мадлен не понадобилось много времени, чтобы смириться с неприятными новостями. Когда она снова заговорила, в ее голосе не было ни огорчения, ни тревоги.

— Слухи всегда только слухи, мадам. Но теперь я понимаю, почему мое поведение не должно подавать к ним ни малейшего повода.

— Вот и умница,— сказала графиня. Ее симпатия к племяннице все возрастала. Несмотря на свою юность и провинциальное воспитание, та вовсе не казалась ни глупенькой, ни наивной.— Я знала, что ты все поймешь.

Мадлен с аппетитом накупила пирожок с лимоном и, расправившись с ним, взялась за второй. Когда и с тем было покончено, она спокойно произнесла:

— Расскажите мне о Сен-Жермене.

Довольная, что разговор вернулся на безопасную почву, графиня рассмеялась.

— Он и тебя обворожил? Предупреждаю, что по нему давно и напрасно печалятся многие девицы и дамы.

Мадлен задумчиво прихлебнула чай.

— Я слышала, у него нет любовницы. Не из тех ли он мужчин, против которых вы меня предостерегали сейчас?

— Понятия не имею. Да это, собственно, и не важно.— Графиня занялась апельсином.— Тонкий ум, любезное обхождение! Разумеется, мы все очарованы. А какие дивные истории он рассказывал нам вчера! И эти глаза... В них просто тонешь.

— Да, говорил он вчера много,— заметила Мадлен, задумчиво постукивая ноготками по ободку фарфоровой чашки,— но так ничего и не съел.

— Ага, ты тоже заметила? Это одна из его причуд. Он никогда не ест в обществе. Я ни разу не видела, чтобы он взял что-нибудь в рот или выпил, хотя частенько сживала с ним за столом. Думаю, граф так делает, чтобы лишний раз дать понять окружающим, какой он загадочный человек. Меня же он уверяет, что просто стесняется своей не-

имоверной прозорливости, которая может всех от него отпугнуть.

Графиня расхохоталась, и смех ее был весел и беззаботен.

— Ужасно забавно наблюдать, как светские дуручки клают на его любезности. Те, что еще не знают, что им не стоит принимать его комплименты всерьез.

— Разве его словам не следует верить?

В вырвавшемся у Мадлен восклицании прозвучало откровенное разочарование. То, что граф наговорил ей вчера, до сих пор отдавалось в ушах сладкой музыкой. Неужели же все это не более чем пустые дежурные фразы?

— Ну-ну, девочка,— усмехнулась ласково Клодия.— Все, что он нашептал в твои прелестные ушки, не расходится с его мнением о тебе. Граф большой ценитель прекрасного, ты произвела на него огромное впечатление. Я сама это видела, да и он успел мне сказать кое-что. Но ожидать какого-то развития ситуации — неумно и, в общем-то, незачем. В конце концов, никто ведь не знает в точности, кто он такой. Будет чрезвычайно досадно, если негодник Боврэ окажется прав и выяснится, что наш загадочный Сен-Жермен всего лишь бродячий фокусник, а не заколдованный принц.

Мадлен машинально прихлебывала ароматный напиток, глядя перед собой невидящими глазами.

— Но он — граф,— возразила она.— Все так считают.

— Да-да,— графиня с серьезным видом кивнула.— Да и как не считать? Манеры его безупречны, костюмы изысканны. Ты бы видела, какой у него экипаж! А четыре лакея в роскошных ливреях? А шелковые жилеты? Он меняет их ежедневно и на моей памяти ни разу не показавшись в том, что уже надевал. Очевидно одно: кем бы этот человек ни был, он сказочно богат. Помню, я чуть не ослепла, взглянув на его туфли.

Положив в рот последнюю дольку апельсина, Клодия добавила:

— В любом случае его общество ничем тебе не грозит. Совсем неплохо, если тебя будут с ним видеть, поскольку

граф сейчас в большой моде. Главное, не переходи известных границ.

Мадлен сделала разочарованную гримаску.

— Я понимаю. Но все-таки неприятно — подозревать в блестящем аристократе плута.

— Я же не говорю, что он и вправду таков. Просто есть обстоятельства, дающие пищу сомнениям. — Графиня мгновение колебалась. — Ну, например, не странно ли, что у него абсолютно нет родственников? Родня есть у всех.

— Нет? — нахмурилась Мадлен.

— Нет, — подтвердила Клодия. — А ведь граф очень богат. — Она потянулась за салфеткой, лежавшей у нее на коленях. — Разумеется, он не француз, но никто из людей, поездивших по Европе, не может похвастать знакомством с его родней.

— Откуда же он родом?

Мадлен подлила себе чаю и протянула чайник графине.

— Спасибо, дорогая, не надо. Я не переносу чай.

Мысли графини унеслись далеко, потом вернулись к заданному вопросу.

— Где его родина, также никому не известно. Одно очевидно: граф много странствовал и объездил весь свет. Его знание языков поразительно: он говорит чуть ли не на всех наречиях мира. С русскими он русский, с арабами он араб. Такое свойственно капитанам дальних плаваний или торговцам.

Она помолчала и с озадаченным видом добавила:

— Конечно, случается всякое, но я готова прозакладывать все свои драгоценности, что изысканные манеры не приобретаются на палубе корабля.

— Я слыхала, маркиза де Нуази давала графу свои бриллианты, и он их увеличил в размерах, — заметила вдруг Мадлен, водя пальцем по скатерти.

— Да, я об этом тоже слыхала. И не только слыхала, а сама видела эти камни — они определенно стали крупнее.

Разумеется, граф мог бриллианты и подменить. Но зачем это ему? Какая в том польза?

Она нетерпеливо встряхнулась, словно бы отстраняясь от всего сказанного, и совершенно другим тоном произнесла:

— Я собираюсь на прогулку и велела к полудню заложить экипаж. Если желаешь, можешь присоединиться ко мне. А к вечеру нас ожидают у герцогини де Лион. Туда, хочешь не хочешь, я повезу тебя обязательно.

Бросив рассеянный взгляд за окно, Мадлен покорно кивнула.

— Тетушка, располагайте мной, как вам будет угодно. Жаль только, что моя лошадка осталась в Провансе. Было бы так чудесно прогуляться верхом.

Вид у девушки был удрученный, и Клодии захотелось ее подбодрить.

— Ну, эту беду мы поправим, — сказала она. — Сама я трястись в седле не люблю, но для тебя в нашей конюшне сыщется какая-нибудь кобылка. Полагаю, ты сумеешь управиться с ней...

— О, безусловно, мадам! Моя Шани довольно норовиста, но мне всегда подчинялась. Больше всего я любила пускать ее вскачь. Ах, как это весело — нестись не разбирая дороги! Милая тетушка, вы просто чудо, и я вас очень люблю!

Лицо девушки просветлело, но Клодия внезапно встревожилась.

— Помилуй, Мадлен, ты же не собираешься передавать всех парижских прохожих? Теперь я даже не знаю, стоит ли это все затевать. — Немного поколебавшись, графиня пришла к половинчатому решению. — Я прикажу конюху поглядеть на тебя. Если он сочтет, что твой опыт достаточен...

Мадлен сделала большие глаза.

— О, тетушка, не сомневайтесь, все будет в порядке! Просто верховые прогулки позволяют мне чувствовать себя здесь не очень чужой.

— Ну, быть по-твоему.

Графиня встала из-за стола, с удовольствием глядя на оживившуюся племянницу. Чужой? Ишь чего выдумала, чтобы улестить свою тетку! Не пройдет и недели, как эта малышка совершенно освоится тут.

— Кстати, что ты наденешь вечером?

— Еще не знаю,— пожала плечами девушка.

— Я бы тебе посоветовала выбрать платье из вишневого атласа. Оно отлично подойдет к случаю, ты всех поразит. Ужасно досадно, что придется припудривать такие чудесные волосы, но, увы, этого не избежать.

— А что мне выбрать из украшений? — кивнув, спросила Мадлен.

— Достаточно будет гранатов.

— Увы,— лицо Мадлен омрачилось.— Сегодня утром Кассандра сказала, что гранатовый гарнитур поврежден. Один из замочков сломался. Он даже оцарапал меня.

Прелестную шейку девушки облегла кружевная оборка, и ранка была не видна.

— Жаль,— покачала головой Клодия.— Тогда надень бриллиантовое кольцо. Оно тоже тебя не испортит.

— Отлично, тетушка! Я так и поступаю!

Мадлен вдруг сорвалась со своего места и, подскочив к графине, пылко ее обняла.

— Батюшка очень тревожился, отпуская меня сюда, а я несказанно рада. И бесконечно вам благодарна за вашу ко мне доброту.

Смущенная этой вспышкой и очень ею довольная, графиня сморщила нос.

— Ну-ну,— проворчала она,— быть доброй к такой разумнице и красавице совершенно не трудно. Отпусти меня, дорогая. Нам надо переодеться для прогулки, и это тоже следует обсудить.

Письмо Беверли Саттина к Францу Иосифу Ракоци, трансильванскому князю. Написано по-английски.

«8 октября 1743 года.

Ваше высочество!

Имею удовольствие сообщить, что хлопоты, предпринятые известным вам господином, увенчались успехом.

Вечером 9 октября в известном месте вас будут ждать необходимые документы. Мы же с моими сотоварищами надеемся, что ваше высочество не преминет выполнить все условия сделки со своей стороны.

Выражая уверенность, что все начинания ваши приведут вас к намеченной цели, имею честь оставаться вашим нижайшим слугой,

Беверли Саттин, маг».

ГЛАВА 4

Клотэр де Сен-Себастьян, испустив тяжкий вздох, откинулся на подушки кареты. Беседа с де Ле Радо не порадовала его. Юнец уперся: он не желал передать ключи от сундуков с лудорами дядюшке, как его ни улаждали.

Карета резко качнулась, угодив в рытвину, и Сен-Себастьян выругался. Мало того, что ему не удалось пожить-ся, так неизвестно еще, состоится ли что-нибудь вообще. В свое время Эшил Кресси мог ручаться за свою красотку-невесту, но имел глупость утратить ее расположение, когда та стала ему женой. Захочет ли теперь Люсьен прийти к ним, чтобы по доброй воле стать и алтарем, и жертвой будущего обряда? Сен-Себастьян нетерпеливо сжал длинную трость. Ему нужна эта женщина. Цель близка, и он не потерпит никаких проволочек.

Мысли Сен-Себастьяна обратились к предстоящему шабашу. Он не проводил этих действий уже более шести лет и

чувствовал, что его сила ослабла. Ему срочно нужно было подпитать собственное могущество кровью и страхом. Клотэр представил себе стройное тело обнаженной Люсьен де Кресси. Он будет первым, он вберет ее молодость, словно пчела нектар, а после того как все члены круга натешатся с ней, возьмет красотку еще раз. А потом, в День всех святых, он вонзит ей в горло кинжал, и поток горячей крови хлынет в чашу в момент экстаза...

Внезапно карета вновь покачнулась и встала. Сен-Себастьян, разозлившись, высунулся из окна.

— Ну, в чем дело? — крикнул он кучеру.

— Прошу прощения, господин, — пробормотал кучер, серея от страха.

Выражение лица господина сделалось хищным.

— Нехорошо, мой друг. Очень плохо. Передай вожжи конюху и спускайся сюда. Да поживее!

Сен-Себастьян вылез из кареты, сжимая в руках трость.

— Я не собираюсь повторять дважды.

Очень медленно кучер спустился с козел на землю и склонился перед хозяином.

— Я хотел сделать как лучше, — жалобно произнес он, пытаясь оттянуть миг расправы. — По дороге брели нищие. Они могли попасть под копыта.

— Так переехал бы их!

Сен-Себастьян поигрывал тростью, поглаживая ее тяжелей, оправаленный в серебро набалдашник.

— Лошади могли покалечиться. Я боялся за лошадей, господин.

— Ты лжешь.

Страшный удар обрушился на плечи бедняги. Сен-Себастьян, скривив губы, выслушал вопль.

— Ложись на дорогу, — коротко приказал он.

Кучер попятился и завертел головой, корчась от боли и страха.

— Нет, господин, нет!

На этот раз мучитель целил в колено. Хрустнула кость. Кучер взвыл и упал. Сен-Себастьян снова взмахнул тростью.

Кровь пропитала суконные бриджи несчастного, полилась на дорогу. Сен-Себастьян облизнул губы. Он стоял и смотрел. Глаза его подернулись мечтательной дымкой. Посто-яв так с минуту, Клотэр отвернулся от жертвы и забрался в карету.

— Поехали! — крикнул он окаменевшему от ужаса конюху.

— Но как же кучер? — попробовал заикнуться тот.

— А зачем нам калека? — ласково спросил Сен-Себастьян.

Он выглянул в окно, угрожающим взглядом обвел группу оцепеневших прохожих и громко заметил:

— Кое-кому хорошо бы ослепнуть.

Дорога вмиг опустела.

— Я не люблю повторять что-либо дважды. Пошел!

Конюх трясущимися руками схватился за вожжи. Карета тронулась.

Кучер проводил ее затуманенным взглядом. От сильной боли его мутило; колени при каждой попытке пошевелиться словно обжигало огнем. Он призывал все кары небесные на голову своего истязателя, но не задумываясь пошел бы к нему в вечную кабалу, если бы это могло вернуть ему ноги. Униженный, искалеченный, кому он нужен без ног? Скорей бы проехал какой-нибудь экипаж и раздавил червяка, ворочающегося в дорожной пыли...

На его лицо упала тень, и кто-то спросил:

— Эй, как вы?

Неизвестный говорил по-французски, но с легким акцентом. Кучер поднял глаза и увидел мужчину в ливрее табачного цвета — должно быть, лакея какой-нибудь важной персоны.

— Я видел, что с вами произошло. — Не обращая внимания на грязь, мужчина встал на колени. — О, я вижу, тут в одиночку не справиться!

— Оставьте меня в покое!

— Если я это сделаю,— спокойно заявил незнакомец,— не пройдет и часа, как вы умрете. Либо вас раздавит карета, либо прирежут грабители.— Он осторожно притронулся к плечу пострадавшего.— Как вас зовут?

Отвечать не хотелось, но незнакомец ждал и уходить явно не собирался.

— Эркюль,— буркнул кучер.

— Отлично, Эркюль. Мое имя Роджер. Я сбегая за своими товарищами, и мы переправим вас в дом нашего господина, а тот уж посмотрит, чем вам помочь. Вам повезло: наш господин ставил на ноги и не таких.

Эркюль через силу усмехнулся.

— Твой господин вышвырнет меня за порог. Да и тебя, если ты вздумаешь притащить в дом калеку.

Роджер сделал успокоительный жест.

— Наш господин не таков. Однажды, несмотря на огромный риск, он приютил смертника, сбежавшего из-под стражи, а потом помог тому отомстить своему врагу.

— Сказки! — выкрикнул кучер.

— О нет, сударь, не сказки. Тем смертником был я.

Роджер встал.

— Я ненадолго вас покину, Эркюль. Не унывайте, я скоро.

Кучер едва не ответил грубостью неожиданному доброхоту, но через какое-то время ярость его улеглась. На смену ей пришло острое чувство страха. Легко капризничать, когда кто-то находится рядом. Но вот он остался совершенно один. Сейчас его переедет какой-нибудь экипаж или обнаружат грабители. Кто защитит беспомощного калеку? Париж рядом — лежащему были видны крыши домов, однако свидетели избиения разбежались, а Роджер ушел. Вернется ли он помочь пострадавшему? Или, рассказав несчастному сказочку, решит, что его совесть чиста?

По мере того как рос его страх, росла и его ненависть к Сен-Себастьяну. Эркюль чувствовал, что она буквально разъ-

едает мозг, и находил в этом мрачное удовлетворение. Ненависть дает человеку больше сил, чем отвага,— он сумел перекатиться к обочине, преодолевая страшную боль. Невыносимо пекло солнце, но природа дышала осенью, и порывы прохладного ветерка приносили какое-то облегчение. Он ощущал, как кровь покидает его жилы, но думал лишь об улыбке Сен-Себастьяна и клялся, если свершится чудо, навеки стереть эту улыбку с хищного, отвратительного лица.

И чудо свершилось! К нему подкатил сияющий лаком плоскостей экипаж, запряженный четверкой серых в яблоках рысаков. Даже в полубесчувственном состоянии кучер заметил, что кони просто великолепны. Он растерялся, когда распахнулась дверца: он поверить не мог, что это за ним.

Первым к нему кинулся Роджер.

— Вам не хуже?

— Вроде бы нет,— едва шевеля непослушным языком, ответил Эркюль.— Вот... переполз на обочину...

— Надо же, переполз,— удивился человек в туфлях с блестящими пряжками, вышедший из коляски вторым. Он присел возле несчастного, пачкая полы черного шелкового камзола в дорожной грязи.

— Ах, бедняга! Кто это тебя так отделал?

— Сен-Себастьян,— прошептал Эркюль, зачарованно глядя в бездонную глубину темных внимательных глаз.

— Сен-Себастьян! — повторил господин в черном.— Хм... Значит, Сен-Себастьян...

Повернувшись к лакею, он произнес:

— Роджер, ты поступил правильно. Доставь этого человека в отель. Там ему окажут первую помощь. Я займусь им позднее. Пусть раны промоют, но осторожно — нельзя чтобы кости сместились. И никаких перевязок. Только промывания и покой.

— Кто это? — спросил Эркюль, когда его переносили в коляску.

Господин в черном услышал и ответил сам, но довольно странно:

— Чаще всего в этом столетии меня называют граф Сен-Жермен.

«Я начинаю бредить», — подумал Эркюль.

Отрывок из письма графини д'Аржаньяк к брату, маркизу де Монталье.

«11 октября 1743 года.

...Третьего дня мы опять посещали музыкальный салон. Сен-Жермен написал несколько пьес для голоса и виолончели. Де Кресси как раз доставили заказанный инструмент, она чудно играла, пела же по настоянию автора наша Мадлен. Пьесы были очаровательны, дорогой брат. Даже такой строгий моралист, как ты, не нашел бы в них ничего предосудительного. Девочка наша сама себя превзошла. Люсьен Кресси выразила желание продолжать эти опыты, а публика принялась просить Сен-Жермена написать еще несколько подобных вещей. Он ответил, что не смеет лишать свет удовольствия хотя бы еще раз послушать такой прелестный дуэт, и, разумеется, согласился.

Можешь себе представить, каково нам было узнать, что в ту же ночь Люсьен Кресси тяжело заболела. По крайней мере, так утверждает Эшил. Должна признаться, я ему не очень-то верю. Он ведь из той же компании, что Сен-Себастьян и Боврэ. По слухам, в ночь на 9-е в особняке де Кресси что-то происходило. Некоторые говорят, что Эшил и его дружки как обычно предавались своим греховным утехам, но, мне кажется, дело куда серьезнее. Брат, можешь считать меня дурушкой, но ты не хуже меня знаешь, что за чудовище этот Сен-Себастьян. Поверь: я делаю все возможное, чтобы никто из этих людей не мог коснуться Мадлен даже взглядом.

Завтра вечером мы собираемся в отель “Трансильвания”. Не беспокойся, я не позволю Мадлен играть. Там ожидается обычный прием — с танцами, балетом и маленькой оперой, а игорные залы будут закрыты. В свете болтают, что отель “Трансильвания” намерен вступить в соперничество с отелем “Де Виль”. Не знаю, возможно ли это, но во всяком случае мы прекрасно проведем время. Завтра там соберется весь свет.

Должна поздравить тебя с прекрасной дочкой, Робер. Мадлен просто великолепна. Девочка держится очень изящно, она находчива и умна. Как-то за ужином Сен-Жермен стал развлекать нас рассказами о вампирах. Он пытался нагнать на собравшихся страху, но Мадлен прервала его, заявив, что бояться вампиров — величайшая глупость. Если этим несчастным так уж нужна чья-либо кровь, надо подсунуть им лошадь или ягненка. Видел бы ты, как изумился граф! Он поцеловал девочке руку и признал свое поражение.

Потом мы выпили по бокалу вина с баронессой де Миз. Подошедший барон, начитавшийся книг об итальянских художниках, принялся задавать нам загадки. Не успел он начать, как Мадлен мигом сообразила, что речь идет о Микеланджело, а точнее — о росписи Сикстинской капеллы. Добрым сестрам, учившим вашу дочурку, будет приятно об этом узнать. Барон восхитился. Он сказал, что столь образованных девушек еще не встречал и что полностью ею очарован. Мадлен — и ты, дорогой брат, не должны ее за это ругать — заявила, что ему стоило бы заехать в Прованс. Там жизнь барона превратилась бы в сплошное очарование.

Прими тысячу благодарностей за то, что ты все же решил прислать племянницу к нам. Будь уверен, время, которое она здесь проведет, пройдет не напрасно. Передай мои наилучшие пожелания госпоже маркизе и сообщи, что церковь Мадлен посещает исправно. Не думай, что, восхищенная успехами девочки, я позволяю ей пре-

небрегать заботами о спасении своей бессмертной души. Она делает это с истинным рвением, и ее духовник сообщил мне, что его радует чистота и невинность Мадлен. Этот достойный человек — наш родственник, известный своей набожностью, и, как я догадываюсь, ты ведешь переписку и с ним.

Засим простимся, дорогой брат. Не сомневайся, письма мои к тебе будут идти непрерывным потоком. Да хранит Господь тебя и госпожу маркизу, и да пребудет душа твоя в мире.

С глубоким уважением и искренней любовью остаюсь твоей благодарной сестрой,

Клодия де Монталье,
графиня д'Аржаньяк.

Р. S. Я позволила себе приобрести для Мадлен превосходную испанскую кобылу, дабы предоставить ей возможность упражняться в верховой езде. Лошадь отлично выезжена, а Мадлен зарекомендовала себя опытной всадницей. Когда я пишу эти строки, она как раз собирается на конный променад в Буа-Вер».

ГЛАВА 5

 Донасьен де Ла Сеньи, придерживая кожаное стремя, галантно помогал Мадлен сесть в седло. Другие участники конной прогулки тоже садились на лошадей, собираясь вернуться в Париж.

Мадлен уселась поудобнее и расправила бутылочно-зеленую амазонку, заставив ее изящными складками свешиваться с седла.

— Благодарю вас, — произнесла она, слегка нахмутив брови.

Де Ла Сеньи низко поклонился.

— Всегда с радостью готов вам служить. Уж если я удостоился благодарности за столь незначительную услу-

гу, то с охотой могу совершить для вас и что-нибудь большее, лишь бы награда была соразмерной.

Мадлен ответила не сразу. Она натягивала поводья, удерживая на месте взбрыкнувшую кобылку.

— Умоляю, не городите нелепостей, шевалье. Я начинаю чувствовать себя глупо.

Шевалье еще раз поклонился и отошел к своему рослому жеребцу. Миглом вскочив в седло, он вскоре присоединился к приятелям.

— Ну, как продвигаются дела с Монталье? — окликнул его Шатороз.

— Больше шипов, чем цветов, — признался Ла Сеньи, горяча жеребца.

— Я подумываю, не попытаться ли самому, — произнес Шатороз, наблюдая, как Мадлен направляет лошадь к снежно-белому андалузскому коню баронессы де Миз.

— Бесполезно. На этот раз Сен-Себастьян ошибся, — понизив голос и многозначительно взглянув на приятелей, сказал де Ла Сеньи.

Их окружал лес, окрашенный осенью в золото и багрянец. Листья медленно, как поздние бабочки, порхали над всадниками и с сухим шорохом падали на дорогу. День был ослепительно ясен, и солнечные лучи, пробиваясь сквозь ветви, нависшие над кавалькадой, мириадами сверкающих пятнышек покрывали костюмы кавалеров и дам.

— Ужасно досадно! — продолжала рассказ баронесса. — Платье, естественно, было безнадежно испорчено, и мне пришлось подарить его горничной.

— Весьма досадно! — согласилась Мадлен, сохраняя серьезную мину, и пустила лошадку легкой трусцой.

— И ведь поделаться с этим нельзя ничего! Повара изобретают новые соусы, а мы, бедные, миримся с пятнами. Не спорю, хороший соус придает блюду пикантность, но это же просто абсурд! Прекрасный атлас губит какая-то там подливка!

— Возможно, стоит ввести особые обеденные наряды, — не подумав, выпалила Мадлен.

— Обеденные наряды? Платья для еды? — вскинулась баронесса.

— А почему бы и нет? — невинно проворковала Мадлен. — Можно будет устраивать римские трапезы. Гости в тогах, возлежащие на обеденных ложах... Это так импозантно, а главное, очень практично. Тоги дешевы, их можно менять.

Завидев проезжавшего в отдалении всадника, Мадлен слегка прищурилась, помахала рукой и крикнула:

— Сен-Жермен! Это римляне возлежали, принимая гостей?

— Что? Я вас плохо слышу. Погодите минуту.

Граф пришпорил своего дымчато-серого жеребца и, поравнявшись с дамами, слегка поклонился.

— Так что же там с римлянами? — произнес он с улыбкой.

— Ах, я предложила баронессе устроить оригинальную трапезу, где все приглашенные возлежали бы за столами. Не могу только припомнить, римский это обычай или греческий.

— Главное, заграничный! — с безоговорочным осуждением произнесла баронесса. — И потому неприемлемый в наших краях.

— Вам не следовало бы так говорить, — возразил Сен-Жермен, — памятуя, сколько усилий затратил прадед вашего короля* на то, чтобы Франция сравнялась в славе с самим Римом.

— Луи Четырнадцатый был великий монарх! — заявила баронесса, подозрительно глядя на графа.

— Без сомнения, — кротко согласился Сен-Жермен и обратился к Мадлен: — А вы что думаете по этому поводу, моя дорогая? Или вы по-прежнему обожаете покойного короля?

* Имеется в виду Людовик XIV, ибо Людовик XV (урожденный герцог Анжуйский), во времена правления которого разворачивается действие романа, являлся вторым сыном его старшего внука и занял трон своего предшественника лишь вследствие потрясших династию Бурбонов смертей.

Вместо девушки ответила баронесса:

— Естественно, любой человек обладает достойными осуждения недостатками, но нам следует помнить, что второй его брак немало способствовал возрождению при дворе добрых нравов.

— Какое счастье для Франции! — пробормотал Сен-Жермен.

Баронесса промолчала и через какое-то время, случайно или нет, приотсталла. Мадлен и граф ехали теперь бок о бок в заговорщическом молчании. Впереди затевала скачки шумливая молодежь, сзади неспешно двигались более взрослые и степенные участники конной прогулки. Дорога, утекающая под копыта коней, кипела от непрестанной игры света и тени.

— Мне нравится ваш жеребец, — прервала молчание Мадлен. — Я никогда в жизни таких не встречала.

— Его подарили мне в Персии, — сказал Сен-Жермен, поглаживая широкую шею красавца. — Подобных ему в Европе, пожалуй что, нет. Их называют иногда берберскими скакунами.

Мадлен кивнула и игриво заметила:

— Сегодня вы одеты не в черное, граф. И это тоже мне непривычно. Что за материал у вашего верхового костюма?

— Лосиная кожа венгерской выделки. Тиснение, если внимательно к нему приглядеться, поведает вам о встрече святого Губерта с диким оленем.

Сен-Жермен провел пальцем по темно-бордовой складке.

— Довольно старомодное одеяние — манжеты по нынешним меркам непозволительно узкие, — но я не могу с ним расстаться. Привык.

Граф помолчал, слегка поднял брови и, понизив голос, спросил:

— Что беспокоит вас, моя дорогая? Вы ведь не для того меня подозвали, чтобы обсуждать обычаи римлян или стать лошадей? Вам до смерти надоела болтовня баронессы?

— Ах нет! — отмахнулась Мадлен.

— В таком случае вам не нравятся ухаживания де Ла Сеньи?

Девушка едва заметно скривилась. Граф заметил ее гримаску и понял, что угадал.

— Тетушка Клодия говорит, что я не должна витать в облаках. Что девушкам вроде меня следует быть попрактичнее и не ожидать от замужества особого счастья. Де Ла Сеньи богат, он ищет невесту. Его мать намекнула тетушке, что он рассчитывает на мою благосклонность.

— О ужас! — рассмеялся Сен-Жермен. — А вам не хочется ее проявлять?

— Вам, может быть, и смешно все это, граф, но я нахожу подобное положение дел унижительным! — Мадлен резко отвернулась, скрывая слезы, невольно набежавшие на глаза. — Я ощущаю себя дорогой рабыней, выставленной на аукцион.

— Мадлен... — очень тихо произнес Сен-Жермен. Девушка, натянув поводья, повернулась и взглянула на графа. — Ваша тетушка желает вам только добра. С ее точки зрения, другого отношения к браку и быть не может.

Мадлен кивнула, чувствуя, как вновь сжимается ее горло.

— Она только и делает, что пытается мне втолковать, на что женщина может рассчитывать, а на что — нет. Но, Сен-Жермен, мне хочется большего!

Он улыбнулся.

— Я знаю.

Девушка посмотрела на него с вызовом.

— Вы ведь мужчина. Что вы можете знать? Вы повидали весь мир, вы многое испытали... Но почему же все это заказано мне? Я тоже хотела бы быть вольной как ветер!

В глазах Сен-Жермена вспыхнули огоньки.

— Такая жизнь ведет к одиночеству, дорогая.

Лицо Мадлен порозовело, и она, понизив голос, яростно возразила:

— Вы думаете, брак с де Ла Сеньи упасет женщину от одиночества? Вы полагаете, что я обрету свое счастье в за-

мужестве с кем-то из них? — Она указала на резвящихся впереди всадников и скривилась от отвращения. — Пускай вы одиноки, но ваша жизнь интересна!

Секунду подумав, граф осторожно кивнул.

— Да, полагаю, в моей жизни имеется кое-что интересное.

— Вот, например, прошлым вечером, — поменяла тему беседы Мадлен, чтобы чуточку успокоиться, — вы рассказывали об использовании пара для того, чтобы приводить в движение корабли. Но вы вели себя не как Боврэ, который, если и стал бы говорить о подобных вещах, то вовсе не потому, что он ими интересуется, а чтобы привлечь внимание окружающих к своей собственной невероятной скучной персоне. А вы хотели привлечь внимание публики к паровым механизмам. И очень доходчиво все объяснили. Раз вода может крутить мельничное колесо, то это может делать и пар. Не понимаю, почему все твердят, что это невероятно. Я думаю, они не правы.

Сен-Жермен сморщил нос, сверкнув белозубой улыбкой.

— Причина проста: вы упрямы и своенравны. И все общепринятое вам не по вкусу.

Лицо девушки потемнело.

— Вы ошибаетесь, граф.

— Все это вздор, Мадлен.

Граф подъехал ближе, его стремя коснулось стремени спутницы.

— Неужели вы так несчастливы, моя дорогая?

— Да... нет... Не знаю.

Мадлен низко опустила голову, опасаясь расплакаться, если заглянет в сочувственные глаза.

— Хочется мне того или нет, я выйду когда-нибудь замуж. Рано или поздно мне все надоест, и я поддамся на уговоры.

Она оглянулась через плечо.

— Граф, посмотрите: там едут женщины — и молодые, и те, что в летах. Но на деле они все старухи. — Девушка

повернулась к графу.— Со временем я стану такой, как они, и даже о вас буду вспоминать с холодным недоумением.

— Мадлен...

— Не говорите со мной так ласково, граф. Это невыносимо. Вы бередите надежды, а выхода нет.

Мадлен дала шпоры лошадке и, грациозно качнувшись в седле, поскакала вперед. Сен-Жермен последовал за ней, держась достаточно близко, чтобы ее подхватить, если кобыла взбрыкнет, и в то же время достаточно далеко, чтобы его присутствие могли счесть докучным.

Отрывок из письма врача Андре Шенбрюнна к графу Сен-Жермену.

«12 октября 1743 года.

...Лечащий врач удостоверяет досточтимого графа, что в отношении пострадавшего были приняты всевозможные меры, долженствующие способствовать восстановлению подвижности в поврежденных коленях. К сожалению, означенный пострадавший вряд ли когда-либо сможет передвигаться без костылей. Врач выражает глубокое удовлетворение тем, что раны по разумному повелению графа не бинтовали, а лишь промывали, именно это распоряжение и помогло оберечь от смещения обломки костей.

До тех пор пока ноги упомянутого Эркюля не окажутся в состоянии удерживать вес тела, ему не следует покидать постель. Лихорадка уже прекратилась, так что довольно скоро выздоравливающий получит возможность исполнять ручную работу, которая не требует перемещений в пространстве.

...Маковым отваром поить пациента следует лишь для снятия боли, буде она сделается совсем нестерпимой, однако не часто, чтобы выздоравливающий к нему не привык.

Граф может в любое удобное для себя время навестить упомянутого Эркюля, дабы лично удостовериться, что заражения не случилось и опасности для жизни пострадавшего нет. В случае необходимости пациенту могут делаться кровопускания.

Выражая готовность служить досточтимому графу и любому из его домочадцев во всякое время дня и ночи, нахожусь всецело в вашем распоряжении,

*Андре Шенбрюнн, врач.
Рю де Экуле-Ромэн».*

ГЛАВА 6

 Люсьен де Кресси окинула затуманенным взглядом полутемную спальню. Хотя она засыпала здесь каждый вечер, с тех пор как вышла замуж за Эшила, комната выглядела чужой. Начиная с тяжелого балдахина над ложем и заканчивая высоким золоченым комодом у дальней стены, все тут было безрадостным, не греющим душу. Иногда ей казалось, что даже в покоях китайского императора она освоилась бы скорее.

Недавно в комнате находился муж, потом он ушел. Люсьен не могла определить, давно ли. Верно одно: в вино, которое он приносил, подмешали наркотик. Женщина шевельнулась и почувствовала, как неестественная слабость расплзается по всему ее телу. Она вцепилась в простыни, как утопающая, страшась того, что с ней происходит. Каждый день Люсьен внушала себе, что сможет еще потерпеть, но по ночам ложность собственного положения представлялась ей во всей отвратительной наготы. Не помогли даже молитвы, и это пугало.

Глаза Люсьен наполнились слезами. О, как холоден, как безразличен, как бессердечен ее муж! Особенно в последние дни. Зачем он держит ее под замком? Что он задумал? Сегодня вечером она умоляла Эшила отпустить ее в мона-

стырь. Или позволить уехать. Куда-нибудь далеко, в Новый Свет, чтобы никогда больше с ним не встречаться. Но он только презрительно рассмеялся в ответ. Если уж дорогая супруга испытывает готовность идти на какие-то жертвы, что ж, вскоре ей предоставится такая возможность. Потом, как и накануне, он запер ее на ключ.

Люсьен села, спустив ноги с ложа, и потянулась к виолончели, но игра не принесла ей утешения. Ее сознанием, отравленным зельем, вновь овладевали видения. Молодая женщина усмехнулась и откинулась на подушки. Она устала сопротивляться. Эшил что-то замышляет, и пусть. Прошлой ночью он со своими дружками-приятелями возился в библиотеке чуть ли не до утра. Сначала они разговаривали, потом пели, потом по всему дому разнеслись вопли и стоны. Соратники, сподвижники, заговорщики, или как там еще их можно назвать, приступили к «афинским забавам». Люсьен устало закрыла глаза и попыталась сосредоточиться на молитве.

Борясь с дремотой, она снова открыла глаза в тишине надежде, что слабость отступит. Голова ее невыносимо болела, в ушах стоял звон.

В комнате стало совсем темно... «Или я уже сплю?» — подумалось вдруг Люсьен. Молодая женщина попыталась сфокусировать взгляд на кистях бадахины, но ей это не удалось, и она перевела взгляд ниже. Вдруг тяжелые занавеси бадахины взметнулись и опустились, словно вскинутые внезапным порывом ветра. Люсьен попыталась отвернуться, но не смогла. Там, в темноте словно бы кто-то стоял и смотрел.

Взгляд был пристальным, очень пристальным и... голодным.

Он вновь пришел — этот сладкий кошмар, этот сон, и на сей раз Люсьен потянулась ему навстречу с бесстыдной радостью в сердце.

Осознавая греховность происходящего, она тем не менее не противилась горячим, настойчивым поцелуям, губы

ее стали податливыми, соски напряглись. Прикосновения незримых ладоней были легчайшими, но обжигали кожу и горячили ей кровь. Она подалась под тяжестью приникшего к ней тела и ахнула, задыхаясь от слез. Ощущение было настолько реальным, что где-то в глубине ее гаснущего сознания промелькнуло подозрение, что все это всего лишь очередной изуверский розыгрыш Эшила... Но вряд ли, где ему, усмехнулась Люсьен. Ее бросало то в жар, то в холод, и она все резче двигала бедрами, вся выворачиваясь навстречу тому, кто безраздельно властвовал ею. Внезапная боль, через мгновение сменившаяся серией сильных экстатических спазмов, была столь сладостной, что она закричала, а потом обмякла и провалилась в гудящую мглу. Она растворилась в ней — свободная, бестелесная, подобная музыке, уже затухающей, но продолжавшей звучать и звучать. Вибрации виолончели, зажатой между колен, были ничем в сравнении с этим сладким, упоительным, окрыляющим сердце восторгом. Ее тело медленно колыбалось, погружаясь в дремоту и тишину.

Люсьен очнулась от холода — смятые простыни не согревали, а одеяло валялось, наверное, на полу. Действие наркотика ослабевало. Голая, окоченевшая, она ощущала себя совершенно разбитой, вдобавок к тому ее начинало мучить чувство вины. Она понимала, что в глазах церкви подобный сон не меньший грех, чем сам адюльтер. Согревший в помыслах становится прелюбодеем. Так, во всяком случае, говорил ее духовник. Измена есть плод похотливости, а похоть входит в семь смертных грехов. Сгорая от стыда, Люсьен перекрестилась и, отыскав одеяло, завернулась в него. Она опять попробовала помолиться — и опять не сумела. Воспоминания, которые она пыталась выбросить из головы, отзывались сладкой истомой, вновь пробуждая в ней чувственность. Тело сопротивлялось, и исполненные суровой чистоты примеры из жизнеописаний святых мучеников преодолеть этот барьер не могли.

Мысли Люсьен все еще путались, когда дверь распахнулась и, к ее изумлению, в спальню вошел Эшил де Кресси.

— Добрый вечер, сударыня. Надеюсь, я вас не потревожил? — спросил он, окидывая жену насмешливым взглядом.

— Эшил? — пробормотала Люсьен, покрываясь испариной. Она поплотней закуталась в одеяло и затихла, не понимая, что мог означать этот странный визит.

Де Кресси подошел к кровати.

— Вставайте, мадам, подъем! Внизу ожидают гости. Их следует встретить как подобает.

В интонациях его голоса крылся какой-то подтекст. Де Кресси повелительно вытянул руку. На пьяные шуточки это не походило. Да он и не был особенно пьян.

— Вставайте, мадам, — повторил Эшил.

Люсьен страдальчески сморщилась.

— Эшил, я не одета. Вы что, хотите покуражиться над мной?

— Мадам, к нам пришли гости. Они в нашем доме. Будет чрезвычайно невежливо, если вы к ним не выйдете. Вставайте и не упрямитесь, все ждут только вас!

Он сдернул со спинки стула халат и швырнул его женщине.

— Этого будет довольно. Накиньте его, сударыня, и пошли.

Люсьен протянула руку к халату, лихорадочно соображая, как поступить. Внутренний голос подсказывал ей, что внизу замышляется нечто ужасное и что Эшил ее от этого ужаса не защитит.

— Поторопитесь! — рявкнул Эшил, и лицо его исказила гримаса. — Час близится. Время не ждет.

— Нет! — отшатнувшись, воскликнула женщина. Она понятия не имела, какого часа ждет ее муж, но могла поклясться, что ничего хорошего он ей не сулит. — Уходите, я нездорова. Извинитесь там за меня.

— Это наши гости! — Эшил попытался взять себя в руки и снизошел до уговоров. — Они хотят познакомиться с

вами. Особенно Сен-Себастьян. — Он ткнул пальцем в халат. — Одевайтесь, мадам. Мое терпение иссякает.

— Нет, — покачала головой Люсьен.

Эшил, сжав кулаки, затрясся от ярости.

— Ты моя жена и должна мне повиноваться, — зашипел он, как дикий рассерженный кот. — Ты сделаешь все, что я прикажу. Ну же!

Люсьен была и так уже порядком напугана, но после этих слов страх молодой женщины перешел в ужас и все у нее внутри словно оборвалось. Она швырнула в мужа подушку, затем другую, хорошо понимая, что это не остановит его, а лишь разозлит еще больше. Тут ей под руку подвернулся тяжелый флакон с духами, стоящий на тумбочке у изголовья кровати, она ухватила его и метнула в оскаленное лицо. Флакон разбил Эшилу бровь. Он покачнулся, скривившись от боли, но через миг опомнился и кинулся к ней.

Люсьен увернулась, вскочила с кровати и без колебаний распахнула окно, выходящее в сад. Спальня находилась на втором этаже, однако это ее не смутило. Эшил был уже рядом... Она бросилась вниз. В лицо ей ударил холодный ночной воздух.

Голоса. Они доносились как сквозь туман. Люсьен поняла, что не разбилась насмерть, а только оглушена. Она пошевелилась и почувствовала острый приступ боли в плече — то ли перелом, то ли вывих. «О виолончели теперь придется забыть», — пришла ей в голову нелепая мысль. Второй мыслью было, что надо бы послать за врачом.

Голоса зазвучали громче, из мрака сада выдвинулось размытое пятно света. Заметив приближающихся мужчин, Люсьен пожалела, что падение ее не убило. Она знала, что церковь считает самоубийство одним из самых тяжких грехов, и понимала, что ей следует благодарить Господа за спасение и за предоставленную возможность муками искупить греховность ночных нечистых видений. Но шаги

приближались, и она жаждала лишь одного: немедленно умереть.

— Вот она! — воскликнул торжествующий голос. Люсьен подняла веки и увидела высокого пожилого мужчину с серыми выпуклыми глазами и немигающим взглядом змеи. Из-за спины незнакомца высовывался Боврэ.

— Жива, кажется. Черт побери, Сен-Себастьян, вам везет! Значит, обряд все-таки состоится?

Тот, кого называли Сен-Себастьяном, коротко усмехнулся. У Люсьен пересохло во рту.

— Мы еще должны убедиться, девственна ли она. Поднеси-ка фонарь поближе.

Он опустился на колени рядом с Люсьен и бесцеремонно раздвинул ей бедра.

— Нет, нет, нет, — зашептала она, сжимая колени. Это было невозможно, чудовищно. Это, конечно же, сон, а не явь!

— Мадам, — ледяным тоном произнес Сен-Себастьян, — не испытывайте мое терпение. Предупреждаю, я этого не выношу.

Люсьен молча сопротивлялась. Сен-Себастьян просунул руку поглубже и резко сжал пальцы, причинив ей острую боль. У женщины потемнело в глазах, и она опять судорожно сомкнула колени. Новый прилив боли заставил ее забыть о вывихнутом плече.

Сен-Себастьян встал.

— Отлично, она еще девственна. Круг будет доволен.

На нагое женское тело, распростертое у его ног, он словно бы не обращал никакого внимания. Зато глаза Боврэ алчно мерцали.

— Какая красotka, черт побери! Жаль, что она досталась Эшиллу.

— Вовсе не жаль, — возразил Сен-Себастьян. — Наоборот, мы должны быть этому рады. Хорошо, что Эшил предпочитает мужчин. Иначе вряд ли бы он сберег для нас этот бутон.

— Нет, — все еще шептала Люсьен, пытаясь забыть. — Нет. Нет. Нет. Нет.

Подошли другие мужчины. С ними был и Эшил де Кресси. Люсьен заметила окровавленную повязку на лбу муженька и едва удержалась от смеха. Злорадное ликование вдруг охватило все ее существо. Жаль, что ей не попалось под руку что-нибудь потяжелее.

— ...И отнесите в библиотеку. Немедленно. У нас остается менее часа, чтобы все подготовить. В следующий раз благоприятное время наступит лишь месяца через три.

Сен-Себастьян развернулся на каблуках и быстро зашагал к дому. За ним потянулись и остальные. Задержались двое: де Кресси и де Вандом. Эшил ухватил женщину за руки, герцог, хихикнув, — за ноги. Они рывком подняли тело. Из груди Люсьен исторгся нечеловеческий вопль, и она потеряла сознание.

Когда Люсьен открыла глаза, ей показалось, что все с ней приключившееся было дурным сном и она находится в своей спальне под присмотром врача. Но, приглядевшись, женщина увидела, что лежит на столе, а над ее головой укреплено небольшое распятие. Стол окружали неподвижные фигуры в монашеских рясах, с надвинутыми на глаза капюшонами. Люсьен уже хотела поблагодарить добрых братьев за их милосердную помощь, как вдруг осознала, что тело ее совершенно обнажено, а распятие перевернуто. Она вгляделась и поняла, что этим не ограничилось отвратительное кощунство: к фигурке распятого был приделан вздыбленный фаллос, превосходящий размерами торс, на лбу чем-то красным была начертана пентаграмма. Люсьен закричала. Она кричала во весь голос, отчетливо понимая, что на помощь ей никто не придет.

— Отлично, отлично! — раздался рядом голос Сен-Себастьяна. — Она очнулась. Тем лучше.

Затем, обращаясь к людям, скрывающим лица, он добавил:

— До трех ночи можете делать с ней все, что угодно, но сначала войду в нее я. Потом — после трех — я возьму

нашу жертву опять, и на этом покончим. Не забудьте: я первый и я последний. Тешьтесь с ней или друг с другом сколько хотите, однако прислушивайтесь к бою часов.

— Все, что угодно? — дрожащим от возбуждения голосом переспросил де Вандом. — А вдруг она не подчинится?

— Она подчинится, — спокойно сказал Сен-Себастьян Люсьен охватило отчаяние. — Если не будет слушаться, дайте мне знать — я быстро поправлю дело. Думаю, ее надо бы привязать, — добавил он. — Веревки найдете. Не забудьте, кстати, подготовить дьявольский жезл. Он понадобится мне к трем. И помните: кобылка должна быть горячей.

— Кто будет первым после вас? — хрипло справился кто-то.

— Спросите хозяина. В конце концов, он ее муж. Возможно, ему самому не терпится снять пробу.

Последние слова Сен-Себастьян сопровождал скрипучим смешком.

Эшил ощерился и, от души веселясь, вскричал:

— Ле Грас так и рвется! Господа, пропустим его вперед! Докажем, что парижская знать вовсе не равнодушна к чаяниям народа!

— Эшил! — Казалось, вопль вырвался из самого сердца Люсьен.

— Заткни ей рот, Ле Грас, — оборвал ее крик де Кресси.

Когда чужая горячая плоть вонзилась в Люсьен, она пронзительно закричала, извиваясь в своих путах. Это вовсе не походило на то, что с ней творилось ночами. Где они — быстрые сладостные касания, нежные ласки, жгучие поцелуи? Где упоительный, уносящий к вершинам восторга экстаз, где музыка уходящих в пространство вибраций, подобная дыханию жизни? Сен-Себастьян насиловал ее грубо, не отрывая свирепого взгляда от искаженного му-

кой лица. Она кусала губы, чтобы удержаться от стонов и лишиться его удовольствия насладиться ее унижением.

Шло время, черед жестоких забав все не кончалась, и наиболее изобретательным истязателям все-таки удалось исторгнуть из груди Люсьен крики. Когда Сен-Себастьян пустил в ход дьявольский жезл, женщина была почти без сознания. Она лишь изумленно охнула в ответ на чудовищное вторжение и вновь впала в забытие. Участники шабаша пылающими глазами следили за действиями Сен-Себастьяна, однако мужа Люсьен не было среди них. Стремясь как следует ублажить пару своих сотоварищей, он не проявлял ни малейшего интереса к тому, что происходит с женой.

Письмо Роджера, лакея, к его господину, графу де Сен-Жермену. Латынь. Дата не указана.

«Мой господин.

Повинуясь вашему приказанию, я продолжаю следить за Сен-Себастьяном. Спешу сообщить, что ваши подозрения оправдались: он вновь собирает круг. Они провели первую встречу в доме Эшила Кресси, который силой заставил свою жену тешить их похоть. На рассвете, когда я уезжал, она была еще жива, но, боюсь, разум ее помутился. Сен-Себастьян лишил ее девственности, а следом за ним все остальные надругались над ней, как это принято у клеветников нечистого.

Вы желали узнать, кто вошел в новый круг. Вот их имена: де Вандом, де Шатороз, Жуаннор, де Ла Сеньи, Ле Грас.

Сен-Себастьян поистине отвратителен. Я умоляю вас уничтожить его.

Я взял на себя смелость пригласить к мадам де Кресси священника, но его отказались пустить в дом. Смирненно

надеюсь, что вам удастся преуспеть там, где я потерпел неудачу.

Письмо должно прибыть к заутрене, со специальным посыльным.

Писано моею рукой.
Роджер».

ГЛАВА 7

 Отель «Трансильвания» сиял, как драгоценный лапидар в руках благосклонной к нему богини. Все его залы, комнаты и коридоры заливал яркий свет, идущий от верениц затейливых канделябров — как напольных, так и настенных. Главный зал был отделан заново; для желающих совершить променады к нему пристроили галерею. Единственное, чего здесь не хватало, это зеркальной стены. С тех пор как в Версале прижилась эта мода, все крупные парижские домовладельцы кинулись ей подражать. Однако новый хозяин отеля, как видно, был человеком оригинальным, и стены центрального помещения «Трансильвании» вместо зеркал украшали картины редкостного исполнения. Из собрания выделялись два больших полотна, изображавшие подвиги Зевса, но «Смерть Сократа» кисти Веласкеса* несомненно являлась жемужиной выставки. Впрочем, все остальные работы были не менее хороши, что подтверждали восхищенные возгласы прогуливавшихся по залу гостей.

Игорным залам новая планировка отеля отвела северное крыло огромного трехэтажного особняка. Они были обставлены не менее роскошно, чем остальные помещения здания, но внимания на это великолепие, похоже, никто тут не обращал. Игроки ставили крупно, азарт рос,

* Веласкес, Диего (1599—1660) — испанский живописец. Один из величайших реалистов в истории живописи.

и тот, кто проигрывал всего лишь годовой доход от поместья, мог почитать себя вышедшим сухим из воды. На опустошенные лица тех, кто спускал и поместья, и целые состояния, лился равнодушный свет сотен свечей.

Во всех остальных помещениях праздновавшего свое второе рождение отеля кипело веселье. Бальный зал украшали настоящие апельсиновые деревья, стоявшие в больших керамических вазах, хоры для музыкантов утопали в живых цветах. Это шокировало и было предметом тайной зависти многих. Осенью раздобыть в Париже цветы нелегко. Те же, что продавались, стоили так дорого, что убирать ими какие-то хоры никому бы и в голову не пришло.

Лакеи в ливреях цвета лосося были любезны, ненавязчивы и вездесущи. Каждый говорил на хорошем французском и умел услужить. Напитки подавались в бокалах из хрусталя, коньяк был выдержанным, вина отвечали самым изысканным вкусам. В трех роскошных буфетных царствовали полупрозрачный китайский фарфор и столовое серебро итальянской работы. Закуски, над которыми трудилась целая армия поваров, были под стать загружаемой ими посуде.

Графиня д'Аржаньяк, улыбаясь, обернулась к своему спутнику.

— Ах, маркиз, если среди всей этой роскоши вы умудрились разглядеть мою племянницу, значит, она и впрямь чего-то да стоит. Клянусь, я никогда в жизни не видела такого великолепия. Все безупречно, изысканно, замечательно и... наверное, стоит немалых денег.

Маркиз де Шатороз отвесил ей легкий поклон.

— Это не более чем помпа, мадам. Я не любитель крикливости. Что может значить вся эта мишура в сравнении с красотой мадемуазель де Монталье? Рядом с ней все тускнеет и блекнет.

— Вы очень любезны, маркиз, — прищурившись, ответила Клодия.

Конечно, этот юный аристократ неплохая партия для Мадлен, но его комплименты слишком плоски. В них опре-

деленно больше расчета, чем чувства. Впрочем, графиня не обольщалась. Она распрекрасно знала, чем руководствуются, выбирая невест, знатные и состоятельные женихи. Супруга должна хорошо смотреться в фамильных драгоценностях и уметь принимать гостей. Собственно, и ее ведь выбирали именно так. Однако в дальнейшем избранницу ждала пустота. Клодия наклонила голову.

— Что ж, я с удовольствием представляю вас ей, — механически произнесла она, высматривая Мадлен в толпе танцующих.

Та стояла у чаши с пуншем, ее развлекал Сен-Жермен.

— Дорогая! — окликнула графиня, подходя ближе. — Маркиз де Шатороз ищет знакомства с тобой. Он, надо сказать, обхаживает меня давненько.

Маркиз низко поклонился и принял горделивую позу, демонстрируя стройность стана и лоск костюма. Бросив косой взгляд на графа, он прикоснулся губами к протянутой ему узкой руке.

— Я мечтал об этой минуте с того момента, как впервые увидел вас в Буа-Вер! Поверьте, на этот шаг я осмелился далеко не сразу.

Он ждал, что польщенная его вниманием простушка залетится румянцем и что-нибудь испуганно пробормочет, однако вышло не так.

Ответ Мадлен был откровенно язвительн:

— Если столь блистательный кавалер набирается храбрости, чтобы представиться бедной провинциалке, да хранит Господь Францию в битвах с врагами.

Де Шатороз оторопел, графиня недовольно нахмурилась. Вывел всех из неловкости Сен-Жермен, с улыбкой сказавший:

— Боюсь, вы недооценили силы противника, любезный маркиз.

Однако к маркизу уже вернулся дар речи, и он кинулся исправлять положение сам.

— Вы даже не представляете, мадемуазель, как отрадно встретить в холодном и напыщенном свете столь искрен-

нее и прямодушное существо! — Де Шатороз сделал опечаленное лицо и глубоко вздохнул. — Умоляю, продолжайте вести себя так же. Не сдерживайте себя в беседах со мной. Ваши слова проливают бальзам на мою одинокую душу.

Сен-Жермен отступил назад, потянув за собой графиню.

— Зачем вы его представили? — шепотом спросил он, убедившись, что они отошли достаточно далеко и молодые люди их не услышат.

— Он попросил меня, — прошептала в ответ Клодия, пожимая плечами. — Что тут такого? Маркиз благороден. И ничего порочащего я о нем не слыхала...

— О нем и не надо ничего слышать, достаточно послушать его самого, — усмехнулся граф. — Надеюсь, Мадлен не клюнет на вздор, какой он несет?

Графиня покачала головой.

— Господи, откуда мне знать? Но... Сен-Жермен, вы, однако, чем-то встревожены? Вам что-то известно о Шаторозе?

Теперь забеспокоилась и она, поскольку давно поняла, что этот загадочный чужеземец больше знает о тайной жизни Парижа, чем сами его обитатели.

Сен-Жермен не дал ответа. Какое-то время он задумчиво изучал канделябры на дальней стене.

— Вы ведь стремитесь уберечь Мадлен от Боврэ и от тех, кто знается с ним? — произнес он наконец.

— Всеми силами, граф.

Сен-Жермен кивнул.

— Отлично. Теперь я могу сообщить вам, что Шатороза совсем недавно видели с Сен-Себастьяном. Не могу утверждать наверняка, что маркиз — один из его прихвостней, но компании этой он явно не сторонится. Большого я раскрыть пока не готов. Вы позволите мне предупредить Мадлен? Она прелестная девушка, и мне бы совсем не хотелось увидеть ее в беде.

Графиня нервно оглянулась через плечо. Действительно, де Ле Радо и Боврэ крутились неподалеку.

— Да, граф, уж пожалуйста, предупредите. Возможно, страхи брата и безосновательны, но, признаюсь, меня очень пугает Сен-Себастьян. Как бы он вновь не взялся за старое. Я так волнуюсь за бедняжку Люсьен. Вы знаете, что она четвертый день не выходит? А ведь Эшил и Сен-Себастьян знают! Далеко ли тут до беды?

— Ну-ну, Клодия,— с симпатией пробормотал граф, целуя своей даме руку и поворачиваясь, чтобы налить ей пунша.

Графиня отпила глоток из фарфоровой чашечки, потом с неловкой улыбкой произнесла:

— Не знаю, как вы отнесетесь к этому, граф, но я предпочла бы, чтобы разговор состоялся не тут,— она указала на переполненный зал.— Девочка может что-нибудь не понять, станет расспрашивать, а кто-то услышит... Кому нужны лишние пересуды? Вы ведь и сами это понимаете, а?

В дальнем конце зала оркестр бравурно завершил виртуозную пьеску, загремели аплодисменты. Музыканты поднялись, поклонились и вновь вернулись к своим инструментам.

— Вы правы, графиня. С вашего позволения я побеседую с ней в одной из соседних комнат. Вы хотите присутствовать? — Взгляд Сен-Жермена явственно говорил, что присутствие Клодии вовсе не обязательно.

Графиня заколебалась. Правила приличия требовали, чтобы наставница юной особы не выпускала из виду свою протекже. С другой стороны, Сен-Жермен — человек порядочный и благоразумный. В скандальных историях он не замешан, амурными подвигами не знаменит; если о нем и ходят какие-то слухи, то вовсе не как о соблазнителе юных девиц. Графиня всмотрелась в темные глаза собеседника и вдруг успокоилась. Все ясно, все правильно. Сен-Жермен пойдет без нее. Нет ничего дурного в том, что девушка будет прогуливаться с графом по коридорам дворца. Если же они станут шепукаться в укромном местечке втроем, это может дать пищу для слухов, которые дойдут до Боврэ

и заставят того обратить внимание на Мадлен, а там... долго ли до неприятностей...

— Мудрое решение,— произнес Сен-Жермен.

Графиня с изумлением на него посмотрела и попыталась припомнить, не рассуждала ли она вслух.

— Через какое-то время мы с Мадлен удалимся. Уже пора перейти в обеденный зал, и нашего исчезновения никто не заметит. А встречные решат, что я веду ее к вам.

Графиня кивнула со слегка озадаченным видом. Взглянув на Мадлен, она увидела, что та все еще разговаривает с Шаторозом.

— О Господи! Да он вокруг нее так и вьется,— пробормотала она.

— Не беспокойтесь,— мягко сказал Сен-Жермен.— Ручаюсь, сейчас она вне опасности, а я, в свою очередь, приложу все усилия, чтобы никакой Сен-Себастьян не причинил ей вреда.

Клодия вдруг замерла, словно прислушиваясь к внутреннему голосу, потом с подозрением посмотрела на своего кавалера.

— О, вы очень добры, граф. Мне остается только гадать о причинах столь доброжелательного к нам отношения.

Сен-Жермен рассмеялся, услышав эти слова.

— Только не думайте, Клодия, что я имею на девочку виды. Все очень просто. Я, как и вы, недолюбливаю Сен-Себастьяна и пользуюсь всяким удобным случаем ему насолить.

Как ни уклончив и легковесен был этот ответ, приходилось им удовлетвориться. В глубине души графиня была довольна, что Сен-Себастьян неприятен не только ей. Она распростилась с графом и направилась в сторону обеденного зала.

А Сен-Жермен двинулся прямо к Мадлен.

— Тысяча извинений, дорогой Шатороз, но графиня просила меня сопроводить к столу вашу юную собеседницу. Шатороз пренебрежительно передернул плечами.

— Если вы перепоручите мне эту почетную обязанность, граф, то сможете и дальше свободно располагать своим временем, я же буду иметь удовольствие немного дольше насладиться обществом мадемуазель де Монталье.

— Эта почетная обязанность меня ничуть не затруднит, — возразил Сен-Жермен, предлагая Мадлен руку. — Вы только что танцевали с мадемуазель и удерживаете ее при себе уже около получаса. У вас есть преимущество: я не танцую. Так что не лишайте меня тех нескольких минут удовольствия, какие подарит мне переход из танцевального зала в обеденный.

— Ваш уход подобен уходу луны с небосклона, — хмуро сказал девушке Шатороз, одарив соперника злобным взглядом.

Граф нимало тем не смутился.

— Пойдемте, дитя мое. Тетушка вас заждалась.

Насмешливо взглянув на маркиза, он добавил:

— Ваша стратегия, сударь, не очень удачна. Попытайтесь за время нашего отсутствия разработать другую.

Оркестр грянул что-то из Генделя, и Сен-Жермен не расслышал слов своей спутницы, потонувших в грохоте музыки и шуме толпы.

— Что вы хотели сказать? — спросил он, когда они оказались в длинном, уводившем вглубь здания коридоре.

— Благодарю за избавление, граф, — повторила Мадлен.

Глаза Сен-Жермена блеснули.

— Он вам так надоел?

— Ужасно! — Девушка сделала большие глаза, не замечая, что граф уводит ее все дальше и дальше. — Конечно, это очень мило, когда тебе непрерывно твердят, что ты чудесна, что ты ослепительна. Но я же вижу, что это не так! Взять, например, мадам де Шардоннэ или герцогиню де Кенор — уж они точно превосходят меня как красотой, так и лоском. А кроме того, — с горячностью продолжала она, — он говорит со мной как с только-только окончившей курс ученицей!

— Каковой вы, собственно, и являетесь, — с мягкой иронией произнес Сен-Жермен, открывая маленькую боковую дверцу. Мадлен не обратила внимания и на это.

— Он цедит слова так, словно я не способна понять и половину из них!

Только теперь Мадлен увидела, что находится отнюдь не в обеденном зале, и с удивлением огляделась.

Комната была невелика, но обстановка ее дышала изысканной элегантностью. В мраморном камине тлели угли, напротив располагались две персидские банкетки, поставленные углом. В дальнем конце комнаты над письменным столом висела еще одна картина Веласкеса. Телескоп, астролябия, книги в сафьяновых переплетах говорили о склонности их владельца к научным занятиям. Шелковые гардины скрывали альков с по-монашески узкой постелью.

Сен-Жермен указал на одну из банкеток.

— Прошу вас, садитесь, — мягко сказал он и отошел к письменному столу. — Мне необходимо с вами кое-что обсудить.

Девушка была откровенно шокирована таким вероломством. А она-то считала, что граф — единственный человек, которому можно безоговорочно доверять.

— Где мы? — спросила она, стараясь держаться спокойно.

— В одном из моих кабинетов, — ответил Сен-Жермен, отбедняя телескоп от штатива. На девушку он не глядел.

— А моя тетушка...

— В обеденном зале, как я вам и говорил. Мы к ней присоединимся позднее.

— А если я захочу видеть ее прямо сейчас? — ледяным тоном спросила Мадлен.

— В таком случае я вас, разумеется, к ней провожу.

Сен-Жермен взял телескоп в руки и любовно провел пальцами по его гладкой поверхности.

— Вот поистине изумительный инструмент. Однако Галилея некогда заставляли отрицать очевидное. Жаль.

Мадлен покосилась на дверь. Она была не закрыта. В замке — ключ, ручка опущена вниз. Девушка почувствовала, что тревога ее сменяется любопытством. Она села и грациозным движением поправила платье. Если их тут застанут, избежать скандала не удастся. Репутация ее определенно находилась в опасности. Однако какое-то чувство подсказывало Мадлен, что все обойдется. «Господин, рассуждающий о Галилее, не особенно похож на одержимого страстью маньяка», — подумала она.

— И вы правы, — произнес Сен-Жермен, кладя телескоп на стол. — Я привел вас сюда не затем, чтобы на вас посягать. Речь пойдет о том, как оберечь вас от посягательств.

Мадлен чуть подалась вперед.

— Я вас слушаю, граф.

Она мысленно улыбнулась, заметив выражение одобрения, промелькнувшее на лице Сен-Жермена.

Несколько мгновений длилось молчание. Затем граф наклонился над столом, глубоко засунул руки в карманы и негромко спросил:

— Что вы знаете о сатанинской силе?

— Сатана — враг Божий и человеческий, падший ангел, посягнувший на небесный престол, — ответила, не задумываясь, Мадлен. Потом добавила, помолчав: — Ему позволено творить зло, искушать людей и вовлекать их во грех...

Сен-Жермен устало покачал головой.

— Так вас учили монахи. Но что вы знаете о силе, питающей зло?

— Я же сказала... — смешалась Мадлен.

— Тогда вам надо учиться заново, — вздохнув, проговорил граф. Он откинул голову, потом снова наклонил ее — как человек, не знающий, с чего начать.

— Есть единая сила, в которой и зло, и добро. Она подобна рекам, которые поят нас, но могут и уничтожить. Радуемся мы орошающим нивы дождям или гибнем в бур-

ных волнах, вода не меняется: она одинакова в своей сути. То же можно сказать и о силе. Когда она нас возносит, открывает глаза, облагораживает и вдохновляет на стремление к совершенству, мы называем ее божественной. Но если силу используют, чтобы сеять боль, умножать страдания и разрушать, она становится сатанинской. Все это одна сила. Мы сами творим и Бога, и сатану.

— Но это же ересь, — спокойно, без осуждения произнесла Мадлен.

— Это истина.

Сен-Жермен смотрел в глаза девушки и видел, как здравый смысл борется в ней с затверженными постулатами. В одном он был совершенно уверен: она выслушает его.

— Поверьте мне хотя бы ради себя самой. Есть люди, взывающие к темной стороне силы, и они приносят в мир много горя.

— Что ж, им суждено провести вечность в аду, — быстро произнесла Мадлен и с довольным видом переменила позу.

— Что вы можете знать о вечности? — вскинулся вдруг граф, но глаза его были печальны и резкость не оскорбила. — В Париже есть люди, — продолжил он другим тоном, — которые собираются пробудить темную сторону силы. Они готовятся провести два действия: одно — в канун Дня всех святых, другое — в день зимнего солнцестояния. И в том и в другом случае они намерены пролить кровь и уже наметили первую жертву. Но со второй жертвой у них еще не все решено. Закон, которому они подчиняются, требует, чтобы ею стала невинная девушка. Им нужна девственница, Мадлен, — ее плоть, ее кровь, — и теперь они ее ищут.

«Вот ведь глупости», — подумалось вдруг Мадлен, хотя сердце ее стукнуло с перебоем.

— Ваша тетюшка говорила мне, что в чем-то подобном был замешан когда-то и ваш отец. Он входил в окружение

некоего Сен-Себастьяна. Сен-Себастьян вернулся, он здесь. Он опять собирает свой тайный кружок. Ему помогают Боврэ и другие. Одно жертвоприношение, жуткое, но без большого пролития крови, — менее, по их меркам, значительное, — они уже совершили и стали сильнее. Мне бы не хотелось пугать вас, Мадлен, но вы ни в коем случае не должны приближаться к приспешникам Сен-Себастьяна. Между прочим, в число их входит и Шатороз.

— Шатороз? — вздернула подбородок Мадлен. — Он всего лишь глуповатый напыщенный цеголь.

— В вас говорит голос вашего разума, но не души. Слушайте голос души — он важнее.

Мадлен смущенно и вопросительно взглянула на графа.

— Ваша душа подобна клинку — отточенному, сияющему, рассекающему покровы лжи и отвергающему дорогу к правде. Никогда не поддавайтесь сомнению, когда слышите этот голос, Мадлен!

— Я слышу его и сейчас, — прошептала Мадлен, но граф лишь пожал плечами.

— Скажите, — произнес он, отвернувшись к камину, — что вы чувствовали, когда говорили с этим хлыщом?

Мадлен вспомнила ужимки маркиза и содрогнулась, удивляясь силе охватившего ее отворачивания.

— Я ощущала себя цветком, к которому подползает огромный червяк.

— Вот истина, — выдохнул Сен-Жермен.

— Но он же ничтожество, — возразила она не столько графу, сколько себе. — Он же ни на что не способен...

— Не надо недооценивать их, дитя. Общение с ними — путь к падению, к гибели.

— Но... вы? — спросила Мадлен, опустив голову и сосредоточенно изучая свои ладони. — Какое вам дело до того, что может со мной случиться?

Сен-Жермен отвернулся, не смея взглянуть в ее лицо, где начинало светиться понимание.

— Это не важно.

— Если вы не скажете, я попробую догадаться сама.

Взгляды встретились, граф сделал шаг.

— Ваша жизнь так ужасающе коротка, что мне не вынести, если хотя бы один ее миг будет потерян.

Мадлен встала, от ее щек отхлынула кровь.

— Сен-Жермен!

С тихим смешком граф отступил. Глаза его помрачнели.

— О, не пугайтесь. Я мог бы сломить ваше сопротивление, но подобные методы добиваться желаемого давно мне претят. Больше тысячи лет мне не приходилось принуждать женщину... и уж во всяком случае, не в общепринятом смысле.

В маленькой комнате стало вдруг очень тихо. Свечи в семи канделябрах покойно мерцали.

— Больше тысячи лет? — Мадлен хотелось недоверчиво хмыкнуть, но звук застрял в горле. — А сколько же вам на деле?

— Я не помню, — ответил Сен-Жермен, опять отворачиваясь. — Когда в Риме правил Цезарь, я был уже стар. Я беседовал с Аристотелем. Эхнатон восхищался статуей Нефертити, которую я изваял. Ныне столица его в руинах, но я бродил по ее улицам, когда она была еще молода.

— Как же случилось, что вы не умерли? — спросила Мадлен, чувствуя, что ладони ее холодеют.

— Я умер однажды... очень давно. Смерть необъятнее, чем жизнь. И потому жизнь ценнее, ибо она мимолетна.

Глаза Мадлен наполнились слезами. В голосе Сен-Жермена слышалась такая пронзительная тоска, что сердце ее разрывалось от жалости.

— О, только не надо меня жалеть! Я шел к осознанию истинных ценностей очень непросто. Временами мой разум погружался во тьму — и я купался в крови. Я искал жестокости, войн. Я с омерзением вспоминаю римские игрища. А позднее, вернувшись на родину, я отнимал у людей жизнь из, как это принято говорить, патриотических побуждений.

Сен-Жермен быстро взглянул на девушку.

— Как видите, мои нынешние прозрения оплачены дорогой ценой.

— Неужели бессмертие несет в себе столько печали? — прошептала она.

— Я не бессмертен. Эликсир жизни, — добавил он, прикасаясь к пламенеющему у горла рубину, — восстанавливает мои силы и не дает умереть.

— Вы прожили столько столетий и все же беспокоитесь обо мне. Почему? — спросила девушка тихо. Ответ был не нужен. Она его знала.

— Потому что вы стали мне дороги, — так же тихо ответил он.

Мадлен всмотрелась в лицо мужчины, стоящего перед ней, и увидела то, чего раньше не замечала. Матовый блеск его кожи, подобный свечению, исходящему от древних папирусов, явственно говорил об истинном возрасте графа.

— В юности, — произнес Сен-Жермен, пристально глядя в ее глаза, — я был, что называется, долговязым. Теперь я едва ли могу считаться человеком среднего роста. Пройдет лет четырехста, от силы пятьсот — и я сделаюсь карликом.

Он подошел ближе к Мадлен, протянул руку и нежно коснулся ее щеки.

— Сен-Жермен, — еле слышно шепнула она, накрывая его пальцы ладонью.

— Не искушайте меня, Мадлен. Вы не понимаете, с чем столкнулись...

Сделав над собой усилие, он опустил руку.

— Идемте, я отведу вас к тетушке.

Граф отступил и указал глазами на дверь.

— Запомните все, что тут говорилось о Сен-Себастьяне, и остерегайтесь. Я буду вас охранять, но зло коварно. Вслушивайтесь в себя. Ум и проницательность — лучшая ваша защита. Если придется вызывать о помощи — спрячьте гордость в карман. Кричите — и я услышу.

Мадлен досадливо передернулась и коснулась его руки.

— Этот эликсир жизни... — пристально глядя на графа, спросила она. — Как вы его добываете?

Сен-Жермен замер, восхищаясь ее отвагой.

— Я его пью, — жестко произнес он. — Спросите Люсьен Кресси.

— Так я и думала, — кивнула Мадлен. — В этом причина ее болезни?

— Нет, — глухо ответил граф, отнимая руку и отступая. — Это скрашивало ее одиночество. В противном случае я бы даже не приблизился к ней.

— Она знала, что это вы?

Сен-Жермен усмехнулся.

— Ей снились сны, дорогая. Дивные, чарующие сны. На какой-то миг она расцветала. Но приходило утро — и все возвращалось на круги своя.

Граф надолго умолк.

— Добрые сестры рассказывали нам о ночных наваждениях. О мерзких порождениях мрака, пьющих кровь христиан. Но вы сказали, мадам де Кресси это вовсе не претило?

Граф проклял барьер, стоящий между ним и этой любопытствующей особой.

— Несомненно, — сухо ответил он.

На лице ее промелькнуло лукавое выражение.

— Ах, Сен-Жермен, у моего колье опять сломалась застежка, — сморщив носик, прошептала Мадлен. — Она немилосердно царапает кожу. Посмотрите — там, кажется, кровь.

Взгляд графа невольно метнулся к ее горлу, глаза его потемнели.

— Разве не вы собирались подсунуть мне овцу или лошадь?

Слова, которым он попытался придать оттенок иронии, прозвучали как мольба о пощаде.

— Только если вам понадобится больше, чем во мне есть.

Сен-Жермен рассмеялся, но уже с искренним восхищением.

— Мне нужно не больше бокала. Но... это небезопасно,— быстро добавил он.

— Небезопасно? — с блестящими от нарастающего возбуждения глазами переспросила Мадлен.

— Если я возьму слишком много...

Сен-Жермен взял девушку за плечи и легонько встряхнул. Когда он заговорил, голос его был едва слышен:

— Если я буду брать слишком много или слишком часто к этому прибегать, то после смерти вы превратитесь в такое же, как я, существо — нечистое, отвратительное, преследуемое и отверженное людьми.

— Вы не отверженный,— возразила она.

— Я был отверженным. Но я учусь им не быть.

— Ну, один-то разок, без сомнения, не повредит,— рассудительно сказала Мадлен. Она вся подрагивала от нетерпения.— О, Сен-Жермен, не упрямьтесь, прошу вас...

— Я все еще могу проводить вас к тетушке.

— О нет!

Мадлен проворно загородила спиной дверь.

— Я никогда не понимала, как может женщина существовать без любви. Теперь я вижу, что такое бывает. Я наблюдаю за теми, кто меня окружает, и делаю выводы. Они неутешительны, граф! Если меня ждет удел моей тетушки, я хочу хотя бы познать, что это значит — любить и быть любимой.

На лице Сен-Жермена появилось незнакомое выражение, и сердце Мадлен отчаянно заколотилось. Его тонкие сильные пальцы нащупали на ее щеке предательскую застывшую, и гранатовое кольцо с легким шелестом упало к ногам.

— Ты твердо уверена, что этого хочешь?..

Руки его уже знали ответ. Уверенными движениями они высвободили из корсажа груди замершей в ожидании девушки и нежно огладили их. Потом граф обнял Мадлен,

покрывая поцелуями ее веки. Голова Сен-Жермена клонилась все ниже, пока его губы не отыскивали ранку...

Тихо вскрикнув, Мадлен прижалась к нему, пьянея от холодящего сердца восторга. О как же он горек и долгов — этот первый в ее жизни по-настоящему чувственный поцелуй!

Отрывок из письма графини д'Аржаньяк к мужу, графу д'Аржаньяку.

«14 октября 1743 года.

...В общем, дорогой супруг, я надеюсь, что вы поддержите эту затею. Ноябрь — тоскливое время года. Убеждена, что общество с радостью откликнется на приглашения, которые я собираюсь всем разослать.

Я хорошо понимаю, как дороги вам ваши оранжереи, и почти знаком истинной привязанности и любви, если вы согласитесь поставить к столу достаточно свежих фруктов. Ваши персики вызывают особенно много похвал.

Я уже ангажировала на вечер балетную группу из театра ее величества, а Сен-Жермен обещал сочинить новые арии для Мадлен. Если мадам Кресси к тому времени еще не поправится, он будет аккомпанировать девочке сам — на клавишине или на гитаре. Мадлен от всего этого, разумеется, в полном восторге. Я уверена: она вновь всех поразит.

Ваш внезапный отъезд в провинцию весьма меня озадачил, и я всерьез беспокоилась, пока не получила письмо. Известие о вашем бедственном положении сильно меня опечалило, но, дорогой супруг, если бы вы рассказали мне обо всем несколько раньше, многого можно было бы избежать. Впрочем, все и сейчас вполне поправимо. Я взяла на себя выплаты по долговым обязательствам Жуанпору. Это поможет разрешить ситуацию — хотя бы на первое время. Да позволено мне будет еще раз призвать вас

покончить с азартными играми, которые поистине разрушительны для вашего состояния и вредят вашему доброму имени. Представьте, этот надутый индюк, этот ваш управляющий только вчера соизволил мне сообщить, что все ваши имения заложены — и давно. Я ведь понятия о том не имела! Умоляю, позвольте перевести ваши долги на меня. Я обращаюсь за помощью к брату, посоветуюсь со своими поверенными, которые вашему не чета, и постараюсь выкупить наиболее крупные закладные. В противном случае у меня есть все основания полагать, что в скором времени вас ожидают разорение и долговая тюрьма. В ожидании вашего скорого возвращения и до счастливого мига нашей встречи остаюсь вашей послушной и преданной женой,

*Клодия де Монталье,
графиня д'Аржаньяк».*

ГЛАВА 8

 — Чертов идиот, — прошипел Сен-Себастьян, презрительно глядя на Жака Эжена де Шатороза. — Можно было сообразить, что ей претят вульгарные заигрывания и плоские комплименты.

— Но как я мог догадаться? Ей нет и двадцати, она росла в дремучей глуши, воспитывалась в монастыре... Мои манеры должны были ее ослепить. Они всегда работали безотказно!

— Ну хватит! — оборвал его Сен-Себастьян, и Шатороз послушно умолк. — Я не намерен выслушивать весь этот вздор и уж тем более не собираюсь прощать вам ваши просчеты. День зимнего солнцестояния близится, девушка должна быть у нас. Вы хорошо понимаете это?

Шатороз побледнел.

— О да, барон, ну разумеется, ну конечно... Однако с этой де Монталье все оказалось так сложно, что... Может быть, нам выбрать другую?

— Видно, вы и впрямь решили меня рассердить. Препредупреждаю: этого лучше не делать.

Сен-Себастьян поднялся с кресла и, шелестя багровым халатом, перешел в другой угол библиотеки. Он остановился у полки с римской поэзией и принялся оглядывать корешки книг.

— Ну хорошо, я попытаюсь еще раз, — промямлил маркиз. — Правда, ума не приложу, что тут придумать! — Де Шатороз раздраженно скривился и шагнул к Сен-Себастьяну.

— Кто вам велел приближаться ко мне? — негромко спросил Сен-Себастьян, и Шатороз замер на месте. — Вы, кажется, позабыли первый закон нашего круга. Повиновение и безоговорочное исполнение всех приказов — вот что предписывается любому из нас. — Сен-Себастьян усмехнулся. — Вам приказали предоставить в наше распоряжение мадемуазель де Монталье. Вы не справляетесь с этой задачей. Вас, видимо, ничуть не смущает контракт, который вы подписали? Если затея с девочкой провалится, вы знаете, что вас ждет? Вы ведь внимательно изучили контракт, прежде чем поставить под ним свою закорючку?

Щеки Шатороза неожиданно побагровели.

— Я мало что помню... я был тогда пьян...

— Жалкая отговорка, — отмахнулся Сен-Себастьян. — Впрочем, извольте, я освежу вашу память. Нарушитель законов круга проклинается его членами и изгоняется из рядов. Дабы он не мог ни о чем рассказать, ему отрежут язык. Дабы он не мог ни о чем написать, руки его отрубят. Дабы он не мог никого опознать, ему выжгут глаза. Затем в течение ночи круг будет тешиться с ним, а потом, обнаженным, его выбросят на дорогу. Дальнейшим должна будет распорядиться судьба.

Сен-Себастьян проговаривал это, опустив смиренно глаза и сложив молитвенно руки. Шатороз то краснел, то бледнел, уstraшенный безрадостной перспективой.

— Надеюсь, теперь вам все ясно?

Шатороз искательно улынулся.

— О, я и не думал от нее отступаться! Просто неудача меня удручила. Обычно все эти провинциалки сами вешаются на меня. Знаете, почему я был столь неловок? — выпалил он вдруг. — Да потому, что граф Сен-Жермен не отходил от нее ни на шаг.

— Ах Сен-Жермен? — фыркнул Сен-Себастьян, отворачиваясь от Шатороза. — Господин, окружающий себя атмосферой таинственности! Этакая вездесущая и чуть ли не бессмертная личность!

Сен-Себастьян уставился невидящим взглядом на рдеющие в камине угли. Их отсветы делали атмосферу библиотеки зловеще багровой.

— Значит, ему вздумалось встать у меня на пути?

У Шатороза живот подвело от страха, настолько жуткими ему показались эти вроде бы мало что значащие слова сутулого старика.

— Так что же мне делать? — пробормотал он, заикаясь. — Хорошо бы как-то избавиться от него.

В глазах Сен-Себастьяна промелькнуло нечто, ввергшее маркиза в еще больший страх.

— Вот-вот, избавиться, — медленно выговорил барон. — И вам надлежит это сделать. Я хочу, чтобы этот господин исчез с нашего горизонта. Но имейте в виду: круг впутывать в это дело нельзя. Вы поняли? Нельзя ни под каким видом. Скомпрометируйте его, вызовите на поединок или наймите убийц, но круг должен остаться вне подозрений.

— Я понял, — нервно сглотнул Шатороз. — Хорошо.

Сен-Себастьян, сцепив за спиной руки, принялся расхаживать вдоль книжных полок. Тишину, воцарившуюся в помещении, нарушал лишь шелест его халата, вторивший еле слышному шарканью старческих ног. Наконец он остановился возле окна, выходящего в парк, но обычно радующая глаз панорама была на сей раз скрыта за пеленой октябрьского ливня: Париж еще с утра обложили тяжелые, свинцовые облака.

Если что-то и тревожило Сен-Себастьяна, то на лице его это не отражалось никак. Барон повернулся к Шаторозу.

— Скажите теперь мне вот что. Граф д'Аржаньяк действительно азартный игрок?

— Да, — ответил озадаченный Шатороз.

— И он по уши в долгах?

— Да. Все его поместья заложены. И хотя граф никогда в этом не признается, он полностью зависит сейчас от жены.

Сен-Себастьян удовлетворенно вздохнул.

— Хорошо. Прямо-таки прекрасно. И кому же он должен?

— Всем, — скорчив гримасу, ответил Шатороз. — Стоит ему дорваться до карт или рулетки, он становится хуже пьяницы. Я своими глазами видел, как он в один час спустил двадцать тысяч ливров.

— Это серьезная сумма. Не удивительно, что он весь в долгах. Вы не в курсе, что он думает обо всем этом? Его устраивает зависимость от жены?

— Ну нет! Его от женушки просто воротит. Иногда мне кажется, — глубокомысленно добавил Шатороз, — что он ведет себя так нарочно, чтобы ей досадить.

— В таком случае он, вероятно, будет лишь рад, если ему предоставят возможность списать часть долга за, собственно, сущую ерунду. Ведь супругу его, я полагаю, сильно расстроит пропажа ее любимой племянницы?

Сен-Себастьян все еще сохранял задумчивость, но злобная улыбка его сделалась шире.

— Вы хотите сказать, что д'Аржаньяк отдаст нам племянницу лишь для того, чтобы насолить своей благоверной? — оторопело спросил Шатороз.

В первый момент замысел показался ему просто невероятным, но, обдумав его, он заключил, что шанс на успех все-таки есть. А плюсы смелого хода более чем очевидны. Если что-то всплывет, первым подозреваемым окажется

д'Аржаньяк. А потом и виновником — куда ему деться? Маркиз кивнул:

— Думаю, он согласится, если правильно повести разговор.

Сен-Себастьян опустился в низкое турецкое кресло.

— Кому из наших он больше всего должен?

Шаторозу тоже хотелось сесть, но он не решался. Маркиз ограничился тем, что облокотился на каминную полку и ослабил левую ногу. В новом костюме для конных прогулок он был, несомненно, хорош. Полы камзола, чуть скошенные и вывернутые, крепились над бедрами, демонстрируя черную с золотом саржу подкладки; бриджи английской шерсти имели цвет охры; шею модника облегли бельгийские кружева. Портит всю картину только лицо маркиза. Лишенное всегдашней маски надменного безразличия, оно выглядело туповатым.

Сен-Себастьян раздраженно забарабанил пальцами по подбородку.

— Так вы знаете или нет? Если нет, извольте выяснить все до заката.

— О, простите, простите, — поспешно пробормотал Шатороз. — Я размышлял. Думаю, Жуанпору он задолжал более, чем другим. Графиня выплатила часть долга, но, разумеется, это не все. Сумма столь велика, что у нее просто нет таких денег. — Наморщив лоб, он добавил: — Похоже, речь идет об имении графа в Анжу. Не уверен, но подозреваю, что оно передано Жуанпору в залог, и пока нет никаких признаков, что д'Аржаньяк готов его выкупить.

— А он захочет? — спросил Сен-Себастьян, кладя ногу на ногу. Лицо его осветилось довольством.

— О да! — Шатороз упорно прятал глаза. Холодный пронзительный взгляд визави сильно смущал перетрусившего маркиза. — В Анжу находятся его любимые оранжевые. д'Аржаньяк скорее умрет, чем расстанется с ними.

— Прекрасно, — прикрыв глаза, заметил Сен-Себастьян.

— Кроме того, он задолжал де Вандому. Не так, конечно, много, как Жуанпору, но все же солидно. Там заложены, кажется, драгоценности. Впрочем, как у них сладилось, я не знаю. Герцог бахвалился выигрышем довольно давно.

Сен-Себастьян пожал плечами.

— Ладно, не важно. Сначала надавим через Жуанпору, а коль не договоримся, подключится Вандом.

В дверь постучали.

— Ну, кого еще там несет? — крикнул барон.

Дверь приоткрылась, и в библиотеку вошел рослый лакей. Он поклонился — почтительно, но с нагловатой ленцой, выдававшей в нем холуя, которому господин спускает многое с рук.

— Чего тебе, Тит?

— Здесь Ле Грас, господин барон. Он хочет с вами поговорить. Уверяет, что дело срочное.

Сен-Себастьян заносчиво повел подбородком.

— С такими я говорю, только когда пожелаю. Надеюсь, ты дал ему от ворот поворот?

— Нет. Он уверен, что вы его примете! — Тит подошел чуть ближе и встал.

— Это еще почему? — Сен-Себастьян дал знак Шаторозу посторониться.

Тит мягко, как кошка, скользнул к господам, потом протянул руку и резко разжал кулак. На его ладони лежал неограниченный голубоватый алмаз размером с птичье яйцо.

Сен-Себастьян резко поднялся на ноги. Шатороз с чувством выругался.

— Ле Грас сказал, что гильдия магов узнала секрет выраживания драгоценных камней от странного человека, называющего себя князем Ракоци Трансильванским.

— Он подлинный? — спросил Шатороз, пораженный размерами камня.

— Ле Грас клянется, что этот алмаз изготовлен в алхимическом тигле. — Тит замер, спокойно глядя на Сен-Себастьяна.

Барон постоял, глядя в каминный зев, потом нехотя произнес:

— Проводи его в голубую гостиную и вели подождать. Я скоро к нему выйду. Даже если камень не настоящий, он стоит того, чтобы о нем побольше узнать.

Тит поклонился и выскользнул в дверь, пряча усмешку.

— Я поражен! — вскричал Шатороз.

— Князь Ракоци... князь Ракоци... Где я слышал это имя? — Взгляд Сен-Себастьяна был устремлен на свинцовую, ворочающуюся за окном пелену. — Оно мне смутно знакомо...

— Так что же насчет камней? — перебил его неимоверно возбуждившийся Шатороз. — Ле Грас откроет нам эту тайну?

— Естественно, — с ледяным спокойствием произнес Сен-Себастьян. — Не откроет, мы найдем способ вытащить из него секрет. — Он опять принялся бродить по библиотеке, роняя слова: — Вам следует поговорить с Жуанпором, потом с д'Аржаньяком. Эта девушка принадлежит мне. Она мне обещана еще до рождения, и я не дам ей уйти. Итак, я во второй раз поручаю вам это дело. Предупреждаю, на этот раз неудачи быть не должно. Удалите с моего пути Сен-Жермена, отвлеките тетку — и добренький дядюшка на блюдечке принесет нам Мадлен.

— Как прикажете, — низко поклонился маркиз.

Сен-Себастьян пошел к двери, но на пороге обернулся и, почти не разжимая губ, процедил:

— Если дело снова провалится, Шатороз, вы пожалейте, что появились на свет.

Он вышел. И хотя маркиз стоял у камина, он вдруг почувствовал, что совершенно продрог, словно от раскаленных углей веяло смертным холодом, а не животворным теплом.

Документ, изложенный на пергаменте по-латыни, хранящийся в библиотеке Сен-Себастьяна.

«19 августа 1722 года.

Во имя Асмодея, Велиала и Ашторет, Круга, Крови, Закона и Знака!

Я, Робер Марсель Ив Этьен Паскаль, маркиз де Монталье, клянусь кругу и его главе, барону Клотэру де Сен-Себастьяну, что мой перворожденный законный ребенок будет вручен кругу, дабы тот распорядился им по своему усмотрению.

Будучи человеком еще не женатым, но обрученным с Маргаритой Денизой Анжелиной Раньяк, я подтверждаю, что первый ребенок, рожденный в моем с ней браке, будет признан законным. Если первенцем будет мальчик, он унаследует все мое состояние.

Буде я попытаюсь эту клятву нарушить, да лишусь я навеки дарованного мне блага и да не будет ниспослано мне покоя ни на море, ни на суше, пока не достигнут меня отмщение круга и мощь сатаны, иже пребудет во веки веков.

Сие подписано, засвидетельствовано и действительно вне зависимости от того, жив буду я или мертв в то время, когда моему перворожденному отпрыску исполнится 21 год.

Р. М. И. Э. П.,
маркиз де Монталье».

Часть 2

МАДЛЕН РОКСАНА БЕРТРАНДА ДЕ МОНТАЛЬЕ

Отрывок из письма аббата Понтнефа к кузену, маркизу де Монталье.

«16 октября 1743 года.

...А недавно ваша сестра устраивала прием, и я имел счастье насладиться пением вашей дочери. Господин Сен-Жермен аккомпанировал ей на гитаре. Признаюсь, я не поклонник гитары — ей не хватает утонченности флейты и божественной мелодичности лютни, — однако готов согласиться, что Сен-Жермен играл очень мило и музыка, им сочиненная, гармонично сливалась с чудным вокалом Мадлен. Я с удовольствием просмотрел тексты арий, их содержание не вызвало у меня ни малейшего нареkania; уверен, и вы бы нашли их вполне удовлетворительными. Сен-Жермен дважды прав, не следуя нынешней моде на диссонансы: напротив, его мелодии всецело обращены к классическим образцам и даже несколько устаревшим созвучиям прошедших веков.

В свете Мадлен порой приходится сталкиваться и с Боврэ, и с Сен-Себастьяном, что, конечно, прискорбно, но не может быть предотвращено без открытого противодействия, которое способно их лишь раздражить и дать пищу для пересудов, а девушке, стремящейся сделать удачную партию, это совсем ни к чему. Впрочем, я взял на себя смелость в общих словах предостеречь ее против Боврэ и Сен-Себастьяна, объяснив, что их сомнительная репутация может бросить тень и на ее доброе имя. На-

деюсь, она это поняла. Всей правды я, разумеется, говорить дочери вашей не стал, ибо, мне кажется, время тому еще не пришло...

...Что же касается религиозной стороны жизни Мадлен, я счастлив и горд сообщить: тут нет никаких причин чего-либо опасаться. В дни Господа нашего и по пятницам дочь ваша ходит к мессе, исповедуется по вторникам или субботам. Она чиста помыслами и исполнена подлинной веры, то есть в точности такова, какой вы ее мне описывали в прежних своих посланиях.

Тревога ваша относительно Сен-Жермена представляется мне безосновательной. Мадлен говорит, что привлекает его внимание приятным и лестным, однако не более. Ей и в голову не приходит рассматривать графа в качестве возможного жениха. Чтобы убедиться в том окончательно, я поговорил с самим Сен-Жерменом. Он не поскутился на похвалы Мадлен, особенно восхищаясь ее вокальными дарованиями и тонким умом, однако проявлений других каких-либо чувств я не заметил. Откровенно говоря, лично мне никогда не казалось, будто Сен-Жермен уделяет вашей дочери больше внимания, чем того требуют совместные музыкальные упражнения. Точно так же он был внимателен и к мадам де Кресси, пока та не заболела. Не беспокойтесь, дорогой кузен: ни Мадлен, ни Сен-Жермен друг в друга не влюблены и нет никаких признаков, что это случится. Ваша дочурка мыслит исключительно здраво, и, поверьте, в вопросах серьезных она никогда не воспротивится воле семьи. Когда в беседах с ней я затрагиваю тему светских и семейных обязанностей женщины, Мадлен неизменно мне отвечает, что осознает свой долг и не намерена им пренебрегать.

Позвольте мне, дорогой Робер, еще раз воззвать к вашему сердцу, дабы вы примирились с Богом и Церковью: человеческий век недолог, дни наши полны скорби. Ваши ошибки остались в далеком прошлом, раскаяние ваше искренне и глубоко. Не впадайте в отчаяние, но неуклон-

но надейтесь на бесконечную милость Божию и прощенье Матери-Церкви. Грешник, сбившийся с пути истинного и обретший покаяние, во сто крат дороже Господу, чем тот, кто никогда не оступался. Исповедуйтесь, кузен, и покайтесь от всего сердца, дабы снова позволено вам было подойти к причастию и вкусить крови и тела Господня. Молитесь Святой Деве о милосердии. Да, ваш грех велик, ибо вы отреклись от Господа, но святой Петр совершил то же самое и был прославлен в раю. Если Господь простил своему сподвижнику, он примет и вас. Пообещайте, что соберетесь наконец с духом и придете на исповедь...

Будьте уверены, что ваша дочь находится под моим неусыпным надзором и я всякую минуту готов прийти ей на помощь и уберечь от ошибок, если она дрогнет перед искушением. Жития святых мучеников и мои наставления да послужат ей путеводной звездой.

Во имя Господа, пред лицом которого все мы братья и смиренные рабы, посылаю вам благословение. Не падайте духом и укрепляйтесь молитвами. Ибо Спаситель приходит ко всем.

Имею честь оставаться вашим преданным кузеном,
аббат Альфонс Рейнар Понтнеф».

ГЛАВА 1

На бумагу в третий раз шлепнулась клякса, и Мадлен с раздражением отшвырнула перо.

— В чем дело, дорогая? — спросила графиня.

Они находились в самом обширном из дальних покоев — просторном, слегка старомодном салоне с шестью высокими окнами, выходящими на северо-запад. Обычно из них открывались прекрасные виды, но мелкий осенний дождь зарядил еще с ночи, и в помещении было полутемно. Душа Мадлен жаждала ливня, а нынешняя неиз-

бывная морось способна была нагнать лишь тоску. Тоску нагоняла и тетушка, корпевшая над шитьем, и то, что самой Мадлен приходилось корпеть над скучной работой.

Графиня перекусила нитку и спросила опять:

— Так что же случилось?

— Дурацкие перья! — тряхнула головкой Мадлен. —

Мне ни за что не успеть! Ни за что! Так и знайте!

Взглянув на кипу уже приготовленных к отправке конвертов, она добавила:

— Их пятьдесят семь. А осталось больше трехсот.

— Ну что ж, — заметила Клодия, делая очередной стежок, — можешь позвать Милана и поручить это ему. Кажется, кто-то сам вызвался мне помочь, а теперь начинает хныкать.

— Я, наверное, была не в своем уме, — вздохнула Мадлен, отодвигая в сторону миниатюрный столик. — Не обращайтесь внимания, тетушка. У меня просто болит голова. Визит вашего генерала испортил мне настроение. Как будто кому-то есть дело до Австрии. Какая разница, кто там взошел на трон!

— Понимаешь, Мадлен, — произнесла тетушка, снова склоняясь над рукоделием, — пока был жив Флери*, мирная жизнь у нас длилась и длилась. А генералам мир не по вкусу.

Распутывая нитки, она добавила:

— Теперь Флери умер, и королевской пассии** вздумалось повоевать, что с ее стороны, по-моему, очень глупо. А глупость всегда наказуется. В один прекрасный день его величество от нее отвернется, попомни мои слова. Что до

* Аббат Флери — наставник Людовика XV с шестилетнего возраста. С 1726 по 1743 год являлся первым министром Франции. Пользуясь своим неограниченным влиянием на короля, успешно осуществляла политику мира с соседними странами.

** Имеется в виду маркиза де Латурнель, позже пожалованная в герцогини де Шатору. Будучи фавориткой Людовика XV (с 1740 по 1744 год), поддерживала партию воинственно настроенной знати и добилась того, что Франция вступила в войну за австрийское наследство на стороне Пруссии и Баварии.

политики, то Мария Терезия Австрийская* очень не вовремя принялась заигрывать с англичанами, и затяжной войны нам, пожалуй, не миновать.

— Как все это скучно. Скучно и... безотрадно.

Мадлен встала, подошла к окну и застыла возле него, глядя на облака. Она была очень хороша в рассеянном пасмурном свете. Ей удивительно шло платье из узорчатой плотной тафты: впрочем, ей шло все, что бы она ни надела. Шею девушки облегал атласный розовый шарф, на плечи она накинула испанскую шаль с бахромой: в доме было прохладно.

— Слава великого прадеда не дает его величеству спать. Наш король вознамерился продемонстрировать всем, что он способен править Францией самостоятельно,— продолжала графиня.— И это весьма неразумно. Ведь рядом с ним хватает людей, способных прекрасно со всем этим справиться. Зачем взваливать на себя непомерное бремя? Ах, Боже мой! — вдруг взволновалась она.— Что это я так разболталась? Я не хотела сказать ничего дурного. Мадлен, ты должна помнить: наш король, без сомнения, великий и славный монарх.

На какое-то время Клодия погрузилась в работу, потом заметила совсем другим тоном:

— Да не волнуйся ты так. Все пройдет хорошо. Мы не хуже других и славно отпразднуем твои именины. Тебя кавалеры просто затормошат, ты будешь танцевать до упаду, а наутро почувствуешь себя совершенно разбитой и проваливаешься в постели весь день. Прием, конечно, всегда ералаш, но как-нибудь обойдется.

— Ах, тетушка! Ну при чем тут прием? Просто мне как-то тоскливо. Сегодня с утра я хотела прокатиться верхом, но этот несносный дождь все испортил...

Мадлен резко отвернулась от окна и пошла к своему столику.

* Мария Терезия (1717–1780) — австрийская эрцгерцогиня из рода Габсбургов, с 1740 года королева Венгрии и Чехии. Вплоть до 1748 года вела войну с Францией и другими европейскими странами, ослапившими ее права.

— Да, тяжело сидеть взаперти, если мечтал о прогулке,— согласилась Клодия, перебирая мотки ниток в коробке.— Вот ведь досада! — воскликнула вдруг она.— Злодей-красильщик опять все напутал. Разве эти цвета одинаковы? Конечно же нет, я ведь еще не слепая. Завтра я с этим мошенником поговорю, а сегодня, так уж и быть, поработаю с фоном.

Дама вздохнула и принялась вдевать нитку в иглу.

Мадлен лишь поморщилась, заточивая перо. Покончив с заточкой, она скептически оглядела чернильницу и долила туда немного воды.

— Думаю, дело именно в этом. Густые чернила мешают письму.

Вдохнув еще горше, чем тетушка, девушка погрузилась в работу.

К стопке готовых конвертов добавились пять других, когда дверь открылась и в салон вошел граф д'Аржаньяк. Его элегантный наряд свидетельствовал о том, что он успел сменить платье с дороги. Тридцатидевятилетний аристократ был совсем недурен собой, и выглядеть просто красавцем ему мешало лишь выражение лица, кислое и капризное, как у обиженного мальчишки.

— Жервез!

Пяльцы упали на пол, графиня встала.

Граф подчеркнуто холодно поцеловал ей руку.

— Добрый день, Клодия. Я вижу, у вас все в порядке.

Он повернулся к Мадлен.

— Надеюсь, мадемуазель, Париж вам все еще нравится?

Тон графа ясно указывал: лучшее, что может сделать Мадлен, это немедленно удалиться.

— О, Париж восхитителен, граф. Мне не нравится дождь.

Мадлен склонилась в почтительном реверансе, но ей ответили небрежным кивком. Девушка вспыхнула: ее самолюбие было задето.

— Жервез,— мягко укорила графиня.— Мадлен — любимая наша племянница, нельзя с ней так поступать. Или вы еще не отстали от деревенских привычек?

Она произнесла эти слова с улыбкой, но челюсти графа сжались.

— Прошу извинить, моя милая,— произнес иронически он, отвешивая племяннице глубокий поклон.— Я ведь и впрямь только что из деревни. А деревенщину в городе многое раздражает.

— Жервез,— сухо сказала графиня.— Вас раздражаю, конечно же, я. Давайте поговорим, но не стоит втягивать в наши склоки ребенка...

Мадлен уже шла к дверям.

— Извините меня, тетушка. Прошу прощения, граф. Мне срочно понадобился учебник по каллиграфии. Я хочу его разыскать. Если пожелаете увидеть меня, я буду в библиотеке.

— Хорошо, дорогая. Я знаю, ты любишь чтение и, надеюсь, не станешь скучать.

Улыбка графини была принужденной. Как только затихли шаги Мадлен, Клодия захлопнула дверь, тяжело вздохнула и взглянула в лицо мужу.

— Мои поздравления, мадам,— едко произнес граф.— Вы даже не способны поздороваться мирно.

— Разве девочку обидела я? Но ладно... оставим. Вы просто обеспокоены, а потому и раздражены.— Клодия сжала руки.— Ах, почему вы мне не доверились? Почему не решились рассказать обо всем?

— Чтобы дать вам повод посматривать на меня с жалостью и тайным злорадством? Нет уж, Клодия, благодарю. Поверьте, во мне еще жива гордость.

Граф придвинул к камину тяжелое кресло и упал в него, всем своим видом показывая, что он смертельно устал.

— Разумеется, гордости вам не занимать,— начиная раздражаться, заметила Клодия.— Но почему-то она не позволяет вам быть экономным, а вот швырять деньги налево-направо не мешает ничуть. Граф, вы должны понять: вас ждут серьезные неприятности.

— Ни слова больше! — поднял он руку.— Мои финансовые дела не ваша забота.

Графиня подошла к нему и опустилась на колени, глядя на него снизу вверх. В уголках ее карих печальных глаз блеснули слезинки.

— Но это моя забота, Жервез. Если вы не сможете расплатиться с долгами, король потребует, чтобы я расплатилась за вас.

Граф яростно закивал, отталкивая руку жены.

— Ах вот оно что? Ну, теперь, по крайней мере, все ясно. У вас возникли проблемы. На ваше драгоценное состояние покушаются. А прежде, пока вас не трогали, вам и дела не было до меня...

— Вы все не так поняли,— глухим голосом ответила Клодия, чувствуя, что вот-вот расплачется.— Жервез, умоляю, опомнись! Ты же не хочешь нас погубить? Только подумай, чем это грозит. Мы можем потерять не только твои владения, но и дом, в котором живем...

— Вас это только обрадует! — Он вырвал руку.— Вы ведь всегда хотели моего разорения! Вы ведь только и ждете, когда я, как побитая собачонка, спрячусь за вашими юбками и начну жалко скулить...

Жервез выпрямился, откинулся в кресле.

— И довольно слез, мадам, избавьте меня от сцен.

— Ну ладно,— произнесла Клодия, медленно поднимаясь на ноги.— Вы не пробыли дома и часа — какое там, даже меньше! — а мы уже ссоримся. Я устала от этих бессмысленных ссор! — Она сжала руки, стараясь унять нервную дрожь.— Знаете ли вы, что значит быть нищим, Жервез? Вы думали о том, как и на что нам жить? С какими трудностями нам придется столкнуться? Нет?

— Клодия, только без мелодрам,— отмахнулся Жервез. Однако в его голосе уже не было злости.

— Прошлой весной я встречалась с Лоран Брессан,— отстраненно продолжала графиня.— Я видела, как ей живет теперь. Ее муж разорился, но тем несчастья не кончились. Он застрелился, от Лоран отвернулась семья. Мы с ней одного возраста, но она выглядит на все пятьдесят.

Седые космы, неопрятное платье... А ее дочери — вы помните их? Вы знаете, какова их судьба?

— Ну, тут, мадам, вы можете быть покойны. У нас нет ни дочерей, ни сыновей. Если мы разоримся, никто, кроме нас, не страдает.

Жервез встал и направился к двери.

— Поберегите слезы, Клодия. Хватит и того, что вы всюду суете свой нос.

В дверях он обернулся и, взглянув на графиню, добавил:

— Наверное, мне следует поблагодарить вас за то, что вы оплатили часть моих векселей. Но в будущем вы меня очень обяжете, если воздержитесь от подобной благотворительности и позволите мне самому устраивать собственные дела.

Клодия отрешенно кивнула.

— Как пожелаете, Жервез.

— Я ухожу. К обеду не ждите,— кинул высокомерно Жервез, удовлетворенно заметив, что выдержка вновь изменила графине и слезы, как только он выйдет, хлынут ручьем.— До встречи, мадам.

Выйдя из залы, Жервез быстро пошел длинным коридором дома к конюшне. Ссора с женой доставила ему изрядное удовольствие, хотя в глубине души его шевелились сомнения. Он и в самом деле понятия не имел, каким образом спасти хотя бы жалкие крохи того, что у него еще оставалось. От управляющего шли тревожные письма. Но нельзя же признать, что супруга права! Граф выругался и устоялся на преградившего ему дорогу лакея.

— Чего тебе, Сирано?

Лакей поклонился:

— Вас хотят видеть.

Жервез вздрогнул, подумав, что это какой-нибудь кредитор.

— Он назвал свое имя?

Слова прозвучали слишком громко, выдавая его тревогу. Граф посмотрел через плечо лакея, оглянулся по сторонам.

— Где он?

На лице графа появилась гримаса: дверь в библиотеку была приоткрыта. Он бесшумно подошел к ней и заглянул внутрь.

За столом возле камина сидела Мадлен. Раскидистый канделябр бросал неяркий свет на раскрытую книгу в кожаном переплете, лежащую перед ней. Опустив голову на локоть, Мадлен рассеянно поглаживала шею. На ее губах играла загадочная улыбка.

— Мадемуазель! — довольно резко окликнул Жервез.

Мадлен подняла голову и со слегка смущенным видом поднялась, чтобы присесть в реверансе.

— Что вам угодно, сударь? — спросила она, встретив его изучающий взгляд.

— Ничего-ничего.

Жервез обошел библиотеку, озираясь словно школяр, впервые увидевший такое множество книг.

— Что вы читаете? — спросил он, оборачиваясь к Мадлен.

— Латинских поэтов,— ответила девушка.— Вот послушайте, как это звучит.

Она взяла книгу в руки и повернулась к свету.

Jucundum, mea vita, mihi proponis amorem
Hunc nostrum internos perpetuumque fore.
Di magni facite ut vere promittere possit
Atque id sincire dicta et ex animo
Ut liceat nobis tota perducere vita
Aeternum hoc santus foedus amicitiae*.

* Жизнь моя! Будет счастливой любовь наша, так ты сказала.
Будем друг другу верны и не узнаем разлук!
Боги великие! Сделайте так, чтоб она не солгала!
Пусть ее слово идет чистым от чистой души!
Пусть проживем мы в веселье спокойные, долгие годы,
Дружбы взаимной союз ненарушимо храня.

Катулл, СІХ (перевод Адриана Пиотровского).

— Ну не прекрасно ли? Верность, дружба, любовь...

Жервез недоуменно пожал плечами. В образовании графа имелись пробелы, но он не подозревал, что они столь обширны. Послушать стишки было бы можно, но из других уст и в другой обстановке. И потом, в них ведь надо хоть что-нибудь разбирать.

— Очень мило,— буркнул граф и попятился к двери, но вновь натолкнулся на Сирано. Возле того стоял еще один мальи — в синей ливрее с красными лентами.

— Я должен кое-что вам сообщить, господин.

— Да, да, разумеется,— быстро ответил Жервез, довольный, что есть повод ускользнуть от Мадлен. Он слегка поклонился: — Не буду вам мешать, моя милая. Поэзия требует уединения и тишины.

Выйдя за дверь, он облегченно вздохнул и переключил внимание на чужого лакея.

До слуха Мадлен долетело какое-то имя, кажется говорили о Жуанпоре. Впрочем, шутюканье вскоре стихло, и мысли ее вернулись к Катулла. Как шокированы были бы добрые урсулилки, узнав, на что их прилежная ученица употребляет знание латинского языка! Мадлен тихо произнесла:

— *Da mi basia mille, deinde centum, dein mille altera, deinde usque altera mille, deinde centum...* Дай же тысячу сто мне поцелуев, снова тысячу дай и снова сотню...

Она закрыла глаза, вспоминая прикосновения и поцелуи Сен-Жермена.

Ее грезы были разрушены голосом д'Аржаньяка, громко зовущего кучера, и суетой, которая поднялась во дворе. Мадлен поехала, впервые заметив, что в библиотеке довольно прохладно, и со стыдом осознала, что пробыла здесь гораздо дольше, чем собиралась. Со вздохом она закрыла Катулла и отправилась на поиски тетюшки.

Письмо мага Беверли Саттина к князю Ракоци. Написано по-английски.

«17 октября 1743 года.

Его высочеству Францу Иосифу Ракоци, Трансильванскому князю, Беверли Саттин шлет почтительные приветствия.

Гнездо черного феникса исчезло вместе с яйцом. Сельбье избит чуть не до смерти. Оулен также пропал. Наши поиски не увенчались успехом.

Умоляю ваше высочество оказать гильдии помощь. Приходите в известное место как можно скорее.

*Всегда ваш... и т. д.,
в спешке и отчаянии,
Б. Саттин».*

ГЛАВА 2

— Ну? — резко произнес Сен-Жермен, входя в «Логово красного волка», и невольно поморщился. В ноздри ему ударила кисловатая вонь.

Красноватые лучи заходящего солнца с трудом пробились сквозь маленькие окошки, с которых годами не счищали паутину и копоть, пол был завален объедками и залит вином.

Беверли Саттин, одиноко сидевший посреди этого хаоса, прворно вскочил на ноги.

— Ваше высочество! — произнес он по-английски и поклонился. — Простите, что пришлось вас беспокоить...

— У меня мало времени, — также по-английски перебил его Сен-Жермен, — а вопросов к вам накопилось более чем достаточно. Сделайте милость, будьте поаконичнее. — Он неторопливо снял плащ и бросил его на спинку стоящего перед ним стула.

Саттин вытаращил глаза, словно студент, вытянувший билет, который он не готовил.

— Ле Грас сбежал,— пробормотал он наконец.

— Знаю. Я ведь велел содержать его под охраной.— В голосе графа звякнул металл.— Почему мой приказ не был исполнен? — Многолетний опыт показывал, что суровость подчас более действенна, чем учтивая речь.— Я не очень-то терпелив,— добавил он, видя, что Саттин смешался.

— Мы охраняли его,— собравшись с духом, произнес англичанин, чувствуя себя более чем неуютно.— Он сидел на чердаке, это третий этаж. Окно мы не запирали — там высоко и стены отвесные. Мы и не думали, что он решится бежать этим путем.

— Похоже, вы ошибались.

Саттин безнадежно развел руками.

— Да, мы ошибались. Я понимаю, ваше высочество, что это не оправдание. Но мы были уверены, что Ле Грас надежно закрыт. Первую ночь караулил Доминго-и-Рохас, вторую — Сельбье. Сторожа регулярно менялись. Кроме того, мы следили, чтобы Ле Грас вовремя ел и мог малость размяться — комнатка там очень мала. Однажды он попросил принести парочку одеял, мы принесли. Погода портится, печки на чердаке нет. А он разорвал одеяла, сплел из них веревку и спустился по ней. Мы ничего и не знали, пока Оулен не понес ему завтрак...

— И вы не сочли нужным немедленно мне сообщить?

— Я думал, что это ничего не изменит. Да и о чем сообщать? Ле Грас не дурак, он, скорее всего, уже удрал из Парижа. Кораблей, уходящих в Америку, много, а в море его не достать.

— Вы снова ошиблись: он еще в здесь. Продолжайте.

Саттин покрылся холодным потом.

— Вас мы тревожить не стали, но кое-кому сообщили. Маги, во всяком случае, не станут ему помогать. Падший брат делается изгоем. Изгоем станет и тот, кто нарушит закон.

Сен-Жермен кивнул.

— Что еще?

— Ничего. Ле Грас словно в воду канул. Но... вы говорите, он тут?

— Да. Мой слуга его видел.— Сен-Жермен оглядел зал кабачка.— Алхимией вы занимаетесь здесь же?

Саттин отрицательно мотнул головой.

— Нет. В смежном доме. Как раз сейчас Доминго-и-Рохас с сестрой вызывают зеленого льва.

Значит, это алхимики нынешней школы. Они делают процессы на женские и мужские; с последними работают братья, с первыми — сестры. Раз Доминго работает с дамой, значит, процесс смешанный, требующий присутствия представителей обоих полов.

— Когда они освободятся? — спросил Сен-Жермен.

— После заката. Когда солнце скроется, делать что-либо бесполезно,— автоматически произнес англичанин, потом вскинул голову и удивленно прищурился. Глупее вопроса не мог бы задать даже невежда. Так ли уж сведущ в алхимии этот загадочный князь?

— Видите ли,— счел нужным пояснить Сен-Жермен,— я обучался этому искусству не здесь. Разные школы, разные направления. Одни делают так, другие не так. В Персии, например, женщин к работе не допускают. В Китае предпочитают кастратов. Не удивляйтесь, Саттин.

— Но процесс не может идти по-иному,— возразил англичанин, глядя на графа как инквизитор, заслышавший речи еретика.

— Разумеется,— устало поморщился Сен-Жермен. Ему было не до дискуссий.— Расскажите-ка лучше, как вы умудрились просяпать тигля?

— Не знаю,— глухо произнес Саттин, пристально изучая провал камина.— Сельбье не в себе, от него толку мало. Оулен словно сквозь землю ушел. Никто его не видел. Никто. Ваше высочество! — Англичанин прижал руки к сердцу.— Умоляю, помогите нам во всем разобраться! Это просто невероятно. Ведь тигль уже был горячим. Там шел процесс!

— Ах вот даже как!

Сен-Жермен некоторое время обдумывал ситуацию.

— Что ж, Саттин, либо кто-то из ваших снюхался с какой-нибудь шайкой, либо кому-то удалось выследить вас. В любом случае ваша гильдия на крючке. Вывод: вам надо отсюда убраться, и как можно скорее. Если вас не настигнет полиция, это сделают похитители тигля.

Граф мельком взглянул в окно. Комната была погружена в полумрак, который едва рассеивали две одинокие свечи.

— Пойдемте-ка в вашу лабораторию. Уже стемнело — думаю, Доминго-и-Рохас покончил с охотой на зеленого льва.

Саттин неохотно поднялся.

— Идите за мной, — пригласил он графа, чувствуя себя совершенно сконфуженным.

Сен-Жермен накинул плащ и завязал его у горла, коснувшись рубина, упрятого в шейном платке.

— А не причастен ли к краже тигля Ле Грас?

— Это невозможно.

— Невозможно? — поднял брови Сен-Жермен. — Не говорите так, Саттин. Это путь к слепоте.

Он двинулся было к двери, но англичанин остался стоять, глаза его странно блеснули.

— В чем дело? — спросил граф.

Саттин колебался секунду, потом решился.

— Я вспомнил одну историю, о которой читал. Почти век назад Гельветиуса посетил человек.

— Да что вы? — любезно произнес Сен-Жермен.

— Он подарил магу кусок философского камня...

— Гельветиусу повезло.

— Маг описал гостя. Это был мужчина среднего роста, темноволосый и темноглазый. Он отлично, правда с акцентом, говорил по-голландски и всем своим видом внушал почтительный трепет, хотя голоса не повышал.

Сен-Жермен безразлично кивнул.

— И что же из этого следует, Саттин?

— Теперь до меня вдруг дошло, — сказал медленно англичанин, — что между вами и тем незнакомцем есть несомненное сходство.

— Сколько же лет было гостю Гельветиуса? Соизволил ли достойный алхимик упомянуть о его возрасте?

— Чуть более сорока, — озадаченно произнес Саттин, упираясь руками в стол.

— А сколько лет, по-вашему, мне?

— Не более сорока пяти.

Сен-Жермен выразительно указал глазами на выход.

— Вы сами разрешили свои сомнения, Саттин. Пошли.

Они окунулись в парижскую ночь, еще полную звуков, и через подворотню прошли на задворки. Из окон пристроек несло подгорелым маслом. Всюду шныряли тощие кошки, шарахаясь от людей.

— Сюда, ваше высочество, — пригласил Саттин, толкнув какую-то дверь. — Наша гильдия небогата, но у нас есть все, что нужно.

В лабораториях алхимиков (даже страны Кем, названной позже Египтом) Сен-Жермену доводилось бывать множество раз. Он приготовился окунуться в атмосферу, полную удушливых испарений, и ожидания его оправдались.

— Князь Ракоци! — прокричал Доминго-и-Рохас, поворачиваясь к двери. — Я уж и не надеялся вас повидать. Мы ограблены, а Ле Грас убежал. — Маг рассмеялся.

— Не важно, — улыбнулся в ответ Сен-Жермен. — Я знаю, где прячется ваш беглец, и постараюсь выяснить, причастен ли он к пропаже. Мадам? — он обернулся к женщине и поклонился.

Та с большим достоинством поклонилась в ответ, обдергивая рабочий передник, и низким грудным голосом произнесла:

— Добрый вечер, ваше высочество.

Доминго-и-Рохас, поколебавшись, решил поклониться тоже.

— Ее зовут Ифигения Анжела Лэрре. Она из Марселя и кое-что смыслит.

— Очарован,— произнес Сен-Жермен, с удовольствием всматриваясь в умное, пронизательное лицо. Своими чертами и неколебимым спокойствием эта женщина очень напоминала Оливию, но та умерла истинной смертью около ста лет назад.

— Вы, как я знаю, преследовали зеленого льва. Успешно ли?

— Мы настигли льва, и солнца он не наглотался,— ответила Ифигения, улыбнувшись.

— Мои поздравления.

Сен-Жермен прошелся по комнате, окидывая рассеянным взглядом змеевики, сосуды, реторты, перегонные кубы и прочие принадлежности, сопутствующие весьма непростому занятию, посредством которого пытливый ум человеческого пытался постичь природу вещей. Все затертое, захватанное, закопченное — хлам, а не инвентарь. В дальнем конце комнаты находилось странное сооружение, напоминавшее улей.

— Вижу, у вас есть еще один тигль.

— Старенький,— торопливо откликнулся Саттин.— Ваши сосуды из платины в него не влезали.

— Ну разумеется,— произнес граф, рассматривая миниатюрную печь. Кирпич, из которого она была сложена, похоже, изготавливали еще в стране Кем, почитавшейся родиной алхимического искусства.

— Даже тигль поновее пришлось переделывать... для кого-то, как оказалось.

— Кто бы это ни был, он знал что искать.

— Боюсь, что так, князь,— согласился Саттин и торопливо добавил: — Но это все-таки не Ле Грас. Тот не знал, чем мы занимаемся.

— Вы уверены? — спросил Сен-Жермен, окинув приоткрытых алхимиков пристальным взглядом.— Ну, вы двое его ни о чем в известность не ставили. А как с остальными? Где Оулен? Кто оглушил Сельбье? Вы можете поручиться за всех?

Доминго-и-Рохас сердито нахмурился.

— Князь Ракоци, это просто невысказуемо. Если вам верить, то наше положение швах. Мы покойники, мы просмотрели предателя, а против предательства оружия нет. Однако все мы еще здоровехоньки, и, значит, не стоит паниковать.

Взгляд Сен-Жермена сделался жестким.

— Теперь мне понятно, почему инквизиция сумела добраться до вас. Предательство — страшная вещь, но беспечность — страшнее.

Ифигения внезапно кивнула.

— Мне кажется, князь прав. Тигль исчез, и мы в любом случае под ударом.— Огладив фартук, она спокойно добавила: — Надо бежать.

— Мудрый вывод, мадам,— кивнул Сен-Жермен.

— Но это же невозможно! — вскричал англичанин на своем родном языке.— Куда нам бежать? Мы не можем все бросить. Нас тут же настигнут. Нет, это конец!

Доминго-и-Рохас не понял ни слова, но горячо закивал.

— Бежать бесполезно. Ифигения, замолчи! Куда ни сунься, нас выследят и накроют. А опыты? Ты что, предлагаешь от них отказаться? Париж огромен, но поди-ка сыщи в нем пристанище. Мы и здесь-то осели с трудом.

— Пристанище надо искать за городскими пределами,— твердо произнесла Ифигения.— И мы будем его искать. А как только оно отыщется — покинем Париж.

Сен-Жермен восхитился. Маги в своем большинстве существа неуравновешенные и импульсивные, а уж житейская рассудительность не свойственна им вообще. Но эта женщина вела себя более чем достойно, и здравого смысла ей было не занимать. Она спокойно взглянула на графа.

— К сожалению, нам и вправду некуда идти, ваше высочество. У магов много приятелей, но мало друзей. Мы попробуем что-то сделать, но всем остальным распорядится судьба.

— И Сельбье,— пробормотал Саттин, кусая губы.— Он здесь, наверху. Разве можно его оставить?! За ним нужен уход.

Сен-Жермен раздраженно повел головой и, проклиная себя за глупость, сказал:

— Вы проглядели одну очевидность.

Три пары глаз устремились к нему и застыли в немом ожидании.

— Есть одно безопасное место, и вы можете туда перейти.

Граф был крайне недоволен собой. Соваться в чужие дела не стоило. Что до сих пор обеспечивало ему долголетие? Разве не скрытность, возведенная в абсолюте? Так почему же он собрался ослабить свою оборону? Чтобы выручить жалкую горстку алхимиков из беды? Ну нет, подумал Сен-Жермен, конечно же нет. Прежде всего он беспокоится о себе. Маги слабы, они не будут молчать, если гильдия попадет в руки закона. Впрочем, главной угрозой являются даже не власти, а Сен-Себастьян. Круг опаснее, чем полиция: за ним стоит сила.

— Что это за место? — выдохнул Саттин. Он был встревожен больше других — от него не ускользнули колебания графа.

Сен-Жермен с кривой улыбкой произнес:

— Подвалы известного вам отеля.

Письмо мадемуазель де Монталье к отцу, маркизу де Монталье.

«19 октября 1743 года.

Дорогой батюшка!

Мне с трудом верится, что родной дом далеко, ибо сердцем я неизменно с вами. Особенно в часы размышлений или молитв. Париж — город красивый, тут все хорошо, но у нас все-таки лучше. Буа-Вер — прекрасное место для конных прогулок, однако я очень скучаю по дикости, какой изобилует наш старый заброшенный парк.

Тетушка наверняка вам писала, что 3 ноября они с графом устраивают прием в честь моих именин. Я в хлопотах, голова идет кругом. Графиня ко мне невыразимо добра, я успела ее полюбить — искренне и всем сердцем, а не по долгу родства. Впрочем, к ней по-иному и нельзя относиться. К тетушке так и льнут все, кто с нею знаком, чувствуя ее великодушие и сердечность. Вы говорите, что светская жизнь портит людей. Возможно, все так и есть, однако ваша сестра ничем этого не подтверждает. Она чудесная женищина, набожная и добродетельная, и поддержка, какую я в ней нахожу, попросту неоценима.

Впрочем, меня опекает также и аббат Понтнеф. Недавно он изъявил желание поприусловствовать на одной из репетиций, которые проводит со мной Сен-Жермен. (Кстати, песни, которые граф для меня написал, просто прелестны.) Аббат — человек очень милый, преисполненный намерения защитить меня от искушений мира сего, он чрезвычайно усерден. Я стараюсь не подавать ему ни малейших поводов к беспокойству. Спросите его — он ответит, что это действительно так.

С Сен-Жерменом мы встречаемся только на репетициях. Иногда он дает мне книги. Из римской философии, а также жизнеописания отдельных святых. Жизнь требует от нас жертв, говорит он, мы должны быть к ним готовы. Граф отличается обширными знаниями и возвышенным образом мыслей, и я убеждена, что разговор с ним был бы интересен и вам.

Завтра в отеле “Трансильвания” фуршет и концерт. Мы, разумеется, тоже идем, этого требует положение. Будут и карты, но для азартных игр отведены особые помещения. Не беспокойтесь, мы с тетушкой туда ни ногой: дочь ваша благоразумна.

И часто, очень часто вспоминает о вас. Ах, дорогой батюшка, как верны ваши остережения! Теперь я и сама воочию вижу, что за внешним блеском жизни парижского общества скрывается пустота. Люди, окружающие ме-

ня, мелки, надменны, чванливы. Взять де Ла Сеньи — тетушка утверждает, что с его стороны вот-вот ожидаются решительные шаги, — возможно, он незлой человек, но у него холодное и равнодушное сердце. Его никто не учил, что надо уметь заботиться о ком-либо, кроме себя, а высший свет этому также не учит. Он богат, кое-как образован, довольно красив и держится очень учтиво, но я сама видела, как он проехал мимо плачущего ребенка и даже не обернулся на плач. Не удивительно, что вы бежали от этих людей. Но подумайте и о другом: ведь вы могли бы служить им примером. Долго ли вы будете хорониться в Провансе? Неужели в том, чтобы слыть замкнутым чудачком, есть какая-то доблесть? Я высылаю вам приглашение на прием и всем сердцем надеюсь на скорую встречу. Приезжайте, я буду на седьмом небе от счастья. А вы своими глазами увидите, как повзрослела ваша проказница-дочь.

И впрямь, в Париже я многое осознала. Размышления о божественном промысле породили во мне новое ощущение веры. В нашем мире, дорогой батюшка, кроме жизни и смерти есть еще и сострадание, позволяющее нам, смертным, преодолеть наш скорбный удел.

Если матушка уже возвратилась из дядюшкиного имения, передайте ей уверения в моей глубочайшей любви. С самыми искренними чувствами и в полной покорности вашим велениям остаюсь вашей любящей дочерью,

Мадлен Роксана Бертранда де Монталье».

ГЛАВА 3

Лакей в синей ливрее с красной отделкой с поклоном распахнул двери небольшого салона и объявил:

— Граф д'Аржаньяк!

Сен-Себастьян оторвался от чтения и небрежно кивнул вошедшему. Граф, опешивший от такой неучтивости,

растерянно замер в неловкой позе, явно не понимая как быть.

— Барон Сен-Себастьян? — дрогнувшим голосом спросил он. — Так это вы хотели меня видеть?

— Да, дорогой граф, — барон встал из глубокого кресла и беззастенчиво воззрился на гостя. — Я, как вы, возможно, догадываетесь, друг Жуанпора.

Жервез д'Аржаньяк инстинктивно дернулся, и Сен-Себастьян довольно кивнул. Очевидно, предварительные переговоры прошли более чем успешно.

— Вам вовсе незачем так волноваться.

Барон отошел к залитому солнцем окну и положил книгу на маленький столик, потом возвел глаза к потолку. Расписной плафон с весьма реалистичным изображением похищения сабинянок всегда приводил его в хорошее настроение.

— Я и не волнуюсь, — солгал д'Аржаньяк. Он все еще держал в руке шляпу и трость. — Однако, признаюсь, — продолжил граф после паузы, — я не вполне понимаю, что происходит.

— Да ничего, собственно. Вы не хотите присесть?

Граф уселся, положив шляпу и трость на колени. Сен-Себастьян перешел к камину. Несмотря на то что дождь прекратился, от окна ощутимо веяло холодком.

— И все же мне как-то странно, барон, — опять произнес гость с наигранной бодростью. — Слуга принес приглашение от Жуанпора, а приехали мы почему-то сюда...

— Ага, вы заинтригованы? — Сен-Себастьян медленно обернулся к д'Аржаньяку и с удовольствием отметил, что тот смутился как школьник. — Этого я и добивался.

— Но... но зачем?

Графу было не по себе. Какая все-таки глупость, что он не догадался надеть свой парадный костюм из красного атласа с расшитыми золотом рукавами. Тот сразу добавил бы ему веса. А посетитель в обычном камзоле из английского голубого сукна, конечно же, не способен вызвать по-

чение... Внезапно в его сознании шевельнулась неприятная мысль.

— Надеюсь, я ничего вам не должен?

Хозяин кабинета испустил долгий вздох.

— Лично мне — ничего. Но по стечению обстоятельств все же выходит, что вы у меня в долгу. На днях де Вандому понадобились наличные деньги, и он перепродал мне несколько ваших расписок.

Барон подошел к одному из столиков (их было в комнате три) и, открыв неглубокий ящик, достал оттуда связку бумаг. Демонстративно пересчитав расписки, он с сочувствием произнес:

— Дорогой граф, ваши ставки просто чудовищны! Опрометчивость не помогает в игре.

Жервез ощутил, что его бросило в краску.

— Не верьте слухам, барон. Эти деньги... они не проиграны.

— Неужели? — в голосе Сен-Себастьяна прозвучало вежливое сомнение. — Что ж, разницы в том никакой, — добавил он, бросая бумаги на столик.

В комнате воцарилось молчание.

— И?... наконец произнес д'Аржаньяк.

— О, я просто хотел поинтересоваться, когда вам будет удобно мне заплатить?

На этот раз пауза затянулась, а когда Жервез снова заговорил, слова давались ему с трудом.

— У меня нет... такой крупной суммы... при себе... в данный момент...

Граф судорожно подергал шейный платок, ставший внезапно слишком тугим.

— Мой управляющий... он все... устроит. Это может потребовать нескольких дней.

— Мне не хотелось бы причинять вам излишнее беспокойство, — любезно сказал Сен-Себастьян. — Я слышал, ваше основное поместье заложено? Возможно, я ошибаюсь, но так говорит Жуанпор.

Барон поигрывал золотой табакеркой, но угоститься гостю не предлагал.

— Да... оно, похоже, заложено, — признал д'Аржаньяк. — Но, думаю, я смогу раздобыть необходимую сумму, чтобы покрыть... это.

Он указал на кипу расписок.

— Вы хотите сказать, что заставите раскошелиться вашу жену? — участливо спросил Сен-Себастьян.

Гримаса, перекосившая лицо д'Аржаньяка, сказала Сен-Себастьяну больше, чем он мог ожидать.

— Да, именно это я и имел в виду. Она заплатит. Не беспокойтесь.

Сен-Себастьян с невозмутимым выражением на лице неторопливо прошелся по комнате.

— Вижу, вам не хотелось бы прибегать к помощи вашей жены, — заметил он, вновь останавливаясь у камина.

Жервез пожал плечами.

— Если бы вам представилась возможность, — продолжил Сен-Себастьян, глядя в огонь, — если бы нашелся способ погасить ваши долговые обязательства, не затрагивая состояния вашей жены, вы бы воспользовались им?

— Такого способа нет.

Отчаяние, прозвучавшее в этих словах, вызвало на лице барона улыбку, но граф ее не заметил: он был глубоко удручен.

— Скажите, — промурлыкал Сен-Себастьян, — племянница вашей жены, мадемуазель де Монталье...

— Редкостная гордячка, — фыркнул Жервез.

— Весьма вероятно. Семейство де Монталье всегда отличалось... высокомерием. Как я понимаю, ваша жена устраивает прием в ее честь?

— Да, третьего ноября, — со слегка удивленным видом ответил Жервез. — Вы хотели бы прийти?

— Я? Нет. Пока нет, — теперь Сен-Себастьян смотрел д'Аржаньяку прямо в лицо, но его выпуклые глаза были лишены всякого выражения. — Я только подумал, что вы

могли бы оказать мне любезность, позволив кое-кому приватно с ней пообщаться...

— С Мадлен? — теперь Жервез был по-настоящему удивлен.

— Да, с Мадлен. С единственной дочерью Робера де Монталье, брата вашей супруги.

— А что вы хотите?

Горло д'Аржаньяка сжало волнение, но он очень быстро его подавил. Собственно, какое ему дело до этой девчонки?

— Я хочу взыскать с ее батюшки один застарелый долг. Убежден, она сможет мне посодействовать.

— Посодействовать чем?

Жервезу весьма не понравилось то, что барон смолчал. До чего неприятный тип. И глаза у него змеиные, и улыбочка такова же.

Он чуть подался вперед и сказал:

— Маркиз де Монталье приедет на праздник. Вы можете взыскать долг с него самого.

— Ах вот как?

Сен-Себастьян прищелкнул языком и подошел к окну.

— Прошло столько лет, но все возвращается на круги своя! Кто бы мог подумать!

— Я... я не понимаю, — пробормотал д'Аржаньяк.

— Вас это не касается.

Сен-Себастьян вернулся к камину, теперь в глазах его бушевало пламя.

— Это дела прошедшие, граф, притом личного свойства. — Он забарабанил пальцами по каминной полке. — Значит, у нас мало времени. Но ничего, мы успеем.

Барон обернулся к Жервезу и резко спросил:

— Ваши долги — вы намереваетесь погасить их?

Жервез сделал жест отчаяния и признался:

— Боюсь, что это невозможно, барон. У меня совершенно нет средств.

— Предположим, это возможно, — продолжал Сен-Себастьян. — Например, я мог бы этому поспособствовать. Могу ли я рассчитывать на крошечную услугу взамен?

Жервез ощутил, что его ладони покрываются потом. Смотреть в горящие глаза Сен-Себастьяна он больше не мог.

— Какую услугу? — вопрос прозвучал глухо.

— Я же сказал, крошечную, — ласково произнес Сен-Себастьян. — Недалеко от Парижа у вас есть небольшое имение. Называется оно Сан-Дезэспор, очень миленькое название. Если вы кое-что для меня сделаете, у вас не останется больше забот. Кроме, разумеется, тех, которые вы доставите себе сами, если вновь решитесь играть.

Барон цинично взглянул на д'Аржаньяка — он знал, что тот не бросит игру. У таких людей тяга к ней граничит с болезнью; все, что ни попадет в их руки, уйдет.

— Что я должен сделать? Что вы мне предлагаете?

Графу отчаянно захотелось, чтобы замысел Сен-Себастьяна и впрямь оказался чем-то невинным. Или, по крайней мере, выглядел так. А в подоплеку можно и не вдаваться. И так голова идет кругом. Надо взять себя в руки и выслушать что говорят.

— Это местечко, как мне помнится, окружено обширнейшим парком. Охотничьи угодья там просто отменные. Вы их делите с кем-то, ведь так?

— Да. На севере — с герцогом де Руиссо-Роялем, восточней — с бароном дю Шассордором. Наши семейства соседствуют уже шесть веков.

План в мозгу Сен-Себастьяна родился легко и быстро. Он коротко хохотнул. Мадлен де Монталье попадется в ловушку еще до того, как ее отец приедет в Париж.

Д'Аржаньяк, словно примерный школяр, положил на колени руки, но тут же их спрятал, заметив, что они затряслись.

— Впрочем, я не охотник. Кому-то, может быть, и по душе эти забавы, а я их не люблю.

— Но Монталье любит! Я слышал, что она, как настоящая амазонка, скачет по бешеной скачке верхом. И уж, наверное, в преддверии праздника не откажется выехать за город на пару деньков. Устройте охоту, граф. В небольшой приятной компании. Возможно, графиня сама вам укажет, кого пригласить. Не стоит отказывать ей в этом маленьком удовольствии. Главное, чтобы в число участников вошел де Ла Сеньи. Он давно восхищается вашей племянницей, и я хочу дать ему шанс узнать ее чуть получше.

— Понятно,— взволнованно кивнул д'Аржаньяк, отчаянно пытаясь обнаружить в словах барона подвох.

— Разумеется, сначала охота. Ничего грандиозного: зачем утомлять девушку накануне триумфа? Несколько выездов по утрам, а вечерами — приятные прогулки вдали от городской суеты. Я убежден: эта поездка доставит ей величайшее наслаждение. И графиня будет довольна, зная, что девочке хорошо.

Жервез задумался и пришел к выводу, что затея действительно неплоха. Она может выставить его перед женой в лучшем свете. Но червячок сомнения не исчезал.

— Но я-то что от этого выгадаю? Для чего мне оплачивать развлечения де Монталье?

— Сейчас вы поймете. Главное, проследите, чтобы там был де Ла Сеньи.

Граф недовольно скривился. Он вдруг прозрел, он понял, что затеял барон.

— Я не хочу, чтобы девушку скомпрометировали под моей крышей. Если де Ла Сеньи вознамерился ее соблазнить, пусть занимается этим в Париже.

Сен-Себастьян усмехнулся.

— Что вы, граф, де Ла Сеньи не таков. Ручаюсь, ничего подобного не случится. Просто дайте им поохотиться вместе, и все. Вознаграждение себя ждать не заставит.

От его иронических уверений Жервезу легче не стало.

— За что?

Вопрос этот следовало задать. Хотя бы для формы. Граф встал.

— Я же все объяснил. Де Ла Сеньи хочет узнать мадемуазель Монталье поближе, а я обещал ему помочь чем могу.

Сен-Себастьян пошарил в кармане и с небольшой заминкой вытащил из него то, что искал.

— Вот, граф, примите — как свидетельство моей доброй воли.

— Что там?

Жервез отступил на шаг, подозрительно глядя на сжатый кулак.

— Часть оплаты. Ну что же вы, граф? Возьмите! Поверьте, вам это пригодится.

Граф неохотно шагнул вперед и протянул ладонь, ожидая какой-нибудь каверзы.

— Ну вот. Найдите Гильома Голландца, он его для вас огранит.

На ладонь Жервеза упал неограниченный алмаз. Граф с изумлением уставился на него. Барон улыбнулся.

— Он подлинный, не сомневайтесь. И стоит немало.

Жервез конвульсивно сжал алмаз в кулаке.

— Я не понимаю,— пробормотал он.

— Вам и не надо ничего понимать. Еще четыре подобных подарка вы получите после поездки в Сан-Дезэспор. Также я буду иметь удовольствие передать вам расписки. А вы получите удовольствие, бросив их тут же в камин.

Сен-Себастьян позвонил, вызывая лакея.

— Желаю удачной охоты, граф. Не забывайте об уговоре.

— О, безусловно,— пролепетал д'Аржаньяк. Он слегка ошалел, но понимал, что пора убираться. Лакей уже открывал перед ним дверь. Граф ринулся к ней, облегченно вздыхая. Счастье вновь ему улыбалось, но на какую сумму — следовало еще оценить.

Сен-Себастьян позвонил еще раз и вызвал де Граса. Алхимик вошел, извиняясь за перепачканный фартук: зов господина застиг его в мастерской.

— Не важно,— отмахнулся Сен-Себастьян.— Скажите, сколько алмазов вы сможете вырастить из того, что у вас есть?

Ле Грас потер подбородок.

— Не знаю. Штук десять-пятнадцать, если все пойдет хорошо. Пока уголь плавится, а посуда выдерживает азотные испарения, можно не унывать. Однако что будет дальше — загадка. Знает о том только Ракоци, но его тут нет.

— Ракоци, опять этот Ракоци! — Сен-Себастьян забежал по комнате. Полы его роскошного клетчатого халата воинственно развевались.— Ле Грас, он мне просто необходим. Тот кто владеет одним секретом, может владеть и кучей других. Я хочу, чтобы вы отыскиали этого человека.

Маг поблел.

— Но барон!. Вы же знаете, меня изгнали из гильдии и, появившись я на улице, никто не даст за мою жизнь и гроша...

— Никто не даст за вашу жизнь ни гроша, если вы еще раз мне возразите. Помните об этом, Ле Грас. Еще помните, что положение ваше здесь шатко.— Он обернулся к алхимику и поглядел ему прямо в глаза.— Вы нужны мне, поскольку изготавливаете алмазы. И как только нужда в вас отпадет...

Он пожал плечами и подошел к огню.

— Но я не смею опять вернуться туда,— умоляюще произнес Ле Грас.

— Вы не смеете препираться,— надменно проронил Сен-Себастьян. Он взял с подставки позолоченные щипцы и пошевелил ими в камине. Взметнулась туча искр, огонь запыла ярче.

— Вспомните мадам де Кресси. После меня вы, кажется, овладели ей первым. Это было всего лишь насилие. Не пытки, не месса крови. Вспомните о ней и подумайте, стоит ли вам мне перечить.

У Ле Граса пересохло во рту, он с трудом прохрипел:

— Я попытаюсь, барон.

— Хорошо.

Сен-Себастьян не глядел на алхимика.

— Я пойду сегодня, сейчас же.

Ответом было молчание.

Маг уже перешагивал через порог, когда вновь прозвучал голос барона:

— Не вздумайте попытаться сбежать. Милосердие мне не знакомо.

— Я и не помышлял об этом, мой господин.

Ле Грас поклонился, хотя барон так и не повернулся.

— Не лгите, Ле Грас. Найдете Ракоци — получите щедрый дар. Не найдете — ваша участь будет ужасной.

На пылающие поленья вновь обрушились жестокие удары щипцов.

Ле Грас брел по коридору, зажав рот ладонями, чтобы не кричать. Чердак над «Логовом красного волка» казался ему теперь самым желанным прибежищем в мире. О, если бы можно было опять оказаться там! И чтобы Оулен стоял за дверью — живой, невредимый. Этого увальня не стоило убивать. Ле Грас сам уничтожил последнюю возможность вернуться. Сначала он заставил туповатого малого перенести тигль в экипаж, а потом заколол, безжалостно, хладнокровно. И избил Сельбье... Хотя убить не сумел. Ему нет прощения. Ле Грас заставил себя мысленно повторить: «Я найду Ракоци» — и вышел из дома.

Услышав, как вдалеке хлопнула дверь, Сен-Себастьян усмехнулся. Он стоял у камина и улыбался видениям, встающим перед ним из огня.

Отрывок из письма маркиза де Монталье к сестре, Клодии д'Аржаньяк.

«24 октября 1743 года.

...Я был поражен, как быстро пришло ко мне письмо от Мадлен. Каких-то пять дней — просто невероятно! Можете мне говорить все, что угодно, об иностранцах, дурно

влияющих на короля, но работа внутренних служб Франции убеждает в обратном. Вести от дочки наполнили сердце мое благодарностью к вам, дорогая сестра, и к ее исповеднику аббату Понтнефу, который мне также недавно писал. Я понял, что прелестям мимолетной жизни она по-прежнему предпочитает вечные добродетели. Это дает мне новые силы и снимает с души невыносимую тяжесть.

Мадлен спрашивает, приеду ли я на праздник, присоединяя тем самым свое приглашение к вашему. Когда два самых родных мне голоса призывают меня, могу ли я устоять? Вы утверждаете, что мне будет приятно вновь окунуться в парижскую жизнь и восстановить старые связи. О некоторых из них, разумеется, лучше забыть навсегда, но к другим я тянусь всем своим сердцем и потому собираюсь прибыть к вам как можно скорее. Я выеду послезавтра и приеду в Париж первого или второго ноября, надеясь воспользоваться радушием графа и погостить у вас несколько дней. Я напишу также аббату Понтнефу, чтобы мы смогли провести вместе то время, какое он сможет мне уделить. Я давно мечтаю услышать его благодатные речи, проливающие на мои душевные раны бальзам. Он почти убедил меня, что несбыточное возможно и что Господь в своей милосердии позволит душе моей обрести мир и покой.

Моя супруга все еще пребывает в имени брата, и, мне кажется, будет правильным, если она и останется там. Я получил от нее весточку и отослал к ней нарочного с письмом, объясняющим, где меня теперь искать и куда писать. Ее брат, как вы, возможно, слышали, снова женился, и его молодая жена носит ребенка. Маргарита поехала присмотреть за детьми от первого брака. Она очень любит своих племянников и племянниц, я решил не отрывать ее от приятных хлопот. Раньяки производят на свет очередного Раньяка, ей нравится на это смотреть. А я с ними, как, впрочем, и с Маргаритой, не очень-то

близок и беспокоить ее сейчас не хочу. Конечно, как муж, я могу приказать ей отступить от брата. Но к чему порывать эти узы? Случись со мной что, куда бедняжка пойдет?

Ваше сочувствие Люсьен де Кресси удивляет меня. Навероятно, чтобы ее муж был столь ужасен. Даже если он действительно подвержен греху, на который вы намекаете, ей надлежит сносить свою участь с должным самозабвением. Не вам, дорогая сестра, оспаривать несомненное право мужей наказывать своих жен. Конечно, ей придется нелегко, но ее первая супружеская обязанность — покоряться. Этот постулат подтверждается законом Божиим, и мы повсюду видим доказательства его мудрости. Возвышаешься лишь в смирении, и узы супружества помогают женщине осознать, что строгий супруг — ее главная защита от праздности и пустых мечтаний. Если Люсьен де Кресси в своем браке обречена на бесплодие, тем легче ей, освобожденной от нечистоты плоти, обрести благодать.

Не мешайтесь в ее жизнь, а лучше посоветуйте этой строптивнице смиренно принять долю, уготованную ей небесами, и подчиниться мужу, как того требует долг. Может статься, кротостью своего поведения она подаст супругу благодатный пример, и тот вернется на праведный путь, сделавшись добропорядочным семьянином...

...Полагаю, наряды, в каких я щеголяю, порядочно устарели. Но тут мне некому подсказать, как одеться, чтобы не оконфузить Мадлен. Покорно прошу вас взять на себя этот труд и высылать мерки, сделанные моим портным. Передайте их хорошему мастеру и прикажите ему сшить для меня по крайней мере один парадный костюм. Я готов заплатить сколько запросят, лишь бы работу сделали к сроку и хорошо. Но заклинаю вас, дорогая сестра: хотя нынче и отдают предпочтение ярким цветам — не увлекайтесь. Я человек угрюмый, так что коричневый шелковый камзол с бархатными отворотами мне вполне

не подойдет. Пожалуйста, никаких лилий и персиков, ибо это все не мое. Если коричневое вы сочтете совсем неприемлемым, оставляю выбор за вами, однако учтите: мои симпатии на стороне спокойных тонов. Думаю, у меня найдутся подходящие кремовые сорочки и кружева. Заранее благодарен за помощь. Понимаю, что заняты вы сейчас чрезвычайно, но завезти мерки к портному может ведь и посыльный, а потому надеюсь, что моя просьба не очень вас затруднит.

В ожидании скорой встречи еще раз сердечно благодарю вас за теплый прием, оказанный моей дочери, равно как и за сестринскую любовь, которой дышит ваше письмо. Засим остаюсь вашим преданным братом,

Робер Марсель Ив Этьен Паскаль,
маркиз де Монталье».

ГЛАВА 4

 Неуклюже опираясь на костыли, Эркюль с трудом чистил щеткой копыта лошади и сквозь зубы бранился. Слишком стара эта кобылка, чтобы бегать в упряжке, слишком стара! Однако работа спорилась, и лошадь стояла спокойно.

— Вижу, дело идет!

Эркюль вскинулся от неожиданности и непременно упал бы, если бы его не поддержала чья-то рука.

— А чтоб тебя! — в сердцах выкрикнул бывший кучер. — Убирайся, бездельник!

Ему показалось, что под руку сунулся отирающийся возле конюшни слуга.

— Ну, если вы настаиваете, — спокойно произнес Сен-Жермен и отступил.

— О, господин, простите. Мне не следовало так говорить, — пробормотал Эркюль в замешательстве, пряча глаза.

— Я сам напросился. Не извиняйтесь.

— Но хозяин-то здесь вы.

Хозяин! Надменная улыбка... длинная трость, вздетая для удара... Эркюль задрожал.

— Вы чего-то боитесь?

— Нет... ничего... — Калека принялся выбирать из стойла. Давалось ему это с трудом. — Вам надо показать ее конювалу.

— Покажу, — кивнул Сен-Жермен. — Вы, похоже, скучаете по своему занятию?

— Скучаю? — переспросил Эркюль. Он окинул конюшню взглядом, и глаза его замигали. — Да. Наверное. Если бы у меня выпали все зубы, я, кажется, меньше бы тосковал.

— Кое-что еще можно вернуть, — заметил Сен-Жермен. Негромко, почти безразлично.

— Что тут можно вернуть? — закрипел зубами Эркюль. — Злодей погубил меня, уничтожил. Лучше бы он швырнул меня под копыта коней. Но это было бы просто. — Кучер вконец помрачнел. — Это бы не доставило удовольствия барону Клотэру де Сен-Себастьяну. Будь моя воля...

— Ну-ну, друг мой, — увещающе проговорил Сен-Жермен, но кучер лишь отмахнулся.

— Он просто чудовище, вот что я вам скажу. Я многое видел, я знаю. И если бы кто-то задумал его раздавить, я бы... Я бы молился на этого человека...

Эркюль отвернулся, смахнув ладонью слезу. Маленькая, затынутая в перчатку рука легла на плечо калеки.

— Предположим, такой человек есть. Вы согласились бы оказать ему помощь?

— Оказать помощь? — повторил Эркюль, пытаясь постичь смысл вопроса. Ему вдруг стало трудно дышать. — Но как?

Сен-Жермен ответил вопросом:

— Вы сможете править каретой?

— Я?

— Да, вы.

— О, господин! Да лишь бы меня посадили на козлы! Бог мой, чтобы управиться с лошадьми, нужны ведь не ноги, а руки. А руки у меня в полном порядке. Вот только на козлы не влезть. Я пробовал, да не вышло...

Подбородок кучера задрожал.

— Вам помогут взобраться, — ровным голосом сказал Сен-Жермен. — Вам дадут в руки вожжи, но там уж... не подведете. От вашего умения многое будет зависеть. Сен-Себастьян жесток.

— Что вы хотите этим сказать?

Страх ледяной рукой вдруг сжал сердце Эркюля.

— Есть люди, которых надо выручить из беды. Есть, например, женщина, угодившая в сети этого негодяя. Сен-Себастьян полагает, что она полностью в его власти. Потому что ее предал муж, потому что у нее нет друзей. Так думает Сен-Себастьян. Но он ошибается.

Последняя фраза прозвучала неожиданно жестко.

— Но... — Эркюль попытался шагнуть вперед, однако костыли помешали, и он лишь переступил на месте.

— Еще мне надо, чтобы вы кое за кем понаблюдали, — продолжал Сен-Жермен, не обращая внимания на эту возню. — Риска почти никакого. Вы, правда, будете на виду, с этим ничего не поделаешь, однако...

— Но мои ноги... — возразил было Эркюль.

— Ноги не мешают. В любом случае они будут укрыты. Даю слово, никто ничего не поймет.

Глаза графа во мраке конюшни светились, как темный янтарь.

Эркюль навалился на брус, ограждающий стойло.

— Я кучер. Это ведь не спрячешь в карман.

— Мы вас загримируем, — сказал Сен-Жермен. Он изучал Эркюля, пытаясь понять, можно ли на него положиться.

— А если меня раскроют? — голос кучера дрогнул.

Сен-Жермен покачал головой.

— Вряд ли. Впрочем, даже если вас и узнают, делу это не повредит.

— Граф! — воскликнул Эркюль и умолк.

— Что? — спросил Сен-Жермен. — Вас что-то волнует? Лучше скажите об этом сейчас. Я не могу рисковать. Расставим все точки.

— Граф, — Эркюлю было тяжело говорить: страх удавкой стянул горло. — Что, если Сен-Себастьян... ну, это... заявит права на меня? Я ведь служил у него. Вдруг он захочет... ну... чтобы я возвратился.

Сен-Жермен холодно улыбнулся.

— Пусть попытается. Он останется с носом. Спросите у Роджера, можно ли мне доверять.

— Он ваш слуга и скажет то, что вы велите, — возразил Эркюль. Смятение его нарастало.

— Плохо же вы его знаете. Роджер не лжет.

Сен-Жермен наклонился, придвинув к калеке лицо.

— Вы ведь хотите отомстить своему бывшему господину?

— Святые видят!

Кучер оттолкнулся от бруса и ухватился за костыли.

— Но вы колеблетесь, — мягко сказал Сен-Жермен. — Почему?

— Я... — Эркюль скривился, избегая смотреть графу в глаза. — Я боюсь. Если что-то у вас не заладится, страшно помыслить, что станет с нами. Сен-Себастьян убьет и меня, и вас.

— Он ничего не сделает ни вам, ни мне, — заверил Сен-Жермен тоном, не допускающим возражений. Странно было слышать эти решительные слова от невысокого человека в черном атласе, с бриллиантовыми пряжками на туфлях. — Возможно, он попытается. Но у него не получится. Так обстоят дела.

— Откуда такая уверенность? — хмыкнул Эркюль.

— Я знаю его,— сказал Сен-Жермен, надеясь, что действительно знает. Указав на окошко, багровое от закатных лучей, он совсем другим тоном добавил: — Ладно, вам пора ужинать. Разговор окончен. Ступайте.

Сказано это было с легким оттенком пренебрежения.

Эркуль был голоден, но не сдвинулся с места.

— Что мне перво-наперво предстоит?

— Ужин,— уронил Сен-Жермен, всем своим видом показывая, что говорить больше не хочет.

— Нет, я о другом,— Эркуль поднял голову.— Скажите, что надо делать.

Сен-Жермен искоса глянул на кучера и кивнул. В нагрудных его кружевах коротко вспыхнул рубин.

— Этой, а может быть, завтрашней ночью необходимо вывезти кое-кого из Парижа. Справитесь, поговорим о другом. Вот все, что вам следует знать. Ради вашего же спокойствия.

— Поездка ударит по Сен-Себастьяну? — спросил с загоревшимся взором Эркуль.

— Да.

— Я это сделаю,— заявил кучер.

— И вы согласитесь понаблюдать, за кем я скажу?

— Да,— кивнул Эркуль, подбираясь на костылях, чтобы встать поровнее.— Отдам все силы, не сомневайтесь во мне, господин.

— Вам понадобятся только глаза,— счел нужным уточнить Сен-Жермен.— И смекалка.

Эркуль приосанился. Взгляд его выражал отчаянную решимость.

— А потом? Что будет потом?

Сен-Жермен медленно покачал головой.

— Хотел бы я знать, но пока что не знаю.— Он все глядел на багрянец окна.— Возможно, нам предстоит большое сражение, а возможно, и нет. В любом случае Сен-Себастьян должен быть посрамлен.

Сен-Жермен умолк и посмотрел на Эркуля.

— Ибо он — исчадие ада.

— Да,— кашлянул кучер. Он все уже понял и просто ждал, когда господин договорит.

— Надеюсь, когда каша заварится, ваша помощь уже не понадобится,— бодро сказал Сен-Жермен, но в голосе его сквозило сомнение.— Однако всегда ведь лучше готовиться к худшему, разве не так?

— Надо проверить лошадей и карету,— пробормотал Эркуль, продвигаясь к воротам и стараясь не зацепить собеседника. Его костыли заскрипели.

— Вам не обязательно заниматься этим,— откликнулся граф.— Скажите Роджеру.

— Будет надежнее, если я все-таки их осмотрю,— ответил Эркуль. Он вдруг обернулся.— Вы только позвольте мне двинуть ему. Хотя бы разок! Только позвольте — и я ваш навеки!

Затем кучер повернулся и, стуча костылями, ушел. Сен-Жермен погрузился в задумчивость. Решения, которые ему предстояло принять, требовали непростых размышлений.

Записка Люсьен де Кресси, отобранная ее мужем у горничной.

«Дорогая Клодия!

Когда-то ты обмолвилась, что дашь мне приют, если дела мои пойдут уж совсем скверно. В тот момент я не очень серьезно отнеслась к твоим великодушным словам, за что приношу низжайшие извинения, присовокупляя к ним свои нынешние мольбы о поддержке, в каковой я сейчас остро нуждаюсь. Если твое отношение ко мне неизменно и ты по-прежнему готова меня принять, черкни мне нару слов — и передай со служанкой. Я должна знать, на каком я свете. Муж никого не пускает ко мне и отбирает все письма.

Клодия, я в полном отчаянии! Я прошла через ад, познав и бесчестие, и унижение. Никакими словами не выразить то, что мне довелось испытать. Вся душа моя заброшена грязью.

Умоляю снова и снова: о, не покинь! Во имя нашего Господа помоги мне.

Люсьен».

ГЛАВА 5

 — О чем призадумались, Сен-Жермен? — спросил Жуанпор, на мгновение отрываясь от карт. — Вы играете или нет?

— Что? — слегка озадаченно откликнулся граф. — Ах, игра. Нет, пожалуй, я выйду.

Он бросил карты на стол рубашками вниз. Игроки несколько долгих секунд их изучали. Потом Жуанпор заметил:

— И где же здесь здравый смысл? Зачем выходить из игры, когда на кону пять тысяч? Ведь все было бы ваше.

Сен-Жермен одарил его любезной улыбкой.

— Потому-то и выхожу. Когда на руках верный выигрыш, пропадает азарт.

Он отодвинулся от стола вместе со стулом и встал.

— Продолжайте без меня, господа. Я поищу утешения в обеденном зале.

— Но вы никогда не едите, граф, — поддел его Жуанпор.

Он окинул взглядом соседей по столу и встретил понимающие ухмылки.

— Совершенно верно, Жуанпор, я никогда не ем прилюдно. Но главное в застолье — беседа. А если к тому же там обнаружится хотя бы пара дворян, равнодушных как к вину, так и к азартной игре, я буду вполне утешен.

Эти шуточные слова вызвали взрыв веселого смеха. Иронии, в них таившейся, не заметил никто. Граф отдал об-

щий поклон, обмахнулся надушенным кружевным платком, насмешливо предсказал Жуанпору, что удача от него отвернется, а затем неторопливым шагом направился к главному залу отеля.

— Добрый вечер, любезный, — сказал он высокому осанистому лакею, проходя в высокие двери.

— Добрый вечер, граф, — ответил тот, не поведя и бровью.

— Кто здесь сегодня?

В строгом костюме черного бархата граф был решительно элегантен. Серебряное шитье украшало его жилет и отвороты камзола, над которыми, как огромная винная капля, рдел знаменитый рубин.

— Весь свет, граф, — голос лакея звучал вежливо, но бесстрастно. — Графиня д'Аржаньяк в бальном зале, если не соизволила удалиться на ужин.

— Благодарю.

Взгляд Сен-Жермена остановился на полотне кисти Веласкеса. Граф с минуту его рассматривал, потом произнес:

— Как думаете, любезный, не пожелает ли владелец отеля расстаться с этой картиной?

— Сомневаюсь, граф, — с достоинством ответил лакей.

— Я дал бы хорошую цену, — громко продолжал Сен-Жермен, с удовольствием вспоминая, во что этот холст ему обошелся. — Прошу, напомните вашему господину, что работы Веласкеса — моя слабость.

Проходивший мимо де Ла Сеньи услышал его слова.

— Что, граф, опять пытаетесь сторговаться? Картина действительно хороша.

Сен-Жермен обернулся.

— О, я и не заметил вас, Донасьен. Да, снова пытаюсь, но безуспешно.

— Если вы не бросите этих попыток, мы начнем ставить на вас.

Де Ла Сеньи обернулся к приятелю за подтверждением, но барон Боврэ сделал вид, что ничего не слышал. Этим

вечером старому щеголю удалось превзойти самого себя. Замысловатый парик, присыпанный голубоватой пудрой, удерживался на голове с помощью золотого, чудовищных размеров банта, бледно-лимонный камзол имел отвороты цвета кларета, и все это пытались собрать в единое целое бирюзовые кружева. Кроме того, от модника немилосердно разило духами.

Сен-Жермен поклонился и выразил свое впечатление единственной фразой.

— Как всегда, почтенный Боврэ, у меня не находится слов.

Боврэ покосился на строгий наряд Сен-Жермена и, глядя в пространство, сказал:

— У нас тут не монашеское собрание. Я предпочитаю выглядеть по-человечески. Впрочем, что это такое, понимают, как видно, не все.

Сен-Жермен с обезоруживающей улыбкой склонил голову.

— Барон, в своей манере одеваться по-человечески вы в этом зале, похоже, не имеете себе равных.

Де Ла Сеньи, чтобы прекратить перепалку, поспешил обратиться к Боврэ:

— Вы ведь, кажется, приглашены к Шассордору. От него рукой подать до Сан-Дезэспор. Не соберетесь ли поохотиться в нашей компании, а?

— Что? Заглянуть в Сан-Дезэспор? Неплохая идея. Я проведу у барона неделю. Думаю, один вечерок он поскучает и без меня.

Теперь Боврэ подчеркнуто игнорировал графа.

— Зачем же скучать? Пусть едет с вами, — предложил де Ла Сеньи. — Дю Шассордор — заядлый охотник. И как товарищ неплох.

— Все это так, но барон не в ладах с д'Аржаньяком. Они лет уж десять тягаются из-за угодий, и спору не видно конца. — Боврэ печально вздохнул, но тут же весело захихикал. — Не беспокойтесь о том, Донасьен. Я выберу под-

ходящее время. Уж больно мне хочется полюбоваться на ваши амурсы с этой премиленькой Монталье.

— Будьте покойны, я вас не разочарую.

Молодой человек обнял Боврэ за плечи, и приятели, заговорщически подталкивая друг друга локтями, направились к залам, где шла игра.

Сен-Жермен, внезапно встревожившись, вновь подошел к шедевру Веласкеса. Он не хотел, чтобы его озабоченность бросалась в глаза. Ему вдруг сделалось одиноко. Он вспомнил, как жадно разглядывал эту картину около ста лет назад. Масло на ней еще не просохло, а мэтр все выспрашивал, проступает ли в чертах умирающего довлеющий над ним рок. Сен-Жермену тогда подумалось, что вспыльчивый, нелюдимый, плохо уживавшийся с современниками Сократ ни за что не узнал бы в созданном воображением Веласкеса благообразном старце себя. Но гению о том говорить было незачем, и он промолчал.

Медленным шагом граф направился в сторону обеденной залы. Тревога, вызванная словами Боврэ и де Ла Сеньи, не уменьшилась, когда он обдумал их разговор. Сен-Жермен вспомнил, что и сам получил приглашение от д'Аржаньяков составить им компанию в Сан-Дезэспор; приглашение, которое он не принял, так как чувствовал, что на природе у него не достанет сил противиться искушению, какое, несомненно, явит собой близость Мадлен. Образ ее он всемерно вытеснял из сознания, но тот покоряться не желал. Образ был, пожалуй, даже упрямее оригинала: его гнали в двери, он проникал в окна, он заполнял все сознание графа, он манил, он дразнил. Связь с Сен-Жерменом была для Мадлен смертельно опасна, граф понимал это, граф ее жаждал и уже много дней находился в непрестанном борении с собой. Ему вдруг померещилось нежное девичье тело, пронзенное осиновым колом, и он чуть не вскрикнул от боли.

— Ах вот вы где, граф!

Сен-Жермен резко обернулся и увидел Клодию д'Аржаньяк, приближающуюся к нему под руку с герцогом

Мер-Эрбо. На графине было бальное платье бледно-зеленого атласа, вышитое выюнком и приоткрывавшее нижнюю юбку бельгийского кружева с рюшами из австрийского шелка.

Сен-Жермен пришел в себя и низко поклонился графине.

— Я счастлив видеть вас,— сказал он и вдруг понял, что это почти правда.— Я не спрашиваю, как вы себя чувствуете,— о том говорит ваш цветущий вид. Зная, сколько у вас хлопот, я скорее ожидал бы найти в вас мрачное существо, удрученное ожиданием надвигающегося события и гадающее, хорошо все пройдет или нет.

Графиня весело рассмеялась; ее глаза сияли почти так же ярко, как тяжелые изумруды колье.

— Ах нет, дорогой граф! Гадать уже некогда. Завтра мой муж увозит нас всех в деревню, где мы сможем перевести дух, пока дом наш готовят к празднеству. Если бы вы почаще бывали у нас, то знали бы об этом.

— Я получил приглашение,— напомнил ей Сен-Жермен и обратился к герцогу: — Приятно снова вас видеть в Париже, сударь. Надеюсь, ваша миссия в Лондоне завершилась успешно?

— Признаться, не очень,— ответил герцог.— Англичане считают себя практичным народом и весьма этим гордятся, но в австрийском вопросе эта практичность выходит нам боком.

Сен-Жермен улыбнулся.

— Вполне извинительно, дорогой Мер-Эрбо, если желания англичан изредка не совпадают с интересами Франции.

Графиня воздела руки.

— Господа, господа, прошу вас, о политике больше ни слова. Герцог понимает меня этими разговорами уже битый час. Его рассуждения слишком сложны для моего разумения.

Она улыбнулась Сен-Жермену.

— Граф, я знаю, вы окажете мне поддержку. Проводите меня к столу и давайте поговорим о другом.

Сен-Жермен повернулся к Мер-Эрбо, подняв брови.

— Вы позволите, герцог?

Мер-Эрбо в шутовском испуге отскочил от графини.

— Разумеется, граф. Не говорить о политике для меня значит молчать.

Он поклонился Сен-Жермену, поцеловал даме руку и удалился в поисках общества, разделяющего его интересы.

— Я уж думала, вечер пропал,— прошептала Клодия с облегчением.— Конечно, он оказал Франции большие услуги и король им чрезвычайно доволен, но, Боже, еще немного — и я бы умерла от тоски.

— Приложу все усилия, чтобы вернуть вас к жизни,— сказал Сен-Жермен и повел ее в сторону обеденного зала.

— Ах, граф,— продолжила Клодия весело,— в моей жизни случилось столько хорошего, но вы где-то скрываетесь вот уже несколько дней.

— Я очень занят сейчас, дорогая,— ответил Сен-Жермен, стараясь держаться беспечно.— Но я вас вовсе не избегаю, о нет.

Графиня вновь рассмеялась.

— А Мадлен говорит, что мы просто наскучили вам.

Мадлен! Такая беспомощная, своенравная и... уязвимая. Бедняжка не понимает, что происходит. Но он не способен помочь ей ничем.

— Вы же знаете, Клодия, мы с Мадлен музицируем, и к тому же я намерен написать для нее небольшую оперу. Покончив с делами, я еще успею вам надоесть.

Они уже входили в зал.

— Пустое, граф. Не утешайте меня отговорками. Вы ведь даже не едете в Сан-Дезэспор.

— К сожалению, таковы мои обстоятельства.

Он повел свою даму в дальний конец зала, к столу, стоящему в стороне от других. Садясь, графиня тщательно расправила пышные юбки.

— Скажите, что вам принести, а когда я вернусь, вы поделитесь со мной последними новостями.

— Несите что вам приглянется, мой дорогой, только не рис по-испански. На прошлой неделе нам дважды его подавали. Мадлен заявила, что, если это продолжится, она начнет танцевать с кастаньетами.

— Ладно, на рис по-испански мы наложим запрет.

Граф повернулся к буфету, но, не удержавшись, спросил:

— Мадлен будет ужинать с нами? Если так, я раздобуду еще один стул.

— Возможно, если ее отпустят. Сейчас она танцует с маркизом де Колон-Пюром. Он просто очарован ею, граф.

— Неудивительно,— пробормотал Сен-Жермен, удаляясь.

Он медлил, выбирая закуски. Сумбур в мыслях царил основательный, от наблюдательной Клодии его надлежало скрыть.

Жареная утка в апельсиновом соусе украсила центр блюда, салат из шпината, тонко нарезанные итальянские кабачки и креветки окружили ее. Добавив ко всем этим лакомствам бокал белого полусладкого, Сен-Жермен вернулся к столу и уселся напротив графини.

— Итак,— произнес он, движением руки отменяя слова благодарности,— о чем же пойдет у нас речь? Вы сияете, как канделябр в полутемном салоне. Что же преобразило вас так?

Графиня пригубила вино и озорно улыбнулась.

— Ах, граф, порадитесь за меня!

От волнения ей было трудно начать рассказ. Она поставила свой бокал, поиграла глазами и наконец произнесла, чуть смущаясь:

— Как вы, возможно, догадывались, мои отношения с мужем временами бывали натянутыми...

— Да, я об этом подозревал,— мягко и очень тихо откликнулся граф.

Клодия вздохнула, тряхнув головой.

— А в последнее время они чуть было совсем не зашли в тупик. Муж играл постоянно и много проигрывал, и я очень боялась, что дело кончится плохо. У меня были все основания полагать, что Жервез находится на грани полного разорения. Его управляющий просто голову потерял, не в силах справиться со всем этим кошмаром, и в конце концов обратился ко мне. Я имела возможность обеспечить самые неотложные обязательства, положение несколько выправилось, но считать, что опасность миновала, все равно было нельзя.

Сен-Жермен промолчал. Что тут скажешь? Только то, что умнице Клодии достался весьма бестолковый супруг.

— И вот, в тот самый миг, когда я, опустив руки, сочла, что выхода уже нет... да и не будет, мой дорогой Жервез поразил меня несказанно. Он полез в какую-то там кубышку, доставшуюся ему от отца, и обнаружил там... Ох, граф, как бы это поточнее сказать?.. В общем, можно считать, мой муж получил второе наследство.

— Наследство?

В голосе Сен-Жермена прозвучало сомнение.

Графиня обратила к нему сияющее от счастья лицо.

— Господь услышал мои молитвы. Отец Жервеза сберег для сына огромный неограниченный алмаз. Муж приказал оценить его, и оказалось, что камень стоит более 60 000 лудиров.

Клодия стиснула руки, ее глаза загорелись восторгом.

— Неограниченный алмаз? — медленно повторил Сен-Жермен.

— Да. Жервез мне его показал. Вид у него, надо сказать, довольно невзрачный...

Клодия умиротворенно вздохнула и с аппетитом накинулась на салат.

— И что же, ваш муж решил ограничить его и продать?

Графиня не отзывалась. Впрочем, Сен-Жермен и не ждал ответа. Он отвернулся к окну, поглаживая рубин.

Из задумчивости его вывело тихое восклицание.

— О, граф, вы только взгляните! Это стекло... оно какое-то странное. Я почему-то не вижу в нем вас!

Сен-Жермен прищурился, чуть подавшись вперед. В темном оконном стекле отражались расплывчатые фигуры гостей, но одного силуэта там действительно не хватало. Он мысленно выругал себя за беспечность и слегка передвинулся вместе со стулом.

— Все дело в угле отражения, дорогая. Сядьте на мое место — и вы тоже исчезнете.

— Ох, как это меня напугало, — призналась Клодия с несколько принужденным смешком.

Сен-Жермен встал и потянул за шнур, удерживавший портьеру. Тяжелый бархат скользнул вниз, полностью драпируя окно.

— Вот так. Зачем нам фокусы зазеркалья, когда реальность тоже полна чудес.

Усевшись на место, он добавил:

— Взять хотя бы историю с вашим наследством. Она воистину поразительна!

— Не то слово, мой дорогой! Это просто промысел Божий. Камень явился нам в избавление. Жервез сказал, что, если бы не управляющий, он бы так и не вспомнил о нем.

— Надо же, как своевременно, — пробормотал Сен-Жермен. — На редкость удачное стечение обстоятельств.

— О да, граф, о да! С плеч моих словно упал тяжкий груз, я могу немного расслабиться. И с мужем теперь у нас мир.

— Это видно, Клодия. Я счастлив за вас.

Ни голос, ни лицо Сен-Жермена особого счастья не выражали, но графиня, впадшая в своего рода прострацию, не смутилась этим ничуть.

— Да, — повторила она. — Благодарю вас, Сен-Жермен. Вы всегда относились ко мне с участием, я весьма ценю вашу дружбу и могу с легким сердцем многое вам сказать. Должна признаться, — продолжила Клодия после паузы, — когда Жервез предложил мне поехать в деревню, я ужас-

но перепугалась. Я подумала, что он хочет скрыться от кредиторов. К счастью, все оказалось не так. Честно говоря, — женщина вдруг нахмурилась, — я не очень довольна, что с нами едет де Ла Сеньи. Но кроме него там будут еще семеро гостей, так что это не так уж страшно. Я бы не стала его приглашать, но не решилась перечить мужу. Сейчас, когда жизнь наша начинает потихоньку налаживаться, надо быть особенно осторожной.

Сен-Жермен кивнул и, подметив тень неуверенности, промелькнувшую на ее лице, произнес:

— Клодия, если что-то вас беспокоит, не стесняйтесь, доверьте мне ваши тревоги.

Графиня удивленно обернулась к нему.

— Однако вы наблюдательны, — протянула она смущенно. — Пустяки, граф. Право же, пустяки. Но вы так добры, так отзывчивы, так благородны. Я всегда стояла за вас. Даже в первое время, когда всякий в Париже норовил метнуть камень в странноватого чужака.

Она прижала ладони к лицу.

— О Боже, что я сморозила!..

— Я знаю, что обо мне говорили, — в глазах Сен-Жермена вспыхнули веселые огоньки. — И знаю, что говорят. — Он потянул к себе руку засмущавшейся женщины и нежно ее погладил. — Не огорчайтесь, Клодия. Это все ерунда.

Слезы, блеснувшие во внезапно погрустневших глазах, сказали ему, что отнюдь не досужие слухи о нем причина ее печали.

— Дело в том, что... — Клодия на мгновение замолчала. — Мне стыдно говорить это, граф, но вначале я очень боялась. Я полагала, что он опять лжет, а сам что-то задумал. Я мучилась, я не верила ничему, пока он не показал мне камень...

Признание окончательно сконфузило женщину. Она опустила глаза.

— Что ж, это вполне объяснимо, — обронил Сен-Жермен, понимая, что главное впереди.

— Но я не верю ему и сейчас! — воскликнула вдруг графиня. — Мне кажется, все вокруг — только сон и, когда я проснусь, обнаружится, что имущество наше описано, а дом идет с молотка!

Клодия закрылась ладонью.

— Ох, какой стыд! Боже, что вы теперь станете обо мне думать!

— Ничего дурного, мадам.

Она вскинула голову и словно бы утонула в темных колодцах его загадочных глаз.

— Не бойтесь ничего, дорогая. Довольно страхов, довольно огорчений и слез. Вы пережили ужасные времена, но теперь все пойдет как должно. И если новые неприятности встанут у вас на пути, вы встретите их достойно. Ибо вы духом отважны, а сердцем чисты. Не забывайте об этом.

Клодия слушала его, сидя недвижно; глаза ее были туманны. Когда он умолк, она словно очнулась.

— Я, кажется, совсем заболтала вас, граф? — Она взглянула на блудо. — И очень проголодалась.

Сен-Жермен нахмурился. Он вдруг осознал, что эта пребывающая в постоянном душевном смятении женщина сейчас является единственной опорой Мадлен. И что защитить племянницу от опасности она вряд ли способна.

Графиня меж тем принялась за еду, немолчно нахваливая закуски. Утка воистину превосходна, подливка к ней выше всяких похвал — и вообще, в «Трансильвании» отменно готовят. Она, казалось, совсем не помнила о своей недавней тревоге, а может быть, попросту не хотела о ней вспоминать.

Сен-Жермен внутренне покривился и довольно бесцеремонно спросил:

— Я слышал, вы пробовали навестить де Кресси? У вас что-нибудь получилось?

Словесный поток оборвался. Клодия отложила нож в сторону и вздохнула:

— Бедная женщина. Меня к ней не пустили. Эшил запретил ей с кем-либо общаться.

— Знаю, — жестко сказал Сен-Жермен. — Я сам пытался ее повидать — и не был принят.

Он и впрямь дважды проникал в ее спальню, но там находилась служанка. Теперь даже ночью Люсьен Кресси не оставалась одна.

— Я боюсь за нее, — сказала медленно Клодия. — Я писала о ней брату. Конечно, встречать в жизнь супругов не следует, но, по-моему, в ее случае этим правилом можно и пренебречь.

На щеках женщины вспыхнул гневный румянец. В чертах ее вдруг проступило такое сходство с племянницей, что Сен-Жермен был просто ошеломлен.

— Хорошо бы получить доказательства, что муж жестоко с ней обращается. Тогда родственники Люсьен могли бы потребовать раздельного проживания супругов, — заметил он осторожно.

Клодия обдумала эти слова.

— Ничего не выйдет, — покачала она головой. — Ее родители уже умерли, а единственная сестра — аббатиса. У Люсьен есть еще три тетки, но я сомневаюсь, захотят ли их благоверные дать ей приют... Бог мой, как мы беспомощны! — вырвалось вдруг у нее.

Кого она имела в виду? Себя? Люсьен? Всех женщин на свете?

— Спокойнее, дорогая, — Сен-Жермен накрыл ее руку ладонью.

— Ах, оставьте!

Клодия вырвалась и раздраженно повела плечиком, но внезапно лицо ее прояснилось.

— А вот и Мадлен! — улыбнулась она, указав на племянницу, входящую в зал под руку с каким-то красавцем. — С ней барон де Турбедиг. Дорогая, мы здесь!

Услыхав голос тетки, Мадлен остановилась и что-то сказала своему спутнику.

Элегантный молодой человек, посверкивая розовато-лиловым нарядом, вежливо поклонился и устремился впе-

ред, расчищая дорогу с таким рвением, будто за ним следовала по меньшей мере императрица.

— Тетушка,— произнесла томно Мадлен,— как хорошо, что я вас разыскала. Я умираю от голода, эти танцы измотали меня вконец.

Сен-Жермен встал и предложил девушке стул.

— Добрый вечер, мадемуазель,— сказал он, стараясь не смотреть ей в глаза.

Мадлен одарила его небрежной улыбкой.

— Здравствуйте, граф. Полагаю, я должна поблагодарить вас за учтивость. Мы так долго не виделись, что теперь, наверное, обязаны обращаться друг к другу с соблюдением всяческих церемоний.

Сен-Жермен пропустил этот выпад мимо ушей.

— Вы позволите принести вам ужин?

Но тут вмешался подрагивающий от нетерпения де Турбедиг.

— Нет, извините, граф, это моя привилегия. Вы уже услужили тетушке, оставьте племянницу мне.

Он отвесил поклон и удалился, прежде чем ему успели что-либо возразить.

— Резвый юноша,— пробормотал Сен-Жермен.

Мадлен резко обернулась к нему.

— И, заметьте, очень ко мне привязан. Что, собственно, я в нем и ценю.

— Ах, Мадлен,— вздохнула Клодия, укоризненно покачивая головой.

— Ничего-ничего,— сказал Сен-Жермен.— Я заслужил эту суровость. Человеку моего возраста трудно рассчитывать на что-то другое, когда вокруг столько блистательной молодежи.

Взгляды мужчины и девушки на мгновение встретились.

— Может, вы и не так молоды, граф,— заметила Клодия д'Аржаньяк,— но любезности кое-кто мог бы у вас поучиться.

— Благодарю вас, мадам.

Сен-Жермен взглянул на Мадлен еще раз.

— Я в отчаянии, что не могу сопровождать вас в Сан-Дезэспор. Срочное дело отзывает меня из Парижа.

Он отступил на шаг, собираясь откланяться, но Мадлен остановила его.

— Граф, я... Я весьма сожалею, что вы не едете с нами! И скучаю по нашим музыкальным занятиям.

— Я вскоре представлю на ваш суд несколько новых пьес.— Он оглядел зал.— Однако преданный вам барон возвращается. Его общество, несомненно, вас развлечет.

Ответом ему был умоляющий взгляд.

— Но... мы ведь еще увидимся?

Взгляд графа смягчился.

— Возможно.

К столу уже приближался сияющий де Турбедиг.

Текст писем Сен-Жермена к лакею и мажордому, писанных одновременно правой и левой рукой.

«25 октября 1743 года.

Дорогой Роджер / Эркуль!

Мне придется покинуть Париж дня на четыре. В этот раз я еду верхом и один.

Если мое отсутствие будет замечено, говорите, что на то есть причины.

Через пять дней, если я не вернусь и от меня не будет известий, можете приступить к розыскам в оговоренном нами порядке. В случае надобности разрешаю прибегнуть к услугам Саттина и Доминго, но ни при каких обстоятельствах не привлекайте кого-то еще. Обращаться к помощи светских властей или духовных лиц категорически запрещаю.

Завещание лежит в условленном месте. Там же оставлены распоряжения, как провести погребальный обряд. Вы

вскроете эти конверты, если мое отсутствие продлится более трех недель.

Прошу отнестись к моим указаниям так, словно речь идет о спасении вашей души.

*Сен-Жермен.
(подпись, печать)»*

ГЛАВА 6

 Даже сумрачный осенний денек не умалял радости скачки. Опавшие листья хрустели под копытами лошадей: граф Жервез д'Аржаньяк и его гости мчались за молодым оленем, хотя почти никого из них не заботило, будет благородное животное загнано или нет.

Мадлен неслась, как маленький вихрь, опережая всех всадников корпуса на три и увеличивая разрыв. Встречный ветер жадно трепал багровую амазонку, глаза девушки светились весельем. Ее крупный поджарый английский скакун все надавал, и она его поощряла. Скачка словно бы притупляла чувство щемящего одиночества, поселившееся в Мадлен с момента отъезда в Сан-Дезэспор. Впрочем, она убеждала себя, что тоскует лишь по Парижу.

Впереди возникла живая изгородь, и жеребец Мадлен с легкостью перескочил через нее. Через пару секунд это препятствие успешно преодолели и остальные всадники, за исключением шевалье Соммано, чья лошадь зацепилась за толстую ветку и сбросила седока. Шевалье кубарем полетел в кучу прелой листвы и тут же вскочил на ноги, оглушенный, но невредимый.

— Берегись! — прокричал де Ла Сеньи, прищипоривая своего огромного гнедого коня и нагоняя Мадлен.

— Вы нас ослепляете, мадемуазель. Какое изиящество! Какая отвага!

Мадлен твердой рукой придержала своего жеребца. Лес перед ней ощутимо густел, деревья смыкались.

— Прошу, не мешайте мне, сударь. Тропа слишком узка.

— Помешать вам? Но на это нет сил! Я совсем умирался, вас догоняя! — Де Ла Сеньи широко улыбнулся. — Вы потрясающая наездница.

— Это комплимент не мне, а моему отцу: все, что я умею, его заслуга.

Мадлен раздражала навязчивость де Ла Сеньи, и, если бы случай вышиб из седла и его, она была бы только рада.

Улыбка де Ла Сеньи сделалась шире.

— Ну-ну, не скромничайте, Мадлен. В вас больше таланта, чем школы. Хозяйка хорошего дома должна быть именно такова.

Он осадил гнедого, пропуская Мадлен вперед. Девушка сжала зубы. За три дня этот щеголь успел смертельно ей надоест. И он еще смеет делать какие-то там намеки!

Ее обдало ветром. Совсем рядом, в опасной близости к ней, как комета пролетел граф Жервез; голова его жеребца страшно закидывалась. Д'Аржаньяк поражал всех отчаянной манерой езды и порой только чудом избегал неминуемой смерти. Он прокричал что-то неразборчивое, махнул рукой, прищипорил коня и устремился вперед. Далеко за деревьями молодой олень перемахнул через кусты, переплыл ручей и бросился в лес. Это были уже чужие угодья.

— А вот вам пример отсутствия какой-либо выучки, — рассмеялся де Ла Сеньи, возвышая голос, чтобы Мадлен могла его слышать. — Ваш дядюшка просто сорви-голова. Вы ведь не собираетесь ему подражать? Или все же решитесь?

— Я решусь на все, лишь бы избавиться от тебя, — пробормотала Мадлен сквозь зубы. Она порадовалась тому, что в этот раз отказалась от услуг своей испанской кобылки: ужасная скачка наверняка бы давно измотала ее.

Они выехали из-под деревьев на открытое место. Луг перегораживал довольно высокий забор из жердей, обозначавший границу земель д'Аржаньяка. Сам граф уже пересек ручей и направлялся к соседскому лесу.

Девушка ощутила, что жеребец под ней изготовился к непростому прыжку, и поджалась. Англичанин прыгнул, Мадлен наклонилась вперед, потом — в полете — откинулась всем телом назад, едва не ложась на круп. Когда копыта ее скакуна коснулись земли, она выпрямилась и подхватила поводья.

Де Ла Сеньи чуть запоздал с командой. Его гнедой зацепил копытом верхнюю жердь и чуть не упал, но та, по счастью, переломилась.

Жервез исчез в лесу, остальных не было слышно. Очевидно, они остались далеко позади. Подул холодный ветер, шурша опавшей листвой. По небу неслись серые тучи.

В душу Мадлен стала закрадываться тревога. Если ее застанут наедине с де Ла Сеньи, пойдут пересуды. Англичанин, оскальзываясь, брел по мелкой воде, и девушке отчаянно захотелось его пришпорить. Сзади — где-то за изгородью — затрещали кусты; похоже, кто-то сквозь них уже пробивался. Страх холодным комом подкатил к горлу Мадлен.

Перебравшись через ручей, она поскакала к лесу. Де Ла Сеньи, наверное, пришел от всего этого в полный восторг: он ведь тоже успел сообразить, насколько выигрышно сейчас его положение. Ей вдруг захотелось поворотить жеребца и наградить преследователя парой пощечин. Но эта мысль исчезла так же быстро, как появилась. Такой поступок с полной гарантией мог скомпрометировать ее в глазах невольных свидетелей, и тогда ей ничего не осталось бы, как идти под венец с тем, от кого она отчаянно стремилась избавиться.

Деревья были уже близко. Мадлен вонзила шпоры в бок своего коня и злобно отметила, что де Ла Сеньи отстает. Лес даст ей шанс увеличить разрыв. Она низко пригнулась, чтобы уклониться от первых ветвей, плохо заметных на фоне темной чащобы.

Под деревьями было промозгло. Мадлен пустила жеребца легким галопом. Почва стала неровной и кочкова-

той, и благородному иностранцу с трудом удавалось сохранять взятый темп. Мадлен горячила его, твердо решив продвигаться вперед. Она знала, что Жервез где-то там, он муж ее тетки и не откажет родственнице в защите.

Мельком обернувшись назад, девушка поняла, что ей все-таки удалось оторваться от своего настырного кавалера. За деревьями слышался глухой топот копыт, но самого всадника не было видно. У Мадлен появилась надежда, что все кончится хорошо. Она огляделась по сторонам.

Тропа уходила в лес, постепенно теряясь в дебрях. Высокие сосны и кряжистые дубы стояли часто, заслоня обзор. Чем дальше, тем сильнее петляла узенькая дорожка, извиваясь среди огромных стволов.

Вскоре она раздвоилась. Одна тропка скользнула куда-то вверх; вторая шла, как и шла. Многочисленные следы указывали, что совсем недавно по ней проезжали.

Мадлен ни секунды не колебалась. Она резко натянула поводья, поворачивая коня. Англичанин, высокомерно задрав морду, поскакал вверх по склону. С его боков падали хлопья пены, но он все же не оступался и легко перескакивал через крупные валуны.

Поднявшись на холм, Мадлен прислушалась, удерживая на месте разгоряченного жеребца. «Когда Ла Сеньи проедет, я двинусь следом». Внезапно ей вспомнились отпечатки копыт на нижней тропе. Кто там проехал? Какие-нибудь охотники — кому же тут быть? И дядюшка где-то рядом и, наверное, уже беспокоится. Бояться определенно не стоило, но в душу ее закрались смутные подозрения, и они неуклонно сгустились.

Уставшая, порядком испуганная Мадлен не знала, на что решиться. Слишком уж далеко она оказалась, пора бы и выбираться. Разум повелевал ей вернуться к главной тропе, но что-то подсказывало, что этого делать не стоит. Помедлив мгновение, девушка соскользнула с седла и, перекинув поводья через голову скакуна, повела его за собой

по узкой тропинке. Куда-нибудь да должна же та привести!

Да и коню нужно остыть: он слишком разгорячен, да же бока у мальчика потемнели. Так будет правильнее, утешалась она, уходя все дальше и дальше.

Идти было неловко: длинный шлейф амазонки постоянно цеплялся за камни или кусты, конь нервничал, вскидывал морду. Мадлен призадумалась, удастся ли ей добраться до безопасного места хотя бы к закату или она проблуждает тут до утра. Ветер усиливался. Деревья раскачивались, хлеща друг друга ветвями, словно истовые паломники, подступившие к желанному храму. Небо угрожающе потемнело; сумрачный день завершался, обещая нелегкую ночь.

Мадлен прошла почти четверть мили, когда до нее донесся негромкий топот копыт. Девушка замерла на месте и зажала коню ноздри, чтобы тот не заржал. Предосторожность казалась нелепой: еще минуту назад она страстно желала, чтобы ее поскорее нашли. Но позвоночник Мадлен словно оледенел, а сердце заколотилось вдвое быстрее.

Она вся превратилась в слух и через минуту решила, что верховых приблизительно пятеро. Именно столько всадников и покидали Сан-Дезэспор поутру, но, поскольку все они в конце концов растерялись, подъезжавший отряд был определенно чужим.

Повинуясь внезапному импульсу, Мадлен сошла с тропы и завела жеребца в заросли. Она стояла недвижно, обхватив руками морду коня и боясь шевельнуться. Теперь кучи прелых листьев радовали ее: на них не оставалось следов и они гасили все звуки.

Перестук копыт сделался громче, и на тропе показались всадники. Их было шестеро: лица мрачны, лошади в мыле. Кровь застыла в жилах Мадлен. Этих людей она знала. Первым ехал Сен-Себастьян, за ним — де Ла Сеньи и Боврэ; остальных разглядеть не удалось, да это и не имело значения.

Глаза девушки округлились, лицо помертвело. Она прижала руку к горлу, пытаясь унять внезапную дрожь. Сен-Себастьян! Колени Мадлен подломились, внезапная слабость заставила ее судорожно вцепиться в гриву коня. Надо сейчас же, не размышляя, не тратя ни единой секунды, бежать! Скакать через весь лес очертя голову, напролом — лишь бы уйти, лишь бы не дать им в руки! Стой, шепнуло ей что-то. Стой, как стоишь, и молчи.

Всадники проехали мимо. Теперь о них напоминал только удаляющийся стук двух дюжин подков, и Мадлен вздохнулось свободнее. «Не расслабляйся, — шепнул ей внутренний голос. — Возьми себя в руки, переживать будешь потом. Тебе надо выйти из переделки целой и невредимой». Стук копыт постепенно стихал, и, когда он угас, Мадлен ощутила, что к ней возвращается мужество.

Поводья мешали, она накинула их на сучок, потом вздернула к талии бархат своей амазонки и принялась отвязывать нижние юбки. Отвязывала и переступала, отвязывала и переступала, пока последняя, четвертая, юбка не упала к ее ногам. Стало холоднее, зато свободнее. Наклонившись, Мадлен вытащила из закрепленных на голенище ботинка ножен маленький охотничий нож. Ее снабдил им когда-то отец — на случай неудачного падения с лошади. Чтобы можно было легко и быстро отсечь стремя, если в нем вдруг запутается нога. Теперь этот нож пригодится ей для другого. Мадлен примерилась и принялась отрезать от своих юбок длинные полосы, раскладывая их на траве, как бинты.

Это была непростая работа, и девушка порядком устала задолго до ее завершения. Наконец она решила, что полосок достаточно, чтобы несколько раз обмотать ими копыта коня. Сен-Себастьян, безусловно, не прекратит свои поиски, и ей следует передвигаться бесшумно.

Когда она закончила бинтовать англичанина, в лесу стало много темнее и холоднее. Ночь предстояла тяжелая, и надо было как-то ее пережить.

Мадлен уже собиралась отправиться в путь, как в голову ей пришла новая мысль. Охотящиеся за ней люди ищут всаднику, а не всадника. Одобрительным кивком похвалив себя за сообразительность, она отстегнула подпругу и стащила седло со спины жеребца. Прекрасное дамское седло, изготовленное для нее по заказу. Если ночью пойдет дождь — а скорее всего, он пойдет, — то оно будет безнадежно испорчено. Мадлен со вздохами сожаления затолкала седло поглубже под ветви низкорослой сосны, надеясь, что те защитят его от непогоды.

Потом, вздохнув еще тяжелее, она разрезала сверху до низу оставшуюся на ней юбку — как спереди, так и сзади, подоткнула ее где нужно и обмотала полотнища вокруг ног, закрепив их полосками ткани. Получились на удивление удобные бриджи.

И замечательно. Мадлен взяла в руку поводья, ухватилась за гриву успевшего отдохнуть жеребца и неуклюже вскарабкалась ему на спину. Ей не понадобилось и минуты, чтобы освоиться в новой позе. Помогли навыки детства, и она, изредка поерзывая, чтобы получше устроиться, пустила англичанина шагом.

Тот, не возражая, двинулся в кромешную тьму, но по тропе или нет — выяснить было нельзя.

Прошло около двадцати минут — и до Мадлен донеслись звуки облавы. Она натянула поводья и прислушалась, пытаясь понять, откуда они идут. На мгновение ей показалось, будто слух ее обманулся и принял за лошадиный топот скрежет ветвей. Налетел новый порыв ветра, наполненный тихими звуками, и более-менее прояснил ситуацию. Мадлен поняла, что ее преследователи рассыпались по лесу цепью. Она вздернула подбородок, чтобы подавить глухое рыдание; отчаяние разрасталось в ней словно медленный взрыв. Бегство казалось бесполезным, бессмысленным. Но перед внутренним взором беглянки вдруг появилась жестокая усмешка Сен-Себастьяна, и страх вдохнул в нее новые силы. Конь продолжал двигаться шагом: хозяйка не позволяла ему перейти на трусу.

Ночь вступила в свои права и добавила слез. Трижды незримые ветки чуть не сбивали Мадлен на землю, она готова была завывать от досады — ее удерживал только немолчный стук тайных копыт.

Лицо и руки девушки были исцарапаны в кровь, шляпка давно потерялась, волосы спутались в какой-то бесформенный ком. Даже свиную кожу одной из перчаток разорвало сучком, и левая рука онемела по локоть. Ветер утратил порывистость и дул все сильнее, сгибая деревья в дугу.

Внезапно в кустах что-то двинулось, и жеребец всхрапнул. Ветер нажал, деревья застонали.

Мадлен потянулась к охотничьему ножу. Если это Сен-Себастьян, сюрприз ему обеспечен. Возможно, она убьет и кого-то еще, прежде чем ее схватят.

Тень в кустах подобралась ближе, и жеребец чуть было не понес.

Мадлен невероятным усилием сдержала его, выпрямилась и натянула поводья. Оглянувшись, она различила во тьме что-то белесое, крадущееся за ней, но не нападающее, а словно бы жмущееся к земле.

Прищурившись, девушка всмотрелась во мрак и обмерла от страха. Теперь она видела четко: это был волк.

Глаза ее тут же обшарили каждый окрестный куст. Мадлен хотела понять, велика ли вся стая. Странно, но этот волк был один. Теперь он стоял совершенно недвижно. Сердце беглянки бешено колотилось, пульс отдавался громом в ушах, но страх откатился. Мадлен усмехнулась: она с ним справилась. Это, оказывается, вовсе не сложно. Не труднее, чем управлять с конем.

Топот копыт придвигался, становился отчетливым. Изредка темноту разрывали возгласы: сообщники перекликались, ободряя друг друга. Ночь впитывала в себя угрюмые звуки и словно бы заражалась алчностью и нетерпением рысующих в ее мраке людей.

Волк принялся ходить большими кругами, не приближаясь к испуганному коню. Он коротко взвыл, потом ти-

хо взвизгнул, исчез в темноте, но тут же вернулся и опять забегаю по кругу, по-прежнему оглябая готового понести скакуна.

Мадлен колебалась, наблюдая за странным поведением хищника. Она почти успокоилась, сообразив, что стаи поблизости нет. Вдруг волк завыл. Это был странный вой, совсем не похожий на голодную жалобу. Казалось, само одиночество вселилось в волчью гортань. В ответ на этот щемящий призыв в сердце Мадлен что-то сжалось, ее охватила безумная жажда пасть с коня, удариться оземь и на четырех пружинящих лапах унести далеко-далеко.

Волк смолк. Преследователи приближались. Мадлен, справившись с новым приступом паники, заметила, что хищник отпрянул в сторону. У нее появилась возможность уйти от облавы, проскакав мимо него. Или угодить в его зубы, если он решится напасть. Что лучше — попасть в руки двуногих зверей или быть растерзанной четвероногим убийцей? Мадлен склонялась к последнему. По крайней мере, это будет достойная смерть. А может быть, и не смерть. Возможно, ей удастся что-то придумать. Только бы жеребец успокоился. Тогда можно будет попробовать подпустить зверя поближе и втоптать его в землю копытами английского скакуна.

С бравадой отчаяния Мадлен вскинула руку и вытащила из волос удерживающий их гребешок. Плечи ее словно накрыло тяжелой волной: волосы амазонки вырвались на свободу. Движениями коленей она успокаивала пляшущего под ней жеребца и выжидала.

Волк выскочил на тропу и вновь коротко взвыл, потом убежал вперед и снова вернулся. Мадлен зачарованно следила за ним. На память ей вдруг пришли слова Сен-Жермена:

«Ваша душа подобна клинку — отточенному, сияющему, рассекающему покровы лжи и отверзающему дорогу к правде. Никогда не поддавайтесь сомнению, когда слышите этот голос, Мадлен!»

Она бросила взгляд через плечо, прищипорила коня и поскакала во тьму — вслед за быстрой белесой тенью.

Сколько времени длилась эта странная скачка, Мадлен не могла бы сказать. Когда впереди замаячил смутный силуэт какого-то обособленного строения, девушка облегченно вздохнула. Она натянула поводья и осторожно подъехала к темному зданию, стараясь не поднимать шума, могущего растревожить его обитателей.

С неба упали первые капли дождя. Мадлен чувствовала себя смертельно уставшей. Она с удивлением поняла, что видит старинную церковь — заброшенную, но еще достаточно крепкую. Тяжелые арки и приземистые колонны указывали, что ее строили много веков назад.

Беглянка соскользнула с коня, нервно оглянулась через плечо и толкнула тяжелую дубовую дверь.

Мрак придела был непрогляднее окружавшей ее темноты. Повинуясь внезапному импульсу, она потянула повод. Обмотанные копыта коня не нарушали царившую вокруг тишину; англичанин фыркнул, переступая порог.

Мадлен прикрыла входную дверь, привязала поводья к засову и двинулась дальше. В основном помещении храма было чуть посветлее, и она могла там кое-что разобрать.

Несмотря на запустение, алтарь оставался на месте, а в затхлом воздухе витал слабый аромат ладана. Она поднялась на клирос и механически склонилась перед распятием, бормоча несвязную благодарственную молитву.

Выпрямившись, она увидела его.

— Мадлен, — выдохнул он с тревогой, но улыбка, затаившаяся в темных глазах, наполнила ее сердце радостью.

— Сен-Жермен! — воскликнула она и упала ему на руки, готовая разрыдаться.

— Тише, милая, тише, — прошептал взволнованно граф. — Мадлен, дорогая, вам нечего больше бояться. Здесь вы в безопасности. Сен-Себастьян не ступит на освященную землю.

Эти слова смутили ее, и она встрепелась.

— Если вы здесь, значит, это место не освящено. Добрые сестры мне говорили...

Сен-Жермен с горечью усмехнулся.

— Они не всеведущи. Освященная земля нас приемлет. Многие мне подобные в ней и погребены.

Он почувствовал, что Мадлен напряглась.

— Ну вот, я вас напугал.

Граф высвободился из объятий беглянки и подошел к алтарю.

— Зажигать здесь огонь небезопасно. Хотя окна довольно узкие и находятся высоко, нас могут заметить снаружи. — Он достал из-за обшлага дорожной тужурки кремь и огниво. — Впрочем, полагаю, мы можем затеплить лампадки на хорах.

На мгновение бледная вспышка озарила его. Костюм из узких бриджей и полувоенной тужурки цвета бутылочного стекла придавал графу весьма решительный вид, однако лицо Сен-Жермена было осунувшимся и усталым. Оно выдавало в нем человека, изнуренного долгим путешествием.

В свете лампад на стене храма проступили очертания фресок. Главная изображала Христа, умиротворяюще простиравшего руки. Из ран, оставленных на его ладонях гвоздями, сочилась алая кровь. Спасителя окружали святые и мученики. Их одеяния принадлежали одиннадцатому столетию. Чуть в стороне располагалась еще одна крупная фреска. Благообразный старец строго взирал на Мадлен. В одной руке он держал перо, в другой — открытую книгу в кожаном переплете.

— Святой Иероним*, — прошептала девушка. — Очень красиво, правда?

* Иероним Блаженный (Стридонский) (ок. 347–420 гг.) — автор латинского перевода Библии и многочисленных комментариев к ней, а также многих трудов, имевших важнейшее значение для становления Церкви.

Сен-Жермен неотрывно глядел на нее.

— Очень, — кивнул он.

Мадлен обернулась.

— Как случилось, что вы оказались здесь?

— Я же обещал защищать вас. — Он шагнул к ней и поднес ее исцарапанную руку к губам. — А защита сейчас вам более чем нужна.

Мадлен вспыхнула.

— В лесу я неплохо справилась и одна. Мне удалось убежать и добраться до этого места...

Она запнулась и вдруг с большим подозрением покосилась на графа.

— Тот волк?..

Сен-Жермен утвердительно наклонил голову.

— Я просто не мог оставить вас без присмотра, — сказал он виновато. — Вы, конечно, отважны, находчивы и прекрасно управляетесь с лошады, но...

Мадлен схватила его за руки и крепко их сжала.

— Благодарю вас, Сен-Жермен. Не хочу даже думать, что могло бы случиться...

— А разве с вами уже ничего не может случиться? Вы ведь знаете, кто я такой. Разумно ли вести себя столь беспечно, когда опасность близка?

Граф с вызовом глянул в лицо Мадлен и, заложив руки за спину, отошел к алтарю. Она издала негодующий возглас.

— О нет, Сен-Жермен, пожалуйста, нет! Зачем вы ушли, зачем говорите все это? Похоже, вам нравится мучить меня.

Не зная, как выразить всю глубину своего возмущения, Мадлен топнула ножкой. Граф продолжал следить за ней исподлобья. Руки его по-прежнему были сцеплены за спиной.

— Спаси, а постом оттолкнуй! Очень мило! Зачем же вы тогда утруждались? Отвечайте, я жду!

— Вы же знаете: то, чего я желаю, к спасению никак не ведет,— заметил граф, пытаясь быть ироничным, однако голос его предательски дрогнул.

Она сделала к нему шаг и остановилась.

— Но это вовсе не так, Сен-Жермен! Вы ходите по освященной земле. Значит, на вас нет проклятия.

— В обыденном смысле, наверное, нет,— ответил он с деланным безразличием.

Мадлен еще раз шагнула и, протянув руку, коснулась его губ.

— Причастие — это вкушение крови и тела Христо-вых. Ведь так?

— Вам это известно лучше, чем мне,— глухо пробормотал он, стараясь с собой справиться. Прикосновения ее пальцев воспаляли его.

— Если кровь священна, значит, и то, что мы однажды себе позволили, может считаться священнодействием — так?

Как защититься от этих пылающих глаз?

— О Боже! — выдохнул Сен-Жермен. — Мадлен, вы не знаете, чего добиваетесь. Ведь то, что мне хорошо, опасно для вас. — Он крепко, словно клещами, стиснул ее запястья. — Мадлен, я умру за вас, но погубить не хочу!

— Здесь холодно, Сен-Жермен. Я дрожу, я замерзла. Я точно погибну, если вы оттолкнете меня.

— Нет,— уронил он, но рук не разжал. Она рассмеялась.

— Я в ваших объятиях — неужели вы сможете устоять?

Несколько долгих секунд он молчал, и в церкви был слышен лишь приглушенный шелест дождя.

— Мадлен, это безумие, но...

Она закрыла ему рот поцелуем.

— Не надо слов, я слабею, у меня кружится голова...

Он подхватил ее на руки и понес к широкой скамье, надежно укрытой от строгих взоров святых завесой ночного мрака.

Отрывок из письма аббата Понтнефа к Мадлен де Монталье, пребывающей в имении Сан-Дезеспор.

«28 октября 1743 года.

...Я чрезвычайно рад известию о скором приезде вашего батюшки и надеюсь провести в его обществе немало счастливых часов. Я знаю, сколь ценны для вас его внимание и забота, ибо разумная дочь всегда приветствует проявления той мудрой опеки, коей отмечена истинная родительская любовь.

Несомненно, отдых в имении дядюшки доставляет вам удовольствие. Вы, конечно, проводите много времени в конных и пеших прогулках. Хотя мне самому не пришлось побывать в тех краях, но я слышал, что тамошние пейзажи достойны всяческого восхищения. Вы должны быть благодарны своим родичам за предоставленную возможность собраться с силами перед большим празднеством. Далеко не всякой юной особе выпадает счастье иметь такую заботливую родню.

...Ваш отец дал мне благодарное поручение рассказать вам о ваших обязанностях в роли супруги, благо ожидаемая перемена в вашем положении, похоже, не за горами. Позвольте мне сослаться на безгрешное житие матери Господа нашего, непорочной Девы Марии, ежечасно готовой прийти нам, сирым, на помощь. Освежите в памяти примеры ее покорности, преданности, самоотверженности, смирения, чистосердечия и милосердия, и особенно ее самоуничижения перед волей Святого Духа. Хотя совершенство и недостижимо, подобные качества должны быть целью всякой супруги. Достоинство жены в том, чтобы во всем угождать мужу, с радостью покоряться его приказаниям и подчиняться его желаниям, моля о том, чтобы брак не оказался бесплодным и был благословлен потомством. Приучайте себя думать только о благе

супруга и его нуждах — и в сем вы обретете непреходящее счастье.

Вы достаточно времени провели в свете, чтобы узнать о существовании других жен: противящихся воле супругов своих, пренебрегающих брачными обетами и погрязших в грехе любострастия. Поистине ужасна их участь. Презируемые своим семейством, разлученные с детьми, обреченные на одиночество, пьют они свою горькую чашу, понимая, что приугодили себе сами.

Когда ваш отец прибудет в Париж, мы обсудим это подробнее. Что же касается других преимуществ супружеской жизни, то о них я вынужден умолчать. Не подобает мужчине, особенно священнослужителю, давать в том наставления молоденькой девушке — впрочем, отец ваш, а скорее даже тетюшка охотно вас во все посвятят. Они умудрены годами и опытом и доподлинно знают, что наиболее приличествует супружескому общению. Большого я поведать не смею, замечу лишь, что наилучшим наставником в этой области будет вам ваш супруг.

Насколько мне известно, вы скоро вернетесь в Париж и начнете готовиться к празднику. Говорят также, что граф Сен-Жермен пишет к этому случаю оперу. Это великая честь, дочь моя, и принять подобный дар от столь искусного композитора — значит оказаться перед ним в неоплатном долгу. Уверен, вы примете его с отличающими вас смирением и признательностью.

Прошу вас напомнить обо мне вашей тетюшке и ее супругу и уверить их, что они, как и вы, неизменно поминаемы в моих смиренных молитвах. С истинной любовью, коей Христос заветал нам любить своих ближних, и отеческим благословением навеки остаюсь вашим преданным кузеном,

аббат Понтнеф».

Амброзиас Доминго-и-Рохас поднял устройство повыше, чтобы Эркуль в полумраке подвала мог по-лучше его рассмотреть.

— Вот. Собственное изобретение князя Ракоци. Дерево, рог, ремни, бронза и сталь. Ремни кожаные, а застегиваются они так...

Он показал как.

Лаборатория алхимиков располагалась глубоко под отелем — под крылом, в котором велась игра. Кладовые над ней служили буферной зоной, гася звуки и не позволяя удушливым запахам расползаться по особняку.

Эркуль окинул подвал мрачным взглядом. Ему не нравились ни этот испанец, ни его суровая немолодая подружка. А штуковина в руках у чернявого шарлатана больше всего напоминала испанский сапог*.

— Это что?

На вопрос ответил Беверли Саттин, стоявший чуть в стороне — у тигля.

— Это растяжки. Для ваших суставов.

Указав на костыли, он добавил:

— Его высочество приказал нам изготовить это устройство, потому что он хочет поставить вас на ноги.

Эркуль неуклюже шагнул вперед, презируя себя за беспомощность. Губы его запрыгали, на глаза навернулись слезы. Он закрыл лицо локтем и, пошатнувшись, едва не упал.

Суровый взгляд Ифигении Лэрре заметно смягчился.

— Вам ненавистно ваше увечье, не так ли? — участливо спросила она.

Плохо, когда тебя кто-то жалеет, но, если это делает женщина, становится горше вдвойне.

* Испанский сапог — орудие пытки, широко применявшееся во времена инквизиции.

— Может, и так — ну и что?

— Почему бы вам тогда их не примерить? Князю Ракоци желательно, чтобы вы снова могли ходить. Он заверил нас, что это вполне достижимо.

О каком князе они говорят? Поколебавшись, Эркуль возразил:

— Ерунда. Два врача смотрели, и оба махнули рукой. Да вы сами взгляните.— Он оперся на костыль и качнул ногой.— Колено, правда, сгибается. Но если я встану на эту ногу, то сразу же упаду.

В припадке бешенства, удивившем его самого не меньше, чем окружающих, Эркуль швырнул костыль к ногам женщины и ухватился за край стоящего перед ним стола.

Ифигения пожала плечами.

— Очень глупо. Когда прижимает, надо попробовать все.

Наклонившись, она подобрала костыль, но возвращать его не спешила.

Саттин демонстративно повернулся к калеке спиной, пробормотав, что благодарности от некоторых людей лучше не ждать.

— И распрекрасно,— с вызовом произнес Эркуль, обводя взглядом лабораторию. Несмотря на четыре сияющих канделябра, тут все равно было темно, а от печурки странного вида шла страшная вонь.

Женщина подошла ближе; в ее карих спокойных глазах светилось сочувствие.

— Ваш костыль у меня — возьмите его, если хотите. Если же нет, позвольте помочь вам это надеть. Мы многим обязаны князю Ракоци и в меру сил возвращаем свой долг...

Не договорив, она обернулась к Доминго.

— Амброзиас, дай табурет. Бедняга вот-вот свалится на пол.

Это было действительно так. Эркуль еле стоял, но держивал марку. Он окинул независимым взглядом присутствующих и осторожно сел. Оставалось лишь ждать

продолжения этой странной комедии, в которой ему, как видно, отвели роль шута.

Испанец кивнул и опустился перед ним на колени.

— Я должен снять с вас ботинок, сеньор. Я сделаю это весьма аккуратно, не беспокойтесь.

Взявшись за каблук башмака, он добавил:

— Но все-таки ухватитесь покрепче за табурет. Кто его знает, как оно выйдет на деле.

Коротышка действовал ловко, и тяжелый башмак вскоре был снят.

— А теперь,— продолжал Доминго,— мы развяжем шнуровочку панталон. Вот так. Далее я подниму вашу ногу... Взгляните: эта деталь крепится на ступню. Не правда ли, она напоминает подошву?

Эркуль угрюмо посмотрел на деталь. Напоминает. И что?

— Видите это? — Доминго-и-Рохас вставил в гнезда два длинных прута.— На них ляжет вся тяжесть. Выше пойдут шарниры. Его высочество утверждает, что они заменят сустав. Сверху сталь, снизу бронза. Видите эти упоры? — Он указал на два металлических язычка.— Они не дадут растяжке уйти. Ваш новый сустав будет гнуться только в одну сторону, как колено.

Повинуясь внезапному импульсу, Эркуль наклонился и прикоснулся к металлу.

— А они выдержат вес?

Испанец нахмурился.

— Я тоже в них сомневался, но... Вот, поглядите.

Он взял со стола другую растяжку и, пыхтя от усердия, попытался ее согнуть. Растяжка не поддавалась. Доминго сказал, задышавшись:

— Надо думать, все будет в порядке.

Эркуль наблюдал за демонстрацией со все возрастающим изумлением. Он вдруг почувствовал, что у него появляется шанс одолеть свою немощь. Горло его сжалось.

— Остается приладить ремень.

Бедро калеки охватила широкая полоса кожи. Доминго удовлетворенно кивнул и застегнул пряжку.

— Ремень будет двигаться вместе с ногой. Кроме того, растяжку страхуют два дополнительных ремешка.

Эркюль поднял голову, увидел, что остальные алхимики пристально наблюдают за ним, и облизнул губы.

— Я не понимаю...

Ифигения потрепала его по плечу.

— Успокойтесь, мой добрый Эркюль.

Кучер неохотно пошевелился.

— Благодарю, мадам,— тихо пробормотал он и стал подниматься. Опорой ему служили костыль, который у него оставался, и женская — сильная, как у мужчины,— рука. Эркюль покачнулся, но сумел сохранить равновесие и повис на своем костыле, как мешок. Его жутко пугала необходимость встать на обе ноги.

— Ну же! — сурово прикрикнула мадам Лэрре.

Эркюль кивнул, собираясь с духом. Затем, очень осторожно, он принялся переносить вес своего тела на покалеченную ногу, ожидая, что та вот-вот его подведет. Но секунды текли и текли... Калека уже стоял, а нога под ним не сгибалась, хотя и тряслась. Секунды превращались в минуты, растяжка держала, и Эркюль, вытаращив глаза, прошептал:

— Силы небесные!

Этот негромкий возглас словно бы всех пробудил. Саттин взволнованно крикнул и несколько раз хлопнул в ладоши. Доминго-и-Рохас отвернулся — смахнуть непрошеную слезу. Ифигения Лэрре отпустила руку Эркюля и отступила на шаг.

— Князь был прав,— пробормотал Саттин.

— Мы должны в это вникнуть,— тихо сказал Доминго-и-Рохас.— Ибо тайна сия велика.

Но мадам Лэрре проявила большую осмотрительность.

— Сначала проверим, может ли он ходить.

При этих словах на лице Эркюля отразилось такое уныние, что оно могло бы быть принято за комически напускное, если бы не полные беспокойства глаза.

— Но я же стою! — воскликнул он.

— Стоять и ходить не одно и то же! — Она подала ему второй костыль.— Вы должны попытаться.

Эркюля вновь затрясло, и он оттолкнул костыль.

— Не будьте идиотом,— резко сказала мадам Лэрре.— Даже если растяжки действуют, не забудьте, что вы не вставали на ноги много дней. Вы разучились нормально двигаться, ваши мышцы ослабли. Хорошо ли получится, если вы упадете?

На этот раз костыль не был отвергнут.

— Так-то лучше,— кивнула женщина.— Теперь идите ко мне.

Эркюль сжал костыли и сделал первый, неуверенный, шаг, стараясь не налегать на растяжку. Он выбросил вперед костыли и подтащил к ним ноги, потом снова попытался шагнуть. Растяжка держала отлично. Кучер замер, окрыленный успехом.

— Пристегните вторую.

— Разумеется,— ответила женщина.— Подайте нам табурет.

На этот раз она взялась за дело сама и вскоре с ним справилась. Эркюль под ее руководством принялся обходить помещение, а Саттин тем временем обратился к Доминго:

— Возможно, князю удастся исцелить и Сельбье.

Испанец вспомнил пустые глаза собрата.

— Нет,— печально ответил он.— Рог, дерево, бронза и сталь не могут исцелить разум.

Саттин, колебавшись, кивнул.

— Я всего лишь надеюсь.

Возвысив голос, он спросил:

— Эй, приятель, у вас все в порядке?

— О да!

Эркюль восхищенно глядел на Ифигению. С ее помощью он обошел подвал трижды и намеревался продолжить это занятие. Внезапно тяжелая дубовая дверь скрипнула. Все присутствующие в мучительном ожидании посмотрели вверх.

Дверь приоткрылась, пропустив в помещение полосу света, потом ее перекрыл силуэт человека в бесформенном дорожном плаще.

— Добрый день,— приветствовал всех Сен-Жермен, спускаясь в подвал.

Первым дар речи обрел англичанин.

— Ваше высочество, мы и не ожидали...

— Я тоже не ожидал,— прервал его Сен-Жермен.

Эркюль шагнул навстречу хозяину.

— Граф,— произнес он, неуверенно улыбнувшись,— какой-то князь повелел этим кудесникам изготовить для меня механизм...

Он вдруг сообразил, что, обращаясь к хозяину первым, нарушает правила этикета, и виновато понурился, ожидая разноса. Однако все обошлось.

— Рад видеть вас на ногах, Эркюль. Надеюсь, в скором времени вы без труда взберетесь и на козлы.

Граф говорил вполне искренне, хотя блуждавшая на губах рассеянная улыбка свидетельствовала о том, что он озабочен чем-то другим.

— Мы все исполнили в точности,— сказал по-английски Саттин.— Дерево и рог изумительно дополняют друг друга. Это потрясающее открытие! Позвольте поздравить вас!

Сен-Жермен пожал плечами.

— Открытия нет. Адресуйте свои поздравления скифам. Они таким образом клеили свои луки за пару тысячелетий до нас. Оставалось лишь применить их изобретение к нуждам Эркюля.

Он снял треуголку и сбросил с плеч плащ, оставшись в темном дорожном костюме, отороченном мехом на венгерский манер. Ослепительно белый шейный платок его

был заколот булавкой с рубином, волосы на затылке перехватывал черный бант. Граф нахмурился, стягивая перчатки, но тут же овладел собой.

— Я отсутствовал три дня,— продолжил он на безупречном английском,— и приятно ошеломлен результатами вашей работы. Будьте уверены, моя благодарность не заставит себя долго ждать.

— Мы польщены, ваше высочество,— поклонился Саттин и, поколебавшись, добавил: — Если вы еще не определили, в чем она должна выразиться, могу ли я обратиться к вам с просьбой?

Сен-Жермен вопросительно поднял брови.

— Продолжайте.

— Тигль, ваше высочество. Чтобы растить алмазы, нам нужен нормальный тигль. Честно говоря,— быстро добавил он,— наш тоже неплох, но он не держит температуру.

— Знаю,— кивнул Сен-Жермен.— Хорошо, Саттин, с этим я разберусь.

Он отвернулся от англичанина и повернулся к Доминго-и-Рохасу, заговорив с ним уже по-испански.

— Великолепная работа, мой друг, высокое мастерство. В чем секрет такого успеха?

Испанец смутился.

— Я... мы... сестра... Мы, собственно, лишь старались не разойтись с вашими чертежами, вычисляя по звездам благоприятное для каждой операции время.

— Потрясающе,— с едва заметной долей иронии сказал Сен-Жермен.— Итак, вы, мадам Лэрре и Саттин. Кто еще?

Доминго-и-Рохас склонился в низком поклоне.

— Мы трое всегда к вашим услугам, князь.

— Понятно. А что же Сельбье?

— Все так же плохо. Врач осмотрел его и сказал, что ничего сделать нельзя.— Доминго-и-Рохас развел руками.— Но что они знают, эти врачи? Он режет своими ножами людей, а когда те умирают, находят тысячу способов доказать, что все их мастерство было бессильно.

— Жаль.

Теперь Сен-Жермен — с легким пьемонтским акцентом — говорил по-французски.

— Если вы пожелаете, я направлю к нему других докторов. Впрочем, очень сомнительно, что это поможет.

Мадам Лэрре кивнула.

— Да, ваше высочество, я тоже думаю так. Ведь у него в беде не тело, а разум.

Нахмурившись, она оглядела свои ладони.

— Вижу, мы неплохо понимаем друг друга, мадам.

Грубая физиономия кучера, скромно постаивавшего в сторонке, внезапно вытянулась, и он изумленно вскричал:

— Ха! Я все понял! Вы ведь и есть тот князь, о котором здесь столько твердят?

Эркюль забылся настолько, что ткнул в хозяина пальцем.

Сен-Жермен не обратил внимания на столь вопиющую неучтивость.

— А что же вас так удивляет, мой друг? Или вам кажется, что я самозванец?

— Я... я несколько не удивлен... — замялся Эркюль, приходя в ужас от собственной наглости.

— Титулом этим я пользуюсь очень нечасто, — хладнокровно продолжал Сен-Жермен, — но заверяю, что кое-кому это имя известно.

Совершенно смущенный Эркюль робко пролепетал:

— Но я не сомневаюсь ни в чем и, разумеется, вовсе не спрашиваю...

— Разумеется, спрашиваете. И, разумеется, заслужили ответ. Я происхожу из древнего карпатского рода. На протяжении долгих столетий мои предки роднились с представителями лучших европейских фамилий. — Граф насмешливо улыбнулся. — Полагаю, некий Папа из рода Орсини принадлежит к нашей родне. А если копнуть глубже — там найдутся и цезари. Но все это в прошлом, поросшем былем.

Была Флоренция, были Медичи*, но Сен-Жермен не стал о них поминать. Саттину с Доминго, судя по их оставившимся взглядам, хватило и сказанного. Кучер казался совершенно раздавленным. Невозмутимой осталась только Ифигения Лэрре.

— Слава предков, без сомнения, законный повод для гордости, — спокойно сказала она. — Но отпрыск славного рода и сам должен быть достоин почтения, иначе вся его знатность не многого стоит.

— Полностью с вами согласен, — сказал Сен-Жермен. — Этот камешек брошен в мой огород?

Ифигения покачала головой, не обращая внимания на шипканье сотоварищей.

— Нет, князь, не в ваш.

Сен-Жермен удовлетворенно кивнул.

— Вот и отлично. — Он повернулся к Эркюлю: — Пойдемте со мной. Я хочу попросить вас кое о чем. А что касается вас, — добавил граф, обращаясь ко всем остальным, — новый тигль вы получите в конце этой недели. Надеюсь, моего слова достаточно вам, мадам?

Отвесив иронический поклон Ифигении и кивнув рассеянно мадам, Сен-Жермен двинулся к выходу.

— Теперь разберемся с вами, Эркюль, — произнес он, поднимаясь по лестнице вверх. — Я дам вам работу. Пока ваши ноги совсем не оправятся, вы будете мажордомом отеля.

Эркюль, слегка задыхаясь от спешки, сказал:

— Да, хозяин. Что я должен делать?

— Я хочу, чтобы вы следили за всеми, кто здесь бывает, особенно за теми, что ходят с Сен-Себастьяном или Боврэ. Если заметите что-нибудь подозрительное, немедленно дайте мне знать. Не беспокойтесь, что вас могут узнать.

* Медичи — итальянский род, правивший с перерывами во Флоренции с 1434 по 1737 год. Являлись крупнейшими банкирами Европы.

— С Сен-Себастьяном? — переспросил Эркюль, оставившаяся.

— Да.

Сен-Жермен, глядя на кучера сверху вниз, спокойно ждал, когда тот справится с приливом волнения.

— Вы заново родились, Эркюль. Вы — мой мажордом. Какое дело моему мажордому до Сен-Себастьяна?

— Он меня искалечил! — выкрикнул Эркюль.

— Вы уже не калека.

Сен-Жермен продолжил подъем и снова остановился.

— Эркюль, — мягко сказал он. — Я полагаюсь на вашу выдержку.

Он поднялся на площадку, от которой отходил коридор.

— Ради того чтобы отомстить Сен-Себастьяну, я выдержу все. И пойду на все. Даже на сделку с нечистым!

Сен-Жермен коротко рассмеялся.

— Вот даже как!

Он покачал головой и добавил другим тоном:

— Велите Роджеру приготовить карету. Объясните, что дело касается известной ему дамы, попавшей в беду. Ей надо помочь, ибо опасность все возрастает.

Эркюль наконец добрался до верхней ступеньки.

— Будет исполнено, господин.

Сен-Жермен бросил взгляд на свой плащ, переброшенный через руку.

— Мне надо переодеться. И... вот еще что.

— Да, господин?

— Молчите о том, что знаете, если вам дороги жизнь и душа.

Эркюль снова остановился с озадаченным видом. Граф одарил его холодной улыбкой.

— А если вам нет до них дела, молчите из чувства долга, ибо опасность угрожает и мне.

Письмо врача Андре Шенбрюнна к графу де Сен-Жермену.

«30 октября 1743 года.

Андре Шенбрюнн, врач с улицы Экуле-Ромэн, шлет свой поклон графу де Сен-Жермену, выражая сожаление, что несчастный Сельбье все еще не в себе. Врач интересуется: понимает ли граф, что причиной тому служит не дурной медицинский пригляд, а жестокость нанесенных побоев?

Касательно дела, обсуждавшегося наемни, врач Шенбрюнн сообщает, что он расположен принять в нем участие и намерен прибыть в оговоренное время к особняку де Кресси.

Врач берется сопроводить даму, которую передаст ему граф, в Бретань, чтобы препоручить несчастную опеке сестры ее, Доминик де ла Тристесс дез Анж, аббатисы монастыря Милосердия и Справедливости в Редемпцию.

Поскольку был сделан намек, что путешествие небезопасно, врач не отказывается от услуг вооруженного сопровождающего, предложенного ему графом, и в свою очередь берет на себя обязательство запастись шпагой и пистолетами. Повинуясь желанию графа, врач не будет никуда заезжать по дороге из Парижа в Бретань.

Поскольку высказывалось предположение, что дама не очень здорова, врач предусмотрит возможность предложить ей необходимую помощь. В ожидании завтрашней встречи имею честь оставаться вашим покорным слугой,

Андре Шенбрюнн, врач».

ГЛАВА 8

Около четырех утра граф Сен-Жермен наконец появился в игорных залах северного крыла «Трансильвании». На нем были просторный камзол черного шелка, черные панталоны и черные же чулки. Правда, жилетам приглушенных тонов граф в этот раз предпочел

изысканно белый — атласный. Этот ослепительный фон добавил яркости коллекции его бриллиантов, зато знаменитый рубин среди них словно бы потемнел.

Герцог де Валлонкаше, игравший в пикет против Боврэ, оторвался от карт.

— Вы припозднились, граф. Я вас заждался.

Сен-Жермен поклонился с легкой улыбкой.

— Прошу прощения, герцог, меня задержало одно неотложное дело. Надеюсь, однако, мое опоздание не помещает нам решить свой спор. Итак, я здесь и всецело к вашим услугам.

Де Валлонкаше усмехнулся.

— Боюсь, теперь занят я. Но спор действительно надо решить. Пора наконец выяснить, кто тут лучше играет.

— Вот и выясняйте, — сварливо заметил Боврэ. — Играем, Валлонкаше!

Он сдвинул на сторону кремовое жабо и расстегнул две пуговицы зеленого, как весенняя травка, камзола. Лимонно-оранжевый полосатый жилет тут же засиял на приволье, затмив собой и отчаянную бирюзу туфель барона, и нежно-розовый шелк его панталон.

Валлонкаше пожал плечами.

— Что делать, граф. Боврэ прав: игру надо кончить.

Сен-Жермен согласно кивнул.

— Я могу подождать.

Маркиз де Шеню-Турей, слышавший разговор, многозначительно подмигнул своему партнеру по картам.

— А что же за дельце, граф, вас так задержало?

Если Сен-Жермен и уловил в этой фразе скрытый намек, то не подал и виду.

— Я навещал своего приятеля... музыканта. Он покидает Париж, и похоже, что навсегда. Мы заболтались, визит затянулся...

— Музыканты! — презрительно фыркнул Боврэ. — Чем могут быть привлекательны такие людишки?

— Полетче, Боврэ, — заметил Валлонкаше. — Людям искусства всегда есть что обсудить.

— Людям! Ха! — хмыкнул барон. — Скажите уж — шарлатанам!

Он вновь поправил жабо, демонстративно не глядя на Сен-Жермена.

— Барон в омерзительном настроении, — усмехнулся Валлонкаше, пытаясь сгладить неловкость. — Я, видите ли, все время выигрываю, и это его страшно бесит.

Не обращая внимания на Боврэ, Сен-Жермен вежливо поклонился и негромко сказал:

— Если это не нарушает ваших планов, Валлонкаше, я пока сыграю с кем-нибудь для разминки. Возможно, вам и удастся чуть позже обрушить всю свою мощь на меня.

Он отвернулся и направился в дальний угол, где играли в запрещенную хоку, но его остановили слова де Шеню-Турей, произнесенные хотя и вполголоса, однако достаточно громко, чтобы их слышали многие.

— Чертовски удобно являться сюда к утру. И игроком прослывешь, и много не проиграешь.

Даже не обернувшись к насмешнику, граф бесстрастно парировал:

— Если тут есть желающие сразиться со мной, я готов принять любой вызов. Прошу, называйте себя, господа.

Он стоял в центре роскошного зала: одинокая фигура в черном и белом. В одной руке — старомодная короткая трость, другая легла на эфес шпаги. Шум за столами затих, все головы повернулись.

Маркиз де Шеню-Турей, поколебавшись, был вынужден заговорить, однако в тоне его поубавилось спеси.

— Мы здесь играем в пикет, по десять луи ставка.

Сен-Жермен улыбнулся.

— Почему не по двадцать, чтобы не тратить время впустую?

Утопая в густом бельгийском ковре, он подошел к столу, за которым кроме Шеню-Турей сидели герцог Мер-Эрбо и барон д'Ильруж. Соседями их оказались де Вандом и де Ла Сеньи. Они, оставив свою игру, подталкивали друг друга локтями.

— Кому же из вас не терпится меня разорить? — спросил Сен-Жермен, опускаясь в кресло и расправляя полы камзола.

— Надеюсь, вы окажете эту честь мне? — быстро произнес Шеню-Турей, обменявшись взглядом с Вандомом.

— Буду счастлив, — отвечивал Сен-Жермен, ослепительно улыбаясь.

— Нет-нет, маркиз, — спохватился д'Ильбуж. — Следующая игра по праву моя.

— Итак? — Сен-Жермен поднял бровь, ожидая. — Который из вас, господа?

д'Ильбуж взглянул на маркиза.

— Вы и так играли весь вечер, — напомнил капризным голосом он. — А я все сижу и сижу. Дайте мне разыграть первый роббер. Если я проиграю, перчатку подхватите вы...

Шеню-Турей едва заметно кивнул и уступил свое место. Блуждающая ухмылочка завязного игрока поразительно контрастировала с невинностью его внешнего облика: кукольными чертами лица, бледно-голубым атласным камзолом, жилетом из серебристой тафты и белоснежными кружевами. Он передвинул на другой конец стола кучку золотых лудоров и обратился де Вандому:

— Ставлю на барона, принимаю любые ставки. Кто против?

По залу пробежал шепоток, и вскоре к столику, за которым затевалась большая игра, подтянулись зеваки. Английский граф с лошадиной физиономией возбужденно вздохнул; сам он уже успел проиграться.

д'Ильбуж раздал карты и сосредоточенно задвигал бровями. Игра началась. Барон то сопел, то помаргивал, то дергал щекой, то шевелил беззвучно губами. Его же противника происходящее как будто не занимало. Граф с безразличным видом делал ходы и хмурился только изредка, когда д'Ильбуж погружался в слишком уж длительное раздумье.

— Позер, — тихо шепнул соседу Вандом. — Он даже не смотрит в карты. Ставлю двести луи на барона, — сказал он чуть громче. — Этот роббер за ним.

— Принято, — быстро ответил Валлонкаше, прервавший свою игру, чтобы понаблюдать за поединком.

К столу подошли еще три человека.

— Ставлю на Сен-Жермена, — произнес с хохотком чей-то игривый голос.

Сен-Жермен, не оборачиваясь, произнес:

— Ступайте домой, любезный Жервез. Графиня будет вам рада.

Жервез, порядком разгоряченный вином, побагровел и сконфуженно возразил:

— Я просто хотел оказать вам поддержку.

— Вы ее оказали.

Сен-Жермен небрежно бросил на стол еще одну карту и откинулся в кресле, ожидая ответного хода.

— Ага! Если вы скинули короля, значит, туза у вас нет! — вскричал барон торжествующе.

— Ужасно не хочется вас разочаровывать, но...

Сен-Жермен выложил на стол и туза. Он рассеянно оглядел толпу наблюдателей и с невинным видом спросил:

— Надеюсь, кто-нибудь смотрит за счетом?

Это замечание вызвало взрыв возбужденного смеха. д'Ильбуж враждебно насупился. Сен-Жермен смеялся картами и стал раздавать.

С этого момента игра пошла много медленнее, хотя Сен-Жермен продолжал делать ходы в своей прежней манере. Затягивал время д'Ильбуж, уже успевший сообщить, что дело не обещает быть легким. Этот задрапированный в черное и белое граф вовсе не напускал на себя скукающий вид, ему и вправду скучалось. Противник нимало не беспокоил его именно потому, что не представлял для него ни малейшей опасности.

— Ставлю тысячу лудоров на то, что Сен-Жермен победит с перевесом в сотню очков, — выкрикнул Жервез

д'Аржаньяк. Тот, на кого он ставил, поморщился, но не сказал ни слова.

— Принято, д'Аржаньяк,— процедил красавчик маркиз.— И поднято вдвое.

Англичанин с лошадиными челюстями выложил на стол кучку гиней и с напряжением заявил по-французски:

— Я думать, д'Ильруж проиграть, я фсе это ставить.

— У меня три, граф,— прошипел д'Ильруж, скрипнув зубами.

— Пикет, барон.

К тому времени, как игра подошла к концу, свечи почти догорели. Сен-Жермен отодвинулся от стола, окинув взглядом груды монет и испещренные записями листочки бумаги.

— Уже почти рассвело, д'Ильруж.

Лицо д'Ильружа давно превратилось в бледную маску, но глаза его бегали, а руки перебирали карты. Казалось, барон лишь сейчас осознал, во что ввязался.

— Я не предполагал... все вышло так быстро... Сколько я должен вам, Сен-Жермен?

Сен-Жермен поднял бровь и вопросительно взглянул на Жервеза.

— Сколько там получается? Вы ведь наверняка все считали. Прошу вас, сообщите барону.

Жервез облизнул губы и с нервным смешком сказал:

— Вы задолжали графу восемнадцать тысяч двести сорок восемь луи.

д'Ильруж окаменел.

— Я... мне необходимо какое-то время, граф. Я не предполагал...

Сен-Жермен снисходительно отмахнулся.

— О, безусловно, барон. Когда вам будет удобно. Срок для меня не имеет значения, я подожду.— Он поднялся с кресла.— Любезный Валлонкаше, окажите мне честь, прогуляемся вместе до экипажей.

— Ну конечно,— ядовито и достаточно громко произнес де Вандом.— Куш сорван, пора и поторопиться.

Замечание вызвало в зале глухой ропот. Ставки зрителей, заключавших пари, были огромными, и эта игра опустошила карманы многих.

Де Валлонкаше, подгребавший к себе луидоры, заметил:

— Умейте проигрывать, герцог. Одну секундочку, граф,— добавил он, оборачиваясь к Сен-Жермену.— Вы меня сегодня обогатили. Я хочу еще получить кое-что с Шеню-Турей и Брэдуотера.

Англичанин, уже двигавший к нему две кучки гиней, ослабилась и заявил:

— Мне сегодня везти, но я быть осторожен. Вы играть на фсе, герцог, и правильно поступить. Вот мне урок.

— Это урок мне,— мрачно пробормотал д'Ильруж и повернулся к де Вандому, который тут же зашептал ему что-то на ухо.

— Сорок две тысячи луидоров! — хрипло повторял обезумевший от счастья Жервез.— Сорок две тысячи! Теперь Клодия будет довольна. Она поймет, что ее муженек продувается далеко не всегда.

Сен-Жермен покачал головой.

— Да, сейчас у вас все получилось,— тихо сказал он.— Постарайтесь толково распорядиться этими деньгами, Жервез.

Граф д'Аржаньяк движением руки показал, что советы ему не нужны.

— Фортуна мне улыбается, мой дорогой, а это что-то да значит. Есть смысл подумать о празднике всех святых в Мэзон-Либеллюль. Еще немного везения — и я снова разбогатею.

Он мечтательно улынулся.

Обеспокоенный Сен-Жермен взял мечтателя за плечо.

— д'Аржаньяк,— произнес он с нажимом,— хватит витать в облаках. Не воображайте, что вам удастся выиграть

в Мэзон-Либеллюль,— там никто не выигрывает. Не пускайте по ветру то, что приобрели.

Жервез легко рассмеялся.

— О, я знаю, что вас там не будет. Клодия говорила, что у вас намечена репетиция в нашем особняке. Что ж, у каждого свои игры. Не стоит обо мне беспокоиться, граф.

Покачиваясь, он удалился прочь, пьяный более от счастья, чем от вина.

Внезапно до Сен-Жермена донесся голос Вандома:

— Вы видели, как он играл? Небрежно, не глядя в карты! И тем не менее выиграл. Почему?

— Перестаньте, Вандом! — оборвал его Валлонкаше.— Д'Ильруж проиграл в честной игре, и хватит об этом.

— В честной игре? — с вызовом переспросил вдруг д'Ильруж. Кровь бросилась ему в лицо.

В зале сделалось тихо. Все взгляды обратились на Сен-Жермена.

Какое-то время граф стоял неподвижно, затем очень медленно обернулся к д'Ильружу и произнес:

— Прошу ответить прямо, барон. Вы полагаете, что я шулер?

Д'Ильруж с трудом сглотнул и выдохнул:

— Да.

— Так,— уронил Сен-Жермен; глаза его сузились.

— Не будьте глупее, чем вас создал Господь, Бальтазар! — раздраженно бросил Валлонкаше.

Барон Боврэ разразился лающим смехом.

— Да он чертов трус. Я пытался вызвать его. Он струсил и отказался.

Д'Ильружа вдруг охватил панический страх. Что, если этот черно-белый чужак владеет не только искусством игры, но и шпагой?

— Итак, граф,— спросил он с фальшивой бравадой,— вы принимаете вызов?

Сен-Жермен смотрел на него изучающим взглядом, ничем не выдавая своих чувств.

— Не в моем обычае принимать вызов от человека, который годится мне в сыновья.

— Неужто и вправду трусите? — насмешливо поинтересовался де Вандом.

— Я говорю не с вами,— оборвал его Сен-Жермен.— И право на подобные замечания имеет д'Ильруж, а не вы. Граф обернулся к барону и коротко кивнул.

— Отлично. Я принимаю ваш вызов.

Похолодев от головы до пят, д'Ильруж неловко поклонился.

— Назовите своих секундантов, сударь, и пусть они отыщут моих.

Сен-Жермен протестующие поднял руку.

— Нет-нет, д'Ильруж. Оскорблен я. У меня есть право выбрать время и место. Я выбираю этот зал и хочу драться сейчас.

Царившая в помещении тишина сделалась абсолютной. Де Вандом с удивлением взглянул на человека в черном и белом.

— У вас, разумеется, есть друзья, которые не откажутся вам помочь,— любезно сказал Сен-Жермен.— В свою очередь, я обращаюсь к Валлонкаше.— Герцог поклонился, услышав свое имя.— А если вы настаиваете на соблюдении всех формальностей, надеюсь, один из присутствующих шевалье не откажется выручить нас.

— Одного будет достаточно,— сдавлено произнес д'Ильруж. С безумным видом оглянувшись по сторонам, он скользнул взглядом по де Вандому и спросил: — Де Ла Сеньи, вы не откажетесь быть моим секундантом?

Де Ла Сеньи медленно приподнялся с кресла.

— Да, Бальтазар, благодарю за честь.

Он даже не попытался скрыть презрительную усмешку. В каждом жесте его сквозило молчаливое осуждение. Д'Ильруж, уже сожалея о вызове, терзался невыразимыми муками.

— Оружие? — спросил он голосом, который не мог счесть своим.

— Шпаги.

Сен-Жермен уже снял черный камзол и подоткнул многослойные кружева на запястьях. Вытащив из ножен парадную шпагу, он заметил:

— Она хуже чем бесполезна.

Граф посмотрел на секундантов.

— Обратитесь к мажордому. Пусть выдаст боевые рапиры.

Быстро кивнув, де Ла Сеньи вышел из зала, де Валлонкаше пошагал вслед за ним.

Д'Ильруж тоже стащил камзол и теперь мучился с пышным жабо, пытаясь стянуть его с шеи. Его взгляд, устремленный на де Вандома, являл забавную смесь ярости и недоумения.

— Господа, — негромко произнес Сен-Жермен. — Не соизволите ли вы сдвинуть к стенам столы?

Даже Боврэ соизволил принять участие в этой работе, оттащив к стенке ломберный столик, за которым провел всю ночь. Потом он оттащил туда же и стул и упал на него — очень довольный, словно кот, подобравшийся к миске со сливками.

Сен-Жермен собирался снять туфли, но быстрый взгляд за окно подсказал ему, что рассвет уже близок, и он вновь застегнул широкие пряжки.

Д'Ильруж, заметив это, нервно шепнул соседу:

— Он хочет драться до первой крови. Надеюсь, ты понимаешь, что я на это не соглашусь.

Де Вандом усмехнулся.

— Убей его, Бальтазар, и будешь вознагражден.

Он крепко пожал приятелю руку и ободряюще похлопал его по плечу.

— Вы готовы? — спросил, появляясь, де Ла Сеньи. У него за спиной возвышался невозмутимый Валлонкаше.

Сен-Жермен выпрямился.

— Могу я предложить господам закрыть и запереть двери? Полагаю, никому здесь не хочется, чтобы нас прерывали.

Он окинул помещение взглядом.

— Валлонкаше, свечи лучше убрать. Они все равно почти доторели, а в окнах уже достаточно света. И если кто-нибудь займется камином...

Казалось, ему и в голову не приходило, что выполнять обязанности лакеев вовсе не характерная черта французских дворян. Впрочем, сейчас это не приходило в голову никому.

— Я за ним присмотрю, — быстро отозвался Шеню-Турей и поспешил к камину. Он вытащил пару поленьев из аккуратной стойки для дров и положил их на угли. Вскоре они весело затрещали.

— Ваши условия, д'Ильруж? — спросил де Валлонкаше во внезапно охватившей все помещение тишине.

— Схватка до смерти.

Де Валлонкаше поклонился и подошел к Сен-Жермену.

— Условия таковы...

— Я их слышал.

Сен-Жермен повернулся к противнику, пробуя рапирой рукой.

— Принято, но при одной оговорке, — сказал он негромко, но так, что слышали все.

— Какой? — встрепенулся д'Ильруж.

— Если я одержу победу и пощажу вас, вы назовете имена тех, кто подбил вас на эту дуэль.

Д'Ильруж удивленно вскинулся и натолкнулся на твердый внимательный взгляд.

— Вы даете в том слово?

Д'Ильруж взглянул на графа еще раз, явно не владея собой.

— Да-да. Я даю. Как вам будет угодно, — пробормотал он и повернулся, чтобы уйти. Странное условие его озадачило, но... Не все ли равно?

— Какие будут распоряжения? — спросил торопливо герцог. В центре зала его уже ожидал де Ла Сеньи.

— Мой слуга Роджер знает, что делать. Поговорите с ним... если возникнет нужда.

Он опустился на колени и осенил себя крестным знаменем.

Д'Ильруж издевательски хохотнул.

Валлонкаше обменялся с де Ла Сеньи парой фраз, после чего де Ла Сеньи кивнул и сказал:

— Господа, займите свои позиции. Сен-Жермен, если не возражаете, вам выпал восток. Вам, д'Ильруж, соответственно, запад.— Он указал кончиком шпаги, куда кому встать.— Отлично, господа. Никто не желает отказаться от схватки?

— Нет,— бросил д'Ильруж.

— Сен-Жермен?

— Нет.

— Вот и прекрасно.

Секунданты скрестили шпаги, дуэлянты обменялись приветствиями через этот импровизированный барьер. Затем клинки разошлись, и секунданты отпрыгнули в стороны, уклоняясь от яростной атаки д'Ильружа.

В тот момент, когда барон рванулся вперед, Сен-Жермен перекинул рапиру в левую руку и повернулся, заставляя д'Ильружа открыться.

Заметив опасность, д'Ильруж сделал выпад, целясь Сен-Жермену в бедро.

Сен-Жермен шевельнул запястьем, и клинок был отбит. Граф двигался с грацией тореадора. Он улыбнулся, но глаза его оставались печальными.

Д'Ильруж снова атаковал, но уже осторожнее: рапира в левой руке противника смущала его. Он сделал выпад, но удар был парирован, и барон отступил.

Сен-Жермен защищался, он словно бы не решался напасть, но д'Ильруж чувствовал, что теряет уверенность. У него не было ни мастерства, ни реакции графа, а молодость — плохое подспорье там, где главенствует опыт. Сен-Жермен

фехтовал в итальянской манере, которая при других обстоятельствах привела бы д'Ильружа в восторг. Но эта манера сейчас не давала ему зацепить Сен-Жермена, тому оставалось лишь измотать и прикончить его.

В полном отчаянии д'Ильруж пытался отыскать шанс на спасение, и ему показалось, что шанс этот есть. Сделав неуклюжий выпад, он стал терять равновесие и увидел, что Сен-Жермен отшатнулся назад. В тот же миг д'Ильруж выпрямился, схватил стул и швырнул его в графа. Стул ударил противника по ногам, что вызвало в толпе зрителей крики протеста.

— Ну нет,— выдохнул Сен-Жермен и перешел в атаку. В бледном предутреннем свете призрачно полыхнул белый жилет.

Д'Ильруж с трудом парировал выпад, сталь звякнула о сталь, и он отступил. Тело его взмокло от пота, но Сен-Жермен оставался свежим. Даже полоска кожи над его верхней губой была совершенно сухой.

Они снова сошлись. На этот раз граф встретил атаку глухой обороной и отступил сам, давая барону возможность передохнуть.

Когда тот немного пришел в себя, Сен-Жермен улыбнулся:

— Я готов признать себя удовлетворенным, барон.

— Нет... нет... бьемся до смерти.

Д'Ильруж поднял рапиру и заметил, что кончик ее дрожит.

Сен-Жермен вздохнул.

— Как пожелаете. К бою!

Внезапно он почувствовал, что эта игра больше не занимает его, и сделал мощный прямой выпад. Удар был практически неотразим.

Клинок Сен-Жермена, направленный в грудь молодого аристократа внезапно чуть отклонился, пронзив тому руку. Ошеломленный д'Ильруж попытался нанести ответный удар, но достиг лишь того, что в ткани жилета противника появилась прореха. Его рапира не причинила графу никакого вреда. Барон споткнулся и тяжело осел на ковер.

Открыв глаза, он увидел, что к шее приставлен клинок.

— Я удовлетворен, д'Ильруж. Что скажете вы?

Барон только сплюнул. Его охватила бессильная ярость. Он хотел драться, но сталь не давала встать.

— Я не хочу вашей гибели,— ровным голосом произнес Сен-Жермен. Он продолжал ждать, не отводя смертоносной рапиры.

— Ладно, граф... ваша взяла.

Это было сказано тихо, так тихо, что барон и сам не услышал себя.

— Я удовлетворен,— сказал он достаточно громко, и лицо его перекошилось от муки.

Сен-Жермен отступил и подал руку поверженному противнику, но та не была принята. Пожав плечами, граф обернулся к свидетелям поединка.

— Я покидаю вас, господа. Проследите, чтобы мое условие было выполнено. Кто-либо из вас должен повидаться со мной еще до захода солнца.

По залу пробежал шепоток, напряжение схлынуло. Дуэль завершилась, зрители принялись ее обсуждать.

Граф медленно пересек помещение, чувствуя себя бесконечно усталым.

— Я уже староват для подобных вещей,— тихо сказал он своему секунданту.

— Ну разумеется,— засмеялся Валлонкаше.— Более изящной дуэли я в жизни не видел. Скажите, вы всегда деретесь левой рукой?

— Нет, не всегда.

Сен-Жермен тяжело упал в кресло и устремил рассеянный взгляд за окно. Небо приобрело бледно-лиловый оттенок; его рассекали длинные золотые лучи.

Герцог ушел и вскоре вернулся с камзолом своего подопечного, бормоча себе что-то под нос.

— Что? — переспросил Сен-Жермен.

— Ваш жилет безнадежно испорчен. Клинок распорол его сверху донизу. Сорочка тоже задета. Вам повезло. Он почти вас достал.

Сен-Жермен опустил голову и взглянул на длинный разрез.

— Впечатляет,— сухо сказал он.

Казалось, его замечание натолкнуло Валлонкаше на новую мысль.

— Почему вы сегодня надели белый жилет? Вы ведь всегда носите черное.

Сен-Жермен улыбнулся, медленно поднялся с кресла и набросил на плечи камзол, словно плащ.

— Он должен был символизировать чистоту моих устремлений.

Граф отложил рапиру и пошел к дверям, короткими наклонами головы отвечая на поздравления тех, кому его умение фехтовать принесло немалую выгоду.

Отрывок из письма графини д'Аржаньяк к Люсьен де Кресси.

«31 октября 1743 года.

...Дорогая Люсьен, ты даже не представляешь, как всем нам не хватает тебя. Мадлен просто бредит твоей игрой и жаждет услышать ее на затеянном нами празднестве, до которого остается совсем мало времени. Стоит ли говорить, что я мечтаю о том же.

...Мы так и не знаем, серьезно ли ты больна. Эшил молчит как рыба, отделяясь от меня общими фразами о твоём нездоровье. Если желаешь, я охотно пришлю к тебе своего врача. Порядок требует заручиться в таком вопросе согласием мужа, но, думаю, мы обойдемся и без него...

Знаешь, барон д'Ильруж и впрямь обручился с Олимпией де Ле Радо. Ее брат просто в ярости, но Боврэ пребывает в полном восторге. Ты предсказала это еще полгода назад. Ты всегда разбиралась в тонкостях людских отношений, ты привыкла быть на виду — представляю, как тебе сейчас одиноко, моя дорогая!

Сен-Жермен заявил, что, пока ты не поправишься, виолончель для него лишена души и не способна вдохновить его на новые пьесы. Как поэтично, не правда ли? Поправляйся скорее! Впрочем, небольшую оперу для нашего праздника он все-таки написал и уже приводил музыкантов на репетицию. Я в полном восторге и надеюсь, что ты тоже сможешь по достоинству ее оценить.

...Как представляю тебя в четырех стенах, так мне хочется плакать! Этот монстр, этот твой муженек — что он себе позволяет?

Ты должна написать дядюшке или сестрам. Тебе нельзя оставаться с этим тираном. У меня сердце заходится, когда думаю о тебе. Если я могу что-нибудь для тебя сделать, дай мне как-нибудь знать. Я готова на все, полагаю, есть и другие! Вырвать тебя из лап ненавистного Эшила сочтет делом чести каждый порядочный человек.

Беги от него, беги прямо ко мне, дорогая, даю слово, ты никогда больше не вернешься в особняк де Кресси. Ты будешь жить у меня сколько захочешь, а если Эшил примет попытку тебе помешать, что ж... у меня есть брат, я обращусь к нему с просьбой о помощи. Он, правда, советовал мне не мешаться в супружеские раздоры, но, узнав все обстоятельства, несомненно заступится за тебя. Он поймет, что твоя беда выходит за рамки обычных семейных скандалов. Вместе мы убедим его в этом, только сделай решительный шаг.

Я отправляю письмо с посыльным, которому велено ждать около часа. Если тебе удастся передать ему весточку, он тут же доставит ее ко мне.

А пока в ожидании встречи остаюсь твоей любящей и, надеюсь, любимой подругой,

Клодия де Монталье,
графиня д'Аржаньяк».

Возвращено нераспечатанным 11 января 1744 года.

Часть 3

БАРОН КЛОТЭР ОДОН ЖЮЛЬ ВАЛАНС ПЬЕ ДЕ СЕН-СЕБАСТЬЯН

Отрывок из письма барона Клотэра де Сен-Себастьяна к шевалье Донасьену де Ла Сеньи.

Пакет посланий, датированных 1 ноября 1743 года.

«...И чего ради Вандом устроил в “Трансильвании” этот спектакль? Кажется, вы могли бы понять, что подобные выходы достижению наших целей вовсе не служат. А с убийством д'Ильружа вы, прямо скажем, опростоволосились напрочь. Никто не поверит, что его убил Сен-Жермен. Особенно после того, как он подарил ему жизнь в присутствии доброй сотни бездельников, готовых теперь носить его на руках. Скорее будут думать, что барона убили, чтобы заткнуть ему рот. Он ведь обязался публично открыть Сен-Жермену какой-то секрет. Но не успел, а потом ему уж не дали. Вот о чем теперь станут судачить на каждом углу. И глупости совершенного насколько не умаляет тот факт, что это действительно так.

...С этим ладно, но куда подевалась Люсьен де Кресси? Эшил не смог дать никаких вразумительных объяснений. Даже после того, как Тит — в моем присутствии, разумеется, — с пристрастием его допросил. Если, кстати, вам нужен этот болван, вы найдете его в постели; сняв-ки доскажут вам остальное. Рассмотрите их повнимательнее, прежде чем затевать что-то дурацкое.

Взять служанку вместо хозяйки, конечно, возможно, но это аварийная мера. Вы постоянно нарушаете свои обязательства по отношению к кругу, дорогой Донасьен. Вам пришла пора задуматься о своем будущем. Части вашего организма, выдающие в вас мужчину, почти так же годятся для жертвоприношения, как кровь и девственность юной особы. Зарубите это себе на носу. Если Мадлен де Монталье опять от нас ускользнет, место ее на алтаре в день зимнего солнцестояния займете именно вы — я вам это обещаю. Сначала вас лишат того, о чем было только что упомянуто, потом круг использует ваше тело так, как у нас это принято. Вы ведь помните, что происходило с мадам де Кресси? С вами будет проделано то же, только несколько по-другому. А когда круг насытится, я самолично сниму с вас кожу. Представьте себе хорошенько все это и наконец возьмитесь за ум, шевалье.

Полагаю, теперь головной нашей болью становится Жервез д'Аржаньяк. Я слышал, прошлой ночью он выиграл огромную сумму. У меня нет сомнения, что граф ее вскорости спустит, но какое-то время он все же продержится на плаву. Нищий Жервез нам полезен, богатый — опасен, ибо может взбрыкнуть. Призываю вас действовать осмотрительно и никого из наших к нему не пускать. За дело должен взяться Шеню-Турей — он, кажется, намеревался вступить в наше братство. Дайте ему поручение окоротить любезного д'Аржаньяка, и поскорее — пока тот не примирился с женой. Граф снова должен почувствовать себя загнанным в угол, затравленным кредиторами и своеправной супругой, только и мечтающей, как бы загнать муженька под каблук. Это единственный способ заручиться его помощью в очередном туре охоты на Монталье.

А времени у вас мало, куда как мало, любезный мой шевалье. Доставить ко мне девушку следует не позднее десятого числа сего месяца. Она моя, она обещана мне еще

до рождения, и лучшей жертвы для будущего обряда нельзя и желать. Мне понадобится сорок дней, чтобы приготовить Мадлен к тому, что ее ожидает, и окончательно сломить ее волю. Учтите, что меньшим сроком не обойтись. Каждый из нас возьмет ее как захочет, и эта кровь свяжет нас и волеет в нас новые силы. Простое убийство мне отвратительно. Нет, жертву следует полностью уничтожить, ее душа, ее тело должны обратиться в ничто.

Вы, Жуанпор и Шатороз отвечаете за поимку Мадлен Монталье в десятидневный срок, и более я не потерплю никаких отговорок. В случае неудачи гнев мой будет ужасен. Во всей Франции не найдется местечка, какое укрыло бы вас от меня, помните же об этом.

Попутно поглядывайте по сторонам: есть еще один человек, который нам интересен. Князь Ракоци. Его якобы видел в Париже Ле Грас. Этому князю известно многое о природе вещей, но вряд ли он добровольно поделится своим знанием с нами. Заманив его в наши сети до дня зимнего солнцестояния, мы получим возможность усилиться многократно. Ракоци знает секрет изготовления драгоценных камней, а там рукой подать и до философского камня. У нас имеются способы развязать ему язычок. Кроме того, смерть этого мудреца, будучи правильно организованной, освободит для нас его силы, а потому весьма нам желательна. Возложив на алтарь не только Монталье, но и Ракоци, объединив плоть с интеллектом, мы чрезвычайно выиграем во всех отношениях.

Так что действуйте, дорогой Донасьен. Вы многое получили от круга: состояние, власть, силу. Ну не обидно ли будет утратить все в одночасье? И жизнь в придачу, да и не только ее. Впрочем, ревностное отношение к своим обязанностям позволит вам избежать этих утрат. Чего я вам, собственно, и желаю.

Засим всегда к вашим услугам,

барон Клотэр де Сен-Себастьян».

 Четверо верховых в мирном согласии продвигались попарно по неширокой тропе. Жервез в пятый раз рассказывал Клодии о событиях прошлой ночи.

— А когда началась дуэль,— говорил граф, расширяя глаза,— что-то меня снова толкнуло. Я поставил десять тысяч на Сен-Жермена и, представь себе, не прогадал. Он победил, и я утроил всю сумму. Я утром же сообщил Жуан-пору о погашении самых крупных долгов. Но у меня на руках остается еще двадцать тысяч! Это само по себе целое состояние, однако вскоре я непременно удвою его.

Графиня, казалось, не слушала. В своей светло-голубой амазонке, с военной кокардой на модной шляпке она выглядела молоденькой барышней, ее старили только морщинки на лбу.

— Удовольствуйтесь своим выигрышем, Жервез,— произнесла наконец Клодия.— Почему бы нам не покинуть Париж? Мы могли бы поселиться в вашем анжуйском поместье. Вы всегда говорили, что это ваша мечта.

— Но ты же любишь Париж, дорогая,— возразил он с оттенком упрека.

— Конечно,— согласилась она.— Но мне не особенно нравится денно и нощно пребывать в ожидании, что нас выселят из дома за какие-то там долги. Я с удовольствием предпочту всему этому жизнь без подобных волнений, правда вдали от света,— но что нам суетный свет?

— Но я же тебе говорю,— произнес Жервез терпеливо,— что у меня сейчас пошла светлая полоса. Вот увидишь, теперь все будет иначе.

— Ах, Жервез,— обреченно вздохнула графиня, опять ощутив, что жизнь ее входит в привычную колею.

— И так всегда,— закипятился вдруг граф.— Ты постоянно одергиваешь меня, не доверяешь. Не удивительно, что удача мне изменяет. Она не любит тех, кого вечно клают.

— Это неправда,— возразила графиня, зная, что он не услышит ее. Она обернулась к парочке, державшейся в отдалении: — Мадлен, эй, Мадлен! Если тебе не терпится устроить свою сумасшедшую гонку, этот участок как раз для нее. Сен-Жермен, вы поскачете с ней?

Мадлен обратила к своему компаньону сияющее лицо.

— Хотите проветриться? Скажите, что да.

Не дожидаясь ответа, она закричала:

— Вам лучше бы съехать с дорожки, тетушка! Моя испанка очень резва.

Бросив на Сен-Жермена насмешливый взгляд, Мадлен прищипорила свою андалузскую кобылу, и та перешла в галоп.

Сен-Жермен выждал с минуту, затем погнал своего жеребца. Обгоняя графиню, он махнул ей рукой.

С одной стороны к тропе подступал лес. Листва уже почти облетела, и обнаженные ветви деревьев отбрасывали длинные тени на воду мелкой речушки, бежавшей с другой стороны тропы. Парк был хорошо спланирован и ухожен, дабы созерцание дикой природы не пробуждало тревоги в сердцах чувствительных барышень и дворян, облюбовавших эти места для загородных прогулок.

Стоял холодный осенний денек — из тех, что в каждой детали пейзажа таят обещание скорой зимы. Воздух был абсолютно недвижим, будто осень невольно придержала дыхание, пугаясь близости холодов. По небу вычурной вереницей текли облака, в нескольких лье за рекой к ним поднимались дымки. Пахло сыростью и грибами.

Тропа, по которой неслась Мадлен, была идеально ровной. Желтое платье наездницы развевалось, щеки пылали, разгоряченные быстрой ездой. После охоты в Сан-Дезэспор она долгое время не садилась в седло, опасаясь, что верховые прогулки станут теперь вселять в нее тихий ужас. Но ничего подобного не случилось, и Мадлен желала лишь одного: чтобы скачка никогда не кончалась.

Пепельный бербер ее нагонял. Топот копыт делался все громче. Мадлен не оглядывалась. Послышался окрик: «Поберегись!»

Девушка покорно сдала вправо, освобождая место рядом с собой. Всадник и всадница какое-то время неслись галопом бок о бок, холод жалил их лица.

— Остановимся возле моста! — предложил Сен-Жермен. — Нам надо дождаться ваших.

Мадлен не хотелось никого дожидаться — общество графа вполне устраивало ее; но она чувствовала, что лошадка устала. С легким сожалением девушка придержала свою кобылку и перешла на легкий галоп, затем на рысь. Наконец, она пустила испанку медленным шагом и бросила повод. Сен-Жермен спрыгнул с седла, взял жеребца под уздцы и повел по тропе, давая ему остыть. Арочный мост, переброшенный через речушку, был уже рядом.

— Мне тоже спешиться? — спросила Мадлен, когда ее спутник остановился.

— Только если хотите, — ответил Сен-Жермен, глядя на нее снизу вверх. — В любом случае мне доставляет удовольствие ваше присутствие.

Странные огоньки блуждали в его глазах.

— Впрочем, вы всегда со мной, дсрогая. — Сен-Жермен протянул руку и снял с ее платья несуществующую пылинку.

— Что вы имеете в виду?

Мадлен наклонилась, он потянулся к ней и замер, словно бы натолкнувшись на невидимую преграду.

— Что вы — во мне. Хотя бы своей кровью. Вы были правы, сравнивая это с причастием. Любовь освящает все.

В ее голове внезапно зародились вопросы, она задала первый, пришедший на ум:

— Сен-Жермен, вы католик?

— По обстоятельствам.

Мадлен нахмурилась.

— По обстоятельствам? — удивленно повторила она и оперлась на спинку седла. — Что это значит?

— Ну... я, например, не испытывал особенных чувств при крещении, однако потом поддерживал церковь, де-

лал пожертвования... Впрочем, прошло время, и я стал мудрее. Конечно, я не хожу к причастию, но...

Тон его голоса изменился, на губах мелькнула улыбка.

— Но все-таки... причащаюсь.

Она игриво шлепнула его кончиком повода.

— Граф! — В душе ее разгоралась тихая радость. — Там, в церкви...

Он пожал плечами.

— Это не то, что вы думаете. Только не вообразите, что я принадлежу к кругам Сен-Себастьяна. — Он уже смотрел сквозь нее на быстро бегущую воду, лицо его сделалось отстраненным. — Общее заблуждение ваших прелатов состоит в том, что они относят к слугам христианского дьявола всех, кто способен действовать после смерти. Нас причисляют к ним, но это вздор. Возьмите историю Иисуса. Судя по тому, что о нем говорят, он тоже воскрес из мертвых.

— Сен-Жермен! — Мадлен откровенно шокировало такое кощунство.

— Существует поверье, что люди, рожденные в пору зимнего солнцестояния, делаются вампирами. А когда рожден Иисус? — Он заметил, что девушка вздрогнула, и усмехнулся. — Если все так, то на его воскресение можно взглянуть по-иному. Вы не задумывались, почему в память о нем надо пить кровь? Символическую, согласен, но все-таки — кровь! В этой истории много загадок...

Губы его улыбались. Губы — но не глаза.

— Вам с детства внушали, что существа, мне подобные, боятся креста и трепещут пред ликом Господним. Тем не менее многие из нас лежат в освященной земле, под крестами, даже в церквях. Нет такого священного символа, который мог бы остановить нас, Мадлен. Я спокойно могу прикасаться к распятию, не испытывая при том никаких неудобств. Это тех, кто поклоняется дьяволу, страшат христианские символы. Это они, а не мы, не выносят крестов. Это их, а не нас, повергает в трепет один вид знаков силы Господней...

Мадлен направила лошадь к мосту и, когда копыта испанки ступили на замшелые камни, натянула поводья.

— А как насчет воды? — спросила она, повернувшись.— Она ведь должна вас пугать.

Он тоже взошел на мост.

— Не беспокойтесь, я защищен.

Граф смотрел на Мадлен. Он снял треуголку, свернул ее и сунул под мышку. В рассеянном свете осеннего дня его волосы приобрели медно-каштановый цвет.

— Да, кое-какие поверья соответствуют истине. Я действительно не могу перейти через бегущую воду. Но смотрите,— добавил он и топнул каблуком по камням моста.— Давным-давно я придумал эту уловку: наполнять каблуки и подошвы землей. Пока я обут, ни вода, ни солнце мне не страшны.

Мадлен рассмеялась.

— А я-то сочла, что вам просто хочется казаться выше ростом! И все удивлялась, глядя на ваши громоздкие туфли.

Напуганная этой вспышкой веселья кобыла вскинула голову и едва не взбрыкнула. Мадлен успокоила ее, ласково похлопав по шее.

Граф тоже рассмеялся, лицо его прояснилось.

— Мадлен, дорогая, я ведь и впрямь невысок.

— Если я действительно вам дорога, все остальное не имеет значения.

Голос ее дрогнул. Граф удивленно вскинул глаза. Мадлен быстро спросила:

— Когда? Отвечайте же, Сен-Жермен. Я жду вас и жду, я устала.

Она помолчала и, не дождавшись ответа, повторила глухим голосом:

— Когда? Отвечайте. Я совершенно измучилась. Вы ведь не можете вот так меня бросить?

Сен-Жермен вертел в руках повод с таким видом, словно не понимал, как он к нему попал.

— Мадлен, я... я забочусь о вас. Кровь... это лишь малая часть... вершина горы, уходящей в пучину. Если я вновь от-

ворю ваши жилы... так скоро...— Он смешался, речь его прервалась.

— Тогда отворите мне ваши. Пожалуйста, Сен-Жермен... во имя любви, о которой вы так хорошо говорите и о которой я, к сожалению, так мало знаю...

Он зажмурил глаза, словно от боли, затем очень тихо сказал:

— Нет.

— Почему нет? — Она в нетерпении соскочила на землю.— Я ведь дарю вам себя. Почему бы и вам не ответить мне тем же?

Его ответ был решительно резок.

— Нет!

— Почему? — Она стояла на гребне моста, преграждая ему дорогу.— Почему? Отвечайте!

— Ну хорошо,— сдался он.— Попробовав моей крови, Мадлен, вы наверняка сделаетесь такой же, как я. Обратного хода не будет.

Он ощутил сильное головокружение, какое всегда испытывал при виде бегущей воды, и отвернулся от реки.

— Что в этом ужасного? — Мадлен приблизилась к Сен-Жермену и всмотрелась в его лицо.— Вы можете мне сказать, что в этом ужасного?

— Одиночество.

Он хотел отвернуться, она не давала, он принужден был смотреть ей прямо в глаза. Со времен Деметрис прошло два века, и ни одна женщина после нее не повергала его в такое смятение. У него были тайные, можно сказать односторонние, связи, порой напоенные чувствами, подобными тем, что внушала ему Люсьен де Кресси. Однако его избранницы не ведали, кто он и что он, они принимали его визиты за порождение собственных измышлений. Правда несомненно бы их потрясла и наполнила отвращением — как к себе, так и к ночному безгласному визитеру. Но Мадлен сама догадалась, кто он такой, и... не отпрянула, не ужаснулась. Она ищет с ним встреч, она добивается

их, она не хочет внимать голосу разума. Он, со своей стороны, страшится ее потерять и в то же время надеется оберечь от собственных посягательств. Сен-Жермен сделал усилие и повернулся к Мадлен спиной.

Поток под мостом грохотал непрерывно, словно нетерпеливый любовник, барабнящий в закрытую дверь. Заводь, в которую он вливался, была местами подернута рябью, но там, где вода оставалась гладкой, в ней отражались две лошади, мост и молодая темноволосая женщина. И... никакого намека на присутствие кого-то еще.

— Одиночество? Только-то? — Она взяла его за руку и мысленно улыбнулась: он не отпрянул — это хороший знак.

Сен-Жермен по-прежнему не оборачивался.

— Вы не поймете. Бессмертие начинает восприниматься как наказание, а постоянная жажда — и хуже того. И то и другое становится ненавистным.

— И что же? Чем это хуже той жизни, которая уготована мне? Разве без вас я в меньшей опасности, чем рядом с вами? Вспомните круг моих кавалеров, вспомните Сан-Дезэспор. Разве моя невинность — защита от Сен-Себастьяна? Куда вы толкаете меня, Сен-Жермен?

Мягким движением она заставила его повернуться.

— Неужто моя любовь ничего не значит для вас?

Он попытался высвободиться, она не пустила. Он решился на крайность и выдохнул с горьким смешком:

— Вы не первая. И не последняя.

— Я это знаю. — Взгляд ее наполнился болью, но голос был тверд. — Я не дурушка. Но вам-то что за печаль?

Он мягко коснулся губами ее рта, поцелуй был почти невинным. Он ее ранил, он чувствовал, как она напряглась.

— Я знаю одно: мое чувство к вам уникально. Во мне только вы. Простите меня, Мадлен.

Она обмякла и ткнулась лбом в его подбородок.

— Боже, какое счастье. Молчите. Не говорите более ничего.

Взглянув на тропу, Сен-Жермен с сожалением покачал головой.

— Ваши родичи нас скоро нагонят.

— Но у нас ведь есть еще время?

— Нет, — он прикоснулся к ее щеке. — Я приду к вам, Мадлен. Как только вы захотите. После вашего праздника я к вам приду.

Она судорожно схватила его за руку.

— Обещайте!

Он улыбнулся.

— Вы — это я. А себя мне не обмануть.

Она хотела сказать еще что-то, но он закрыл ей губы ладонью. Тогда она принялась целовать его пальцы и не унялась, пока не поцеловала каждый из них.

— Смотрите же, Сен-Жермен!

Девушка побежала к лошадке, но взобраться в седло без посторонней помощи не смогла. Руки, ее поддерживавшие, подрагивали, но были крепки. И, к огорчению всадницы, не позволили себе даже крошечной вольности.

— Благодарю вас, — холодно произнесла Мадлен.

— Взгляните туда, — виновато откликнулся Сен-Жермен, указывая на двух всадников, появившихся в отдалении. — Граф и графиня. Они уже тут.

Он взлетел на коня, не опираясь на стремя.

— Они заметили нас, — сказала Мадлен и помахала графине рукой.

Хлопнув лошадку по крупу, она заставила ее спуститься с моста, потом обернулась и с легким оттенком надменности заявила:

— Я рада, что мы все-таки объяснились. Неведение, наверное, хуже всех зол. Оно томит и дает пищу сомнениям...

— Вы сомневались? — Он подъехал к ней ближе. — Мадемуазель, что это значит?

Мадлен ответила очень тихо, но Сен-Жермен услышал ее.

— Я не сомневалась в себе. Я... я только боялась что вы... что вы уже не хотите меня, что я успела вам наскучить... Я молода... вы повидали мир, в нем столько разного и... много соблазнов. И если вы из таких мужчин, то... сердце мое будет разбито.

Он смотрел на нее напряженным, пристальным взглядом, явно не понимая, о чем ему говорят. Потом вдруг понял и рассмеялся.

— Все это вздор, Мадлен. Я давно не ищу приключений подобного рода. Со времен Элагабала*, а этот цезарь жил более тысячи лет назад.

Он развернул жеребца так, чтобы видеть подъезжавшую парочку, и, понизив голос, добавил:

— В опере, которую я написал, есть сюрприз для вас, дорогая, но в чем он, я пока не скажу.

— Мадлен! Граф! — Графиня уже махала им хлыстиком.

Сен-Жермен сдвинул в сторону своего бербера и спокойно продолжил:

— Буду рад познакомиться с вашим батюшкой, мадемуазель. Вы говорили, он прибудет сегодня?

Благодарно взглянув на него, Мадлен приняла предложенный тон:

— Да, к вечеру. Я жду его, признаюсь, со страхом. Он не был в Париже, с тех пор как я родилась, и, наверное, будет нуждаться в опеке. Это лишнее беспокойство, но граф д'Аржаньяк и тетушка так добры...

— Пустяки, моя милая. Я могу им заняться, — заявил добродушно Жервез и посмотрел на жену. — Надеюсь, Клодия, ты не против?

Графиня уставилась на него, как на что-то, чего никогда не видала.

— Вы вольны в своих поступках, Жервез. Но ваше внимание к моему брату доставит мне огромную радость. Вы это знаете, и незачем спрашивать: я, конечно же, за!

Подавив нервный вздох, она повернулась к Сен-Жермену:

— Я должна поблагодарить вас, граф, за то, что вы развлекали Мадлен. Уверена, наш разговор с Жервезом быст-

ро бы ей наскучил. Мы с ним и на прогулках все что-нибудь выясняем. Спорим, бранимся...

— По пустякам, мое счастье, только по пустякам, — перебил супругу Жервез. — Но теперь между нами все ясно, не так ли?

— Да, — сухо кивнула графиня и покосилась на небо. — Боюсь, нам пора возвращаться. Брат скоро прибудет, его надо принять. Надеюсь, ты не огорчена, дорогая? Я знаю, какую радость тебе доставляют эти прогулки.

Мадлен поклонилась и светским тоном сказала:

— Увидеть отца — самая большая из радостей для дочери, с ним разлученной. Конечно мы едем домой. Граф, — обратилась она к Сен-Жермену, — еще раз благодарю за приятно проведенное время. Я больше не смею задерживать вас. Встретимся на приеме. И... репетируйте вашу оперу, не таясь. Будьте уверены, подсматривать я не буду.

Сен-Жермен поклонился, прижав к груди треуголку:

— Спасибо, Мадлен. Это был очаровательный день. Граф, графиня, я ваш покорный слуга. — Он прищипорил своего жеребца и взлетел на мост. — До завтра!

Какое-то время он сдерживал бербера, наблюдая, как стройная фигурка Мадлен исчезает за поворотом тропы, потом вновь спустился с моста и последовал за маленькой кавалькадой.

Отрывок из письма аббатисы Доминик де ла Тристесс дез Анж неизвестному покровителю ее сестры.

«2 ноября 1743 года.

...Монастырский врач, осмотревший бедняжку Люсьен, сказал, что с хорошим уходом и помощью Господа к ней могут вернуться как рассудок, так и здоровье.

Я никогда не смогу в полной мере отблагодарить вас за то, что вы сделали для нее. Надеюсь, виолончель, вами

* Элагабал (204–222 гг. н. э.) — император Римской империи, отличавшийся большим своенравием и сексуальной распущенностью.

посланная, побудит Люсьен обратиться к возвышенному искусству, чтобы найти в нем утешение, целительное для ее многострадальной души. Ежели в вашем прошлом есть нечто заставляющее вас страшиться Судного дня, будьте уверены: ваши усилия по защите моей сестры вам зачтутся. Ваше вмешательство оберегло ее доброе имя и предотвратило ужасный скандал.

Доктор Шенбрюнн сказал мне, что вы пожелали скрыть свое имя больше ради блага Люсьен, чем из скромности, и, несомненно, правы. Огласка могла побудить светские власти что-либо предпринять, чтобы вернуть беглянку к семейному очагу и вновь вверить ее попечительству мужа. Конечно, долг каждой благочестивой супруги с кротостью подчиняться мужним приказам, однако, насколько я знаю, Эшил Кресси погряз в содомском грехе и пренебрегал супружеским ложем. Несомненно, такой брак в глазах Господа не может считаться действительным, ведь даже Святая Дева в своем завете не отрицает плоть, но убеждает жен молиться о чадородии.

Будьте уверены, что сестра моя пребудет здесь в безопасности до тех пор, пока не окрепнет и не захочет вернуться в мир. Если же она предпочтет не возвращаться в Париж, мы найдем где устроить ее соответственно рангу и внутренним склонностям. Я уже написала о ней нашему кузену — кардиналу Глэфлеру. Он живет в Риме и многое может. Я уверена, что он примет к сердцу все, что случилось с Люсьен, и даст ей убежище в своем доме, атмосфера которого будет только способствовать расцвету ее многих талантов. Что до Эшила Кресси, то с ним, я надеюсь, она больше не свидится никогда.

Надеюсь также, что Пресвятая Дева, наша помощница и заступница перед Господом, благорядитствует вам. Своею милостью она убережет и мою сестру. Вы же всегда будете поминаемы в моих неустанных молитвах. Я не знаю вашего имени, но Господь читает в наших сердцах.

Я должна закончить письмо, ибо доктор Шенбрюнн, через час уезжает. Время от времени, если вы мне позволите, я буду через него сообщать вам о здоровье Люсьен и обо всем, что с ней происходит.

От всего сердца с благословением и благодарностью, преданная вам

Доминик де ла Тристесс дез Анж, аббатиса».

ГЛАВА 2

 Дождь, уже более двух часов поливавший Париж, немного утих, когда у особняка д'Аржаньяков установилась карета. Гербы на ее дверцах были густо забрызганы грязью, от лошадей валил пар.

Окрик кучера заставил лакеев выбежать на крыльцо, и через мгновение огни фонарей разогнали ненастную мглу.

Дверца кареты открылась, из нее выпал ступенный слуга. В руке он держал длинную трость, которую с поклоном вручил выходящему вслед за ним господину.

— Спасибо, Эсташ, — произнес владелец кареты. Свет фонарей озарил хорошо пошитый, но несколько старомодный дорожный костюм и добротные башмаки с низкими каблуками. Гость был статен, довольно высок, лицо его выдавало в нем человека выдавшего виды и достаточно пожилого. Голубоватые, как льдинки, глаза уставились на лакеев.

— Эй, любезные, доложите графине, что прибыл ее брат.

Те разом засуетились. Кто-то кинулся в дом, другие взяли за багаж, старший лакей распахнул, кланяясь, двери. Гость вошел в холл и остановился. К нему уже подбегала Мадлен. Ее розовое домашнее платье трепетало от спешки.

— Батюшка! Боже мой, как я вам рада! — Она засмеялась и прильнула к отцу. — Ох, как я скучала!

Маркиз де Монталье неловко приобнял дочь и тут же от нее отстранился.

— Мадлен, я тоже скучал, но... погоди же. Тебя не узнать, ты так расцвела и... так модно одета.

— Не говорите так,— быстро сказала Мадлен, поглаживая его локоть.— Вы мой отец, как вы можете меня не узнать?

Он улыбнулся.

— Ну разумеется. Я не имел в виду ничего обидного, моя милая. Просто ты должна понять и меня. Я отослал от себя ребенка, а встретил светскую барышню. Что ж, так-ва, видно, доля любого родителя.

Они уже шли через холл, и Мадлен улыбалась отцу, крепко держа его под руку.

— Мы как раз ужинаем, идемте скорей. Повар тетушки просто великолепен. Сегодня помимо всего прочего он обещал нам телятину — с грибами, с паштетом из куриной печенки и с ветчиной. Я уверена, вам это понравится.

— Дитя мое, я ведь еще не обедал,— рассмеялся маркиз.— Но день, проведенный в пути, не дает мне возможности пойти с тобой прямо сейчас. Дорожные запахи в меня просто въелись.

— Уверена, что все это не имеет значения,— отмахнулась Мадлен.

— Это имеет значение. Ты должна позволить мне хотя бы умыться. Я не могу сесть за стол в таком виде. Я испорчу трапезу всем остальным.

Он осторожно поцеловал дочь в обе щеки, затем сказал:

— Я присоединюсь к вам в течение часа. Эсташ уже, наверное, разложил мои вещи. Я не был в Париже лет двадцать, но правила хорошего тона еще не забыл.

Мадлен упрямо вздернула подбородок.

— Я бы предпочла, чтобы вы пошли вместе со мной.

Возникшее напряжение, к счастью, разрядил подошедший лакей. Он поклонился маркизу.

— Я позволил себе, ваша честь, препроводить ваши вещи в отведенные вам покои.

Маркиз величаво кивнул и протянул ему ливр.

— Благодарю.

— Отец, умоляю вас, приходите к нам поскорее.

— Хорошо-хорошо. Поклонись от меня графине и графу, скажи, что я не заставляю себя долго ждать. Должен заметить, я страшно проголодался и буду рад, если мне приготовят немного овощей и омлет.

— Я скажу тетушке, она распорядится,— Мадлен судорожно вздохнула и припала к отцу.

— Дитя мое, ты теперь взрослая девушка,— произнес маркиз с мягким укором.— Ты не должна вести себя так. Как отцу мне очень лестно подобное проявление нежности, но в соответствии с правилами приличия тебе надлежит сдерживать такие порывы, Мадлен.

Он поднес ее руку к губам и галантно поцеловал запястье.

— Мы скоро увидимся и поговорим обо всем.

Лакей, все это время стоявший как истукан, оживился.

— Если вы закончили, сударь, идемте со мной.

— Да-да,— ответил маркиз. Он оглядел холл и стал неторопливо подниматься по лестнице.

Мадлен проводила его взглядом. Непонятное разочарование нарастало в ней как темный прилив. Она ощутила безумную радость, обнимая отца,— это правда, и она чувствовала, что любовь к нему в ней по-прежнему очень сильна. Но разговор словно возвел между ними стеночку отчуждения; ей даже показалось, что батюшка расстроился, увидев ее. Он всегда был довольно сдержан, тут ничего не изменишь, но сейчас его холодность царапнула Мадлен сильнее, чем обычно.

Она постояла с минуту и неохотно пошла к столовой. Телятина уже не прельщала ее. Девушка двигалась медленно, вид у нее был недовольный. Сдвинув брови, она остановилась возле окна и вгляделась в ненастную темень, затем провела пальчиком по серебристой струйке дождя. Ей отчаянно захотелось, чтобы Сен-Жермен оказался рядом. Он

был здесь, но ушел около часа назад, сопровождаемый музыкантами. Зачем он ушел?

Мадлен поморщилась, выбравив себя за глупые мысли, и побрела дальше.

Столовая располагалась в северной части дома и выходила окнами на небольшую террасу. Летом в погожее время французские окна ее пребывали распахнутыми и обедающих оведал ветерок. Но и в ненастье уют этого помещения — с его старинной ковки подсвечниками, большим камином и тяжелыми бархатными порттьерами — заставляла забыть о заботах и тяготах дня.

Огромный обеденный стол вишневого дерева — на двадцать четыре персоны — освещался тремя хрустальными люстрами. Граф и графиня сидели на разных его концах и, поглядев на Мадлен, разом умолкли. Пока девушка усаживалась подле графини, в помещении царил мертвая тишина. На бело-зеленой скатерти играли белесые тени.

— Это Робер? — спросила рассеянно Клодия и улыбнулась, чтобы сгладить неловкость.

— Да. Он решил переодеться с дороги. Думаю, это займет у него какое-то время.

Девушка оглядела свою тарелку с таким видом, словно там находилось нечто совсем несъедобное.

— Что с тобой, моя дорогая?

Мадлен покачала головой.

— Ничего. Наверное, ничего. Но он кажется таким... таким недовольным...

— Ну, Робер и по натуре-то не очень любезен, Мадлен. — Клодия серебряной вилочкой подцепила грушу, вымоченную в бренди. — А тут еще и усталость после долгого путешествия, и город, где он не бывал множество лет. Ему ведь пришлось покинуть Париж после скандала. Немудрено, что переживания захлестнули его.

Она позвонила в крошечный колокольчик, и через мгновение возле стола выросли два лакея.

— Можете переменить посуду и подавать горячее.

— Слушаюсь, госпожа, — поклонился один лакей. Другой поспешил к графу, заметив его кивок.

Жервез тихо отдал ему какое-то распоряжение, затем обратился к Мадлен:

— Возможно, вашему батюшке что-нибудь нужно?

Девушка встрепелулась.

— Ах да! Я чуть было не забыла. Он, если можно, просил подать ему овощи и омлет. Известите об этом повара, — сказала она убиравшему посуду слуге. — Но не торопите его. Батюшка прокопается около часа. — Ее вдруг смутил озадаченный взгляд Клодии. — О, простите! Я... я совсем потеряла голову и распоряжаюсь тут как хозяйка!

Графиня похлопала племянницу по руке.

— Пустяки, дорогая. Ты вольна делать здесь все, что захочешь. Приятно видеть, как дочь заботится об отце.

Щеки девушки побагровели.

— Благодарю вас. Мне очень стыдно. Я словно бы сама не своя... Возможно, меня путает надвигающийся прием...

Клодия засмеялась.

— Уж поверь, я тоже не в восторге от всей этой суматохи. Как подумаю, что понаедут три сотни гостей...

— Три сотни?! — Мадлен казалась глубоко потрясенной. Она сама надписывала конверты, но не предполагала, что на приглашения откликнутся все.

— Именно столько ответов я получила. Ну а добрая треть из них приведет с собой и друзей. У меня предчувствие, что к нам явится половина Парижа. К счастью, почти все приготовления завершены.

Вернулись лакеи. На столе задымились блюда с горячим. Клодия бросила взгляд на Жервеза — перед ним уже ставили третью бутылку кларета. Ее сердце оборвалось. Перебравшего графа всегда тянуло к игре, а исход его вылазок в игорные залы практически был один. Она собралась с духом и робко произнесла:

— Жервез, посмотрите, тут у нас замечательная свинина. В винном соусе, с крабами. Не желаете ли отведать?

Жервез покосился на принесенный поднос и с отвращением фыркнул:

— Нет уж, благодарю.

Он неловко потянулся к новой бутылке и плеснул изрядную порцию вина в свой бокал.

— Мясо совсем не жесткое, право, Жервез. В пятницу вы ели его с удовольствием.

Клодия отложила нож и стиснула руки. Мясо было действительно превосходным, но у нее пропал аппетит. На ее глазах муж делал очередной шаг к пропасти.

— Мадам, умоляю. Вам нечего волноваться. Я сыт.

Речью граф владел уже плоховато, и фраза прозвучала довольно гнусаво.

— Ну хорошо.

Клодия прикрыла рукой глаза и прошептала встревожившейся племяннице:

— Ничего, дорогая, через минуту все будет в порядке. Я... я наверное устала больше, чем думала, и любая мелочь расстраивает меня.

Слова и тон графини только усилили тревогу Мадлен:

— Тетушка, дорогая, что происходит?

— Я просто сделала очередную глупость, — нервно махнула рукой Клодия. — Пустяки. Возьми себе немного телятины. Или свинины. Если мы не съедим все это, то разобьем сердце Онфредо. — Она, не глядя, ткнула рукой в поднос. — Он очень чувствителен. Отправить обратно то, над чем он весь вечер трудился, будет просто несправедливо, Жервез. Зачем мы платим ему такое высокое жалованье, если ничего не едим?

Она не ожидала ответа, да его, впрочем, никто и не собирался давать.

Мадлен, стараясь отвлечь внимание Клодии от супруга, воскликнула с затаенным лукавством:

— Ах, тетушка, но нельзя же так трепетно относиться к самочувствию повара! В конце концов, он ведь просто слуга.

Она скромно потупилась, ожидая взрыва, и потянулась к подносу, решив, что горох в сырном соусе определенно неплох.

Клодия медленно выпрямилась, глаза ее заблестали.

— Мадлен, ты меня огорчаешь. Как ты можешь так говорить?! Онфредо не просто повар, он искуснейший кулинар! Все его родичи — отец и два дядюшки — готовят для высочайших особ. И он бы готовил, но ему претят указания сверху. Он хочет выдумывать, создавать что-то новое, он хочет творить. И я в том несколько ему не мешаю. Меня восхищают его новые блюда. А он — из уважения и благодарности — дает им названия в мою честь. Салат а-ля Клодия! Как тебе нравится? Звучит, по-моему, очень неплохо. Таких блюд уже три.

Она кинула взгляд на супруга, и лицо ее стало беспомощным — Жервез опять наполнял свой бокал. Графиня повернулась к Мадлен и продолжила с преувеличенным оживлением:

— Разумеется, он страшно нервный и вспыльчивый. Что поделать — все гении таковы. Мы терпеливо сносим его капризы, зато наслаждаемся прекрасным столом.

— Я слышала, — подхватила Мадлен, не давая тетушке времени на раздумья, — что однажды он даже угрожал покончить с собой. Когда лакей не принес ему с рынка какую-то травку.

Клодия издала звонкий смехок.

— Да, наш Онфредо таков. Как-то он пришел в страшную ярость, когда гостивший у нас аббат вздумал ему объяснить, что подают по пятницам, а что — нет. Он ухватил за ножки молочного поросенка...

Она покосилась на мужа и увидела, что тот встает из-за стола.

Жервез, покачиваясь и пряча глаза, заявил воинственным тоном:

— Мадам, я ухожу! — Язык графа основательно заплетался. — Передайте мои наилучшие пожелания вашему братцу-ханже. Вам будет на ком сорвать свое раздраже-

ние, а меня ожидает Жак Шатороз. Мы едем в отель «Де Виль» — там намечается большая игра. Что делать, приходится вас оставить, я в полном отчаянии, мадам...

Он шутовски раскланялся и зашагал к дверям, небрежно помахивая зажатой в руке бутылкой. Вино выплескивалось из горлышка, оставляя лужицы на полу.

После его ухода в столовой опять воцарилась мертвая тишина. Потом Клодия закрыла лицо руками и разразилась рыданиями, которые ничто уже не могло удержать.

Мадлен, выждав минуту, поднялась и выскользнула за дверь, благо остановить ее было некому. Она взяла льняную салфетку, лежавшую на притулившемся к стенке комоду, и окунула ее в вазу с цветами, стоящую тут же. Убедившись, что салфетка намокла, девушка отжала ее и вернулась в столовую, предусмотрительно щелкнув дверной задвижкой.

— Тетушка,— произнесла она твердо,— вам следует успокоиться. Я принесла салфетку. Приложите ее к глазам. Скоро придет батюшка. Что он подумает, найдя вас в таком положении?

Графиня покорно кивнула и позволила Мадлен отвести себя к одному из кресел, стоявших возле камина. Сотрясаясь всем телом, она крепко держала племянницу за руку.

— Тетушка, умоляю. Я знаю, каково вам приходится, но, право, не стоит так себя изводить.— Мадлен нагнулась и принялась промакивать лицо графини салфеткой.— Перестаньте, у вас покраснеют глаза. Вы растеряете всю свою красоту.

К ее удивлению, рыдания вдруг прекратились. Клодия несколько раз судорожно вздохнула и, отобрав у Мадлен салфетку, принялась приводить себя в порядок.

— Ах, дорогая, это случилось невольно, я вовсе не собиралась вести себя так.— Она заставила себя выпрямиться и вздохнула еще раз.— Но иногда становится очень уж горько. Бедняжка, тебе приходится возиться с заплаканной теткой, беде которой ты все равно не можешь помочь!

Однако... довольно истерик. Я не хочу, чтобы о моих семейных нескладницах узнал еще и Робер. Хотя мне, возможно, и стоило бы обратиться к нему за советом...

— Ах, тетушка, нет! — вырвалось вдруг у Мадлен.

— Что? — удивленно вскинулась Клодия.

— О, ничего. Я только хотела сказать, что батюшка — человек, несомненно, хороший и честный, но, мне кажется... ему не свойственна житейская мудрость. Иное дело... граф Сен-Жермен. Он так много видел и такой рассудительный... впрочем, вы сами знаете, что для вас лучше... — Склонив голову, девушка прислушалась. — Похоже, кто-то идет. Пожалуйста, дорогая тетушка, вернитесь за стол, давайте продолжим трапезу как ни в чем не бывало. А там вы сами поймете, как вам поступить.

Клодия уже стояла возле стола.

— И в самом деле,— сказала она решительным тоном.— Уж и не знаю, что на меня нашло. Ты абсолютно права, моя дорогая. Открой дверь Роберу. Мы будем беспечны и веселы, как парочка шаловливых подружек.

Мадлен оттянула задвижку и улыбнулась стоящему на пороге отцу.

В своей старомодной одежде он смотрелся довольно нелепо: полы камзола до неприличия узкие, карманы подняты чересчур высоко. Но скроен был этот костюм, безусловно, изрядным мастером, а сизый цвет рубчатой ткани вовсе не выглядел мрачным. Маркиз усмехнулся:

— Я тронут. Девочка оторвалась от трапезы, чтобы встретить отца.

Мадлен взяла его за руки.

— Мы с тетушкой, вас поджидая, считали минуты и почти не притрагивались к еде.

Она посторонилась, приглашая отца войти.

Брат и сестра замерли, всматриваясь друг в друга, ведь расстояние, их разделявшее, измерялось годами. Графиня, неуверенно улыбаясь, присела в весьма церемонном поклоне. Маркиз, спохватившись, ответил ей в той же церемонной манере.

— Ах, Робер,— наконец произнесла Клодия и подошла, чтобы поприветствовать гостя по-родственному.— Сколько лет прошло, сколько зим...

Брат сдержанно обнял сестру, затем отступил и склонил голову набок.

— Прошло,— согласился он, внимательно ее оглядев.— Но годы были милостивы к тебе, Клодия. Я бы никогда не поверил, что тебе все тридцать семь. Ты выглядишь не более чем на тридцать.

Клодия благосклонно приняла комплимент и проводила Робера к столу.

— Прошу вас присесть и разделить с нами ужин. Конечно, вам сейчас принесут то, что вы заказали, но от этого нежного, протушенного в винном соусе мяса не отвернулось бы и король.

Робер сел, но вел себя несколько скованно.

— А где же, Клодия, ваш супруг? Я надеялся возобновить с ним знакомство.

Клодия оказалась на высоте и ответила с восхитительной легкостью:

— Ах, Робер, Жервез, такой бестолковый. Он, не посоветовавшись со мной, дал какие-то обязательства на этот вечер еще неделю назад и был просто в отчаянии, что ничего не может переиначить. Прошу, не судите его слишком строго. Надеюсь, он вскоре освободится и прибудет сюда.

Робер склонил голову, принимая ответ к сведению. Он не видел сестру много лет, а потому и не понял, что она думает вовсе не то, что говорит.

— Что ж, понимаю. Взятые на себя обязательства следуют исполнять. Не беспокойтесь, сударыня, я ничуть не задет и с удовольствием побеседую с ним немного позднее.

Он улыбнулся двум женщинам, а те ответили ему взглядами, полными нежной любви.

Отрывок из письма маркиза де Шеню-Турей к маркизу де Монталье.

«2 ноября 1743 года.

...С вашей прекрасной дочерью я имел удовольствие познакомиться в отеле “Трансильвания” — на одном из приемов. Составив ей партию в нескольких танцах, я убедился, что ее обаяние более обусловлено духовными качествами, нежели неотъемлемой от нее красотой. Остроумие мадемуазель де Монталье вызвало мое восхищение, а добродетельные суждения пробудили во мне истинное уважение к ней.

Так как о других обращениях к вам по интересующему меня поводу мне ничего не известно, я беру на себя смелость обратиться к вам напрямую, в английской манере, чтобы сказать: я сочту величайшим счастьем моей жизни, если вы примете меня как своего зятя. Мое состояние и ранг равны вашим, так же как и прочие атрибуты моего положения. Я предлагаю вашей дочери свою искреннюю преданность и надеюсь, что она вызовет в ней ответное чувство.

Разумеется, мне не будет достаточно лишь вашего одобрения. До того как все решить окончательно, я хочу узнать у мадемуазель де Монталье, склонна ли она дать мне желанный ответ. Мои чувства к вашей дочери таковы, что, не ощутив в ней взаимности, я немедленно откажусь от всяческих на нее притязаний, ибо ищу не только руки ее, но и сердца.

Посему четвертого числа этого месяца после приема у д'Аржаньяков намереваюсь сделать вашей дочери предложение. С вашего позволения я предложу к ее услугам свой экипаж для прогулки. Если вы изъявите желание сопровождать нас, то будьте уверены, что препятствий к тому не имеется никаких.

Смею надеяться, что, будучи свободной от тревожных, связанных с праздничными обстоятельствами, ма-

демуазель де Монталье откроет мне свое сердце и либо дарует счастье, либо скажет, чтобы я оставил надежду завоевать ее когда-либо.

...Я почти за честь быть представленным вам на этом приеме. Возможно, вы пожелаете о чем-нибудь меня спросить или, быть может, откажете мне. Я знаю одно: все, что бы вы ни решили, будет продиктовано интересами вашей дочери, а не меркантильными соображениями. Хотя, увы, в этом мире молодые люди очень часто становятся чем-то вроде разменной монеты в руках корыстолюбивых родителей, преследующих сиюминутные цели и не заботящихся о ценностях высших.

Не молю вас о снисходительности, но смиренно прошу дать мне понять, смею ли я надеяться. Главным для меня, как, конечно же, и для вас, является благополучие вашей дочери.

С наипочтительнейшими пожеланиями всего наилучшего имею честь пребывать вашим покорным слугой,

Самсон Жильбер Эгиль Николь Эррио Ив,
маркиз де Шеню-Турей».

ГЛАВА 3

Парадные двери особняка д'Аржаньяков были призывно распахнуты, в холле коридором выстроились лакеи, принимающие плащи и шляпы гостей. Приглашенные начали прибывать, когда часы пробили девять. Все помещения первого этажа дома сияли, всюду — в дополнение к люстрам — установили напольные канделябры, источавшие мягкий мерцающий свет.

Мадлен стояла рядом с графиней, улыбаясь входящим. Щеки девушки порозовели от возбуждения. Ее роскошное платье со смелым вырезом и прошнурованными до локтей рукавами имело цвет платины, драгоценные камни, его осыпавшие, вспыхивали мириадами крошечных

огоньков. Искусная вышивка, покрывавшая каждую пядь парадного туалета Мадлен, изображала морские волны и резвящихся в них тритонов и нимф, нижняя юбка из светлого атласа была отделана жемчугами. Локоны в два ряда обрамляли прелестное личико юной красавицы, шею ее облегалo великолепное ожерелье, набранное из сапфиров и турмалинов.

Пышное темно-синее платье графини чуть колыхалось и очень ей шло. Впрочем, три ряда кружев, украшавших его корсаж, странно напоминали о модах прошлого века. Точно такие же кружева шли по краю нижней юбки владелицы дома, они же мерцали и в ее напудренных волосах, охваченных плотной сеткой. Из драгоценностей на ней были лишь золотые браслеты с крупными бриллиантами безупречной огранки.

Маркиз де Монталье находился тут же. Бархатный, красновато-коричневый, хорошо пошитый костюм сидел на нем очень недурно, однако делал его похожим на ментора. Впрочем, лицо маркиза лучилось от удовольствия, что с лихвой возмещало консервативность наряда.

Гости все шли и шли непрерывным потоком и часам к десяти заполнили весь дом. Клодия удовлетворенно вздохнула и улыбнулась Мадлен. Девушка улыбнулась в ответ и тихо о чем-то с ней заговорила, но вдруг, прервавшись на полуслове, повернулась к дверям.

— Сен-Жермен! — воскликнула непроизвольно она и, спохватившись, присела в озорном реверансе.

Граф глубоко поклонился девушке, поймал в поклоне ее руку и с безупречной учтивостью запечатлел на ней вежливый поцелуй.

— Дорогая, нельзя быть такой красивой. У меня перехватывает дыхание, я восхищен.

Мадлен просияла.

— Вы и сами выглядите просто отменно. Эти лягушки на вашем плаще очень милы.

В ответ на дерзость граф улыбнулся.

— Я всего лишь старался вам угодить.

— И двойные подвязки! Полагаю, они войдут в моду,— сказала девушка, откровенно любуясь гостем. В своем черном наряде он был безусловно хорош. Волосы, равномерно напудренные, уложены волнами, ложные петли на широких манжетах отделаны серебром. Крошечные фигурки фениксов, возрождающихся из пепла, покрывали камзол Сен-Жермена, по черному полю его жилета мчался к охотнику темно-красный единорог. Но особенной похвалы в этом костюме заслуживали, несомненно, подвязки. Двойные и серебристые, они выгодно контрастировали с черным шелком чулок графа, их рубиновые застёжки пылали, как вишенки, перекликаясь с волшебным свечением большого рубина, утопавшего в кружевах, драпирующих грудь. Темные глаза графа остановились на Мадлен, и сердце ее замерло, чтобы через секунду заколотиться в бешеном ритме.

Но граф уже поворачивался к маркизу де Монталье. Он почтительно поклонился и произнес:

— Я граф Сен-Жермен. Имею ли я честь обращаться к отцу мадемуазель де Монталье?

— Да, сударь, это я,— ответил маркиз. Наружность нового гостя располагала к себе, но... не чересчур ли свободны его манеры?

— Рад нашей встрече. Я много лестного слышал о вас. Для меня большая честь познакомиться с человеком, пользующимся таким уважением среди своих близких.

Маркиз озадаченно глянул на собеседника.

— Вы очень любезны, сударь, но, боюсь, я не совсем понимаю, что вы хотите этим сказать.

Сен-Жермен мысленно усмехнулся. Провинциал вовсе не глуп, но разумом косен, если его настораживает простой комплимент.

— Нередко случается, что людей, которых превозносит молва, вовсе не хвалят те, кто их знает получше. И потому истинного почтения достоин лишь тот, о ком даже домашние отзываются с уважением.

Робер де Монталье поклонился и в мыслях решил, что граф безвреден. Болтун, иностранец, космополит... и к тому же немолод. Мадлен, конечно, смотрит ему в рот, но большой беды в этом нет.

— Всем людям свойственно ошибаться,— ответил он.— Но, согласен, хула со стороны близких нам людей неприятней, чем любая иная.

— Я не потерплю на своем празднике околофилософских дискуссий,— громко заявила Мадлен.— Скоро мы все отправимся танцевать. Думаю, граф Жервез не откажется вести меня в первом танце.— Она обернулась к Сен-Жермену.— А на какое время назначена опера?

Маркиз вытаращил глаза, изумленный бесцеремонным поведением своего чада, но Сен-Жермен лишь усмехнулся:

— Мы начнем ровно в полночь, так что не беспокойтесь, мадемуазель, наше домашнее представление танцам не помешает.

Глаза Мадлен вспыхнули.

— Ах, я уже умираю от любопытства! Вы ничего не хотите мне рассказать?

— Если графу и угодно сносить твои дерзости, милая, то я, признаться, от них не в восторге,— обрел наконец дар речи Робер и обратился к Сен-Жермену: — Даже добрые урсулилки, обучавшие эту негодницу, порой сетовали на ее порывистость и упрямство.

— Будь у меня дети,— возразил Сен-Жермен с деликатной улыбкой,— я бы желал, чтобы их отличала та живость, что свойственна мадемуазель де Монталье.

Маркиз облегченно вздохнул. Граф, оказывается, бездетен. Вот почему, собственно, его и тянет к Мадлен.

— Благодарю,— произнес он, поворачиваясь к дверям, и застыл как пораженный громом. К ним подходил еще один припозднившийся гость.

Холодные выпуклые глаза ошеломили Монталье. Гость усмехнулся.

— Прошу прощения за опоздание, но приглашение графа я получил только сейчас.

Сен-Себастьян склонился к руке Клодии.

— Мадам, клянусь, я очарован.

Весь его облик, казалось, дышал высокомерием и презрением. Крикливый, расшитый золотой нитью камзол слепил всем глаза, в нем читался открытый вызов. Небрежно поклонившись потерявшему дар речи маркизу, барон обмахнулся кружевным носовым платком.

— Уверен, что на правах старого знакомого могу считать этот случай удобным для возобновления прерванной дружбы.

Клодия бросила на брата взгляд, полный муки, потом повернулась к Мадлен.

— Барон Сен-Себастьян...— заикаясь произнесла она. Пригласить на прием человека, из-за которого Робер покинул Париж, было верхом бестактности со стороны ее муженька. Жервез просто рехнулся.

— Нет нужды представлять меня, дорогая,— осклабился Сен-Себастьян.— Мы уже виделись с мадемуазель, правда при других обстоятельствах. Впрочем, не помню, знали ли нас тогда или нет. Но как бы там ни было, давняя дружба моя с ее батюшкой была столь продолжительной, что в моей душе поселилось чувство глубокой симпатии к ней.

Он взял Мадлен за руку.

— Убежден, что еще до окончания года мы сумеем узнать друг друга получше.

Девушка отстранилась.

— Я не уверена, что мне удастся выкроить время.

— Увы, Париж чересчур многолюден, барон,— спокойно заметил молчавший дотоле граф.

— А, Сен-Жермен! — воскликнул Сен-Себастьян, обернувшись.— Я слышал о вашей дуэли. Игорные залы мало пригодны для схваток. Впрочем, вы — иностранцы — весьма эксцентричный народ.

Мадлен побледнела. Какая дуэль? Сен-Жермен с кем-то дрался? Ему угрожала опасность?

— Тогда все кончилось миром. А сейчас, представьте себе,— продолжал Сен-Себастьян,— противник ваш мертв. Любопытно, не правда ли? Мир так трагичен. Не могу только сообразить, какая вам выгода от кончины мальчишки? Поверьте, я много о том размышлял.— Он осекся в притворном смущении.— Тысяча извинений, графиня! Я думаю вслух — и делаюсь неучтив.

Он отвесил глубочайший поклон, затем еще раз взглянул на Сен-Жермена.

— Вы должны извинить меня, граф, но, признаюсь, я был удивлен. Боврэ описывал мне вас по-другому. Мне почему-то казалось, что вы не очень-то расположены, а может быть, даже и не способны защищать свою честь.

Сен-Жермен, склонив голову, произнес с любезной улыбкой:

— Удивляюсь, сколько выводов делают люди на основании рассказней всяких болванов, барон.

— И то правда,— согласился Сен-Себастьян и поднес к носу платок, словно бы ощутив скверный запах. Глаза его сошлись в щелочки, он отвесил всем общий поклон и, повернувшись, проследовал дальше.

Робер де Монталье взглянул на сестру. В лице его не было ни кровинки.

— Что происходит, Клодия? Как он осмелился здесь появиться? Вы же знаете мои обстоятельства! Это что — заговор против меня?

Графине хотелось кричать.

— Я ничего не знала, Робер! Поверь! Жервез пригласил его сам. Я не подозревала...

— Его появление — знак! Страшный знак, предвещающий нам несчастье! Он прикоснулся к моей дочери, Клодия! Он ее осквернил! Он оскверняет все, чего ни коснется!

Вспышка гнева прошла, плечи маркиза поникли, и стало заметно, что руки его дрожат.

— Матерь Божия, это моя вина! Что я наделал!

— Все не так плохо, батюшка, все не так уж и плохо.— Мадлен бросилась к де Монталье, ее душили слезы.— Не позволяйте этому ужасному человеку испортить мой праздник! — Она умоляюще посмотрела на Сен-Жермена.— Помогите мне, граф! Успокойте отца, он страшно расстроен...

Пристальный взгляд человека в черном остановился на лице девушки, но что в нем таилось, прочесть было нельзя.

— Ну-ну, Мадлен, успокойтесь! — Граф обратился к маркизу: — Я должен идти к музыкантам. Не хотите ли прогуляться со мной?

— Нет, благодарю вас,— холодно ответил маркиз.

Сен-Жермен отреагировал на это спокойной улыбкой.

— Пойдемте, де Монталье. Когда вам еще представится случай познакомиться с великим Омбразаличе? В мире мало кастратов, способных соперничать с ним.

Робер де Монталье словно его не слышал. Он стоял как истукан, что-то обдумывая, потом схватил Мадлен за руки и возбужденно заговорил:

— Ты не понимаешь, что я наделал! Я должен был запретить тебе ехать в Париж. Почему я поддался на твои уговоры? Я ведь знал об опасности. Ты понимаешь, я знал! Знал, но притворялся, что ее словно бы не существует. А Сен-Себастьян почуял поживу, иначе зачем бы он заявился сюда? Зачем он здесь, если не ради тебя?

Лицо Мадлен исказила гримаса испуга.

— Замолчите, сейчас не время,— гневно зашептала она, отталкивая отца.— Нечего поверять всему свету наши семейные тайны! Позже у нас найдется минутка все это обсудить.

Маркиз, ошеломленный таким отпором, смолк, и его молчанием тут же воспользовались. Сен-Жермен деликатно тронул де Монталье за плечо.

— Маркиз, ваша дочь совершенно права. Вещи, о которых вы говорите, приличнее обсуждать с глазу на глаз. Идемте и взглянем-таки на музыкантов. А потом я, возможно, вам что-нибудь подскажу.

Маркиз сделал шаг в сторону и раздраженно бросил:

— Вы человек посторонний. И ничего не можете знать о наших делах!

— Однако, надеюсь, вы меня просветите,— граф улыбнулся, увлекая маркиза к библиотеке.— А пока, умоляю вас, оставьте волнения... Если не ради себя, то ради собственной дочери,— добавил он, открывая тяжелую дверь.

Мужчина с задумчивым взглядом и мягкой линией подбородка шагнул навстречу вошедшим.

— А, Сен-Жермен,— произнес он приятным, звонким, как у мальчика, голосом.

— Всем добрый вечер,— граф обернулся к спутнику.— Могу ли я представить вам, дорогой маркиз, несравненно-го Аурелио Омбразаличе? Аурелио, это маркиз де Монталье, отец девушки, в честь которой устроен прием.

По группе музыкантов прошел шепоток. Женщина с некрасивым, но весьма подвижным лицом вышла вперед и сделала реверанс.

— Это мадам Инес Монтойя, она будет петь Персефону. Надеюсь, история Персефоны и повелителя преисподней не кажется вам неподходящей темой для нашей маленькой оперы?

Маркиз, исподлобья смотревший на музыкантов, сделал неопределенный жест.

— Она не хуже любой другой. Впрочем, если не ошибаюсь,— нахмурившись, добавил он,— речь там идет о похищении, не так ли?

Сен-Жермен ослепительно улыбнулся, в глазах его вспыхнули огоньки.

— Я попрошу исполнить для вас главную арию героя-любовника, и, если вы найдете в ней что-либо предосудительное, мы немедленно ее уберем.

Он быстро обернулся и сказал:

— Аурелио, сделайте это. Конечно, я понимаю, что вам не стоит лишний раз напрягаться, но все же.

Певец грациозно поклонился.

— Я с удовольствием пропою эту арию: она очень красива.

— Спасибо, мой друг. Я высоко ценю вашу отзывчивость.

Сен-Жермен усадил маркиза на диван у стены и с непроницаемым лицом встал возле него, ожидая, когда музыканты настроят свои инструменты. Ария была прямым обращением графа к Мадлен, но он не думал, что Робер де Монталье сумеет это понять.

— Эта ария, маркиз, состоит из двух частей: очень медленной и несколько убыстренной. Господа, вы готовы?

Краткое вступление в ре-миноре завершилось двумя пиццикато. Аурелио Омбразаличе встал в позу подле камина, дождался момента и запел сильным, высоким голосом:

В царстве теней
множество дней
мучаюсь я.
Смех твой звенит,
ранит, томит.
Участь горька моя.
Сердце полно любовью к тебе.
Я изнемог в борьбе.

Музыка приобрела мажорное звучание, темп ее стал нарастать. Сен-Жермен покосился на отца Мадлен и понял, что того все это песнопение нисколько не занимает. Он кивнул, и Омбразаличе приступил ко второй, более трудной части своей партии:

Как ни темна вечная ночь,
свет ее гонит прочь!
Свет из очей льется твоих —
он лишь для нас двоих!
Как ни силен ветер времен,
нас не разнимет он!

Скрипки подхватили последнюю фразу и соскользнули в минор. Аурелио Омбразаличе умолк и, скептически покосившись на слушателя, сказал:

— Жаль было бы расставаться с этим, маркиз. Ария хороша.

— Она... довольно оригинальна,— помолчав, произнес Робер де Монталье.— Правда, я не слишком-то хорошо разбираюсь в законах, по каким строятся подобные вещи...

— Я взял за основу древнегреческие мотивы,— пояснил Сен-Жермен и мысленно усмехнулся, припомнив афинские ночи и принимавших в них участие афинянок.— Сюжет также греческий, но я его самонадеянно переиначил. Впрочем, если вы находите все это неподобающим...

Граф замолчал, игнорируя гнев, проступивший на лице Омбразаличе.

— Нет-нет, я не вижу тут ничего, что могло бы смутить Мадлен,— поспешил возразить де Монталье.— Уверен, что она будет глубоко польщена,— добавил он, поднимаясь.

— Задержитесь на секунду, маркиз, я вам составлю компанию,— произнес Сен-Жермен.

Не дожидаясь ответа, он отдал несколько распоряжений внимательно выслушавшим его музыкантам и поспешил к выходу.

— Теперь, маркиз,— заявил он уже в холле,— я хочу вам сообщить, что знаю о ваших неприятностях с Сен-Себастьяном.— Граф взмахом руки остановил собеседника, попытавшегося что-то сказать.— И, насколько это возможно, хочу, чтобы вы поверили, что можете располагать мной в любое время.

Маркиз де Монталье вновь обрел суровый и чопорный вид.

— Благодарю вас, граф, но не могу представить, чтобы некоторые неурядицы в моей семье требовали чьего-то вмешательства.

— Ну разумеется.

Когда они подошли к входу в большой зал, Сен-Жермен приостановился еще раз.

— И все же, если вам вдруг потребуется помощь, можете смело обращаться ко мне. Я почту за великую честь сделать для вас все, что в моих силах.

Робер де Монталье сухо кивнул, но тут ему в голову пришла интересная мысль, все расставляющая по полкам.

— Так у вас, граф... э-э... тоже имеются нерешенные дела с бароном?

Сен-Жермен усмехнулся.

— Да, маркиз. У меня есть должок, который я давно хочу оплатить.

— Понимаю,— кивнул де Монталье.— Я буду помнить о вашем предложении.

Он еще раз поклонился, повернулся и затерялся в толпе гостей.

Празднество шло своим чередом, и до его окончания они не сказали более друг другу ни слова.

— Потрясающий успех, Клодия,— шепнула Сен-Жермен графине, склоняясь к ее руке. Несмотря на поздний час, он выглядел по-прежнему безупречно.

Лицо женщины осветила признательная улыбка.

— В этом и ваша заслуга, граф. «Персефона» всех потрясла, она стала украшением бала.

— Благодарю, графиня, но, боюсь, вы преувеличиваете достоинства этой вещицы.

Он, очевидно, не был настроен на детальный разбор своей оперы и явно стремился побыстрее свернуть разговор. Но графине как раз этого и не хотелось.

— Я получила истинное удовольствие. Что до Мадлен, то она просто в восторге!

— В самом деле? — едва заметно улыбнулся Сен-Жермен.— Тогда я вполне вознагражден.

Маркиз де Монталье, появившийся возле них, счел нужным добавить:

— Боюсь, девочка теперь еще выше задерет свой и без того слишком уж высоко вскинутый носик. Но музыка, граф, всех безусловно очаровала.

— Я передам ваши слова музыкантам, маркиз. Это их старания оживили мои сочинения.

Он дал знак лакею принести плащ, напомнив:

— Черный, бархатный, с рептилиями у горла.

— Я помню, ваша милость,— ответил лакей и вскоре вернулся, горя желанием помочь господину одеться.

— Нет, благодарю вас, любезный. Дождь, кажется, прекратился. Я понесу его на руке.— Граф отобрал у лакея плащ, затем обратился к Роберу де Монталье: — Скажите, Сен-Себастьян уже убыл? Я, признаться, так и не видел его.

— Не знаю,— встревожился де Монталье, но Клодия перебила брата:

— О, барон был настолько тактичен,— засмеялась она,— что с первыми звуками увертюры почел за лучшее покинуть наш особняк.

Сен-Жермен засмеялся также.

— Что ж, без его критических замечаний я как-нибудь обойдусь.

Все еще улыбаясь, он обратился к графине:

— Умоляю, передайте Мадлен мой поклон и скажите, что мы с ней увидимся в оговоренное время. Я полагаю, она все еще в танцевальном зале.— Сен-Жермен повернулся к маркизу: — Рад был познакомиться с вами, де Монталье. Помните, я всегда к вашим услугам, и это совсем не пустые слова.

Не дожидаясь ответа, он зашагал к двери и выскользнул в ночь.

Менее чем через час Мадлен услышала стук за окном своей комнаты и поспешно его отворила.

— Сен-Жермен? — прошептала она, увидев узкую руку, вцепившуюся в подоконный карниз.— Здесь же третий этаж, отвесные стены... Это опасно.

Она чуть посторонилась, позволив ночному гостю забраться повыше.

С легким шорохом Сен-Жермен соскочил с подоконника и вступил в спальню Мадлен. Сейчас, в коричневато-

том камзоле и бордовых чулках, он совсем не напоминал элегантного щеголя высшего света. Его волосы, уже ненапудренные, были схвачены простой темно-красной лентой. Граф, морщась, стянул с рук перчатки.

— Там довольно прохладно,— заметил он, глядя в сторону.

— Тогда садитесь к огню.

Мадлен указала графу на стул, дождалась, когда гость сядет, затем опустилась рядом с ним на пол, подогнув ноги и уткнув подбородок в колени. Только ночная рубашка индийского шелка облегла ее стройное тело. Они долго сидели так и молчали, пока Сен-Жермен не тронул девушку за плечо.

— Что беспокоит вас, дорогая?

Она ответила не сразу.

— Ваша дуэль. Вас могли убить.

— Убить? — Сен-Жермен усмехнулся. — Чтобы убить меня, нужно сломать мне спину. Меч, кол, возможно, одна из новейших пуль. Все, что способно перешибить хребет, для меня представляет угрозу. Одного из моих братьев завалило в Риме обломками рухнувшего строения, и он погиб. И огонь — я могу сгореть, я не феникс. Но дуэль? Этот вспыльчивый, но весьма неудачливый молодой человек не мог повредить мне ничем.

Граф задумчиво посмотрел в окно.

— Желал бы я знать, кто его убил.

— Почему? — спросила Мадлен, опутив сердцем его беспокойство.

— Потому что тогда стало бы ясно, кто хочет моей смерти.

Он надолго умолк, потом пробормотал:

— Конечно, у меня есть определенные подозрения.

— И потому вы не в черном?

Она вызывающе посмотрела ему в глаза.

— Да-да, я все вижу. Не думайте, я не слепая.

Сен-Жермен тихо рассмеялся.

— Я знаю, у вас есть глаза. Но у других — тоже. Всем прекрасно известно, что граф Сен-Жермен носит только черное с белым, так что человек в темно-коричневом и темно-красном — не он. Мне не хотелось бы, чтобы слух о нашей связи достиг ушей моих недругов.

Мадлен склонила голову набок.

— Но если этот человек не Сен-Жермен, то кто же тогда посещает меня?

Тон был шутливым, но глаза говорили другое.

— Граф Сароцци, если вам будет угодно,— я откликался на это имя при Швальбахе. Или лорд Уэддон. По-моему, так меня звали в Лейпциге и в Милане. Или граф Салтыков — я был им в Генуе и Ливорно. Есть еще имена. Вы можете выбрать любое.

Мадлен нахмурилась, покачав головой.

— Перестаньте, прошу вас. Мне не нравятся шутки этого толка. Я начинаю бояться, что имена эти вас переменят и что, перестав быть Сен-Жерменом, вы забудете и меня.

Она отвернулась, и теперь граф видел только ее профиль.

— Неужто вы всерьез так думаете, Мадлен? — В голосе Сен-Жермена послышалась грусть. Он протянул руку и погладил ее блестящие волосы, красноватые от бликов огня. — Разве вас возможно забыть?

— Вы будете жить долго,— тихо произнесла она. — Вы будете жить много дольше, чем я. Со временем вы перестанете помнить и имя.

Граф опустился перед ней на одно колено и замер, как рыцарь, дающий обет.

— Мы связаны навсегда, вы и я. Клянусь, это правда.

В тоне его было больше суровости, чем страсти.

Мадлен уклонялась от его глаз; лицо ее запылало. Кажется, в Ветхом Завете говорится, что любовь подобна армии, развернувшей боевые знамена. Скрытый смысл аллюзии поража.

— Что-то нам с вами несладко, не правда ли, Сен-Жермен? — произнесла она глухо. — Всю жизнь я полагала, что

наступление — дело мужчин, а капитуляция — привилегия женщин.

— А теперь вы желаете наступать? — спросил он, двигаясь ближе.

Она неуверенно кивнула.

— А затем я пугаюсь, и все вокруг кажется мне ужасным.

Ее пальцы сжались вдруг в кулачки, и на графа обрушился град ударов.

— В свете так много красавиц. Я слышу, что они болтают о вас, я вижу, какими взглядами они вас провожают, и хочу их всех растерзать. Я умру, если вы меня бросите, хотя это признание не делает мне чести.

Сен-Жермен не сопротивлялся.

— Мадлен, вы ревнуете, но в том нет нужды.

— Разве? Вот уж не знаю! Мысль о том, что я могу вас вдруг потерять, меня просто бесит. Вы займетесь науками, вы устанете от меня, вы уедете на край света. Чтобы сделаться там русским царем или арабским математиком. С вас ведь станется, да?

Сен-Жермену захотелось рассмеяться, но он удержался и взял Мадлен за руки.

— Разумеется, время от времени я буду куда-нибудь уезжать. Вскоре, например, мне предстоит отправиться в Англию. Я обещал Мер-Эрбо. Но я непременно вернусь. И буду возвращаться всегда. Я не оставляю вас всю вашу жизнь — и не покину после. Любовь не для слабых, дорогая. Вы должны быть отважной.

Его темные глаза запылали.

— Око за око, Мадлен. Для меня покинуть вас так же невозможно, как перейти без обуви через Сену. Даже если кровь нас не свяжет, это сможет сделать любовь.

Она улыбнулась, чувствуя, как внутри разгорается жар.

— Но кровь для вас — часть любви, разве не так?

Граф помолчал.

— Кровь для меня все, дорогая. Став вампиром, я утратил определенные жизненные способности, не ощущая при

том каких-либо неудобств. Но теперь мне хотелось бы их вернуть, чтобы любить вас со всем пылом телесной страсти.

Мадлен, прижавшись на коленях, всем телом прижалась к нему.

— Это не важно. Нет, не возражайте. Моя девственность тут ни при чем. Даже имея я соответственный опыт, обретенный в связях с дюжиной кавалеров, это ничего бы не значило.

— Надеюсь, что так, — тихо сказал он, целуя ее блестящие волосы.

Мадлен резко вздохнула, словно пробуя воздух на вкус. Он сдерживается, он ждет ее знака.

— Я умираю от счастья, — пробормотала она и заглянула ему в лицо. — Вы не позволите мне попробовать вашей крови?

Голос его был нежен, но тверд.

— Нет, дорогая. И если вы в своем безумии все же решитесь...

Она уже стащила с него жилет и взялась за пуговицы рубашки.

Граф гладил ее лицо, плечи, потом отстранился.

— Пойми, Мадлен, я боюсь за тебя.

— О, помолчите, пожалуйста, помолчите, — она опрокинулась на толстый, лежащий перед камином ковер и потянула его за собой.

Падая, он заметил, как бьется на нежном горле голубоватая жилка.

Пальцы ночного гостя совсем недавно извлекали мелодию из клавесина, теперь же его инструментом стала та, для кого он играл. Глаза девушки затуманились, она лежала перед ним обнаженная, ее шея, груди, талия, бедра пламенили в отсветах, исходивших от очага. Сен-Жермен начал с лица, покрыв его поцелуями, затем губы графа скользнули ниже.

Мадлен застонала.

Она трепетала всем телом, его прикосновения сделались дерзкими, сильные пальцы завладели ее бедрами, каждый

нажим их причинял сладкую боль. Боль все усиливалась, копилась, и, когда прорвалась, девушка вскрикнула, взмывая к вершинам восторга, чтобы тут же низвергнуться в бездну, задыхаясь от спазмов. Когда все кончилось, она тихо заплакала и благодарно прижалась к графу. Чем отдалить его, как объяснить, что ничего подобного с ней никогда еще не случалось!

Теперь он казался ей ближе всех и всего на свете. Мадлен замерла, когда ощутила укус. Лицо ее озарила торжествующая улыбка. Она запрокинула голову и закрыла глаза.

Письмо алхимика Ле Граса барону Клотэру де Сен-Себастьяну.

«4 ноября 1743 года.

Барон! Повинуясь вашим велениям, я пытался напасть на след прежних моих сотоварищей, но ничего обнаружить не смог. Ясно только, что Париж они не покинули. Старик Валенар видел недавно Саттина, кто-то говорил ему о Доминго. Он считает, что гильдию приютил некий вельможа, который, скорее всего, вам известен.

Теперь о другом. Вы приказали мне отыскать князя Ракоци. Я право же не пойму, зачем это вам. Вы ведь и сами коротко с ним знакомы. Прошлой ночью возле особняка д'Аржаньяков я подошел к вам с разговором, но вы прогнали меня. Почему? Я проследил за вами и понял, что чуть было не помешал вашему свиданию с князем. Вы говорили с ним в холле, я это видел через открытую дверь. Далековато, конечно, но с вами определенно был он. Я узнал его не только по черному одеянию. Никто больше не умеет так двигаться, и ни у кого не мерцают столь странно глаза.

Барон, я вовсе не желаю дерзить, но все же мне хотелось бы знать, что побудило вас заставить меня заниматься бесплодной охотой. Если это проверка, то лад-

но. Надеюсь, теперь вы вполне доверяете мне. Но если это уловка, чтобы сохранить секрет драгоценных камней для себя, я буду крайне раздосадован. Впрочем, досада моя может улечься, и довольно легко.

Я буду у вас нынче вечером, мой барон, и мы обсудим это подробнее. Горсть алмазов гарантирует, что я на все закрою глаза. Две горсти — и я уеду из Франции навсегда, а вы сможете надуть своих недалеких сподвижников так долго, как вам это заблагорассудится.

Искренне ваш Ле Грас».

ГЛАВА 4

Маркиз де Шеню-Турей предложил руку Мадлен и отступил в сторону, пропуская ее в свою карету. С достоинством наклонив голову, он дал пройти и Кассандре, служанке Мадлен, которая заискивающе ему улыбнулась. Затем маркиз обернулся к кучеру. Его голос был тих и спокоен.

— Анри, нас ожидают не ранее чем через час. Правь аккуратнее и не гони лошадок.

Щеголеватый малый, сидевший на козлах, кивнул, и Шеню-Турей с выражением предупредительного внимания на лице занял свое место в карете.

— Если вы готовы, мадемуазель, мы можем отправляться.

Мадлен пренебрежительно повела плечами. Ей не нравился этот изысканный хлыщ — с кукольным личиком и порочной улыбкой.

— Как вам будет угодно, маркиз.

— В таком случае едем.

Он стукнул в потолок тростью, отделанной янтарем. Она хорошо гармонировала с бледно-коралловыми цветами его наряда. Послышался свист хлыста — и карета тронулась в путь, покинув двор особняка д'Аржаньяков.

Сложная система рессор смягчила толчок, не причинив никакого беспокойства пассажирам. Выезды, снабженные подобной защитой, были практически неуязвимы для любых дорожных ухабов. На дверных панелях кареты, окрашенных в светло-оливковый цвет, красовались гербы с горностаями. Родословная Шеню-Туреев уходила корнями к Филиппу Августу*.

Все было безукоризненно — и четверка бледно-коричневых лошадей с выбеленными гривами и хвостами, и стоящий на запятках лакей в зеленой ливрее, и салон, обитый желтым атласом вкупе с бархатом цвета морской волны, и замечательно мягкие подушки сидений.

— Маркиз, я в восторге, — проронила Мадлен после продолжительного молчания. — Ваш выезд просто великолепен.

Она недовольно поморщилась, ибо сказала неправду. На деле тут многое было слишком уж чересчур — взять хотя бы беленые гривы лошадок.

Однако Шеню-Турей отнесся к сказанному как к должному.

— Благодарю, мадемуазель. Я хочу, чтобы меня окружало все самое лучшее, и тешу себя мыслью, что это мне удастся.

В его последних словах явно проглядывал осторожный намек. Маркиз наклонился и словно случайно коснулся руки соседки.

Мадлен отстранилась и уткнулась в окно. Ей сводило скулы от скуки. Идея этой прогулки изначально не слишком-то радовала ее, но она все же не думала, что само предприятие будет настолько тоскливым. Минуты шли, молчание делалось затяжным, и наконец девушка заговорила, словно бы размышляя:

— Вот парадокс: в нашем распоряжении так мало времени, а мы его совершенно не ценим. Наша небрежность

порой простирается столь далеко, что мы проводим все свои дни в развлечениях, а жизнь уходит впустую.

Шеню-Турей глубокомысленно закивал.

— Истинная правда, мадемуазель. Я и сам подмечал, что уделом утонченных натур волей-неволей становится скука.

Мадлен с изумлением воззрилась на спутника.

— Что-что?

Истолковав ее реплику как приглашение к дальнейшему развитию темы, маркиз любезно прояснил свою мысль:

— В свете это обычное дело, мадемуазель. Наслаждения и развлечения порой вызывают у нас пресыщение. Нам приходится принимать приглашения праздных друзей, хотя сами мы больше всего мечтаем об одиночестве!

Он неуверенно улыбнулся, надеясь, что все сказанное вызовет одобрение собеседницы.

Слова его определенно подействовали на Мадлен, но совсем не так, как хотелось бы Шеню-Турей.

— Боже мой, вы хоть сами-то понимаете, что несете?

Крепко сжатыми кулачками она стукнула себя по коленям.

— Я говорю о быстротечности жизни, маркиз. Мне девятнадцать, и все эти годы пролетели впустую. Пройдет еще десять лет — и что же тогда?

Хотя вопрос был явно риторическим, Шеню-Турей счел нужным заметить:

— Надеюсь, я могу выстроить кое-какие прогнозы.

— В течение этих лет, — безжалостно продолжала Мадлен, — я самым обыкновенным образом выйду за кого-нибудь замуж и буду растить самых обычных детей, проживая один пустой день за другим...

— Думать, что ваши дети будут походить на других, большая ошибка, — снисходительно пробормотал Шеню-Турей, вновь попытавшись коснуться ее руки. — Кроме того, дети, преданность мужа, религия — разве этого недостаточно?

* Филипп II Август — король Франции из рода Капетингов, правивший в 1180–1223 годах.

— Конечно же нет! — Мадлен давно игнорировала предостерегающие взгляды Кассандры. — В мире столько достойных занятий. Медицина, наука, дальние путешествия... служение Господу, наконец. Если бы у меня было к тому призвание, я осталась бы в монастыре, а там, как знать, возможно, передо мной открылись бы новые горизонты. Но женщине трудно сделать карьеру миссионера, а мой отец, к сожалению, не дипломат.

Она помолчала с минуту, затем продолжила:

— Я знала одну девушку по имени Ренегонда Шамлисс, мы вместе учились. Ее отец — граф Этендани. Она побывала с ним во многих местах: в Турции, в Риме, в Стокгольме и даже в России. После учебы отец повез дочку в Индию. Добрые сестры ахали над ее несчастной судьбой. А я ей завидовала, да и сейчас продолжаю!

Не заметив опасных искорок во взгляде Мадлен, Шеню-Турей рассудительно произнес:

— Естественно, сестры правы. Граф Этендани всегда слыл оригиналом. Верх легкомыслия — таскать за собою ребенка, особенно если долг призывает тебя в дикие или глухие края. Болезни, грязь и прочие неудобства. Поверьте, во всех этих экзотических землях отсутствует элементарный комфорт.

— Вы, сударь, шутник, — усмехнулась Мадлен. — Что значит какой-то комфорт перед возможностью повидать дальние страны?

Маркиз ответил довольно сухо:

— Полагаю, мадемуазель, туда незачем ездить. Вполне можно удовольствоваться общими сведениями о жизни в этих краях. Но вам, конечно, виднее. Я никому не навязываю ни свое мнение, ни себя.

Обида, прозвучавшая в голосе спутника, казалось, развеселила Мадлен. Откинувшись на спинку сиденья, она рассмеялась.

— Ну вот, вы уже пытаетесь воздействовать на меня. А все потому, что и сама я пытаюсь оставаться примерным ребенком и не выходить из воли отца. Кстати, он со-

общил, что вы хотите на мне жениться и ждете решительного ответа. Что ж, я отвечаю: это невозможно, маркиз.

— Вы разбиваете мое сердце, — процедил сквозь зубы Шеню-Турей.

Мадлен покачала головой.

— Нет. Подумайте. Что меня ждет в браке с вами? Какое-то время вы будете искать моего общества, потом вернетесь к своим развлечениям и любовницам, а я сделаюсь предметом жалости и насмешек, как множество жен. О нет, подобная перспектива мне попросту ненавистна!

Казалось, маркиза ничуть не расстроил отказ. Для человека с разбитым сердцем он выглядел очень самоуверенно.

— Прекрасно, мадемуазель. Поскольку мое предложение вас не прельщает, придется вам побеседовать с другими людьми, преследующими куда менее благородные цели.

Он испытующе заглянул ей в глаза и с мрачным удовлетворением обнаружил в них первые признаки беспокойства.

— Возможно, брак со мной и не сахар, но кто поручится, что вам уготован лучший удел? Не будем гадать, мадемуазель, и попробуем это проверить.

Маркиз постучал тростью в потолок кареты.

— Что вы делаете? — удивленно спросила Мадлен.

— Меняю свои планы. — Он окликнул кучера: — Я передумал, Анри. Везите меня в первый адрес.

— Что это за адрес? И что вы задумали, сударь?

Шеню-Турей неприятно улыбнулся.

— Я отвезу вас к тем, кто давно претендует на вас.

— К кому? — костяшки пальцев Мадлен побелели, болезненный страх сжал ее сердце холодной рукой. Ей почудилось, что она вновь находится в ночных окрестностях Сан-Дезэспор.

— К барону Клотэру де Сен-Себастьяну и его хорошим друзьям. Они обещали мне... определенное вознаграждение, если я привезу вас к ним. Я сказал, что сделаю это

только в том случае, если вы мне откажете. Вы сами избрали свою судьбу, мадемуазель.

Маркиз расположился поудобнее, скрестил свои красивые ноги и принялся вертеть в руках трость.

Мадлен почувствовала, что слабеет, и с немалым усилием попыталась собрать волю в кулак.

— Это, во-первых, подло, а во-вторых, очень глупо, маркиз. Мы сейчас не где-нибудь, а в Париже. Если я закричу, мне немедля помогут. Перестаньте шутить. Отвезите нас с горничной в дом моей тетушки — и я тут же забуду обо всей этой неприглядной истории.

Она понимала, что лжет, ибо знала, что первым делом непременно расскажет обо всем Сен-Жермену.

— Вы можете кричать, мадемуазель. Если, конечно, не боитесь огласки. — Маркиз сделал быстрое движение пальцами, и из рукоятки его трости выскочило тонкое лезвие. — Но мне почему-то кажется, что вам не захочется кого-либо звать.

Мадлен стиснула зубы. Мерцание стали ее странным образом успокоило. Итак, ей вздумали угрожать! Она взглянула на побелевшее лицо горничной и сказала:

— Ничего он не сделает, милая. Думаю, я сейчас с ним договорюсь.

С невольной гордостью девушка ощутила, что голос ее совсем не дрожит, и окинула Шеню-Турея изучающим взглядом.

— Могу я узнать, зачем вы это делаете? Какую награду предполагаете получить?

Шеню-Турей покачивал тростью, наслаждаясь опасной игрой.

— Да не все ли вам это равно, дорогая?

«Самовлюбленный болван! Как же тебя обмануть, как сыскать к тебе ключик?»

— Но... почему именно я? Сен-Себастьян меня даже не знает. Я слышала, что у него есть какие-то счета с отцом...

— Вот именно, счета. Сен-Себастьян имеет право на вас.

Маркиз запустил свободную руку в карман камзола, вытащил из него плоскую фляжку и вежливо протянул Мадлен.

— Позвольте почтительно предложить вам выпить вина.

— Благодарю, — отказалась Мадлен. Маркиз рассмеялся.

— Если вы не осушите эту посудину, я убью вашу горничную. Идет?

Он вскинул клинок. Лицо пожилой женщины помертвело.

— Пейте же, не упрямитесь, Мадлен!

— Не надо, девочка, — белыми губами шепнула Кассандра, но Мадлен уже подносила горлышко фляжки к губам.

— Вино низкого сорта, маркиз.

Она вернула фляжку хозяйину.

— Для моих целей сойдет. Наркотик скоро подействует, дорогая.

Мадлен вздернула подбородок.

— Что ж, хорошо. По крайней мере, я избавлюсь от вашего общества. Мне надо было сразу же вам отказать. Но вы втерлись в доверие к батюшке, а я не осмелилась ему возразить. Теперь я сомневаюсь в его здравомыслии. — Она обернулась к Кассандре: — Я не буду устраивать сцен. Тебе ничто не грозит. Не беспокойся, когда я потеряю сознание. Шеню-Турей заманил нас в ловушку. Нам просто не повезло.

Горечь в ее словах заставила маркиза крепче сжать трость.

— Поплачьте, милая, возможно, я и разжалоблюсь...

— Что? Вы, кажется, сомневаетесь, хорошо ли оплатят ваш труд?

Она сама поразилась звучащей в ее словах злости.

Хотя ответный взгляд Шеню-Турея свирепо блеснул, в душе он не ощущал враждебности к дерзкой девчонке. Кинься она ему в ноги, он, возможно, еще подумал бы, отвозить ли ее к Сен-Себастьяну. Гордячке, пожалуй, стоит напомнить, кто она есть.

— Сен-Себастьян имеет право на вас. И ваш отец это знает. Я не совершаю несправедливости, отвозя вас туда.

Встревоженная Кассандра, видя, что девушка засыпает, принялась растирать ей платком запястья и лоб. Она тормошила Мадлен, но та в полусне отталкивала ее руки.

— Не пугай меня, девочка,— в ужасе шептала служанка.

— Никто не имеет прав на меня,— удалось наконец выговорить Мадлен. Преувеличенная четкость ее речи указывала, что наркотик начал свою работу.

— Но вы ошибаетесь, мадемуазель. Есть документ — я сам видел его. Ваш батюшка расписался в нем собственной кровью.

Маркиз легко подцепил шнуровку ее корсажа острием своего клинка, и мягкая материя беззвучно распалась, обнажив девичий торс, защищенный теперь лишь корсетом. Он увидел, как неловко она пытается отшатнуться, и испытал злобную радость.

— Этот документ, счастье мое, ваш отец подписал еще до того, как вы появились на свет. Находясь в материнской утробе, вы уже принадлежали барону.

В глазах Мадлен потемнело, но осознать слова негодяя она все же смогла и ощутила глубокое отвращение.

— Отец... отдал... меня?..

Все закружилось в ее голове, все понеслось и повалилось куда-то. Мадлен уже не чувствовала прикосновений Кассандры и не видела вялой усмешки Шеню-Турея, наблюдавшего, как она теряет сознание.

Записка алхимика Беверли Саттина к князю Францу Иосифу Ракоци, написанная по-английски.

«4 ноября 1743 года.

Его высочеству князю Францу Иосифу Ракоци Трансильванскому Беверли Саттин шлет свои почтительные поклонны.

С сожалением должен сообщить, что мы сделали неприятное открытие, касающееся Ле Граса. Я доложил бы об этом устно, но мне не удалось застать вас у себя.

Сегодня Доминго-и-Рохас был на Рю де ла Син-Шат, где располагаются лавки наших поставщиков. Как правило, мы ведем себя более осторожно, покидая ваши владения. Но поскольку стояло раннее утро, Доминго-и-Рохас не счел нужным маскироваться и, как оказалось, сглутил. Он (Доминго-и-Рохас) зашел в лавку старика Валенара и кое-какими ингредиентами, необходимыми в нашей работе. Пока Валенар отпускал товар, в лавку вошел еще один посетитель, закутанный в плащ до бровей. Увидев Доминго-и-Рохаса, незнакомец словно бы испугался, и Доминго, поговорив с Валенаром, ушел.

Ему (Доминго-и-Рохасу) пришлось подождать. Когда же закутанный в плащ человек вышел из лавки, Доминго-и-Рохас последовал за ним. Человек шел быстро, словно бы опасаясь, что может быть узнанным. Представьте же себе его (Доминго-и-Рохаса) замешательство, когда незнакомец прямоком направился в “Логово красного волка”. Там он скинул плащ, и стало ясно, что это Ле Грас!

Ле Грас засиделся в таверне. Он много пил и громко хвастал, что молчание в наши дни дорого стоит. Надо только уметь продать его и остаться живым. Доминго-и-Рохас наблюдал за ним сквозь маленькое окошко, а когда увидел, что тот сильно напился, со всех ног кинулся к нам, чтобы обо всем рассказать.

Итак, Ле Грас не уехал в Америку и не умер. В том, что он узнал Доминго-и-Рохаса, сомнений нет никаких.

Кое-что в его (Ле Граса) речах показало Доминго-и-Роха-су, что он знает о нас и о вас больше, чем мы с вами о том полагали. Опасность, которую представляет этот мошенник, весьма велика.

Ваше высочество, позвольте мне нижайше просить вас обеспокоиться этим. И мы, и вы теперь под ударом, придите и ободрите нас.

Ваш слуга мною предупрежден, он сообщит вам обо всем, если вы увидите его раньше, чем прочтете это послание.

Писано в полдень.

*Всегда ваш и готовый к услугам
Беверли Саттин».*

ГЛАВА 5

Сен-Себастьян обернулся к Ле Грасу, развалившемуся на парчовом диванчике возле огромного книжного стеллажа.

Он говорил вяло, с какой-то ленивой скукой:

— Может статься, я ограничусь всего лишь внушением, если вы перестанете водить меня за нос, Ле Грас. Просто признайтесь: чего вы хотели добиться?

Он встряхнул двумя пальцами мятую, покрытую неровными каракулями бумажонку.

Ле Грас помотал головой, не то отрицая свою причастность к письму, не то пытаясь протрезветь после недавнего возлияния. Он потер небритый подбородок и пробормотал:

— Это не так... барон. Вы... вы не так меня поняли...

— Вы думаете, Ле Грас? — негромко произнес Сен-Себастьян, хлопывая письмом по карману халата. — Вы ведь угрожаете мне. Нет, — резко сказал он, видя, что Ле Грас собирается возразить, — не отрицайте. Что значит весь этот вздор о человеке в черном и белом? Для чего вы придумали всю эту чушь?

— Но я ничего не придумал!

— Лучше бы вам не упорствовать, любезный Ле Грас.

Сен-Себастьян подошел к диванчику сзади, наклонился и положил руку на спинку. Бархат его халата коснулся щеки Ле Граса, и тот задрожал.

— Или вы настолько тупы, что решились меня шантажировать, не имея к тому никаких оснований?

— Я говорю вам, это был тот человек! — Ле Грас отшатнулся от Сен-Себастьяна, но длинная рука ухватила мага за ворот и закрутила жесткую ткань.

— Покайтесь, Ле Грас! Вы же знаете, ложь мне глубоко отвратительна.

Маг стал задыхался, хотя хватка барона была не слишком-то сильной.

— Я человек нетерпеливый, Ле Грас. Предупреждаю: ваше упрямство лишь многократно усилит мой гнев.

Лицо мага пошло багровыми пятнами, он вцепился обеими руками в обруч, перехвативший глотку.

— Но это был он!

Сен-Себастьян обреченно вздохнул.

— Ладно, Ле Грас. Поскольку правды от вас все равно не добиться...

Он вдруг выпустил из рук воротник, и тот мгновенно перестал быть орудием пытки.

Приятно удивленный такой переменой в своем положении алхимик попытался подняться, однако спокойный, полный ханжеского участия голос одернул его:

— Не двигайтесь, мой дорогой. Я не давал вам разрешения встать.

— Но как же тогда...

— И позволения говорить вы тоже не получали.

Барон обошел вокруг дивана и, оказавшись наконец в поле зрения мага, мягко сказал:

— Я не закончил, Ле Грас. И потому вынужден просить вас задержаться.

Тонкий длинный хлыст, незаметный дотеле, вдруг ожил в его холеных ухоженных пальцах.

Ле Грас ощутил холодок в районе желудка.

— Барон,— маг отполз в угол дивана.— Клянусь, я ни в чем не солгал.

— А я вам не верю! — Сен-Себастьян придвинулся ближе, наслаждаясь ужасом, охватившим алхимика. В воздухе внезапно остро запахло потом.

— Поверьте! Разве я виноват, что этот Ракоци по-другому представился вам?

Маг вжимался в диван, руки маркиза ласкали хлыст, запах пота усилился.

— Бедный Ле Грас,— мурлыкал Сен-Себастьян.— Такой неумелый лжец и такой дурачок... Впрочем, кое для чего он еще пригодится...

Внезапно он резко взмахнул хлыстом. Кончик его рассек надвое подбородок Ле Граса. Движение было таким быстрым, что маг ничего не успел понять и лишь пронзительно взвизгнул.

— Я приобрел этот замечательный инструмент у одного бывшего работорговца,— сообщил Сен-Себастьян, отступая на шаг.— Он изготовлен из кожи африканского носорога. Хлыст пропитали маслом и вытягивали до тех пор, пока кончик его не стал тверже стали. Но вы уже поняли это, не так ли?

Барон с мечтательным блеском в глазах поигрывал оружием пытки, которое вило по полу кольцами, напоминая змею.

— У того почтенного господина было множество нерасторопных рабов. Каждый день перед обедом он брался за этот хлыст и забавлялся с растяпами. Временами я пытаюсь прикинуть, сколько же крови выпила эта вещица.

Рука маркиза взметнулась вверх, и на плечах Ле Граса лопнула кожа.

Алхимик взвыл, пытаясь уйти от серии жалящих точных ударов, но они снова и снова настигали его. Обезумев от боли и ощущая во рту привкус желчи, Ле Грас рванулся к дверям, но лишь повалил диван и упал на пол сам.

Грохот мебели внес в происходящее свою лепту: двери библиотеки открылись и на пороге воздвигся Тит, камердинер Сен-Себастьяна.

— Господин, у вас все в порядке? — обеспокоенно спросил он.

Сен-Себастьян пожал плечами.

— Не беспокойся, Тит, я невредим. А вот нашему другу Ле Грасу немного досталось. Уведи этого дурачка и позаботься, чтобы его раны оставались открытыми. Я еще не закончил с ним. Он так и не сказал то, что мне хотелось услышать.

Отрывистая речь барона выдавала его возбуждение. Он все еще держал в руке хлыст, но теперь длинная злоедающая полоса кожи была неподвижна.

Тит подошел к скрючившемуся Ле Грасу. Спина мага была залита кровью, глубокая рана на подбородке выглядела ужасно и кровоточила все сильнее. При виде слуги алхимик захныкал и попытался встать, цепляясь за стену и оставляя кровавые отпечатки на дорогой ткани обивки.

— Отведи его на конюшню. В ту комнату, знаешь?

К Сен-Себастьяну возвращалось спокойствие. Шелковым душистым платочком он отер со лба пот и бросил хлыст на пол.

— Запомни, я подойду в течение часа.

Огромные лапы Тита мертвой хваткой вцепились в алхимика.

— В ту комнату? Как прикажете, господин.

Лакей двинулся к двери, таща за собой жертву. Его совершенно не волновали стоны, которые испускал бедняга Ле Грас.

Барон поправил кружевное жабо и посмотрел на мага с блаженной улыбкой.

— Хм, полагаю, я им попользуюсь сам. Круг получит кого-то другого, а этот пусть будет мой. Можешь лгать мне или открыть всю правду — это уже не имеет значения, мой милый Ле Грас. Посмотрим, как ты умрешь для меня. Мне

всегда интересно, следить, как меняется лицо человека, когда он лишается главных признаков своего естества.

Смертельный холод дохнул на Ле Граса; он онемел, перестав что-либо соображать.

— Идите через террасу,— приказал Титу Сен-Себастьян.— Не думаю, что другим слугам надо его видеть.

Тит кивнул и подошел к французскому окну, занимавшему всю обращенную к улице стену библиотеки. Осенний дождь заливал стекла мутным потоком. Тит распахнул высокие створки, по помещению прошелся сквозняк.

— Комната на конюшне,— пробормотал он, выталкивая на террасу огромную куклу, лишь отдаленно походившую на сильного, самодовольного человека, которым еще недавно был злосчастный Ле Грас.

— Какое дивное утро,— сказал себе Сен-Себастьян, изучая открывавшуюся за окном панораму. Думать ему ни о чем не хотелось, он просто стоял, мечтательно улыбаясь, замороженный монотонным шумом дождя.

Из этого приятного состояния его вывел внезапно раздавшийся стук колес. Особняк огибала какая-то большая повозка. Сен-Себастьян пригляделся и довольно осклабился: он узнал карикатурные очертания новой кареты Шеню-Турей. Ощутив мощный прилив энергии, барон вернулся в библиотеку, аккуратно закрыл за собой окно и позвонил в колокольчик.

Через минуту в дверном проеме возник молодой лакей в темно-синей с красными кружевами ливрее. Не поднимая головы, он замер в ожидании приказаний.

— Похоже, у нас гости, Морис? — с удовлетворением сказал Сен-Себастьян.— Мне показалось, что прибыл маркиз де Шеню-Турей. Надеюсь, его приняли как подобает?

— Да, господин барон. И маркиза, и его спутниц.

— Он привез дам? Прелестно, прелестно.— Сен-Себастьян кивнул и небрежным жестом повелел лакею приблизиться.— Я хочу, чтобы вы отправили кое-кому записку. Однако не сию же минуту. Она должна быть доставлена в особняк д'Аржаньяков не ранее девяти часов вечера. Но

дам я ее вам сейчас. Потом мне некогда будет этим заниматься.

— Все будет исполнено в точности, господин.

— Не сомневаюсь. Безоговорочное послушание весьма упрощает нам жизнь, не так ли, Морис? — Барон наклонился и поднял хлыст с пола. Молодой лакей побледнел.— Нет-нет, мой дорогой, не сегодня. Сегодня у меня есть чем заняться. Но лишний раз напомнить о себе не мешает.

Он провел пальцами по рукояти хлыста и со вздохом шагнул к секретеру.

— Я не слишком задержу вас, Морис. Мне ведь надо подумать, как встретить гостей. Кстати, где вы их разместили?

Морис, запинаясь, пробормотал:

— Одна... совсем юная дама... она была обмороке... и маркиз... он... он... приказал отнести ее в ваш кабинет.

Произнеся это, лакей испуганно съежился. Сен-Себастьян отвлекся от письма.

— В мой кабинет? Что ж, неглуго. Есть ли с ними кто-то еще?

— Нет, их только трое. Маркиз, прихворнувшая мадемуазель и ее компаньонка, совершенно обезумевшая от волнения.

— В самом деле? — озабоченно спросил Сен-Себастьян.— Печально, печально. Надо бы успокоить бедняжку. Вскоре я этим займусь. Но сейчас главное — это записка.

Минут через двадцать он закончил водить пером и, улыбаясь, стал посыпать песком два сплошь исписанных листа дорогой бумаги. Каждый из них был украшен тиснением, исполненным с помощью печатки, доставшейся барону еще от гротсмейстера ордена тамплиеров* в те времена, когда

* Тамплиеры (храмовники) — члены католического духовно-рыцарского ордена, основанного в начале XII века и просуществовавшего около двух столетий. В марте 1313 года во Франции, управляемой Филиппом IV Красивым, был сожжен гротсмейстер ордена Жак Моле.

церковь наносила храмовникам последний удар. В память об этих событиях тиснение изображало дерево, каждая ветвь которого являла собой аллегорическую фигуру. Сверху располагался козел, сидящий на троне, под ним помещалась чаша в виде черепа, ниже шла перевернутая свеча, пламя которой переходило в корешок мандрагоры, а подпирал всю конструкцию инквизиторский высокий колпак.

Сен-Себастьян долго смотрел на эту эмблему, попутно размышляя о том, как был бы поражен инквизитор, обнаружив, что еретические, богохульные знания, которые он так сурово клеймил, будут использовать в своих целях его прямые потомки. Вспоминая некоторых достойных прелатов, усердно скрипевших перьями на допросах подозреваемых в ереси, барон припомнил и то, что ему довелось видеть все эти пытки своими глазами, и сладостная волна восторга омыла его существо.

Мысли барона вернулись к Мадлен. Он с наслаждением подумал о мучениях, которые принесет это послание Роберу де Монталье. Поначалу Сен-Себастьян собирался лишь сообщить маркизу, что его дочь в западне, но, поразмыслив, решил описать свои планы в подробностях.

Барон посмотрел на лакея, застывшего в ожидании, и, широко улыбнувшись, запечатал пакет.

Письмо барона Клотэра де Сен-Себастьяна к маркизу де Монталье.

Вручено адресату вечером 4 ноября 1743 года.

«Мой дорогой и давнишний приятель Робер, шлю вам приветствия и самые сердечные пожелания благополучия вкупе с уверениями в моем неизменном расположении к вам.

Я, право же, прихожу в отчаяние, когда вспоминаю, что вы забыли сообщить мне о своем приезде в Париж, не дав мне тем самым заблаговременно позаботиться о каком-либо достойном вас развлечении.

Но фортуна благоволит мне, дражайший Робер. После долгих стараний я все-таки изыскал способ выразить свое отношение к вам в манере, приличествующей многолетней дружбе, которая с моей стороны — торжественно заявляю — несомненно выдержала годы разлуки. Наши взаимные обязательства, Робер, не так-то просто забыть.

Насколько мне известно, вы лелеете надежду связать будущее вашей дочери с маркизом де Шеню-Туреом и, нимало не беспокоясь, самонадеянно полагаете, что она обещает сегодня с семьей своего жениха.

Я полагаю своей приятной обязанностью сообщить вам, что это не так и что я наконец-таки получил в свои руки имущество, с передачей которого получилась довольно длительная заминка. Разумеется, вы не и думали уклониться от выполнения обязательств, а лишь выбирали для того наиболее подходящий момент. И поступили правильно, друг мой, янисколько на вас за то не в обиде. Ведь сейчас, в пору расцвета, Мадлен особенно хороша, а манеры ее попросту безупречны. Я, как и многие парижские кавалеры, нахожу ее весьма и весьма привлекательной и даже не представляю, как смогу выдержать те несколько дней ожидания, которые необходимы для подготовки к обряду. Впрочем, это время пройдет не впустую: мы совершим над ней некую службу, долженствующую приготовить ее ко дню зимнего солнцестояния. Уверен, что изыщу способы развлечь вашу крошку, Робер.

Например, у меня есть Тит. Помните моего камерди-нера? Вы ведь знаете, каким он бывает несдержанным. Разумеется, девственности лишу ее я, но Тит вполне может стать следующим. Вам не кажется, а? После него всем остальным будет гораздо свободнее. Тит умеет ула-мывать, я в том убеждался не раз.

Итак, вообразите себе: ваша дочь, моя собственность, лежит на алтаре, связанная по рукам и ногам. Ей пред-стоит там лежать сорок ночей, мой милый Робер, и она

не останется в одиночестве, уж будьте покойны. Когда я удовлетворю свои нужды, на одну ночь ее заполучит Тит, а у него есть особые методы тешить свой норов. После того ваша дочь поступит в распоряжение каждого члена круга, и все они наслаются ею в меру своих фантазий и сил. Случай уж очень удобный, чтобы его упустить, поверьте, никто не отступит.

Надеюсь, вы все еще помните вкусы Боврэ? Представляю, что испытает Мадлен, когда ее тело возьмут едино- временно трижды. Жаль, что Боврэ так груб; почему-то мне кажется, он не сможет сдержать дурные порывы. Ему, вероятно, захочется пригласить в компанию де Ла Сены. Донасьен будет доволен: он любит смотреть. А барон нуждается в зрителях. Вы ведь, конечно, помните тот бесхитростный способ соития, изобретенный Боврэ, который позволял ему проникать собственной плотью спереди и жезлом дьявола сзади? За последние несколько лет этот способ был неоднократно опробован и значительно усовершенствован. Наблюдения говорят, что процесс протекает довольно болезненно, но, безусловно, не для того, кто его совершает.

Так-то, Робер. К тому времени, как мы вырвем у твоей дочери сердце, она будет счастлива умереть. Каждое надругательство, над ней совершенное, будет причинять ей невыносимые муки. Мы оскверним ее всеми путями, какие только возможны, чтобы заслужить одобрение в глазах сатаны.

Этого не случилось бы, отдай ты ее нам раньше. Она бы стала одной из нас, а участвовать в наших обрядах гораздо приятнее, чем возлежать на алтаре в качестве жертвы. Так что в позоре своей дочери и в ее мучительной смерти повинен ты сам. Думай об этом, прежде чем ударяться в бесплодные поиски.

Уверяю, для наших обрядов давно найдено новое место. Нас никто не подозревает, мы неуязвимы и сплочены. Знаю, эта мысль больно ранит тебя, как и мысль, что дитя твое ежесекундно находится в моей власти.

Я не забыл, как ты переступил через нашу клятву, Робер. Я не забыл, что лишился из-за тебя своего имуществва и богатства. Я не забыл, что ты воспитывал свою дочь у монахинь. Предупреждаю: вина с тебя не снята и в новом году ты будешь отмечен кругом. Скоро за твою жизнь никто не даст и гроша.

Твои попытки найти нас Мадлен не спасут, сам же ты рискуешь при том угодить в ловушку. Тогда ты умрешь скорее, чем это намечено, а мы лишь возрадуемся, ибо найдем на своем алтаре две жертвы вместо одной. Обращаться с прошением к королю тебе тоже не стоит. Его величество Людовик XIV неразворотлив, он не успеет и почесаться, как твоя дочь будет мертва.

И вот еще что. Не втягивай в это дело кого-то. Нас более чем достаточно, чтобы уговорить всех, кто осмелится тебе помогать. Ты потерял свою дочь — разве этого мало? Терять друзей тоже мучительно, милый Робер.

До встречи, которая рано или поздно состоится. Всегда твой

Сен-Себастьян».

ГЛАВА 6

Сен-Жермен пробудился от непонятной тревоги. Он обвел взглядом альков, где стояла его спартанская койка, но ничего неприятного не обнаружил. Граф потер ладонями веки, чело его рассекла морщина раздумья. Затем он кивнул, словно подавая себе знак, и встал. Полы египетского халата тихонько зашелестели, когда владелец столь роскошного одеяния прошел в кабинет.

Это было то самое помещение, где состоялось его первое объяснение с Мадлен. На мгновение ему показалось, что гранатовое кольцо девушки все еще валяется на полу. Воспоминание о том, с какой решимостью маленькая упрямца запирала секретную дверь, заставило его улыб-

нуться, но вскоре оно померкло, вытесненное дурными предчувствиями.

На каминной полке горела одна свеча. С ее помощью Сен-Жермен затеплил остальные светильники. В кабинете, залитом вечерними сумерками, сразу стало светлее, но беспокойство не проходило. Сен-Жермен дернул за шнур звонка и в задумчивости уставился на астролябию, словно та могла дать ответ на волновавший его вопрос.

— Хозяин? — окликнул его вошедший в комнату Роджер, сгибаясь в поклоне.

— Да? — Сен-Жермен обернулся. — Закрой дверь поплотнее. То, что я хочу сообщить тебе, не назначено для чьих-либо досужих ушей.

Роджер выполнил распоряжение и в ожидании замер. Через одну его руку было перекинута полотенце, другой он прижимал к себе тазик для умывания.

— Думаю, мне лучше принять ванну, — сказал Сен-Жермен и принялся расхаживать по кабинету. — Ванна, затем — простая одежда. Пожалуй, льняные или шерстяные чулки. И рубашка из Персии, с вышивкой в русском стиле. И ботинки с тупыми носами. Проверь, чтобы каблуки и подошвы были прочны. Я чувствую, сегодня защита не помещает.

— Как будет угодно хозяину, — поклонился слуга.

— Еще приготовь плащ из лосиной кожи. Мне необходимо уйти.

Увидев лежащее на каминной полке письмо, граф резко остановился. Он развернул сложенный вдвое листок, быстро пробежал по тексту глазами, и лицо его помрачнело.

— Доминго-и-Рохас видел Ле Граса, а Ле Грас видел Доминго, — сухо произнес Сен-Жермен, поднося бумагу к огню. Он держал ее в руке до тех пор, пока пламя не начало лизать пальцы.

— Когда?

— Нынешним утром. Саттин полагает, что этому негодью не известно, где находится гильдия, но это слабое

утешение. Ле Грас обнаружил, что его бывшие сотоварищи находятся в городе, и может доставить нам немало хлопот.

Граф быстрыми движениями развязал пояс халата.

— На этом пока все, — сказал он, но вдруг передумал: — Кстати, Роджер, направь ко мне Эркюля. Я должен дать ему кое-какие инструкции прямо сейчас.

Сен-Жермен нагнулся, чтобы поправить поленья в камине, и засмотрелся на языки пламени. Ему вдруг почудилось, что на него смотрит Мадден. Не обращая внимания на жар, он подался вперед, едва не опалив ткань распахнутого халата.

Дверь снова открылась, и в комнату несколько неуклюже вошел Эркюль.

— Хозяин? — промолвил он, ибо граф не оборачивался.

— Эркюль, — задумчиво произнес Сен-Жермен, — завтра ты мне, пожалуй, понадобишься.

— Вот как? Что ж, хорошо.

Сен-Жермен оттряхнул ладони и выпрямился.

— Сегодня вечером мне оседают бербера, но завтра будет нужна карета. Не согласишься ли ты ею править?

Эркюль растянул губы в улыбке.

— Я поведу карету хоть в ад, только бы взять в руки вожжи.

Ответной улыбки кучер не получил.

— Возможно, именно это от тебя и потребуется. Подумай, прежде чем соглашаться. Если ты подведешь меня, я — мертвец. Причем ты тоже можешь погибнуть.

— Скажите, — спросил Эркюль, помедлив мгновение, — угроза исходит от Сен-Себастьяна?

— Да.

— Понятно.

Кучер пристально посмотрел на графа. Когда он заговорил, голос звучал твердо:

— Если вам угрожает Сен-Себастьян и я могу хоть как-то ему противостоять, то я сделаю это, даже ценой своей

жизни или души. А если вы не позволите мне принять участие в схватке, я буду считать, что вы меня обманули.

Сен-Жермен кивнул. Он, в общем-то, и не ожидал иного ответа.

— Мне понадобится дорожная карета, Эркуль. Поручаю тебе ее подготовить. Снаряди полную упряжь. Нам предстоит далекое путешествие.

— Насколько далекое, господин граф?

— Мы отправляемся в Англию. Мой друг Мер-Эрбо хочет, чтобы я доставил в Лондон несколько писем. Разумеется, тайно. Никого не удивит мой внезапный отъезд. А это даст нам возможность уладить два дела одновременно.

— Кто еще едет? — спросил Эркуль, освежая в памяти дорогу на Кале. — Я хочу подготовить смену лошадей по пути, но не знаю, сколько людей будет в карете.

— Полагаю, попутчики наберутся, — медленно сказал Сен-Жермен. — Роджер поедет следом — в другой карете, но это не касается ни тебя, ни меня. Возможно, я прихватю с собой пару алхимиков — из тех, что трудятся под нами, в подвале. Им неблагоприятно здесь оставаться.

Эркуль кивнул. Сен-Себастьян мстителен. Всякого, кто останется, настигнет его рука.

— Я помогу им скрыться, — сказал он. — Располагайте мной.

— Хорошо. Роджер скажет, где ожидать и в котором часу. Точно следуй его указаниям, повинуйся ему как мне самому.

Он помедлил, затем продолжил.

— Я также поручаю тебе лично озаботиться тем, чтобы под полом кареты был настелен свежий слой земли. Подходящую землю ты найдешь в особой клети на конюшне. Роджер тебе покажет. Убедись, что она не просыпается в щели, прежде чем мы тронемся в путь. Это самое главное.

Смущенный таким необычным требованием, но не осмеливаясь пускаться в расспросы, Эркуль послушно повторил:

— Это самое главное. Я прослежу, чтобы все было сделано, — добавил он.

— Не подведи, ибо эта земля защищает меня и дает мне новые силы. Они мне очень понадобятся: у нас грозный противник.

Эркуль поклонился.

— Не беспокойтесь, хозяин. Я прослежу.

Граф замолчал. Побежали минуты. Кучер в нерешительности топтался на месте. Сен-Жермен, казалось, совсем о нем позабыл.

— Вот еще что, Эркуль, — наконец произнес он, после долгих раздумий. — Предупреди Саттина и других прямо сейчас. Пусть собираются, они должны быть готовы. Скажи им, что существует подземный ход, выводящий к реке. (Он прорыл монахами монастыря, некогда здесь стоявшего. В северо-западном углу третьего погреба имеется люк, ведущий в потайную часовню. Туннель начинается там. Пусть воспользуются этой дорогой, ибо другие пути могут быть перекрыты.

— Значит, нам придется бежать?

— Не знаю, Эркуль. Мне надо еще разобраться, что мы должны делать и как. Если завтра до заката вы не получите от меня известий, оставайтесь на месте несмотря ни на что. Ждите, но карета должна быть готова. Кстати, погода довольно ненастная, так что запаситесь парой ковров.

— Нам понадобятся фореиторы и верховые?

— Одного верхового будет достаточно. Найди кого-нибудь надежнее. Нам нужен не болтун и не трус. Если я не вернусь к послезавтрашнему рассвету, значит, Сен-Себастьян победил. В этом случае разыщи кардинала Футэ в Чемборде. Расскажи ему все, что тебе известно о Сен-Себастьяне. Скажи ему также, что Сен-Себастьян вместе с Боврэ и другими служили мессу плоти на теле Люсьен де Кресси, которая бежала от них и сейчас пребывает в Бретани, в монастыре Милосердия и Справедливости. Она

предоставит ему свидетельства их вины. Смотри же, Эр-кюль, будь предельно внимателен.— Голос графа сделался очень серьезным.— Попавшись в лапы Сен-Себастьяна, ты погубишь не только себя. От твоего молчания зависит теперь очень многое.

Он поднял голову, ибо дверь распахнулась и в комнату вошел Роджер.

— В чем дело?

— Ванна ждет,— сказал Роджер.— Я приготовил флакон со святой водой и вашу дарохранительницу. Возможно, они вам пригодятся.

Сен-Жермен кивнул.

— Спасибо, Роджер. Я скоро закончу.

Он снова повернулся к Эркюлю:

— Помни, что я сказал. Если ты веруешь, зайди сегодня же к исповеднику.

Губы кучера побледнели, но ответ его был спокоен:

— Я повिдаюсь со священником в течение часа. В Сен-Сюльпис или в Сен-Жермен-де-Пре.

— Хорошо. Но не открывай там больше, чем должно. Ты не можешь просить за Сен-Себастьяна.

— Я будут просить лишь за себя,— уронил Эркюль и неуклюже заковылял к выходу.

Когда он ушел, в комнате воцарилось молчание. Роджер демонстративно разглядывал потолок, Сен-Жермен смотрел на огонь, теребя своей узкой рукой кружева на поднятом вороте египетского халата.

— Ты, похоже, полагаешь, что с моей стороны неблагоразумно так доверяться Эркюлю? — спросил наконец граф.

— Боюсь, да.

— Я однажды доверился тебе, Роджер, еще не зная тебя.

— И правильно сделали.

Сен-Жермен поднял брови.

— Ты сомневаешься в Эркюле? Но почему?

— Хозяин, Эркюль — слуга. Он всегда служил Сен-Себастьяну. Барон обидел его, это так. Но существует опасность что, увидев своего бывшего господина, слуга инстинктивно вернется к своим обязанностям и примется ему угождать.

— Может, и так,— негромко заметил Сен-Жермен.— Но, видишь ли, я все же считаю, что он нас не предаст. Думаю, ненависть в нем сильнее застарелой привычки. Обиды в душах пылают дольше, чем дрова в очаге.

Роджер покорно кивнул, но было заметно, что сомнений своих он не оставил.

— Ладно, пошли,— сказал граф, встряхиваясь. Пляска языков пламени чуть было вновь не заворожила его.— Сначала ванна, потом принесешь дарохранительницу.

Роджер отступил в сторону, давая господину пройти.

Письмо аббата Понтнефа маркизу де Монталье.

Отправлено 4 ноября и возвращено аббату графиней д'Аржаньяк 17 декабря 1743 года.

«Мой дорогой кузен, приветствую вас во имя Господа нашего и Пресвятой Девы-заступницы.

Довожу до вашего сведения, что разговор, который вы мне поручили провести с вашей возлюбленной дочерью, не состоялся. Несомненно, ее одолело девическое смущение, и она не пожелала обсуждать со мной такой деликатный вопрос. Ваше письмо с уведомлением о намерениях маркиза Шеню-Туря объяснило мне многое, и я очень надеюсь, что Мадлен осознает, какую честь оказывает сн этот утонченный молодой человек.

Я намереваюсь выслушать ее исповедь в среду или в четверг и вновь попытаюсь обратить ее мысли к радо-

ства брака и во многом отрядным обязанностям супруги. Она прочла мое письмо, в котором я касаюсь этих вопросов, и сообщила, что находит его весьма поучительным.

Ранее вы упоминали о ее любознательности, и я рад сообщить вам, что Мадлен продолжает усердно читать. Ее тяга к истории несомненно похвальна, хотя в этих книгах встречается много такого, о чем молоденькой барышне лучше бы и вовсе не знать. В самом деле, печально сознавать, что большая часть исторических манускриптов сообщает нам о прискорбных вещах, не очень достойных для обсуждения в обществе воспитанных и благородных людей. Впрочем, Мадлен говорит, что все эти вещи ее многому учат, что ей становятся вняты причины наших скорбей и что у нее открылись глаза на истинную природу человеческой сущности. В том, что ранее смущало ее, она ныне усматривает подлинные признаки человечности.

Вы очень трогательны в своих заботах о вашем чаде, Робер. Я знаю, именно ваша любовь в огромной мере способствовала тому, что Мадлен стала такой, какова она есть. Но не только ее участь волнует меня, но и ваша. Вспомните, как часто я призывал вас исповедаться, чтобы вновь быть принятым в лоно Матери-Церкви. С тем же пылом, с каким вы печетесь о Мадлен и о ее будущем, вам следует обратиться к помыслам о себе. Подумайте, Робер, о страшной пустоте, которая разверзнется перед вами, если бракосочетание вашей дочери состоится без вас. Подумайте о стыде, который охватит Мадлен, когда она в этот самый радостный для нее день пойдет к причастию без своего возлюбленного родителя. Подумайте о ваших внуках, которые скоро появятся. Разве вы не хотите, чтобы они пользовались защитой святой Церкви и принимали участие во всех церемониях и обрядах, сообщающих нас с нашей заступницей и искупителем всех наших вин?

Я ревностно молюсь о том, чтобы вы поскорее облегчили свои душевные муки исповедью и покаянием, мой дорогой кузен. Это важно не только для меня и вашей возлюбленной дочери, но это жизненно важно для вас. Ваша душа стоит перед угрозой проклятия. Наше время с годами становится все более драгоценным нашим имуществом, ибо мы старимся и не знаем момента, когда ангел смерти нас посетит.

Поверьте, я ежедневно прошу Господа нашего и пречистую Деву коснуться вашего сердца и подвигнуть к насущно необходимым шагам. Срок, великодушно на то вам отпущенный, уже истекает. Во времена менее просвещенные с вами за подобную проволочку обошлись бы очень сурово, и даже ныне в Испании вы были бы поставлены в весьма неприятное положение. Разумеется, темные дни Торквемады* минули, но инквизиция там все еще не опустила своей карающей длани. Мы существа слабые, нам мучительно даже страдания телесные, однако они ничто по сравнению с тем, что ждет наши души в аду. Не думайте, что вас обойдет сия чаша. Покайтесь сегодня — и вы избавитесь от будущих мук.

Но... довольно о том. В конце моего послания позвольте заверить вас, что я с нетерпением жду случая поговорить с вашей дочерью, дабы убедить ее сделать желания ниспосланного ей небесами супруга своими собственными и возлюбить закон его и кары его с тем же благоговейным трепетом, какой мы испытываем перед бичом, очищающим нас от грехов.

С верою и молитвою остаюсь в мире сем вашим кузеном по крови и братом во Христе,

аббат Понтнеф, С. Дж».

* Томас Торквемада — глава испанской инквизиции конца XV столетия. Осудил на сожжение более 10 тысяч еретиков.

В уютной столовой особняка д'Аржаньяков всеческие предлоги для поддержания беседы были давно исчерпаны. На своем конце стола Жервез открывал вторую бутылку бордо, не обращая никакого внимания на рыбное филе с грибами и свежим омаром, проваренным в масле. Ни это изысканное блюдо, ни два овощных салата, один из которых был приготовлен по-генуэзски, не могли отвлечь его от соблазнительного напитка. Он покоился на буфет, заставленный ожидавшими своей очереди закусками, и шумно вздохнул.

— В чем дело, Жервез? — спросила Клодия, бросив короткий взгляд на брата, сидевшего возле нее.

— Ничего, ничего...

Он поднял свой бокал и повертел его в пальцах, любуясь цветом вина.

— Просто время в хорошей компании идет чересчур быстро. Пробыло девять, а я договорился с Ламбогареном на десять. Пожалуй, покончить с ужином вам придется уже без меня. Уверен, брату с сестрой есть о чем поболтать с глазу на глаз. А если все уже пересказано, Клодия, что ж... вы можете перемыть мне косточки сызнова. Жалуйтесь на меня, если хотите, говорите, какой я черствый и вздорный... короче, делайте что угодно — мне все равно.

Покачиваясь, граф стал было подниматься из-за стола, но непослушные ноги плохо его держали. Ему пришлось сесть, когда в помещение быстрым шагом вошел лакей и направился прямо к столу.

— В чем дело? — грозно потребовал объяснений Жервез.

Лакей, запинаясь, промямлил:

— Тут... принесли письмо, господин. Его... велено передать лично в руки.

— Я прочту его в желтом салоне, — недовольным тоном сказал Жервез, припоминая проигранное пари. Шесть

тысяч луи — высокая ставка. Лицо его стало мучительно бледнеть. Откровенно говоря, спор вышел дурацкий. — Гусь должен был победить, — пробормотал он, восстанавливая в памяти гонку зайца с гусем. — У гуся ведь есть крылья.

— Дорогой? — произнесла Клодия с беспокойством.

— Прошу меня извинить, — осмелился прервать хозяев лакей, — но письмо не для графа. Его велено вручить маркизу де Монталье.

Робер с удивлением обернулся.

— Мне?

Сердце его испуганно екнуло. Не случилось ли чего плохого с Мадлен? Но что с ней может случиться в гостях у Шенно-Туреев?

— Спасибо, любезный.

Он протянул за письмом руку и взял плотный конверт, раздумывая, куда бы его положить. Верх неприличия — заниматься почтой во время трапезы.

— Нет-нет, Робер, прошу вас, прочтите его, — Клодия повернулась к лакею. — Кто принес письмо?

— Слуга в темно-синем и красном, — ответил лакей. — Я не разбираюсь в ливреях.

Но Робер де Монталье разбирался. Его лицо стало мертвенно-белым, а руки вдруг задрожали. Разбирался, видимо, в них и Жервез, ибо резко качнул головой. И дернуло же его пригласить на именины девчонки барона! Неприятностям теперь не будет конца.

— Похоже, это от Сен-Себастьяна, — заявил он с независимым видом, показывая тем самым, что с него взятки гладки.

— От него, — тихо ответил Робер. Пятилистник, отгиснутый на воске, запечатывавшем конверт, подтверждал его худшие опасения. — Вы не против? — спросил он сестру, катом сломал печать, развернул вложенные друг в друга листки и углубился в чтение,водя по строчкам глазами так медленно, словно ему приходилось переводить содержание загадочного послания с трудного иностранного языка.

— Ах, Матерь Божия! — вскрикнула Клодия, увидев, как исказилось вдруг лицо брата и каким яростным сделался его обычно спокойный и чуть опечаленный взгляд. — Неужто что-то стряслось с Мадлен?

— Стряслось, дорогая. Вы правы.

Робер медленно скомкал оба листка и внезапно с проклятием отшвырнул их от себя. Он вскочил со стула так резко, что опрокинул бокал, и огромная лужа бургундского залила белоснежную дамасскую скатерть.

— Но при чем же тут Сен-Себастьян? — озадаченно спросил Жервез. — Она ведь уехала к Шеню-Туреям. Что в ней Сен-Себастьяну?

Робер стиснул зубы.

— Барон — мой заклятый враг. Он похитил Мадлен. Он пишет... нет, я не смею вам повторить, что он тут пишет...

— Здесь какая-то ошибка, — сказал Жервез, но без особой, впрочем, уверенности. Он приосанился, отхлебнул вина из бокала и вытер губы рукой. — Слушайте, де Монталье, я знаю Сен-Себастьяна. Он как-то мне говорил, что хочет возобновить вашу дружбу, и потому, наверное, уломал Шеню-Турея завезти к нему вашу дочь. Он любит пошутить, наш барон, но пусть это с толку вас не сбивает...

— Любит пошутить?! — воскликнул Робер, сжав кулаки. — Хороши ж его шутки! В этом... в этом проклятом письме он сообщает, что вознамерился принести мою девочку в жертву!

Он вдруг умолк, увидев глаза графини.

— В жертву? Робер, что за бред?

— Это не бред, — глухо отозвался маркиз. — Сен-Себастьян намеревается возложить плоть и кровь Мадлен на алтарь сатаны. — Он прижал ладони к лицу. — Его надо остановить!

Жервез, вновь приложившись к бокалу, попытался всех успокоить:

— Жертвоприношение сатане? Ха! Когда это было? Последний случай был зафиксирован во времена мадам де Монтеспан. Полиция навсегда покончила с этим.

— Помолчите, Жервез! — взмолилась Клодия.

— Нет, не покончила. — Робер цедил слова так, будто их из него вытягивали клещами. — Это стало невидимым, тайным, схоронилось в провинции, но не ушло. И сейчас Сен-Себастьян опять возглавляет парижский круг. Я это знаю, знаю! — Он заговорил торопливее, ибо Жервез вновь попытался что-то сказать. — Я знаю это, потому что и сам когда-то был членом подобного круга. И знаю, почему он выбрал Мадлен. Я отдал ему все права на нее еще до ее рождения.

Его голос пресекся, по щекам побежали слезы.

— Да простит меня Бог, я был молод тогда! Я не думал, что все так обернется!

Клодия встала и обняла брата за плечи. Она с неудовольствием посмотрела на смущенно молчащих слуг, но в достаточной мере овладела собой, чтобы отдать им несколько кратких приказов.

— Полэн, мне нужно немного бренди. Не стой как чурбан. Суссэ, ступай на конюшню, вели запрягать дрожки. Этиль, убери со стола и унеси закуски на кухню. Скажи повару, что его искусство выше всяких похвал, но мы получили печальные известия и потому прерываем ужин.

Она отвела волосы с лица брата и заглянула в его глаза.

— Мы отыщем ее, — сказала она с уверенностью, которой не ощущала. — Мы отыщем ее и перевезем в безопасное место. Полагаю, вам лучше заняться этим прямо сейчас. Жервез едет с вами.

— Но Ламбогаренн? — заикнулся Жервез.

— Полагаю, Эверо Ламбогаренн с тем же успехом ограбит вас завтра. Отправьте ему свои извинения.

— Но это всего лишь недоразумение, дорогая!

— Тогда чем скорее вы сопроводите Робера к барону, тем скорее все разъяснится, и Ламбогаренн успеет взять с вас свое! — Она обернулась к маркизу. — Ты найдешь ее, мой дорогой брат. Ты найдешь и спасешь ее, верь мне!

— О, кровь Христова! — простонал де Монталье с нарастающим ужасом.

— Ступай и составь петицию королю. Я прослежу, чтобы ее тотчас доставили ко двору, и, если понадобится, сама дам разъяснения. Его величество тут же велит взять наглецов под арест...

Клодия мало верила в то, что говорила, но ей хотелось вырвать брата из власти жутких видений.

Маркиз, опустив глаза, пробормотал:

— Я испортил твою прекрасную скатерть.

— Не думай об этом, — мягко сказала она. — И надень плащ поплотнее. Ночью ожидается буря. Жервез едет с тобой. Я уверена, вам все удастся!

С этими словами она отстранилась от брата и обратилась к мужу.

— Вам тоже надо одеться теплее, Жервез.

— О да, дорогая, — буркнул Жервез. — Маркиз, через четверть часа я к вашим услугам. Вот только пошлю кого-нибудь к Ламбогаренну. Эй, слуги! — резко воскликнул он, поднимаясь, однако, с большой осторожностью. Но все обошлось — ноги не подвели.

Когда граф ушел, Клодия переключила внимание на Робера.

— Где она?

— В особняке Сен-Себастьяна, я полагаю. Письмо послано им.

Он помедлил.

— Там сказано, что меня убьют, если я начну поиски, как убьют и всякого, кто осмелится мне помогать. Я не стану особенно возражать, если граф Жервез откажется от этой затеи.

— И позволит вам отправиться в одиночку к этим ужасным людям? — Клодия усмехнулась. — Жервез, наверняка, знает многих из них. Они не причинят ему зла. Они знают, что он игрок и любит выпить. Жервез им не опасен. А вы опасны — с вами другой разговор. Простой, надо сказать: вас не знают в Париже и вашего исчезновения никто не заметит. Жервез — дело иное. Пять вечеров в не-

делю он непременно проводит либо в отеле «Трансильвания», либо в отеле «Де Виль». Попробуй мой муженек туда не явиться, об этом заговорит весь Париж.

Горечь, прозвучавшая в этих словах, сказала Роберу о многом.

— Вы с ним несчастны? — Вопрос прозвучал очень тихо.

— Нет, конечно же нет. Ну разве чуть-чуть, — усмехнулась она, затем добавила с болью: — Я думаю, все дело в том, что у нас нет детей. Мужчина, который не имеет наследников, к будущему равнодушен.

Графиня встряхнулась, сводя свои мысли с бесплодной дорожки.

— Он составит вам неплохую компанию, брат. Хотя бы в роли посредника. Возможно, понадобятся деньги...

— В этом я сомневаюсь, — криво усмехнулся Робер.

— Или любой другой выкуп... Все будет уплачено.

Она прошла через комнату к мраморному камину и только там ощутила, насколько замерзла.

— Я хочу посоветовать тебе кое-что и надеюсь, что ты воспримешь мои слова с пониманием.

— Говори.

— Обратись к Сен-Жермену.

Она заметила огонек неприятия, вспыхнувший в глубине глаз маркиза, и заторопилась.

— Выслушай меня, прежде чем сказать нет, Робер. Сен-Жермен не француз, и скандал совершенно не может ему повредить. Граф, возможно, не производит впечатления сильного человека, но недавно стало известно, что он страшен в бою. Поединок, блестяще им проведенный, порашил всех наших задир. Кроме того, он... влюблен в Мадлен. Я уверена, ее участь непременно взволнует графа.

Робер взял себя в руки и ответил сестре нарочито вежливым тоном:

— Сударыня, для меня мучительно уже то, что в это гнусное дело будет втянут ваш муж. Я лучше умру, чем

позволю, чтобы к нему примешался еще кто-то сторонний. Нравится вам это или не нравится, но вопрос решен.

Он провел языком по губам, словно снимая с них что-то.

— Прости меня за резкость, сестра, но сейчас я сам не свой, а время уходит. Я должен попасть к Сен-Себастьяну вовремя. Молись, чтобы мне это удалось!

— Всеми силами души моей, брат!

Ей отчаянно захотелось броситься к нему и разрыдаться. Усилием воли она заставила себя остаться на месте, лицо ее даже не дрогнуло.

— Я буду молиться. Ступай и верни нам Мадлен.

— Я сделаю это.

Робер секунду помедлил, затем кивнул сестре и выбежал в дверь.

Теперь можно было не сдерживаться, и, рухнув на стул, Клодия дала волю рыданиям — бурным, отчаянным, разрывающим грудь. Горе жгло ее, слезы не несли облегчения. Мадлен! Мадлен, что мы наделали! Мы сами толкнули тебя в лапы врага! Она сознавала, что лицо ее пошло красными пятнами и что затейливая прическа, на укладку которой ушло около часа, безвозвратно погибла, — но это не имело значения. Ничто уже не имело значения. Графиня не слышала, как от дома отъехали дрожки, не слышала она и как через какое-то время на улице зазвучал приближающийся топот копыт.

Она очнулась, когда чей-то голос в дверях произнес:

— Могут войти, графиня?

Клодия подняла искаженное горем лицо.

— Сен-Жермен?..

— Я должен просить прощения. Мне следовало позволить лакею объявить обо мне. Но я боялся, что вы не решитесь меня принять.

Он уже шел к ней через комнату. Графиня заметила, что его костюм для верховой езды был более прост, чем обычно.

— Я... мы... мы недавно получили дурные известия.

— О Мадлен? — Вопрос заключал в себе утверждение.

— Да. Она... нездорова. Ей сделалось плохо в гостях... и брат поехал ее выручать. Ну, и Жервез с ним, разумеется... Сожалею, что вам не удалось их застать.

— Я тоже.

Граф сел и придвинулся к ней вместе со стулом.

— Если бы Мадлен попросту занедужило где-то, туда незачем было бы ехать двоим. Ну-ну, дорогая, не плачьте. Скажите мне прямо, что же произошло?

— Робер не хочет...

— Ваш братец-зануда еще больший глупец, чем я полагал! — Сен-Жермен взял Клодию за руку. — Дорогая, поверьте, я ни за что не стал бы во все это вмешиваться, если бы маркиз мог самостоятельно справиться с тем, что угрожает Мадлен. Но ему это — увы! — не под силу. Они решили убить ее, так? Сен-Себастьян и его прихвостни?

Графиня беспомощно махнула рукой.

— Я не знаю. Робер получил письмо...

— Письмо? Где оно? Он его взял с собой?

— Я не...

Клодия подняла взгляд.

— Нет. Он отшвырнул его. Оно должно быть... — Она осмотрела пол. — Там. Под вторым канделябром.

Сен-Жермен встал и, подобрав с полу скомканные листки, повернулся к свету. По мере того как он читал, его лицо становилось все более и более мрачным. Закончив, граф вручил отвратительное послание Клодии. — Сожгите это, — кратко сказал он. — Не читайте, просто сожгите.

Он прошелся по комнате, зрачки его глаз делали все темнее.

Клодия покорно протянула письмо к языкам пламени, лижущим поленья камина.

— Это серьезно, граф?

— Боюсь, что так.

Он остановился и посмотрел на нее изучающим взглядом.

— Сен-Себастьян собирается ее умертвить. И это еще не самое худшее.

Клодия вскинула руку к губам.

— О Боже! Но как же...

— И если вы хотите ей помочь, вам предстоит кое-что сделать.

Она кивнула, слегка напуганная властными нотками, прозвучавшими в голосе Сен-Жермена. Граф никогда еще не говорил с ней так. Обычно он был безукоризненно вежлив, но теперь за приятным фасадом прорезалась сила, которая доселе была не видна.

— Говорите, граф. Для моей девочки я готова на все.

— Хорошо. Прежде всего отправьте посыльного на Рю Экуле-Ромэн, к врачу по имени Андре Шенбрюнн. Он искушен во всех областях медицины, а также очень предусмотрителен и не болтлив. Предупредите, чтобы он приготовился нанести вам визит, и можете не волноваться о том, что по городу поползут слухи.

— Вы думаете, Мадлен понадобится врач?

— Весьма вероятно. Ей может также понадобится священник. Кто ее духовник?

— Аббат Понтнеф. Он наш кузен.

Сен-Жермен нахмурился.

— Я слышал о нем. Она его недолюбливает, он может проговориться. Нам нужен кто-то другой. Я оставляю это на вас. Подыщите священника, предпочтительно молодого, храброго и молчаливого. Из тех, на ком держится Церковь.

Клодия покорно кивнула.

— Священник, — повторила она.

Граф остановился, чтобы застегнуть плащ.

— Я не могу больше здесь оставаться. Каждая минута промедления чревата непоправимым. Если мне повезет, мы с Мадлен, маркизом и графом вернемся еще до полуночи. Если возникнут сложности, вы, возможно, не увидите нас до рассвета или... Впрочем, не станем загадывать. Ждите

до девяти утра и, если никто из нас не появится, снесите с моим слугой Роджером. Он получил от меня указания и знает, как действовать дальше.

— Я все сделаю, — твердо сказала Клодия. Она вдруг почувствовала, что верит этому человеку. — Бог в помощь вам, Сен-Жермен.

Граф поднял брови.

— Бог в помощь? Почему бы и нет?

Дверь закрылась, и до недвижно сидящей на стуле женщины донесся звук быстрых удаляющихся шагов.

Письмо врача Андре Шенбрюнна графине д'Аржаньяк.

«5 ноября 1743 года.

Врач Андре Шенбрюнн с Рю Экуле-Ромэн шлет графине свои заверения в совершеннейшем к ней почтении и изъявляет согласие явиться в ее дом по первому от нее полученному сигналу.

Врач будет весьма признателен, если с запиской, должествующей означать этот сигнал, графиня снабдит его более подробными сведениями о состоянии его будущей пациентки. Врач, действующий вслепую, подобен плохо вооруженному воину.

На случай если худшие опасения графини окажутся небезосновательными, врач имеет все основания полагать, что наличие опытной и благочестивой сиделки окажет более благотворное влияние на пострадавшую, чем средства, имеющиеся под рукой у врача. Часто раны душевные губительнее телесных. Врач неоднократно с великим прискорбием наблюдал, как умирали от ужаса люди, телесные увечья которых были сравнительно невелики. Врач пришел к выводу, что сознание и душа человека, а вовсе не физика его организма, более подвержены апоплексическому удару, влекущему за собой тягостные

последствия или бесповоротную гибель одного человека. Причем таковое происходит наиболее часто с сильными, своенравными, честолюбивыми и темпераментными мужчинами. С женщинами все получается наоборот. Уязвимость мужчины в его агрессивности, женщины — в мягкости, таково положение вещей.

Впрочем, в намерения врача вовсе не входит задача заморочить графине голову вещами, не представляющими для нее интереса. Он умоляет графиню простить его непомерный энтузиазм, оставаясь при том ее покорным слугой.

Андре Шенбрюнн, врач».

ГЛАВА 8

 По мере того как к Мадлен возвращалось сознание, каждое ее ощущение только усиливало нарастающих в ней страх. Покалывание в руках и ногах сообщило ей, что с конечностями у нее все вроде в порядке, но, попытавшись пошевелить ими, девушка поняла, что запястья ее и лодыжки стянуты веревками и что она лежит на спине в чудовищно неудобной и непристойной позе, привязанная к чему-то плоскому и холодному, похожему на каменную плиту. Во рту Мадлен было ужасающе сухо, мысли путались, но в то же время ее затуманенный мозг постепенно освобождался от остатков наркотического дурмана. Она открыла глаза и тут же зажмурила их.

— Итак, вы очнулись,— вежливо произнес ненавистный голос.— К моему облегчению.

Мадлен почувствовала, как кончики его пальцев пробежали по ее животу. Она вновь вскинула веки и, еле ворочая языком, но все же довольно отчетливо, произнесла:

— Если вы сделаете это еще раз, меня стошнит.

Сен-Себастьян мерзко хихикнул.

— Вам не следует говорить со мной так.

Он снова дотронулся до нее, проведя острым ногтем по изгибу ребра.

— У вас на удивление крепкое тело. В нем много здоровья и силы. Оно уже волнует меня.

Барон кончиком языка облизал губы.

— Нет,— сказал он негромко, словно бы сам себе.— Нет, не так скоро. Сейчас в ней лишь гнев, а она должна наполниться ужасом еще до того, как все совершится. Она должна поприветствовать своих истязателей и пережить предвкушение своего унижения.

Мадлен понимала, что он говорит для нее, что Сен-Себастьяну хочется насладиться ее страхом. Она дернулась и стлотнула слюну, внезапно обильно смочившую ее горло. Движение было напрасным: путы держали крепко.

— О, дорогая,— пробормотал Сен-Себастьян,— не надо так напрягаться. Иначе я все-таки не смогу устоять.

Он сделал паузу, чтобы еще раз провести ногтями по ее телу — от впадинки над ключицей до мягких складок в паху.

— О нет, нет, пока что не время. Прежде должно проделать еще кое-что.

Внезапно он ущипнул ее. Потом еще и еще раз. Глаза Мадлен наполнились слезами и гневом.

— Будьте вы прокляты! — выдохнула она.

Сен-Себастьян ослабил, беззвучно смеясь, и изобразил на лице величайшее изумление.

— Я? Но почему же, Мадлен? Вы обращаете свой гнев не по адресу. Ваш отец непременно пожурит бы вас за это.

— Нет!

Мадлен сжалась, как от удара.

— Ага, значит, вам кое-что все же известно! — ухмыльнулся Сен-Себастьян.— Ах болтуны! Я ведь велел им держать язык за зубами.

— Известно с чем?

Уловка была неуклюжей, и Мадлен это знала. Сердцем она уже приняла страшную правду, открытую ей Шеню-Туреом, но ее разум отказывался эту правду принять.

— О том, что вы — моя собственность, дорогая. И стали ей очень давно — до того как родились.

Он по-хозяйски положил ей руку на бедра и небрежно пошевелил пальцами, раздвигая нежные складки.

— Ваш отец отдал вас мне, Мадден, так что гневаться на меня просто глупо.

С последними словами он грубо подал руку вперед. Мадден вскрикнула, пытаясь сжать бедра, и забилась в своих путах, не имея возможности препятствовать омерзительному вторжению.

— Ну-ну, дорогая. Не надо, уймись. Мне просто кое-что нужно проверить.

Барон стиснул пальцы, и боль пронзила ее. Она вновь вскрикнула, он рассмеялся.

— Завтра я получу вашу девственность, завтра, а не сегодня. А после меня будут другие. И по мере того как ночи потекут за ночами, все богаче начнут становиться наши фантазии. Думаете, сейчас вам больно?

Он вновь пошевелил пальцами и ухмыльнулся, услышав вскрик.

— Это просто невинная ласка, Мадден. Помните же об этом.

Сен-Себастьян отошел от стола, оставив ее задыхающуюся, покрытую каплями пота, дрожащую от холода и стыда.

— В этот раз мы не долго побудем вдвоем, — продолжил он ласковым тоном. — Скоро придут остальные.

Барон оглядел свой кабинет и явно нашел все вокруг очень приятным.

— Остальные? — прошептала девушка с отвращением.

— Их немного. Узкий дружеский круг. Вы почти со всеми знакомы.

Он шагал по комнате, с удовольствием наблюдая, как глаза ее следуют за его поворотами.

— Те, кого вы отвергали, получают свое. Те, кого вы презирали, возвеселятся. Следующие сорок ночей лишат вас

остатков всего человеческого. А когда вы обратитесь в ничто, умрет ваше тело. Оно обратится в прах во имя сил сатаны, для которого разрушение является удовольствием.

Он дернул за шнур звонка, и почти в ту же секунду дверь отворил широкоплечий верзила в сине-красной ливрее — с полным лицом и мутным масляным взглядом.

— Это Тит, мой слуга. И ваш страж, дорогая. Не думайте, что ваша юность или страдания смогут вызвать в нем жалость. Он находит удовольствие в муках других.

Тит кивнул, жадно пожирая Мадден глазами.

— Пятеро прибыли, — сообщил он хозяину, не отрывая от девушки взгляда. — Когда я ее получу?

— Завтра же ночью, Тит. После меня. Она будет твоей, ты сделаешь с ней все, что захочешь.

Он сказал это так, будто обещал ребенку конфету.

— Веди сюда остальных. И не забудь о служанке.

С поклоном, исполненным наглости и раболепия, лакей отступил за дверь.

Сен-Себастьян мгновение постоял в раздумье, затем подошел к огромному сундуку, стоявшему у дальней стены. Он откинул тяжелую крышку, покопался в недрах укладки и снова закрыл ее, прежде чем повернуться к Мадден. Вокруг одной руки барона теперь был обмотан бич, а в другой он держал короткий предмет, который выглядел как метелка, связанная из тонких бамбуковых прутьев. Сен-Себастьян повертел в пальцах этот предмет.

— Думаю, это лучше всего, — сообщил он Мадден словно бы по секрету. — Кожу не разрывает, но производит отменный эффект.

Мадден ощутила, что ее вновь охватывает волна гнетущего ужаса, и разозлилась сама на себя. Она ведь почти поборолла свой страх, нельзя поддаваться на штучки этого негодяя. Но ужас ее проходил, а мраморный стол, казалось, сделался еще холоднее.

— Хорошо, — одобрил Сен-Себастьян. — Было бы жаль, если бы вы слишком скоро сломались. Именно ваше сопротивление придет ощущениям пикантную остроту.

Он легонько стукнул метелкой себя по руке.

Дверь снова открылась, и в комнату стали входить мужчины. Мадлен задохнулась от унижения и стыда. Первым вошел де Ла Сеньи с выражением похотливого предвкушения на лице, за ним следовал усмехающийся Шатороз. Эшил Кресси одарил Мадлен презрительным взглядом и повернулся к Боврэ, возле которого словно приклеенный топтался де Ле Радо.

Шатороз прошествовал прямо к мраморному столу и поклонился Мадлен.

— Рад встрече, мадемуазель,— приветствовал он ее с величайшей учтивостью.— Вы не представляете, как я восхищен, увидев вас в таком положении.

— Мы все рады видеть вас в таком положении,— согласился де Ла Сеньи.— И смиренно надеемся познакомиться с вами поближе.

Шевалье тоже подошел к столу и наклонился, чтобы по-лучше все рассмотреть.

— Нет, это просто очаровательно! — развязно заявил он. Мадлен промолчала, но лицо ее запылало.

Сдавленный крик у двери заставил ее обернуться. Тит втаскивал в комнату бедняжку Кассандру.

— О, Боже всемилосердный и всесвятые! — причитала она.

— Тит,— крикнул Сен-Себастьян,— да заткни же ей рот!

— Да, господин,— отозвался Тит и ребром ладони ударил Кассандру по щее. Удар был тяжел: пожилая служанка мешком рухнула на пол и осталась лежать.

Мужчины столпились вокруг мраморного стола. Они хранили молчание, напоминая школяров, ожидающих учительских наставлений.

Долго им ждать не пришлось. Сен-Себастьян, шевельнув ноздрями, томно произнес:

— Полагаю, нам следует перевернуть нашу красавицу. Этим,— он показал метелку,— лучше всего обрабатывать

зад и ляжки. Вы, Донасьен, возьмите ее за руки, а вы, мой дорогой барон,— он коротко поклонился Боврэ,— за ноги. Остальные отвяжут ее и снова привяжут. Действуйте осторожнее: она может и укусить.

Эшил с любопытством смотрел на бамбуковую метелку, лицо его выражало явственный интерес.

— Это тот самый гребень, Сен-Себастьян?

— Мне неприятно разочаровывать вас, Эшил, но гребень не будет использоваться еще несколько дней. Нет, это совсем другое. Как оно действует, я вам сейчас покажу.

Мадлен извивалась, брыкалась, пыталась кусаться, но все это ей нисколько не помогло. Ее со смешками, словно большую куклу, перекатали со спины на живот и вновь привязали. Теперь голова девушки свешивалась с края стола, а ноги, опять широко разведенные в стороны, вдруг жутко зажали. Она закричала зубами, когда Сен-Себастьян, деловито ошупав ее лоно, приступил к обещанному уроку.

— Это делается так. Бить надо быстро, но очень легко, не распалаясь, а просто постукивая,— объяснял он, нанося удары.— Ерунда, скажете вы. Но подождите. Через пару минут вы увидите, как эффективно это китайское изобретение. Я всегда находил, что китайцы — гениальный народ.

Мадлен уже начинала в том убеждаться. К местам, раздражаемым легкими прикосновениями бамбуковых прутьев, прихлынула кровь. Она струилась все жарче, и ягодицы девушки на глазах у затаивших дыхание зрителей покраснели. Кожа на них стала натягиваться, чувствительность ее возрастала с каждым новым ударом.

— Вот видите? — спросил Сен-Себастьян, опуская метелку.— Еще десять минут в том же духе, и попка нашей милой Мадлен увеличится вдвое. Она начнет испытывать жуткие муки даже от касания перышка или капли воды.

— Мы это сделаем? — алчно спросил Боврэ.

— Пока, думаю, нет. Но определенно попробуем это, прежде чем с ней покончить. Повышенная чувствитель-

ность ее ягодиц лишит нас множества удовольствий. Согласитесь, что развлекаться с особой, поминутно теряющей от боли сознание, довольно-таки скучно. Отложим китайскую плетть на потом.

Он собрался продолжить лекцию, но ему помешали. Французское окно, выходящее на террасу, с грохотом распахнулось, и в помещение ворвался Робер де Монталье. По полу веером разлетелись осколки стекла и обломки выбитых рам.

— Стоять! — крикнул Робер де Монталье, приставив мушкет к плечу и твердой рукой прицелившись в Сен-Себастьяна. Из-за его плеча с любопытством поглядывал на собравшихся граф Жервез д'Аржаньяк.

Мужчины, стоящие возле стола, пришли в явное замешательство, а Шатороз в испуге присел. Одного Сен-Себастьяна, казалось, ничуть не смутили новые обстоятельства — он, судя по искоркам, мелькнувшим в его глазах, даже развеселился.

— Добрый вечер, маркиз, — сказал барон, убедившись, что Робер не намерен спустить курок тут же. — Вижу, вы решили к нам присоединиться.

— Отойди от нее, негодяй!

— Ну уж нет. — Сен-Себастьян указал на Мадлен. — Ваша дочь — моя собственность, милый. Вы передали все права на нее мне, так что я могу делать с ней все, что угодно.

— Ты не можешь так поступать с ней, подлец!

В глазах Робера полыхнуло безумие, голос его сорвался на крик.

— Почему? Потому что тебе самому этого хочется? — Барон обвел рукой своих компаньонов. — Уверен, эти господа подождут. Ты получишь ее... после меня. Право, Робер, удовольствия я тебе не испорчу.

Он игриво подшепнул Мадлен, шлепок отозвался в ней болью. Она вскрикнула, Монталье задрожал.

— Отпусти ее, Клотэр, — хрипло сказал он. — Отпусти ее, и я останусь. Не важно, что вы потом будете делать со мной и как много времени это у вас займет. Я останусь.

— Конечно останешься, — любезно согласился Сен-Себастьян и в притворном удивлении склонил голову набок. — В самом деле, уж не думал ли ты, что тебе позволят уйти? Я полагаю, в письме все сказано ясно. Ты лучше других должен знать, что мои слова не расходятся с делом.

Жервез, по дороге успевший основательно приложиться к бутылке, подслеповато прищурился и вышел вперед.

— Боже святой, — с трудом выговорил он. — Что это вы тут творите?

— Готовим жертву к обряду.

Сен-Себастьян пренебрежительно отмахнулся от графа, что, впрочем, нимало того не смутило. С настырностью алкоголика, достигшего воинственной стадии опьянения, Жервез забубнил:

— Законами Франции возбраняется совершать такие обряды. Барон, позволяя себе подобные действия, вы можете оказаться в пренеприятнейшем положении. Немедленно развяжите ее.

— Уймись, Жервез, — огрызнулся Сен-Себастьян. — Сейчас говорят не с вами.

— Ах, сукин сын! — рывкнул вдруг д'Аржаньяк, выкатывая глаза. — Если все вдруг примутся раздевать благородных барышень, привязывать их к столам и пороть, до чего докатится наше общество? — В приступе праведного негодования он обвел взглядом присутствующих. — Согласитесь, нас ждет анархия, господа!

Не обращая внимания на нудеж перебравшего графа, Сен-Себастьян обратился к маркизу де Монталье:

— Я человек нетерпеливый, Робер. Чем дольше ты будешь продолжать всю эту мелодраму, тем менее я буду с тобой любезен.

— Отойди от моей дочери, — ледяным голосом произнес де Монталье.

— И не подумая.

Сен-Себастьян, не оборачиваясь, приказал:

— Тит, если этот глупец застрелит меня, я поручаю тебе расправиться с ним, но не сразу. Способ убийства мо-

жешь избрать сам. Остальным повелеваю повиноваться распоряжениям Тита.

Он дал слуге знак выйти из зоны прицела.

— Убийства,— заявил Жервез, хотя на него никто не смотрел,— подлежат разбирательству магистрата.— Он с достоинством повернулся и, хрустя битыми стеклами, двинулся к пролому в стене.— Задержите их, Робер.— Граф приостановился, покачиваясь и заложив руки за пояс.— Я погляжу, нет ли поблизости караульного офицера. Час, правда, поздний, но должен же кто-нибудь...

Сен-Себастьян, разматывая бич, произнес:

— Встаньте в сторону, господи.

Бич взвился в воздух как что-то живое и хищное, его тонкий кончик впился в горло Жервеза. Граф икнул и откатился назад, кровь залила его кружевное жабо. Сен-Себастьян подался вперед, словно рыбак, вываживающий крупную рыбу, затем резко дернул свое оружие на себя. В тишине, воцарившейся в комнате, раздался звук, похожий на треск сломанной ветви. Слово марионетка, у которой обрезали нити, Жервез рухнул на пол и там затих.

На мгновение все замерли. Затем с губ Робера сорвался вопль:

— Умри же, злодей!

Дуло его мушкета грозно качнулось. Раздался оглушительный грохот, порох взорвался, но пуля ушла в потолок, ибо проворство барона было ошеломляющим. Кончик его бича вырвал из рук Робера ружье, и оно с сильным стуком врезалось в шкаф со старинными музыкальными инструментами.

— Хватай его, Тит! — повелел Сен-Себастьян, свивая свое смертоносное оружие в кольцо.

— Сейчас, господин,— отозвался Тит, подступая к Роберу.

Мадлен, предупреждая отца об опасности, закричала.

Маркиз де Монталье отступил на шаг, напав на пояс шпагу. Клинок с легким лязгом покинул ножны, маркиз сделал выпад, и острая сталь вошла в грудь звероподобного холуя.

Тит взвыл, схватившись за лезвие, но по инерции продолжал наступать. Его натиск непременно смял бы маркиза, однако ноги слуги зацепились за тело Жервеза, и гигант повалился на пол, успев лишь свободной рукой хлестнуть противника по лицу.

Робер потерял равновесие и, поскользнувшись на залитых кровью осколках стекла, упал на одно колено, но тут же поднялся.

— Очень впечатляюще,— пробормотал Сен-Себастьян.— Что ты хотел доказать этим, Робер? — Небрежно поигрывая бичом, он смотрел на маркиза.— Неужто ты и впрямь полагал, что сможешь мне помешать?

— Проклятье...

Маркиза охватило отчаяние. Выбегая из дома сестры, он нисколько не сомневался, что сумеет вызволить дочь. Разве могут вырождение и порок противостоять силе отцовской любви? Стоит лишь взять негодяев на мушку, как зло вострепещет и обратится в ничто. Только теперь до него дошло, насколько был глуп этот план.

— Бедный Робер, такой добродетельный и наивный! — Сен-Себастьян жестом пригласил остальных мужчин полюбоваться на незадачливого маркиза.— Видишь, чем все закончилось? У меня была лишь она, а теперь есть и ты.

Он помолчал и спросил:

— Полагаю, вы сообщили супруге графа, куда направляетесь? Но... бедная женщина, кажется, овдовела. Вопрос мой не деликатен, прошу меня извинить,— барон повернулся к своим приспешникам.— Господа, не хочет ли кто-нибудь отвести его в комнату на конюшне? Там у меня прохаживается и Ле Грас. Правда, сейчас компаньон из него никудышный. Впрочем, вы ведь, Эшил, наверняка найдете способ развлечь нашего гостя, пока я не придумаю, как с ним поступить.

Глаза Эшила де Кресси загорелись.

— Маркиз весьма привлекателен, благодарю. Надеюсь, вы мне позволите провести с ним какое-то время?

Де Монталье побледнел, догадавшись, что его ожидает.

— Он не хочет!

Эшил пришел в полный восторг.

— Когда я с ним разберусь, он утратит строптивость.

— Не сомневаюсь,— кивнул Сен-Себастьян, подталкивая безгласного де Монталье к де Кресси.— Но для начала свяжите его... во избежание лишних сюрпризов.

Эшил захихикал.

— А может, заняться им прямо здесь — у нее на глазах?

— Мы это сделаем, но не здесь и попозже.

Барон протянул руку и сорвал с плаща Робера плетеные галуны.

— Вот. Вяжите покрепче. Не сопротивляйтесь, мой милый, иначе вашей дочурке несдобровать.

Маркиз покорно завел за спину руки.

Убедившись, что пленник надежно связан, Сен-Себастьян сказал:

— Здесь становится горячо. Нам следует перебраться в другое местечко.

Эшил надулся.

— Сколько у меня времени?

— Возможно, час. Но не больше.

— Прекрасно. Мне этого хватит,— де Кресси потащил пленника к выходу.— Я всегда ношу с собой небольшое шильце, маркиз. Вы поразитесь, узнав, для чего оно служит.

Мерзко хихикнув, он вытолкнул Робера из комнаты.

— Зачем нам перебираться куда-то, Клотэр? — спросил недовольно Боврэ.— Я не люблю прерываться.

— Я тоже, барон,— медленно сказал Сен-Себастьян.— Вот почему мы и уходим. В одну потайную часовню, служившую секретным прибежищем еще для маркизы де Монтеспан. Там нам никто уже не помешает.— Он повернулся к столу и взглянул на Мадлен.— Думаю, вы, я и она поедem в карете. Остальные последуют за нами верхом.

— Но, дорогой друг,— возразил де Ла Сеньи,— вы обещали дать нам какое-то время...

Сен-Себастьян кивнул.

— Да, обещал. И оно у вас есть. Я должен написать несколько писем. Позабавьтесь с ней, но осторожно, не причиняя большого вреда. Мучить и бить ее я запрещаю. Отвою каждому по четверть часа. Сначала вы, де Ла Сеньи, потом Боврэ, затем Шатороз. И помните: ей надлежит оставаться девицей.

Он повлек сотоварищей к выходу, с улыбкой бросив расплывшемуся в улыбке красавцу:

— Развлекайтесь.

Мадлен услышала, как захлопнулась дверь, и задержала дыхание. Лежа лицом вниз, она увидела, как туфли молодого аристократа переступают через валяющихся на полу мертвецов, и содрогнулась от отвращения.

— Де Ла Сеньи,— спросила она, стараясь говорить как можно спокойнее,— зачем вам все это? Неужели в вас нет ни капли стыда или сострадания? Подумайте, что с вами станет, когда эта история получит огласку?

Она ощутила жар, исходящий от ищущих рук, и услышала хриплый от нарастающего возбуждения голос:

— Огласки, моя дорогая, не будет. Не пройдет и недели, как все забудут о вас. Кроме того, вы — часть испытания. И, надо отметить, весьма приятная часть. Расслабьтесь, милая, вам тоже будет приятно.

Бесстыдные пальцы насильника впились в тело Мадлен. Де Ла Сеньи тяжело задышал, она не сопротивлялась. Все бесполезно, все безысходно, бороться уже ни к чему. В глаза ей бросилась скорченная фигурка Кассандры. Где Сен-Жермен? Почему он медлит, почему не идет? Девушка застонала и закусила губу, тиетно сясь забыться. Спасти ее уже попытались двое мужчин, но один из них теперь плавает в луже собственной крови, а второй захвачен и отдан во власть развратного негодяя. Мадлен зажмурилась и со всем жаром своей измученной и отчаявшейся души стала молить небеса ниспослать ей безумие.

Отрывок из письма барона Клотэра де Сен-Себастьяна к одному из своих сообщников.

Не датировано.

«...В эту потайную часовню можно попасть со стороны Сены. Она расположена в подземелиях монастыря, который веков пять назад процветал, а теперь развалился. Вход в секретный туннель находится на набережной Малакэ, между улицами де Сен-Пер и де Сейн. Он завален тяжелыми глыбами. Место сырое и мрачноватое, прихватите с собой дубинку — от крыс.

...Ходят слухи, что обряды, подобные нашим, творились там еще во времена короля-паука. Часовню определенно использовали и позже, поскольку о ней упоминает мадам Ла Вуазин, приближенная маркизы де Монтеспан, а план катакомб перешел мне от деда.

Отель “Трансильвания” выстроен прямо над ней, и я нахожу этот факт довольно забавным. Не символично ли, что именно под ногами веселящейся и утопающей в роскоши знати Парижа будут твориться самые мрачные ритуалы, наделяющие своих приверженцев могуществом куда большим, чем им может дать что-либо другое, включая монаршую власть?

Не исключено, правда, что в это убежище возможно проникнуть и из отеля, хотя я сам подобного пути не нашел и сомневаюсь, что он кому-то известен. Но, согласитесь, риск, что нас обнаружат, все-таки есть, и, чтобы его исключить, я буду вынужден наряжать караулы. Приготовьтесь: нести эти вахты в свой черед придется и вам. Впрочем, удовольствие от участия в подготовке жертвы к пиковому моменту обряда с лихвой компенсирует все неудобства. Даже мельком взглянув на нее, вы это тотчас поймете, а потому собирайтесь, не мешкая, круг вас зовет. Но будьте более чем осторожны. Вспомните, какой удар нанесла нам болтливость приспешников де Монтеспан.

Подобные письма я отправляю всем членам круга. Минула полночь, скоро пробьет час. Повелеваю вам к трем явиться в часовню. Если придете раньше — совсем хорошо.

Неявка будет расценена как непослушание, а вы ведь знаете, как поступают с ослушниками. Предавший круг все равно остается кругу полезным, правда уже в новом качестве, и если вы недогадливы, то я подскажу вам в каком.

Вернее, подскажет сам ритуал, ибо на алтарь сегоднешней ночью возляжет тот, кто нас предал.

За сим позвольте остаться вашим покорным слугой,

барон Клотэр де Сен-Себастьян».

ГЛАВА 9

Часы на отдаленной колокольне пробили час, когда впереди замаячило огромное мрачное здание. Сен-Жермен прищипорил берберского жеребца, на скаку изучая темнеющую громаду. Ворота, должно быть, заперты, подходы к ним, скорее всего, охраняются сторожами. Несколько окон светятся, это уже кое-что, одно — французское — кажется, даже открыто.

Граф придержал коня, обдумывая, не стоит ли ему воспользоваться этим окном, как вдруг завизжало железо. Створки ворот распахнулись, в темном проеме появились два всадника. Они прищипорили лошадей и поскакали к Парижу. Сен-Жермен, весьма довольный, что пребывает там, где находится, прижал своего бербера к кустам окружавшего здание парка.

Всадники промчались мимо него, в одном из них граф признал Шатороза. Дурное предчувствие, охватившее его в момент расставания с Клодией д'Аржаньяк, шевельнулось в нем с новой силой. Он хорошо знал людей этого ти-

па. Объяснить их странное бегство могло только неожиданное изменение планов.

Пока он размышлял, еще один всадник возник в воротах и поскакал в другом направлении.

Сен-Жермен не хотел рисковать, он не знал, сколько еще верховых может выплунуть в ночь этот двор. Граф повернул жеребца к кустам и заставил его углубиться в парк, благо в живой изгороди обнаружилась достаточная лазейка. Почувствовав, что с дороги его теперь не увидят, он спешился и привязал поводья к какому-то деревцу.

Свет в доме погас. Граф увидел мерцание фонаря — две, возможно, три темные фигуры направлялись к конюшне.

Он низко пригнулся, передвигаясь во тьме с почти нечеловеческой ловкостью. Когда фигуры исчезли в конюшне, Сен-Жермен побежал и остановился, лишь заскочив на террасу. Там он выждал какое-то время, прикидывая, последовать ли ему за людьми или войти в дом через французское окно, которое, как он теперь видел, было разбито.

Раздался шум, из конюшни выкатилась большая дорожная карета, влекомая четырьмя серыми лошадьми. Пятилистник на дверцах явственно говорил, что выезд принадлежит Сен-Себастьяну, на то же указывала и светлая масть лошадей.

Сен-Жермен побежал по террасе и пробрался через пролом в темную комнату. Он поскользнулся на чем-то липком и чуть не упал. Чувства его тут же воспламенились — это была кровь. Граф наклонился и оглядел валявшихся на полу мертвецов. В одном из них он опознал Жервеза.

Сен-Жермен замер в неподвижности, затем осенил крестным знаменем лоб злополучного игрока. «Глупец, о, глупец! Зачем ты меня не слушал?» Пора уходить, тут все ясно. Граф отступил к окну.

Из угла посыпался шорох. Он повернулся, готовый убить всякого, кто решится на него напасть, но тьма не атаковала. Приглядевшись, граф увидел женщину, лежащую у стены. Она с трудом шевелилась, пыталась сесть.

— Дитя... О, мое дорогое дитя...

Это была служанка Мадлен Кассандра, и, стараясь придать своему голосу самые дружелюбные интонации, Сен-Жермен произнес:

— Сударыня, я ваш друг. Теперь все в порядке. Злодеи ушли, и я хочу вам помочь.

Перепугавшись, Кассандра могла замкнуться, поэтому ее следовало как можно скорее успокоить.

— Я хочу помочь и Мадлен. Расскажите мне все, что знаете, и я обещаю вам ее разыскать.

Слезы хлынули из глаз служанки, она делала тщетные попытки сдержать их.

— Мадлен... Моя девочка... Они ее увели...

Бурные рыдания не давали ей говорить.

— Нет-нет, мадам,— мягко утешал бедняжку Сен-Жермен.— У нас ничего не выйдет, если вы будете плакать.

Он выждал еще пару невыносимых минут, пока Кассандра не нашла в себе достаточно сил для разумного разговора.

— Мне уже лучше, сударь,— едва слышно сказала она.— Но я умираю от страха. Барон...— Женщина затряслась, однако сумела взять себя в руки.— Сейчас, господин, я сейчас. Барон... он забрал с собой и Мадлен, и ее достойнейшего отца. Он сказал, где-то есть место... часовня... но... раз этот изверг ее посещает, она, должно быть, посвящена сатане, господин.

— Да, не иначе,— угрюмо кивнул Сен-Жермен.

— В этой часовне он хочет убить Мадлен и маркиза. О, моя девочка! За что тебе это, за что?!

— Он говорил о часовне еще что-нибудь?

Кассандра подавила рыдания.

— Он говорил, что ее использовала мадам Монтеспан.

— А где она расположена, он говорил?

— Нет,— губы Кассандры кривились от напряжения, крупные слезы текли по морщинистому лицу.

Сен-Жермен почувствовал, как занемела рука, на которую он опирался, и переменял позу. Пока он это проделывал, его осенила новая мысль.

— Здесь есть еще кто-нибудь? Какой-нибудь слуга или пленник, который может знать, куда отправился Сен-Себастьян?

Кассандра молча раскачивалась из стороны в сторону, морщась и еле слышно постанывая.

— Нет... они все ушли... хотя... подождите... Конюшня... Маркиза увели на конюшню... Там может быть кто-то еще...

— Хорошо. Вы очень помогли мне, мадам.

Сен-Жермен взял руки Кассандры в свои, отметив, как неестественно холодны пальцы женщины.

— Теперь я хочу, чтобы вы меня выслушали. Мне необходимо уйти, чтобы не упустить время. Вы останетесь здесь, но за вами придут. Вам не нужно бояться.

Он наклонился к ней.

— Сейчас вы отдохнете мадам, ведь вы так устали. Вы уснете спокойно и будете спать, забыв о своих страхах. Ни о чем не волнуйтесь и спите.

Граф положил ей на веки свою небольшую ладонь, и те покорно закрылись. Когда он встал, чтобы уйти, дыхание женщины сделалось ровным. С ней все будет в порядке, пора задуматься о другом.

Сдернув с окна пару вельветовых штор, Сен-Жермен накрыл ими останки Жервеза и малого в ливрее слуги.

Соблюдая все меры предосторожности, он прокрался к конюшне. Ворота ее были открыты, лошади нервно топтались в стойлах. Сен-Жермен положил руку на бок большого чалого мерина. Животное перебирало ногами, прижав уши к холке и выворачивая белки перепуганных глаз. Все попытки его успокоить оказались напрасными. Чалый не унимался, косясь на приоткрытую дверь кладовой.

Едва увернувшись от удара копытом, граф поспешил туда.

В небольшом помещении, озаряемом слабым светом единственного светильника, вкусно пахло седельной кожей.

Сен-Жермену всегда нравился этот особенный аромат. Но отдать ему должное сейчас не было никакой возможности. Мешало недвижимое тело, свисающее с оглобли, переброшенной через потолочные балки. Граф беззвучно присвистнул и зашагал к несчастному, надеясь, что тот, вопреки всяческой логике, все еще жив.

Лицо пленника, искаженное смертными муками, принадлежало Ле Грасу.

Маг шевельнулся, в горле его что-то забулькало, оглобля качнулась. Многочисленные ожоги на изувеченном теле сказали графу о многом; из страшных ран сочилась темная кровь.

Сен-Жермен замер посреди кладовой. Маг, кажется, испугался. Пусть успокоится, иначе от него ничего не добьешься.

— Ле Грас,— заговорил он через минуту.— Вы меня узнаете, Ле Грас?

Ле Грас захныкал.

— Ле Грас, куда они подевались? Где Сен-Себастьян?

— Я все сказал... не надо меня больше мучить...

— Вас больше не тронут,— морщась, пообещал Сен-Жермен.— Ле Грас, я — князь Ракоци. Вы меня узнаете? Отвечайте же! Где Сен-Себастьян?

Ле Грас уставился на стоящего перед ним человека. В глазах его промелькнула искорка узнавания.

— Сен-Жермен,— шепнул он одними губами.— Найдите их... Сен-Жермен...

Шепот его перешел в хрип, и маг потерял сознание. Тело страдальца обмякло и словно бы стало длиннее.

Сен-Жермен постоял с минуту, сжимая в бессильной ярости кулаки. Ждать было нечего, маг уже не очнется. Сен-Себастьян выиграл, ушел, ускользнул. Он повернулся и зашагал к выходу из кладовой, пытаясь смириться с горечью поражения. Ле Грас его явно узнал, он мог бы успеть что-то ему сказать, если бы вдруг не расхныкался так некстати. «Сен-Жермен... Найдите их... Сен-Жермен...»

Стоп! Тень, продвигавшаяся к воротам конюшни, внезапно застыла на месте. Ле Грас несомненно узнал его, но ведь он не знал его светского имени! Он видел перед собой князя Ракоци, а вовсе не Сен-Жермена! И значит, шепот его означал что-то другое, указывая не на имя, а на название. Пятачок между церковью Сен-Жермен-де-Пре и одноименным бульваром назывался Ле Фобург Сен-Жермен, а самым удивительным в этом открытии было то, что отель «Трансильвания» располагался именно там.

Граф помедлил мгновение и побежал к парку, где ожидал его застоявшийся берберский скакун.

Письмо графа де Сен-Жермена к его слуге Роджеру, написанное по-латыни.

Доставлено в 2 часа пополудни.

«5 ноября 1743 года.

Отбери двух надежных слуг и отправь их в особняк Сен-Себастьяна. Его владелец в отлучке, а сам я занят делами, с которыми необходимо покончить. Можешь послать туда также Доминго-и-Рохаса. Он понимает в медицине и травах. В кабинете, который легко найти по выбитому окну, находится служанка мадемуазель де Монталье Кассандра, жестоко избитая, но живая. Ей надо помочь. Там же, прикрытые занавесками, лежат два мертвеца: граф Жервез д'Аржаньяк и какой-то лакей. О них тоже следует подобающим образом позаботиться.

Но это не все. В кладовой на конюшне томится подвешенный за локти Ле Грас. Судя по его виду, Сен-Себастьян применял к нему щипцы Торквемады. Если он еще жив, пусть Доминго посмотрит, что можно сделать, дабы облегчить его страдания.

Помни, время не ждет, а потому постарайся действовать порасторопнее.

У меня есть все основания опасаться, что Сен-Себастьян скрывается либо в подземельях под нашим отелем, либо в катакомбах под церковью Сен-Жермен-де-Пре. Впрочем, в последнем я сомневаюсь, ибо земля там все еще свята.

Так что тебе во избежание лишней огласки следует удалить из здания всех гостей и рассчитать приходящих слуг. Скажи, что дом заражен (это отчасти верно).

Не пытайся мне помогать. Собери наши вещи и ожидай меня возле кареты, которую уже должен приготовить Эркуль. Ты больше нужен мне наверху, а не внизу. Помни об этом.

И еще. Помогни Саттину и другим благополучно выбраться из отеля. Дай им повозку, чтобы они вывезли все, что нужно, и тигль. Открой этим людям (в пределах разумного) правду. Они, если останутся, рискуют оказаться в ловушке.

Если мы больше не встретимся, ты знаешь, что делать. Проследи, чтобы место моего погребения оформили в точном соответствии с моими указаниями.

Сен-Жермен
(оттиск личной печати)».

ГЛАВА 10

Своды туннеля были влажны, ноги идущих скользили по слизи, в ноздри им ударяла жуткая вонь.

— Не уроните его! — крикнул Сен-Себастьян.

Эшил де Кресси, подпиравший плечи недвижимого пленника, тяжело вздохнул:

— Зачем вы дали ему наркотик? Можно ведь было просто связать его, а шел бы он сам.

— И попутно нашептывал вам комплименты на ушко?

Голос барона сделался ядовито-слащавым.

Эшил расхохотался.

— Вы бы послушали его в кладовой! Теряя свою невинность, маркиз весьма сокрушался. И проклинал, представьте, больше себя, чем меня!

Де Ле Радо, державший маркиза за ноги, заметил с неодобрением:

— Кое-кому хорошо хвастать своей удалей, особенно когда она никому не видна.

Он поскользнулся на ошметке какой-то тины и чуть не упал.

— Повнимательнее! — рявкнул Сен-Себастьян.

— Он чертовски тяжел, — капризно откликнулся де Ле Радо.

— Тем больше у вас причин смотреть себе под ноги, а не вступать в глупые перепалки!

Де Ле Радо вполголоса выругался, однако ухватил свокношу покрепче и весь остаток пути угрюмо молчал.

В подземном склепе воздух сделался чище и суше, поскольку Сена была уже далеко. В нишах, вырубленных в каменной толще, валялись частично мумифицированные останки монахов, усопших веков пять назад. Люди, пришедшие сюда после, надругались над ними. Они вырвали из иссохших пальцев распятия, заменив их деревянными фаллосами, и вывели сатанинские знаки на пожелтевших от времени черепах.

Сен-Себастьян поднял факел повыше и быстро прошел через усыпальницу к тяжелой двери в древней стене. Она выглядела явно моложе окружавших ее камней и была сплошь покрыта непристойными барельефами, недвусмысленно сообщавшими, в каких целях использовалось укромное помещение, находившееся за ней.

Заглянув внутрь часовни, Сен-Себастьян облегченно вздохнул и пропустил вперед побряхтывающих от напряжения спутников. Цели они достигли, дальше все обещало пойти как по маслу. Слежки за ними вроде бы не было, да и сюда, кажется, никто посторонний в последнее время не проникал.

Сен-Себастьян прошел вглубь часовни, освещая факелом грубые фрески, изображавшие действия, совершаемые приверженцами сатанинского культа над их жертвами. Он улыбнулся, разглядывая какой-то особенно мастерски написанный фрагмент, затем подошел к алтарю и обратился к угрюмо помалкивавшим мужчинам.

— Вот мы и на месте. Разденьте его и свяжите. Мне не хотелось бы снова его умирять.

Де Ле Радо, глядя в сторону, раздраженно пробормотал:

— Этим опять займусь, конечно же, я.

Он свирепо посмотрел на алтарь, на Сен-Себастьяна, на недвижимого человека, прислоненного к каменной глыбе. Все это как-то не очень сходилось с тем, что ему говорилось. Похоже, и впрямь его дядюшка изрядный враль и дурак. Наобещал с три короба разных разностей. Грандиозные церемонии! Изощренные удовольствия! Абсолютная безнаказанность! Беспредельная власть! А на деле приходится от кого-то таиться, перетаскивать непомерные тяжести, дышать вонью и сыростью да еще пресмыкаться перед луноглазым бароном, который ведет себя так, словно он король или архангел, а ты — распоследний мужлан. Хуже всего, конечно, эта мерзкая слизь. Прощай атласный камзол, прощайте парчовые туфли и чулки из белого шелка. Де Ле Радо вздохнул и в десятый раз пожалел, что не оделся попроще.

Крякнув, он подхватил со своей стороны тело де Монталье и взгромоздил его на алтарь, утешаясь тем, что и де Кресси вряд ли приходится легче. Вдвоем они принялись совлекать с маркиза одежды, что оказалось, к их удивлению, делом весьма непростым.

Сен-Себастьян тем временем бормотал заклинания, обходя все углы часовни и зажигая светильники и факелы. В подземелье стало гораздо светлее, но освещение было неровным, и роспись на стенах словно бы ожила. Барон усмехнулся, находя этот эффект довольно забавным.

Тут за дверью раздался какой-то шум. Сен-Себастьян прокричал пароль и прислушался. Отзыв был правильным, и барон откинул крючок.

На пороге стоял Жуанпор с Мадлен на руках. За ним в полумраке угадывались другие фигуры.

— Куда мы ее поместим?

Сен-Себастьян окинул безвольное тело изучающим взглядом.

— Думаю, мы должны привязать ее там, где ей все будет видно.

Он подошел к огромному перевернутому распятию, висевшему на стене.

— Оно не очень надежно, — сказал Жуанпор. — Она станет дергаться и может сорваться.

— Пожалуй, вы правы.

Сен-Себастьян еще немного подумал и указал на деревянный тяжелый щит, закрывавший угол, заваленный всяческим хламом.

— Отсюда она сможет беспрепятственно за всем наблюдать, а мы сможем поглядывать на нее. Лучшего, согласитесь, нельзя и придумать.

— Да, дерево прочное, — кивнул Жуанпор. — Отлично. Надеюсь, тут где-нибудь найдутся веревки?

— За алтарем. Возьмите их там.

Жуанпор снова кивнул и пошел к каменной глыбе. Там все еще возились де Ле Радо и Эшил де Кресси, опутывая веревками уже обнаженного пленника. Эшил трудился с прохладцей, игриво похлопывая лежащего, лицо его раскраснелось.

— Мы можем перевязать ему и еще кое-что. Я уверяю, это будет забавно.

Де Ле Радо бросил на сотоварища неприязненный взгляд.

— У вас в голове только похоть. Дело есть дело, ведите себя поскромнее.

Де Кресси захихикал. Смех этот сбил с мысли барона, перебиравшего в памяти наиболее трудные заклинания. Раздувая в ярости ноздри, он обернулся.

— Эшил, немедленно замолчите. Иначе я вас прогоню.

Эшил надулся, пожал плечами и неохотно вернулся к работе.

Новый стук в дверь, новый обмен паролями.

На этот раз пришел де Ла Сеньи. Он прищурился, нашарил взглядом Мадлен, усмехнулся и поставил на пол тяжелую сумку.

— Я принес облачения, мой барон. Вам остается только произнести ваше заклание.

Сен-Себастьян начертил в воздухе пентаграмму и произнес несколько странно звучащих слов. Затем он хлопнул в ладоши и негромко сказал:

— Господа, вы можете переодеться. Позаботьтесь, чтобы на вас не осталось светских вещей.

— Я сейчас.

Де Ла Сеньи шагнул в полумрак боковой ниши и через пару минут выскользнул из него переодетым в облачение круга. Оно напоминало сутану, но чересчур липло к коже и имело длинный — от шеи и до лодыжек — разрез, открывавший при движениях тело.

— Я отложил ваше платье. То, красное с кружевами. Я правильно поступил?

— Да. И если вы возьмете на себя труд установить этот факел у алтаря, я тоже переодеюсь. Браслеты на месте?

— Два серебряных и один из черного стекла. Они завернуты, как вы повелели.

— Рад слышать. Вам это зачтется.

Де Ла Сеньи усмехнулся.

— Меня сейчас манит только одно. Могу я надеяться на какие-то льготы?

Он небрежным кивком указал на Мадлен, притянутую веревками к доскам.

— Возможно. Раз Тит мертв, это вполне возможно.

Сен-Себастьян величаво кивнул и зашагал к нише.

Когда он вернулся, все члены круга уже ожидали его. Только подвыпивший Шатороз все еще продолжал возиться с одеждой.

— Узники пробудились?

Барон прошел к алтарю. Теперь он был просто великолепен. Полураспахнутый красный шелк облачения открывал взорам собравшихся стройное, мускулистое тело атлета, почти не затронутое годами. Властность, являвшаяся его главной чертой, вышла сейчас на передний план, ибо ее уже не скрадывал лоск светского одеяния. На груди главы сатанинского круга поблескивали зловещие символы: пентаграмма и перевернутый крест.

— Еще нет, но девушка просыпается.

— Их надо взбудить. Через четверть часа мы начинаем.

Сен-Себастьян отвернулся, казалось совсем не заботясь, выполняют его повеление или нет. Он был уверен, что выполнят: вокруг узников уже хлопотали.

Боврэ приосанился и, подступив к приятелю, развязно спросил:

— Ты доволен, Клотэр?

Сейчас этот низенький человечек вовсе не выглядел тем франтоватым глупцом, за какового многие его принимали. Облачение из черного шелка переменяло шута, в маленьких глазках светились жестокость и злоба.

— Я еще не вкусил ее. Но скоро. Скоро.

— Что насчет Робера? Ты подумал о нем?

— Ну разумеется, подумал.

Сен-Себастьян рассеянно потерял пентаграмму.

— Тебе это понравится, мой дорогой.

— Я надеюсь.

Боврэ придвинулся к собеседнику и еле слышно сказал:

— Этот мой племянник — он изрядный осел.

— Мне тоже так кажется, — промолвил Сен-Себастьян, склонив голову набок. — Создается впечатление, что он слишком глуп, чтобы жить.

— Совершенно с вами согласен.

Боврэ поклонился и отошел. Сен-Себастьян повернулся к узникам, которые все еще спали. Он вознамерился

выбранить своих подчиненных, но не успел. Несчастных уже поливали водой из кувшина. Девушка всхлипнула, маркиз замычал.

— Ну хорошо, господа. Время не терпит.

Он сделал два шага и хлестко ударил Мадлен по груди, потом, усмехнувшись, отвесил ей пару пощечин. Девушка вскрикнула и открыла глаза. На лице Сен-Себастьяна появилось довольное выражение.

— Да, дорогая моя, — сказал он тихо и вкрадчиво. — Это опять я. Я никуда не ушел, и ты от меня не сбежала.

Мадлен охватил ужасающий холод, способный, казалось, обратить в лед стекающие по ней струйки воды.

— Сен-Жермен, — прошептала она в отчаянии. — О, Сен-Жермен...

Сен-Себастьян изобразил на лице величайшее изумление.

— Ты тоскуешь по этому лживому щеголю? — Он поднял руку и ударил ее по лицу. — Теперь я твой хозяин! И зовут меня Сен-Себастьян.

Барон ущипнул пленницу за сосок, высокомерно выпятил челюсть и неспешно прошествовал к алтарю.

— Он тоже очнулся, — подобострастно хихикая, забормotal Эшил Кресси. — Стоит к нему притронуться, как он тут же шипит. Вот, поглядите!

Он ткнул пленника пальцем.

— Великолепно, Эшил. У вас будет возможность поучить его хорошим манерам.

Барон усмехнулся и возложил свою руку на холодные гениталии узника.

— Как грустно, мой друг, что я не могу предложить тебе одеяло. Но я обещаю, тебя скоро согреют. Не сомневайся и чуточку потерпи.

Он резко сжал пальцы, маркиз заскрипел зубами и плюнул. Сен-Себастьян отшатнулся и раздраженным движением отер со щеки слюну.

— Ты пожалеешь об этом, Робер.

Глава круга повернулся на каблуках и, вскинув руки, обратился к сообщникам:

— Мы собрались здесь с именем сатаны на устах, чтобы провозгласить хвалу силе его и величию. Дабы воссоединиться с повелителем нашим во власти, могуществе и одержимости, мы приносим ему эти жертвы!

— Эти жертвы, — эхом отозвались все.

— Кровь вырождения обогрит твой алтарь!

— Кровь вырождения!

Конечности Мадлен затекли, душа ее обмирала от ужаса. До сих пор мучители только глумились над ней, а к настоящим пыткам еще и не приступали. Неужели прямо сейчас все и начнется? И потом растянется на сорок долгих ночей? Мадлен не могла в это поверить. Кто-то должен прийти, кто-то должен спасти и ее, и отца — она знала, кто это будет. Но она боялась даже мысленно обратиться к нему, чтобы волна отчаяния, охватившая все ее существо, не загасила слабую искру надежды. А жуткое пение становилось все громче.

— Тот, кто предал тебя, лежит пред тобой!

— Лежит пред тобой!

— Он понесет наказание за свое двоедушие!

Сен-Себастьян вскинул кривой кинжал, его лезвие мрачно блеснуло.

— Понесет наказание!

Кинжал опустился. Барон точным движением вырезал на груди пленника пентаграмму.

— Он отмечен печатью твоей, сатана!

— Он отмечен!

Вопль торжества заглушил стоны несчастного.

— Ибо сила и власть принадлежат тебе одному!

— Сила и власть!

Мадлен затрясла головой, но вопли не умолкали. Она не смела взглянуть на отца, душа ее разрывалась от сострадания.

— Да вострепещет он перед гневом твоим!

— Да вострепещет!

Сен-Себастьян взмахнул ножом и вскинул над головой кровавый трофей — ухо Робера. Сатанисты завывали. Дикий вой нарастал как волна. Сен-Себастьян поднес ухо к губам и слизнул с него кровь. Беснующаяся толпа качнулась вперед, она была близка к истерии. Барон знаком призвал всех к молчанию и вновь поднял кинжал.

Однако ожидаемого эффекта не получилось: он был разрушен сторонним вмешательством.

— Рад, что я вовремя, джентльмены, — с легким пьемонтским акцентом произнес граф Сен-Жермен.

Облегчение, которое испытала Мадлен, ослабило ее так, что она обмякла всем телом и повисла в своих путах. Слезы, ничем уже больше не сдерживаемые, хлынули из глаз девушки, грудь пронзила острая боль, словно в нее вошел кинжал Сен-Себастьяна.

Собравшиеся обернулись, на лице каждого появилось выражение глупого изумления, какое частенько наблюдается у людей, пробудившихся от глубокого сна. Движения многих сделались неуверенными, сатанисты поеживались, переступая с ноги на ногу и опуская глаза.

Воспользовавшись минутой всеобщего замешательства, Сен-Жермен прошел к алтарю. Теперь никто не признал бы в нем недавнего утонченного сибарита. В неспешной походке графа проглядывала стать человека, побывавшего в переделках и готового ко всему. Эту решимость словно бы подтверждали тупоносые простые сапожки, кожаная широкая куртка и русская косоворотка, заправленная в черные бриджи. У него не было ни шпаги, ни иного оружия, и он был один.

Сен-Себастьян встретил незваного гостя яростным взглядом прищуренных глаз. Кивком головы барон повел своим приспешникам отступить на два шага.

— Князь Ракоци, — прошипел он, — а я все не верил. Я просто вас не узнал...

Сен-Жермен наклонил голову.

— Я говорил вам, что внешность обманчива.

— Но это было лет тридцать назад.

Барон подался вперед, сжимая в руке кинжал.

— Да неужели? Вы можете в том поклясться?

Если граф и подозревал, что ему угрожает опасность, то ничто в его поведении о том не говорило.

— Значит, это был ваш отец?

Сен-Себастьян чуть ослабил колени, готовясь к броску.

— Неужели я так изменился?

Сен-Жермен уже понял, куда он попал, как понял и то, что ему придется разбираться с врагом на его собственной территории. Он дотронулся до небольшой, похожей на медальон корбочки, висевшей у него на груди.

Барон уже завел кинжал за спину и метнулся вперед, но не встретил сопротивления. Сен-Жермен изогнулся, пропуская противника, и, ухватив его за плечо, рванул на себя, чтобы швырнуть на грудь скамеек, наваленных у задней стены.

Убедившись, что враг, основательно приложившись к скамейкам, затих, граф внимательно оглядел сатанистов. В глазах его замерцали темные огоньки.

— Как вы все же нелепы,— сказал он насмешливо,— как жалки в своих непотребных нарядах! У ваших птенчиков слишком хилые клювики, но вы все равно выставляете их напоказ. Вы не боитесь, что они могут слететь с насиженных мест?

Толпа обиженно заворчала.

Граф выждал с минуту и, когда неприязненный ропот утих, заявил:

— Вы глупцы. Неужели вам и впрямь кажется, что эти сборища способны вас чем-нибудь наделить? Могушеством, властью, сверхъестественной силой? Знаете, кто от всего этого выиграет? Только Сен-Себастьян! Именно его могушество возрастает, когда вы вершите мрачные ритуалы. Именно ему достаются обещанные вам богатства и власть. Он — господин, вы — чернь, вы — рабы. Попробуйте вдуматься в это.

Глазки Боврэ свирепо блеснули.

— Глупцы вовсе не мы. Глуп тот, кто осмелился прийти сюда безоружным. Жизнь ваша не стоит теперь и гроша.

Сен-Жермен взял в руку цепочку, свисавшую с его шеи.

— Да неужели, барон? Тогда взгляните на это. Вера, которой вы изменили, к вам не вернется, но память ваша все же должна хранить какие-то вещи. Это дарохранильница. Узнаете, Боврэ? Лучше оружия против вас нельзя и придумать.

Толпа, по которой пробежало волнение, вновь замерла.

— Вы спрашиваете себя, настоящая ли она? Подойдите и проверьте.

Он поднял дарохранильницу на уровень глаз.

— Если хотите, вы можете ее даже потрогать. Ожоги, я думаю, неизбежны.

Граф усмехнулся, заметив, что мужчины, к нему подступавшие, поспешили замешаться в толпу.

— Вижу, вы кое-что начинаете понимать...

Внезапный шорох, раздавшийся за спиной, заставил его вздрогнуть. Граф обернулся и проклял себя... Сен-Себастьян не расшибся. Кинжала, правда, при нем уже не было, но он стоял возле Мадлен, намереваясь воткнуть ей в горло обломок доски.

В этот момент сомнамбулический транс, удерживавший толпу от каких-то шагов, словно прорвался, и сатанисты с жуткими воплями кинулись на Сен-Жермена.

Отрывок из письма аббата Понтнефа к его кузине, графине д'Аржаньяк.

«5 ноября 1743 года.

...Всем сердцем своим я молю Господа, чтобы он вас утешил и дал вам узреть славу, ожидающую всех добрых христиан по ту сторону смертной тени. Я обязан составить это письмо, хотя перо выпадает из моих слабых рук и мне с трудом удастся сыскать слова, чтобы

победать вам о том, что случилось. Умоляю вас, соберите все свои силы, чтобы встретить ужасное известие с истинной стойкостью.

Менее часа назад за мной прибыла карета, чтобы отвезти меня в одну из церквей на окраине города, чем я был весьма удивлен, ибо находился в постели. Однако сан священнослужителя, который я ношу вот уже двадцать лет, не позволил мне отказаться от этого путешествия. Мы добрались до места, и меня, не мешкая, провели в святилище, где моему взору предстало ужасное зрелище. Там находились тела трех мужчин. Двоих из них — простолюдина в лохмотьях и лакея в либрее дома Сен-Себастьяна — опознать я не мог, ибо они были мне не знакомы, а потому и не сумел ничего о них сообщить доброму настоятелю этой церкви. Впрочем, поскольку Сен-Себастьян скандально известен и, несомненно, повинен во многих смертных грехах, то его слуги или приспешники вряд ли могут являться набожными людьми.

Третий же человек... Сердце мое замирает, не позволяя мне говорить... Третий человек был граф д'Аржаньяк, ваш дражайший супруг, которого вы любили всем сердцем и который всегда был для вас надежной опорой. Моя дальнейшая неприятная обязанность состоит в том, чтобы уведомить вас, что смерть его наступила не вследствие несчастного случая и не от недуга. Он был, о моя сестра во Христе и кузина, хладнокровно убит неизвестным лицом или лицами.

Настоятель церкви любезно позволил мне воспользоваться его кабинетом, чтобы я мог немедленно отпраздновать вам это известие. Он человек небольшого ума, но доброго нрава. Я сказал ему, что граф мне знаком и что лучше всего вам узнать об этой трагедии от того, кому известны многие обстоятельства вашей совместной с ним жизни.

Не позволяйте себе отчаиваться. Молитесь Деве Марии о спасении души вашего мужа. Вы увидите, что такое духовное занятие во многом облегчит ваше горе, которое в

ином случае способно убить вас. Я всегда отмечал, что Господь, сотворив женщину, прежде всего наделил ее слабостью, чтобы она постоянно нуждалась в поддержке или сторонней опеке. Великое утешение Святого Писания может вам укрепиться духом.

Я берусь проследить, чтобы тело графа немедленно доставили в храм, прихожанином коего он являлся, и уведомить власти о том, каковы были обстоятельства его безвременной гибели, после чего вы, возможно, позволите мне навестить вас, дабы мы вместе обратились к заветам Спасителя, утворяющим наши печали.

Во имя Господа нашего, который сейчас приветствует вашего возлюбленного супруга в раю, остаюсь вашим преданнейшим кузеном,

аббат Понтнеф С. Дж».

ГЛАВА 11

 Эркуль плотно закрыл филанчатую дверь дорожной кареты и удовлетворенно кивнул. Он выполнил все распоряжения графа, и у него еще оставалось время, чтобы помочь колдунам. Повозка, в которую они загружались, стояла на заднем дворе. Он обошел вокруг кареты, в последний раз проверяя упряжь, и нашел, что уздечка у правой пристяжной слишком туго затянута. Эркуль ослабил ее, похлопал серого в яблоках коренного и шумно вздохнул. Ему не терпелось поскорее взяться за вожжи, чтобы опять пережить щемящее чувство восторга, которым всегда щедро наделяли его стук колес, бегущие впереди лошади и ветер, бьющий в лицо. Кучер двигался неуклюже, словно вставший на задние лапы медведь, но... без костылей! С растяжками, которые даровал ему Сен-Жермен, Эркуль больше не был калекой. Он кликнул коныоха. Меньше чем через минуту на его зов явились два молодца.

— Осмотр карет не входит в мои обязанности,— холодно сказал им Эркюль.— Но все же я озабочен этим. Теперь ваш черед совершить что-нибудь дельное. По крайней мере, я хочу быть уверен, что кто-то присматривает за лошадьми.

Один из конюхов поклонился, другой просто кивнул и тут же съехал под грозным взглядом Эркюля.

— Время от времени я буду возвращаться, чтобы убедиться, что все тут в порядке,— предупредил он их и, качиваясь из стороны в сторону, поковылял к дверце в воротах конюшни. Ночь темная, думал он, наверняка вскоре пойдет дождь — о том явственно говорило поскуливание в поврежденных коленях. Граф сказал, что это поскуливание теперь останется с ним навсегда. Что ж, и суставы здоровых людей с возрастом начинают реагировать на погоду. Однако сегодня ночью ему особенно не хотелось испытывать какое-либо недомогание. Он нужен графу, им предстоит решительный бой. Кучер расправил плечи и зашагал к повозке, стоявшей у черного хода особняка.

— Добрый вечер,— приветствовал он Ифигению, пытавшуюся управиться с двумя поместительными корзинами, набитыми коробками самых разных размеров.

— Если бы кто-то действительно желал мне добра,— хмыкнула та,— он бы мне просто помог.

Втайне польщенный, что к нему обращаются как к полному сил человеку, Эркюль влез в повозку и втащил за собой корзины.

— Их лучше бы привязать. Иначе все эти коробки окажутся на дороге.

— Вот вы их и привяжите.

Он сноровисто справился с этой работой, затянув веревки тугими узлами.

— Что еще у вас будет?

Мадам Лэрре вздохнула и устремила на него недоверчивый взгляд.

— У нас еще несколько тюков и таких же укладок, ну и, разумеется, тигль. Старый мы оставляем, но новый...

Эркюль слез с повозки.

— Мне нельзя уходить от конюшни, но все, что вы принесете, я уложу.— Ему очень нравилась эта властная, хотя и не слишком приветливая мадам.— Скажите вашим приятелям, что наверху я справлюсь без них.

Но мадам Лэрре отнеслась к этой идее с сомнением.

— У нас очень сложное оборудование. Вы можете обойтись с ним... неправильно.

Эркюль улыбнулся.

— Я кучер, мадам. Я могу не разбираться, что там у вас к чему, но я лучше, чем кто-либо другой, знаю, как загрузить повозку.

Этот довод показался мадам Лэрре довольно веским. Она внимательно осмотрела бравого добровольца и дважды кивнула.

— Что ж, действуйте как находите нужным, дружище Эркюль.

— В таком случае расскажите мне, что из ваших вещей потребует особого обращения.

— Там много керамики и стекла,— сказала она медленно,— но опаснее всего тигль. Понимаете ли, внутри его жуткий жар. Процесс невозможно остановить, поскольку в тигле начали зарождаться алмазы. Он и снаружи страшно горяч. Князь снабдил этот тигль особой защитой, но все же...

Внезапно она осеклась, как видно решив, что и так наболтала много лишнего.

— Вы принесите мне... этот... ну, как его... а я разберусь, куда его поместить.

Эркюль произнес это уверенным тоном, хотя на деле не знал, как поступит, если штуковина и впрямь горяча.

— Вот и прекрасно,— ответила Ифигения, но тон ее был скептическим.

Когда она ушла вниз, Эркюль снова забрался в повозку и пребывал там, пока из темного дверного проема не вынырнул Роджер, влача три объемистых чемодана.

— Карета готова?

— Готова,— ответил Эркюль.— Можно ехать в любую минуту.— Его застали не там где надо, и он был слегка смущен.— Кудесники попросили меня присмотреть за их скарбом.

— У них теперь не хватает ни глаз, ни рук. После смерти Сельбье они совсем потерялись,— Роджер кивком указал на мрачный силуэт особняка.— Он странновато выглядит без освещения.

Эркюль посмотрел на темные окна и вслушался в тишину.

—словно огромный склеп,— пробормотал он.

— Интересно, что с ним теперь станет?

— Что бы ни случилось, я дал слово дожждаться графа — и дождусь, даже если сам дьявол сюда заявится и попробует меня припугнуть.

— Это весьма благородно,— сказал Роджер, покосившись на кучера.— Но лучше бы дело до этого не дошло.

Он иронически поклонился и потащил чемоданы к конюшне.

Через какое-то время Роджер вернулся и снова принялся вглядываться в безмолвную громаду особняка.

— Жуть берет,— прошептал он, зябко двинув плечами.

Эркюль услышал и отозвался:

— Он словно чего-то ждет.

— Вот именно... ждет.

Роджер опять поежился, стараясь прогнать неожиданный приступ уныния. Кряхтение англичанина, поднимавшегося из подвала, вселило в него бодрость.

— Вам помочь? — спросил он с облегчением.

— Спасибо сэр, это было бы кстати.

Бевебли Саттин, тяжело дыша, свалил со своих плеч поклажу.

— Двадцать семь ступеней,— сказал он, отдуваясь.—

Пришлось-таки попотеть.

— Сейчас мы одолеем последние шесть.

Роджер спустился к нему и подхватил огромный мешок.

Саттин поблагодарил его и волоком потащил оставшееся.

Когда этот груз был привязан, в царившую вокруг тишину вторгся звук, напоминавший гул несущегося в теснине потока. Мужчины вздрогнули и, охваченные неприятным предчувствием, повернулись к особняку. Звук сделался тише и стал походить на негромкое жужжание пчел.

— Это идет из отеля,— шепнул Эркюль.

— Из подвала!

Бевебли Саттин дернулся и побежал вниз по ступеням.

— Ты ведь не думаешь...

Эркюль, осекшись, умолк.

— Я думаю, лучше бы тебе, кучер, взобраться на козлы. Если это хозяин, мешкать будет нельзя.

Эркюль, не задавая лишних вопросов, слез с повозки и поспешил к конюшне.

Роджер остался на месте, пытаясь сообразить, что происходит. Звук не усиливался, не затихал, но по спине от него бежали мурашки. Что это? Отголосок жестокой битвы, идущей в толще земли? Он постоял с минуту, потом кинулся к лестнице и, скатившись по ней, ворвался в лабораторию магов.

Доминго-и-Рохас тревожно вскинулся, мадам Лэрре вздрогнула. Она как раз заворачивала в солому какую-то керамическую посудину и чуть было не уронила ее.

— Саттин,— произнесла Ифигения раздраженно,— тут у нас что, проходной двор?

Но Бевебли Саттин, корпевшей над связкой увесистых манускриптов, лишь отмахнулся.

— В чем дело, Роджер? — беспокоенно спросил он.

— Вы разве не слышите? — воскликнул Роджер в ответ.

— Не слышим чего?

Доминго-и-Рохас ткнул сапогом носилки, на которых уже стоял новехонький тигль.

— Этот шум. Этот звук. Здесь он громче,— Роджер уставился в пол.— Вы должны его слышать.

Алхимики замерли, затем Доминго-и-Рохас сказал:

— Это тигль.

Но в голосе его звучало сомнение.

— Посторонний шумок вроде бы есть,— неуверенно подтвердил Саттин.— Но это не тигль.

— Тут должен быть ход в катакомбы,— сказал Роджер, прислушиваясь к звуку.— Где он? Вы знаете? Отвечайте скорее!

— Князь что-то такое нам сообщал,— пробормотал Саттин, пытаясь собраться с мыслями.— Через Эркюля... Да, кажется, через Эркюля. Речь шла о каком-то люке в полу. В северной... Да, кажется, в северной части подвала.

— Так покажите же мне его! — закричал Роджер. Он уже был сам не свой, в нем разрасталась тревога.

Мадам Лэрре демонстративно вернулась к паковке.

— Вы можете искать что хотите, любезный, но у нас, простите, имеются дела поважнее. Нам нужно, чтобы все это оказалось в повозке и чтобы мы еще до рассвета успели отсюда убраться. Даже и не пытайтесь нам помешать.

Она раздраженно схватила обмотанный соломой кувшин и запихнула его в корзину.

— Но вы должны мне помочь! — простонал Роджер.— Хозяин в беде. Ему угрожает опасность.

Бевебли Саттин отложил в сторону книги.

— Я вас провожу,— пробурчал он, не глядя на Ифигению, и извиняющимся тоном добавил: — Это не займет много времени, и к тому же князь Ракоци так много сделал для нас.

— Ладно, ступайте,— смягчилась мадам Лэрре.— Надеюсь, у вас все получится.

Роджер растроганно взглянул на нее.

— Храни вас Господь, мадам.

И, сопровождаемый Бевебли Саттином, он растаял во мраке подвала.

Отрывок из письма герцога Мер-Эрбо графу Сен-Жермену.

«5 ноября 1743 года.

...Вашу поездку в Англию я нахожу весьма своевременной. Надеюсь, ваше любезное предложение все еще остается в силе и вы отвезете мою почту туда. Однако будет лучше, если прилагаемые к этой записке пакеты вы не доставите прямоком в дворцовую канцелярию, а вручите их моему другу, господину Уолполу, который отлично знает, как ими распорядиться.

...Я получил вашу записку еще вчера, но деликатный характер сообщений заставил меня задержаться с ответом. Я надеялся застать вас в "Трансильвании", однако отель закрыт по причине какой-то заразной болезни. Поэтому я беру на себя смелость передать свои письма вашему доверенному слуге.

Будучи там, вы, надеюсь, сумеете что-нибудь разузнать о положении Чарльза Стюарта, похоже всерьез нацелившегося на английский престол. Вопрос этот никак вроде бы не касается ни Франции, ни меня, однако наш возлюбленный и благочестивый король Людовик XV весьма им интересуется, и вы, наверное, догадываетесь почему. Во-первых, Чарльз Стюарт тоже католик, а во-вторых, его претензии на корону подкреплены более древними династическими связями, чем права его величества нынешнего короля Британии Георга II. Вы окажетесь в идеальной позиции стороннего наблюдателя. Любые сведения, которые вы сочтете нужным мне сообщить, будут мною приняты с искренней благодарностью.

Прилагаю к сему рекомендательное письмо для господина Саттина, который, по вашим словам, много лет обучался во Франции и преуспел во многих науках. Там я с большой похвалой отзываюсь о нем и выражаю надежду, что он будет весьма полезен тому, кто возьмет его под свое покровительство. Полагаю, милейший Саттин таков и в действительности и не подведет ни вас, ни меня.

...Однажды вы вскользя обмолвились, что хотели бы посетить Пруссию. Тут есть о чем призадуматься, летом мы можем обсудить поподробнее этот ваш план.

...Уже достаточно поздно, и меня, к сожалению, ждут другие дела. Желаю вам невязкой дороги и спокойного моря (со мной, увы, все происходит наоборот). С этой запиской и к ней прилагаемыми пакетами шлю вам свой нижайший поклон, ваш вечный должник

*Пьер Рене Максим Игнасий Ферран Вивьен
Лоран Монлютэн,
герцог де Ла Мер-Эрбо».*

ГЛАВА 12

 Кинувшись на Сен-Жермена все разом, служители сатаны устроили жуткую толчею, размахивая руками, вопя и мешая друг другу. Граф с легкостью отбивался от них, но не мог прорваться к Мадлен.

Девушка сжалась, готовясь к роковому удару, который должен был с ней покончить — в одно мгновение и навсегда. Страх не было, она ощутила лишь сожаление. Зачем Сен-Жермен берет ее, зачем не сделал вампиром? Тогда у нее имелись бы шансы вернуться и отомстить.

Однако судьба и без того явила ей милость. Сен-Себастьян толкнули, и он, споткнувшись, упал. Обломок доски ударился об пол и отлетел в сторону. Барон взвыл, глаза его бешено завращались. Чтобы не задохнуться от ярости, ему нужно было немедленно кого-нибудь растерзать.

Но это не представлялось возможным: Робер де Монталье, сползший с каменной глыбы, мертвой хваткой вцепился в лодыжку недавнего своего истязателя и со свирепым упорством тащил барона к себе. Вырывая руки из пут, маркиз до костей ободрал с них мясо, но хватку не ослаблял. Кровь, вытекавшая из обрубка ушной раковины, превратила его лицо в багровую маску.

Сен-Себастьян, пытаясь освободиться, отлагивался свободной ногой. Резкие, сильные, беспорядочные удары обрушивались на израненные предплечья маркиза, но Робер их словно не замечал. Он лишь вздрагивал, плотоядно облизывая кровавые губы, и закричал лишь однажды, когда на него набросился де Вандом.

Через миг юный герцог валялся у алтаря с перекошенным от изумления личиком. Руками он двинуть уже не мог. Сен-Жермен двумя быстрыми движениями вывернул ему оба предплечья. Стопы молодого распутника также были разmozжены: по ним прошлись тяжелые каблуки Сен-Жермена. Все, что мог де Вандом, это смотреть на Робера де Монталье, который, словно чудовище с полотна «Искушение Святого Антония»*, тянул к себе Сен-Себастьяна. Каждое движение его изуродованных рук сулило барону смерть.

Де Ла Сеньи ухватил графа за волосы, запрокидывая его голову, чтобы ребром ладони перешибить противнику горло. Через секунду в руке шевалье осталась лишь пустота, а его локти попали в стальные капканы. Их заводили за спину — все дальше и дальше. Раздался хруст. Де Ла Сеньи завопил. Сен-Жермен пинком заставил блестящего кавалера встать прямо и резким ударом колена сломал Донасьену хребет.

Сен-Себастьян напрягал все свои силы, но страшные руки Робера де Монталье неотвратимо подтягивали его к каменной глыбе. «Он перекусит мне плотку!» — подумал барон, безуспешно пытаясь цепляться за неровности пола.

— Сейчас я убью тебя, — медленно и отчетливо проормотал маркиз, словно бы прочитав его мысли, и барон содрогнулся. Он вдруг с леденящим ужасом осознал, что

* Антоний Великий (Антоний Святой) (ок. 250–356) — основатель христианского монашества. Отшельничал в пустыне египетской, где был искушаем бесами. Позднее стал почитаться покровителем больных и бедняков, а также домашних животных.

гибель практически неизбежна. Он понял, что чувствует жертва, влекомая к алтарю.

Жуанпор сорвал со стены два факела и выставил их перед собой наподобие коротких мечей. Вооруженный таким образом, он резво пошел в атаку. Перед лицом графа запылали ступки огня. Хрипы, вопли и брань неожиданно смолкли. Сатанисты отпрыгнули в стороны и замерли, наблюдая за поединком.

Сен-Себастьян воспользовался минутой затишья. Он дернул ногой и, собрав все силы, которые в нем еще оставались, отчаянно закричал:

— Да помогите же мне наконец!

На крик обернулись де Ле Радо и Шатороз. Они бросились к алтарю и, упав на колени, навалились на Робера де Монталье.

Мадлен наблюдала за схваткой с пугающим равнодушием. Как видно, страшное напряжение, не отпускаявшее ее в последние сутки, превысило некий допустимый предел. Все чувства в ней словно бы отказались работать. Ей приходилось убеждать себя, что все вокруг происходит взаправду, а не во сне, однако это не помогало. Из странного транса девушку вывело внезапное появление Эшила де Кресси. С тяжелой железной жаровней в руках он спешил на подмогу людям, насевшим на яростно от них отбивавшегося маркиза де Монталье. Мадлен вдруг страшно заволновалась и резко рванулась, проверяя на прочность свои путы. Потом рванулась еще и еще раз. После третьей попытки она заметила, что левый край цита, к которому ее привязали, слегка поддается. С мрачной решимостью она сосредоточила все усилия на том, чтобы расшатать подавшуюся доску.

Эшил Кресси пинком отшвырнул Шатороза, потом ударил де Ле Радо коленом в лицо. Вскинув над головой тяжелый железный ящик, он с безумным хохотом крикнул:

— Ты никому не достанешься, кроме меня!

Крик, несомненно, был адресован маркизу, после чего череп несчастного смяло в лепешку обрушившимся сверху железом, и Робер де Монталье окончил свой жизненный путь.

Сен-Себастьян мрачно кивнул.

— Отлично, Эшил. Поддела сделано.

Он взглянул на Сен-Жермена и указал на него рукой.

— Я хочу, чтобы прикончили и его.

И снова круг сатанистов начал сжиматься, но граф сохранял абсолютную невозмутимость, увертываясь от факелов, которыми все еще продолжал орудовать Жуанпор.

— Не давайте ему дергаться — и я его подпалю!

Гибель отца вновь ввергла Мадлен в состояние транса, но этот крик заставил ее встрепенуться. Сен-Жермену грозит опасность! Он ведь беспомощен перед огнем! Стоило ли прожить столь долгую жизнь, чтобы погибнуть так глупо? Девушку потрясла эта мысль, и она с новыми силами возобновила попытки освободиться.

Сен-Жермен отступал в угол, уходя от роняющих искры огней, но ретирада была всего лишь маневром. Когда его плечи коснулись стены, он внезапно бросился на пол и покатился к врагу. Проскользнув у противника между ног, граф толкнул его под колени и покатился дальше, а Жуанпор стал падать и всей своей тяжестью навалился на факелы, издавшие отвратительное шипение. Один из них острым концом проткнул ему бок. Яркое пламя охватило края шелкового облачения, раздался пронзительный вопль.

— Мадлен! — шепнул Сен-Жермен, вставая. — Мадлен!

— Сен-Жермен! — она заторопилась, освобождаясь от пут.

— Вы способны самостоятельно передвигаться? — спросил он, не спуская глаз с членов круга, которые вновь начинали подбираться к нему. Однако теперь перемещения их были весьма вялыми и походили скорее на имитацию наступления, чем на решительную атаку.

— Думаю, да.

— Соберите все силы. Вам надо отсюда уйти.

Граф ударил кулаком по щиту в том месте, где путы еще держались, — и дерево раскололось. Он поспешно снял с себя ладанку и надел ее на шею Мадлен.

— Вот дарохранильница. Они к ней не притронутся.

— Но что будет с вами? — встрепнулась она.

Граф нетерпеливым жестом отмахнулся от возражения.

— За нами в маленькой нише есть дверь. Она ведет в подвалы отеля. Оттуда по лестнице можно выбраться к черному ходу. Уходите, Мадлен.

— А вы?

Сен-Жермен посмотрел на нее, и на мгновение его темные глаза потеплели.

— Я никуда не денусь и скоро приду. Даю вам в том слово.

— Но Сен-Жермен, — пролепетала она, дрожа всем телом, и вдруг ощутила, что на ней нет ни нитки одежды, но это ничуть не смутило ее.

Он сделал губами движение, словно бы посылая ей поцелуй.

— Ступайте.

Голос графа звучал еще мягко, но во взгляде его уже прорезалась сталь. Он обернулся к подступающим все ближе врагам. Помедлив всего лишь мгновение, Сен-Жермен кинулся к ним.

Сатанисты испуганно отшатнулись, Эшил Кресси взвизнул.

Мадлен, спотыкаясь, побрела на предательски непослушных ногах вглубь часовни. В нише было темно, и обнаружить заветную дверь не удавалось. Девушка ощупью металась туда-сюда, придерживаясь за стенку. В ней нарастал испуг.

За ее спиной происходило нечто невероятное. Впервые за время схватки граф продемонстрировал нападающим свою исполинскую силу. Будучи человеком худощавым и невысоким, он поднял грузного Эшила в воздух, взяв того

наперевес, словно бревно, и этим импровизированным тараном двинул Боврэ в лицо. Ошеломленный барон отлетел к стене. Эшил пронзительно завизжал. Граф вскинул его над головой и с размаху ударил об пол. Визг оборвался, что-то чавкнуло, Эшил затих.

— Поберегите себя, олухи! — проревел Сен-Себастьян. Сатанисты охотно повиновались. После всего случившегося их боевой дух улетучился. Они прятались друг за друга, плохо соображая, что теперь предпринять.

Мадлен, продолжавшая бесплодные поиски, от ужаса и бессилия уже готова была разрыдаться, когда рядом послышался тихий скрип и непроглядный мрак рассекла световая полоска. Через мгновение дверь отворилась. На пороге стояли Роджер и Беверли Саттин.

— Слава Богу! — выдохнула Мадлен, падая в объятия англичанина.

В часовне воцарилась мертвая тишина, прерываемая только негромким еканьем, исходившим от тела Эшила де Кресси.

— Хозяин, — невозмутимо сказал Роджер, — думаю, ваша карета уже готова.

— Спасибо, Роджер, — ответил Сен-Жермен, восстанавливая дыхание, ибо беспутный муженек злополучной Люсьен оказался все-таки тяжеленек. — У меня еще есть тут кое-какие дела.

Роджер поклонился, потом показал пальцем на валявшегося в стороне Жуанпора:

— Тот господин, у которого загорелась одежда, он, кажется, устроил пожар.

Действительно, огромная груда скамеек, наваленных возле хода, ведущего в катакомбы, уже занялась, и пламя веером расходилось по обшитым деревом стенам. Головы всех находившихся в часовне мужчин повернулись к огню.

— Как видите, — заметил Роджер, хотя ситуация в комментариях не нуждалась, — выйти там теперь невозможно. Уйти можно лишь здесь...

Он сделал шаг в сторону.

Сен-Жермен кивнул.

— Я понял. Будьте добры, проводите мадемуазель до кареты. Я скоро приду.

Сен-Себастьян обернулся к Боврэ.

— Задержите их, дурень!

Боврэ, прихрамывая, побежал к двери, но та успела закрыться, и барону пришлось повозиться, прежде чем он сумел нащупать ее и вернуть в прежнее положение.

— Что ж,— злое еще пробормотал Сен-Себастьян. Он воздел руки и принялся творить заклинание. Пламя забушевало с удвоенной силой, переметнувшись на потолочные балки. Сен-Жермен осторожно двинулся к двери, но замер. Балки стали потрескивать. То ли от пассива барона, то ли от сквозняка, тянувшего из открытой двери, огонь распространялся с ужасающей быстротой. Взглянув на потолок, Сен-Жермен понял, что тот может обрушиться в любую минуту.

То же самое, как видно, пришло в голову и де Ле Радо, ибо он пискнул, съежился и проворно, как заяц, метнулся через все помещение к лестнице.

Если Сен-Себастьян и покорило столь трусливое поведение сотоварища, он ничем этого не выдал. Продолжая выкрикивать что-то злое еще, барон взмахнул рукой, словно бы рассекая объем часовни на две половины, затем сдвинул брови и повелительным жестом указал на Сен-Жермена.

Между дверью и графом с ревом взметнулось пламя. Шатороз, изрыгая проклятия, едва успел отскочить.

— Весьма жаль, но нам придется покинуть вас, дорогой граф, или князь, или кто вы там есть! — подал голос Сен-Себастьян, пытаясь перекричать рев огня. — Боюсь, исход нашей встречи уже предreshен. — Он ласково улыбнулся. — Уверен, у вас еще есть в запасе пара минут. Подумайте, каково придется вашим друзьям, когда мы их переловим.

Он отвесил издевательский поклон и направился к лестнице, дав Боврэ и Шаторозу знак следовать за собой.

Дверь захлопнулась, завизжал тяжелый засов. Сен-Жермен стоял недвижно, глядя на пламя. Оно пожирало убранство часовни, легко расправляясь с вещами, которым, возможно, было не менее тысячи лет. Жар обжигал легкие, не позволяя дышать; граф чувствовал, что его брови трещат, завиваясь в колечки.

Трепало и наверху. Времени на раздумья не оставалось. Отступив к алтарю, граф вскочил на него, присел и, сильно толкнувшись ногами, прыгнул вверх и вперед. Тело его сгруппировалось чуть ли не в шар и, сделав в воздухе пару переворотов, перелетело через стену огня. Он приземлился на ноги, упал на колени, но тотчас вскочил, кашляя и отплевываясь, чтобы освободить от едкого дыма легкие и гортань.

Послышался предупреждающий скрежет, часть потолка осела, на этом месте образовалась дыра. Свежий воздух, ворвавшийся внутрь горящей часовни, принес ему облегчение, однако жадное пламя забушевало втрое сильнее. Сен-Жермен постоял, прикидывая, есть ли у него шанс пробиться к подземному ходу, но со всех сторон на него надвигались дым и огонь. Медлить более было нельзя.

Заметив, что одну из рухнувших балок еще не тронуло пламя, Сен-Жермен приставил ее почти вертикально к стене и, перебирая руками, начал подниматься по ней. Жар становился невыносимым, от дыма слезились глаза, но он продолжал карабкаться вверх, понимая, что в этом его единственное спасение.

Оказавшись в подвале отеля, он услышал шум за стеной и понял, что опередил сатанистов. Сен-Жермен глубоко вздохнул и побежал на звук, надеясь перехватить их.

Ему повезло: он распахнул дверь лаборатории алхимиков в тот самый миг, когда туда с другой стороны входили Сен-Себастьян, Боврэ и Шатороз. Помещение было уже

пустым, маги забрали с собой практически все, кроме двух тиглей, топка одного из которых ярко светилась.

— Куда же вы, господа? — сказал Сен-Жермен. — Партию на середине игры не бросают. Ее следует довести до конца.

Шатороз замер, вытаращив глаза. Лицо его приняло выражение человека, в ужасе пробудившегося от ночного кошмара и обнаружившего, что реальность гораздо чудовищнее того, что он видел во сне.

Боврэ присел и вскинул руку к лицу, словно защищая глаза от вспышки нестерпимого света.

Но Сен-Себастьян улыбался.

— Я так не думаю, — сказал он и ринулся к ближайшему тиглю.

Что он собирался с ним делать, так и осталось тайной, поскольку, ухватившись за раскаленные кирпичи, глава сатанинского крута с воплем отпрянул и опрокинул печь. Раздался приглушенный треск. Стенки перевернутого тигля раздулись, потом выгнулись, расходясь и крошась, и все это странное сооружение внезапно со страшным грохотом взорвалось. Из раскаленного добела металлического сосуда хлынула огненная субстанция, основной составляющей которой была сложная комбинация углерода с азотом. Хищные язычки пламени отмечали путь зазмеившихся во все стороны ручейков.

В глазах Шатороза, на платье которого попали капли горящего вещества, засверкало безумие, в уголках его искаженных жуткой ухмылкой губ проступила пена. Дико вскрикнув, он пустился бежать в том направлении, откуда пришел. Навстречу ему катился огненный вал, и точно такой же вал вздымался за спиной Сен-Жермена. Пожар, вырвавшийся из катакомб, стремительно разрастался.

А в центре лаборатории пылал свой костер. Огненная субстанция, вылившаяся из тигля, воспламеняла вокруг все, что способно гореть. Там же, где на ее пути встречался камень или металл, она застывала, быстро светлея. Эти похо-

жие на капли морской соли образования тускло сияли в ласкающем их огне.

— Алмазы, — пояснил Сен-Жермен, обращаясь к Сен-Себастьяну. — Умирая, подумайте, в чем тут секрет. Возможно, вы его и раскроете.

Он уже направлялся к лестнице, ведущей наверх.

Стены лаборатории начинали обугливаться, комната наполнялась дымом.

Боврэ, стоявший у дверного проема, поглотившего Шатороза, вздернул нос.

— Алмазы? В чем дело, Клотэр? — спросил он. — Ты никогда не говорил мне о них.

Он закашлялся, прикрыл рот рукой, и его вырвало.

Сен-Жермен, успевший подняться на пару ступенек, остановился. Удовлетворенным взглядом окинув пылающее помещение, он пожал плечами и произнес:

— Вам, полагаю, все это должно нравиться. Единственное, чего мне жаль, так это Веласкеса. Досадно, что лучшие произведения гения погибли из-за таких ничтожеств, как вы.

Сен-Себастьян, изрыгая проклятия, побежал сквозь огонь, чтобы вцепиться насмешнику в горло. Языки пламени расступились и вновь сомкнулись — уже за его спиной. Они трепыхались, словно гигантские крылья.

Сен-Жермен расстегнул ворот рубашки и, сунув руку за пазуху, извлек оттуда небольшое золотое распятие, вдруг воссиявшее в его пальцах как маленькая звезда.

— Оно недавно освящено, — предупредил он нападавшего.

Но тот уже не атаковал. Барон как вкопанный замер на месте, заслоняя глаза рукой.

— Так-то верней, — кивнул Сен-Жермен. — В преддверии жизни вечной не следует суетиться. Прощайте, барон. А точнее, идите к дьяволу! Лучше тут, пожалуй, не скажешь.

Он пятился вверх по лестнице, держа распятие перед собой и осторожно нащупывая каблуками ступени. Сен-

Себастьян шел за ним. Стены узкого хода дымились и вспучивались, с них падала штукатурка.

Рев пламени нарастал, пожар прорывался выше. Двое мужчин, не сводящих друг с друга настороженных взглядов, хорошо понимали, что и над их головами уже бушует огонь. ОТЕЛЬ «Трансильвания» был обречен, но Сен-Жермен оставался спокойным. Казалось, его ничуть не заботило, удастся ему спастись или нет. Достигнув последней ступени лестницы, граф толкнул спиной дверь и, выскользнув в коридор, щелкнул задвижкой.

Обнаружив, что сияющее распятие ему больше не угрожает, Сен-Себастьян рванулся наверх, перескакивая через ступени. Схватившись за дверную ручку, он взвыл. Кожа с его ладони моментально сошла, и раскаленный металл зашипел в мякоти плоти.

Боврэ внизу коротко заскулил, отмахиваясь от пламени, загнавшего его в угол. Царапая горло руками, он захрипел, но дым сгустился, и хрипы вскоре смолкли.

Сен-Себастьян, изрыгая проклятия, все стоял возле запертой двери, вокруг него одна за другой расцветали гигантские огненные розы. Волосы главы сатанинского круга начинали дымиться, скручиваясь в мелкие завитки. Внезапно все его одеяние вспыхнуло и запылало. К огненным розам, заполонившим собой всю лестничную площадку, добавился еще один пляшущий яркий цветок.

Издав жуткий вопль, в котором уже не было ничего человеческого, Сен-Себастьян повернулся и с дьявольским хохотом покатился по лестнице вниз, полыхая и уменьшаясь в размерах, словно пылающая планета, погружающаяся в раскаленные недра превосходящего ее по размерам светила.

Эркуль и Роджер стояли возле кареты, наблюдая за набирающим силу пожаром. Они видели, как первые языки пламени показались в нижних окнах особняка. Они слышали грохот, с которым обрушился потолок подземной

часовни, а потом их потряс вырвавшийся из глубины здания нечеловеческий крик. Коротко переглянувшись, мужчины не сказали ни слова. Произнести что-то означало убить надежду, и они продолжали молчать.

Пожар поднимался все выше. Ни одно существо из плоти и крови не могло выжить в этом аду.

Мадлен стояла рядом со слугами. Черный плащ Сен-Жермена был великоват для нее, и она обернулась им дважды. Девушка как замороженная смотрела на горящее здание и тоже молчала.

Четверть часа назад мимо них пробежал де Ле Радо, потом — Шатороз. Платье его пылало, он пересек набережную Малакэ и бросился в Сену, однако что там с ним случилось, никто не пошел смотреть. Ждали другого, но тот почему-то медлил.

Огонь охватил игорные залы. Эркуль кашлянул и выдвинул подбородок вперед.

— Я обещал ему быть наготове и не сойду с этого места.

Роджер кивнул, повернув к кучеру осунувшееся лицо.

— Ты бы лучше завязал лошадям глаза. Иначе их не удержишь.

Эркуль ответно кивнул и пошел к нервничающим животным. Когда он их успокоил, пламя обьяло верхние этажи. Мужчины снова переглянулись. Мадлен молча заплакала, не стесняясь своих слез.

— Может быть, вы войдете в карету? — осторожно спросил Роджер.

— Нет, благодарю.

Эркуль взобрался на козлы.

— Я должен быть наготове. Вот — я готов.

Два огромных окна лопнули, и огонь заревел, торжествуя победу... Но победил не он.

С гребня крыши слетела веревка, по ней заскользила вниз какая-то маленькая фигурка, уворачиваясь от языков пламени с ловкостью, невероятной для человеческого существа. И все же это был человек. Граф спрыгнул на землю, выпрямился и запагал к карете.

— Хозяин! — вскричал Роджер, хватая его за руку.

— В дорогу, дружище! Стража скоро поднимет тревогу, нам надо с ней разминуться. Впереди у нас дальний путь.

Сен-Жермен взглянул на Эркюля, слезавшего с козел, чтобы развязать глаза лошадям.

— Вы молодчина.

Эркюлю хотелось ответить кратко, но вышло не так.

— Я всего лишь следовал вашим распоряжениям, сир. И повел бы карету в огонь, если бы в том возникла нужда.

Он помедлил.

— Сен-Себастьян?..

Сен-Жермен иронически поклонился.

— Боюсь, ваш прежний хозяин скончался.

Брови Эркюля сошлись к переносице.

— Я хотел помочь ему в этом.

Граф улыбнулся.

— К великому сожалению, он обошелся без вашей помощи. Но чего же мы ждем? Мадлен, дорогая! Почему вы здесь, а не в карете? Вам следует отдохнуть.

Мадлен в испуге отпрянула в сторону, боясь прикосновением или словом разрушить волшебный мираж. Граф здесь, он цел и говорит с ней — но это ведь невозможно! Это слишком прекрасно, чтобы оказаться реальностью. Пусть дольше продлится сон.

— Сен-Жермен? — прошептала она.

Он взял Мадлен за плечи и заглянул в ее заплаканные глаза.

— Со мной все в порядке, счастье мое. И с вами, похоже, тоже.

— Сен-Себастьян мертв?

Сен-Жермен оглянулся. Огерь «Трансильвания» пылал как огромный погребальный костер.

— Полагаю, да, — он мягко подтолкнул ее к двери кареты. — Садитесь же. Нам пора.

Она покорно вошла внутрь и там затихла. Граф, встав на подножку, крикнул Эркюлю:

— Особняк д'Аржаньяков!

Он махнул рукой Роджеру, уже гарцевавшему возле кареты на рослом выносливом жеребце.

— Я думала, Роджер повезет ваш багаж, — сказала Мадлен тихо.

— Я тоже так думал. Но это сделает Саттин.

Он закрыл дверь кареты.

Какое-то время они молчали, но дорога делала свое дело. Карета мирно покачивалась на ухабах, и стена отчужденности, возведенная между ними событиями этого ужасного дня, постепенно разваливалась, уступая место чему-то иному.

Наконец Мадлен решилась заговорить:

— Это было, наверное, не очень приятно?

Сен-Жермен повернулся к ней.

— Да.

— Понимаю.

Она внимательно оглядела свои ладони. Потом, не поднимая глаз, спросила:

— Так вы уезжаете?

— Как я и говорил вам, на время. Я в мае вернусь.

— Понимаю, — снова сказала она, едва удерживаясь от слез.

— Идите сюда.

Девушка не шелохнулась. Он пересел сам и обнял ее за талию, мысленно порадовавшись тому, что она не отталкивает его.

— В чем дело, Мадлен?

— Меня осквернили. Я вам отвратительна. — Ее всхлип походил на стон.

— Это не так!

— Они ничего не успели.

— Я знаю. Но это не важно.

Руки его скользнули под плащ, в который была завернута девушка, и замерли. Он понимал, что ей пришлось пережить. После того, что с ней проделали эти развратники, в Мадлен могло поселиться стойкое омерзение к ласкам

любого рода. Напряжение, вновь ее охватившее, нужно было немедленно снять.

— Что бы там ни было, обряд очищения совершен. Сен-Себастьян и его прихвостни понесли наказание. Они мертвы, но это тоже не важно. Ничто не может изменить мои чувства к вам. Ничто в целом свете.

Она пробормотала что-то неразборчивое и лицом неловко ткнулась в его плечо. Он нежно гладил ее под плащом, также шепча что-то невнятное и неслышное. Наконец она вновь подняла глаза.

— У вас все волосы опалены. И брови.

— В самом деле?

Он осторожно коснулся пальцами ее щек.

— Даже ресницы.

Она опять прижалась к нему.

— Я чуть вас не потеряла.

— Ну-ну, Мадлен. Все уже позади.

Он поцеловал ее, ему ответили поцелуем.

— Моя храбрая, моя стойкая, моя единственная Мадлен.

Она, судорожно вздохнув, вдруг отпрянула от него, глаза ее засияли как звезды. Он отстранился в недоумении, его удержали. С бесцеремонной решимостью, которую он в ней так любил.

— Вы сказали, что позволите мне кое-что перед вашим отъездом. Вы уезжаете. Чего же мы ждем, Сен-Жермен?

Он испытующе посмотрел на нее, она не смутилась. Нет, это уже не походило на детский каприз. Израненная, измученная Мадлен не собиралась сдаваться. Ее стремление было осознанным и шло из глубин существа. Она твердо знала, чего хочет, и вознамерилась своей цели добиться. Право на это давали ей только что пережитые кошмарные испытания, от которых он, как ни старался, не сумел ее оберечь. Сен-Жермен кивнул.

— Подберите ноги.

— Что?

Мадлен помрачнела. Странное требование наводило на мысль, что ее вновь решили оставить с носом. Она встрепенулась, готовая настоять на своем.

— Подберите ноги, Мадлен. Я не шучу.

Девушка нехотя покорилась и привалилась к стенке кареты, поджав под себя босые ступни. Граф, встав на четвереньки, дотянулся до противоположного сиденья и потянул его на себя. Сиденье скользнуло вперед и уперлось в диванчик, на котором они находились, в то время как спинка его опустилась и заняла горизонтальное положение.

Мадлен вдруг почувствовала, что к ней возвращается хорошее настроение, и рассмеялась, не сдерживая себя. Надо же, такой серьезный и сдержанный человек вдруг снабжает свою карету столь забавным устройством! Похоже, она совсем не знает его.

— Я часто сплю в дороге,— объяснил он, регулируя высоту подушек.

Мадлен с любопытством улеглась на это ложе и нашла, что составленные вместе диванные подушки представляют собой весьма удобный матрас. Она расправила плащ, накрылась им как одеялом и всем телом приникла к своему спутнику.

— Этим нельзя заниматься в спешке,— сказал он мягко.— Подождите, Мадлен.

Он вынул из шейной повязки булавку с рубином и сел.

Она провела пальцем по гладкой поверхности камня и спросила с благоговением:

— Что я должна делать?

— Потерпите чуть-чуть.

Граф снял с себя обгоревшую рубашку и отшвырнул ее прочь. Ночной воздух овевал его смугловатую кожу, по ней пробежала волна дрожи, однако причиной тому был вовсе не холод. Он осторожно вложил рубин в пальцы Мадлен и сжал их в своей руке. Взгляды встретились, острие булавки коснулось груди Сен-Жермена. Он улыбнулся и усилил нажим.

— Я не хочу причинять вам боль! — вскрикнула девушка, но опоздала: дорожка темной крови уже выступала там, где произошло острие.

— Мне вовсе не больно, — успокоил ее Сен-Жермен. Полуприкрыв веки, он откинулся на подушки.

— Вот все, что у меня есть. Возьмите все, дорогая.

Тон его голоса, глубокий и низкий, подсказал ей, чего от нее ждут.

Мадлен склонилась и припала губами к порезу, чувствуя сладкое замирание в области живота. Его руки не дали этому спазму улечься, но быстрыми обжигающими движениями вызвали к жизни череду новых упоительных содроганий. Мадлен затрепетала от натиска узких ладоней, она подалась всем телом навстречу ливню дерзких касаний, а те все убыстрялись, нагнетая в ней жар. Наконец, когда, казалось, сам воздух кареты загудел от вибраций, произошло желанное извержение. Оно длилось вечность, другую, третью, однако Мадлен не прервала поцелуя, она не могла насытиться, она пила и пила. Он входил в нее глоток за глотком — его жажда, его одиночество, его вечный поиск понимания и тепла... Солоноватая струйка все не кончалась, но это... Мадлен вдруг вскинула голову и замерла... Это была всего лишь односторонняя связь.

Она откатилась к стенке кареты, он потянулся за ней.

— Мадлен, что случилось?

Она промолчала, Сен-Жермен задрожал. Внезапно его охватил ужас. Значит, кошмар для нее не развеялся, значит, душевные раны девочки глубже, чем он полагал? Ей неприятны его объятия, она содрогалась от отвращения, но по своей доброте терпела их сколько могла...

Затем он увидел, что Мадлен подносит булавку к своей левой груди. Быстрым движением девушка рассекла кожу. Глаза ее вспыхнули, она рассмеялась и, передвинувшись выше, прижалась к избраннику своего сердца. Сен-Жермен облегченно вздохнул: его не отвергли. Его побуждали к дальнейшему, предлагая себя...

Ни грохот колес, ни окрики ночных патрулей, ни ночной холодок, залетающий в вентиляционные щели кареты, не могли оторвать любовников друг от друга. Тела их сплестились и расплелись, изнемогая от сладких конвульсий... Пережитое было забыто, в целом мире существовали только они и окрыляющий их души экстаз.

Когда наконец карета подъехала к воротам особняка д'Аржаньяков, позвякивание упряжи показалось Мадлен похоронным боем колоколов.

Он чувствовал, что девушка готова заплакать, и снова обнял ее.

— Мадлен, не грустите. Когда я вернусь, мы повторим все это несчетное количество раз.

Шепот его звучал как ночной ветерок в летней листве.

«Дай же тысячу сто мне поцелуев, снова тысячу дай и снова сотню», — вспомнилось ей.

— Простите, хозяин, — извиняющимся тоном сказал Роджер, наклоняясь к окну кареты. — Мы не можем здесь оставаться.

— Я знаю, — кивнул Сен-Жермен.

Он сел, стараясь не смотреть на Мадлен, и принялся приподнимать сиденья в прежнее положение. Справившись с этой задачей, граф глухим голосом произнес:

— Ступайте, Мадлен. Ступайте. Я буду писать вам часто и отправлять письма с нарочными. Мы увидимся в мае. Это не так далеко.

— В мае, — повторила она.

Роджер уже открывал дверь кареты.

Девушка плотнее закуталась в плащ, но не из стыдливости: ей хотелось унести в складках одежды частицу его тепла. Она подняла взгляд и протянула к нему руки.

— Я рада тому, что мы сделали. Теперь вы во мне.

Он в сильном волнении сжал ее пальцы.

— Я тоже счастлив, Мадлен. Разлука пройдет быстро.

Она спустилась с подножки на мокрую мостовую.

Ночное небо было усыпано звездами, ее волосы шевелил предутренний ветерок.

— В мае,— повторила она еще раз.

Сен-Жермен наклонился, не выходя из кареты, и крепко поцеловал ее в губы. Потом двумя легкими поцелуями коснулся ее глаз.

— Теперь ступайте, Мадлен. Я больше не в силах выносить эту муку.

Мадлен кивнула и сошла на обочину, одной рукой придерживая полы плаща, а другой посылая прощальный привет. Она улыбалась, провожая взглядом карету, скачущего рядом с ней Роджера и сидящего на козлах Эркюля, куда выезд не скрылся за поворотом и не пропал из виду.

Отрывок из письма графини д'Аржаньяк к маркизе де Монталье.

«15 ноября 1743 года.

Я скорблю вместе с вами, моя дорогая сестра. Вы потеряли мужа, я — брата, Мадлен — заботливого отца. Я постоянно оплакиваю нашего дорогого Робера и поминую в молитвах, но ни слезы, ни поминания нам его уже не вернут.

Аббат Понтнеф, наш кузен, сообщил мне, что Робер перед смертью примирился с Богом и что мученичество, которое он претерпел ради своего чада (Мадлен очень скупо рассказывает о событиях той ужасной ночи, но все же достаточно, чтобы понять, что жизнью своей маркиз выкупил ее жизнь), непременно дарует ему место в сонме святых. Если это доставит вам утешение, могу сообщить, что граф Сен-Жермен прислал аббату деньги из Англии — в оплату служб за упокой души Робера, погибшего на его глазах. Именно граф, как вы, наверное, знаете, и спас Мадлен из огня.

Мужайтесь, дорогая сестра, ибо несчастья словно бы сговорились преследовать нас. С большим прискорбием

я вынуждена сообщить вам, что здоровье Мадлен изрядно подорвано пережитым. Так в один голос говорят и священники, и врачи. Разум нашей девочки, слава Богу, не пострадал, но душа ее теперь омрачена постоянной печалью. Чтобы отвлечься, большую часть времени она проводит в учении, сидя над книгами даже ночами. Пуще всего ее интересуют история и иностранные языки. Вот странность: при всем при том красота Мадлен не угасла, а вроде бы даже и расцвела. Этот блеск синих глаз, этот легкий румянец на щеках словно бы сообщают всем, что девочка совершенно здорова. Но это не так. Андре Шенютонн, весьма сведущий и опытный врач, утверждает, что именно эти признаки и указывают на то, что недуг развивается, чтобы в скором времени свести бедняжку в могилу.

Я делаю все возможное и сделала бы в сто раз больше, если бы знала, что может ее спасти. Но таких средств еще не придумано. Священники и доктора разводят руками.

Пожалуйста, Маргарита, позвольте ей остаться со мной. Я буду постоянно при ней, ибо теперь не нахожу нужным появляться на людях. Молва зла, смерть моего мужа вызвала в обществе множество пересудов, сплетни не затихают по сей день. Мадлен не проживет и года. Я стану за ней ухаживать и приложу все силы, чтобы скрасить ее последние дни.

Не знаю, доставит ли это вам какое-либо удовлетворение, но Сен-Себастьян и большинство его гнусных приятелей погибли в огне, уничтожившем отель “Трансильвания”. Несколько священнослужителей из Сен-Жермен-де-Пре исследовали пожарище, но не нашли достаточного количества костей, чтобы составить скелет хотя бы одного человека. На том месте они отслужили всенощную и провели обряд очищения, так что всякая нечисть, там остававшаяся, отправилась прямо в ад.

...Прошу, не задерживайтесь с ответом, ибо девочка хочет знать о вашем решении. Могу лишь добавить, что она присоединяется к моим просьбам. Впрочем, о том лучше скажет ее собственное письмо.

Не хочу более вас расстраивать, но подумайте, каковы вам будут после кончины супруга наблюдения, как медленно умирает ваша единственная дочурка. Это слишком тяжелое бремя для одного человека, а потому я вновь умоляю вас: позвольте Мадлен остаться со мной.

Пребывающая в бездне печали и скорбящая вместе с вами, ваша любящая сестра

Клодия де Монталье,
графиня д'Аржаньяк».

ЭПИЛОГ

I Письмо Мадлен де Монталье к графу де Сен-Жермену, написанное на ломаном арабском и доставленное ему лично английским ученым Беверли Саттином.

«29 апреля 1744 года.

Мой Сен-Жермен!

Ваш подарок в полной сохранности доставил мне наш добрый Эркюль. Я просто поражена. Как может зеленый халцедон делаться в ином освещении красным? Уверена, что в свое время вы сумеете объяснить мне и это.

Как видите, я следую вашим советам и непрестанно учусь. Арабский кажется страшно трудным, и письмо мое наверняка составлено неуклюже. Но я надеюсь его освоить так же хорошо, как и вы.

Шенбрюнн снова ко мне заглядывал, с ним был аббат Понтнеф. На их вытянутые физиономии забавно смотреть. Я чувствую себя просто великолепно, мне иногда хочется им крикнуть, что никто тут не собирается умирать. Но тем не менее я умираю. Это легко — не трудней, чем выдерживать дни разлуки. К концу лета я буду в могиле. Я это знаю...

Как странно произносить эти слова и осознавать, что они не пугают меня. Май рядом, вы вернетесь в Париж. Вы должны обещать мне свидание. Вы не можете мне в нем отказать. Я сгораю от нетерпения. Врачи говорят, что живой румянец и блеск в глазах — симптомы недуга. Что они знают? Это ваша кровь играет во мне, это она тянет меня к земле с той же неумолимостью, с какой солнце клонит к закату. Но мы по этому поводу не грустим, мы знаем, что восход неизбежен. Май подарит нам несколько радостных дней, затем я сойду в землю.

Что за печаль? Ведь там когда-то побывали и вы! Это знание греет меня и дает мне силы надеяться на возвращение.

Я приму эту участь с восторгом. Мне больше не придется бояться скоротечности дней, у меня будет время изучить, испытать, увидеть, познать все, что только возможно. Вы говорите, плата за то — одиночество, но я в это не верю. Я всегда буду стремиться в ваши объятия и непременно достигну того уровня восприятия, который делает вас тем, что вы есть. Благодаря вам и жизнь моя, и предстоящая смерть наполнились смыслом.

В исторических книгах я читаю о войнах, о разрушениях, о насилиях и грабежах и задыхаюсь от отвращения. Глупость, бессмыслица, кошмарный круговорот! Можно подумать, что удел человечества — питаться собственной падалью. Целые страны гибнут ради чьей-то забавы!

Размышляя об этом, я прихожу к выводу, что в мире много вещей гораздо более худших, чем мы — вампиры.

Познать вашу свободу... Жить кровью, которая берется и отдается в любви...

Сен-Жермен, я изнываю от жажды!..

До скорой встречи, и не вздумайте от нее уклониться!

Вечно ваша
Мадлен».

Примечания

ОТЕЛЬ «ТРАНСИЛЬВАНИЯ»

Отель (особняк) «Трансильвания», построенный во время правления Людовика XIII, стоит и поныне по адресу: набережная Малакэ, 29, в предместье Фобург Сен-Жермен. Свое имя он получил от князя Ференца Леопольда Ракоци*, который проживал там с 1713 по 1717 год, принимая некоторое участие в борьбе за испанское наследство.

Свою известность этот отель получил в основном потому, что аббат Прево упомянул о нем в повести «Манон Леско», которая впервые была опубликована в 1728 году, но сохранила популярность по сей день благодаря по большей части операм Массне и Пуччини, написанным по мотивам вышеуказанной повести (на самом деле существуют четыре подобные оперы, но широко известны лишь две).

Среди других знаменитостей, некогда проживавших в отеле, можно назвать герцогиню де Грамон (в 1724 году), а гораздо позже (в 1869—1892 годах) там поселился маркиз де Блоквилль, после чего означенный особняк стал ассоциироваться со всем, что прекрасно в живописи и литературе. Стоит, пожалуй, отметить, что в самом начале своей истории, еще будучи безымянным, это здание принадлежало Марешалю де Талларду.

* Ракоци Ференц (1676—1735) — видный участник национально-освободительного движения Венгрии, направленного против господства Габсбургов. Поддерживал тесную связь с Петром I. В 1706 году избран князем Трансильвании, в 1707-м провозглашен главой Венгерского государства. Начиная с 1711 года эмигрант.

ГРАФ ДЕ СЕН-ЖЕРМЕН

Впервые он появился в Париже в мае 1743 года. Владелец колоссального состояния, человек великой учености, с прекрасными манерами, окруженный вуалью таинственности. Он тут же стал чрезвычайно заметен: ему открывались все двери. Его пристрастие к драгоценностям бросалось в глаза даже в тот век умопомрачительного роскошества. Поговаривали, что он сам выращивает алмазы. Два-три раза граф одалживал у знакомых бриллианты и возвращал им камни больших размеров, утверждая, что увеличил их способом, известным лишь ему одному.

Одевался граф преимущественно в черно-белое, хотя наряды кавалеров тех лет переливались всеми цветами радуги. Одежда его всегда была высочайшего качества и безупречно опрятна, что впечатляло многих (Фридриха Великого*, например). Будет нелишним прибавить к тому, что для верховой езды он держал только лошадей серой масти; что же касается принадлежащих ему экипажей, то все они выглядели всегда модно и были превосходно оснащены.

Перу графа приписывают труд «Трисвятая троемудрость», к которому он, возможно, отношения и не имеет, однако там фигурирует его печать (солнечное затмение с распростертыми крыльями) и содержатся некоторые идеи, очень похожие на те, что им прилюдно высказывались. От Казановы** и Уолпола*** известно также, что Сен-Жермен был практикующим алхимиком, и притом неплохим. В 1750-х годах, проживая в Гааге, он приобрел атанор (особым образом устроенный тигль) и установил его в доме, где снимал две комнаты для алхимических опытов.

* Фридрих II Великий (1712–1786) — начиная с 1740 года прусский король, создавший сильную армию, основанную на муштре. Вел ряд войн, позволивших ему значительно расширить территорию Пруссии.

** Казанова Джованни Джакомо (1725–1798) — итальянский писатель, известный двенадцатитомными «Мемуарами», в которых он описал свою бурную жизнь, полную любовных приключений.

*** Уолпол Горас (1717–1797) — английский писатель, один из родоначальников литературы «кошмаров и ужасов».

Музыка — вот истинное пристрастие Сен-Жермена, и встреча с Рамо, описанная в самом начале романа, действительно имела место в 1743 году. Загадочный граф написал несколько небольших опер, одна из них — «Персефона», упомянутая в связи с именинами Мадлен, — может быть датирована никак не позднее 1750 года. Кроме того, Сен-Жермен прекрасно играл на виолончели, арфе и гитаре, а также пел высоким приятным голосом (тембр его остался нам неизвестен). Он слыл опытным импровизатором и иногда аккомпанировал другим исполнителям на клавесине. Известно также, что ноты его сочинений собирал Петр Чайковский.

Что касается внешности, то граф был человеком среднего роста и возраста — с небольшими руками и ступнями, с темными волосами и пристальным взглядом темных загадочных глаз. (Глаза отмечают все, кто о нем поминает.) Таковым он и оставался с 1743 года до своей предполагаемой кончины, датируемой 1786 годом. Промежуток немалый, чтобы всегда выглядеть на сорок пять. Граф утверждал, что за его спиной три-четыре тысячелетия, и говорил, что столь долгой протяженностью жизни он обязан «живой воде».

Была в нем какая-то тайна или нет, небезынтересно отметить, что он очень редко ел (если ел вообще), а вина в рот не брал ни при каких обстоятельствах.

Плюс ко всему вышесказанному Сен-Жермен был восторженным покровителем многих искусств, а в живописи более всего ценил полотна Веласкеса. Он и сам рисовал, и довольно неплохо, хотя его опыты в этой области нельзя назвать выдающимися. Впрочем, особенный блеск и внутреннее свечение этих работ выделяют их из ряда подобных. Его часто просили раскрыть свой секрет.

Будучи одаренным лингвистом, он владел по меньшей мере двенадцатью языками, в том числе русским, арабским, китайским. Откуда он родом — огромный вопрос. Сен-Жермен с большой долей вероятности мог быть млад-

шим сыном князя Ференца Леопольда Ракоци из Трансильвании. Если это так, то его учил Жан-Гастон де Медици, и тогда по приезду в Париж ему было около тридцати. Уолпол в одном из своих писем перечисляет различные версии происхождения этой таинственной личности, из которых можно выделить следующие.

1. Он — польский аристократ-заговорщик.
2. Он — португальский еврей.
3. Он — итальянец, выгодно женившийся, а потом убивший свою жену.
4. Он — незаконнорожденный сын Папы Римского.
5. Он — развлекающийся русский боярин.
6. Он — австрийский торговец бриллиантами, шпионящий в пользу Франции.

Есть вероятность, что Уолпол и Фрэнч (а возможно, и Фридрих Великий) использовали Сен-Жермена как неофициального дипломатического курьера, ибо он подвизался при многих европейских дворах, несомненно имея доступ к самым высокопоставленным личностям своего времени. Фридрих Великий в равной мере ценил в нем таланты как придворного, так и музыканта и называл бесмертным.

Не раз засвидетельствовано, что он одинаково хорошо владел как правой, так и левой рукой и охотно демонстрировал свое умение одновременно писать и письмо, и его копию. Искуслики подобного рода встречаются, но даже их удивляет тот факт, что подписи под составленными таким образом документами неотличимы одна от другой. Это важно, поскольку не дает пищи для разногласий. Например, имеются два его письма, которые датируются 1791 и 1793 годами. Они доставлены адресатам соответственно пять и семь лет спустя после предполагаемой кончины их составителя. Получатели писем не усомнились в подлинности пришедшей корреспонденции, ибо подпись графа была хорошо им знакома. Известны также по крайней мере три человека, видевшие Сен-Жермена и говорившие с ним в 1793, 1796 и 1802 годах.

Итак, кем бы на деле ни был этот загадочный господин, он преуспел в том, чтобы сбить с толку всех, и тайна его до сих пор не раскрыта.

ВАМПИРЫ

Размышляя над тем, какие свойства, приписываемые вампирам, наиболее достоверны, я перерыла множество доступных мне книг — от солидных трактатов до свидетельств не слишком-то образованных очевидцев. Я составила таблицу характеристик и то, что сходилось в ней для 80 процентов культур, решила принять за истину и использовать в своем романе. Мои заключения таковы: хотя вампир и испытывает потребность в крови, ею он не питается. Поскольку вампиры не переваривают пищу и не испражняются так, как простые смертные, кровь нужна им для чего-то другого. Очевидно, что потребление этой субстанции не относится и к деятельности кровеносной системы, ибо, как можно предположить, большая часть ее функций переходит к системе лимфатической, что, кстати, отчасти оправдывает их повышенную чувствительность к солнечному свету. (Хотя такие известные всему миру вампиры, как Дракула или лорд Рутвен, преспокойно разгуливали под солнцем — и хоть бы что!) Кровь для вампира если и пища, то в самых минимальных пределах, и без нее как таковой он может вполне обойтись.

Другое дело — психическая составляющая вампиризма. То, чего жаждут вампиры, это не кровь, а жизнь. («Ведь кровь — это жизнь, мистер Харкер», — говорит Дракула.) Именно физическая близость придает важное значение крови, телесный контакт — это главное, к чему стремится вампир. Говоря об этом, нельзя не отметить, что вампиры являются психокинетиками, поскольку им приписывают способность влиять не только на поведение людей и животных, но также и на погоду.

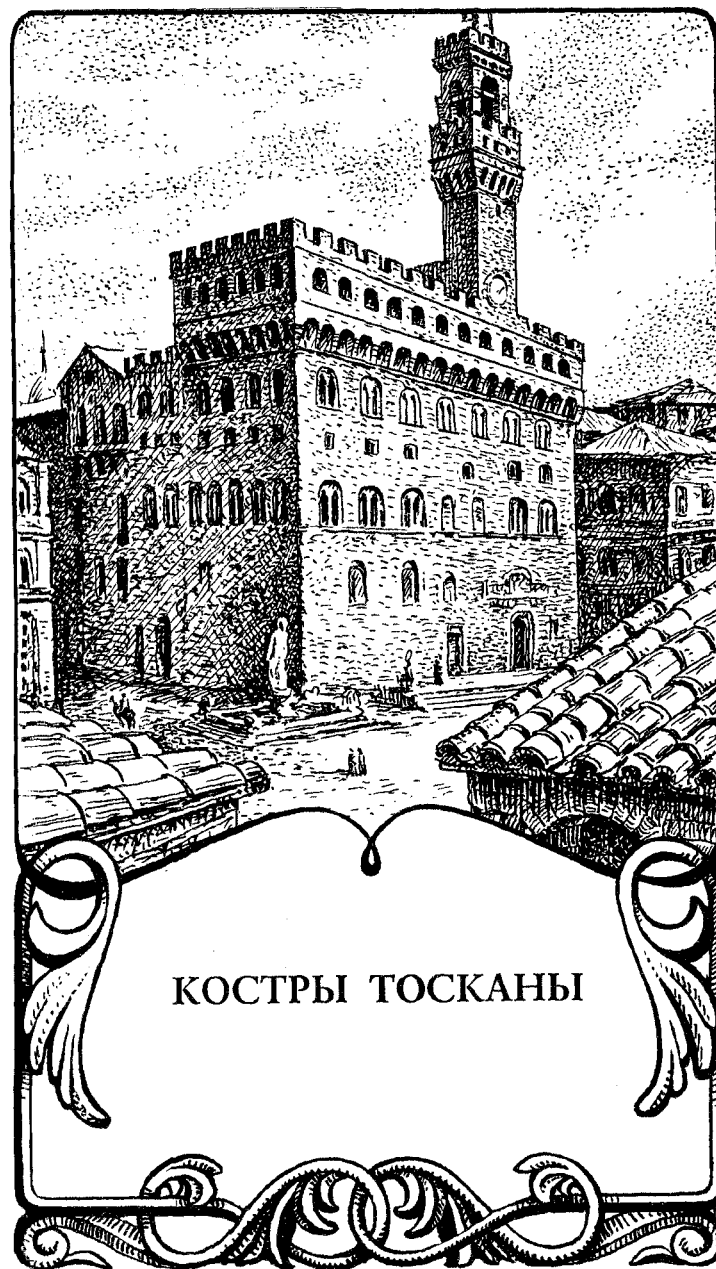
Очень много писали и говорили о сексуальной подоплеке вампиризма, о том, что в большинстве случаев они

нападают по ночам, лезут прямо в постель, а жертва в финале ощущает себя полностью изнуренной. Однако в настоящее время в большинстве культур принято полагать, что вампиры на половой акт не способны и осуществляют свои желания посредством укусов, что с легкостью отмечает всяческие фрейдистские интерпретации. То есть не сама по себе кровь, а действие, направленное на ее получение, насыщает вампира. Определенно это существенно, ибо китайский вампир, например, припадает не к горлу, а к хребту своей жертвы, добираясь до ее спинномозговой жидкости.

В европейской среде бытовала тенденция относить вампиров к еретикам или сатанистам, но это натяжка. Если бы вампиры и впрямь боялись, скажем, креста, то уже само погребение под крестом было бы против них достаточной мерой. Однако религиозная символика им не помеха. И в их поведении ничто не указывает на приверженность к сатанинскому культу. Полагать, что колдун после смерти становится упырем, принято лишь в христианских странах.

К вампирам можно относиться по-разному — с отвращением или с любопытством — но, так или иначе, легенды, которые о них ходят, будоражат человеческое воображение с давних времен. Совершенно очевидно, что в идее атакующей нежити есть что-то одновременно отталкивающее и притягательное. По большей части причины этого коренятся в людской озабоченности загадкой, какую таит в себе смерть.

Вэрни, Дракула, лорд Рутвен и сонм им подобных героев, к каковым, возможно, относится и Сен-Жермен, заняли прочное место в современной литературе. Если бы они не затрагивали нечто, скрытое в нас самих, их бы там попросту не было.

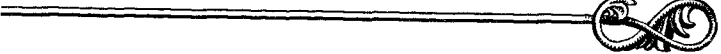
ПРЕДИСЛОВИЕ

Хотя в основе романа лежат исторические факты и многие его персонажи существовали в действительности, в целом он является плодом творческих измышлений автора и только так и должен рассматриваться. Можно также воспринимать это сочинение как попытку наиболее достоверно представить Флоренцию времен Ренессанса.

За исключением стихотворений, приведенных в восьмой главе, относящейся к первой части повествования, все поэтические строки, приписываемые Лоренцо Медичи, ему и принадлежат.

Флорентийский год тех времен начинался с праздника Богородицы (23 марта), а не с 1 января, но даты, упоминаемые в романе, приведены автором в соответствие с современным стилем.

Автор

Часть 1

ЛОРЕНЦО ДИ ПЬЕРО ДЕ МЕДИЧИ, ПРОЗЫВАЕМЫЙ ВЕЛИКОЛЕПНЫМ

Все в годы юности возможно.
Все манит нас, чарует нас.
Стремись продлить веселья час,
поскольку завтра ненадежно.

Лоренцо де Медичи

Документ, подтверждающий продажу земли. (Зарегистрирован Синьорией Флоренции 5 ноября 1490 года.)

«Да будет известно из этого заявления и письменного свидетельства, что я, Джованни Батисто Андреа ди Массимо Корсаррио, флорентийский купец и гражданин республики, по свободному волеизъявлению в этот день передаю все права претензии на принадлежащий мне участок земли, находящийся между землями монастыря Святейшей Аннунциаты и городской стеной, алхимику Франческо Ракоци да Сан-Джермано за сумму в шестьсот пятьдесят флоринов золотом.

Далее оговариваю в качестве особого условия, что ни я, ни мои наследники, ни должники не могут предъявлять никаких претензий на эту землю, ибо она является собственностью вышеупомянутого Франческо Ракоци да Сан-Джермано до того времени, пока он, его наследники или должники распоряжаются этим имуществом согласно с законами нашей республики.

Франческо Ракоци да Сан-Джермано объявляет публично о своем намерении возвести на этой земле палаццо в генуэзской манере, для чего нанимает рекомендованных

ему мною мастеров в соответствии с уложениями ремесленного устава, а также вручает мне четыре ограниченных алмаза, оцененных ювелиром Томмазо Дотти Капелла в тысячу четыреста флоринов золотом, в счет будущих выплат означенным мастерам, которые незамедлительно приступят к работе.

Все условия передачи имущества соблюдены должным образом, договор может считаться завершенным и окончательным.

Приведены к присяге сего дня, в праздник святого Захария, во Флоренции в 1490 году:

Джованни Батисто Андреа ди Массимо Корсаррио, торговец платьем, флорентиец.

(Его печать, изображающая кисть руки голубого цвета, поднятую над полем из красных и белых ромбов.)

Франческо Ракоци да Сан-Джермано, алхимик, путешественник.

(Его печать, изображающая затмение солнца на серебряном поле.)

Свидетели:

Томмазо Дотти Капелла, ювелир, веронец.

Лоренцо ди Пьеро де Медичи, банкир, флорентиец*».

ГЛАВА 1

Несмотря на холодный ветер, Гаспаро Туччи вспотел. Взмахнув на плечо девятый мешок с гравием, он осторожно спускался в огромный свежевыврытый котлован, то и дело вскидывая свою ношу и немилосердно бранясь.

* Лоренцо Медичи Великолепный (1449–1492) — флорентийский поэт, банкир, с 1469 года — правитель Флоренции. Покровитель искусств. С его именем связан период наивысшего взлета культуры Ренессанса.

— Эй, Гаспаро, не так быстро! — крикнул ему Лодовико Ронкале, бредущий следом с таким же мешком. — Спокойнее, спокойнее, не оступись, — приговаривал он с придыханием.

— Чертов чужак! — бормотал Гаспаро, тщательно выбирая дорогу. — Копай теперь ему новые ямы в человеческий рост, засыпай их отборным гравием. Он, видите ли, сам достанет цемент. Он скажет, как его смешивать! Какое нахальство! Зачем заглублять опоры? Он, должно быть, воображает себя древнеримским патрицием?

Лодовико захихикал.

— Гаспаро, ты слишком суров. Дельные мысли бывают даже у иноземцев.

Гаспаро фыркнул.

— Я строил всю свою жизнь, как и мой отец! Он возводил собор Санта-Мария дель Фьоре. На стройках у меня отросла борода, но никогда ничего подобного мне делать не приходилось. Говори что хочешь, но этот Ракоци сумасшедший!

Высказавшись таким образом, он свалил с плеч поклажу.

— Очень хорошо, — кивнул старший мастер Энрико, когда гравий был высыпан. — Еще мешков пять — и довольно.

— Пять мешков? — переспросил Гаспаро. — Слишком холодно, да и поздно уже. Скоро зайдет солнце. Мы можем закончить завтра.

Энрико ласково улыбнулся.

— Если ты сделаешь еще ходку, да Лодовико... да Джузеппе с Карло разгрузятся и принесут еще по мешку, то как раз шесть мешков и получится. Это не так уж трудно, Гаспаро!

Гаспаро не отвечал. Он пристально смотрел на аккуратную яму и качал головой.

— Не понимаю.

Подосевший Джузеппе поставил свой мешок рядом с ним.

— Чего ты не понимаешь, старый мошенник?

Его потертый кожаный камзол был распахнут, рубаха выбилась из штанов.

— Ты просто не любишь работать! Даже если сам Лоренцо наймет тебя для постройки собственного дворца, ты все равно останешься недоволен.

Остальные рабочие засмеялись.

— А вы таки всем довольны? — озилился Гаспаро. — Вам постоянно указывают, что делать, и вы согласны это терпеть? — Он ковырнул носком башмака верхний слой отборной засыпки. — Если бы этот выскочка появился сюда, я бы потолковал с ним по-свойски!

— И что же ты бы мне сказал?

Звучный приятный голос был весел.

Рабочие замерли, глядя вверх. Гаспаро в сердцах поддал подвернувшийся под ногу камешек и что-то пробормотал сквозь зубы.

Над ними стоял Франческо Ракоци да Сан-Джермано. Черный, отороченный мехом камзол и ослепительно белая шелковая рубашка выдавали в нем чужеземца, как, впрочем, и легкий акцент, и странноватого вида нагрудный орден, в теле которого тускло горели рубины. Костюм довершали русские подкованные сапожки, черные перчатки и французская шапочка, ловко сидящая на коротко подстриженных волосах.

— Ну? В чем дело?

Гаспаро поднял глаза.

— Я сказал бы, — солгал он, — что пора по домам. Собирается дождь.

— Он начнется не скоро. А вы ведь еще не выполнили урок!

Ракоци легко спрыгнул на дно котлована и сумел устоять на ногах. Рабочие переглянулись. Никто из них на такое не решился бы: котлован был глубок.

— Засыпано славно! — похвалил он рабочих, затем среди полного молчания стал обходить площадку. — Скоро приступим к заливке, а?

Энрико почтительно поклонился.

— Надеюсь, все сделано правильно, господин? Мы старались следовать вашим распоряжениям.

— Все ли из вас? — спросил Ракоци, глядя на Гаспаро. — Продолжайте в том же духе, пока меня все устраивает. Благодарю!

— Нам приятно слышать это, мой господин!

Энрико ждал, наблюдая, как чужеземец меряет большими шагами засыпку.

Ракоци присел и поворошил гравий рукой.

— Ну что ж! Неплохо! А я уж, признаться, думал, что мои слова мало что значат для вас.

Он подбросил вверх один камешек, поймал и снова подбросил.

Строители угрюмо переминались с ноги на ногу. Гаспаро крикнул и вышел вперед.

— Ваши слова ничего не значат! — заявил он вызывающе. — Вы ничего не смыслите в этих делах. Я всю свою жизнь строю дома, как учил меня отец, и утверждаю, что все ваши ценные указания вздорны. Мы понапрасну теряем и время, и силы! Так работать нельзя!

Он напрягся, ожидая окрика или удара. Он был уверен, что через секунду его погонят взащей. Но ничего подобного не случилось.

— Bravo! — тихо сказал Ракоци, улыбаясь. — Амико мио!* Ты, скорее всего, совершенно прав! Но тем не менее ты будешь делать что велено, и никак не иначе!

Гаспаро выпятил челюсть и подбоченился.

— Это еще почему?

— Да потому, карино**, что я вам плачу! Я нанял вас, чтобы вы строили то, что мне хочется, и так, как я прикажу! Хотите работать по-своему, ступайте к кому-то другому!

Он продолжал улыбаться.

Несмотря на то что Ракоци был невысок, что-то заставляло рабочих смотреть на него словно бы снизу вверх.

* Amico mio (ит.) — друг мой.

** Carino (ит.) — дорогой.

— За хорошие деньги вы бы взяли возвести даже китайскую стену — разве не так?!

Энрико с Лодовико переглянулись и рассмеялись, только Гаспаро остался угрюм. Он заносчиво глянул на человека в черном.

— Если вы полагаете, что во Флоренции чужеземцам дозволено все...

— Я полагаю, — перебил его Ракоци, — что язык денег всем внятен! Я полагаю, что, если бы это было не так, Флоренция прозябала бы в нищете.

Он размахнулся и далеко отбросил камешек, которым играл. Тот покатился по гравию и затих.

Рабочие вновь переглянулись. Слова заказчика удивляли, но в них имелся резон.

— Если строить привычным вам способом, дворец простоят... ну, сколько?.. ну, может быть, триста лет... — На лице Ракоци набежала тень. — А это не много. Три века, четыре, пять... не имеет значения. Я хочу, чтобы это палаццо стояло тысячу лет! — Он опять улыбнулся. — Я понимаю, это почти невозможно! Но вы все-таки попытайтесь! И уж будьте любезны, спрячьте свой нор в карман, даже если мои указания вас раздражают!

— Тысячу лет? — Гаспаро был ошеломлен. Этот Ракоци точно свихнулся. Зачем его дому стоять тысячу лет? Он даже лет через сто не будет ему нужен!

— Я так хочу, — просто ответил Ракоци.

Лодовико хихикнул и, не таясь, подмигнул Джузеппе.

— Но ведь у господина нет детей. У него нет даже женой! Кто унаследует то, что мы тут построим?

— Кто унаследует?

Темные глаза сузились. Лицо Ракоци посуровело.

— Я возвожу этот дом для себя. И хлопоту лишь о собственных нуждах!

На дне котлована воцарилась мертвая тишина. Потрясенные рабочие зябко поеживались, и вовсе не от порывов осеннего ветра.

Гаспаро нахмурился. Он, кажется, понял, чего от них тут хотят, и задохнулся от возмущения.

— Ваша милость, мы склепов не делаем! Если вам нужно что-то такое — обратитесь к кладбищенским мастерам!

Какой-то отблеск мелькнул в глазах Ракоци при этих словах, и взгляд его неожиданно потеплел.

— Неужели же для тебя это так важно, амико?

— Я — строитель, — объявил гордо Гаспаро, ударяя себя в грудь кулаком. — Я строю дома для живых, а не для мертвых!

Рабочие взволнованно зашевелились, переговариваясь между собой. Было видно, что все они согласны с Гаспаро. Даже Карло, делавший вид, что его это все не касается, послал приятелю одобрительный жест.

— Ну что ж! Превосходно! — Ракоци улыбнулся.

— Вы можете тут улыбаться сколько хотите, патрон, — продолжил Гаспаро, — от этого ничего не изменится. Вы говорите, вам нужен дворец, который стоял бы тысячу лет! Прекрасно! Вы учите нас, как надо работать. Я лично не выношу этого, но вы — хозяин, и ваше слово — закон! Однако ни за какие деньги вам не удастся заставить меня строить не жилище, а оболочку! — Он вновь подбоченился и с вызовом наклонился вперед. — Смейтесь надо мной, если вам нравится, но я не позволю вам смеяться над моим ремеслом!

Ракоци только кивнул.

— Золотые слова!

В его ответе не было ни иронии, ни осуждения.

— Я уверяю вас, что сам не хочу, чтобы мой дом пустовал, и, будь уверен, позабочусь об этом! Иначе зачем бы мне вам столько платить? Зачем беспокоиться, так ли заложен фундамент?

И правда, зачем? Гаспаро пожал плечами.

— Ладно, хозяин. Если все обстоит, как вы говорите, я перечить не стану. Стройте себе хоть из золота. В конце концов, мне дела до этого нет!

— Разумная мысль. Я рад, что мы наконец объяснились. И рад, что ты столь ревниво относишься к своему ремеслу.

Он сделал шаг к Гаспаро.

— В знак нашего примирения позволь мне тебя обнять!

Гаспаро Туччи смешался. Этот Ракоци действительно спятил. Богатеи не панибратствуют с простым людом. Он растерянно улыбнулся и отер о штаны руки, перепачканные в песке.

— Господин, я...

Чужак обнял его. Гаспаро в ответ неуклюже облапил чокнутого заказчика, но осторожно, боясь придавить, и вдруг обнаружил под тканью камзола стальную мускулатуру. Объятие вышло неожиданно крепким, и, будь оно чуть мощнее, еще неизвестно, чьи ребра могли пострадать. Рабочий замер, стесняясь своей щетины и запаха пота, поскольку он от неловкости взмок.

Остальные молча и в сильном смущении наблюдали за этой сценой. Флоренция, конечно, республика равных, но поступок Ракоци далеко выходил за все допустимые рамки. Равенство равенством, однако воду и масло, как ни пытайся, невозможно смешать.

Мысленно произнося эту отповедь, Энрико тем не менее чувствовал себя уязвленным. По старшинству знаки хозяйской приязни должны были бы достаться ему. Он ограничился тем, что тихо сказал стоявшему рядом Джузеппе:

— Ну и нравы у этих приезжих! Слава Богу, что тут никого больше нет! Бедный Гаспаро, ему сейчас тяжеленько! Джузеппе энергично кивнул.

Что до Гаспаро, то на душе его вдруг стало легко. Чувство неловкости куда-то пропало. Раздражение тоже пропало. Прикажи теперь ему этот чужак прорыть яму до Рима, он и глазом бы не моргнул.

— Благодарю, ваша милость, но... мы ведь не ровня.

— Друг мой, еще неизвестно, кто из нас князь! Без состояния я стану нищим, ты же нисколько не потеряешь. Что

бы ни случилось — твое ремесло при тебе. Не будь на свете таких, как ты, флорентийцы до сих пор ютились бы в палатках. Как древнеримские завоеватели, осаждавшие этрусские* города. Только никаких городов не было бы в помине.

Гаспаро качнул головой.

— Как господину угодно.

— Что ж, продолжайте работу! Не сомневайтесь, я хорошо заплачу.

Он потрепал по плечу каждого из изумленно таращившихся на него мужчин, затем почти без разбега подпрыгнул и, ухватившись за край котлована, выбрался на уступ.

Лодовико тихо присвистнул, Энрико открыл рот, Карло с Джузеппе крикнули и кинулись подбирать пустые мешки. Гаспаро расхохотался. Он вдруг почувствовал себя беспричинно счастливым. Как в детстве, в старые добрые времена.

Возвышаясь над ними, Ракоци крикнул:

— Боюсь, неприятности ваши еще не окончились!

Он обернулся и махнул кому-то рукой. В тот же миг рядом с ним возник сухопарый мужчина.

— Это Иоахим Бранко! Он португалец и будет на стройке моей правой рукой. Прошу вас подчиняться ему как мне самому и показать, на что вы способны!

Вновь прибывший даже по флорентийским меркам казался человеком высоким. У него были длинные тощие руки, узкое тело и лицо шириной с корешок книжного переплета, обрамленное паутиной клочковатых волос.

— Добрый день, судари! — произнес он таким низким голосом, словно бухнул в колокол церкви Сан-Марко.

— Еще один чужеземный алхимик, — сказал Лодовико, обращаясь к Гаспаро, однако его услышали и наверху.

* Этруски — древнейшее население северо-западной части Апеннинского полуострова. В VI веке до н. э. господствовали над большей частью Италии. Обладали высокоразвитой материальной культурой. Окончательно покорены Римом в III веке до н. э.

— Да, — подтвердил Ракоци, улыбаясь. — И весьма искусленный! Вы не пожалеете, что попали к нему в подчинение. Магистр Бранко — человек более чем разумный, и уж конечно, гораздо разумнее меня!

Магистр Бранко кисло улыбнулся в ответ и слегка поклонился.

Энрико возвел глаза к небу и мысленно спросил у святой Клары, за что ему эта напасть.

— Добро пожаловать, магистр! — все-таки выдавил он из себя.

Ракоци что-то шепнул португальцу, затем вновь обратился к рабочим:

— Завтра вы начнете заливку фундамента и заложите в него все, что прикажет магистр. А на сегодня осталось лишь покончить с засыпкой.

Гаспаро возразил страдальческим тоном:

— Но господин, а вдруг пойдет дождь? Сырость — плохое подспорье в такой работе... вы это знаете не хуже меня.

— Дождя сегодня не будет, Гаспаро. И завтра тоже, и послезавтра... Вам хватит времени и на заливку, и на установку опор. Тогда уже станет не важно, пойдет дождь или нет. Раствор застынет, и вы сможете соорудить над стройкой навес.

Сделав такое странное заявление, чужеземец ушел.

Джузеппе кончил разбрасывать гравий и поднял голову.

— Иисус Мария, — прошептал он, осенив себя крестным знаменiem.

Португалец смотрел на него. Холодно и отчужденно, словно тощая цапля, раздумывающая, склевать эту лягушку или еще подождать.

Энрико первым нарушил молчание:

— Магистр? Вы не хотите спуститься вниз?

К всеобщему облегчению, алхимик прыгать в яму не стал, а сошел по убитой множеством ходок дорожке. В руках он держал целый ворох каких-то сверточков и кульков. Иоахим положил свою ношу на гравий и повернулся к Энрико.

— Наверху у ограды стоят две тачки. Они мне нужны.

— Они загружены? — спросил Лодовико, не выказывая желания двинуться с места.

— Да, до краев. Нужно послать двоих.

Он вновь занялся своими кулечками, потеряв к окружающим интерес. Энрико удрученно пожал плечами и ткнул пальцем в Джузеппе.

— Ты и Карло ходите за тачками, а Гаспаро и Лодовико займутся оставшимся гравием.

Гаспаро, тяжело вздохнув, поплелся наверх. Там он с большой неохотой взвалил на плечо десятый за сегодняшний вечер мешок и потащился обратно.

Вдруг ему вспомнилась выходка чужеземца, попиравшая все флорентийские представления о приличиях. Гаспаро широко улыбнулся, и хорошее настроение вновь вернулось к нему.

Он и позднее все усмехался, поглядывая на Лодовико. Они пили горячее вино с пряностями. Ночь была зверски холодной, что оправдывало количество выпитого спиртного.

— И яйца, Гаспаро, куриные яйца! — восклицал Лодовико в который уж раз. — Он хочет замешать их в раствор!

— Дались тебе эти яйца!

Гаспаро поднял деревянную чашу.

— За Франческо Ракоци Сан-Джермано, самого странного сумасшедшего на земле!

— Ты и сам словно свихнулся! Гаспаро, очнись! С тех пор как он тебя обласкал, все его глупости стали тебе нравиться. И если завтра этот алхимик решит, что хорошо бы поставить дворец на крови, ты со всех ног помчишься на бойню.

Лодовико уставился на завитки ароматного пара.

— Что с тобой происходит, Гаспаро? Ведь скоро дойдет до того, что все начнут потешаться над нами.

Гаспаро Туччи вновь усмехнулся, он чувствовал, что изрядно ословел.

— Пускай посмеются! Что за беда? На свете немало смешного. Вспомни Эрнано — как он мучился, строя загон для жирафа. И клетку, и зимнее помещение. Это ведь было совсем не легко. Зато сколько бакк он нам потом рассказал. После того как все у него получилось! Смех бодрит, Лодовико, посмеяться не грех. Эрнано ходит теперь в королях, но мы его переплюнем. Когда другие придут отделять помещения, нам тоже будет что им рассказать!

Он поднял чашу, залпом допил остатки вина и вздохнул, ставя на стол пустую посудину.

— Но ему-то зачем это все? Чего добивается наш алхимик? Денег у него, видно, прорва, однако...

Лодовико вдруг умолк и нахмурился, обдумывая что-то свое. Лицо его сделалось озабоченным, потом просветлело.

Он кивнул и протянул свою чашу Гаспаро.

— На вот, допей! Ты, я гляжу, умираешь от жажды!

Гаспаро наморщил нос и для приличия немного помедлил.

— Ну, раз ты настаиваешь... Да и ночь холодна! Пожалуй, я все-таки выпью.

Он взял чашу и сделал глоток. Вино было просто отменным! Что за беда, если он чуточку переберет? В такую студеную пору всякому позволительно немного согреться!

— Меня удивляет, почему не пошел дождь, ведь тучи нависли прямо над нами... — задумчиво проговорил Лодовико.

— Тучи были пустыми. Вся влага их вылилась на другие места, — ответил Гаспаро, вытирая рот рукавом.

— Откуда он мог знать об этом?

Этот вопрос, похоже, весьма занимал приятеля, и Гаспаро важно сказал:

— Он ведь алхимик! Они знают толк в подобных вещах!

Лодовико опять нахмурился и заерзал на месте.

— Куриные яйца, особая глина, особый грунт, особый песок, особенные пропорции смеси... Зачем?

Он встал, и скамья под Гаспаро опасно накренилась.

— Ну погоди у меня! — сказал каменщик, ухватившись за стол. — Лодовико, уйми ее, или я упаду! Сядь и выпей, как подобает настоящему христианину.

Лодовико не заставил себя ждать и вновь тяжело плюхнулся на скамью. Равновесие восстановилось.

— Отлично! Хозяин! Еще вина!

Он улыбнулся, изображая из себя подгулявшего простака, и самодовольно забарабанил пальцами по столу.

Чаши наполнились, Гаспаро, хлебнув вина, пришел в совершенно блаженное состояние. Лодовико склонился к нему с участливой миной:

— Тяжело человеку быть одному, а?

Гаспаро, вмиг пригорюнившись, согласно кивнул.

— Да, это так, мой милый! Даже домой идти неохота. Ты, должно быть, думаешь, — прибавил он, сделав большой глоток, — что давних вдовцов вроде меня уже ничто в этом мире не манит? Но это вовсе не так! Я еще силен и порой задумываюсь кое о чем... А чаще всего о Розарии. Ох, ну и женщина! Веселая, милая, бережливая, славная... просто сокровище, но мне она не под стать!

Он прикрыл глаза рукой, немного помедлил и снова взялся за чашу.

— Ты молод, ах, как ты молод, мой дорогой Лодовико! Ты не понимаешь, каково это — быть старым и одиноким!

— Не прибедайся, Гаспаро Ты еще вовсе не стар!

Но Гаспаро только качал головой и грозил пальцем со седу.

— Мне сорок восемь, малыш, уже сорок восемь! Еще каких-нибудь десять лет — и я превращусь в старую развалину! Одинокую старую развалину! Никому не нужную. Никому...

Каменщика охватила печаль, он допил вино и, положив руки на стол, уставился в одну точку.

Лодовико, вплотную к нему придвинувшись, поменял чаши местами.

— Потеря близких — это большое горе, но безденежье еще горше. Особенно в старости, когда человек теряет все силы и не может заработать на жизнь, — вкрадчиво заговорил он.

И просчитался.

Гаспаро ухватил соседа за ворот, сильно встряхнул его и заявил:

— Моему отцу стукнуло шестьдесят восемь, а он был еще хоть куда! У Туччи крепкая кость! Мы работаем до последнего вздоха! Думай что говоришь!

Он обмяк и потянулся к чаше. Лицо его погрузтело.

— Это был замечательный каменщик! Первый в округе! Он строил собор Санта-Мария дель Фьоре и там...

Но Лодовико не дал приятелю свернуть на натопанную дорожку.

— Ты лучше подумал бы о себе! А заодно о богатстве нашего нынешнего патрона! Даже урвав от него малую толику, можно прекрасным образом обеспечить себя!

— На, получай! — В глазах Гаспаро вспыхнул враждебный блеск, и он отвесил напарнику оплеуху. — Ты что, предлагаешь мне обокрасть господина? Туччи каменщики, а не воры, и ты, Лодовико, тоже не вор! Ты каменщик, заруби это себе на носу и никогда больше не подступайся ко мне с такими речами!

— Но он так богат, — пробормотал Лодовико, потирая затылок, — и к тому же не флорентиец!

— Зато мы — флорентийцы! — с пафосом воскликнул Гаспаро, — Мы не должны грабить заказчиков! Запомни это, малыш! — Он похлопал приятеля по плечу. — Я, кажется, понимаю в чем дело: ты просто напился и мелешь всякую ерунду. Тебя развезло от последней чаши. Зря я позволил тебе ее заказать.

Каменщик встал. Он сильно шатался, пытаясь устоять на ногах.

— Я забуду все, о чем ты говорил, Лодовико! Это была пьяная болтовня.

Чертыхаясь про себя, Лодовико виновато ухмыльнулся.

— Ты прав,— согласился он,— я, кажется, перебрал!

Гаспаро с упорством пьяного продолжал:

— Главное — не думать об этом! Сейчас ты пойдешь домой, ляжешь спать и все забудешь! И я усну. И тоже забуду все. Так что нам некому будет даже напомнить, произошло между нами что-нибудь или нет!

Он допил остатки вина и очень осторожно поставил чашу на стол.

— Спасибо тебе, Гаспаро,— сказал Лодовико, правда несколько раздраженно, но каменщик этого не заметил.

— Что ж,— произнес он добродушно,— все было прекрасно! Мы славно поговорили! Мы мало общаемся, Лодовико. Слишком много работаем! Нам надо чаще встречаться. Вот так, по-дружески, накоротке...

Лодовико снял руку каменщика со своего плеча.

— Завтра наговоримся, Гаспаро. А сейчас нам пора!

Вечер не удался. Но со временем он обратит себе на пользу и это. Лодовико поднялся на ноги и заплетающимся языком спросил:

— Где тут дверь?..

Гаспаро несильно хлопнул его по плечу.

— Эх, Лодовико, хороший ты парень! Очень хороший! Дверь мы найдем! Только сначала заплати за вино! — Он пошел нетвердой походкой к выходу и потащил напарника за собой.

Тот с неимоверным усилием все же сумел высвободиться.

— Голова... У меня кружится голова...

Лодовико прислонился к стене и замер.

— Иди вперед,— сказал он каменщику.— Я тебя догоню.

Гаспаро расхохотался, небрежно взмахнул рукой и покинул трактир.

— Молодой мастер хочет чего-нибудь? — спросил, приближаясь, трактирщик.

— Нет-нет.— Лодовико отлип от стены, постоял какое-то время, что-то обдумывая, затем с кривой ухмылкой бросил монету на стол и вышел в холодную ночь.

Записка донны Эстасии Катарини ди Арриго Пармской, домоправительницы и кузины Алессандро ди Мариано Филиппи*, адресованная Франческо Ракоцци да Сан-Джермано. Вручена адресату в доме алхимика Федерико Козза ночью 21 марта 1491 года.

«Молю Господа, чтобы это послание нашло вас как можно скорее.»

Сандро и Симоне вскоре уедут на четверо суток. Я останусь одна. Надеюсь, восхитительные свидания, так сблизившие нас на прошлой неделе, возобновятся и подарят нам множество счастливых минут.

Если мое предложение не оставит вас безразличным, пошлите мне весточку, я нахожусь у себя.

Ваш дивный подарок покоится на моем ложе, сгораю от нетерпения показать, насколько он там к месту.

Ваши поцелуи вселяют безумие!

Придите и исцелите меня!

Эстасия».

ГЛАВА 2

В библиотеке стало темно, и Деметриче Воландри прервала чтение. Три книги, лежавшие перед ней на настольном попире, смутно белели страницами в сумерках уходящего дня. Она прикрыла рукой глаза и призналась себе, что скорее ослепнет, чем допустит, что-

* Алессандро ди Мариано Филиппи — настоящее имя известного итальянского живописца Сандро Боттичелли (1445–1510).

бы кто-то мог ее упрекнуть в недобросовестном отношении к делу.

Без особого желания Деметриче потянулась к перу и проверила его кончик. Он, конечно, засох и нуждался в очистке, ибо чернила в склянке были немилосердно густы: сегодня она просто замучилась с ними.

Молодая женщина медленно поднялась и подошла к окну. В последних лучах солнца ее старенькое платье цвета красно-коричневой охры словно бы обрело новую жизнь и казалось очень нарядным. Белокурые волосы, заплетенные в уложенную на затылке косу, правильный овал лица и горделивый изгиб шеи делали ее весьма привлекательной, но, если бы кто-нибудь ей об этом сказал, она бы искренне рассмеялась. Большие янтарные глаза Деметриче были задумчивы и постепенно темнели, по мере того как за окном тускнели закатные облака.

— О, стой так, не двигайся, — произнес кто-то у нее за спиной, но она все-таки повернулась.

Привычный звук голоса Сандро Филиппеи заставил ее улыбнуться.

— Боттичелли, согласишься, если бы ты мог остановить солнце, то непременно сделал бы это, чтобы, не торопясь, заняться изучением его цвета.

Он пожал плечами, но не стал ничего отрицать.

— Именно цвет хранит красоту! — Сандро помолчал. — Кстати, ты не знакома с алхимиком Ракоцци? С тем, что строит большое палаццо? — Он снова умолк.

— Я встречала его раз или два.

Ум, обходительность, загадочное выражение глаз. Она вспомнила, что ей все это понравилось.

— Он тоже здесь?

— Да. Он знает секрет особого смешения красок. Естественно, Лоренцо на это клюнул и уже спрашивал меня, как я к нему отношусь.

Художник подвигал бровями.

— Хотел бы я сам знать — как? Этот Ракоцци очень неоднозначен!

Деметриче не хотелось, чтобы Сандро заметил проснувшееся в ней любопытство, поэтому она улыбнулась и с нарочитым безразличием произнесла:

— Ты же знаешь алхимиков! Им следует быть таковыми! Иначе публика потеряла бы к ним интерес.

Сандро кивнул.

— Ты права. К тому же он чужеземец! Но все-таки его тяга к эффектам чересчур велика! Всегда в черном, никогда с нами не ест, возится со своими металлами, изучает какие-то почвы! А вообще, в нем что-то есть! И поддерживать его, кажется, стоит!

Деметриче обошла вокруг стола и приобняла живописца, коснувшись губами его щеки.

— Как это великодушно! Но ведь и ты непустишь свое. Ты хочешь опробовать новые краски?

— Конечно! — Он покосился на книги. — Работашь с манускриптами?

— Да. Пико* заперся дома, Аньоло** — в Болонье, поэтому вся работа на мне. Боюсь, что сегодня я в ней не очень-то преуспела! Эти старые тексты порой так тяжело разбирать!

Лицо Сандро помрачнело.

— Ох уж этот Аньоло! Не понимаю, как у Лоренцо хватает терпения выносить его штучки?

Он поднял руку, отвергая все возражения.

— Терпимость по-своему хороша, если не безрассудна! Полициано нагло пользуется добрым к себе отношением, и ты это знаешь!

Деметриче вернулась к столу и занялась разбором бумаг.

* Пико делла Мирандола (1463–1494) — итальянский философ и гуманист.

** Прототипом этого персонажа повести послужил, очевидно, флорентийский поэт и филолог Анджело (Аньоло) Амброджини (1454–1494), больше известный как Анджело Полициано.

— Я сама не понимаю этого, Сандро. Но Лоренцо хочется, чтобы все шло как идет, и мне приходится с этим мириться!

Сандро недоверчиво взглянул на нее.

— Мириться с Аньоло Полициано? Да полно, возможно ли это?

— Возможно! Он злой, язвительный, вздорный и очень вбалмошный! Но он талантлив и оказал патрону большую услугу! — Она помолчала и мягко добавила: — Ты ведь и сам знаешь, Сандро, у всякой вещи своя цена.

— Да, но иногда очень и очень завышенная! А иногда — заниженная. Не мне тебе говорить.

Он подошел к склонившейся над столом Деметриче и длинными пальцами живописца провел по ее плечу.

— Если бы в мире существовала какая-то справедливость, малышка, ты бы не прозябала в безвестности и нужде. Будь твой дядюшка гражданином Флоренции, Лоренцо давно бы устроил твою судьбу!

Деметриче поспешно смахнула непрошеную слезу, наворачнувшуюся на ресницы.

— Даже Лоренцо не в силах восстановить то, чего нет!

Она попыталась улыбнуться, но не смогла.

— Он и так более чем великодушен. Он приютил меня, кормит и одевает уже десять лет. Даже мои ближайшие родственники вряд ли бы сделали для меня больше. — Деметриче вздохнула и зябко поежилась. — Прости меня, Сандро! Мои отношения с семьей — неблагоприятная тема.

Хорошо, что в комнате так темно, подумала вдруг она. Сандро, стоявший уже у окна, казался неясной тенью. Именно темнота и позволила им завести этот тягостный разговор. Теперь его надо бы прекратить — и как можно скорее. Сандро, конечно, хороший друг, заботливый, верный, но существуют вещи, с которыми человек должен справляться самостоятельно.

— Я вдвое старше тебя, дорогая! И я говорю тебе, что во Флоренции ты можешь рассчитывать лишь на Лоренцо! Наш город внешне спокоен, но он бурлит от страстей, и мрака в нем не меньше, чем света!

— Который исходит, конечно же, от тебя, мой друг? — сказала она, довольная тем, что сумела отделаться шуткой.

— Во мне хватает всего, — буркнул Сандро и заговорил о другом: — Я уезжаю дня на четыре. У нас с Симоне наклонилось дельце на стороне.

— Что ж, желаю вам приятной поездки! — проговорила автоматически Деметриче. — Далеко ли вы едете?

— Только до Пизы. Тут не о чем говорить. Но я хотел бы просить тебя об одолжении.

— Ну разумеется!

Согласие вырвалось у нее раньше, чем она успела задуматься, что означают его слова. Впрочем, Сандро вряд ли имеет в виду что-то дурное. И все же...

— Конечно, если Лоренцо не вздумается завалить меня срочной работой.

— Работе это не мешает, уверяю тебя!

Он замолчал, ибо вошел слуга со свечой и принялся обходить помещение, зажигая все лампы.

Свет прогнал темноту и что-то нарушил в атмосфере особенной доверительности, установившейся между ними.

Сандро шумно вздохнул.

— Вы не могли бы развести в камине огонь? — обратилась Деметриче к слуге. — Тут сделалось слишком зябко.

— Слушаюсь, донна!

Слуга поклонился и отошел к камину.

— И в самом деле прохладно, — признал Сандро. Он потер руки и привычным движением одернул свой скромный свободный кафтан, мало чем отличавшийся от повседневных кафтанов других флорентийцев. Просто у тех, пожалуй, было чуть больше сборок под горлом. Особенно у зажиточных горожан.

— О каком одолжении ты говорил?

Первые языки пламени охватили поленья. Деметриче кивком отпустила слугу.

— Ах да! Я говорил о своей кухне. Ты ведь знакома с Эстасией? Я как-то вас представлял.

— Да,— настороженно ответила Деметриче. Ей тут же представилось лицо томной красавицы. Грудной воркующий голос, призывно мерцающий взгляд. Все это с лихвой компенсировало строгость наряда вдовствующей кухни художника; впрочем, и сам наряд мало драпировал пышность ее форм.

— Она... не выносит одиночества,— с некоторым затруднением проговорил Сандро.— Не могла бы ты в наше отсутствие ее навещать?

— Зачем? — неосторожно вырвалось у Деметриче.

— Ну... для меня... — Сандро запнулся.— У нее совсем нет друзей, а с женщинами она сходится плохо. Вдовам и так-то живется не очень легко. Если бы у Эстасии появился любовник, все бы пошло по-другому. Она обрела бы душевное равновесие, и я перестал бы тревожиться за нее. Но в нашем доме возможностей для того практически нет. Симоне ничего подобного не потерпит. Он ведь большой праведник, наш Симоне...

Огонь в камине наконец разгорелся, ровное пламя пожирало поленья, их потрескивание походило на чье-то немолчное бормотание. Деметриче нахмурилась.

— Я даже не знаю..

Сандро вновь приблизился к ней, в его угловатом лице читалось смущение.

— Пожалуйста, дорогая. Я бы не просил, если бы обстановка была мало-мальски нормальной. Но сейчас Эстасия сама не своя. Симоне ее постоянно изводит. Его проповеди и нотации...

Он примолк, не желая осуждать брата впрямую.

— Симоне... он, видишь ли, очень печется о ее бессмертной душе, забывая, что у нее могут быть и иные желания. Он не видит, как ей тяжело.

— Мне доводилось его слышать,— отозвалась Деметриче. В тоне ее проскользнул холодок.— Он однажды сюда наведася... в прошлом году. Чтобы осудить поступки Лоренцо и заклеить его недостатки.

— Святой Григорий, помоги мне! — Сандро пришел в сильное замешательство.— Я ничего об этом не знал! Он никогда не... Это наказание какое-то! Он стал несносен: обличает, пророчит и всех поучает, как жить! Можешь представить, что от него терпит Эстасия! Когда тебя день-деньской наставляют на путь истинный, невольно захочется согрешить.

Он вновь замолчал, подыскивая слова.

— Эстасии очень нужна поддержка. А ты отзывчива и добра... сделай это для меня, дорогая.

— Ну хорошо! — Деметриче вздохнула.— Вот я согласилась. Но это мало что значит. Я в тихом ужасе. Я даже не знаю, о чем мне с ней говорить.

— Да Господи, обо всем! Хотя бы о домоводстве! Она прекрасно ведет хозяйство! Это за ней признает даже наш Симоне. Эстасия превосходно готовит и знает рецепты многих изысканных блюд! А ее выпечка вообще выше всяких похвал. Поговорите об этом.

Хотя ей было совсем не весело, Деметриче не удержалась от смеха.

— Я ничего не смыслю в таких вещах. Я ведь росла вне дома. Единственное в чем я понимаю, так это в шнуровке корсета! Тут я могу и что-нибудь подсказать, и помочь.

— Вот и отлично! Вы с ней сойдетесь! Когда соберешься, не забудь прихватить с собой рукоделие. Эстасия замечательно вышивает. И ты, Деметриче, и ты!

— Все это хорошо, Сандро,— резонно возразила Деметриче,— но мы же не можем все время сидеть и вышивать!

Сандро досадливо покачал головой, подошел к камину и прислонился к мраморной полке.

— Ну, поболтайте о чем-нибудь... Например, о нарядах... Сравните свои платья, посметничайте, наконец! Уж во Флоренции к тому поводам предостаточно!

Он устало встряхнулся и добавил жалобным тоном:

— Я очень боюсь за нее. Иногда вечерами она забивается в угол и плачет! Ей кажется, что ее все оставили, что она никому не нужна! Конечно, в ней есть и взбалмошность, и легкомыслие, но у нее бывает такой затравленный взгляд! Особенно когда мы возвращаемся из долгих поездок.

Сандро шумно вздохнул.

— Моя просьба не накладывает на тебя никаких обязательств. Поступай как сочтешь нужным. Я все приму и пойму. Просто Эстасия мне далеко не безразлична. Она моя родственница, и я тревожусь о ней! Но, навестив ее, ты очень меня обяжешь! Кто знает, — прибавил он, усмехнувшись, — возможно, я напишу твой портрет!

— Используя новые сочетания красок? — Деметриче отошла от от огня. — Уже поздно, Сандро, а я весь день ничего не ела. Ты не присоединишься ко мне? Правда, боюсь, ужин мы уже пропустили, но на кухне нам что-нибудь соберут.

— Нет, дорогая, благодарю! — Сандро указал на окно. — Я тоже проголодался, но мне пора восвояси.

Деметриче рассеянно взглянула на небо. Там загорались звезды. Холодный мартовский вечер переходил в ночь.

— Я и не думала, что мы так заболтались. Конечно, ступай, Сандро, тебя уже заждались! Я отправлю с тобой слугу.

Сандро рассмеялся.

— В этом нет никакой нужды! Сейчас и впрямь уже поздно, а наши грабители не такие уж храбрецы! Не волнуйся, опасности нет никакой!

Она тоже в ответ засмеялась, но, когда дверь за ним затворилась, брови ее сошлись к переносице. Дело представлялось докучным и не сулило стать чем-то иным. Дверь снова скрипнула, вошел слуга-славянин, очень юный, совсем мальчик, — он проводил в библиотеке каждую ночь. Убедившись, что книги не останутся без присмотра, Деметриче решила спуститься в подвал. Там, на кухне, всегда

что-нибудь оставалось. А кто виноват, что аппетит у нее разгорелся лишь к ночи?

Чуть ли не все лестницы палаццо Медичи были предельски крутыми и узкими. Она потихоньку спускалась вниз, даже не пробуя перескакивать через ступеньки: чептырелетней давности опыт преподавал ей хороший урок. Падение было ужасным и наделало шума. Полученные синяки и ушибы не заживали много недель.

Серджио, младший дворцовый распорядитель, уже уходил, но задержался на кухне, чтобы почтительно предложить донне паштет из телятины и свинины.

— Если госпожа пожелает, есть еще тарталетки и суп.

Отпустив Серджио, Деметриче без промедления накинулась на еду.

Главный дворцовый повар Массимилио, человек огромного роста, расхаживал по подвальному помещению с широкой улыбкой на лоснящемся круглом лице. Он очень любил Деметриче и всегда радовался ее появлению.

— Кушайте-кушайте, милая донна! Только вы и способны оценить по достоинству всю эту стряпню!

Деметриче прекрасно знала, на что он намекает.

— Массимилио, все, как всегда, превосходно! Тарталетки отменные, а у паштета изумительный вкус!

— Позвольте мне налить вам немного тресбьяно. — Великан потянулся за бутылкой вина. — А когда вы покончите с этой снедью, придет пора угоститься конфетами. Ну, что скажете, а?

— О, это будет просто чудесно! — воскликнула Деметриче, немилосердно фальшивя. Вино она пила лишь постольку-поскольку и совершенно не выносила конфеты. Засахаренный миндаль пробуждал в ней изжогу.

— Вот и ладно, — вздохнул повар, наполняя чудовищного объема бокалы и откровенно любясь соломенно-желтым цветом напитка. — Вы понимаете толк в хорошей еде! Не то что наш господин!

Он негодуяюще взмахнул свободной рукой.

— Ему по душе лишь сосиски с каштанами! Чтобы как-то утешиться, я варю их в вине. А уж потом обжариваю — в разных режимах! Но все равно каштан есть каштан.

Он укоризненно покачал большой головой, его двойной подбородок мелко затрясся.

— О, Массимилио, ты ведь должен понять! Потеряв обоняние, Лоренцо потерял и возможность наслаждаться твоей великолепной стряпней.

Деметриче расправилась с очередной тарталеткой, хлебнула вина и вновь принялась за паштёт.

— Бедняга! — Повар осушил свой бокал и вновь наполнил его.

— Треббьяно — это вино, — заметил он одобрительно. — Зря от него воротят нос господа! Им же, собственно говоря, и хуже...

Деметриче уже насытилась и придала лицу умильное выражение.

— Мне бы очень хотелось отведать еще и конфет, но, Массимилио, давай их отложим. Ночь такая холодная, что я, пожалуй, отдам предпочтение супу, особенно если он будет горячим!

Массимилио глянул на донну с большим подозрением, но все же ушел вглубь просторного помещения, чтобы поставить котелок на огонь. Вернувшись, он мрачно сказал:

— Этот чужак, который теперь крутится возле Лоренцо... с нехристианским именем... как его?

— Ракоцци, — подсказала Деметриче.

— Да. Он всех нас здорово озадачил! Устроил в новом палаццо необычную кухню и начинил ее всякими варварскими устройствами. Конечно, это, в конце концов, его дело, ведь он иностранец, но, — прибавил великан, кривя неодобрительно рот, — клянусь, я лучше уморил бы всех с голоду, чем прикоснулся к этим вещам.

Высказавшись таким образом, он запустил руку в маленький шкафчик и выгудил из него полную пригоршню каких-то семян.

— Я прибавлю немного кориандра, чтобы вы согрелись поосновательнее.

— Ты очень добр, Массимилио! — Деметриче пошла за поваром к очагу. Суп уже начинал закипать, распространяя вокруг восхитительный аромат.

— Ах, донна Деметриче, это самое малое, что я могу сделать для вас. Вы так добры, так любезны! Сегодня мне нечем особенно вас порадовать, но посмотреть, как вы едите, для меня огромное удовольствие!

Он вылил дымящееся содержимое котелка в большую деревянную чашу.

— Вот! Ешьте себе на здоровье, и сладких вам снов. А у меня еще много работы. Завтра к нам припожалуют два болонских купца, чтобы встретиться со старейшинами цеха прядильщиков. Лоренцо дает им обед. Они будут говорить о сукне и деньгах и не смогут по-настоящему оценить то, что я приготовлю!

— Бедный Массимилио! — Деметриче был глубоко симпатичен этот сокрушающийся гигант. — Если хочешь, оставь что-нибудь для меня, и позже мы с тобой без помех всем полакомимся.

Повар обернулся к ней в сильном волнении.

— Вы разве не будете обедать вместе со всеми?

— Нет, если они намерены говорить только о сукне и деньгах.

В ее глазах появился задорный блеск.

— Мне будет гораздо приятнее отобедать с тобой. Еда в хорошей компании вдвое вкуснее! — Она ласково притонулась к гигантской ручище.

— В хорошей компании все хорошо, — с важностью заявил Массимилио и уже совсем другим тоном добавил: — Для меня большая честь разделить с вами трапезу, донна! Я получил новорожденных ягнят и намереваюсь особым способом их приготовить.

Деметриче пришла в полный восторг.

— Я уже умираю от ожидания!

— Радость моя, я сам умираю от счастья! — закричал Массимилио, убирая со стола пустую тарелку. — А теперь быстренько бегите в постель, чтобы горячий суп навел на вас сладкие сны!

Маленькая спальня ее находилась на третьем этаже палатцо Медичи. Она потушила свечу и задернула занавески. Сон Деметриче действительно был глубок и приправлен чудесными запахами имбиря, чеснока и кориандра.

Письмо Алессандро ди Мариано Филиппи к Леонардо да Винчи*.

«Леонардо в Милане приветствует его друг Боттичелли!

Со своим посланием, писанным в день святого Антония, посылаю тебе новые краски. Возможно, ты проявишь к ним интерес. Алхимик, приятельствующий с Лоренцо, знает секрет их получения.

Я успел убедиться, что они обладают особенной яркостью; думаю, в том же в скором времени убедишься и ты!

*Письмо твое дошло до меня 27 марта. Если Сфорца** так донимает тебя, зачем тебе там оставаться? Лоренцо просто мечтает о твоем возвращении, и хороших заказов у нас хоть отбавляй. Уж никак не менее, чем в Милане. Обдумай это, мой дорогой. Ты многое упускаешь. Даже этот насмешник Полициано говорит о тебе с уважением!*

* Леонардо да Винчи (1452–1519) — гениальный итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый, инженер. Свой творческий путь начинал во Флоренции. В 1482 году переехал в Милан, где проживал до 1500 года.

** Лодовико Сфорца иль Моро (Мавр) (1452–1508) — с 1476 года фактический правитель Милана, регент при своем племяннике Джан Галеаццо Сфорца, по его смерти сделавшийся миланским герцогом (1494–1499).

Ты, возможно, опечалился, узнав, что Лоренцо неважно себя чувствует. Это уже с ним бывало. Он пьет воды и утверждает, что они ему помогают. Но верится в то плоховато. Его руки теперь опухают гораздо чаще, чем прежде, а без приступов слабости не проходит и дня. В последнее время дальняя родственница Медичи донна Деметриче Воландри взялась читать ему вслух. Иногда — труды Платона, иногда — просто новеллы; он проводит с ней все вечера. Однако ум его все еще не утратил своей остроты, и он по-прежнему окружает себя одаренными, талантливыми людьми. Взял хотя бы молодого Буонаротти**. Несмотря на все твое обращение к мрачной скульптуре, ты вынужден будешь признать, что в нем угадывается художник большого масштаба. Лоренцо весьма гордится успехами юноши. Я думаю, он втайне мечтает, чтобы надежды подобного плана подавали и его сыновья.*

*Возможно, Джованни*** и пойдет далеко, но не в искусстве, а на стезе служения Церкви: ум у него цепкий и очень живой. С Пьеро**** все по-другому. Он не меняется и ведет себя как капризный ребенок, требующий постоянного внимания окружающих.*

А вообще все у нас хорошо. В день Вознесения состоялось великолепное празднество, и вся Флоренция вышла ловить кузнечиков на поля. В Сан-Лоренцо была отслу-

* Платон (428 или 427–348 или 347 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, высказывавший оригинальные взгляды на мироздание и мораль, разработавший схему построения идеального государства.

** Микеланджело Буонаротти (1475–1564) — великий итальянский скульптор, живописец и архитектор, начинавший свой путь во Флоренции и на протяжении всей своей жизни не порывавший с ней творческих связей.

*** Джованни Медичи (1475–1521) — сын Лоренцо Великолепного. С 1513 года — Папа Римский Лев X.

**** Пьеро Медичи (1471–1503) — старший сын Лоренцо Великолепного. С 1492 года — правитель Флоренции. Объявлен тираном и свергнут в 1494 году.

жена месса в память о брате Великолепного — Джулиано*. Это громкое дело легло на дом Пацци** неизгладимым пятном.

Мы слышали, ты все еще не оставил привычки покупать на рынке птиц и отпускать их на волю. Кое-кто из путников, проезжавших через Милан, видел это своими глазами (приятель нашего алхимика, например).

Леонардо, этих птиц не спасешь! Их тут же поймут и вновь тебе же и продадут. Удивительно, как ты, со своим умом, не можешь постигнуть такую простую вещь. Но еще удивительнее то, что человек, изобретающий изощренные орудия военного назначения и беспрестанно полосующий мертвецов, отказывается употреблять в пищу нежнейшее птичье мясо, усматривая в том какой-то особенный грех.

Что касается твоей любви к механизмам всякого рода, то, увидев новое палаццо алхимика Ракоци (изобретателя тебе посланных красок), ты пришел бы в полный восторг. Оно выдержано в гинуэзском стиле и напичкано такими устройствами, которые и представить себе нельзя! Его строители только о том и болтают, распуская невероятные слухи.

Этот Ракоци, например, соорудил в ванной комнате особую камеру, где вода может накапливаться и нагреваться, а уже потом подаваться куда угодно через подвижную трубу с краном.

Он также усовершенствовал кухню, выдумав новую печь. Она сделана из металла, по его утверждению, более пригодного для приготовления пищи. (Хотя зачем ему

это? Он ведь никогда не обедает, а почему, я не могу понять.) Наши повара задрали носы и заявили, что скорее умрут, чем станут готовить на этой коробке.

Еще поговаривают, что постель у него простая и жесткая, но в остальном он куется в роскоши!

Так что вот тебе покровитель, если ты не хочешь иметь дело с Лоренцо. Ракоци очень богат и ценит прекрасное. Услышав о твоей серебряной лютне, которой придана форма головы лошади, он заявил, что хочет купить ее, не торгуясь. Можешь не сомневаться, он щедро заплатит. Слова его никогда не расходятся с делом.

Я сам видел несколько принадлежащих ему драгоценных камней. Их красота и величина поражают! На Рождество он преподнес Лоренцо умопомрачительный изумруд, не поместившийся и в серебряной чаше!

О, этот Ракоци занятен во всем. Он изучает грунты, он плавит металлы. Ты будешь доволен знакомством с ним, Леонардо, круг его интересов чрезвычайно широк.

Умоляю, подумай о возвращении! Все, что ни предлагал бы тебе горделивый Милан, есть во Флоренции, где тебя помнят и любят.

Кузина Эстасия зовет к столу, а потому прости мою торопливость. Надеюсь, при личной встрече ты сам убедишься в моей искренности и любви!

Всегда твой

Сандро.

Флоренция, 10 мая 1491 года.

ГЛАВА 3

 Утренний туман еще не рассеялся, но приближение жары уже ощущалось. Лучи восходящего солнца позолотили крыши Флоренции, чьи обитатели готовились хлынуть на городские улицы, ибо празднество начиналось. Пьяцца дела Синьория пестрела знаменами

* Джулиано Медичи (1453—1478) — младший брат Лоренцо Великолепного. Пал на глазах у брата от руки заговорщиков, принадлежавших к семейству Пацци.

** Пацци — семейство флорентийских банкиров, не уступавшее в богатстве и знатности дому Медичи и враждовавшее с ним. В 1478 году Пацци предприняли попытку убить братьев Медичи, напав на них прямо в соборе во время мессы. Народ не поддержал заговорщиков, но Джулиано погиб.

всех ремесленных гильдий, славных изделиями своих мастеров и составлявших в целом главное достояние великого города.

— Ну, мой дорогой странник,— сказал Лоренцо, поворотившись в седле,— случалось ли вам видеть что-то подобное еще где-нибудь?

Ракоци рассмеялся, но его темные глаза были спокойны.

— Нет, Великолепный, такого не увидишь нигде!

Он пришпорил свою серую лошадь, и та, игриво взбрыкивая, понеслась по булыжнику мостовой. Звонкий цокот подков огласил окрестные переулки.

— Даже если он видел что-то похожее,— медленно процедил третий участник прогулки,— воспитание не позволит ему высказать это прямо. Глупо надеяться на правдивый ответ.

Некрасивое лицо Лоренцо Медичи омрачилось, однако он ничего не ответил и лишь сильнее, чем надо бы, хлестнул своего чалого жеребца. Спутник не отставал, и Лоренцо был принужден бросить ему в сердцах:

— Аньоло, ответ, несомненно, правдив. Твое соседство избавляет кого-либо от необходимости соблюдать правила хорошего тона!

Они уже нагоняли Ракоци. Аньоло расхохотался.

— Ты обижен, Лоренцо? Почему же ты не ударишь меня? Может быть, потому, что не хочешь уронить себя в глазах чужеземца? Наш Ракоци молчит о своих титулах, но бьюсь об заклад на половину золота в твоём банке, что он гораздо знатнее и тебя, и меня!

Лоренцо лишь усмехнулся.

— Мы флорентийцы, Аньоло! Ни у кого из нас нет благородных корней. Но вы,— он обернулся к Ракоци,— вы, несомненно, являетесь отпрыском древнего и знаменитого рода. Франческо Ракоци да Сан-Джермано. Да Сан-Джермано!

Он покатал во рту имя своего молчаливого спутника, словно пытаясь определить его вкус.

— Где находится Сан-Джермано, Франческо, и что это место значит для вас?

Они уже пересекали понте алле Грации, и высокий шпиль палаццо делла Синьория сделался хорошо виден.

Лоренцо дал знак всадникам придержать лошадей.

— Там большая толпа. Нам, пожалуй, надо бы выбрать другую дорогу.

Он помолчал и повторил свой вопрос:

— Так где же находится Сан-Джермано?

До сих пор Ракоци удавалось уходить от ответа на расспросы подобного рода, но тянуться до бесконечности это, конечно же, не могло. Глазами он видел холмы Тосканской возвышенности, но перед его внутренним взором вставали другие края.

— Моя родина... далеко, в древних горах, где турки и христиане все еще продолжают резать друг друга. Это Валахия, Трансильвания...

Он натянул поводья и взглянул на Лоренцо.

— Быть простым гражданином Флоренции много лучше, чем принцем крови, изгнанным из своей страны.

Толпа молодежи, высыпавшаяся с виа де Бенчи, окружила всадников. «Шары! Шары!»* — восторженно завопили юнцы. Лоренцо кивком головы поблагодарил их, и гуляки помчались дальше.

— Изгнанным?

Ракоци промолчал.

— А мне кажется, что даже изгнанникам в счастливой Флоренции лучше живется, чем некоторым правителям мира! — произнес, ухмыляясь, Аньоло Полициано, указывая на истощенных, одетых в лохмотья детишек, выглядывающих из подворотни. — Вот изгнанникам из Флоренции и впрямь приходится нелегко. На что ты намекаешь, Лоренцо? Тебе хочется выслать меня? Так сделай же это, ибо жена твоя умерла и возразить не сможет.

* Клич сторонников Медичи, ибо герб этого дома составляли пять красных шаров.

Лоренцо помедлил с ответом.

— Когда у меня появляется желание швырнуть тебя в воды Арно, дражайший Аньоло,— проговорил он наконец,— я делаю так...— Он прикоснулся правой рукой к длинному шраму на горле.— И вспоминаю, что, если бы в ту кровавую Пасху тебя не было рядом со мной, я умер бы, как и мой брат, а власть во Флоренции захватили бы Пацци. Поэтому можешь дразнить меня сколько угодно, мой друг: Медичи перед тобой в неоплатном долгу.

— Прелестно, прелестно! Какая чувствительность! Какая высокая философия! — восхитился Полициано.— Добавь к тому же, что без меня в твоей библиотеке воцарится полный развал, а многие редкие рукописи так и останутся гнить в Болонье! Вот главный резон, по которому ты терпишь меня!

Внезапно он качнулся в седле и чуть не свалился на землю, ибо лошадь его взбрыкнула, испугавшись резкого трубного звука, донесшегося с пьяцца делла Синьория.

— Черт бы побрал великомученика Антония! И как он выносит весь этот шум в свою честь?

— Шествие скоро начнется,— спокойно заметил Лоренцо,— нам лучше бы поспешить!

— Как пожелаете! — Ракоци подобрал поводья. Разговор сворачивал со скользкой дорожки, и он был этому рад.— Может быть, вам претит вся эта толкотня? Тогда не угодно ли осмотреть мое будущее обиталище? Работы подходят к концу, а момент сейчас более чем подходящий. Рабочих там нет, они веселятся где-нибудь, и мы, не спеша, все осмотрим.

— Клянусь ранами Господа нашего! — вмешался Полициано.— На что там смотреть, кроме стен? Вы можете расписать их, покрыть гобеленами или еще как-нибудь разукрасить. Но все равно они останутся стенами, разве не так? Одни будут толще, другие — тоньше, но им не дано стать чем-то иным. Стены есть стены — и только!

Ракоци рассмеялся.

— А потолки есть потолки, полы есть полы, печи есть печи. Вы совершенно правы, Полициано: мир скучен и мало чем может нас удивить!

Его последние слова утонули в реве десятка труб. Лошади закрутились на месте. Всадники, успокаивая животных, натянули поводья.

— Ох, чтоб их всех! — Полициано, пытаясь сохранить равновесие, резко взмахнул рукой. Его гнедая вскинула морду и беспокойно загарцевала.

— Это праздник, Аньоло,— терпеливо сказал Лоренцо,— Когда флорентийцы выходят на улицы, они делаются большими детьми. Их напор, как морской прилив, сметает любые преграды. Нам следует либо велеть очистить пьяцца делла Синьория от горожан, либо поскорее отсюда убраться.

— И потерять день, глаза на некую новостройку? — Маленькие глазки Полициано сузились, губы плотно поджались.— Ну хорошо! И все-таки стены есть стены!

— Да, это так,— согласился с иронией Ракоци.— Но иногда они образуют весьма занимательные углы.

Он повернулся к Лоренцо.

— Вам и вправду не хочется присоединиться ко всем?

— Я уже не раз это видел. А теперь предпочту осмотреть ваш дворец. С флорентийцами пусть побудет Пьеро.

Лоренцо внезапно задумался, его тяжелая нижняя челюсть выдвинулась вперед.

— Я не вечен. Пьеро должен учиться править. Пора бы ему понять, что этот город совсем не красочная игрушка.

Он поддел поводья концом узловатого пальца.

— Видите ли, уважаемый странник, мой старший еще очень глуп! Ему уже двадцать, и время уходит.

Аньоло коротко хохотнул.

— Мне он вовсе не кажется глупым. Мальчик просто избалован толпой. Он очень красив, и Флоренция его обожает!

— Значит, Пьеро красив, а я — нет?

Лоренцо не стал ждать ответа. Он тронул свою лошадь, направив ее навстречу людскому потоку, стремительно к ним приближавшемуся.

— Я хорошо представляю, как выгляжу. Пьеро ничуть не лучше, он лишь моложе. Вот Джулиано — тот был и вправду красив. Ладно, оставим это. Возможно, именно внешность и побуждает меня тянуться к красивым вещам. Давайте свернем к Санта-Кроче.

Он явно хотел прекратить разговор.

Но Аньоло не унимался.

— Не стоит отчаиваться, Лоренцо! Ты ведь читал Платона. Ты должен знать, что расположения Сократа* добились многие молодые красавицы Афин. Так что не сокрушайся! Твои добродетели дают тебе шанс.

С этими словами Полициано резко дернул поводья и направил свою лошадь в проулок.

— Мое лицо и в Афинах считалось бы безобразным!

В этом признании не было горечи. Через какое-то время Лоренцо уже скакал впереди, раскачиваясь от быстрой езды, и на задней луке его седла золотом вспыхивала чеканка «Лор. Мед.». Будучи человеком тонкого вкуса, он все-таки имел эту слабость: пометать своей монограммой все, чем владел.

Ракоцци предпочитал следовать в арьергарде маленькой кавалькады. Он покачал головой, когда Полициано стал обгонять своего патрона. Медичи позволил нахалу какое-то время скакать впереди, затем вновь искусно его обошел. В этом был весь Лоренцо, всегда и везде стремившийся быть первым.

Когда вдали завиднелась церковь монастыря Сан-Марко, Полициано устал от игры. Он дал своей лошади приотстать и раздраженно скривился.

— Ну и чего ты этим добился, патрон? Ты, конечно, едешь лучше меня! Ты во всем лучше меня! Я знаю это. И все-таки я тебя обскачу! Обставаю, ты слышишь?

Не дождавшись ответа, Аньоло воскликнул:

— Черт бы побрал твою терпимость, Медичи! На твоём месте я бы прогнал меня прямо сейчас и минимум лет на десять запретил приближаться к Флоренции!

Медичи только покачал головой и обернулся к Ракоцци.

— Он очень надеется подружиться с Пьеро. Но вряд ли ему это удастся.

Полициано фыркнул, но промолчал, потом фыркнул опять:

— Сан-Марко? Как можно жить в соседстве с ханжами-доминиканцами?

Этот выпад адресовался уже не Лоренцо.

— Эй, Сан-Джермано, в вашей стране любят монахов? Ракоцци поднял бровь.

— Это зависит от того, кто ты — турок или христианин, я полагаю. Что до меня, то мне они не мешают.

— А мне мешают! — громко заявил Полициано. — И даже очень! Особенно этот неистовый проповедник, появившийся у нас в прошлом году. Как его имя, Лоренцо? Он когда-то служил здесь. Ты знаешь, о ком я говорю.

— Джироламо Савонарола*. — Лоренцо вздохнул. — Открой ему кредиты, Аньоло. Он, конечно же, фанатичен, но искренне верит в то, о чем говорит, и не вмешивается в дела, которые его не касаются.

— Ты думаешь, он в стороне от политики? — Полициано сделал непристойный жест. — Это лишь потому, что он еще не почувствовал вкуса власти! Нельзя было позволять ему возвращаться сюда, Лоренцо! Это твоя большая ошибка!

* Сократ (ок. 470–399 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист. Учитель Платона. Был приговорен современниками к смерти за «поклонение новым божествам» и «развращение молодежи».

* Джироламо Савонарола (1452–1498) — итальянский религиозный и политический деятель. С 1491 года — настоятель доминиканского монастыря Сан-Марко во Флоренции.

— На следующей улице, Великолепный, надо бы повернуть, — сказал Ракоци, не сомневаясь, что Лоренцо прекрасно знает дорогу.

— Хорошо, — Лоренцо кивнул и вновь обратился к Полициано: — Говори мне что угодно, Аньоло, но не расстраивайся об этом где-то еще. Ты придаешь слишком много значения этому человеку. У нас и так много трудностей, ссориться с Церковью совсем ни к чему. Пусть себе одержимый монах проповедует аскетизм, от нас не убудет. Если кто-то из горожан и найдет утешение в умерщвлении своей плоти, кому от этого будет плохо? Да никому. Но, выступив против гневного обличителя, подвергнув Савонаролу гонениям, мы вовлечем его в политику кратчайшим путем! Слава страдальца привлечет к нему много союзников, и это грозит Флоренции худшими бедами, чем эпидемия сифилиса или война.

Он натянул поводья и пустил своего чалого рысью по новехонькой, только-только уложенной мостовой.

Полициано покачал головой.

— Как? Неужели Медичи трусит? И распрекрасно! Продолжай прятать голову под крыло. Ты, возможно, боишься ссориться с Церковью из-за своего разлюбезнейшего зятя? Но, даже если его отцом и является сам Папа*, поддержка Савонаролы тебе не нужна!

Внезапно он стал очень серьезным. Маленький рот Аньоло сошелся в одну линию, что придавало его лицу жестокое выражение.

— Говорю тебе, этот доминиканец опасен! Предупреждаю, он уничтожит тебя!

Последовал шутовской поклон, Аньоло заулыбался. Очень язвительно, зло.

— А впрочем, не обращай на мои бредни внимания! Если вздумается, кто ты такой? Скромный простой граж-

данин Флоренции. Папским прихвостням вовсе незачем считаться с тобой!

Лоренцо смолчал, но его челюсти так напряглись, что бугры лицевых мускулов выступили под кожей. Широкополая шляпа закрывала глаза Медичи, но Ракоци знал, что в них гнев и боль.

Полициано вновь изменил тон.

— Не держи меня за глупца, мой милый Лоренцо! Да и сам не будь таковым!

Ответа не последовало. Лоренцо уже осаживал своего чалого возле дворца. Чуть ли не все пространство, прилегающее к новенькому палаццо, было завалено строительным лесом и грудami камня.

Лоренцо спешил, перекинул поводья через голову жеребца и привязал их к ближайшему брусу.

— Я никогда не держал тебя за глупца, — буркнул он раздраженно.

Ракоци тоже спрыгнул на землю и накиннул поводья на крюк, выступавший из решетки ограды.

— Итак, почтенный Полициано, в вас еще не проснулось желание полюбоваться на стены и потолки? Если нет, вы можете здесь остаться и выпить вина — его сейчас подадут.

Предложение явно пришлось Аньоло по вкусу. Он высвободил ноги из стремян и соскользнул с лошади.

— О, с удовольствием, мой избавитель! Благодарю тысячу раз! Я и так уже вижу, что стены прямые. Думаю, мне и отсюда удастся все по достоинству оценить.

В темных глазах Ракоци вспыхнули огоньки.

— Полагаю, удастся.

Он пожал плечами, словно бы отгоняя какую-то мысль.

— Вот скамейки. Они еще не на месте, но вы можете сесть. Думаю, строители не будут в обиде. А на другом краю двора только вчера положили мозаику. По ней лучше бы не ходить!

Полициано привязал поводья гневой к прутьям оконной решетки и рассеянно осмотрелся.

* Имеется в виду Папа Иннокентий VIII (годы папства: 1484–1492). Один из его незаконнорожденных сыновей, Франческетто Чибо, женился на дочери Лоренцо Великолепного Магдалене Медичи.

— Мило, очень мило! Мозаика хороша! Нечто подобное я видел в Риме. Однако где же вино?

Он вопросительно посмотрел на Ракоци. Тот — на фоне темного дверного проема и в своем черном одеянии из венецианского шелка — казался совершенно бесплотным.

— Минуту терпения, мой дорогой. Я позову Руджиеро!

Он хлопнул в ладоши.

Этот звук отвлек Лоренцо от созерцания гербов, украшавших решетку ворот.

— Ракоци, что тут за буквы? Они похожи на греческие, но слов я не разберу. Это не русские письма?

В тоне Ракоци прозвучал холодок.

— Нет, Великолепный, не русские. И не греческие.

Лоренцо опять оглядел черный диск, снабженный серебряными крылами.

— Но что они означают? — Он отступил на пару шагов, рассеянными щелчками сбивая с дорожной накидки соринки. — По некоторому размышлению я нахожу это... несколько мрачным, тревожащим душу. Сама эмблема очень изысканна и впечатляет гораздо больше моих красных шаров, но есть в ней что-то... пугающее. Что тут написано?

Глаза Ракоци сузились.

— Это не так-то легко выразить на итальянском... но я постараюсь: «Вечно из вечной тьмы возрождаясь». Что-то в таком роде. Разумеется, речь идет о затмении солнца. Старый герб. — Он опустил глаза. — Очень старый.

— И очень необычный, — отозвался Лоренцо и, нарушая все правила этикета, снял берет.

— Сейчас слишком тепло для мая, — пояснил он.

Вдали послышался стук башмаков, и вскоре между колоннами галереи замелькала фигура приближающегося к ним человека — среднего роста и средних лет. Немного обветренное, чисто выбритое лицо и подпоясанная ремнем рубаха из грубой холстины довершали его портрет.

Слуга сошел по ступеням во двор и с большим достоинством поклонился.

— Руджиеро, этот синьор, — Ракоци указал на Аньоло, стоявшего возле скамьи, — умирает от жажды. Немедленно принеси ему вина и персидских сластей.

— Как будет угодно хозяину.

— А после подай нам миндального молока.

Кивнув Аньоло, Ракоци повернулся к Лоренцо.

— Я угадал, Великолепный?

Суровое выражение лица Лоренцо немного смягчилось, он нехотя улыбнулся.

— Что ж, прекрасно! Но... я удивлен, что вы так хорошо знаете мои вкусы.

— Да? — Ракоци подал Руджиеро знак удалиться и подошел к мозаике, уложенной вокруг чаши будущего фонтана. — Удивляться тут нечему. На кухне больше ничего не осталось. Разве что фрукты и хлеб. Впрочем, нам могут что-нибудь принести из соседней таверны. Прикажите — и стол будет накрыт.

— Нет, благодарю, к еде я равнодушен. Миндального молока будет достаточно, оно освежает. — Лоренцо посмотрел на мозаику. — Вы выбрали сложный рисунок. Он очень походит на классический, древнеримский...

Не походит, а в точности повторяет, подумал Ракоци, но говорить об этом не стал и лишь улыбнулся.

— Признаюсь, этого мне и хотелось добиться.

— И это вам удалось! — Лоренцо обернулся к Аньоло: — Так что же, Полициано, идешь ты с нами или останешься тут?

— Предпочитаю вино! — Маленькие глазки Полициано сердито блеснули. — Наслаждайся свободой, Лоренцо. Я утешусь один.

Ответ Лоренцо звучал примирительно.

— Смотри не переусердствуй.

Медичи сделал большой шаг и пошел вверх по лестнице, поднимающейся к галерее.

— Мне нравятся эти колонны. Такие же будут и наверху?

— Да. Кроме того, мне хочется расписать стены палаццо так, чтобы они гармонировали с орнаментом пола. Не порекомендуете ли вы мне кого-нибудь из молодых мастеров? Я знаю, что Сандро сейчас занят, но... есть ведь еще и юный Буонаротти... и...

— Возможно. Дайте мне время подумать.

Они вошли в зал, разминувшись с сосредоточенным Руджиеро.

— Светильники расположены очень разумно.

— Благодарю.

— Но если вделать за ними что-то вроде зеркал, то света будет намного больше.

Лоренцо остановился и указал, как это можно сделать.

— Работы немного, зато зал будет просто сиять.

— Толково,— кивнул Ракоци. Совет и вправду был дельным.— Однако путь из Венеции довольно неблизкий. В дороге обязательно что-то побьется. Впрочем, идея стоит того. Решено. Я пошлю туда расторопного человека.

Лоренцо нахмурился. В нем проиграл флорентинец.

— Из Венеции? Разве нельзя заказать зеркала здесь?

Он хорошо знал, что флорентийские зеркала уступают венецианским, и, пожав сердито губами, нашел компромисс.

— Полированный металл в данном случае зеркалам не уступит. И тут уж венецианцам до нас далеко. Что вам мешает заказать отражатели из металла?

Облегченно вздохнув про себя, Ракоци рассмеялся:

— Ничто не мешает. Полированные пластины вполне подойдут!

Он указал на огромные окна, выходящие во внутренний дворик.

— Они вам должны понравиться! Летом тут будет чудно.

— Но неуютно зимой,— заметил уже довольно миролюбиво Лоренцо.

— Я думал об этом. И решил установить специальные жалюзи, скрадывающие их истинные размеры.

Ракоци отступил на шаг, уважительно поклонившись и предоставляя гостю право судить, хороша его идея или плоха.

Лоренцо молча продвигался по залу. Возбуждение в его карих глазах все нарастало. Наконец, остановившись возле широкой мраморной лестницы с маршами, расходящимися на половине подъема и сходящимися наверху, он восхищенным тоном сказал:

— Признаться, мне не очень-то по душе генуэзские выверты, но то, что я вижу, просто великолепно! Особенно меня поражает эта лестница! Ничего подобного во Флоренции нет! Как вы собираетесь декорировать стенку площадки?

Ракоци промолчал.

— Живопись! Два, может, три небольших полотна. Или одно, но огромных размеров. Или статуя в римской манере.— Медичи выжидающе посмотрел на владельца палаццо.

— Наверное, нет.— Ракоци поднялся на ступеньку и встал рядом с Лоренцо.— Мне бы хотелось обшить всю эту площадь деревянными резными панелями. Такое для ваших краев не очень привычно, однако на моей родине часто делают так.

А еще эти панели прекрасно замаскируют ходы в секретные помещения здания, но он не счел нужным о том сообщать.

— Хм! Дерево? И впрямь необычно. Однако, как я понимаю, вас это будет греть.

Лоренцо повернулся и продолжил подъем по ступеням, намереваясь осмотреть комнаты верхнего этажа.

— Все просто отменно. Пропорции радуют глаз. Так что в очень скором времени, я полагаю...

Он не договорил и замер, на шаривая перила рукой. Его загорелое лицо стало сереть.

Ракоци осторожно приобнял гостя за талию и встал, принимая его вес на себя. Он молчал, стараясь ничем не выдать

своего беспокойства, ибо знал, что Медичи горд. Проявление какого-либо сочувствия могло его смертельно обидеть. Лоренцо, пытаясь пересилить боль и слабость, тоже молчал, его крупные руки с длинными узловатыми пальцами сильно дрожали. Одна из них судорожно мяла шелковый отворот черного испанского камзола соседа.

— Великолепный, как мне следует поступить? — Голос Ракоци звучал тихо и ровно, в нем не слышалось ни единой тревожной ноты.

— Христос и святой Иоанн! — с трудом промывал Лоренцо сквозь сжатые зубы. Его слегка выпуклые глаза были полуприкрыты тяжелыми, дрожавшими от напряжения веками, он соскальзывал с плеча Ракоци, пытаясь присесть. Маленькие, но очень цепкие и очень сильные руки осторожно и бережно опустили Медичи на невысокие ступени мраморной лестницы и принялись расстегивать воротник его ездовой куртки.

Губы Лоренцо дрогнули.

— Франческо... нет... стой!

С видимым усилием Медичи открыл глаза.

— Ну вот. Мне уже лучше. Подождем пару минут.

Ракоци кивнул.

— Хорошо, подождем. Но, может быть, стоит послать за врачом?

— Нет! — Лоренцо сделал несколько вдохов и выдохов. — Скоро все прекратится.

Он вновь стал задыхаться и смолк. Потом с огромным усилием выдал:

— Покаянитесь молчать о том, что тут было! Покаянитесь своей жизнью!

— Жизнью? — Ракоци усмехнулся. Он кивнул и вложил свои маленькие руки в большую ладонь.

— Клянусь! Моей жизнью и моей родиной!

Лоренцо кивнул с облегчением, хотя в глазах его промелькнула тревога.

— Вот и хорошо. Хорошо! — Он отвернулся.

На какой-то миг воцарилась мертвая тишина, которую Ракоци все же решился нарушить.

— Великолепный? — окликнул он.

— Минуту, Франческо.

Лоренцо сидел опустив голову, машинально потирая свои опухшие пальцы.

— Подагра. Как она мучает нашу семью!

— Подагра? — В голосе Ракоци прозвучало сомнение.

— Она свела в могилу отца, — продолжил Лоренцо и снова умолк.

— Я не подозревал. Простите.

Тон Ракоци был почти безмятежным. Гордость Лоренцо Великолепного не должна быть задета. Кто он такой, чтобы сомневаться в том, что ему говорят? Да и с какой стати?

— Он умер не от нее... — Лоренцо повернулся к Ракоци и схватился за его локти, пытаясь подняться. — Но он боролся с ней... много лет. Меня она, впрочем, не слишком-то беспокоила. До недавнего времени... да, до совсем недавнего времени. Потом начались приступы... правда, не такие жестокие.

Он вновь попытался встать, и это ему удалось. Ракоци встал вместе с ним.

— Друг мой, — шепнул он почти неслышно, — если вам не покажется это зазорным, знайте, что в любой ситуации вы можете рассчитывать на меня. Я не подведу вас, поверьте.

Лоренцо сильно шатало, но он все же поймал равновесие и замер, придерживаясь за перила.

— Благодарю, чужеземец! Кто знает... Возможно, мне вскоре понадобится поддержка! Кто знает... Благодарю.

Снизу послышался звук шагов, к лестнице подходил Руджиеро. В руках у него был поднос с золотым кубком.

— Хозяин... — нерешительно обратился он к Ракоци.

Тот окинул его внимательным взглядом.

— Да, ты все сделал правильно. Поднимайся сюда.

Лоренцо протестующе вскинул руку, но это никого не смутило.

— Вы нуждаетесь в этом, мой друг. Выпейте молока. Утро было достаточно напряженным.

Медичи приосанился и постарался принять беззаботную позу.

— Ах, видели бы вы меня лет двадцать назад! Тогда это утро вовсе не показалось бы мне утомительным! Но двадцать лет огромный срок!

— М-да, срок... — пробормотал Ракоцци со странным выражением в глазах. Он снял сияющий кубок с подноса и протянул его гостю. — Мой Амадео прекрасно готовит миндальное молоко.

— Ну хорошо, — Лоренцо кивнул. — Оно ведь сладкое, а сладкое, говорят, не идет мне на пользу. Однако я с удовольствием выпью его.

Он сделал что обещал, и рука его почти не дрожала. Медичи улыбнулся и принялся рассматривать кубок, цокая от восхищения языком. Ракоцци улыбнулся в ответ и склонился в глубоком поклоне.

— Друг мой, окажите мне честь. Соболаговолите принять эту чашу в знак моего глубокого уважения к вам!

К Лоренцо медленно возвращались силы. Он поднял кубок на уровень глаз.

— Это королевский подарок, Франческо!

— Он преподносится человеку, равному королям!

Ракоцци поклонился еще раз и заявил, переменяв тон:

— А теперь, пожалуй, пора возвращаться. Полициано, я полагаю, не очень-то терпелив.

Он улыбнулся.

Лоренцо сделал понимающую гримасу, отдавая должное политичности владельца палаццо, и бережными движениями уложил кубок за пазуху. Измученное лицо его выражало довольство. Что делать, Медичи любят красивые вещи. И не любят оставаться в долгу. Он найдет случай отблагодарить чужеземца.

— Дайте-ка мне вашу руку, Франческо. Забудем об этикете.

Поддерживая друг друга, мужчины спустились с лестницы. Теперь их, казалось, объединяло нечто большее, чем дружеская приязнь.

Руджиеро, следовавший за ними, учтиво осведомился:

— Не нужно ли господам чего-то еще?

— Нет, Руджиеро. Ты можешь идти. — Ракоцци дал знак слуге удалиться. Когда тот ушел, он спросил: — Вы в самом деле ни в чем сейчас не нуждаетесь?

— Думаю, нет.

Лоренцо пошел через зал. Шаги правителя Флорентийской республики были не слишком уверенными, но крепили по мере его приближения к выходу из палаццо. Во двор он спустился совсем молодым.

— Что-то вы быстро, — хмыкнул Полициано. Кувшин, стоявший рядом с ним на скамейке, был наполовину опорожнен. — Впрочем, как я уже говорил, стены есть стены. Их созерцание нагоняет тоску даже на очень терпеливых людей.

Лоренцо пропустил насмешку мимо ушей.

— В полдень у меня назначена встреча с приором. Я должен переодеться, Аньоло. Не подобает на такую аудиенцию являться в костюме для верховой езды.

Он подошел к своему жеребцу и принялся отвязывать повод, но пальцы его подрагивали и дело шло плохо.

— Опять твои штучки, Великолепный? — скривился Аньоло. — Ну, ради всего святого, поехали же наконец!

— Ракоцци! — Лоренцо, уже сидя в седле, обернулся. — Мне неавистна сама мысль, что вас могут заставить покинуть Флоренцию какие-нибудь дела. По крайней мере, в ближайшее время. Лышу себя надеждой, что этого не случится.

Ракоцци улыбнулся.

— Уверяю, у меня нет таких дел.

Но Лоренцо не успокоился.

— Я очень огорчусь, узнав о чем-либо подобном.— Он немного помедлил.— И пушу в ход все средства, чтобы вас задержать.

— О, святой Михаил! Неужели и Ракоци втянут в наши интриги?! — язвительно воскликнул Полициано.

— Нет,— коротко бросил Лоренцо, с неудовольствием покосившись на болтуна. Он сжал повод так, что опухшие суставы его побелели.— И не думаю, что в этом будет нужда.

Медичи выпятил нижнюю челюсть и всадил шпоры в бока своего чалого так, что тот птицей перелетел через груды камней и понесся галопом по выложенной брусчаткой дорожке, оглашая окрестности звоном подков.

Ракоци долго следил за всадниками. Лоренцо, видимо пребывая в большом раздражении, бешено работал хлыстом, Полициано, не отставая, висел у него на плечах. Даже когда гости скрылись из виду, хозяин не сразу ушел со двора. Он какое-то время стоял, пребывая в задумчивости, потом с видимой неохотой отвязал своего скакуна от ограды и побрел на конюшню. Лицо его казалось обеспокоенным, и беспокойство это все возрастало.

Письмо Джан-Карло Казимира ди Алерико Чиркандо к Франческо Ракоци да Сан-Джермано.

«Дорогому учителю и другу Франческо Ракоци во Флоренции Джан-Карло шлет свои почтительные приветствия.

Это письмо доставит вам Иоахим Бранко, который прибудет, как вы и настаивали в своем письме от 24 июля, в середине сентября, если ему удастся избежать нападений, преследующих путников в дороге, и без потерь разминуться с разбойниками и стражей. Как магистр Бранко, так и сопровождающий ему Балтазар Секко везут с собой наборы сушеных трав, пряностей и лекарственных

ных снадобий, чтобы не вызывать подозрений. Образцы металлов и руд, которыми вы интересуетесь, будут посланы позже, так как корабль Паоло Бенедетто застигнут в пути непогодой. Я получил известие, что сейчас он на Кипре, и остается загадкой, сколько ему там стоять. Но будьте уверены: как только руды прибудут в Венецию, я тут же пошлю их вам с Гвидо Фрескомаре и фра Бонифацио.

Никлос Аулириос сообщил, что вами для него изготовленное водяное колесо, использующее мощностъ прилива, сгорело. Он едет в Египет и должен через Оливию известить вас о том.

Здесь по-прежнему все спокойно, и вашему дому не угрожает ничто. Великий дож ждет вас не дожидаясь: он скучает, у него кончается золото. Но я сообщил ему, что ваша отлучка затягивается и что в скором времени вы здесь вряд ли появитесь. Впрочем, я взял на себя смелостъ произвести некоторое количество золота, достаточное, чтобы наполнить венецианский винный бочонок. Этот бочонок от вашего имени я собираюсь преподнести дожу к рождественским праздникам. Он, несомненно, будет расстроган и восхищен.

Рад сообщить, что заказанная вами гондола готова. Она достаточно вместительна, на бортах выбиты ваши гербы. Вместо балласта все ее днище устилает земля, именно та, какую вы мне прислали. Дайте сигнал — и ваш собственный гондольер доставит вас прямо к дому.

Цены на перец опять подскочили. Прикажете ли вы хранить весь запас, или мне будет позволено продать какую-то часть? Денег, правда, у нас предостаточно, однако жаль упускать момент. Англичане готовы взять все, не торгуясь. Дайте мне знать, как поступить, через курьера. Цены, я думаю, продержатся до поста.

Писано собственноручно и передано в руки магистра Иоахима Бранко, в чем уверяет преданный вам

*Джан-Карло Казимир ди Алерико Чиркандо.
Венеция, 19 августа 1491 года».*

ГЛАВА 4

Только несколько свечей горели в доме Сандро Филиппи на виа Нуова. Сам художник уже часа два как улегся, и даже его фанатичный брат Симоне, отбубнив на ночь положенные молитвы, ворочался на своем жестком ложе в тщетной попытке уснуть.

Донна Эстасия, сидя у зеркала, расчесывала свои роскошные каштановые волосы. Она тихо напевала любовную песенку, не прерывая размеренных ритмичных движений:

О, как блажен свиданья час!
Он дарит негу и забвенье.
О, как дерзки прикосновенья,
страсть пробуждающие в нас...

Эстасия улыбнулась. Стихи Лоренцо Великолепного как нельзя более отвечали ее настроению. Она уже вся истомилась в ожидании дерзких прикосновений.

Таит красавица моя...

Донна загнулась. Ей захотелось изменить эти слова. Было бы так замечательно, если бы они говорили не о возлюбленной, а о возлюбленном. Однако такая перемена разрушила бы ритм и рифмовку строфы, и потому, весело потряхнув головой, Эстасия допела куплет до конца. Но представляла она себе все равно не женщину, а мужчину.

...Родник, спасающий от жажды.
К нему припасть мечтает каждый,
но в рай допущен только я!

Да, восхитительные стихи. Недаром Лоренцо прозывают Великолепным. Только она, Эстасия, и ее сердце знают, в каком человеке нежно пульсирует этот животворящий родник.

Ночь была теплой, ветерок, залетающий в окно, приносил с собой запахи лета. Эстасия вздохнула и отложила

щетку. Куда же запропастилась баночка с чудодейственным притиранием? Мальвазия, серая амбра и мускус, входившие в состав этого средства, должны были сделать ее лицо, руки и плечи нежными и благоуханными.

Баночка стояла за зеркалом — его подарил ей Сандро, рискуя навлечь на себя гнев Симоне. Донна сняла с нее крышечку из желтой слоновой кости и принялась умащать свою кожу. Затем, повинувшись порыву, она распахнула пеньюар и принялась наносить ароматную мазь на груди. Длинные тонкие пальцы медленными движениями втирали бальзам в упругую плоть.

Эстасия уже собиралась встать и вдруг ощутила, что что-то руки коснулись ее обнаженных плеч. Сдавленный стон вырвался из ее горла и перешел во вздох вожделения. Донна медленно повернулась и очутилась в объятиях гостя.

— Франческо,— прошептала она, прижимаясь к нему всем телом.— Ох, как ты меня напугал.— Томные нотки в голосе женщины утверждали обратное.

— В самом деле? — Ракоци прикоснулся к ее подбородку.— Ну, ты все еще боишься меня?

Она, возбужденно хихикнув, встала.

— Нет. Конечно же нет! — Эстасия отшвырнула в сторону пеньюар.— Но я изголодалась, Франческо. Мы не виделись одиннадцать дней.— Пальцы ее пробежались по его черному свободному одеянию.— Я слишком много ночей провела в своем собственном обществе. Отбери меня у меня же. Сейчас же, скорее! — Эстасия отступила на шаг и приподняла ладонями тяжелые груди.— Видишь? Я надушила их для тебя. Они очень нежны.— Она соблазнительно изогнулась.— Скажи, что любишь меня. Скажи, что я самая желанная женщина в мире!

Он приглушенно засмеялся.

— Ты сама уже все сказала. Могу лишь добавить, что твоя кожа нежнее и ароматнее самых изысканных притираний Востока. Еще скажу, что пришел я к тебе как истомленный жаждой путник и не уйду, пока досыта не напьюсь!

Лицо Эстасии вспыхнуло. Слова его целиком совпадали со стихами Лоренцо. Возможно, он их тоже читал. Сияние свечей словно бы позолотило обнаженное тело красавицы, дыхание ее участилось.

— Франческо!

Он подхватил ее на руки, ощущая желанную тяжесть трепещущей от вожделения плоти. Эстасия изнемогала, голова ее запрокинулась, соски отвердели. «Скорее,— бормотала она,— ну же, скорее!» Легким движением он отвернул покрывало, ножки постели скрипнули, зашуршал бадахин.

— Ко мне! Скорее! Ближе! Еще ближе! — Карие глаза женщины потемнели от нарастающей страсти. — Ну же, Франческо! Я вся горю!

Но он не спешил.

— Тише, Эстасия, тише!

Он успокаивал, а руки творили иное. Сильные гибкие пальцы его уже затевали игру и то нежно, то дерзко исследовали каждую пядь ее тела — грудь, губы, глаза, бедра, — забираясь во все ложбинки и впадины и все смелее проталкиваясь к мягким складкам в паху.

Эстасия застонала, сладостное напряжение в ней все росло и росло, а пальцы не унимались. Они уже завладели укромной расщелиной и с бесцеремонностью завоевателей проникали во все ее уголки. Она попыталась оттолкнуть эти властные руки, чтобы продлить мгновения сладостной неги, но опоздала: что-то внутри ее словно бы сжалось, а потом разлетелось в разные стороны. Взрыв завершился серией сильных экстатических спазмов, вечность спустя перешедших в затухающие содрогания.

Она приподнялась на локте и вздохнула. Зверь не насытился, но первый голод был утолен. Губы женщины изогнулись в капризной усмешке.

— Ты еще возьмешь меня так, до того как уйдешь?

Ее ноготки пробежались по твердому подбородку ночного гостя.

— Ты этого хочешь? — Он ничем не выдал своего недовольства. Бедняжка. Ей приходится нелегко. Раз от раза Эстасия делается все неумнее. Толкает ее на это страх перед одиночеством, но она этого не сознает. И не понимает, что плотское наслаждение вовсе не лечит душевные раны.

— Да! Да! Хочу! Я хочу, чтобы ты делал это еще, еще и еще, пока от меня совсем ничего не останется.

Она подтянула к себе подушку.

— Скажи, что сделаешь это.

Властная нотка в ее голосе насторожила его.

— Может быть. А сейчас спи, Эстасия!

— Покайся, что не уйдешь, пока я сплю! — Она схватила его за руку.

— Ну-ну, дорогая, — мягко проговорил он, высвобождаясь, — мы ведь в самом начале условились, что ты не будешь мной помывать. Если тебе нужен слуга, следует найти кого-то еще.

Эстасия замолчала. В глазах ее засветился страх.

— Но ты ведь хочешь меня? Хочешь?

— Ну разумеется. Мы оба друг друга хотим. Твое вдовство дает тебе больше свободы, нежели незамужней барышне или матроне. И потому я навещаю тебя.

Голос его звучал очень ровно.

— Ты так говоришь, будто речь идет о благотворительном акте.

— Необходимом для нас обоих, беллина*, — ответил он, неожиданно развеселившись. — Мне приятно тебя обнимать. Я утоляю твой голод, ты — мой. Кому от этого плохо? Мы не делаем ничего предосудительного. Никто не считает, что вдов твоих лет следует ограждать от мужчин.

— В Парме так почему-то считали, — мрачно произнесла она, припоминая бесчисленные скандалы, которые закатывали ей родственники покойного мужа.

* Bellina (ит.) — красивейшая.

— Но ты сейчас во Флоренции,— напомнил он.— Здесь к подобным вещам относятся с пониманием, разве не так?

Равнодушие, с каким это было сказано, испугало ее.

— Ты говорил, что нуждаешься во мне,— упрекнула она.— И очень часто. Еще до того, как мы стали встречаться. И, наверное, лишь для того, чтобы меня обольстить.

— А разве ты во мне не нуждаешься? — движимый острой жалостью, он повернулся и нежно коснулся ее лица.— Ну же! Не хмурься, Эстасия. Мне неприятно видеть тебя такой.

Он не прибавил, что хмурость старит ее. Женщинам нельзя говорить подобные вещи. Впрочем, они и сами все понимают. И постоянно борются с возрастом, давая волю страстям. И делаются опасными, когда сознают, что ими пренебрегают.

Щеки Эстасии запылали, она заносчиво вздернула подбородок.

— Очень жестоко с твоей стороны говорить мне все это. У меня появляется большое желание отказать тебе в новом свидании. Что ты тогда будешь делать, Франческо? Куда пойдешь?

Подобного обращения с собой Ракоци не терпел. Глаза его сделались ледяными.

— Посмотрим,— сказал он, вставая.

Она мгновенно соскочила с постели.

— Нет! Ты не можешь уйти!

— Посмотрим.

Она вцепилась в его руку.

— Ты не так меня понял! Я не хотела тебя обидеть! Франческо, постой...

Ракоци повернулся к ней, но лицо его не смягчилось.

— Так что же, Эстасия? Не трать попусту время. Решай, остаться мне или уйти.

— Останься! Конечно останься!

Дыхание ее стало прерывистым, она повалилась на ложе и потянула его за собой.

— Прости, Франческо. Докажи, что прощаешь меня!

Ему не хотелось ее мучить. Эстасия вновь изнывала от вожделения. Горячие бедра обхватили его руку и превратились в трепещущие тиски. Он наклонился и в знак примирения подарил ей долгий чувственный поцелуй.

— Так-то лучше,— шепнула она, запуская руку в его короткие волосы и перебирая жесткие завитки.— Как я люблю их! Они пахнут сандалом.

Он передвинулся ниже, покрывая поцелуями ее горло и груди, потом осторожно прикусил зубами сосок. Нежная плоть тут же сделалась твердой. Эстасия застонала, задвигала бедрами и вздохнула. Тихо, украдкой. Но Ракоци уловил этот вздох.

— В чем дело? — спросил он, прерывая ласки.

Эстасия наморщила носик.

— Все замечательно.— Она прижала его голову к своему горячему телу.— Сделай мне так еще, дорогой!

Ракоци отстранился.

— Что-то все-таки тебя беспокоит. Я ведь не похожу на твоих прежних любовников, а? Возможно, тебе мало меня?

В его словах не было горечи или упрека, он просто хотел знать, так это или не так.

— Не надо стыдиться, мы ведь не дети, беллина. Скажи откровенно, я плохо ласкаю тебя?

Внезапно она смутилась.

— Нет-нет. Ты даешь мне гораздо больше, чем те, что были со мной. Правда-правда, Франческо! Ты самый нежный, самый невероятный и восхитительный, но...

— Но? — мягко переспросил он.

Она собралась с духом и выпалила:

— Франческо, ты евнух?

Отклик любовника немало ее озадачил. Ракоци рассмеялся. Искорки неподдельной веселости замелькали в его темных глазах.

— Нет, Эстасия, я не евнух. Ты же сама видишь, как я жажду тебя!

— Но эта жажда не объясняет другого,— возразила она.— Ты никогда не... не...

— Не вторгался в тебя? — спокойно подсказал он и шевельнул кистью.— Вот так? А еще так?

— Да... Ох!.. Не вторгался... Я никогда не... Ох, подожди!

Она задвигала бедрами, принаравливаясь к умелым, сотрясающим ее тело толчкам.

— Ох, Франческо!.. Да, так... и вот так... и еще... и сюда!..

Ракоци с мягкой усмешкой смотрел на Эстасию, нагнетая в ней страсть и подводя ее к завершающему моменту. В пиковый миг, обозначенный чередой сладостных спазмов, лицо женщины сделалось благостным, как у монахини, охваченной религиозным экстазом.

Когда она успокоилась, он спросил:

— Ты все еще думаешь, что я евнух?

Внимательно поглядев на него, она осторожно сказала:

— Я не знаю. Но я возненавижу и прокляну нашу связь, если узнаю, что существует женщина, с которой ты развлекаешься в манере, привычной для большинства известных мне мужчин.

Он отвел с ее лица волну каштановых тяжелых волос.

— Знай, дорогая, что со времен своей молодости я не касался женщин в манере, которая так беспокоит тебя. А это было давно. Очень давно.

— Ты ведь не старый.

— Не старый?

Он пошарил в изголовье кровати и набросил на нее простыню.

— По крайней мере, не старше Лоренцо. А ему чуть более сорока.

Она подтянула под щеку подушку.

— Я гораздо старше его.

Глаза Эстасии начинали слипаться.

— Правда? — сонно пробормотала она.

Он улыбнулся.

— Спи, дорогая. Небо светлеет.

Ракоци поднялся и погасил свечи. Мягкий белесый сумрак висел за окном. Скоро в полях затенькают птицы.

— Ты ведь не бросишь меня, Франческо? Скажи, что придешь опять.

Он покачал головой. Даже объятая сном, Эстасия не оставляла попыток накинуть на него свои путы.

— Если ты этого хочешь.

— Да, я хочу... очень хочу...

Ее голос прервался. Окно бесшумно раскрылось.

И через секунду закрылось опять.

Спаленку спящей донны окутала тишина.

Письмо Лоренцо ди Пьеро де Медичи к монаху-августинцу фра Мариано.

«Преподобному фра Мариано, брату ордена святого Августина, Лоренцо Медичи шлет свои наилучшие пожелания.

Как человек, пользующийся большим уважением в городе и являющийся оплотом веры в глазах истинных христиан, вы, несомненно, отнесетесь с сердечным сочувствием к этому письму, являющемуся искренним выражением моей глубочайшей признательности.

Инцидент, имевший место десятого числа сего месяца на пьяцца ди Санта-Мария Новелла, делает всех флорентийцев вашими должниками.

Оставаясь верным сыном святой Церкви, я глубоко опечален тем, что оголтелая кучка чрезмерно фанатичных доминиканцев принялась подстрекать своих прихожан к уличным столкновениям.

То, что вы в столь опасной обстановке обратились к людям с увещающими речами, красноречиво свидетельствует о вашем преданном служении как Господу нашему, так и Флоренции, да упасет ее Пречистая Дева от новых смут.

Я прошу вас не беспокоиться о моем душевном состоянии. Приговор, вынесенный мне доминиканцем Савонаролой, нисколько меня не смущает. Не в его власти знать, когда наступит мой час. Разумеется, я смертен, как и каждый из нас, но предпочитаю полагаться в этом вопросе на волю Божию и вовсе не склонен прислушиваться к мнению Джироламо Савонаролы.

Ваши молитвы о моем здравии придают мне новые силы и помогают в одолении недомогания, так мучавшего меня в недавнее время. Сейчас я почти оправился, но, правду сказать, не вполне, а посему приношу извинения за нетвердость руки, усугубившуюся еще и тем, что я только что закончил сонет, а эта форма стиха, как вы знаете, требует от поэта усилий.

С глубоким смирением и с искренней признательностью остаюсь вашим почитателем и должником.

Лоренцо Медичи.

Флоренция,

день святых Козимо и Дамиана,

27 сентября 1491 года».

ГЛАВА 5

 Поднимаясь по парадной лестнице, Руджиеро остановился, чтобы посмотреть, как столяры укрепляют последнюю резную панель. Свет, идущий от ламп с отражателями из полированного металла, придавал дереву благородный медный оттенок.

— Превосходно! Патрон будет доволен! — Руджиеро провел по панелям рукой и украдкой надавил на одну из них, чтобы убедиться, что дверь, спрятанная под нею, не откроется от простого нажима.

Теобальдо, главный среди столяров, подошел к нему и встал рядом.

— Твой господин очень щедр. Если мы закончим все к Рождеству, каждому из нас обещана премия в четыре фло-

рина. Золотом! — Он рассмеялся. — Ради этого мы готовы обшить и лоджию.

— В ней еще нужно сделать беседку, — напомнил ему Руджиеро, пряча улыбку. — Хозяин на вас надеется.

— Он может полностью на нас положиться.

Теобальдо покосился на коричневое холщовое рубище домоправителя, подпоясанное широким ремнем. Он недолюбливал чужеземцев и потому прибавил:

— В других краях вам не удалось бы построиться так скоро и хорошо. Но мы во Флоренции, а в мире нет лучших искусников, чем флорентийцы.

Руджиеро, видевший храмы Китая и Бирмы, кивнул.

— Согласен.

Впрочем, Теобальдо сделалось неловко от своего хвастовства, и он после паузы счел нужным сказать:

— Вообще-то, не всякий хозяин бывает столь щедр.

— Не всякий, — снова кивнул Руджиеро. — Я служу ему много лет и готов служить еще долгие годы.

Это было уже чересчур. Теобальдо презирал раболепие. Он скривился и качнул головой.

— Твой хозяин — человек необычный, никто не спорит. Однако я, например, никому не позволил бы собой помыкать.

Раздвинув губы в дерзкой усмешке, столяр ждал, что скажет слуга.

— Ты меня неправильно понял, — медленно произнес Руджиеро. — Патрону вовсе не нужно мною помыкать. Я сам охотно ему подчиняюсь.

Домоправитель повернулся на каблуках и зашагал вверх по лестнице. Он улыбался, ибо знал, что рабочие за его спиной тут же начнут шушукаться о странностях чужеземцев.

На верхней площадке Руджиеро остановился. Острый взгляд его обнаружил несколько недоделок. Вот тебе и искусные мастера! Он уже хотел позвать к себе Теобальдо, но отвлекся, заслышав в глубине анфилады неотделанных комнат визгливые звуки пилы, и, вспомнив, за-

чем поднимался на этот этаж, решительно зашагал в ту сторону.

— А, это ты, Руджиеро,— по-свойски окликнул его Гаспаро Туччи, откладывая в сторону деревянную колотушку.— Ну вот и славно. Есть повод прерваться. А то стучим, стучим целый день.

Джузеппе, весело улыбнувшись, тоже положил свой молоток.

— Ночь, похоже, будет холодной.

— А твой хозяин куда-то понесся! — ухмыльнулся Гаспаро.— В черной накидке, в белом камзоле! Уж не к зазнобе ли, а?

Руджиеро проигнорировал легкомысленный тон, каким был задан вопрос, и ответил вполне серьезно:

— Он отправился к Федерико Козза. Тот дает постояльцам обед.

— А, старый алхимик! — Гаспаро расхохотался.— Помнится, я что-то строил и у него. Он такой же придира, как и твой патрон, Руджиеро, а в остальном неплохой человек.

Сменив тон, мастер добавил:

— Значит, синьор Ракоцци обедает на постоялом дворе? Это по-флорентийски. Лоренцо когда-то и сам задавал такие обеды и не гнушался посидеть с простыми людьми. У него многие столовались. Сейчас, правда, этого нет...

Лодовико презрительно фыркнул.

— Обеды, братания! Ракоцци лезет из кожи, стараясь выглядеть флорентийцем. Я слышал, он даже раздает нищим одежду...

— По совету Медичи,— сказал Руджиеро, внимательно изучая лицо Лодовико.— Впрочем, он поступал так и раньше. И что тут плохого, я не пойму.

Карло, сняв рабочие рукавицы, хлопнул напарника по спине.

— Ты просто голоден, Лодовико.

Он обратился к Руджиеро:

— Ты ведь знаешь, как это бывает. Голодный всегда злой.

Лодовико, смекнув, что совершил оплошность, ухватился за спасительную подсказку.

— Да, у меня и впрямь подводит живот.— Он искательно улыбнулся.— Я просто позавидовал нашему господину, а ничего плохого сказать не хотел.

Гаспаро добавил:

— С голодухи и турок готов покреститься! — Он покосился на грубо сколоченные деревянные козлы и толкнул их ногой.— Не сегодня завтра мы перейдем в последнюю комнату. Вот только настелем здесь пол. А остальное доделают столяры. Жаль. Нам работалось тут неплохо!

Джузеппе вздохнул.

— Да,— согласился он и простодушно признался:— Мне нигде еще так не нравилось, могу точно сказать!

Гаспаро вдруг подумалось, что Руджиеро к ним подошел неспроста.

— Довольно пустой болтовни,— сказал он, напустив на себя озабоченность.— Руджиеро, дружище. Ты, кажется, хочешь нам что-то сказать? Ну так выкладывай, не стесняйся.

Руджиеро медленно обошел комнату, ожидая, когда в ней установится абсолютная тишина.

— Среди вас нет семейных людей,— заговорил он наконец,— но дело свое вы знаете. Кроме того, мне известно, что хозяин очень вас ценит.

Рабочие переглянулись, ощутив некоторую неловкость. Уж больно торжественным тоном произносилась эта в общем-то заурядная похвала.

— Мой господин щедр, но готов проявить еще большую щедрость. Если вы согласитесь оказать ему пару услуг.

— Каких? — спросил Лодовико, прищурившись.

— Немного терпения.

Руджиеро выдержал паузу, потом принялся пояснять:

— Во-первых, вам следует кое-что сделать и тут же об этом забыть, и в этом случае сумма выплаты каждому будет увеличена вдвое.— Эти слова вызвали у рабочих громкие возгласы удивления.— А во-вторых, по завершении стройки вам надлежит навсегда покинуть Флоренцию. каждо-

му, куда бы он ни отправился, предоставят возможность устроиться на хорошо оплачиваемую работу, плюс к тому на обустройство выдадут неплохой куш в размере годового дохода.

— Покинуть Флоренцию? — грозно спросил Гаспаро. Гнев боролся в нем с изумлением. — Покинуть Флоренцию? Что за бред?

— Это не бред, — холодно проговорил Руджиеро. — Это неперемное условие моего господина.

Карло ничего не хотел говорить, но, поскольку остальные молчали, ему волей-неволей пришлось задать волновавший всех вопрос:

— Годовой доход — это сколько? И кто поручится, что нас не обманут?

— Карло! — вскинул брови Гаспаро. — Ты что, согласен уехать?

Карло неловко пожал плечами.

— Как тут правильно было сказано, у меня нет семьи. Если мне подыщут работу и на первое время хорошо обеспечат, я, пожалуй, уеду. Я хороший мастер, меня всюду возьмут.

Он старался не смотреть на Гаспаро.

— Я никогда не бывал в других городах. Вся моя жизнь протекала в тени дворца Синьории.

— И чтобы вылезти из этой тени, ты готов продать родину? — прогремел Гаспаро. — Смотри, Карло, как бы тебе...

Но Руджиеро прервал его гневную речь:

— Уймись, Гаспаро. Каждый волен сам заботиться о себе!

— Ты! — обрушился Гаспаро на Руджиеро, давая выход своей ярости. — Ты, похоже, не понимаешь, с кем говоришь! Если твой патрон полагает, что я покину Флоренцию, значит, он действительно сумасшедший, а еще полный дурак! Неужели он думает, что может меня подкупить?

— Нет, — сказал Руджиеро мягко. — Он вовсе не думает так.

Этот ответ обезоружил Гаспаро. Он ошеломленно захлопал глазами.

— Но... что же тогда?

— Одному из вас необходимо остаться здесь. Мой господин поручил мне просить об этом тебя. Он верит в твою надежность, Гаспаро!

— А я? Почему я должен ему доверять? Где гарантии, что никто тут не будет обманут?

Руджиеро вежливо улыбнулся. Ему стал надоедать этот крикун. Работает он хорошо, но мозги у него шевелятся слабо. Там, где надо немного подумать, нет резона вопить.

— Мой господин никогда не нарушает данного слова. Подумайте, обманул ли он вас в чем-нибудь?

— И все же сам он говорить с нами не стал, — сказал Лодовико. — Почему он поручил это дело тебе?

Рабочие зашумели. Предложения вроде бы нравились, но каждый опасался подвоха.

Карло хмыкнул.

— А вдруг он возьмет и уедет? Как мы тогда получим обещанное? Где и когда?

Руджиеро поморщился. Вопрос был попросту глупым.

— Не беспокойтесь, с вами произведут полный расчет. Кроме того, у моего господина есть конторы в Венеции, в Вене, в Париже, как и во многих других городах. Деньги вы сможете получить где захотите. Главное, поскорее решайте, согласны вы или нет. В конце концов, мы ведь можем найти и кого-нибудь поговорчивее. Просто вас патрон уже знает и надеется, что вы его не подведете.

Воцарилось молчание. Новый поворот беседы требовал размышлений.

Гаспаро уже без прежнего пыла спросил:

— Но почему ты сам так уверен в нем, Руджиеро? Не часто встречаешь слуг, всецело доверяющих господам.

Руджиеро подошел к проему окна и, высунувшись наружу, внимательно оглядел двор. Убедившись, что там никого нет, он, понизив голос, обратился к рабочим:

— Я расскажу вам одну историю. О не повинном ни в чем человеке, попавшем в беду. Это был беглый раб, пря-

тавшийся в заброшенной каменоломне. Там его, окровавленного и избитого, обнаружил мой господин. У него не было никаких причин верить словам беглеца, но господин ему все же поверил. Он взял раба в дом, подвергая себя немалой опасности, потому что того обвиняли в совершенном не им злодеянии и укрывателю преступника грозила если не смерть, то тюрьма. Однако мой господин не утратился, ибо понимал, что правда восторжествует, что беглец будет оправдан, а его мучителям воздадут по заслугам.

Обычная сдержанность покинула Руджиеро, он резко повернулся к окну.

— Если мой господин сделал так много для незнакомого ему человека, как он может обмануть тех, с кем заключил договор?

— А кто рассказал тебе эту историю? Сам патрон или беглец? — спросил Лодовико, ткнув локтем Джузеппе.

Руджиеро ответил не сразу.

— Это случилось в Риме. Раб прятался много дней, истекая кровью и не имея еды. Он уже умирал, но хозяин вернул его к жизни. Тем бегцом, как вы уже поняли, был я.

После этих слов притих даже Гаспаро. Рим — город таинственный. О нем ходят всякие слухи. То, что рассказал Руджиеро, вполне могло там произойти.

— Что ж, — сказал он, помолчав, — такое, пожалуй, не выдумать. Я верю тебе.

Он грозно взглянул на товарищей, готовый оборвать всякого, кто посмеет ему перечить. Но никому это и в голову не приходило. Рассказ впечатлил всех.

— Что до меня, то мне, пожалуй, подходят ваши условия, — пробормотал Джузеппе, потирая ребро. Локоть у этого Лодовико твердый как камень. Не надо было стоять рядом с ним.

— Мне тоже, — Карло вышел вперед. — У меня есть двоюродный брат, моряк. Он много рассказывал о Лондоне и об Англии. Мне бы хотелось поехать туда.

Упоминание о дальней стране воодушевило Джузеппе. Он широко ухмыльнулся.

— Я слышал, что женщины Польши прекрасны как лилии.

— Тогда поезжай в Краков, — сказал Руджиеро, и некое подобие улыбки появилось на его губах. — О женщинах я судить не берусь, но в этот город нельзя не влюбиться.

— погодите, — возразил Гаспаро, — еще ничего ведь не решено!

Лодовико пожал плечами.

— Почему же не решено? Джузеппе поедет в Краков, Карло — в Лондон, а я... я выберу Лиссабон, если тебя это устроит.

Португалия — морская страна, а морские пути короче, чем сухопутные. Так что оттуда всегда можно вернуться, если в том возникнет нужда.

Гаспаро вздохнул.

— Ну хорошо. Если все согласны, согласен и я.

Он серьезно взглянул на Руджиеро.

— Ты берешься все это уладить?

— Конечно!

— Тогда больше не о чем говорить. Выкладывай, что нужно сделать. — Гаспаро нахмурился. — Только учти, против законов Церкви, республики и нашей гильдии мы не пойдем.

— Никто ничего подобного вам не предложит.

Руджиеро оглядел всех рабочих поочередно и удовлетворенно кивнул.

— Вы умные люди. И, конечно, заметили, что palazzo спланировано не так, как обычно планируются такие дворцы.

Возражений не поступило, мастера согласно кивали, ожидая, что им скажут еще.

— На то есть свои резоны, о которых сейчас нет смысла упоминать. Что же касается нашего соглашения, то вам предстоит оборудовать несколько потайных комнат. Здесь — на резными панелями — и еще на конюшне. Их надо закончить как можно скорее — так хочет хозяин.

— Каково назначение этих комнат? — осведомился Гаспаро. — Мы не хотим неприятностей.

— Здесь нет ничего противозаконного,— заявил Руджиеро.— Просто мой господин — алхимик. Его ремесло не терпит публичности. Уединение — главное, к чему он стремится. Кроме того, многие опыты довольно опасны, их следует проводить подальше от посторонних, чтобы не причинить кому-либо вреда.

Глаза Лодовико блеснули. Услышанное сулило выгоду. Только надо сообразить, что лучше: вымогать понемногу деньги у Ракоци или, разоблачив врага Флорентийской республики, получить хороший куш от властей.

— Хорошо-хорошо,— сказал он нетерпеливо.— Когда мы начнем?

— Завтра,— коротко ответил Руджиеро.— Но прежде следует сделать еще кое-что.

— Что же? — спросил подозрительно Гаспаро.

— Дать клятву. Покажитесь своими бессмертными душами, что ни один человек не узнает от вас о том, что вы здесь делали. Этого требует наш договор.

Рабочие, перекрестившись, послушно повторили слова клятвы. Замешкался лишь Лодовико — впрочем, он тоже, склонив голову, что-то пробормотал.

Руджиеро резко хлопнул в ладоши, и через несколько секунд рядом с ним возник Иоахим Бранко. В своем длинном широкополом одеянии он походил на птицу с обвисшими крыльями.

— Где документ? — спросил Руджиеро.

— Здесь.— Португальский алхимик вытащил из складок одежды пергамент зловещего вида.— Тут все написано и скреплено печатью да Сан-Джермано.

Руджиеро взглянул на рабочих.

— Кто из вас умеет читать?

Момент был щекотливый; наконец, после некоторого молчания, Гаспаро сказал:

— Я.. немного, но я не знаю латыни.

— Это написано на вашем родном языке.

Руджиеро взял документ.

— Я громко прочту его вслух, а ты, Гаспаро, стоя рядом со мной, будешь следить, чтобы не было никакого

обмана. Мой господин распорядился проделать все именно так.

Текст документа включал в себя клятву и был достаточно длинным, однако содержание его не вызвало ни у кого возражений. Всех, похоже, устраивал толково составленный договор.

— Ну вот,— сказал Руджиеро.— Теперь осталось скрепить его кровью — и сделка будет завершена.

Строители оторопели, на лицах их отразилось смущение. Гаспаро с трудом разлепил губы.

— Зачем? — выдохнул он.

Иоахим Бранко заносчиво посмотрел на рабочих. Он собрался было пуститься в пространные пояснения, но Руджиеро знаком велел ему помолчать.

— На то есть причины,— сказал он спокойно.— Мой господин просит вас сделать так.

— Вы должны объясниться,— заявил Лодовико.— Иначе я сочту это условие вашей блажью. Зачем нужна кровь там, где достаточно и чернил?

Гаспаро счел нужным поддержать Лодовико.

— Мы уже поклялись спасением наших душ, что будем молчать. Разве этого недостаточно? Есть ли у человека что-нибудь дороже его бессмертной души?

Руджиеро кивнул.

— Разумеется, нет. Но мой господин не настолько вас знает. Что, если ваши души уже погрязли в смертных грехах? Зачем вам тогда заботиться о соблюдении клятвы? Кровь — дело другое. Она свяжет вас обетом молчания крепче, чем что-то еще!

Карло грубо отрезал:

— Простой клятвы достаточно. Ничто не заставит меня нарушить ее.

— Разве?

Руджиеро внимательно осмотрел свои ладони, затем вскинул голову и спросил:

— Если начнут пытать твою мать, сумеешь ли ты сохранить молчание?

Повисла тишина. Довод потряс всех, включая даже скептически настроенного Лодовико. Он осторожно кашлянул и, пожав плечами, сказал:

— В конце концов, синьор Ракоци и впрямь очень мало нас знает. Если ему нужны дополнительные гарантии, почему бы нам их не дать?

С этими словами он взял из рук Руджиеро маленький ножичек и, нимало не мешкая, надрезал на большом пальце кожу. Когда показалась капелька крови, Лодовико припечатал палец к пергаменту. За ним потянулись и остальные.

— Этого вполне достаточно,— сказал Руджиеро, помахивая листом, чтобы отгиски поскорее просохли.— В знак признательности за вашу любезность мой господин повелел приготовить для вас угощение. Будьте добры, пройдите на кухню. Стряпня Амадео просто великолепна. Все блюды в двух видах, и даже паштет.

Это было прямым вызовом флорентийским законам, запрещающим расточительность, но никто не сказал ни слова. Возможность хорошо пообедать потеснила патриотизм.

Лодовико, припомнив, что уже объявлял себя зверски голодным, первым поспешил в освещенные новыми лампами глубины дворца.

Медлил только Гаспаро.

— Мне бы хотелось повидаться с хозяином, Руджиеро. Домоправитель удивленно прищурился.

— Ты ведь уже подписал договор. У тебя появились какие-то возражения?

— Нет. Просто надо бы кое-что уточнить.

— Хорошо,— кивнул Руджиеро.— Патрон будет здесь приблизительно через час. Можешь его подождать, а лучше оставь это на завтра. Утром больше шансов потолковать с ним с глазу на глаз.

Гаспаро подумал, что так действительно лучше. Он пришел в хорошее настроение, ибо был голоден, а внизу ожидала еда.

— Хорошо, я зайду к нему завтра. Но все-таки, если он вернется пораньше, дай мне, пожалуйста, знать.

Напевая куплеты какой-то уличной песенки, строитель принялся складывать в мешок инструменты и умолк, заметив что на него смотрят. Он улыбнулся.

— Это крутится у меня в голове целый день. Привязалось где-то и теперь не отвяжется, пока не усну. С вами так не бывает?

Гаспаро покачал головой, бросил мешок возле козел и ушел.

Руджиеро с улыбкой глянул на португальца.

— Ты разобрал слова?

Алхимик насутился.

— Разобрал! Эти олухи флорентийцы ни к чему не питают почтения. Положить строфы великого Данте* на какой-то подзаборный мотивчик! До такого могут додуматься только здесь!

Он презрительно фыркнул, засовывая свернутый в трубку пергамент в рукав.

— Тебя это раздражает? — Руджиеро пожал плечами.— Не знаю, как все сложится дальше, но эти парни мне симпатичны.

— Все они одинаковы,— заявил Иоахим Бранко.— За всеми нужен пригляд!

Он помолчал и после паузы заговорил о другом:

— Повозки прибыли. Ждут на конюшне.

— Прекрасно!

Они уже спускались по лестнице, и Руджиеро опасливо оглянулся. Но никого рядом не было: столяры, окончив работу, ушли.

— Самый большой ящик нужно перенести в комнату наверху. Остальное может дождаться возвращения патрона.

* Данте Алигьери (1265–1321) — итальянский поэт, создатель «Божественной комедии», вошедшей в сокровищницу достижений мировой литературы.

Тощий алхимик шел молча, но во дворе сказал:

— Я изучал наше дело всю свою жизнь, но никогда не слышивал о подвижниках, спящих на сырой земле, набивающих ею свои башмаки и смешивающих ее с песком, на котором потом возводят дома. Какой смысл во всем этом?

Руджиеро невозмутимо ответил:

— Поддержка и память. Мой господин чтит землю, на которой родился. Земля, что вырастила его, дает ему силы!

Иоахим Бранко нахмурился.

— Я понимаю. Но наше дело превыше земли!

— Мой господин никогда не оспаривал это.

Руджиеро остановился, позволяя алхимику первому войти в коридор, ведущий в конюшню.

— Твой господин и впрямь не заносчив, — пробурчал португалец, немного смягчаясь. — Я нахожу даже, что он слишком прост, но его замыслы одобряю.

— Я передам это ему, — пообещал Руджиеро, входя в просторное помещение, служившее конюшней.

Там стояли три тяжело нагруженные повозки и шестеро возчиков в венецианской одежде.

— Добро пожаловать, Кристофо, — сказал Руджиеро одному из них, узнав в нем давнего своего знакомого, обычно отвечавшего за охрану обоза. — Как прошло путешествие?

— По нынешним меркам неплохо, — ответил небрежно Кристофо. — На нас нападали лишь дважды, хотя разбойники на дорогах так и кишат. Мы отбились, и все обошлось. Но Сфорца следовало бы получше заботиться о путешественниках, проезжающих через его края. При Висконти* дела в Милане шли лучше.

Он пожал плечами, словно сказанное его удивляло.

— Атанор** во второй повозке, драгоценные камни там же. Еще не поздно для ужина?

* Висконти — династия, правившая Миланом с 1277 по 1447 год.

** Атанор — специально устроенный алхимический тигль (небольшая печь, предназначенная для получения высоких температур).

— Нет. Забирай своих и ступайте на кухню. Повара зовут Амадео, он вас накормит.

Кристофо дал знак своим товарищам следовать за собой.

— Сейчас поедем! — объявил он лаконично.

Когда возчики удалились, Иоахим Бранко начал осмотр. Он переходил от повозки к повозке, открывая ящики и копаясь в их содержимом. Атанор особенно его восхитил.

— Никогда не видел такого прекрасного тигля. Эта курочка будет нести отличные яйца. Ракоци все же малый не промах, как я полагаю.

— Рад слышать! — сказал Руджиеро, но Иоахим Бранко не заметил иронии.

— Мы начнем в следующее же полнолуние. Ждать долее ни к чему. — Португалец любовно похлопал атанор по гладкому боку. — Он превосходен! Его надо в первую очередь куда-нибудь определить.

Руджиеро не стал возражать, но, когда возчики возвратились, указал им на самую большую укладку.

— Но атанор! — вскричал негодуяще тощий алхимик.

— Мой господин, — мягко заметил Руджиеро, — велел, чтобы сначала перенесли это. Я поступаю так, как он приказал.

Португалец немного помедлил, затем слез с повозки. Он плохо скрывал раздражение, но ему все равно пришлось помогать возчикам затащить на третий этаж паланцо огромный ящик с землей.

Письмо графа Джованни Пико делла Мирандола к французскому ученому Жан-Дени Гастону де Сангазуру.

«Знаменитому ученому Франции шлет в платоническом духе свои приветствия Пико делла Мирандола и просит его напомнить о нем своим досточтимым друзьям по парижскому университету.»

Мой друг, прошло достаточно времени, с тех пор как мы обменялись письмами, и виноват в том, конечно же, я. Лень — ужасный порок, однако она избавляет нас от лишних волнений. Возможно, это суждение отчасти оправдывает меня.

Во Флоренции все по-прежнему, хотя и принято полагать, что она постоянно меняется. Правда, кое-кому неймется сделать городские улицы шире, но перестройка заденет многие здания, а потому Синьория упорно сопротивляется. То же самое с новым мостом, заложенным в западной части города. Нашлось слишком много охотников строить его. Споры не утихают, а дело стоит.

Лоренцо приобрел несколько старых французских манускриптов и отдал переводить своей кузине Деметриче Воландри. Ты получил бы огромное удовольствие при одном взгляде на их страницы. Но что нам делать, если даже библиотека Великолепного не может тебя сюда заманить?

Почему ты не едешь? Почему тебя не было с нами на прошлой неделе? Мы прекрасно провели время, наслаждаясь осенними видами. Прогулка была столь впечатляющей, что мне хочется тебе о ней рассказать.

Во вторник Лоренцо взбрело в голову осмотреть древние развалины на холмах. Он любит все древнеримское, и ему захотелось там покопаться. Аньоло отсутствовал: он пропадает в Ферраре. Лоренцо сопровождали Фичино* и я. И еще один чужеземец — алхимик Ракоци. Он человек выдающийся, но вряд ли тебе известен. Итак, мы вчетвером отправились на холмы.

Поначалу нам встретились лишь осыпавшиеся руины, далее удалось обнаружить остатки мозаичного пола, сквозь щели которого пробивалась трава. Но потом на изгибе холма, очень отдаленного от дороги, мы на-

брили на полуразвалившееся строение, лишенное крыши, однако часть его замечательно сохранилась и была практически целой.

Можешь себе представить восторг Лоренцо. Он слез с лошади и кинулся к нему, прежде чем мы успели сообразить, что происходит. Ракоци крикнул Великолепному, что камни старые и возможен обвал, но тот все же решился обследовать здание, положась на Козимо и Дамиана, святых своих покровителей.

Постройка оказалась необычайной, набитой странного вида вещами. Ракоци предположил, что они назначались для каких-либо языческих ритуалов, и это походило на правду, ибо христианскую церковь строение не напоминало совсем.

Прошло около часа, мы собирались уже уходить, как вдруг откуда-то появился какой-то старик, весь высохший и ужасно грязный. Он, видимо, спустился с вершины холма. Выкрикивая проклятия и размахивая руками, старец приблизился к нам, красный от гнева. Осквернители, нечестивцы, глупцы, дикари — всех оскорблений, обрушившихся на нас, я не могу перечислить. Оказывается, визит наш нанес какой-то урон его обиталищу, или “храму вечности”, как он его называл. Старик так разошелся, что накинулся на Лоренцо с дубиной. Разумеется, Медичи легко бы от него отмахнулся, но Ракоци все же решил урезонить безумца. Он двинул свою лошадь вперед, заслоняя Великолепного от удара, потом повернулся к нападающему и, не имея возможности что-либо сделать, посмотрел ему прямо в глаза.

Ты не поверишь в метаморфозу, свершившуюся на наших глазах. Старец, воинственный и свирепый, как Марс, в один миг превратился в кроткого агнца. Он побледнел как полотно, пал на колени и рассыпался в извинениях. Он ползал в пыли, рвал на себе волосы и клялся в вечной верности Ракоци, явно обескураженному и не понимавшему, что ему следует предпринять.

* Фичино Марсилио (1433–1499) — итальянский гуманист и философ, пользовавшийся покровительством семейства Медичи и имевший большое влияние на Лоренцо Великолепного.

Марсилио Фичино и я нашли все это очень забавным и рассмеялись. Лоренцо нас пристыдил. Ракоци же весьма взволновался, и волнение его возросло, когда несчастный старик выхватил нож и попытался перерезать себе горло, вопя, что алтарь много лет уже сух и что сейчас ему надлежит обогреть его собственной кровью. Ракоци спрыгнул с лошади и сумел отговорить старика от безумной затеи, а затем обратился к нам с просьбой уехать как можно скорее, чтобы не раздражать сумасшедшего и не пробуждать в нем новые приступы буйства.

На обратном пути Лоренцо похвалил Ракоци за доброе отношение к бедняку, а тот спросил, нельзя ли сделать так, чтобы добрые сестры из Сакро-Инфанте взяли на себя заботу о нем. Селестинки, как ты знаешь, опекают умалишенных. Лоренцо пообещал подумать и написал настоятельница монастыря Сакро-Инфанте, хотя что из этого выйдет, никто не знает.

Я уеду в Рим в следующем месяце и пробуду там, пока мое прошение не будет рассмотрено. Это, надеюсь, не займет много времени. Если тебе что-нибудь нужно, книги или какие-нибудь рукописи, вышли мне список. Я в свою очередь прилагаю перечень книг, которые хотел бы приобрести. Если тебе посчастливится найти какую-либо из них, буду весьма признателен и, конечно же, возмещу тебе все расходы. Письмо, адресованное на имя кавалера Бенедетто Джан-Рокко Фредда да Модена из замка Сент-Анджело, найдет меня быстро.

Не следуй моему примеру, Жан-Дени, и дай мне знать о себе поскорее. Я знаю, что бессовестно небрежен, но, возможно, твой пример подвигнет меня к некоторой собранности, хотя и не могу обещать этого твердо. И все же, несмотря на мою рассеянность и необязательность, ты можешь быть совершенно уверен в моих теплых, дружеских и глубоких чувствах к тебе.

Джованни Пико делла Мирандола.
Флоренция, 1 октября 1491 года.

Р. С. Завтра день ангелов-хранителей, будет большое празднество и конные состязания. Эти скачки всегда испытание для наших незримых покровителей. В прошлом году они стоили жизни двоим».

ГЛАВА 6

 Утром шел дождь, потом тучи разошлись и небо очистилось. Флоренция замерла в ожидании, ибо скачки уже начинались. Улицы, по которым должны были промчаться две дюжины неоседланных лошадей, неся на своих скользких от пота спинах отчаянных седоков, опустели, но люди в домах принаикали к окнам и толпились в дверях, чтобы увидеть, как мимо них пролетит эта бешеная лавина.

Даже истовые монахи церкви Всех Святых высыпали на ступени своего храма. Их коричневые капюшоны были недвижны, но в глазах, под ними упрятанных, тлели огоньки нетерпения.

В конце дистанции на самом удобном и видном месте томился в ожидании победителей Лоренцо Медичи, проклиная свою болезнь. Суставы его пальцев опухли больше обычного, и утренний холод отзывался в них тупой ноющей болью. Он повернулся к рядом стоявшему сыну и громко сказал:

— Жду не дождусь, когда наконец ты начнешь подменять меня на подобных празднествах. Я уже стал от них уставать. Теперь мое место в библиотеке.

Пьеро раздраженно повел плечами.

— Я не люблю скачки, — произнес он, не оборачиваясь. — Меня бы здесь не было, если бы не твое повеление. Лоренцо подавил прилив гнева.

— Я тоже от них не в восторге! Но скачки — флорентийский обычай, а мы — флорентийцы, ты и я. Помни, что здесь — республика и правит всем Синьория.

Пьеро засмеялся.

— То есть твои ставленники. Они сделают все, что ты им прикажешь!

— Возможно. Но если я перестану заботиться о благе народном, меня быстро прогонят. Можешь не сомневаться, Пьеро! Мы правим с молчаливого согласия большинства.

— Если тебе это не нравится, ты можешь стать великим герцогом флорентийским под рукой французского короля. Тебе ведь не раз это предлагали! Ты давно заслужил этот титул — разве не так?

Лоренцо ди Пьеро де Медичи посмотрел на своего отпрыска так, словно видел его впервые.

— Ты удивляешь меня, мой мальчик. Медичи могут быть только гражданами Флоренции, и никем более! Все остальное — бесчестие и позор!

Нахмурившись, он схватил сына за руку, но тут ударила пушка.

— Ах, отец, делай как знаешь. Ты все равно окажешься прав! — Пьеро вырвал руку и прислушался к крикам, донесшимся от Понте-Веккьо. — Они, кажется, начали.

— Хорошо, — устало кивнул Лоренцо и заставил себя широко улыбнуться Марсилио Фичино, высывывавшемуся из окна соседнего дома.

Фичино улыбнулся в ответ и помахал рукой. Он видел, что Великолепный разгневан, однако сейчас его это нимало не беспокоило. Конные состязания куда более занимательны, чем чей-то гнев. Философ встряхнулся и повернулся в ту сторону, откуда должны были показаться всадники. Отдаленные возгласы публики сказали ему, что лошади повернули от виа Санта-Мария к виа делла Терме. Этот левый поворот всегда был опасен и, кажется, вновь подтвердил свою славу, ибо толпа там взволнованно закричала.

Трое наездников валялись на мостовой, один из них сильно расшибся. Две лошади покалечились, третья с трудом встала на ноги и продолжила бег. Никто не имел права ее задержать: гонки выигрывали не люди, а лошади — под седоками или без таковых.

На перекрестке виа делла Терме с виа де Торнабони образовался затор. Там столкнулись пятеро всадников, две лошади, опрокинувшись, били копытами воздух, на них насакивали другие животные, усугубляя неразбериху. Какой-то наездник, сильно шатаясь, выбрался из шевелящейся груды, лицо его было разбито подковой. Он сделал несколько нетвердых шагов и упал. Толпа в ужасе закричала, и, когда основная часть кавалькады умчалась, двое монахов унесли окровавленного наездника. Спустя какое-то время мясники утащили лошадиные туши.

Гонка набирала темп, переходя в галоп. Пересекая пятацц дель Понте, два всадника попытались свалить друг друга на землю. Лошадь одного из них испугалась и сама сбросила седока. Второй обхватил руками шею своего скакуна и сумел удержаться.

По мере приближения к городской окраине улицы становились все уже. Зрителям, там находившимся, в какой-то момент показалось, что головная часть быстро несущейся кавалькады застрянет между домами. Опасность ужасного столкновения была велика, но в последний момент наездник из цеха ткачей дрогнул и приотстал, натягивая поводья. Остальным места хватило, и все обошлось. Всадники понеслись дальше.

Окна вторых этажей были распахнуты. Флорентийцы размахивали цветными флажками, громкими криками подбадривая своих фаворитов и швыряя букеты цветов во всех прочих участников скачки. Свист, улюлюканье, топот копыт поначалу напоминали рев ворвавшегося в теснину потока, но кавалькада стала растягиваться, и вскоре вся городская окраина завибрировала от немолчного гула.

Здесь улицы не были столь узки и извилисты, как наверху, что позволяло всадникам маневрировать — не всегда, впрочем, удачно. Бедолагу-чеканщика, пытавшегося выйти вперед, прижало к стене, и он закричал от ужасной боли. Крюк оконной решетки раздробил ему коленную чашечку и швырнул под копыта лошади, скачущей сзади.

Та, встав на дыбы, попятилась, на нее наскочили два жеребца, что положило начало еще одной свалке. Испуганные животные дергались, стараясь вырваться на свободу. Подлетевший к ним рослый серо-коричневый жеребец, прыгнул вверх, и седок его счел за лучшее соскочить на мостовую. Он метнулся к спасительной подворотне, но опоздал: мускулистая крапчатая кобыла сшибла несчастного с ног и, страшно оскаливаясь, закрутилась на месте.

Громкое ржание лошадей смешалось с воплями зрителей и бранью наездников. Обезумевшие животные топтали упавших, стремясь вырваться из ловушки. Три всадника, висевшие на плечах у лидеров скачки, сумели сдать в сторону и, обогнув преграду, помчались вперед. Стук дюжины звонких подков побудил остальных наездников кое-как разобраться и устремиться в погоню. Гонка возобновилась с утроенной силой. На залитом кровью бульварнике мостовой остались лежать две покалеченные лошади и два тела — одно уже бездыханное.

Теперь кавалькада неслась к площади Всех Святых, а в арьергарде ее еще четверых верховых затерло между домами. Их лошади метались из стороны в сторону, не будучи в состоянии прорваться вперед. Круп одной из них тяжело бился в деревянное ограждение, защищавшее неглубокую нишу в стене. Зрители, там находившиеся, оцепенели от ужаса. На выручку к ним спешили монахи в коричневых рясах.

В результате всех этих происшествий лидерство в гонке захватили самые искусные и умелые наездники на сильных, выносливых лошадях. Крутой поворот на виа дель Орикеллари тоже сулил гонщикам неприятности, но обошлось без них. Правда, одна лошадь там все же упала — у нее разъехались ноги, но остальные всадники сумели ее обойти. Участники состязаний разделились на два отряда, разрыв между ними был более чем в половину мили.

Поворот на виа делла Скала привел к падению трех лошадей, но перекресток там не был вымощен камнем, и

потому особых несчастий не приключилось. Мягкий грунт позволил наездникам маневрировать без ущерба для себя и соседей.

Впереди завиднелись великолепные очертания Санта-Мария Новелла, толпа, переминавшаяся за оградками, возликовала. Шесть верховых пронеслись через площадь и скрылись, свернув на виа дель Моро.

Франческо Ракоци смотреть на состязание не пошел, хотя и получил приглашение от Лоренцо. Охоту к зрелищам подобного рода у него в свое время отбили еще гладиаторские бои Древнего Рима. Он вздохнул с облегчением, когда группа всадников проскакала мимо дома алхимика Федерико Козза, потом вышел на виа дель Моро и побрел по ней, погруженный в свои размышления.

Громкие крики заставили его обернуться. Он увидел еще одну кавалькаду, на бешеной скорости приближающуюся к нему. Это были отставшие участники гонки. Две лошади с мокрыми от пота боками давно потеряли своих седоков, в гривы остальных вцепились наездники, отчаянно пытавшиеся удержаться на скользких спинах обезумевших скакунов. Ракоци понял, что гибель почти неизбежна.

Он кинулся к первой же двери, попавшейся на глаза, но та была заперта. Он стал стучать, но его никто не услышал. Стук заглушали все нарастающий топот копыт и сопровождавшие его вопли. Ракоци добежал до ближайшей оконной решетки и, прыгнув вверх, уцепился за железные прутья.

Первые лошади пронеслись совсем рядом, обдав его ветром и жаром. Ему некогда было взглянуть, далеко ли другие: он лез вверх по решетке... И вдруг она кончилась, а дальше шла гладкая, недавно оштукатуренная стена. Ракоци напряг взгляд, пытаясь отыскать в ней хоть какую-нибудь трещинку, за которую можно было бы уцепиться.

— Быстрее, синьор!

Ракоци вскинул голову и увидел протянутые к нему руки. Он подался всем телом вверх, пытаясь дотянуться до них, и почти дотянулся, но решетка отошла от стены, и, потеряв равновесие, Ракоци полетел вниз.

С уст наблюдателей сорвались возгласы ужаса. Они видели, как на упавшего наскочила крапчатая кобыла без седока и нервно закрутилась над ним, вскидывая копыта. Ракоци свернулся в клубок, понимая, что шансов на спасение практически нет. Если животное обезумело, его не ничто удержит. Оно постарается затоптать того, в ком чует врага, а враг для этой лошади — человек, своим падением ее напугавший. Он скорее почувствовал, чем увидел, что лошадь на миг замерла, и откатился к стене.

Остальные лошади пронеслись мимо. Зрители, не переставая, кричали, а те, что поразворотливее, уже стали перелезать через ограждение. Лошадь, прижав уши, заржала и взбрыкнула в их сторону, затем, кося безумным глазом, вновь подступила к лежащему человеку, норовя ударить его передним копытом.

Ракоци сел.

Крики в толпе затихли. Лошадь боднула сидящего головой, возбужденно всхрапнула и вскинула ногу. Публика оцепенела.

Ракоци осторожно встал на одно колено и протянул руку. Несмотря на то что копыто грозно качнулось, он погладил его, потом взялся за бабку и легонечко потянул. Нога опустилась. За ней пошла и морда кобылы, и, когда она приблизилась к лицу Ракоци, он нежно дунул в мягкие ноздри.

— Ну вот, — тихо шепнул он. — Теперь ты видишь? Я совсем не враг. Я твой друг. Ты не должна бояться!

Он подождал немного, не обращая внимания на испуганные возгласы окружающих, затем, убедившись, что крапчатая красавица не взбрыкнет, поднялся и принялся охлapyивать гладкую мускулистую шею, шепча ласковые слова.

Толпа взорвалась аплодисментами, на мостовую полетели цветы.

Не переставая оглаживать лошадь, Ракоци слегка поклонился — и был вознагражден одобрительным ревом публики, пришедшей в полный восторг.

— Вот мы и триумфаторы! — тихо проговорил он, затем взялся за гриву лошади и вспрыгнул ей на спину.

Всеобщее ликование достигло своего апогея, когда Ракоци прогарцевал сквозь толпу в ту сторону, куда унеслась кавалькада. Люди размахивали руками, бросали в воздух платки и бежали за всадником, пока он не свернул на виа де Черретани. Отсюда уже начиналась финишная прямая к помосту, установленному на пьядца дель Домо. Там ликовала другая, еще более восторженная и красочная толпа. Скачки окончились. Победила рослая гнедая кобыла, и каждому хотелось на нее поглядеть.

При появлении Ракоци все замерли, над площадью повисла звенящая тишина.

Стоявший на помосте Лоренцо Великолепный прервал церемонию награждения победителей, привычная маска невозмутимости слетела с его лица. В глазах Медичи вспыхнула неподдельная радость.

— Так вы все-таки живы? А мне донесли, что вас затоптали!

— Слухи обманчивы! — весело откликнулся Ракоци, натягивая поводья.

— Большая неосторожность прогуливаться по виа дель Моро в день скачек!

— Я полагал, что они уже состоялись! — Он похлопал лошадку по шее, прежде чем с нее соскользнуть. — Неплохая кобылка, признаюсь. Я был приятно ошеломлен.

Лоренцо расхохотался.

— Ах, амиго, вам вновь удалось меня удивить. Примите мои поздравления! Фортуна сегодня к вам благосклонна!

— Надеюсь, не только ко мне? — спросил Ракоци, поднимаясь на помост.

Лицо Лоренцо вмиг стало серьезным.

— Не только, но отнюдь не ко всем! Четыре смерти! один день — это ох как немало! Вдвое больше, чем в прошлом году. А сколько ран и ушибов! Даже Лионелло, — он жестом подозвал одного из наездников, — задел за какой-то прут, хотя все равно пришел к финишу первым.

Рука Лионелло висела на перевязи, и его вежливая улыбка больше напоминала гримасу.

— Что с вами случилось? — спросил Ракоци.

— Ничего, пустяки, — заверил Лионелло, недоверчиво глядя на чужеземца, — мне вскорости полегчает.

— Не сомневаюсь, — сухо проговорил Ракоци, — но будет лучше, если вы позволите мне осмотреть ваше плечо. Особенно если прут был ржавым. У меня имеется мазь, которая облегчит боль и предотвратит воспаление раны.

Пьеро насмешливо хмыкнул, но Лоренцо согласно кивнул.

— Да, Лионелло, с такими ранами не стоит шутить.

Ракоци поклонился, благодаря Медичи за поддержку, и опять обратился к наезднику:

— Приходите ко мне в палаццо до начала увеселений. Если хотите, можете прихватить с собой кого-то еще. — Его забавляла боязнь Лионелло. — Я гораздо менее опасен, чем ваша рана, поверьте! Я только алхимик, а не колдун.

Лионелло залился краской и, заикаясь, пообещал, что придет.

Старшины победившей гильдии вышли вперед, чтобы забрать свою лошадь, флорентийцы разразились громкими криками. И тут же на звоннице Санта-Мария дель Фьоре ударили в колокола, а трубачи вскинули трубы к губам, подавая сигнал к началу торжественного шествия, которое, покружив по городу, должно было закончиться на площади Синьории.

Перед тем как занять свое место во главе процессии, Лоренцо обратился к Ракоци:

— Я очень рад, что все кончилось хорошо! Но, признаться, и удивлен тоже немало.

— Удивлены? Чем же? — спросил Ракоци, улыбаясь.

— На вашей спине столько пятен, словно по ней проплась вся флорентийская конница. Но удивляет меня не ваша удачливость, а ваша неосмотрительность. Людям нашего возраста не пристало себя так вести.

— Граци*, Великолепный! Я принимаю этот упрек! — Улыбка сошла с лица Ракоци, он вдруг осознал, как глупо выглядела его бравада, и устыдился.

— Вот и прекрасно, — Лоренцо кивнул и стал осторожно спускаться с помоста. Пьеро следовал за ним с выражением недовольства на красивом надменном лице.

— Неужели все это затянется? Я хотел бы успеть на охоту!

Лоренцо рассвирипел.

— Замолчи! Надо уметь отказываться от своих удовольствий! Быть здесь гораздо важнее! Ты флорентиец, Пьеро! И уже не дитя! В твои годы пора бы взяться за ум и заняться чем-то полезным!

Пьеро сузил глаза.

— Я знаю. Мне прожужжали все уши о том, каким в свои двадцать был ты. Дипломатические успехи! Поездки в разные страны! Тут есть чем гордиться. Но я, увы, не таков!

Лоренцо отвернулся от сына и устремил взор на высокий шпиль Синьории.

— Да... к сожалению!

Лицо Ракоци, слышавшего весь этот разговор, осталось непроницаемым, но глаза его были печальны.

Письмо римлянки, называющей себя Оливией, к Франческо Ракоци да Сан-Джермано. Написано на обиходной латыни.

«Ракоци Сен-Жермену Франциску во Флоренции, или как там она теперь называется, Оливия шлет свои приветы и уверения.

* Grazie (ит.) — благодарю.

Я слышала от Никлоса Аурилиоса, что ты оставил Венецию и поселился возле речушки Арно. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, хотя можно было выбрать и Рим. Скажи, что ты нашел в этой бывшей казарме римских легионеров? Она тишится стать городом, но город на свете один.

И не надо ссылаться на достижения тамошних художников, поэтов и музыкантов. Медици регулярно шлет Папе образчики их работ.

А Рим ты сейчас бы, мой друг, совсем не узнал: тут многое изменилось. Храм Сатурна, тобою любимый, превратили в огромную церковь. Теперь никто не и помнит, что в ней было когда-то, а те, в ком жив интерес к прошлому, обращаются большей частью к временам Теодоры*.

Цирк Флавия называется теперь Колизеем**, он частично разрушен. Тебя, вероятно, это расстроит. И вообще, осады, смуты, пожары нанесли городу огромный ущерб. Но мне не хотелось бы жить где-то еще! Какое-то время я провела в Александрии, приходилось мне бывать и в Афинах, но с Римом ничто не сравнится, только здесь я — дома. Рим — моя родина! Истинная... ты знаешь, о чем я.

Помнишь ли ты, как взял меня в первый раз? Я тогда очень боялась. Да и как не бояться? Ты ведь хотел внушать страх. А подарил настоящую страсть! И открыл для себя новое понимание жизни. Тебе вдруг расхотелось кого-либо устрашать! Ты почувствовал, что, лишь удов-

* Теодора (Феодора) (ок. 500—548) — византийская императрица, супруга императора Византии Юстиниана I Великого (482 или 483—565). Обладая острым умом, красотой и проницательностью, управляла огромной империей наряду с мужем, решительно и сурово обходясь с теми, кого считала своими врагами. Причислена Православной церковью к лику святых.

** Колизей — грандиозный римский цирк, вмещавший до 55 тысяч зрителей, считающийся наивысшим архитектурным достижением в истории Римской империи. Заложен в 75-м, завершен в 80 году. Поначалу назывался амфитеатром Флавиев, ибо был построен в эпоху правления этой династии (69—96).

лстворяя чьи-то желания, возможно наиболее полно удовлетворить и себя. Это не мои домыслы, это твои собственные слова. Я помню их, как помню твои глаза, измученные одиночеством. Скажи, ты все еще носишь в себе это чувство? Не изводи себя, Сен-Жермен! Ты сам учил меня, что в этом мире есть множество удовольствий. Мы не знаем, что ждет нас за порогом истинной смерти, но, пока жизнь нас зовет, надобно отвечать ее зову.

Как видишь, я увлеклась философией. Должно быть, старею. Но пишу тебе не затем, чтобы тревожить воспоминания, а чтобы предостеречь. Жизнь Рима бурная, и события в ней развиваются весьма прихотливо.

Как ты, верно, уже понял из моего намека в начале письма, я вхожу в круги, близкие к окружению Папы. И хочу сообщить тебе, что роль кардиналов в политической жизни Рима заметно усилилась. Первый из них — Родриго Борджиа*. Я с ним встречалась, он очень умен. Остерегайся этого человека! А если путь твой когда-либо пересечется с его сыночком Чезаре**, беги от него без оглядки! Чезаре — просто чудовище! Он совершенно запугал свою собственную сестру (та, впрочем, от рождения глупа и труслива) и, по слухам, делит с ней ложе. Если это так, я ей очень сочувствую.

Кстати, я часто задумываюсь о досадном противоречии в отношениях между полами, которое мне не представляется справедливым. Мы, женщины, жаждем чувственных наслаждений, потому что такова природа нашего естества, но вам, мужчинам, этого мало. Вам всегда тре-

* Борджиа Родриго (1431—1503) — испанец, видный религиозный деятель Италии XV века. С 1492 года — Папа Александр VI. Весьма неординарная личность, одержимая, по многим свидетельствам, низменными страстями.

** Борджиа Чезаре (1476—1507) — незаконный сын Родриго Борджиа. С 1499 по 1503 год — капитан-генерал Римско-католической церкви. Прославился чудовишной сексуальной распушенностью, разбоями и жестокостью к неугодным ему лицам.

буется примешать к простым удовольствиям что-то особенное. Позволь спросить: ты тоже таков?

Но меня, кажется, опять потянуло на философию. Извини, извини. Я понимаю, что становлюсь назойливой, и докучать тебе больше не стану.

Обязательно напиши мне, как будет возможность. Я часто думаю о тебе. Мне очень хочется повидаться с тобой, Сен-Жермен, и... побеседовать... если на то останется время.

Береги себя, мой друг. Я знаю, ты всегда осторожен, но временами боюсь, что именно в этом и состоит твоя уязвимость. Мне кажется, если истинная смерть постигнет тебя, из моей жизни уйдет что-то важное.

Как всегда с любовью к тебе

Оливия.

Рим, 19 октября 1491 года».

ГЛАВА 7

 За высокими окнами церкви Сан-Марко шел сильный дождь, изливаясь из нависших над городом пурпурных туч, принесенных восточным ветром.

В огромном помещении царила необычная тишина. Все скамьи были заполнены до отказа, многие прихожане стояли в проходах между рядами и теснились у стен. Все молчали, серый призрачный свет придавал лицам ожидающих схожесть с грубо вырезанными из дерева масками. Пахло ладаном, слышался отдаленный звук песнопений, возвещавший о прибытии братьев.

По рядам пробежал шепоток, люди стали оглядываться, наблюдая за приближающейся процессией. Доминиканцы были одеты в обыденное монашеское облачение, делавшее их удивительно похожими друг на друга, и опознать того, кто привлек в эту церковь такое количество публики, не представлялось возможным.

Монахи умолкли, зазвучал старый орган. Музыка была громкой и скорбно-торжественной. Она печально вторила шуму дождя, напоминая смертным, что жизнь коротка и полна заблуждений, что час судный не за горами и что всем им стоит задуматься об участии, уготованной грешникам, когда он наступит. Затем в музыку вновь вплелись сильные голоса братии: началась служба.

Многие из присутствующих охотно бы пропустили ее, явившись в храм только к проповеди, но такие вольности доминиканцами не допускались, и потому собравшиеся послушно вторили хору, втайне надеясь, что месса будет короткой.

Когда она наконец завершилась, утомив даже самых терпеливых из прихожан, люди со вздохами облегчения стали усаживаться на скамейки, ожидая выхода главного действующего лица.

Монах, направившийся к алтарю, ростом не превышал подростка двенадцати-тринадцати лет. Он был очень худ, посты заострили его лицо с крючковатым огромным носом и плотоядными большими губами, напроць, казалось, лишённое какой-либо привлекательности и все-таки притягательное, ибо на нем отдельной загадочной жизнью жили зеленые неистовые глаза.

— В Писании сказано, — сильным, глубоким голосом заговорил Джироламо Савонарола, — Иов пострадал за веру свою. Господь с лихвой вознаградил его за страдания. Узрев величие Господа, Иов познал, как ничтожен он был. А мы сознаем ли?

Савонарола вгляделся в обращенные к нему лица, но ответа не получил и продолжил:

— Во имя Господа Иов готов был отречься от всего, что имел: жены, детей, пастбищ, денег, жилища, телесного здравия. И он лишился всего, что могло поддержать его на земле, но обрел поддержку небесную. Иов преклонился перед могуществом Господа. Почему же этого не делаем мы? Почему не хотим признаться в своей чудовищной раз-

вращенности? Почему не просим Господа о прощении наших грехов и отворачиваемся от единственного пути, могущего привести нас к спасению?

Он помолчал, а когда возобновил проповедь, голос его обрел особую звучность:

— Вострепещите, грешники, ибо уже воздета над вами карающая десница, а вы все еще медлите, все не хотите раскаяться. Вострепещите и взгляните в себя. Вдумайтесь, кто из вас не желал гибели ближнему своему, задевшему ненароком или умышленно вашу непомерно разросшуюся гордыню? Но что значит ваша гордыня, ваша жалкая честь перед честью и славой нашего Господа?

Ответный вздох прокатился по рядам прихожан, мужчины потупились, женщины принялись нервно перебирать складки своей одежды, щеки многих из них ярко вспыхнули.

— Каждый день добродетель и милосердие отважно вступают в борьбу со злом, но вы отворачиваетесь от этих борений. Вы не предпринимаете никаких попыток помочь правому или протянуть руку помощи оступившемуся, объясняя свое равнодушие чем угодно: нехваткой времени, гнетом забот, скудностью состояния, — тогда как на деле причиной ему является лишь одно: ваша непомерная лень. Возможно, вы даже не знаете, что лень есть смертный грех. Так узнайте об этом! Поддаваясь ей, вы обрекаете себя на тяжелую работу в аду, где демоны будут подгонять вас раскаленными крючьями.

Он вскинул руку, и удивленные шепотки, пробежавшие по рядам прихожан, тут же стихли.

— Но есть и еще один страшный и отвратительный грех, в котором вы все повинны: тщеславие! Вы одеваетесь в бархат, хотя для прикрытия брэнной плоти достаточно шерсти. Вы заворачиваетесь в шелка, но эти роскошества лишь подчеркивают низменность ваших стремлений. Женщины, забывая о целомудрии, красят лица и носят открытые платья, выставая себя напоказ. Вдумайтесь, на что направлены их уловки!

Его голос стал громче, слова лились быстро, свободно. Им вторил шум дождевых струй, низвергающихся с небес.

— Но вы ни о чем не задумываетесь, вы всем довольны. Вы живете в мерзости и пороке, тщеславие губит вас! Вы увешиваете картинами стены своих жилищ, презирая грубую штукатурку! Вашу мебель украшает языческая символика в виде плодов, листьев, цветов! Вы следуете греховным поучениям греческих мудрецов, вместо того чтобы изучать библейские тексты! Ваши дома набиты бесстыдными статуэтками и безделушками, призванными вызывать вожделение, ибо все усилия античных искусников направлены лишь к тому! Вы словно не понимаете, что все это — от лукавого! Диана — богиня луны, но приглядитесь — и вы обнаружите рожки! Подумайте, прежде чем брать ее в руки! Не поддавайтесь очарованию, исходящему от Венеры! Это всего лишь продажная девка, плотью своей вводящая многих мужчин в соблазн!

Голос проповедника завораживал, в толпе начинали вскрикивать, какая-то женщина разрыдалась.

— Все вы живете для грешного тела, не ради души! Вы тешите похоть, вы неумеренны в пище, вы смеетесь над тем, что вам заповедано, надеясь всех провести! Ваш ум изощрен, ваши чувства пресыщены, а любая пресыщенность — это порок! Задумайтесь! Что не дает вам свернуть с гибельной тропки, почему вы не ужасаетесь, почему так рьяно стремитесь к разверстой пропасти? Не потому ли, что вас к ней искусно подталкивает жуткий идол в человеческом образе, прикрывающийся маской доброжелателя, но исторгающий отвратительный смрад? Задумайтесь — и вы в один голос ответите: «Да! Мы хорошо знаем его, это Медичи! Тщеславие, жадность, распущенность присущи ему много больше, чем любому из нас!»

По церкви пронесся гул, публика взволновалась. Никогда еще Савонарола не нападал на Лоренцо открыто. Интерес к происходящему настолько возрос, что многие из сидящих приподнялись со своих мест, а стоящие качну-

лись вперед, чтобы не пропустить ни слова из проповеди неистового аббата. На лицах обратившихся в слух прихожан застыло выражение благоговейного ужаса.

— Пять красных шаров, изображенных на гербе его дома, не защитят вас от Господнего гнева! Деньги самого богатого флорентийского ростовщика не распахнут перед ним врата в царство Божие, как не помогут и тем, кто по его стопам направляется прямехонько в ад!

Кто-то вздрогнул от ужаса, кто-то упал на колени, закрывая руками лицо.

— Тщеславие! Флоренция снедаема им, как смердящее чрево червями! Тщеславие, себялюбие, зависть, корысть! — Лицо проповедника перекосилось от гнева. — Вот главные грехи человеческие! Почему же вы холите и лелеете их? Почему позволяете им расцветать в своих душах? Все флорентийцы поражены этим злом — и дряхлые старцы, и малые дети! Каждый из вас будет гореть в адском пламени! Каждый, кто не раскается и не очистит себя!

Многие женщины уже плакали в голос. Ливень за окнами превратился в сплошной водопад, но никто этого не замечал.

— В похоти, в скверне вы елозите на перинах, творя свальный грех! В ваших мыслях теснятся картины разврата! Вы распялете себя ими — ежедневно, ежечасно, ежеминутно! Прелюбодеяние вошло в вашу кровь! Что же за всем этим стоит? Мрак и гибель!

К выходу с перекошенными от ужаса лицами потянулись не выдержавшие напряжения одиночки. На них не смотрели, все взоры были прикованы к Джироламо.

Симоне Филиппи обернулся к своей бледной соседке.

— Ну что, Эстасия? — прошипел он торжествующе. — Вы понимаете, что это говорится о вас?

Эстасия, словно бы защищаясь, вскинула руку.

— Нет!

— Вы копите деньги и драгоценности, — Савонарола почти кричал, — и в своей жадности не знаете меры! Вы никак не насытитесь, вы хотите, чтобы все стало вашим —

земли, стада, дома! Но какие богатства мира сравнятся с дарами небесными? Зачем вы не бережете того, что имеете, зачем так дешево цените души свои? Я вижу, вижу, как горько, как безутешно вы вскоре восплачете. Но никакие слезы не смогут вернуть вам потерянный рай!

Толпа заходила в тихой истерике. Охваченные ужасными видениями люди раскачивались, словно деревья на ветру. Каждому было в чем себя упрекнуть, каждого больно ранили укору Савонаролы, каждый жаждал вернуться на путь добродетели и покаяться в смертных грехах.

Доминиканец не обманул ожиданий трепещущей паствы.

— Я поражен! — произнес он совсем другим тоном, смиренно склоняя голову. — Я поражен, что Господь так долго терпит наши грехи! Усмотрим же спасительный знак в этом милосердном терпении, но будем помнить, что день гнева грядет! А еще будем помнить, что ни один наш проступок не укроется в этот день от ока Всевышнего! Исполнимся веры и, подобно Иову, познаем всю меру собственной нечестивости. Покаемся и возблагодарим Господа нашего за дозволение прибегнуть к его неисчерпаемой милости!

Прихожане разом заголосили, выкрикивая слова покаяния. Теперь рыдали не только женщины. Крупные слезы катились по лицам многих мужчин.

— Плачьте, плачьте! Кайтесь в своих прегрешениях! Омывайте слезами свои заскорузлые души! Оплакивайте скорбный удел тысяч и тысяч тех, что будут брошены в огненную геенну! Просите смиренно Господа вразумить того, кто еще не раскаялся и полон греха!

Симоне схватил Эстасию за запястье.

— Ну? Разве эта проповедь не обращена прямо к вам? Покайтесь, пока вам дается эта возможность, прогоните прочь своих любострастных любовников и отвратитесь сердцем от плотских помыслов, ибо демоны в аду уже веселятся, предвкушая, с каким удовольствием они будут терзать вашу нежную плоть!

— Ах, Симоне! Не мучьте меня! Давайте уйдем!

Эстасия повернулась и, скривившись от отвращения, выбежала из церкви под дождь, даже не озаботившись тем, чтобы накинуть на голову капюшон.

Симоне заколебался. С одной стороны, кухню не стоило оставлять без присмотра, с другой — ему хотелось дослушать проповедь до конца. В конце концов набожность победила. Добродетельный брат Сандро Боттичелли упал на колени и заломил руки в мольбе.

— Меч Господень воздет высоко, он сокрушит всех нечестивцев, и даже праведникам придется унизиться перед ним. Кто спасет вас, если вы не покаетесь? К кому обратитесь в страшный судный момент? Падайте ниц, молитесь Господа о прощении! Делайте это сейчас! Времени мало, день гнева близок! Я предрекаю вам это, я воочию вижу его. Мир обратится в развалины, населенные рыкающим зверьем. Не мешкайте, флорентийцы! Покайтесь в содеянном, укрепитесь душой! Вернитесь в лоно церкви и добродетели!

Громкие крики толпы, то усиливаясь, то затихая, напоминали грохот бьющихся о берег волн.

— Одушевитесь верой и сокрушите язычников! Обрушьте всей своей мощью на нечестивый герб! В красных шарах — главное зло, их надлежит уничтожить! Помните: ваше спасение в ваших руках!

Паства заволновалась, многие стали проталкиваться к проходу.

— Изгоним из сердец своих леность, похоть, тщеславие! Перестанем лелеять в них жадность, зависть, злобу, корысть! Сбросим ложных кумиров с их позолоченных пьедесталов! Пришла пора очистить Флоренцию от гнездилищ греха и разврата!

Толпа с ревом кинулась к выходу, в приделе образовался затор. Какая-то прихожанка рванулась к алтарю, но, споткнувшись, упала и осталась лежать, дергаясь всем телом и колотя пятками по полу. Другая раскачивалась над ней, выкрикивая что-то бессвязное. Пятеро молодых лю-

дей, сорвав с себя украшения, ожесточенно топтали их каблуками.

Савонарола словно не замечал всего этого. Маленький доминиканец стоял неподвижно, указывая воздетой рукой на что-то находящееся за пределами церкви.

— Ступайте туда! Сокрушите зло! Верните в свои души мир и покой! Покончите навсегда с рассадниками порока!

Подхлестываемые этими яростными призывами прихожане выкатились из церкви на площадь — там их встретили холодные струи дождя.

Толпа дрогнула, люди в нерешительности переминались перед обширными лужами, обмениваясь неуверенными улыбками, словно больные, приходящие в себя от глубокого забытья. Первое безумие схлынуло, к каждому возвращались обычные ощущения, кто-то громко чихнул. Этого было достаточно, чтобы окончательно вернуть всех к реальности. Зябко поеживаясь и сутулясь от навалившейся внезапно усталости, флорентийцы побрели по домам.

Письмо августинца фра Мариано да Дженназано к Марсилио Фичино.

«Выдающемуся ученому, истинному философу и брату-священнослужителю фра Мариано шлет свои благословения и приветствия.

На прошлой неделе я получил ваше послание и молю Господа умерить ваши тревоги. Лоренцо действительно плох. Происходящее весьма обострило его подагру. Он очень мучается и даже пообещал мне в случае ухудшения позволить пустить ему кровь.

Я заказал мессу в его здравие и уповаю на милосердие Божие. Без Медици не будет Флоренции! Впрочем, не станем впадать в отчаяние, ему всего сорок два. Все еще может наладиться, для мужчины это не возраст.

Что действительно очень опасно, и тут я с вами абсолютно согласен, это возвышение Савонаролы. Гордыня пастыря всегда пагубно отражается на настроениях его паствы. Священнослужитель не должен стремиться к первенству, ему надлежит смиренно следовать законам Всевышнего, однако терпения и кротости в душе этого проповедника нет.

Безумца следует урезонить. Надеюсь, что одному из нас удастся убедить Лоренцо обратиться с прошением к Папе. Медици взыскан благосклонностью первого из католиков, его святейшество, безусловно, найдет способ уладить разгорающийся скандал.

В том, что он разгорается, сомнений нет, и яркое тому свидетельство — недавняя вспышка воинственных настроений в умах прихожан церкви Сан-Марко. Страшно подумать, что бы из этого вышло, если бы не ливень, охладивший их пыл. Савонарола, обличая людское тщеславие, указал на Лоренцо, хотя на деле ему бы следовало указать на себя!

Но я сказал больше, чем позволяет мне сан, и чувствую, что пришел в раздражение, противное данным мною обетам. Во имя Святого Духа смиренно прошу вас отпустить мне мое прегрешение и уповаю на то, что Господь наш вернет Флоренции мир и покой!

Фра Мариано да Дженназано,
орден святого Августина.
Флоренция, 8 ноября 1491 года».

ГЛАВА 8

Утренний легкий морозец бодрил, небо выглядело по-зимнему ярким. От земли, покрытой опавшей листвой, исходил сладковатый запах. Шестеро всадников мчались во весь опор по дороге, огибающей небольшой холм.

— Как здесь хорошо! — воскликнул Лоренцо, останавливая своего гнедого в тени островерхих сосен. — Свежий морозный воздух деревни — вот все, что мне нужно сейчас.

Аньоло Полициано, ненавидевший загородные прогулки, досадливо произнес:

— Он ничего не сулит, кроме простуды. Но это все же гораздо лучше, чем таска, которую тебе задали в Сан-Марко. Наслаждайся, Великолепный. Но не дыши глубоко.

Лоренцо рассмеялся.

— Друг мой, ты ополчаешься против всего, что мне хотя бы в какой-то мере приятно! Ты отверг бы даже свое любимое блюдо, узнав, что я его похвалил.

— Тут я спокоен! — усмехнулся Аньоло. — Ты ведь давно не чувствуешь запахов и не можешь определить, что вкусно, что — нет!

Три всадника из четверки отставших уже подъезжали к ним. Первым был граф Джованни Пико делла Мирандола. Он обратился к Лоренцо:

— Фичино считает, что Сократу никогда не доводилось наслаждаться чем-либо подобным, но, думаю, он не прав. Ракоци пока что отмалчивается, поэтому рассуди нас ты.

— Судья из меня плохой, но, полагаю, Сократ никогда не ездил верхом, — рассеянно отозвался Лоренцо, стаскивая перчатки. — Бедный Джакомо, — обратился он к шестому наезднику. — Я должен был выделить вам более спокойную лошадь. Фулмине нуждается в твердой руке.

Джакомо Праделли, посланник из Мантуи, с трудом придержал чалого жеребца.

— Это не так уж важно, Великолепный, — сказал он, прикладывая героические усилия к тому, чтобы удержаться в седле. И добавил, меняя тему беседы: — Окрестные земли в отличнейшем состоянии. Флоренции есть чем гордиться. Я восхищен.

— Благодарю, — Лоренцо внезапно повеселел. — Я собою Гонзага*, что посланник его очень учтив. Возможно,

* Гонзага — властители Мантуи с 1308 по 1708 год. Во времена, описываемые в романе, там правил Франческо II (?–1519).

тогда он согласится продать мне свою библиотеку. Или, по крайней мере, какую-то ее часть.

Он повернулся в седле и обратился к Ракоци, охлопывавшему своего серого жеребца.

— Ну, мой дорогой чужеземец, а что скажете вы?

— Земля тут и вправду прекрасная, несмотря на то что ранние ливни выбили все просо.— Ракоци поднял жеребца на дыбы и тут же вернул его в прежнее положение.— В холмах я видел оленя.

— Мне жаль, что наши обычаи не позволили мне пригласить вас на вчерашнее пиршество,— сказал Лоренцо, отводя в сторону взгляд.

— Что за печаль? Я и не ждал приглашения! — Это было сказано просто, без малейшей тени неудовольствия или обиды. Напряженный взгляд Лоренцо смягчился.— Я тоже чту обычаи своей родины, тут не о чем говорить.

— Это была встреча выпускников Академии. Пирушка, более интересная однокашникам, чем посторонним, и потому закрытая для гостей. Но я все же хочу выслушать ваше мнение.

— О Сократе? — Ракоци поиграл концами поводьев.— Был тот наездником или нет?

Ракоци вспомнил старого грека. Раздражительного, неряшливого, острого на язык. Даже Полициано вогнали бы в краску его едкие замечания.

— Я мало читал Платона,— сказал он осторожно.

— Это дипломатично, Франческо, но на прямой ответ не похоже!

Внимательно оглядев крутой спуск, Лоренцо заулыбался.

— Слушайте все! Скачем так: через поваленное дерево — до родника, затем вдоль ограды — к ручью, пересекаем его, огибаем монастырь Сакро-Инфанте и выезжаем к Генуэзской дороге. Ну, кто быстрее?

Затея была рискованной, и все видели это. Лоренцо, нимало тем не смущенный, привстал в стремени и обернулся к Джакомо Праделли.

— Вы не поедете с нами, мой друг! Фулмине сбросит вас на первом прыжке. Чуть правее и дальше есть безопасная тропка. Спускайтесь по ней и ждите нас на дороге — внизу!

— Я провожу его,— быстро проговорил Полициано.— Мне эти глупые состязания не по душе. Ты ведь знаешь это, Лоренцо. Почему я должен рисковать своей лошадью и своей шеей ради твоего удовольствия?

— Ну и прекрасно,— Лоренцо снова заулыбался.— Только учти: если ты впредь позволишь себе ввязаться во что-то рискованное, я никаких объяснений от тебя не приму.

Он вскинул руку, издав громкий клич, и всадники понеслись вниз по склону. Два фазана с шумом вспорхнули из зарослей, их резкие крики нарушили тишину.

Лоренцо первым перескочил через поваленный ствол, вскрикнув от удовольствия, когда его большой гнедой жеребец легко приземлился за этим барьером, вспахивая копытами влажную землю. Гнедой распрямился, перешел на галоп и понесся к каменной старинной ограде, прихотливо петлявшей среди тосканских холмов.

Джованни Пико последовал за Лоренцо, но поспешил с командой. Красивая белая кобыла задела задними копытами ствол, от неожиданности присела и, вздыбившись, сбросила седока. Грязный и смеющийся, Пико поднялся на ноги, потирая ушибленное бедро. Он свалился в озеро, намытое родником, его шерстяные штаны промокли.

— Давайте! — закричал он другим, спешно убирая кобылу.

Фичино висел у Ракоци на плечах, его серо-коричневый мерин, несмотря на внешнюю грузноватость, проявлял большое проворство.

— Дорогу! — рывкнул философ.

— Ну нет! — рассмеялся Ракоци и прищипорил берберского жеребца. Он ездил в необычной для флорентийцев манере — ее диктовало странной формы седло с персид-

скими короткими стремянами. Когда бербер прыгнул, всадник привстал в них, качнувшись вперед, это движение выглядело чрезвычайно изящным.

Пико удивленно присвистнул.

Лоренцо был уже далеко. Когда он обернулся, чтобы махнуть отставшим рукой, его темные волосы взвихрились от ветра. Уверенный в своем первенстве, Медичи смеялся.

Фицино стегнул своего скакуна и коротко вскрикнул. Ему удалось нагнать Ракоци. Правда, с большими усилиями, но все-таки удалось.

— Посторонись, чужеземец!

Не отвечая, Ракоци чуть сместился в седле и склонился вперед. Теперь всадники мчались бок о бок. Тропинка делалась все уже, двум лошадям на ней становилось тесно. Но Ракоци и не думал сбавлять темп. Он шевельнул поводьями и уверенно направил своего жеребца к мелькающей совсем рядом ограде. Секунда — и тот перелетел через нее, демонстрируя великолепную выучку.

Овцы, пасшиеся за каменным ограждением, брызнули во все стороны, а серый бербер, направляемый твердой рукой, пустился к той точке, куда поспешал и Лоренцо, скачущий по-прежнему впереди, но несколько в стороне.

Фицино, резко осадивший коня, ошеломленно открыл рот и простоял так с минуту, не в силах сдвинуться с места. Затем он ослабил поводья и позволил своему мерину неторопливо продолжить путь. Спешить было уже некуда, ибо состязание теперь велось только между Медичи и Ракоци. Философ покачал головой, и мысли его обрели восхитительную расплывчатость, к которой более чем располагало это солнечное, насыщенное приятными ароматами утро.

Ракоци пересек ручей недалеко от Медичи, но расстояние, которое он выиграл, перескочив через ограду, теперь у него отнимали высокие белые стены монастыря. Перемахнуть через них не представлялось возможным. Единственное, что ему оставалось, это скакать в обход по дуге.

— Какая досада! — насмешливо воскликнул Лоренцо, имевший возможность наблюдать за соперником, не прекращая скачки.

Ему не ответили. Ракоци не хотел тратить время впустую. Он гикнул, пришпорил бербера и сжался в комок. Тот вытянулся в струну, понимая, чего хочет хозяин, шумно всхлипнул и понесся по полю таким сумасшедшим галопом, что вместо ног под его телом образовалось неясное, мерно колышавшееся пятно. Темп позволял рассчитывать на успех, и Ракоци приободрился, надеясь перехватить лидерство, но фортуна, как видно, была более благосклонна к Лоренцо. Внезапно ударивший колокол напугал бербера, и тот сбился с ритма. Животное прынуло в сторону и непременно свалилось бы в ров, если бы железная рука Ракоци его не сдержала. К счастью, звон тут же смолк, однако драгоценные секунды были потеряны. Имелась, правда, возможность отыграть их на подъеме к дороге, однако бербер пошатывался: он, очевидно, устал.

Глаза Лоренцо едва не выскочили из орбит, когда он увидел, что его нагоняют. Последний отрезок дистанции дорого дался и животным, и людям. Склон был крут, а в каждом наезднике горело желание победить. Лошади жутко всхрапывали и оступались, земля под их копытами оплыла, угрожая увлечь всадников за собой.

Наверху их уже поджидали. Лицо Джакомо Праделли было встревоженным. Аньоло Полициано посмеивался: он в любых обстоятельствах оставался верен себе.

В последнем броске Ракоци подхлестнул своего жеребца, и тот, подавшись вперед, обошел на голову гнедого Лоренцо. Бербер первым ступил на дорогу, когда на нее уже опускалось копыто соседа.

Благородные животные шумно дышали, их заходящие бока потемнели от пота. Лоренцо, бросив поводья, угрюмо сказал:

— Будь подо мной Морелло, все обернулось бы иначе! Тот никогда не проигрывал гонки.

— Морелло? — переспросил Ракоци и сделал глубокий вдох.

— Это любимчик Великолепного, служивший ему многие годы, — пояснил Аньоло, откровенно радуясь поражению своего патрона. — Но сегодня Медичи не помог бы и он. Я никогда не видел такой бешеной гонки. Ваша езда, Ракоци, отдает чем-то потусторонним.

Он передернулся — то ли от сказанного, то ли от порыва холодного ветерка.

Лоренцо, скривившись, выпятил нижнюю челюсть.

— Морелло никогда бы меня не подвел. Я взял его совсем маленьким жеребенком. Сам растил, сам кормил, сам поил. Без меня он не ел, он ходил за мной как собака. Все остальные лошади ничто в сравнении с ним.

— Говори-говори, Великолепный! — издевался Аньоло. — Сваливай все на лошадку! Признал бы лучше, что Ракоци искуснее тебя! — Он ангельски улыбнулся Джакомо Праделли, приглашая того разделить его точку зрения.

Но Ракоци не нравился такой разговор. Аньоло мог бы и прикусить язычок, поскольку сам побоялся участвовать в скачках, а Лоренцо не пристало переживать свое поражение столь тяжело.

— Великолепный, я сделал что мог. Я честно играю и не люблю поддаваться. Уступка всегда обман и предполагает расчет. Но вас мне обманывать никак не хотелось.

Казалось, он не замечал мрачного взгляда Лоренцо.

— Сегодня я выиграл, но лишь потому, что мне повезло. Завтра все может оказаться иначе. Однако я получил огромное удовольствие. Мне выпала честь состязаться с наездником, равных которому я не встречал уже множество лет.

Не лет, а столетий. В остальном все было правдой, и Лоренцо почувствовал это. Хмурый взгляд его прояснился.

— Я тоже люблю честно играть.

Полициано не преминул язвительно вставить:

— Но ты не любишь проигрывать!

— Конечно, — огрызнулся Лоренцо, вновь закипая, но Ракоци примирительно произнес:

— Никто не любит проигрывать. Но кому-то приходится. Именно это и придает гонкам азарт.

Ракоци посмотрел на Медичи.

— Мне ведь и впрямь сегодня помог лишь случай. Вы управляетесь с лошастью много искуснее, чем я.

— Ну-ну, — милостиво кивнул Лоренцо, несколько успокаиваясь. Он помахал рукой Марсилио Фичино, выезжавшему на дорогу. — А вот и последний. Я думаю, что Пикко возвратился на виллу, чтобы переодеться. Не стоит его ждать.

— Я тоже так думаю, — Фичино взглянул на компаньонов. — Какой сегодня чудесный денек! Я проехался по винограднику и видел несколько поздних гроздьев. Они, конечно, не те, что летом, но от них исходит такой божественный аромат!

Медичи кивнул. Раздражение его улеглось. Он задел своим стремящем стремя Ракоци и примирительно пробурчал:

— Благодарю за скачки. Я просто погорячился!

Выехав на середину дороги, Лоренцо обернулся к своим спутникам.

— Флоренция уже рядом. Я думаю, мы можем вернуться домой Отсюда меньше часа езды до ворот Сан-Галло. — Он тронул коня.

Марсилио Фичино, обрадованный возможностью заночевать в теплой постели, принялся напевать. Его слабый надтреснутый баритон развеселил попутчиков.

— Ну хорошо, хорошо! — воскликнул философ, прервав свои вокальные упражнения. — Я знаю, у меня не очень-то получается. Но ты, Лоренцо... Ты ведь прекрасно поешь!

— Мне редко приходится заниматься этим в седле, — отозвался польщенно Лоренцо. — Но попробовать можно. Только не знаю, чем бы вас удивить.

— Комическими куплетами, — мгновенно отозвался Полициано.

— Балладой о тихих радостях жизни,— заявил Фичино.

— Канцонами о любви,— мечтательно проговорил Джакомо Праделли.

— А вам, Франческо? Чего бы хотелось вам?

Ракоци на миг призадумался, обводя взглядом холмы.

— Лоренцо должен петь о Лоренцо! Всем, что в нем есть, он обязан только себе.

— Хорошо! — согласился Лоренцо. — А когда я закончу, вы споете нам о себе.

— Но... Великолепный,— попытался было возразить Ракоци.

Однако Полициано прервал его:

— Отлично, чужеземец будет нам петь! — Он издевательски засмеялся.

— Возможно, тогда загадочный да Сан-Джермано станет понятнее тем, кто его окружает. Начинай же, Лоренцо!

Ракоци покорила бесцеремонность Аньола. Поставить на место насмешника он мог бы легко, но ему не хотелось нарушать задумчивость Лоренцо. Ладно, пусть все остается как есть.

Дорога вилась между живописных холмов, спуск уже не казался крутым, а шел, постепенно снижаясь. Веселая компания беспрепятственно продвигалась вперед.

— Ага! — вдруг воскликнул Лоренцо. — Я знаю, что вам спою!

Он напел себе что-то под нос, затем попробовал голос: тенор был чуть грубоват, но удивительно приятной окраски.

— Он вечный скиталец, он ищет любви... — начал Медичи и разразился хриплым смехом: — Ничто на свете не сравнится с любовью, друзья мои!

Прокашлявшись, исполнитель завел песню сызнова:

Он вечный скиталец, он ищет любви
С надеждой в душе и волнением в крови...

— На лунатизм не похоже, — хихикнул Полициано.

— Это все от безделья,— самодовольно заявил Фичино. Ракоци рассердился.

— Позвольте ему продолжить!

Язвительный тон замечания заставил ерников прикусить языки.

...Охваченный негою сладкой
И годы считая украдкой,
Влекомый бурливой рекою
Страстей к тишине и покою!

Голос певца печально возвысился, и Лоренцо умолк. Он обернулся к Ракоци.

— Это и есть моя жизнь, чужеземец. Сладкие узы держат меня, любовь — это река, но сейчас мне милее всего уединение и тишина.

Ракоци сочувственно улыбнулся.

— Я вас понимаю.

Лошади шли шагом, всадников понемногу начинал пробирать холодок.

— Что ж,— встрепенулся Лоренцо, с трудом отвлекаясь от охвативших его дум,— теперь вы, Франческо. Я сказал о себе все, что хотел, и готов выслушать вас.

— Да-да, спойте что-нибудь со слезой о родимой сторонке! — воскликнул Полициано, и все засмеялись.

— Спойте, Франческо,— сказал тихо Лоренцо. В глазах его засветилось нечто большее, чем простой интерес.

Ракоци согласно кивнул.

— Я попытаюсь оттолкнуться от вашей темы, Великолепный. Но не судите строго, если у меня ничего не получится.

Фичино перегнулся через луку седла и с заговорщическим видом хлопнул Полициано по плечу.

— Не беспокойтесь. Аньола найдет чем заполнить паузу. Ведь он у нас большой выдумщик, а?

Ракоци слукавил: он знал, что будет петь. Стихи всплыли в его памяти прежде, чем Лоренцо окончил канцону. Звучный голос нового исполнителя взметнулся к вершинам соседних холмов.

Извечным странником скитаюсь по земле.
Пустынно прошлое, грядущее во мгле.
Пусть говорит Господь живущему: «Живи!» —
Мне нет пристанища ни в смерти, ни в любви.

— И это все? — скептически воскликнул Полициано. — Каких-то четыре строчки? А что же с любимой родиной, Ракоци? Какова она? Похожа ли на Флоренцию? Ну нет, мне этого мало!

— Уймись, Аньоло, — веско сказал Лоренцо. — Тут ничего не прибавишь. — Он взглянул на Ракоци, в глазах его читалось искреннее сострадание. — Не очень веселая песня.

— Вам хотелось знать, какова моя жизнь, — ответил Ракоци, пожимая плечами.

Он потрепал по шее своего серого жеребца и произнес будничным тоном:

— Кажется, наши лошадки уже отдохнули. Мы можем двигаться побыстрее, если есть такая нужда.

Лоренцо кивнул и поднял руку.

— Что ж, разомнемся.

Он дал шпоры коню и предоставил ему самому выбирать аллюр, ибо путь до Флоренции был все же неблизок.

Они возвратились в город через ворота Сан-Галло и не придерживали лошадей, пока пустынная виа Сан-Галло не перешла в более шумную виа де Джинори. Ракоци обратился к Медичи:

— Позвольте ли вы мне откланяться?

— Нет! — Гнедой Лоренцо, чуть пританцовывая, привычно уступал дорогу повозкам и пешеходам. — Нет, мы все отправимся прямо ко мне и выпьем вина, а потом подадут ужин. Мой Массимилио всегда радуется приходу гостей. Особенно тех, что возвращаются с хорошей прогулки!

Приглашение было восторженно принято: все изрядно проголодались. Лишь Ракоци настаивал на своем:

— И все же я прошу вас меня извинить. Не в моих привычках ужинать в это время.

— У вас вообще нет привычки есть когда-либо, — отрезал Полициано.

Ракоци не удостоил его ответом.

— К тому же меня еще ожидают кое-какие дела.

Грохот повозки заглушил слова Медичи, и тот повторил их, когда шум затих:

— Уйдете чуть позже, Франческо. Мне нужно с вами поговорить.

— Я понял, Великолепный.

Всадники, не спеша, пересекали площадь Сан-Лоренцо и поехали вдоль дворца. По знаку Медичи железная решетка ворот распахнулась, пропуская конников во внутренний двор.

Лоренцо медленно слез с седла, пытаясь скрыть овладевшую им слабость. Он пошатнулся, ступив на землю, но сумел удержать равновесие, ухватившись за стремя, украшенное мелкой насечкой. Острый металлический кончик, из нее выступавший, поранил ему руку. Медичи быстро слизнул кровь, зажал ранку перчаткой и обернулся к гостям. Похоже, никто ничего не заметил, все спешили, бросая поводья прислуге.

— Ну, — нетерпеливо спросил Полициано, — что с нашим ужином?

— Ступайте за Габриэло, он все устроит. — Лоренцо дал знак дворецкому, тот поклонился. — Скажи Массимилио, что господа голодны.

— А ты? — спросил Фичино.

— Я присоединюсь к вам, как только переоденусь. — Медичи пошел через двор. — Проводите меня, Франческо.

Ракоци, оставив своего серого жеребца на попечение слуг, последовал за Лоренцо. Они молча вошли в палатку и уже стали подниматься по узкой крутой лестнице, когда Ракоци почувствовал что-то неладное.

— Великолепный?

Лоренцо остановился.

— Да?

— У вас на руке кровь?

Повисла пауза. Какое-то время Лоренцо досадливо хмурился, потом, скривившись, сказал:

— Я порезался, ухватившись за стремя. Глупая неосторожность, просто оступился, слезая с седла.— Он попытался перевести все в шутку.— Такое случается с теми, кто ездит верхом лучше, чем ходит.

— Позвольте взглянуть.

Лоренцо немного поколебался, затем показал руку. Перчатка его упала на лестницу.

— Видите, ничего страшного.

Кровь все еще сочилась из ранки.

Взглянув на ладонь Медичи, Ракоци побледнел.

— Давно ли,— спросил он тихо,— ваша кровь издает аромат абрикоса?

Лоренцо рассмеялся.

— Абрикоса? Я и не знал. У меня нет обоняния. Она в самом деле так пахнет?

Ракоци закрыл глаза.

— Да.

Лоренцо перестал смеяться.

— Это плохой знак?

— Да,— Ракоци заставил себя взглянуть Лоренцо в глаза.

Лицо Медичи было абсолютно спокойным.

— Я знаю, что болен, Франческо. Я уже давно знаю о том. Но все же надеюсь одолеть свой недуг. И между прочим, очень рассчитываю на помощь одного весьма мне симпатичного чужеземца.

Ракоци промолчал.

— Понимаю,— кивнул Лоренцо.— Я умираю?

Это было скорее утверждением, чем вопросом. Ракоци наклонился и поднял упавшую на ступени перчатку.

— И вы не в силах что-нибудь с этим сделать? — И опять вопрос походил больше на утверждение. Лоренцо покосился на темные пятна, глубоко въевшиеся в зеленую, отличной выделки кожу.— Пропала перчатка,— сказал он.

— Лоренцо,— Ракоци говорил внешне спокойно, хотя это ни в малой степени не отвечало тому, что творилось в его душе,— я могу приготовить одно лекарство. Оно не излечит, но облегчит боль.

— Благодарю, чужеземец. Что ж...— Медичи слотнул.— Возможно, оно мне пригодится. Я... я почему-то вам доверяю, хотя в данном случае это оборачивается против меня.— Лоренцо начал было опять подниматься по лестнице, но внезапно остановился и схватил Ракоци за плечо.— Что это, Франческо? Что убивает меня?

Слова давались ему с трудом.

— Кровь, Великолепный. Больная кровь! И ничего больше. Я в полном отчаянии, но справиться с этой бедой не могу.

— Но есть ведь другие! — Взгляд Медичи озарила надежда.— Какие-нибудь знахари, врачи, костоправы! Возможно, кто-то из них знает средство, способное меня исцелить!

Ракоци покачал головой.

— Нет. Такого средства не существует.— Он видел, что в Лоренцо загорается гнев.— Если бы я мог плакать, Великолепный, я бы выплакал все глаза. Но у меня нет слез!

— Это уже не имеет значения,— Лоренцо резко отвернулся и пошел по лестнице вверх. Ракоци понял, что провожать его дальше не стоит.

Письмо Джироламо Савонаролы к Андреа Белькоре, главному настоятелю доминиканского ордена.

«В святой праздник Пришествия Джироламо Савонарола, настоятель церкви Сан-Марко во Флоренции, полный почтительного благоговения, обращается к своему пас- тырю Андреа Белькоре в Риме.

Преподобный отец, покорно молю вас рассмотреть это прошение, отринув мирские соображения.

Как вам известно, Господу было угодно отметить меня, посылая мне, недостойному, видения, провозвещающие скорый приход дня гнева Господнего, призванного искоренить все мирское зло. Эти видения настолько ярки и реальны, что я не могу не считаться с ними и потому смиренно прошу вас позволить мне возвысить мой голос во славу Творца, вдохновляющего меня.

Я не в силах долее сдерживаться.

Город, в котором я нахожусь ныне, погряз в разврате и охвачен тщеславием, души здесь блуждают во мраке, всюду царят искушение и соблазн. Вы должны внять моей просьбе, дабы несчастные флорентийцы получили возможность узреть собственное ничтожество, ужаснуться и припасть к престолу славы Господней в глубоком раскаянии, ибо лишь покаяние способно сейчас им помочь.

С тех пор как его святейшество женил своего сына на дочке Медичи, он на все, тут происходящее, смотрит сквозь пальцы. Понимая это, я горячо молюсь, чтобы не оказались столь же слепы и вы. Ибо вовсе не я проповедую в церкви Сан-Марко, но Святому Духу угодно изливать горную волю через мои уста.

С глубокой преданностью и надеждой отдаюсь в ваши руки.

Джироламо Савонарола, доминиканец,
настоятель церкви Сан-Марко.
Флоренция, 22 ноября 1491 года».

ГЛАВА 9

— Будет что-то еще? — спросила Деметриче Во-ландри.

Джованни Пико делла Мирандола сложил в аккуратную пачку густо исписанные листы.

— Нет. Благодарю вас, донна Деметриче. Вы опять удивили меня. Я не предполагал, что женщине, даже такой

образованной, под силу управиться с переводом в столь сжатый срок.

Она вскинула брови.

— Рука женщины пишет несколько не медленнее, чем мужская.

Граф рассмеялся и взял ее под локоток.

— Но женщины так рассеянны... Правда, к вам это не относится. Ваш ум, добросовестность и усидчивость поразительны...

Деметриче, высвобождаясь, пожала плечами.

— У меня нет ни мужа, ни семьи, ни каких-то иных забот. Так почему бы мне не посвящать все свое время работе?

Молодая женщина поднялась со скамьи, на которой они сидели, и подошла к камину. Ткань ветхого платья так истончилась, что совершенно не согревала, и Деметриче приходилось кутаться в шаль.

Пико продолжал говорить, его румяное — кровью с молоком — лицо источало добродушие.

— У вас мужской склад ума. Вы могли бы добиться многого. Прискорбно, что ваши таланты не находят достойного применения. — Он поклонился, но уходить не спешил. — Я очень надеюсь, что наше сотрудничество будет продолжено.

— Но вы собираетесь в Рим, граф, а я остаюсь здесь.

— Тогда, может быть, вы позволите мне принять некоторое участие в вас? — Он подошел и встал рядом. — Мое покровительство откроет вам все двери, даст состояние, позволит найти занятие по душе. Вы весьма привлекательны и далеко мне не безразличны. Я мог бы многое сделать для вас.

Деметриче внутренне покривилась. Дыхание графа щеколало ей шею. Надо бы его урезонить, но... ни к чему заводить в этом доме врагов.

— Я не могу это обсуждать.

— Я поговорю с Лоренцо, если это единственное, что вас беспокоит. — Сомкнутых губ Деметриче коснулся вкрад-

чивый поцелуй. Она не откликнулась и вспомнила другого мужчину, чьи касания мгновенно рождали в ней трепет. Пико этого не дано.

Недвижность ее была воспринята как ооощрение. Молодая женщина покраснела и отбежала к окну.

— Граф, я нахожусь в доме кузена и выполняю работу, которую он мне поручает. После всего, что он для меня сделал, было бы черной неблагодарностью оставить его.

— Хорошо. Я не спешу.

Пико отвесил церемонный поклон и с кипой рукописей в руках покинул библиотеку.

Когда вошел Лоренцо, гнев ее все еще не унялся.

— Деметриче, если у тебя есть какое-то время...

Он остановился, увидев ее лицо.

— Что с тобой, дорогая?

Она тоже остановилась и попыталась улыбнуться.

— Ничего. Правда-правда. Даже не понимаю, с чего это я так взволновалась!

Она пересекла комнату и внутренне вздрогнула, увидев, как он похудел.

— О, Лауро!

Он взял ее руки в свои.

— Успокойся, Деметриче! И расскажи мне, что тут случилось.

— Тут был Пико. Нет-нет, он вел себя очень учтиво. Просто я не выношу, когда меня оценивают, как вещь.— Ни о чем не думая больше, она прижалась к нему.— Лауро, я боюсь!

Медичи пригладил пряди белокурых волос, выбившихся из косы Деметриче, и заглянул ей в лицо.

— Чего, дорогая? Тебе нечего опасаться!

Деметриче страшилась облечь свою тревогу в слова. Сделать так означало поверить в то, что происходит. Все, что она могла, это положить ему голову на плечо и тихо сказать:

— Не покидай меня, Лауро.

— О, Деметриче! — Он крепко обнял ее и шепнул: — Помнишь охотничий домик?

Она печально улыбнулась.

— Как я могу его позабыть? Я помню все. И крошечную комнатку с нашей кроватью. И балкон, на котором мы завтракали каждое утро. Мне бы очень хотелось вновь там оказаться.

— И мне, дорогая, и мне! Я никогда не забуду, какими сладкими были твои губы. Дай мне поцеловать их еще раз!

Он наклонился к ее лицу. Она ответила на поцелуй, потом, охваченная отчаянием, вырвалась из объятий. Ее затрясло.

— Санта Мария! Что же мне делать?

Лоренцо недоуменно нахмурился.

— Что делать? Да ничего. Я с тобой и всегда о тебе позабочусь. Разве ты сомневаешься в этом?

— Нет. Я знаю, ты очень добр.— Она отвернулась и стала смотреть в окно.— Надо же. В каких-то три дня все занесло снегом.

— Да.— Он помолчал, потом осторожно приблизился к ней.— Деметриче! Послушай! Не мучай себя. Не надо грустить. Пожалуйста. Ты меня удручаешь.

Она медленно повернулась к нему.

— Ох, Лауро!

Ей пришлось прикусить губу, чтобы сдержать рыдание.

— Да,— мягко произнес он.— Да, я все знаю. Мне тоже сейчас тяжело.— Он взял ее под руку и отвел от окна.— Но у нас есть еще время. Немного, но есть. Я обещаю, что не оставлю тебя без поддержки.

Деметриче позволила усадить себя на скамью и, когда Лоренцо сел рядом, судорожно обхватила его руками.

— Помнишь то утро, когда мы гуляли по рассветному лесу? Я продала бы душу, чтобы вернуться в то время.

— Деметриче,— пробормотал он виновато,— твоя душа стоит много дороже. Она слишком чиста и слишком прекрасна.

— Значит, ты тоже хотел бы вернуться туда? — Голос ее звучал деланно безразлично.

— Больше, чем ты себе представляешь. Если бы не... обстоятельства, я никогда бы не расстался с тобой.

— Лауро! Ох, Лауро! Прошу тебя...

Она сжала руки, тщетно подыскивая нужные слова.

— О чем же ты просишь? — тихо спросил он, прерывая тягостное молчание.

— Живи! Я хочу, чтобы ты жил!

Деметриче почувствовала, что силы ее на исходе. Она закрыла лицо руками и побежала к дверям. Ему вовсе не зачем видеть, как она плачет.

— Деметриче, постой. Не мучай меня. Остановись и послушай... Мне надо тебе что-то сказать.

Он слишком устал, чтобы бежать за ней следом. В груди его начинало закипать раздражение.

Она стояла, зажав рот руками, чтобы заглушить стоны, рвущиеся из глубины ее существа.

— Я не вынесу этого.

— Ты должна. Ты мне нужна.

Лоренцо неотрывно смотрел на нее, и этот магнетический взгляд понемногу ее успокоил.

— Мне больше не на кого положиться. — Он обвел библиотеку рукой. — Я собирал эти книги всю свою жизнь. Кто сохранит их, кто о них позаботится? Пьеро? Для него они мало что значат. Аньоло? Возможно, но лишь до тех пор, пока его внимание не отвлечется чем-то другим. Марсилио? Он старше меня. Пико? Но он постоянно в разъездах. Его манит Рим, у него свои интересы. Ты, Деметриче, только ты способна отнестись ко всему этому точно так же, как я. Ты знаешь, что эти книги не просто бумага, что это часть моей жизни, и очень важная часть. Ты сбережешь их.

— Но я не смогу остаться здесь, если ты... — она запнулась, ее взгляд заметался по книжным полкам.

— Тогда поселись где хочешь. Кому во Флоренции ты доверяешь? Кто тебе нравится? У кого тебе бы хотелось жить?

Он легко задавал эти вопросы, даже чуть улыбаясь.

— Но...

— Деметриче! — Его окрик резко прозвучал в царящей вокруг тишине, отозвавшись болью в ее сердце. — У меня мало сил. Я прошу тебя мне помочь. Если ты не хочешь, скажи о том прямо.

Лицо Лоренцо сделалось непреклонным. Деметриче кивнула, словно что-то в себе пересиливая, затем медленно подошла к недвижно сидящему на скамейке мужчине и опустилась на пол возле его ног.

— Что я должна делать?

— Тебе нужно найти человека, который позаботился бы о тебе. Причем вовсе не обязательно выходить за него замуж... если, конечно, ты этого не захочешь сама. Ты можешь стать домоправительницей в чьем-нибудь доме. А можешь пойти в помощницы к кому-нибудь из ученых людей. Новое дело, новые знания помогут тебе забыться. Время хорошо лечит душевные раны. — Он положил руку ей на плечо. — Скажи мне, кто тебе по душе, и я подумаю, что можно сделать.

— Я не знаю. Может быть, мне остаться с Пьеро?... — Она представила себе старшего сына Лоренцо и покачала головой. — Нет. Вряд ли.

В комнате уже стало темно, пламя камина позолотило их лица и руки.

— Да. Тебе не ужиться с ним, когда я... уйду.

Она мучительно размышляла, перебирая в уме всех мало-мальски известных ей флорентийцев.

— Ракоци! — вырвалось вдруг у нее.

— Франческо? — Медичи задумался. — Что ж, я поговорю с ним. Возможно, он согласится. Он хороший друг, лучше многих. И многому научит тебя.

Деметриче нахмурилась. Теперь, когда имя было названо, ее одолели сомнения.

— Ты думаешь, это удобно? Ведь он чужеземец.

— Это в каком-то смысле даже неплохо. Он тебе нравится?

Деметриче принялась водить пальцем по полу, выписывая незримый замысловатый узор.

— Не знаю. Он всегда очень внимателен и почтительно со мной обращается, однако иногда в нем проглядывает что-то пугающее. Но не отталкивающее, а притягательное. Таковы мои ощущения, и ничего больше я сказать не могу.

— Да, загадка в нем есть. И, скорее всего, не одна. Но он, как ты заметила, очень учтив, честен и, без сомнения, широко образован. Кстати, ты сможешь брать у него уроки турецкого языка.

— Он знает турецкий? — спросила Деметриче рассеянно. Она уже думала совсем о другом.

Лоренцо тоже о чем-то задумался и пропустил вопрос мимо ушей.

— Скажи, если бы я стал просто Лауро, а не Медичи — с таким же лицом, но уже без богатства и власти, ты все равно бы любила меня?

Он смотрел на огонь, но Деметриче почувствовала, что рука, лежащая на ее плече, напряглась.

Молодая женщина вскинула голову, оглядывая впалые щеки Медичи, сломанный нос, неровный бугристый лоб. Этот человек не понимает, что говорит. С ним может случиться все, что угодно, но он никогда не станет каким-то Лауро. Впрочем, в ответе ее не было колебаний.

— Конечно!

Он вздохнул с облегчением и опустил руку.

— Бедняжка Кларисса*. Ей никогда не нравилось здесь. Она постоянно помнила, что происходит из римских Орсини, и с трудом мирилась с жизнью в глуши.

— Жена Пьеро** тоже из семьи Орсини, — напомнила ему Деметриче.

* Кларисса Орсини (1453–1488) — знатная римлянка из рода, тесно связанного с папским престолом; с 1469 года — жена Лоренцо Великолепного. Родила ему трех сыновей и четырех дочерей, но не отличалась крепким здоровьем и скончалась от чахотки в возрасте 35 лет.

** Альфонсина Орсини (1472–1520) — с 1487 года — жена Пьеро, старшего сына Лоренцо Медичи.

— Это другое. Пьеро не любит Флоренцию. Кларисса не возражала против моих любовниц, но притерпеться к Флоренции все-таки не смогла. Она умерла несчастливой, и в этом моя вина. Что ж, тут ничего не поделаешь. — Он с трудом поднялся со скамейки. — Прости меня, дорогая, но я должен идти. Мне надо беречь силы. Ты не представляешь, как это утомительно — беречь свои силы!

Деметриче быстро вскочила на ноги.

— Ты очень мучаешься, Лауро?

Он обернулся, глядя на нее с высоты своего немалого роста.

— Нет, не очень. Когда начинаются боли, я принимаю лекарство. По рекомендации твоего Ракоци. Оно хорошо помогает.

Деметриче почудилась горечь в его словах, она в изнеможении закрыла глаза.

Лоренцо нежно обнял ее.

— Нет-нет, дорогая. Ты не должна так убиваться! Благословляю тебя на новую жизнь — человеку нужны перемены. Но все-таки вспоминай обо мне... иногда.

— Господи, помоги мне! — прошептала она, отшатнувшись от Медичи, и даже не шелохнулась, когда дверь закрылась, но пальцы ее с удвоенной силой вцепились в край письменного стола.

Немного позже она вызвала к себе младшего дворцового распорядителя Серджио. Тот немало был удивлен, узнав, что его намереваются использовать в роли посыльного.

— Как прикажете, донна. Куда доставить письмо?

Он подумал, что на улице холодно, а его накидка не по сезону тонка.

— В палаццо да Сан-Джермано. Франческо Ракоци.

Глаза Деметриче были сухи, руки совсем не дрожали. Она одарила Серджио мягкой улыбкой, присовокупив к письму две золотые монетки.

— В палаццо да Сан-Джермано. Вручить Ракоци,— повторил он, опуская монеты в карман. Собственно, накидка его не так уж плоха. В конце концов, под нее можно надеть что-нибудь шерстяное.

Письмо Джан-Карло Казимира ди Алерико Чиркандо к Франческо Ракоци да Сан-Джермано.

«Другу и учителю Франческо Ракоци да Сан-Джермано во Флоренции Джан-Карло шлет свои искренние приветствия.

Ваш бывший работник и в какой-то мере мой тезка Карло плывет сейчас в Лондон. Он пробыл у нас с неделю, и, как вы велели, я неотступно за ним наблюдал. Язык его не развязался даже после обильного возлияния. Он представлялся как Рикардо и откликался на это имя, правда, что называется, через раз.

Я пытался разговаривать с ним, но безуспешно. Он ничего не выбалтывает и стоит на своем, утверждая на чистейшем флорентийском наречии, что едет из родимой Мантуи в Англию, где ему обещал дать подзаработать какой-то кузен. Вот мое заключение: Карло-Рикардо туповат, но надежен. Вы можете не опасаться подвоха с его стороны.

Мне также известно от Кола Галлизо, что другой ваш работник, по имени Лодовико, оставил Геную и направляется в Лиссабон. У меня пока нет известий от Дитриха Вундерманна из Вены, но я совершенно уверен, что вашего третьего подопечного отправят куда надобно, когда спадут холода.

Хочу еще сообщить, что я позволил себе снести с Кельном и заказать там печатный пресс. Старая догасса проявляет большой интерес к этому механизму. Получив от нее письмо, вы поймете, почему это так.

Ваш дом несколько пострадал от последнего шторма. Впрочем, восстановительные работы идут полным ходом, и здание вскоре приобретет первоначальный вид. Больше всего урона нанесено восточному фасаду, крыша тоже повреждена, но фундамент, разумеется, в полной сохранности. В подвалах не обнаружено ни капли воды.

Ваше письмо от 20 октября содержит совет озабочиться закупкой сандала. Я нашел торговца, по фамилии — грека, но по виду — совершенного египтянина. Он назвался Дариосом Кириллие, у него прекрасный товар и подходящие цены, а еще он хвалится, что знает рецепты смешения красок. Впрочем, если вы пожелаете, я пошлю другого поставщика.

Радужное стекло, которое вы нам послали, в дороге не пострадало. Я преподнес его дожу с вашими поздравлениями. Все местные стеклодувы пришли в изумление и ходят за мной по пятам.

На том заканчиваю. Ночью намечается празднество: я должен проинструктировать слуг. Будьте уверены в нашей постоянной готовности неукоснительно следовать вашим распоряжениям.

Нижайше прошу простить мне возможные упущения, буде они обнаружатся вами.

Джан-Карло Казимир ди Алерико Чиркандо.
Венеция, день святого Николая,
6 декабря 1491 года».

ГЛАВА 10

Донна Эстасия швырнула отделанную серебром шетку через всю комнату и вызывающе усмехнулась.

— Но я еще не закончил, беллина,— сказал Ракоци, неспешно пропуская меж пальцев волну ее каштановых роскошных волос.

— Сойдет и так,— отмахнулась Эстасия, хмурясь. Раздражаясь, она теряла часть своей привлекательности: боль-

шие карие глаза делались злыми, в уголках рта появлялись сварливые складки.— Ты никогда не снимаешь одежду. Я ни разу не видела тебя обнаженным.

— Да?

Он принялся заплетать ей косу.

— Перестань! — она сердито тряхнула головой, и ее волосы вновь рассыпались по плечам. Очень медленно и демонстративно женщина застегнула верхнюю пуговку своего пеньюара.

Ракоци откинулся на подушки.

— Ну хорошо, Эстасия. В чем же я виноват?

— Ты никогда не идешь мне навстречу.

Надутый вид донны вызвал у него желание ее подразнить.

— Вот как? А почему это происходит? — Лицо его было спокойно и безмятежно, и вместе с тем в нем читалось странное сожаление.— Не потому ли, что во время наших свиданий мы только и делаем, что предаемся восторгам плотской любви?

— Мы ничему такому не предаемся! — Она просверлила его бешеным взглядом.— Ты... ты просто издеваешься надо мной!

— Донна не получает того, что желает? — спросил он, улыбаясь, но глаза его погрузнели.

— Ты прекрасно знаешь, что получаю. И даже больше, чем с кем-либо. Но этого недостаточно! — Она отвернулась к туалетному столику и стала нервно переставлять какие-то баночки.— Может быть, ты и вправду не евнух, но я не верю тебе. Ты даже не позволяешь дотронуться до себя... там... в том месте.— Эстасия покраснела.— Почему я должна все это говорить?

— Я предупредил обо всем еще до того, как мы стали встречаться. Тебя это устраивало. Что же изменилось сейчас? — Он потянулся и взял ее за руку.— Эстасия, ты же знаешь... Я не могу быть другим.

Она раздраженно вырвалась.

— Ты даже и не пытаешься.

Он лениво придвинулся к ней.

— Подумай, беллина, с кем еще ты получишь такое? Ты остаешься целомудренной и в то же время...

— Я не хочу быть целомудренной! — вскричала она.— Я хочу наслаждаться. Ты обращаешься с моим телом как с чем-то священным, словно боишься его осквернить. Но я вдова и знаю, что мне нужно. Сделай меня грешницей! — Она извернулась, как кошка, и прильнула к его руке.— Ну же, Франческо! Пожалуйста! Прямо сейчас! Если ты мужчина, поступи как мужчина!

— Девочка, ты же помнишь, что я сказал тебе в первую нашу ночь?

Эстасия помрачнела и отстранилась.

— Да; помню. Ты постоянно напоминаешь о том. Но я не сообразила, о чем идет речь. Ты обещал любить меня по-иному. Как я могла угадать, что это значит?

— Ты все поняла и на все согласилась.— Он указал на небольшое венецианское зеркало, стоявшее среди притираний.— Посмотри в него. И скажи мне, что ты там видишь.

— Не валяй дурака!

— Прошу тебя, посмотри в свое зеркало и скажи, что ты видишь.

Сердито озираясь, она придвинулась к зеркалу, мельком взглянула в него и отвернулась.

— Что ты там видела? — В его глазах зажглись странные огоньки.— Скажи, Эстасия. Ну же!

— Себя, разумеется!

— И что еще?

— Перестань, Франческо! Не пытайся водить меня за нос! Я хочу всего тебя! Целиком!

— Что еще ты видела в зеркале?

Его голос насторожил донну.

— Эту комнату. Что, по-твоему, еще я должна была увидеть?

— А меня? — Он ждал ответа.

— Тебя?

Краска сошла с лица донны, и она тихо произнесла:

— Нет, тебя я не видела.

Он мягким, осторожным движением коснулся ее щеки.

— Милая, вот тебе доказательство. Я не такой, как ты.

Все, что могу дать тебе, я даю!

— Но ты не любишь меня.

— Люблю... но по-своему!

Она покачала головой.

— Нет, не любишь. Не сгораешь от страсти, не считаешь минуты до встречи, не ловишь меня на улицах, не топчешься под окном...

Он невесело рассмеялся.

— Это не входило в наш договор. Эстасия, окажи мне честь и побудь с минуту правдивой. Я делаю все, что обещал, разве не так?

Она фыркнула.

— Да.

— Благодарю, — сказал он без тени иронии. — Послушай меня, беллина. — Он выждал, пока она на него не взглянула. — Я ведь стараюсь тебе угодить. Ты хочешь проводить ночи на ложе — изволь. Захочешь коротать время за дружескими беседами — я буду доволен и этим.

— В самом деле? А как же быть с твоими желаниями?

— Я не столь ненасытен.

Она зло усмехнулась.

— А что, если я вообще тебе откажу? Что ты будешь тогда делать?

Ему сделалось скучно.

— У меня не будет больших затруднений.

— Пройдет какое-то время, прежде чем ты найдешь мне замену.

Эстасия торжествовала, самодовольная усмешка светилась в ее глазах.

— Ты в самом деле так думаешь? — спросил он, поднимая брови. — Что ж, если я действительно тебя не устра-

иваю, жестоко с моей стороны занимать твое время. Я, пожалуй, пойду.

Она ухватила за край его черного одеяния.

— Я не отпускала тебя.

В комнате сделалось очень тихо. Несколько свечей, освещавших комнату, шипя, догорали, холодный ветер стучал в окно. Франческо Ракоци, не двигаясь, ждал. Эстасия соскочила с постели и встала с ним рядом.

— Ну почему ты такой колючий?

— Я? — Он покачал головой. — Нет. Совсем нет. Просто мне надоело играть в эти игры. Ты говоришь, что любишь меня, и бранишься, когда я рядом. Пойми, я давно без сочувствия отношусь к женским капризам. Ты хочешь устраивать сцены? Изволь, но в таком случае возьми себе кого-то другого. — Ракоци смолк, изучая ее лицо. — Одно твое слово — и я уйду. И навсегда позабуду дорогу к этому дому.

У нее вырвался нервный смешок.

— Кто сказал, что я тебя прогоняю? Я лишь добиваюсь новых свидетельств твоей любви. Ведь женщинам это так важно. Однажды ты мне поставил условия, и я согласилась с ними. Но отношения развиваются. — Эстасия соблазнительно потянулась. — Ладно, довольно пустой болтовни. Давай мириться, Франческо.

Наблюдая, как она стаскивает с себя пеньюар, он уже знал, что порвет с ней.

— Возможно, тебе нужны новые ощущения?

Подрагивая то ли от холода, то ли от нетерпения, Эстасия непонимающе пробормотала:

— Новые ощущения?

Она стояла перед ним совсем голая — в дымном мареве, идущем от догоравших свечей.

— Разве ты желаешь не этого? — Он придвинулся и взял ее за руки. — Мы могли бы что-нибудь изменить. Я, по крайней мере, мог бы попробовать. Просто ты всегда казалась такой довольной...

— Ох,— она захихикала,— даже не знаю, ведь до сих пор ты не...

Он прервал ее:

— Об этом давай помолчим. И подумаем, как усовершенствовать остальное.

— А ты выполнишь то, о чем я попрошу? — Она прищурилась и слотнула слюну.— Мог бы ты, например, привязать меня к этой кровати и отхлестать шелковой плетью? Или получить свое удовольствие, угрожая ножом? Или...

Эстасия задохнулась, щеки ее запылали, в глазах появилась лихорадочный блеск.

— Нет, беллина, этого я не могу.

— Но почему? Ведь я же не возражаю!

— Потому что это против моих правил. Насилие будит темные чувства, начни — и кошмару не будет конца.— Он отпустил ее руки.— Если ты не согласна, нам больше не о чем говорить.

Она, уступая, вздохнула.

— Ну хорошо, раз ты не хочешь. Но ты можешь хотя бы повалить меня на кровать?

Сердце Ракоцци кольнула холодная льдинка. Он смотрел на ее роскошное тело, не испытывая привычного прилива желаний. Он видел лишь голод в ее ненасытных глазах.

— Эстасия...

Она сама опрокинулась на постель и протянула к нему руки.

— Я снова хочу тебя. Посмотри, как пылает моя кожа. А ведь в комнате холодно. Иди же сюда!

Он не шелохнулся.

— Ты сказала, что моих ласк тебе мало. Почему же в таком случае ты вновь ищешь их?

— Не ломайся, Франческо!

Женщина томно потянулась, приподнимая ладонями свою пышную грудь и раздвигая полные бедра.

Однако уловки ее успеха не возымели. Вместо того чтобы со страстными стонами накинуться на изнывающую

от любовного томления донну, Ракоцци отошел к туалетному столику, взял в руки зеркало и рассеянно в него заглянул.

— Под определенным углом слабый силуэт все-таки виден,— пробормотал он.

Эстасия потеряла терпение.

— Завтра,— произнесла она, обиженно щурясь,— я, пожалуй, схожу к исповеднику. Не рассказать ли ему, что ты выделяешь со мной? А, Франческо? Как ты издеваешься надо мной, как бьешь меня и насилуешь, кощунственно используя при этом распятие? Может быть,— принялась она размышлять вслух,— я пойду к добродетельным францисканцам из Санта-Кроче... или загляну в Санта-Тринита. Там, правда, женщин не исповедуют, но для меня, надеюсь, сделают исключение. Или же,— Эстасия призадумалась,— стоит подыскать что-то получше? Ну конечно же, мне следует прямиком отправиться к доминиканцам. Там с особым пристрастием относятся к ереси и богохульству, им, безусловно, будет интересно послушать меня. Остается лишь выбрать между Сан-Марко и Санта-Мария Новелла.— Взгляд донны утратил томность и приобрел жесткое выражение. Она приподнялась на локте.— Что ты мне скажешь на это, Франческо, а?

Ракоцци повертел в руках зеркало и аккуратно поставил его на столик.

— Понимаю,— сказал он бесстрастно.— Пока я тебя не особенно раздражаю, ты согласна держать наши отношения в тайне. Если же я поведу себя плохо, меня можно будет и наказать. Например, с помощью церкви. Это ведь так просто — пойти покаяться, а заодно избавиться от докуки. Исповедь в данном случае сработает как донос.

Она удовлетворенно кивнула, не ощущая опасности, ибо ярость, в нем клокотавшая, никак не читалась в его словах.

— О, не все тут так просто! — Женщина села, продолжая вслух размышлять.— Мне, в общем-то, не очень нужен скандал. Я ведь опять могу оказаться под присталь-

ным наблюдением! Как в детстве, как в браке, как после него. Ни одного узника не стерегли, как меня, это было ужасно. Я не хочу испытать все это опять! А в остальном все правильно: ты в моей власти.— Она рассмеялась и вновь откинулась на постель, призывно хлопнув себя по бедрам.— Приди же ко мне, Франческо, мой данник, мой раб!

Слово «раб» обожгло его, как удар хлыста. Сжав кулаки, Ракоци наклонился над ней.

— Ты не оставляешь мне выбора. Совсем не оставляешь.

Ее зрачки расширились в сладостном предвкушении.

— Ты ударишь меня?!

— Я уже говорил, что не стану это делать.— Он присел на кровать, глаза его странно светились.— Ну, с чего мы начнем? Сразу с ласк? Или с целомудренных поцелуев?

— Нет, Франческо, поцелуев не надо! Ты же знаешь, что я люблю.

Эстасия придвинулась ближе.

— Тогда укажи, что мне делать. Или ступай к церковникам, спроси совета у них. Ну же, синьора, раб ждет приказаний!

— О, Санта Лючия! — простонала Эстасия.— Делай то, что всегда. Положи сюда руку! — Она вздрогнула: его пальцы были как лед, холодны.— А вторую — сюда! — Пышные бедра сдвинулись.— Ох... да, вот так!

Ракоци подчинился, он действовал как хорошо отлаженный механизм. Гнев его быстро улегся, осталось лишь равнодушие вкупе с желанием поскорее все завершить.

— Так-то бы сразу,— пробормотала Эстасия, бедра которой работали, как жернова. Казалось, ее забавляла покорность партнера. А еще капризную донну странным образом возбуждало то, что все удовольствие доставалось лишь ей. Уж она-то доподлинно знала, что без поцелуев ему ничего особенного для себя не добиться, и, торжествуя усмехаясь, продолжала его понуждать. Ох, как это сладко — использовать в своих целях того, кто пытался использовать ее сам! Эстасия издала чмокающий звук, по-

хожий одновременно и на хихиканье, и на вздох. Она стояла от наслаждения и направляла его руку.

— Еще! Еще! Мне нужно еще!

Ему хотелось быстрее привести ее страсть к разрешению, он чувствовал, что напряжение нарастает. Пик близился, за ним должен был последовать бурный отлив. Но ничего подобного не происходило, и через пару минут он с изумлением обнаружил, что она упорно сопротивляется натиску, стремясь удержаться на гребне волны. Глаза женщины закатились, ноги стали непроизвольно подергиваться, стоны перешли в глухое мычание.

— Эстасия, может быть... хватит?

— Нет... нет... нет...

Ее лицо исказила гримаса, рот жутко оскалился, исторгнув пронзительный крик. Затем роскошное, покрытое испариной тело сотрясла череда сильных, изнуряющих сокращений. Эстасия вцепилась в его руку и не отпускала ее, пока не затихли последние спазмы.

Открыв глаза, она широко улыбнулась, потом напустила на себя строгость и заявила тоном, не допускающим возражений:

— В следующий раз ты свяжешь меня и сделаешь все по-другому.

— Эстасия...— медленно произнес он, удивляясь, как это ему удалось провести с ней столько ночей.

— Ты пренебрегал мной, но теперь положение изменилось. Теперь тебе придется входить в меня так, как это делают все мужчины, если ты и вправду не евнух. Тогда я, возможно, и позабуду кое о чем,— потешалась она.

— Послушай меня, белла миа.— Ракоци встал, в его голосе прозвучали холодные ноты.— Мне приходилось жить в разных местах. Я бы не хотел покидать Флоренцию, но если ты меня вынудишь, я с ней расстанусь. И без особенных сожалений, ибо ты останешься здесь.

Она язвительно засмеялась.

— Тогда ты потеряешь свое палаццо и все свои красивые вещи.

Лучше бы она этого не говорила. Лицо Ракоци мгновенно замкнулось и обрело непреклонность.

— Я терял много больше. Если меня что и пугает, то, конечно же, не такие потери.

Заглянув в бездонную мглу его глаз, донна вдруг поняла, что он абсолютно серьезен.

— Ну-ну, Франческо,— сделала она попытку вернуть все на круги своя,— откуда ты знаешь, что я имела в виду? Ты ведь устроен не так, как мы, итальянцы. Возможно, тебе не известно, что мы иногда любим и пошутить!

Она натянула одеяло до горла и смотрела на него со странной смесью страха и любопытства.

— Ну разумеется! Я сразу понял, что это шутка! Как только ты начала говорить! — сказал он с горькой самоиронией.

— Ты так залишься, потому что я напугала тебя,— заявила она без тени смущения.— Ты не выносишь, когда над тобой берут верх, не так ли?

— Так же как и ты, белла миа.— Он шагнул к кровати, и Эстасия проворно переместилась на другой ее край.— Я думаю, нам лучше расстаться. Боюсь, что я, как чужеземец, плохо понимаю твои шутки.

— Расстаться? — Эстасия так изумилась, будто ее собеседник превратился в слона.— Ты что, рехнулся? Ты действительно хочешь бросить меня? Вот так, ни с того ни с сего, из-за какой-то пустячной размолвки? — Она плотнее завернулась в одеяло и принялась всхлипывать, готовясь к долгому разговору.— О, как ты жесток! Оказывается, я тебя вовсе не знала!

Он подавил в себе приступ жалости к ней.

— Да. И уже вряд ли узнаешь.

Не оборачиваясь, Ракоци пересек комнату и открыл окно.

— Дрянь! Ничтожество! Евнух! — закричала она, громким криком пытаясь заглушить растущий в душе ужас.— Я никогда не хотела тебя! Уходи! Уходи! Убирайся!

Но эти вопли были обращены к пустоте. В проем окна залетали искрящиеся снежинки. Их словно бы в утешение оставленной донне посылала зимняя флорентийская ночь.

Письмо Симоне Филиппи к его брату Алессандро, прозываемому Боттичелли.

«Сандро — своему кровному благодаря Господнему провидению брату — Симоне Филиппи шлет приветствия и поклоны.

До Рождества остается три дня, и я горячо желаю, чтобы твое сердце наконец-то открылось гласу Савонаролы. Богатство и слава Лоренцо ослепляют тебя. За ними тебе не видны истинные драгоценности мира. Я весь день провел на коленях, моля Господа нашего тебя вразумить. Брат, отрекись от Медици. Приди к тем, кто содержит себя в воле небес.

Быть мне здесь осталось семь дней. Надеюсь, к моему возвращению донна Эстасия оправится от своего недомогания и я найду наш дом в полном порядке. Печально, что она заболела именно в то время, когда мне приспела пора отъезжать в монастырь, но духовное выше мирского, пришлось кинуть домашние хлопоты на тебя. Почаще заглядывай к нашей болезной кухне и убеждай ее устремить свои помыслы к благочестию, тогда, возможно, недуг не затянется и пройдет сам собой. Тем, кто, отвлекаясь от плотских радостей, припадает сердцем к истинам святого учения, даруется многое.

Твой посланник мне сообщил, что ты все еще работаешь над росписью стен во дворце Медици, в этом языческом гнездовье разврата. Сандро, дорогой мой брат, задумайся, чем ты занят! Зачем ты тешишь тщеславие этого гордеца? Пусть он умен, эрудирован, образован и к

тому же поэт, все это уже не спасет его. Думать обратное значит впадать в серьезное заблуждение. Лоренцо проклят. Савонарола сказал, что он будет в могиле раньше, чем новый сбор винограда ляжет под пресс. Не поддавайся его чарам, иначе он и тебя увлечет прямехонько в ад.

Мое самое заветное желание состоит в том, чтобы увидеть тебя на стезе покаяния, ведущий к обновлению всей твоей жизни. Желаю тебе хорошо провести Рождество и остаться твоим братом, смиренно возносящим молитвы Господу нашему.

Симоне Филиппети.
Монастырь Пьета, 22 декабря 1491 года.

ГЛАВА 11

 Массивные двери дворца Синьории широко распахнулись, и Лоренцо де Медичи, тяжело ступая, вышел из них. Яркий свет зимнего солнца на миг ослепил его. Лоренцо зажмурившись, пошатнулся, затем громко хлопнул в ладоши.

— Эй, Клаудио! Мою лошадь!

Собственный голос резко отозвался в ушах, Лоренцо скривился и замер, рассматривая свои руки. Они по-прежнему сильно дрожали, а суставы пальцев страшно распухли. Колени и локти его тоже опухли и причиняли при движении боль.

— Лошадь ждет, Великолепный.

Молодой страж-наемник, радостно улыбаясь, держал под уздцы рослого жеребца.

Момент воистину был ужасен, ибо Лоренцо вдруг осознал, что без посторонней помощи ему в седло не взобраться.

— Спасибо, Клаудио,— буркнул он, принимая поводья.

«Успокойся,— уговаривал он себя.— Если двигаться осторожно, все должно получиться». Все получилось, и

близкий к обмороку Лоренцо замер в седле, мысленно благодаря гнедого за выдержку. Тот даже не шелохнулся, когда хозяин на него залезал. Однако требовалось еще непослушными пальцами перекинуть поводья через голову жеребца, на что ушла вся воля Лоренцо. Он тронул гнедого шпорой и позволил ему идти шагом. От дворца Синьории до палаццо Медичи было рукой подать, и он надеялся, что на такую поездку сил все-таки хватит.

Уже с виа Ларга всадник увидел, что возле ворот палаццо толпятся какие-то люди. Наверное, это прибыли ученые из Португалии, давно им ожидаемые. Но вряд ли он в состоянии сейчас их достойно принять. Ладно, там есть кому оказать им гостеприимство, подумал Медичи и, поймав глазом очертания церкви Сан-Лоренцо, направил гнедого к ней.

Спешиться кое-как удалось, но боль оглушила его, и он с минуту стоял как кукла, ничего не видя, не слыша, и даже не сразу узнал выбежавшего из храма святого отца.

— Мой Лоренцо! — Тот коснулся его руки и продолжил: — У вас ко мне какое-то дело?

— Нет,— сдержанно ответил Лоренцо, преодолевая боль, причиненную прикосновением.— Я хочу помолиться, святой отец. Почтить память брата..

— Ну конечно,— мягко отозвался священник и пошел вперед, приглашая Лоренцо следовать за собой. Храм, в который они вошли, поражал красотой и соразмерностью форм, что было неудивительно, ибо его проектировал сам Брунеллески*. Строительство велось на средства дома Медичи, и главное здание давно было отстроено, хотя на заднем дворе работы все еще шли.

На подходе к алтарю Лоренцо хотел преклонить колени, однако суставы пронзила сильная боль. Он стиснул зубы и, шатаясь, направился к надгробной плите.

* Брунеллески Филиппо (1377–1446) — итальянский архитектор, скульптор, ученый. Один из создателей архитектуры Возрождения.

«Странно,— подумалось ему,— я много раз здесь бывал, но никогда еще события того дня не представлялись мне столь явственно, как сейчас. Я словно воочию вижу и брата, сраженного коварным ударом, и пытающихся скрыться убийц...»

— Я вас оставляю, Лоренцо, вам следует побыть одному,— сказал священник и удалился.

Медичи его словно не слышал.

— Ах, Джулиано,— обратился он к алтарю,— как мне тебя не хватает! Особенно сейчас, когда смерть стоит за моей спиной. Если бы ты был жив, мне умиралось бы легче. Они приговорили меня и, возможно, сожгут. Во всяком случае, настоятель церкви Сан-Марко заявляет об этом. А еще он говорит, что я обречен на вечные муки. И за что же? Неужели за то, что стремился к знанию и любил красоту? Нет, это слишком нелепо. Я, конечно, не праведник и готов идти в ад за свои прегрешения... ну, хотя бы за Вольтерру*, но не за остальное. Я даже готов раскаяться... Правда, мое раскаяние ничему не поможет. Сделанного не воротишь. Господи, если я должен идти в ад, пусть это будет мне суждено за Вольтерру, пусть то, что я любил, оставят в покое!

Он помолчал, затем, усмехнувшись, спросил:

— Что это — глубокая уверенность в собственной правоте или пустое тщеславие? Или гордыня, за каковую ты, мой Джулиано, всегда меня упрекал? О, Джулиано, я честно пытаюсь смириться. Однако проигрывать все равно не люблю. Если мне на роду написано быть проклятым, пусть это произойдет, но на моих условиях.

Он взглянул вверх — на церковный свод — и, как всегда, залюбовался его красотой. И как всегда, ни вокруг, ни под куполом церкви не обнаружил присутствия Бога.

* Вольтерра — тосканский свободолюбивый город с трехтысячелетней историей. В 1470 году 7000 флорентийских наемников вторглись в его пределы. Они предали Вольтерру огню и разрушили там самые высокие здания.

— Здесь много места для Медичи и маловато для Христа,— сказал он, посмеиваясь над собственной дерзостью.

Потом в его памяти всплыли еще две строки. Из другого стихотворения, написанного в неясном томлении, но сейчас вдруг обретшего отчетливый смысл:

Господь, я стараюсь тебя обрести
Не только затем, чтобы душу спасти...

Вот именно. Не только затем. В жизни есть еще очень многое, что нуждается в пригляде Всевышнего. Лоренцо свел воедино больные руки и начал молиться.

На другой стороне площади Сан-Лоренцо — на третьем этаже палаццо Медичи — выглянувшая в окно Деметриче Воландри тихо охнула и застыла, прервав беседу.

— Что вас отвлекло, дорогая?

Ее собеседник пересек комнату и подошел к окну. Он был в черном испанском камзоле, выгодно контрастировавшем с белизной кружевного жабо. Лицо его сделалось озабоченным.

— Видите, там. У церкви.— Она указала на площадь.

— Что? Там — мул, это значит, что настоятель где-то поблизости.

— Нет. Правее.— Ее палец немного сдвинулся.— Там лошадь Лоренцо.

Ракоци узнал жеребца.

— А ведь и правда. Что ж, у Лоренцо, как видно, есть к настоятелю дело.

— Но он сказал, что отправляется в Синьорию...— Вдруг смешавшись, она смолкла и лишь после паузы заметила:

— Наверное, мне не стоит волноваться по пустякам.

Ракоци очень бережно взял ее руки в свои.

— Донна Деметриче, чего вы боитесь?

Она осторожно высвободилась и отвернулась, потупив взор.

— Ничего, да Сан-Джермано.

Ее нежелание продолжать разговор не было принято.

— Вам нет нужды скрывать свое горе, донна. Я знаю, что вас тревожит. Я тоже обеспокоен!

Она колебалась, не зная, насколько можно довериться чужеземцу.

— Он вам сказал?

— Нет. Я сам сказал ему это.— Ракоци вновь повернулся к окну.— Хотите спуститься и его поискать? Хотя, если все в порядке, он разозлится ужасно.

— Пусть себе злится.

Деметриче быстро прошла в конец комнаты и решительно сдернула со спинки стула длинную красноватую шаль.

— Видите ли,— объяснила она, словно бы извиняясь за свою торопливость,— если он хотел переговорить с настоятелем, то почему же сначала не заехал домой? Ведь до церкви рукой подать. К ней вовсе незачем ехать на лошади.

Ракоци разделял ее опасения, но постарался придать своему тону беспечность.

— Возможно, он увидал у ворот португальцев. И, не желая ставить их в неловкое положение, решил где-нибудь переждать.

Он распахнул дверь комнаты, пропуская Деметриче вперед.

— Возможно,— согласилась она без особой уверенности.— Но он бы тогда прислал домой свою лошадь. Он часто так делает. Когда, например, заворачивает в зверинец или решает зайти куда-то еще. Осторожнее, здесь очень крутые ступени.

— Благодарю.

Они спустились на первый этаж и, толкнув узкую дверь, вышли в небольшой сад, уставленный мраморными изваяниями.

— Сегодня здесь никого, хвала ангелам, нет,— сказала, зябко поежившись, Деметриче.— Иначе нам пришлось бы идти в обход. Скульпторы,— она указала на дверь,— зади-
гают засовы...

Окончив молиться, Лоренцо поднял голову и вздохнул.

— Джулиано,— тихо произнес он,— помнишь ли, как мы отпраздновали рождение моего первенца? Мы напились испанского и отправились петь серенады. Мы были совершенно пьяны. Матушка наша тогда очень на нас рассердилась. А сейчас Пьеро — женатый мужчина.— Он потер лицо, стараясь собраться с мыслями.— Твой сын тоже вырос. Замечательный сын. Он далеко пойдет в служении Церкви*.— Медичи склонился к надгробию.— Мы повесили многих заговорщиков, включая епископа. Сандро написал в твою память прекрасную фреску. Я сочинил стихи, клеймящие вероломство. Но ты по-прежнему мертв. О, Джулиано! — Он оглядел незатейливо обработанный мрамор.— Я все собирался установить тебе надгробие понышнее. Я думал, успею, ведь мне всего сорок два. Не сердись, Джулиано. Как мог я знать, что срок подойдет так скоро? Ты помнишь о наших планах? К своим тридцати пяти я намеревался передать тебе власть, чтобы целиком и полностью заняться стихами. Я даже подумывал удалиться в деревню. О, если бы так все и случилось! Но судьба распорядилась иначе.— Лоренцо вздохнул.— Мир и спокойствие дорого стоят, но, по крайней мере, теперь мы за них платим золотом, а не жизнями. Сейчас во Флоренции холодно. Я только из Синьории. Представь себе, руки меня не послушались, я не смог подписать обращение к флорентийцам по случаю Рождества.

Медленно, преодолевая жуткую боль, он опустил на колени возле надгробия и, оперевшись руками о камень, застыл.

Он не помнил, сколько времени так простоял. Легкое прикосновение к плечу вывело его из оцепенения. Лоренцо почувствовал прилив раздражения. Чего ему надо, это—

* Имеется в виду Джулио Медичи (1478—1534), побочный сын Джулиано, ставший в 1523 году Папой Климентом VII.

му служителю Божьему? Разве не видно, что человек хочет побыть один? Он обернулся, и удивленное восклицание сорвалось с его уст:

— Деметриче!

Она приготовилась к худшему и потому осталась совершенно спокойной.

— Да. Ты должен нас извинить. Мы заметили твою лошадь и...

— Нас? — Он пришел в еще большее изумление. — Ракоци, — узнал он алхимика, одетого в черное, — что вам здесь нужно?

Ракоци приблизился.

— Я хотел переговорить с вами о донне Деметриче и о ее переезде в мое палаццо. Она выразила желание стать моей экономкой, что будет связано главным образом с тем, чтобы смотреть за книгами и расплачиваться с поставщиками провизии. Так что у нее останется время и для вашей библиотеки, и для дел, какие вы найдете нужным ей поручить. Теперь остается только решить, когда удобнее совершить переезд.

Ракоци произнес весь монолог без запинки и с любезной улыбкой, но она нимало не обманула Лоренцо.

— Что за беда? Разве нельзя обсудить это дома? Я, конечно, всегда рад вас видеть, но... — Взгляд его стал сердитым. — Но в других обстоятельствах, более располагающих к дружескому общению. А сейчас ваш визит очень смахивает на подсматривание в замочную щелку. Вам что, нравится наблюдать, как я умираю?

Воцарилось молчание. Ледяное, тяжелое. Прием, оказанный Медичи непрошеному визитеру, содержал в себе оскорбление, за которым могло последовать только одно: разрыв всяческих отношений оскорбленного с оскорбителем.

— Ладно, Великолепный. Вы вправе так думать. — Ракоци обошел надгробие и встал так, чтобы Лоренцо мог видеть его. — Выслушайте меня, а потом сами решите, имею я право здесь находиться или должен уйти.

Он скрестил на груди руки и заговорил глухим, безжизненным голосом, первые звуки которого показались чужими даже ему самому:

— Много, очень много лет назад я принужден был увидеть такое, о чем не могу забыть и по сей день. Трех людей, которых я любил больше жизни, растерзали при мне на части. Я ничем не мог им помочь. Они умирали в страшных мучениях, а я на это смотрел. С тех пор у меня не появлялось желания наблюдать за чем-то подобным.

Он глубоко вздохнул, стараясь больше не думать о римском амфитеатре, о жутких предсмертных воплях несчастных и о запахе, душном, невыносимом запахе растерзанной плоти, который преследовал его в течение многих столетий.

— Они были вашими родичами? — спросил Лоренцо. Гнев его явно пошел на убыль.

— Они были одной крови со мной.

— Ужасно, — Лоренцо поймал пальцы Деметриче и нежно их сжал. — Мое сокровище, — тихо шепнул он, потом перевел взгляд на Ракоци. — Давно это было?

Ракоци чуть помедлил, затем нашел правдивый ответ.

— С тех пор прошло около половины тех лет, что я прожил. — Суровость ушла из его голоса, теперь в нем сквозила печаль. — После этого я дал себе слово ни к кому не привязываться сердечно. Судите сами, насколько это мне удалось. Я живу в свое удовольствие, занимаюсь науками, люблю путешествовать, коллекционирую предметы искусства. А еще у меня есть музыка, которая заменяет мне практически все...

— А еще одиночество, — подсказал Лоренцо. — Я вспомнил вашу канцону, теперь я ее понимаю! И рад, что вы здесь! — Он попытался подняться, но приступ слабости вернул его в прежнее положение.

Ракоци увидел в том прямую возможность положить конец скользкому разговору. Он приблизился к удрученному своим бессилием другу и негромко сказал:

— Деметриче, Великолепный нуждается в нашей помощи. Встаньте с другой стороны и возьмите его под руку

так же, как я. Лоренцо, если вы примете нашу помощь, обещаю, что ударить лицом в грязь мы вам не дадим. И вся Флоренция будет завидовать оказанной нам чести.— Он уже опустился на одно колено возле Медичи и ждал, когда Деметриче сделает то же.

— Я ненавижу... свою слабость,— проговорил Лоренцо капризно.

— Бывают ситуации, Великолепный...

Ракоци кивнул Деметриче, и они вместе поставили Медичи на ноги.

— Бывают ситуации, когда даже самые обычные вещи обретают огромную ценность.

Лоренцо грузно, всей тяжестью повис на плечах своих добровольных помощников.

— Я все прикидываю, а нельзя ли мне малость поторговаться? Я говорю не о боли: ваше снадобье действует хорошо. Но нет ли возможности уговорить смерть прийти чуточку позже?

— Сторговаться со смертью не удавалось еще никому,— отозвался Ракоци с невеселой улыбкой.— Но есть способы выиграть какое-то время. Совсем небольшое.— Он был не в силах заставить себя сказать, что счет Лоренцо идет уже на недели.

— Это месяц? Или два? Или несколько дней? — Неопределенность бесила Медичи.

— Я сделаю все, что в моих силах.

Ракоци кивнул Деметриче, и они медленно повели Лоренцо к выходу.

— Я не успел перекреститься,— уперся вдруг тот в дверях.— Я должен вернуться.

— Великолепный, Всевышнему все известно о вас,— терпеливо сказал Ракоци.— Я думаю, он не станет корить большого за неучтивость.

Деметриче согласно кивнула.

— Лауро, ты всегда утверждал, что строптивость чело- века не красит. Настал твой черед показать это нам.

Лоренцо позволил себе снизить к уговорам, печально заметив:

— Я чувствую себя стариком. У меня болят кости, пальцы мои скрючены, я едва ковыляю. Смерть уже глядит на меня. Мне страшно, и все же я жаду от нее облегчения.

Он покосился на Деметриче.

— У меня были такие красивые руки. Любуясь ими, все забывали о моем некрасивом лице. Взгляните на них теперь. Они похожи на корни деревьев. Господь учит меня смирению в мои последние дни.

Ракоци толкнул дверь, с улицы резко дохнуло холодом. Лоренцо стиснул зубы и произнес:

— Что ж, мои дорогие. Вы — лучшее, что у меня есть. Ну, в чем заминка? Ведите меня домой! Должен же я наконец встретиться с этими португальцами! Не век же мне бегать от них.

Письмо старшины ремесленников к Франческо Ракоци да Сан-Джермано.

«Синьору Ракоци, знатному иноземцу шлют свой привет мастера и работники, завершившие постройку и отделку палат на принадлежащем ему участке земли, расположенном за монастырем Святейшей Аннунциаты.

Сообщаем, что все работы проведены с неукоснительным соблюдением всех ваших распоряжений и благополучно закончены. Прилагаем к письму итоговый счет, каковой, мы надеемся, будет оплачен в оговоренный соглашением срок.

Строительство могло быть закончено раньше, однако трое наших рабочих внезапно уволились и уехали из Флоренции. Потребовалось время, чтобы подыскать им замену.

Мы очень признательны вам за проявленную к нам доброту. Не в обычае флорентийских ремесленников прини-

мать за свой труд вознаграждение сверх положенной платы. И все же гильдия сочла возможным позволить каждому из нас получить по пять флоринов золотом от ваших щедрот, ибо кое-какие работы в соответствии с вашими требованиями выполнялись с удвоенным тщанием. Благодарим вас еще раз.

Сообщаем также, что дворецкий ваш Руджиеро получил все ключи от замков и что палаццо полностью готово к приему, каковой, как мы знаем, приурочен к празднику Двенадцатой ночи*. Уверены, что даже Лоренцо де Медичи, который будет присутствовать там, не найдет в нашей работе изъянов.

Если у вас возникнут вопросы, касающиеся наших расчетов, дайте лишь знать — и составитель письма сего незамедлительно явится к вам, чтобы все обсудить и уладить.

Засим желаем вам радостного и счастливого Рождества! Для нас было большим удовольствием иметь дело с таким именитым и щедрым заказчиком! Если вам еще что-то от нас понадобится, вы знаете, где нас искать.

За всех работавших на стройке ремесленников

Юстиниано Монтеджелато.
Флоренция, 29 декабря 1491 года».

ГЛАВА 12

 Жонглеры закончили свое выступление, и вниманием зрителей завладели вставшие на руки акробаты. Их было двое, и передвигались они чрезвычайно изящно. Один умудрялся держать в пальцах ног горящие факелы, на пятках другого стояли кубки с вином.

* Двенадцатая ночь от Рождества — в западноевропейской христианской традиции финальная ночь череды рождественских карнавалов, праздник окончания празднеств.

Ловкачам аккомпанировал небольшой оркестрик: барабан, пастушеская волынка и лютня. Музыканты старались, но все-таки не могли заглушить веселый гомон, стоявший в главном зале палаццо да Сан-Джермано, празднично освещенного с помощью оригинально устроенных фонарей. Прекрасному настроению всех собравшихся весьма способствовало и то, что в зале было тепло, ибо от стужи зимнего дня его хорошо защищала широкая длинная лоджия, не имевшая сообщения с улицей, где хозяйничали ветер и снег. Проемы в ее стене, летом назначенные пропускать свет и воздух, сейчас были плотно закрыты деревянными ставнями.

Два боковых, примыкавших к лоджии зала тоже не пустовали. Один служил уборной для веселившей публику труппы французских актеров, в другом пылал огромный камин, зев которого едва вмещал тела двух котлов, наполненных уютно побулькивающим вином. Повар Ракоцци Амадео, священнодействовал над ними, то и дело сдвигая крышки и подсыпая какие-то пряности в кипящую жидкость, издающую восхитительный аромат.

Ракоцци с наиболее именитыми флорентийцами сидел за длинным столом, установленным на широкой площадке парадной лестницы. Он был в мантии черного бархата с окаймленными красным атласом рукавами, сквозь разрезы которых проглядывал шелк ослепительно белой рубашки. Малиновая окантовка ее высокого стоячего воротника перекликалась с тусклым мерцанием крупных рубинов, вделанных в массивное серебро иноземного ордена, покоящегося у него на груди.

Лоренцо Медичи, восседавшему рядом с владельцем палаццо, очень шел темно-синий парчовый кафтан, присланный ему к праздникам турецким султаном. Под кафтаном поблескивал золотистый жилет, призванный вносить разнообразие в наряд первого флорентийца, ибо каких-либо украшений на нем не наблюдалось. Держался Медичи бодро, и понять, что эта бодрость скрывает усталость, могли только те, кто хорошо его знал.

— ..Но служанка была сицилийкой и ничего не разобрала из того, что ей сказали.

Лоренцо весело заулыбался, склоняясь к Фичино, и довершил анекдот:

— Поэтому суп им подали, представьте, в ночном горшке!

Его смех был громок и заразителен. Гости расхохотались. Довольный Лоренцо потянулся к вину. Ракоци мягким прикосновением остановил его руку.

— Минуту терпения, Великолепный. У меня тут есть кое-что для вас.— Он поднялся и громко хлопнул в ладоши. В тот же миг возле него возник Руджиеро. Ракоци принял из рук слуги сверток, обвязанный золотой лентой, и повернулся к Лоренцо.

— Великолепный, в вашем краю существует хороший обычай подносить друг другу подарки в память о дарах, принесенных Христу. Впрочем, дни зимнего солнцестояния у многих народов всегда были в чести. Вспомним хотя бы Сатурналии римлян, зимние игрища северных наций или обратим свой взор на Восток. Весь огромный Китай, например, празднует сейчас рождение солнца. Поэтому нет ничего удивительного в том, что и я — иноземец — собираюсь почтить флорентийский обычай, ибо он во многом перекликается с обычаями моей родной стороны.

Оглядев застолье, Ракоци понял, что добился своей главной цели. Его монолог привлек внимание большинства гостей. Когда все головы повернулись к нему, он улыбнулся собравшимся и продолжил:

— Друзья мои, не могу выразить, как приятно мне видеть вас здесь. Но особенную благодарность я испытываю к Лоренцо Медичи. Флоренция приютила меня, а его внимание одарило душевным теплом. Первого января, пять дней назад, он отпраздновал сорок третью свою годовщину. В память об этом событии и в знак моего бесконечного уважения к столь выдающемуся флорентийцу, без усилий которого Флоренция не была бы тем, что она сейчас есть, я

хочу в вашем присутствии просить его принять мой скромный подарок.

Удивленный Лоренцо пошевелил бровями и встал. Ракоци с глубоким поклоном вручил ему сверток, затем отступил на шаг и поклонился еще раз — с той торжественной церемонностью, с какой обычно склоняются перед монархами или принцами крови.

Медичи принялся непослушными пальцами совлекать с подарка обертку и через какое-то время в руках его оказался резной деревянный ларец. Он немного помедлил, рассматривая инкрустированную самоцветами крышку.

— Сделайте мне честь и откройте его.

— Здесь? — Лоренцо прикоснулся к рубиновым шапкам, образующим герб Медичи на боковой стенке ларца, и, поймав взглядом кивок Ракоци, осторожно на них нажал. Крышка ларца мягко откинулась, приглашенные ахнули. То, что открылось взорам присутствующих, поразило даже самых невозмутимых гостей.

Это был кубок, целиком выточенный из рубина огромных размеров, его тело поддерживала серебряная короткая ножка, по ребру основания которой шла золотая монограмма «Лор. Мед.» Грани кубка переливались кровавым огнем. Казалось, ни одно вино в мире не могло быть достойным его или хотя бы соперничать с ним по цвету.

В благоговейной тишине Лоренцо поднес драгоценный подарок к глазам, в которых дрожали слезы восторга, и хрипло сказал:

— Я восхищен, мой чужеземец... слов нет, я восхищен!

Конец его фразы заглушил взрыв восторженных возгласов. Жест чужака был воистину королевским, флорентийцы умели считать.

Лоренцо вопросительно глянул на Ракоци.

— Вина! У вас есть достойное этого кубка вино?

Ракоци усмехнулся:

— Не знаю, амико. Впрочем, старое бургундское, я думаю, подойдет. Его сейчас принесут.

Он дал знак Руджиеро и, когда гости возобновили свои разговоры, прибавил негромко, обращаясь только к Медичи:

— Я еще кое-что для вас приготовил.

Лоренцо вздрогнул, поставил кубок на стол и прошептал:

— То, о чем я просил?

Ракоци неловко кивнул.

— Вот.

Он украдкой достал из рукава небольшой пузырек и вложил его в горячие пальцы Лоренцо.

— Что это снадобье мне даст?

— Не так много, амиго. Возможно, месяц-другой. Учтите, вкус у него отвратительный! Принимайте в маленьких дозах вместе с вином или миндальным молоком.

Он убрал руку и повернулся к пробирающемуся через зал Руджиеро, в руках которого была зажата бутылка внушительного размера и вида.

— А вот и вино!

Громкое восклицание опять привлекло к нему внимание флорентийцев. Ракоци принял у Руджиеро бутылку и указал Лоренцо на этикетку.

— Бургундия, поместье де Сен-Жермен,— прочел тот и рассмеялся.— Звучит почти как да Сан-Джермано. Уж не ваше ли это имение? Впрочем, о чем я? Ведь вы не француз!

— Нет, не француз,— поморщился Ракоци.— Вы не туда смотрите, взгляните на дату. Вино урожая 1449 года. Что скажете, Великолепный? Вы, кажется, родились именно в этом году?

Он смолк, он уже понял ошибку. Ожидаемого эффекта не получилось. По лицу Медичи скользнула тень.

— В одном году пришли, в одном и уйдем.

Голос Лоренцо звучал ровно, но тонкие губы его скривились в гримасе. Он выхватил бутылку у Ракоци и отвернулся — якобы для того, чтобы ее открыть.

— Позвольте мне, Великолепный,— сказал Руджиеро спокойно и занялся священнодействием сам. Орудую маленьким ножичком, он аккуратно соскоблил воск с темного горлышка, затем с помощью того же ножа ловко вытащил из него маленький коричневатый цилиндр и вручил его с поклоном Лоренцо. Это было частью обряда. Почетному гостю предлагалось вдохнуть восхитительный аромат, пропитавший за много десятилетий все поры пробки. Еще одна, пусть невольная, но бестактность.

— Нет-нет, любезный. Мой нос для этого уже непригоден. Отдай ее лучше хозяину.

Ракоци, чтобы не усугублять ситуацию, поднес пробку к ноздрям и вернул Руджиеро. Он разбирался во многом, но не в запахах вин.

— Наполни кубок Великолепного.

Руджиеро поднял бутылку, показывая, что он готов это сделать.

— Хм, Франческо? Нам надо бы выпить вдвоем!

Ракоци улыбнулся.

— Вина я не пью!

— Но...

Лоренцо умолк, в глубине его глаз мелькнули странные искры. Он взял со стола кубок.

— Ну а я все-таки выпью. И большим удовольствием, мой дорогой друг!

Вино, аппетитно побулькивая, полилось в огненные глубины кубка. Лоренцо нетерпеливо переступил с ноги на ногу и тихо сказал:

— Вы также и не едите, не правда ли?

— Я чаще бываю сыт, чем голоден,— пробормотал Ракоци.— Не беспокойтесь на мой счет.— Он возвысил голос: — Пейте, Великолепный! Вино — душа кубка. Надеюсь, оно достойно того, кто является душой всей Флоренции!

Шквал одобрительных возгласов был ответом на эти слова. Гости уже успели отдать должное возлияниям, и атмосфера застолья делалась все более непринужденной. Мужчи-

ны отпускали вольные шуточки, женщины разругались и начинали постреливать глазками.

Лоренцо с видимым удовольствием осушил кубок и вновь поставил его на стол.

— Нет,— возразил он, на глазах веселея,— все, что угодно, но душа тут не я. Я — человек, обладающий некоторым поэтическим даром, и только. Однако жизнью наш город наполняют те люди, чьи таланты воистину велики. Это наши художники, музыканты, философы, просветители. Подлинной душою Флоренции являются только они.

Ракоци улыбнулся.

— А давайте задумаемся, кто их сюда привлек? Кто поддержал их, кто окружил заботой, чтобы они могли достойно жить и творить? Если художник голоден, он вряд ли будет проводить все дни за мольбертом! Если музыканты играют в лачугах, их музыка там же и умирает! Воздадим же хвалу дому Медичи, покровительствующему искусствам уже множество лет!

Добрые флорентийцы разразились аплодисментами и, глубокомысленно покивав головами, вернулись к своим тарелкам и кубкам.

Ракоци жестом предложил своему собеседнику сесть и сел сам.

— Смешайте с вином то, что я вам дал,— сказал он, понизив голос.— Одной-двух капель в сутки достаточно. Когда снадобье кончится, я приготовлю еще. Не пытайтесь принимать больше, чем сказано, эффект будет обратным. Вместо того чтобы бороться против болезни, эликсир вступит в союз с ней и...

— Я понимаю,— проговорил тихо Лоренцо, доставая из рукава пузырек. Встряхнув его пару раз над кубком, который заботливый Руджиеро успел наполнить опять, он покосился на мантию собеседника.— Вы в этот вечер даже больше походите на флорентийца, чем я. Бархат явно работы местных ткачей, в покрое видна рука наших портных, верх облегающий, разрезы на рукавах безупречны...

— Что ж,— отозвался Ракоци со слабой улыбкой.— Флорентийцы вправе одеваться как им заблагорассудится, но нам, чужеземцам, приходится с особым тщанием следить за собой...

— И отдавать в повседневности предпочтение испанским камзолам? — Лоренцо коротко хохотнул и поднес кубок к губам.— Прекрасное вино,— заявил он, сделав пару глотков.— Просто отменное, как бы я ни относился к французам. Совпадение вашего имени с названием местности, где его производят, случайно?

— Это мой выбор, Великолепный. Из тщеславия. Прихоть, пустяк.

Ракоци отвернулся и стал смотреть на гостей. В конце концов, хозяину нужно приглядывать, как идет вечеринка. Около залы с актерами стояла группа влиятельных флорентийцев, входивших в общество дель Бигалло, занимавшееся благотворительностью. Оно открывало приюты для бедняков и снабжало их теплой одеждой. Чуть в сторонке от них неспешно прогуливалась троица известных ученых: двое датчан и один англичанин. Кто из них кто, можно было свободно определить по костюмам. Члены городского правления также сочли возможным откликнуться на приглашение чужеземца. Они прибыли на прием вместе с женами, разодетыми, по флорентийским меркам, в пух и прах. Бархатные платья некоторых из них были оторочены мехом, в разрезах проглядывали тончайший батист и белоснежные кружева. Рассеянный взгляд владельца палатццо вдруг оживился, выхватив из толпы Деметриче. Она вела беседу с двумя мэтрами академии. Ракоци удовлетворенно кивнул, заметив на ней юбку из ярко-зеленого шелка: ему стоило немалых усилий уговорить горячку принять этот подарок. Вновь прибывший гость привлек внимание Деметриче, и она, радостно улыбаясь, поспешила к нему. Боттичелли (это был он) направился к ней. В праздничном кафтане, пошитом Бог весть когда, художник выглядел довольно худым переростком, затесавшимся в компанию солидных взрослых людей.

— Франческо,— тихо проговорил Лоренцо, и Ракоци повернулся к нему,— вы не должны меня опасаться.

— Не понимаю, о чем вы?

Можно было, конечно, напустить на себя рассеянный вид, но недоумение разыграть невозможно. Впрочем, Ракоци все равно попытался это проделать и увял, встретив проницательный взгляд.

— Я говорю,— настойчиво продолжил Лоренцо,— что вы можете довериться мне. Я вас не выдам.

— Не... но, мне кажется, я ничего не скрываю.

Он стал искать повод спешно куда-нибудь удалиться, но не нашел его и остался сидеть.

— Помните день, когда мы набрали на развалины? И старика, пытавшегося пустить себе кровь? — Лоренцо неспешно водил пальцем по скатерти.

— Да,— сдавленным голосом произнес Ракоци.

— Хорошо. Тогда вы должны также помнить, что я заходил внутрь старого храма.— Ответом было молчание.— Я обнаружил там много странных вещей. Среди них был пергамент с непонятными письменами.

— В самом деле? — Ракоци не мог заставить Лоренцо умолкнуть, а если и мог бы, то тем только разжег бы в нем любопытство.— И что же это были за письма?

— Я не смог их прочесть. Но я узнал их.— Медичи умолк, допил свое вино и потянулся к бутылке.— Я видел их раньше.

— Правда? Где же?

— На вашем гербе, Франческо. На вашем гербе.

Лоренцо оглянулся, всматриваясь в толпу веселящихся, затем со скучающим видом продолжил:

— Только, молю вас, не делайте вид, что не понимаете, о чем идет речь. Если не хотите говорить, будь по-вашему. Но...— Медичи запнулся.— Рубиновый кубок, рубиновое вино. «Мне нет пристанища ни в смерти, ни в любви»,— тихо процитировал он.

Ракоци чувствовал, что лед под ним становится хрупким.

— Поверьте, Лоренцо, в моей ситуации лучше молчать,— в отчаянии сказал он.— Тому есть причины. Но знаете: то, о чем я умалчиваю, ничем не грозит ни вам, ни Флоренции, ни флорентийцам!

Лоренцо кивнул и выпил еще вина.

— Ну ладно. Сказанного довольно! — Он приглашающе махнул рукой Боттичелли.— Сандро понравится это вино. Благодарю за любезность, с какой вы предоставили мне возможность им насладиться. И за все остальное тоже.

Сандро уже поднимался к ним, но внезапно остановился, отвлеченный затеявшейся внизу суматохой. В ставни лоджии кто-то ломился, два щита уже треснули и разошлись.

Публика настороженно замерла, все глаза обратились к входной двери. Та сотрясалась, в нее колотили ногами, грохоту вторили чьи-то возбужденные голоса.

Ракоци поднялся.

— Что это за напасть? — спросил он недоуменно.

В следующий момент дверь упала, и группа молодчиков в серых сутанах ворвалась в зал. Двое вздымали над головами полотнище, с надписью: «Во имя Спасителя!»

— Савонарола! — воскликнул Лоренцо.— Это его происки! Ах, негодяи!

Он пошатнулся, задев рубиновый кубок. Тот опрокинулся, на ослепительно белой поверхности скатерти образовалась красная лужа.

— Кто вам дал право врываться сюда?

— Мы здесь во имя распятого нечестивцами Господа! — провозгласил один из молодчиков, видимо предводитель, выступая вперед. Взгляд его был исполнен презрения.— Иисус выгнал меня из храма, мы с помощью Духа Святого изгоним из Флоренции всех ростовщиков! — Он вскинул руку, серые разразились гневными криками.

— О, Боже праведный! — пробормотал Лоренцо и сделал движение, выдававшее намерение встать.

— Нет, Великолепный,— остановил его Ракоци.— Вы у меня в гостях. Наводить в доме порядок — дело хозяина.

Он обошел стол и легко сбежал по лестнице вниз.

— Ну, добрые горожане, чего вы хотите от нас? Если вы намеревались испортить нам вечер, то это вам удалось. Вы разломали ставни, выбили новую дверь, пора бы и успокоиться. Возможно, вам хочется помолиться? Молитесь — и покончим на том. В противном случае я кликну стражу. А она не любит шутить.

Это были не пустые слова. Отряды наемников, чьи услуги Медичи оплачивал золотом, весьма ревностно относились к своим обязанностям.

— Я Марио Спинатти,— объявил предводитель серых сутан.— Я тот, кого ведет слово преподобного Савонаролы, провозвещающего день гнева Господнего! Вы, снедаемые тщеславием, обуреваемые низменными страстями, вострепещите, ибо над вашими головами уже воздет карающий меч!

Марио Спинатти простер над оцепеневшей публикой руки, выпятил челюсть и загнул савану:

— Покайтесь! Вспомните о страданиях Господа! Припадите к славе его!

Ракоци недовольно поморщился.

— Уходите, добрые люди! — сказал он еще раз.— Вы уже сделали все, что могли.

Участники вечеринки безмолвствовали, плохо понимая, что происходит. Что это? Розыгрыш? Или какой-то иноземный обычай? Актеры были сообразительнее гостей. Их напуганные лица посерели от страха.

Марио Спинатти покачал головой.

— Мы не уйдем. Мы хорошо подготовились к встрече с вами.— Он ухмыльнулся и щелкнул пальцами.

Серые зашевелились, доставая из складок одежды дубинки и плети, в руках у двоих звякнули цепи.

Ракоци не шелохнулся.

— Вижу, уговоры не помогают. Руджиеро, пошли кого-нибудь в город, а сам будь начеку.

Почтенная публика начинала тревожиться. Сметнув, что происходящее вовсе не шутка, гости зашевелились, пытаясь пробиться к выходу, но серое воинство преграждало им путь.

— Друзья мои, к сожалению, праздник заканчивается. Мы прощаемся раньше времени, но это не наша вина,— спокойно сказал Ракоци, не спуская глаз со Спинатти.— На этом этаже есть еще два зала, сообщающиеся с выходами на улицу. Проходите туда.— Он старался говорить безмятежно. Последствия паники, буде она начнется, страшно даже себе представить.— Лоренцо, ступайте следом за Руджиеро. Он вас проводит в мою комнату. Будьте добры, обождите меня там.

Убедившись, что публика несколько успокоилась и начала движение в указанных направлениях, Ракоци обратился к Спинатти:

— Вы наглец и безбожник, прячущийся в тени святого креста.

Голова предводителя серых сутан дернулась, ибо ему без лишних слов отвесили оплеуху. Серые обомлели, Спинатти попятился. Подобного развития ситуации он явно не ожидал. Никто не смел с ним так обращаться. А этот чужеземец посмел. И, судя по всему, несколько его не боялся.

— Это... это богохульство! — взревел Спинатти.

— Ошибаетесь,— возразил Ракоци.— Оплеуха назначалась лишь вам!

Спинатти бросился на насмешника, намереваясь сбить его с ног, и просчитался.

Ракоци отступил в сторону и, увернувшись от удара, толкнул нападающего в плечо. Толчок был столь сильным, что ноги Спинатти разъехались, и он грохнулся на пол, перевернув уставленный яствами стол.

— Во имя Господа! — возопили, опомнившись, серые и ринулись в зал, но их там уже ожидали. Воодушевленные мужеством Ракоци, многие флорентийцы успели подсушить рукава. Завязалась драка, с топотом, хриплой бранью и стонами. Серые напирали, орудуя плетями и дубинками, безоружные гости отступали, но храбро сопротивлялись, сдерживая напор.

— Эй, Франческо!

Ракоци обернулся. В огромных руках Боттичелли трепыхался серый воитель.

— Что мне с ним делать?

— Вышвырнуть вон! — ответил Ракоци и отскочил в сторону: на него набегал размахивающий цепью детина. Цепь порвала мантию и запуталась в ней. Ракоци намотал ее на руку и рванул на себя, сожалея, что бархат безнадежно испорчен. Детина, не ожидавший такой дерзости, клюнул носом, влетел головой в стену и, свалившись на пол, затих. Рубаху, кажется, тоже придется выбросить, подумал Ракоци, а в остальном все вроде бы обошлось. Он оглядел зал.

Почти все гости уже успели уйти, и натиску серых теперь противостояли только актеры, проявляя чудеса ловкости и проворства; правда, доставалось и им. Подступы к другому крылу дворца охранял длинный и тощий как скелет Амадео, нашедший новое применение своему тяжелому черпаку. Он немилосердно лупил им по головам наступающих, каждый удар отзывался глухим стуком. Серые недовольно ворчали и скалились, словно свора голодных собак.

— Сан-Джермано, поберегись!

Голос Лоренцо прилетел откуда-то сверху. Ракоци отшатнулся — и вовремя. Железные шарики, вплетенные в кончик боевого хлыста, могли изуродовать ему щеку. Он прыгнул к Спинатти, нанесшему этот коварный удар, но чьи-то руки обхватили его сзади. Спинатти расхохотался, предвкусывая расправу.

Серые брали верх. Сандро атаковали трое. Он упал на колено, его светло-рыжие волосы были в крови.

— О, мама миа! — взревел Амадео, зажатый в угол. У него уже отобрали черпак.

Теснота не давала размахнуться хлыстом, и Спинатти бил рукоятью. Три удара достигли цели, четвертый пришелся мимо, Ракоци, охваченный бешенством, решил драться всерьез. Он размахнулся ногой и лягнул врага, стоящего сзади. Хрустнула кость. Ракоци ударил еще и еще раз, не обращая внимания на ужасающий вопль. Когда кричащий упал, Ракоци обратился к предводителю негодяев. Он высоко подпрыгнул, и два подкованных каблука врезались в грудь Спинатти. Тот зашатался и опрокинулся, но тем для него дело не кончилось. Новый удар перебил ключицу лежащего, а Ракоци кинулся на выручку к Боттичелли. Он сшиб с ног двоих нападающих и повернулся к третьему.

— Сандро! Уходи!

Серый молодчик — он был совсем юным — взвизгнул от страха и вскинул дубинку. Ракоци ухватил его за запястье и резким движением вывихнул фанатику руку. Затем он проделал то же самое с теми, кто попытался встать.

Этим уже достаточно. Что с Амадео? Ракоци выпрямился, озираясь, но оценить ситуацию не успел. В зал через заднюю дверь въехал вооруженный всадник и ударил в пол древком копья.

— Тихо! — взревел он. Рев и стук были внушительными.

Драка затихла, в помещении воцарилась мертвая тишина. Люди расходились — свои к своим — в разные стороны, неохотно, словно любовники, застигнутые слишком скоро пришедшим рассветом. Всюду валялись столы, стулья, осколки битой посуды, окропленные кровью и политые вином.

— Кто тут хозяин? — надменно спросил всадник, направляя коня в центр зала.

Ракоци — в изодранной мантии и с разбитым лицом — вышел вперед.

— Я, — ответил он, ощупывая языком десны.

— Что здесь произошло?

Со двора доносился лязг. В дверном проеме теснились латники. Отряд наемников был рад возможности поразвлечься, а заодно доказать, что флорентийские стражники даром свой хлеб не едят.

— Мы праздновали Двенадцатую ночь,— ответил усталый Ракоци.— Эти... эти наглецы, нарушая законы Флоренции, ворвались в мой дворец и принялись избивать всех подряд.

Он умолк, ибо не знал, что тут еще можно добавить. Все и так выглядело более чем очевидно.

Но стражник смотрел недоверчиво.

— Это Божьи люди, синьор.

— Скорее, псы! — Ракоци усмехнулся оплывающими губами.— Посмотрите вокруг. По-вашему, мы сами устроили этот разгром?

Командир наемников покосился на французских актеров, хлопочущих вокруг пострадавших товарищей.

— Откуда мне знать? Возможно, все это — лишь декорация представления.

Стражник приосанился и хотел сказать что-то еще, однако его прервали:

— Капитан Эмери, вам говорят чистую правду! Извольте заняться делом!

Ракоци поднял глаза и увидел Лоренцо.

— Видите, мой чужеземец, хорошо, что я не ушел! — Лоренцо, изобразил на лице что-то вроде улыбки и вновь заговорил с капитаном: — Или вам мало моих слов и вы нуждаетесь в дополнительных подтверждениях?

Но капитан Эмери ни в чем таком не нуждался.

— Нет-нет, Великолепный. Я уже понял, что тут произошло. Эти люди хотели восславить Господа и переусердствовали в своем рвении.

— Теперь это мало-мальски похоже на правду,— сухо кивнул Ракоци, помогая Боттичелли подняться.— Как вы, Сандро?

Живописца била крупная дрожь.

— Думаю, все обойдется. Глаза и руки вроде бы целы. А остальное не имеет значения.

Лоренцо, поигрывая рубиновым кубком, сошел по лестнице вниз.

— Капитан,— заявил он высокомерно,— имя всему случившемуся вовсе не религиозное усердие, а разнузданный вандализм. Если спустить им эту выходку с рук, все городские мошенники станут рядиться в сутаны! Надеюсь, вы сделаете правильный вывод из сказанного.

Марио Спинатти, стараясь не двигать сломанной ключицей, хотел было возразить, но, заметив воинственный блеск в глазах Медичи, передумал. Война с нечестивцами еще не окончена, стоило побереечь себя для будущего!

Подле стены валялась разбитая лира. Ракоци бережно поднял ее. Последняя струна инструмента лопнула, издав пронзительный звук.

— Ах нет, Франческо! — воскликнул Лоренцо.

Он взял Ракоци под руку, демонстративно покосившись на капитана наемников, и громко сказал:

— Я пришлю своих слуг. Они ликвидируют следы варварского вторжения.

— В этом нет необходимости,— вяло мотнул головой Ракоци. Возбуждение в нем улеглось, уступив место укорам совести. Он ведь не только позволил себе дать волю гневу, он испытывал удовольствие, калеча этих юнцов.

— Что с вами, Франческо? — спросил Лоренцо с тревогой.

— Ничего, Великолепный, все в полном порядке.— Ракоци кивнул своим мыслям и обратился к всаднику: — Надеюсь, вы позаботитесь об этой компании, капитан, и воздадите каждому по заслугам! — Он вздохнул и повернулся к Лоренцо.— Позвольте мне проводить вас в библиотеку. Я должен принять ванну и переодеться, но это займет не более четверти часа. Деметриче не даст вам скучать.— Взгляд его упал на Боттичелли.— Идемте с нами, Сандро.

Вам тоже надо бы успокоиться. Слава Богу, до внутренних покоев эти мерзавцы не добрались!

А если бы даже и добрались, большой беды в том не было бы. Главное достояние Ракоцци находилось в потайных комнатах, о каковых серое воинство знать никак не могло.

Письмо Аньоло Полициано в медицинскую школу Падуи.

«К врачам знаменитой академии Падуи обращается флорентиец Аньоло Полициано с почтительной просьбой оказать ему помощь.

Любезные лекари, говорят, вы умеете исцелять любые недуги. Мне очень хочется верить, что это действительно так.

У меня есть друг, это тоже святая правда. И помощь, говоря строго, требуется не мне, а ему. Я опишу вам симптомы его болезни, надеясь, что вы подскажете, чем тут можно помочь.

Мой друг очень живой и деятельный человек. У него глубокий ум и много энергии. Больным до последнего времени его и вообразить было нельзя. Подагра не в счет, это семейное, тем более что она ему никогда не доставляла особых хлопот. Примите это к сведению, а я перейду к главному. В течение последнего года у него стали опухать суставы пальцев на руках, а также колени и локти. Я не видел его необутым, поэтому ничего не могу сказать о ногах. При этом он испытывает сильные приступы боли, которые сопровождаются слабостью, в последние шесть месяцев они участились. Временами мой друг так слабеет, что не может взять в руки перо. Иногда он чувствует тяжесть в желудке и во всех внутренностях, на коже его появились кровоподтеки, ко всему этому прибавилась лихорадка: его бросает то в холод, то в жар.

Ответьте мне без утайки. Что с ним происходит? Что истощает его силы? Злой недуг или дьявольское про-

клятие? И укажите способы избавления от этой напасти! Если вы знаете что-то, шлите гонца во Флоренцию. Мой друг угадает, как бы не опоздать.

Очень прошу не вести каких-то научных диспутов по этому поводу и не предлагать новых методов, которые то ли помогут, то ли наоборот. Мне нужно только что-либо надежное и проверенное, и никак не иначе. Если есть какое-то снадобье, шлите его. Если есть врач, способный лечить это, шлите врача. Будьте уверены, его примут как короля, только бы он добился успеха. Если лишь египтяне справляются с такими недугами, шлите мне египтянина. Но действуйте быстро, медлить уже нельзя.

Если же ваша наука бессильна, не присылайте сюда никого. Я никому не позволю вести наблюдения. Я хочу, чтобы мой друг встретил свой смертный час достойно, а не в окружении охающих и бесполезных врачей.

Если можете, ответьте скорее. Времени совсем мало. Очень желательно, чтобы к Пасхе что-нибудь прояснилось.

Аньоло Полициано.
Флоренция, 2 февраля 1492 года».

ГЛАВА 13

 Ставни в лоджии заменили, мраморный пол в главном зале отчистили. Теперь о визите серых погромщиков не напоминало ничто. Да и в памяти это событие стало потихоньку стираться: прошло более полутора месяцев с того печального дня. Залы, примыкавшие к главному, также привели в полный порядок. Один назначался для музицирования, другой — для приема гостей.

Шел первый час ночи, и город уже спал. Доминиканцы Сан-Марко уже закончили вечернюю службу, но в церкви Святейшей Аннунциаты еще слышались песнопения. То ли монахи там были усерднее, то ли того требовал церковный устав.

Ракоцци сидел в своей комнате, выходящей на галерею внутреннего двора. Взгляд его был устремлен в заоконный мрак, на сыплющийся с ночного неба снежок, который относило в сторону северным ветром. На столике перед ним лежала аккуратно переплетенная рукопись. Стихи, ее заполнявшие, были начертаны мастерской сильной рукой. Лоренцо писал их лет пять назад и снабдил обширными комментариями. Ракоцци это несколько раздражало. Хорошее стихотворение ни в каких комментариях не нуждается, а плохому они не помогут.

Он закрыл рукопись и потер руками глаза. Ссадины от ударов на щеках его зажили и были почти незаметны. Они не добавили ему новых морщин.

Дверь за спиной скрипнула, послышались шаги Руджиеро. Не оборачиваясь, Ракоцци произнес:

— Ну, старый друг, ответь, много ль во мне проку? И что толку во всех моих знаниях, если я не могу их на практике применить? Смерть сильнее меня, она путает мои карты.

Он говорил не по-итальянски, а на странном, неведомом языке.

Руджиеро ответил хозяину на том же наречии, но не с легкостью, а путаясь и тщательно подбирая слова.

— Вы видели много смертей, Свободный. Почему вас так ранит участь Медичи?

— Не знаю. — Ракоцци был недвижим. — Наверное, потому, что он любит жизнь так, как мало кто ее любит. А все, что я могу подарить ему, это еще месяца два. Я, у кого за спиной тридцать веков, не волен отдать кому-то и трех десятилетий! Да что там десятилетий! Лоренцо и трем годам был бы рад! — Он вновь потер рукой щеку и устало прикрыл глаза. — Ты, наверное, думаешь, что нам пора отсюда уехать? Возможно, ты прав. Джан-Карло давно зовет нас в Венецию. Но я не могу. Я дал слово. Возможно, это и глупо, но я обязан быть тут.

— Я никогда не считал это глупым, — отозвался Руджиеро по-итальянски. — Хозяин, вас хочет видеть женщина.

— Женщина? Деметриче? Почему же ты сразу мне не сказал? — Ракоцци тоже перешел на местную речь.

— Нет, господин, это не Деметриче. Это Эстасия, кузина Сандро Филиппи. — Руджиеро казался смущенным.

— Во имя всех давно забытых богов, зачем она здесь? — Тон Ракоцци был сердитым, но лицо его опечалилось. Он запустил руки в густые завитки своих темных волос. — Что ты сказал ей?

— Я сказал, что вы заняты срочной работой, — слуга указал на рукопись. — Это ведь срочно?

— Она одна? — спросил Ракоцци после продолжительного молчания, задумчиво теребя серебряную цепочку, охватывавшую его шею. Рубины, к ней прикрепленные, тускло мерцали.

— Да, одна. И экипажа с ней нет.

— Что ж, на нее это очень похоже.

В словах Ракоцци слышалось осуждение, смешанное с потками восхищения. Итак, Эстасии вновь нейдет, но сколько же в ней отваги! Ночью флорентийские улицы делаются опасными даже для вооруженных мужчин.

— Что ж, она все предусмотрела. Отпустить ее без сопровождения я не могу, как не могу и оставить...

— Можно устроить ее в комнате для гостей. И послать к ней горничную — на всю ночь.

Руджиеро тоже заботился о соблюдении всех приличий.

— Это ничему не поможет. Если ей вздумается, она заявит, что вначале находилась со мной, а потом уже — с горничной. Впрочем, рабов мы не держим, а показания слуг суд непременно учтет. Где она, Руджиеро?

— В маленькой комнате с нефритовыми китайскими львами. Амадео должен подать ей что-нибудь освежающее. Возможно, шербет. С какими-нибудь хлебцами. — Руджиеро немного подумал. — Он любит стряпать, наш Амадео. И жалуется, что его стряпню некому оценить.

— Обычная история с поварами,— Ракоци мерил шагами комнату.— Пожалуй, мне лучше с ней повидаться. Она... такая непредсказуемая.

Руджиеро невозмутимо пожал плечами.

— Докучливая, вы хотите сказать. Прикажете сопровождать вас?

Ракоци рассмеялся.

— В таких делах мне не нужен телохранитель, мой друг. Ты говоришь, она в комнате с китайскими львами? Скажи ей, что я скоро приду.

Руджиеро, кивнув, удалился.

Когда Ракоци вышел из своей комнаты, на нем был персидский халат из красной тафты, затканной черным узором настолько плотно, что основа едва сквозь него просвечивала, подобно тлеющим в золе уголькам. Ноги да Сан-Джермано облегали венгерские сапоги из черной тисненой кожи. Он двигался столь стремительно, что тяжелое одеяние летело за ним, открывая свободный домашний костюм из китайского черного шелка, в нагрудных складках которого сверкал крупный полированный рубин.

Эстасия покончила с ужином, принесенным ей Амадео, и откинулась на подушки дивана, обитого индийским узорчатым шелком. Подумав, она распахнула плащ, под ним была лишь кокетливая ночная рубашка. Звук открываемой двери заставил ее повернуться.

— Франческо,— выдохнула Эстасия, страх боролся в ней с нетерпением.

В ответ она получила холодный кивок человека, которого отвлекают от важных дел.

— Для меня большая честь принимать вас, донна Эстасия. Однако с вашей стороны не очень-то благоразумно разгуливать по ночной Флоренции. Во-первых, сейчас на улицах холодно, а во-вторых — небезопасно.

Она попыталась улыбнуться.

— Но мы... мы так долго не виделись.

— Вы сами того захотели.

Ракоци пересек комнату, но к госте не подошел. Ее испугала его неприступность.

— Нет, вовсе нет. Я этого не хотела, Франческо. Я думала, ты вернешься. Я ведь тебе нужна.

— Вы ошибаетесь,— он опустился в кресло, некогда принадлежавшее византийскому императору.

Эстасия вспыхнула.

— Вовсе не ошибаюсь. Я знаю, ты жаждешь крови.

Вспышка угаса, она сникла.

— Возможно, и так. Но кровь не обязательно должна быть вашей.— Он ждал, она пыталась собраться с мыслями.— Вы пришли сюда убедиться, что со мной все в порядке?

Она метнула в него яростный взгляд, потом улыбнулась.

— Нет. Я пришла осмотреть твою палатцу, Франческо. Я так много о нем слышала, что решила не ждать особого приглашения.

Он скептически усмехнулся.

— В такое позднее время?

Насмешка удержала ее от истерики.

— Ты сам говорил, что мне надо взглянуть на него. Вот, я пришла, а ты меня гонишь. Что делать, если днем я занята? Ты же знаешь, на мне — дом кузена. Я не устала, а ты мало спишь. Мне казалось, что ты меня примешь.— Она встала, полы ее плаща соблазнительно разошлись.— О, Франческо, прошу, не придавай значения моим глупым словам. Мне так тебя не хватает!

Ракоци не шевельнулся, лицо его было вежливо-безразличным. Эстасию вдруг неудержимо потянуло к нему.

— Я изнываю от тоски по тебе. Я думаю о твоих губах, о руках. Я представляю, как ты раздеваешь меня, как берешь меня, как в меняходишь! Я стараюсь освободиться, но мне не убежать от себя. Только с тобой я свободна, только в тебе мое счастье! — Она подошла совсем близко. Даже сквозь плотную ткань халата Ракоци ощутил жар,

исходящий от ее бедер.— Неужели ты совсем не хочешь меня, Франческо? Ну хотя бы чуточку, а?

С горечью он осознал, что какая-то его часть действительно тянется к ней, и резко встал с византийского кресла.

— Ты хочешь осмотреть палаццо? Изволь! Но поторопись, времени у меня мало!

Боже, и где его только воспитывали? Разве это учтиво — высказывать сломя голову из помещения, даже не поглядев, следует ли за тобой дама?

Экскурсия по палаццо была основательной, но короткой. Ракоци очень быстро протащил свою спутницу по всем помещениям огромного здания, нигде не задерживаясь подолгу. Напрасно Эстасия пыталась выказывать интерес к чему-либо, ей отрывисто поясняли что-где-зачем и с гордо вскинутой головой устремлялись к очередной двери. Перевести дух не удалось ни в музыкальной комнате, ни в библиотеке, хотя лютни с виолами так чудно посверкивали, а древние чужеземные манускрипты вызвали в душе экскурсантки благоговейный восторг.

Наконец, когда они вышли к подножию парадной лестницы с другой стороны, Эстасия схватила Ракоци за руку.

— Остановись, Франческо.

— Прекрасно! — Он встал как вкопанный и обернулся к ней.— Надеюсь, тебе понравилось мое обиталище?

Ее глаза блестели от слез.

— Да, очень, несмотря на твои дурные манеры. Франческо, со мной еще никогда не обращались как с девочкой, которую терпят лишь потому, что она время от времени бывает на что-то годна.

Тон его голоса был пропитан сарказмом:

— Ты должна меня извинить. Не так давно ко мне отнесли точно так же. Дурное всегда заразительно, но я это изживу!

— Прекрати! — Ей хотелось кричать и топтать ногами.— Ну хорошо, хорошо. Я одна виновата во всем. Мне не следовало затевать ту дурацкую ссору. Мне не следовало угро-

жать тебе даже в шутку. Я сделала тебе больно, мне жаль.— Внезапно голос ее пресекся и задрожал от сдерживаемых рыданий.— Ты не должен бояться меня. Если ты хочешь, чтобы я уехала, я уеду. И приму это как наказание за глупость. Но, Франческо, мне так тяжело! Теперь ко мне приходит Паоло, он быстро делает свое дело и спит, пуская слони в подушку. Он не подозревает, что на свете есть нежность, он не умеет ласкать! О, Франческо, я так одинока!

Она одинока! Глупое, похотливое, себялюбивое существо! Что ты знаешь об одиночестве? И все же последнее восклицание смягчило его. Он против своей воли потянулся к ее плечу.

— Бедняжка Эстасия! Мы все одиноки.

Ее лицо дрогнуло, как у обиженного ребенка.

— Но я не хочу оставаться одна. Я погибаю, Франческо! — Она упала ему на грудь и разрыдалась.

Немного помедлив, он обнял ее.

Письмо Франческо Ракоци да Сан-Джермано к Джан-Карло Казимиру ди Алерико Чиркандо.

«Джан-Карло в Венеции Ракоци из Флоренции шлет свои приветствия.

Ваше письмо от 10 декабря пришло только вчера. На курьера, который его вез, напали разбойники, и он долгое время где-то отлеживался, пока не затянулись все раны.

Я пошлю вам что обещал с одним дворянином, сопровождающим папских легатов в Австрию. Маршрут их пролегает через Венецию, охрана надежна. Скажите спасибо Оливии: она устроила это.

Завтра я отправляюсь на виллу Медичи в Карреджи. Местные олухи полагают, что перемена обстановки поставит больного на ноги. На деле она угробит его. Зачем этот фарс? Почему не дать человеку в спокойствии про-

вести свои последние дни? Покой — вот что сейчас необходимо Лоренцо. Это читается и в его стихах, и в его глазах, но они не смотрят в глаза и стихов не читают. Они перегоняют в деревню жирафа. Как будто Лоренцо — ребенок, которому без любимых игрушек не обойтись.

Что станет с городом, страшно даже подумать. Савонарола, конечно, объявит, что Медичи пришел конец. И будет прав. Но Синьория и приверженцы правящей партии на все закрывают глаза. Неистовый доминиканец только и ждет смерти Лоренцо, ибо его тут же объявят пророком и толпы фанатиков подомнут Флоренцию под себя.

Но хватит об этом. К сожалению, ничего изменить нельзя. Поговорим о насущных делах. Продолжайте выполнять все нами намеченное. Производство золота не прекращайте. Думаю, одного бочонка дожу надолго не хватит, так что сыщите случай преподнести ему в подарок второй. Кстати, я нашел нового поставщика бумаги. Зовут его Хельмут Штернхаус, место проживания — Льеж. Спешите с ним и сделайте хороший заказ. Опыты догарессы с печатным станком должны подолжаться.

В остальном полагаюсь на ваш здравый смысл. На vaše имя куплены два корабля. Распорядитесь ими по своему разумению.

О доме. Закажите для гостиной три фрески. Тема: смерть и бессмертие. Живописца выберите сами, только хорошего, способного вложить в работу душу и страсть. Заплатите ему сколько спросит.

Скорого моего приезда ждать не приходится. Я дал Лоренцо слово прожить во Флоренции после его смерти не менее года и одного дня. Если дож беспокоится, скажите, что мои занятия меня к нему пока что не отпускают, однако выгоду приносят немалую. Вы знаете, чем подкрепить эти слова.

Благодарю вас за преданность и заботу. Уже одно то, что это письмо пишется в день святого Гавриила, сулит нам его покровительство и удачу.

Ракоци да Сан-Джермано.
Флоренция, 24 марта 1492 года
(печать в виде солнечного затмения)».

ГЛАВА 14

Прежде чем взмыленная, тяжело дышащая лошадь остановилась, Аньоло Полициано соскочил с седла, обругал сунувшегося ему под ноги грума и кинулся к вилле Медичи.

Он принялся колотить в дверь, сыпая проклятиями при каждом ударе.

— Вы могли бы открыть и побыстрее, Ракоци,— едкое замечание было адресовано вышедшему на крыльцо человеку.— Где Лоренцо? Я мчался во весь дух.— Тонкие губы Аньоло скривились в недовольной гримасе.

— В спальне,— ответил Ракоци и придержал вновь бывшего за плечо.— Не огорчайте его! У него мало времени.

— Не огорчать? — Полициано дернулся, стряхивая руку Ракоци.— Кто с ним?

— Фра Мариано. Он читает ему Евангелие. Там и Савонарола, но, думаю, он скоро уйдет.

— Савонарола? Что этот лицемер здесь делает? — Полициано замер, открыв в изумлении рот.

— Лоренцо его пригласил. Полагаю, в надежде сохранить во Флоренции мир и покой.— Ракоци закрыл дверь и для верности к ней прислонился.— Подождите немного, если не жаждете с ним повидаться.

Полициано помолчал, затем с некоторой заминкой спросил:

— Он исповедался?

— Да. Ему отпустили грехи. И привели к последнему причастию.— Лицо Ракоци сделалось напряженным.

— Савонарола?

— Нет. Не Савонарола.

— Вздор! Не морочьте мне голову! — внезапно воскликнул Аньоло.— Последнее причастие! Он что, умирает? Он умирает? — Во взгляде его мелькнула растерянность.— Не может быть. Ему всего сорок три. Никто в этом возрасте не умирает.

Ракоци промолчал.

— Это ты, Полициано?

Голос исходил из окна. Тонкий, пронзительный и странно знакомый.

Взгляд Полициано затравленно метнулся к лицу Ракоци.

— Это Лоренцо?

— Да,— произнес Ракоци с видимым затруднением.— Делать нечего, надо идти.— Он поглядел Полициано в глаза.— Держитесь, Аньоло. Ради него держитесь, я вас прошу.

— Вы, видно, и впрямь думаете, что я непроходимый олух! — рассердился Полициано.

Ракоци так и думал, но вслух сказал:

— Нет, просто вы не видели Лоренцо несколько дней. Он сильно сдал и огорчится, если узнает насколько.

Они уже подходили к спальне. Дверь ее отворилась, маленький человек в белой сутане обернулся и прокричал:

— Вы на пороге смерти Медичи! Будь моя воля, я бы к последнему причастию вас просто не допустил. Но сделанного не воротить. Гнева Господнего вам все равно не избежать. Я нахожу огромное утешение в мыслях об адском пламени, ожидающем вас.

Полициано сжал кулаки и рванулся к доминиканцу, но Ракоци заступил ему путь.

— Я разделяю ваши чувства, Полициано, но вряд ли Лоренцо понравится, если мы затеем скандал.

— Вы правы,— Полициано остановился.— И все же подобное жестокосердие выводит меня из себя! Если Господь

воистину беспристрастен, я еще увижу, как этого праведника потянут на живодерню!

Савонарола, должно быть, услышал последнюю фразу. Ярко-зеленые глаза его злобно блеснули.

— Еще один слуга антихриста,— заявил он заносчиво.— Помни о гневе Господнем, грешник, и трепещи! — Он громко хлопнул дверью спальни и пошел прочь — худой, маленький, одно плечо его было выше другого.

Ракоци выждал немного, затем вновь распахнул дверь и посторонился, пропуская Полициано вперед.

Портьеры вокруг кровати были раздвинуты, Лоренцо лежал на высоких подушках, и даже царивший в комнате полумрак не мог скрыть, как страшно он исхудал: кожа на скулах натянулась, щеки, покрытые двухдневной щетиной, ввалились. Он улыбнулся вошедшим, но руку поднять не сумел.

Из груди Полициано вырвалось сдавленное рыдание. Шатаясь, он подошел к кровати и упал на колени, закрыв руками лицо.

— Нет-нет, Аньоло, не плачь,— сказал слабым голосом умирающий. С видимым усилием он положил руки на плечи друга, тщетно пытаясь его приподнять.— Не терзай мое сердце, Аньоло. Мне и без того сейчас тяжело.

Ракоци в отчаянии взглянул на Фичино. Тот неловко пожал плечами и отошел от кровати. Подойдя к двери, он прошептал:

— Я должен ехать. Лоренцо велел мне сопроводить Савонаролу до города. Я постараюсь вернуться как можно скорее.

Августинец, монотонно бубнивший молитву, на мгновение смолк и выразительно посмотрел на философа.

— Да-да, фра Мариано, я уже уйду,— кивнул Фичино и вышел. Дверь беззвучно закрылась за ним.

Полициано поднял к Лоренцо красные, заплаканные глаза.

— Он вел себя оскорбительно. Будь уверен, я этого так не оставлю!

Лоренцо хорошо знал Аньоло. Он понял, о чем идет речь. И ответил на удивление здраво:

— Что мне сейчас оскорбления и угрозы? Главное, убедить Флоренцию от раздора и смут. В Савонароле кипит злоба, Аньоло. И я вовсе не против, если он изольет ее на меня. Прошу тебя, не мешай ему в этом.

Обессиленно откинувшись на подушки, Медичи умолк.

— Пусть изливает, но тихо, в своей конурке! — Глаза Полициано воинственно заблестели. — Если он с этим выйдет на улицы, я его придушу! Место церковников — в церкви, пора указать им на это!

Фра Мариано нахмурился и, оторвавшись от книги, лежащей у него на коленях, сказал:

— Полициано, потрудитесь вести себя сдержанно. Или я буду вынужден просить вас уйти.

Строгость подействовала. Полициано потупился; впрочем, его смущение длилось недолго. Когда священник вернулся к чтению, он придвинулся к уху Лоренцо и зашептал:

— Я знаю, кому рассказать, что Савонарола отказал умирающему в причастии. Узнав о том, Флоренция содрогнется и отвернется от него.

Лоренцо ничем не выказал, что слышит приятеля, однако через какое-то время шевельнулся и глубоко вздохнул.

— Все пустяки, Аньоло. Сейчас я думаю о другом. Если Савонарола прав, уже сегодня меня начнут кормить адской серой. Как думаешь, человеку без обоняния это ведь не должно причинить большие неудобства?

Он издал резкий, надрывный смешок и тут же смолк, задышавшись от боли.

В дальнем углу комнаты двое местных лекарей обменялись тревожными взглядами. Они приготовили для больного измельченные в порошок самоцветы и все ждали случая это снадобье применить. Личный врач Лоренцо Пьеро Леони жестом остановил их и отвернулся с выражением

полного отчаяния на лице. Перекрестившись, он начал творить молитву.

Однако Лоренцо снова заговорил, хотя губы слушались его плохо:

— А с другой стороны, если Господь... читает в моем сердце, он, может быть, и не пошлет меня в ад. Есть ведь чистилище... там сгорают все наши грехи и дурные поступки. Кто более грешен? Лоренцо-банкир или Лоренцо-поэт? Кто из них лучше? И в чем? — Он поймал взгляд Ракоци. — Мой чужеземец!

— Да, Великолепный!

— Подойди ближе. Здесь слишком темно. — Ракоци послушно приблизился. — Если бы ты на секунду стал Господом, Франческо да Сан-Джермано, что бы ты сделал со мной? — Слабой рукой он пытался нашарить у себя на груди серебряный крест.

— Я возлюбил бы тебя!

Полициано внезапно вскочил и бросился к выходу. Хлопнула дверь, в комнате воцарилась мертвая тишина.

Лоренцо прижал к губам крест. Когда фра Мариано вновь обратился к текстам Евангелия, умирающий стал повторять строки Писания следом за ним, однако силы его иссякали. Крест вновь упал, и Ракоци, встав на колени, вложил распятие в руку Медичи.

— Благодарю, Франческо, — выдохнул умирающий. — Помоги мне его удержать.

Через какое-то время лишь слабое колыхание пушилки, приставшей к верхней губе Лоренцо, указывало, что он еще жив.

Звук монастырского колокола, зовущий к вечерней воскресной службе, совпал с последними биениями сердца Медичи.

Ракоци вынул крест из обмякшей руки, поцеловал его и поднялся на ноги. Фра Мариано умолк.

— Нужно ли приложить зеркало? — испуганно спросил кто-то из лекарей.

— Нет.— Ракоци сложил руки Лоренцо на груди и вновь вложил в них распятие. К его облегчению, глаза усопшего были закрыты. Присутствующие в комнате стали креститься, он машинально проделал то же. Когда зазвучали первые слова заупокойной молитвы, Ракоци наклонился, быстро поцеловал холодные губы и вышел из комнаты. Он знал, что никогда больше не вернется сюда.

В небе загорались первые звезды, сумерки благоухали, напоенные внешними ароматами, но радости одиноко стоящему человеку они не несли. В буйном цветении сада ему чудилось нечто кошунственное, плеск фонтанных струй оглушал.

Грум подвел серого жеребца, Ракоци молча вскочил в седло и понесся галопом к белеющей во мраке дороге.

Он успел проскакать добрую половину пути до Флоренции, прежде чем его нагнали печальные звоны колоколов.

Письмо донны Деметриче Клариссы Ренаты ди Бенедетто Воландри к своему младшему брату Фебо Джанарио Анастасио ди Бенедетто Воландри, нашедшее того в поместье ландграфа Альбриха Дитера Фрица Гроссехоффа под Веной.

«Брат, прими от сестры своей Деметриче благословение и любовь!»

Ты, вероятно, уже слышал, что наш любимый кузен Лоренцо ди Пьеро де Медичи скончался 8 апреля. Хотя утрата и тяжела, мы должны благодарить Бога, что он прекратил его мучения. Кузен наш действительно много страдал. Мы утвали на чудо, мы денно и нощно возносили молитвы, но небеса рассудили иначе. Его врач, раздавленный горем, бросился с лестницы и покончил с собой. Святые отцы отказала ему в погребении в освященной земле, что очень печально, ибо Пьеро Леони был человеком достойным и помогал своим ближним чем мог.

Лоренцо же погребли по всем правилам, рядом с Джулиано Медичи, но прощание проводили в церкви Сан-Марко, что выглядело достаточно странно, ведь настоятель этой церкви Савонарола постоянно с ним враждовал. Тем не менее катафалк обрядили в красное с золотым, а провожатые были в белых одеждах.

Похороны провели без какой-либо помпы и надгробие установили простое, ибо никто не знал, как наилучшим образом его проводить, а распоряжений он не оставил. Но город до сих пор в трауре, все флорентийцы носят черное или красное.

А я все не верю, что он умер. Куда бы я ни пошла, везде вижу его. В статуях, в фресках, на улицах и площадях.

И особенно в книгах. Там столько его пометок. Наталкиваясь на них, я зачитываюсь и окликаю Лоренцо, как будто он рядом. Я забываю, что он мертв.

Хвала небесам, что на свете есть люди, подобные Ракоци да Сан-Джермано! Не знаю, что бы я делала без него. Он тоже потрясен смертью Лоренцо, но не выставляет этого напоказ и отмалчивается, когда кто-либо начинает заводить при нем слезливые разговоры.

Господин Ракоци очень добр и взял меня в экономки. Теперь я живу в его новом палаццо. Мне положили твердое жалованье, но какими-либо обязанностями забыли обременить. Дом по-прежнему ведет слуга Ракоци — Руджигро, что довольно-таки хлопотно, ибо здесь не держат рабов. С наемной прислугой всегда морока, каждому человеку надо платить, расходы большие, но Ракоци не скупится. По-видимому, он несметно богат, ибо купается в роскоши и сумел построить палаццо меньше чем в год.

Ах, Фебо, мой дорогой брат, я помню о том, что тебе надо продолжить образование. Лоренцо обещал, что предоставит для того необходимые средства, однако он мертв, а его банк, по слухам, понес большие потери. Я хочу попросить Ракоци заплатить мне вперед, тогда в конце лета ты будешь в Париже. Впрочем, не знаю, что из это-

го выйдет. Мы с ним не родственники, а продаваться — это не для меня. Если между нами что-то и состоится, то по взаимной склонности, но никак не за деньги. А ты все-таки не унывай. Как-нибудь я соберу нужную сумму. Ты слишком талантлив, чтобы бросать учебу на половине пути.

Посылаю тебе это письмо с флорентийским купцом Арриго Никели Перриголо. Он направляется в Польшу и обязательно остановится в Вене.

Молись о душе нашего кузена, Фебо. Без его в нас участия мы давно просили бы подаяния.

Твоя любящая сестра

Деметриче Воландри.
Флоренция, 29 апреля 1492 года».

Часть 2

ФРАНЧЕСКО РАКОЦИ ДА САН-ДЖЕРМАНО

Извечным странником скитаюсь по земле.
Пустынно прошлое, грядущее во мгле.
Пусть говорит Господь живущему: «Живи!» —
Мне нет пристанища ни в смерти, ни в любви.

Франческо Ракоци

Письмо Пьетро Дельфино — главного настоятеля флорентийской церкви Санта-Мария делли Анджели — его святейшеству Иннокентию VIII.

«С глубоким почтением главный настоятель церкви Санта-Мария делли Анджели покорно просит милосердной помощи его святейшества Папы Иннокентия VIII, наследника святого Петра и наместника Господа на земле.

С самыми благочестивыми помыслами прощу ваше святейшество обратить внимание на ситуацию, сложившуюся в тосканской Флоренции. Несмотря на то что в недавнем прошлом гнев вашего предшественника* пал на наш город, в том, несомненно, не было ни нашего злого умысла, ни святой воли небес.

Мы сохраняли и сохраняем преданность истинной вере. Политические интриги обычно мало волнуют простых христиан и уж совсем не интересуют таких ревност-

* Имеется в виду Папа Римский Сикст IV (годы папства: 1471–1484), славившийся разгульным образом жизни и инициировавший в 1478 годуговор Папцы против Медичи, после чего в течение двух лет Флоренция вела с папским престолом войну, тяжело на ней отразившуюся.

ных служителей Церкви, каковыми являются монахи ордена камальдулов*.

Все зло заключается в некоем проповеднике, который сеет вокруг себя смуту, презирая увещания своих братьев, служащих другим орденам. Я искал в душе своей ростки низменных побуждений, заставляющих меня ненавидеть этого человека, и не нашел их. Молю вас сокрушить меня всей своей мощью, если мной кроме помыслов о чистоте веры нашей руководит что-то еще.

Ваше святейшество, вы, несомненно, знаете, о ком я говорю. Этот смутьян выдвинулся совсем недавно из рядов братства доминиканцев. Он хороший оратор, к нему прислушиваются простые миряне, а те, что уже попали в его сети, готовы на все. Сейчас для своего возвышения он умело использует великое горе, обрушившееся на наш город: смерть Лоренцо де Медичи, который хотя и немало грешил, но любил Флоренцию и многое для нее сделал.

Этот аббат утверждает, что провидел кончину Медичи и что якобы известил его о том сам Господь. Стыдно признаться, но нашлось немало людей, слепо поверивших в эти рассказы, что, впрочем, неудивительно, ведь многие падают в обморок, слушая его речи.

Все это никак нельзя назвать христианством, и по размышлении я понял одно: Савонарола послан всем нам во испытание, чтобы проверить, насколько мы можем противиться злу, рядящемуся в слепящие глаз одеяния, но на деле блуждающему во мраке гордыни.

Пока Флоренция не погрязла в языческом почитании этого лжепророка и для того, чтобы души тех, за кого мы молимся, могли спастись и обрести покой, дарованный нам Сыном Божиим, претерпевшим за то крестные

* Камальдулы — монашеский орден со строгим аскетическим уставом, основанный около 1012 года в селении Камальдоли близ города Ареццо (Италия).

муки, ваше святейшество, прошу вас вмешаться и отлучить Савонаролу от Церкви. Дабы змея не брызгала ядом, дабы в нашем прекрасном городе вновь воцарились мир и покой.

Если какие-то тени сомнения мешают вам так поступить, соберите высший совет блюстителей веры. Пусть самые искушенные инквизиторы разберутся, где правда, где ложь. Все они — собратья Савонаролы по ордену. Если он невиновен, пусть нам объявят о том. Если виновен, пусть его судят за богохульство, ибо никто не смеет говорить от имени Господа ложно и всуе.

Ваше святейшество, узнав о вашем недомогании, все мы усердно за вас молимся, уповая на милость Божию и на милосердное вмешательство блаженной Мадонны.

Во имя Христа, распятого за нас и воскресшего в славе, предаю себя вашему праведному суду и смиренно принимаю любое наказание, буде окажется, что я заблуждаюсь.

Пьетро Дельфино,
главный настоятель церкви
Санта-Мария делли Анджели.
Флоренция, праздник Пришествия,
2 июля 1492 года».

ГЛАВА 1

 Громкий крик, раздавшийся в глубине дома, пробудил Сандро Филипеппи. Он замер и долго лежал, тревожно прислушиваясь, пока другой, более громкий вопль окончательно не прогнал его сон.

Отодвинув полог, художник вскочил с постели и потянулся к свече, стоявшей на столике у окна. Очередной крик заставил Сандро содрогнуться, кремень чуть не выпал из непослушных пальцев, ему потребовалось какое-то время, чтобы успокоиться и высечь искру. Свеча загорелась. Несколько минут ушло на поиск рубашки. Наконец, кое-как облачившись, Сандро выскочил в коридор.

Там уже стоял Симоне, испуганный и недовольный.

— Это Эстасия,— с осуждением сказал он.

— Знаю,— Сандро пробежал мимо, прикрывая ладонью пламя свечи. Добежав до двери кухни, он остановился и постучался. В ответ раздались новые вопли. Сандро поднатужился и ударом плеча вышиб закрытую дверь.

Спальня Эстасии была слабо освещена, но и света единственной свечки вполне хватало, чтобы увидеть, какой в ней царит беспорядок. Ложке донны искрилось, усыпанное осколками разбитых флаконов и склянок, на стенах виднелись маслянистые пятна, полог, окружавший кровать, был почти сорван, а в ту его часть, что еще как-то висела на перекладине, вцепилась Эстасия и отчаянно тянула ее на себя. Ночная рубашка красавицы была порвана, тело покрывали царапины, всклокоченные волосы придавали донне безумный вид. Запутавшись в занавесе и пытаясь освободиться, она повернулась к вошедшему.

— Эстасия,— произнес Сандро как можно спокойнее.— Не бойся, это всего лишь я.

— Сатана! Сатана! Изыди, изыди! — Женщина, словно бы защищаясь, вскинула руку, пальцы ее конвульсивно впелись в пышную грудь и окрасились кровью. Стиснув зубы от боли, она продолжала что-то мычать.

Сандро сделал к ней пару шагов, лицо его было встревоженным.

— Эстасия, успокойся.

Донна отшвырнула портьеру и, продолжая бормотать что-то бессвязное, бросилась в дальний угол комнаты, где замерла, закрывшись руками.

Оглядевшись, Сандро обнаружил сброшенный на пол подсвечник с двумя огарками в гнездах. Он поднял его и поднес свою свечку к скрюченным фитилькам, потом встал в свободную лунку. Когда света в спальне прибавилось, художник пригнулся и мелкими приставными шагами попытался приблизиться к донне.

— Нет! Нет! — закричала та.— Господи, смилуйся надо мной. Изгони жуткого демона! Очисти меня от скверны! —

Задыхаясь от ужаса, Эстасия прижалась к стене, взгляд ее дико посверкивал.— Упаси меня, Боже! Упаси, упаси, упаси...— твердила она, пытаясь перекреститься, однако ногти ее, скользнув по телу, вновь вонзились в нежную кожу.

Сандро, изловчившись, схватил ее за запястья.

— Эстасия, милая, стоит ли так терзаться? — с мягким укором сказал он.— Ну, будет, будет, уймись!

В следующий момент сильный толчок в грудь чуть не сшиб его с ног. Сандро отпрянул, потрясенный неожиданным нападением. Эстасия словно фурия насакивала на него, норовя вцепиться в глаза, и он вдруг понял, что это может кончиться скверно. Схватив одну из подушек, Сандро швырнул ее в донну и, когда та принялась самозабвенно с ней расправляться, совершил обходной маневр. Подкравшись сзади, он вцепился в пухлые локотки и прижал их к часто вздымавшимся ребрам кухни. Сандро, как все живописцы, был очень силен, однако сейчас эта сила не давала ему особых преимуществ.

Эстасия извивалась в его руках, отбиваясь ногами и издавая истерические вопли.

— Спаси меня, милосердный Господь, помилуй меня, добрый Боже. Я грешна. Я очень грешна. Но вызволи меня, умоляю! — Она все-таки вырвалась и упала на пол, рыдая.— Боже, прекрати мои муки. Не покидай меня! Не оставляй в одиночестве. Спаси! Возьми меня под свою длань. Даруй мне свою любовь! Спаси меня, о, спаси меня! — Тело ее сотрясалось.— Мне нужен лишь ты! Не покидай меня, Господи! Я искупаю все свои прегрешения. Только не оставляй меня! Умоляю, прошу, заклинаю! Я раскаиваюсь, я стану твоей послушной рабой. Здесь демоны! — закричала она вдруг что есть силы.— Они терзают мое тело! — Эстасия вцепилась ногтями в свое лицо, раздирая в кровь щеки.

Сандро стоял в растерянности, наблюдая, как она корчится на полу, усеянном осколками склянок.

— Эстасия,— заговорил он опять, пытаясь приблизиться, но соблюдая крайнюю осторожность.— Перестань, Эстасия. Очнись! Ты не в аду, а я не демон.

Все было напрасно. Распростершись на полу, она как безумная продолжала истово причитать:

— Защити меня, Господи, и спаси! Избавь от демонов, закрой крыльями своих ангелов. Излечи своим прикосновением, подари мне благословенный свой взгляд! Позволь мне остаться с тобой, в сени твоего милосердия... О, я верю, я знаю, что ты не оставишь меня!

Эстасия изогнулась и села, уставясь в одну точку. Лицо ее озарила слабая, неуверенная улыбка.

Полагая, что худшее позади, Сандро нагнулся к ней, она обхватила его колени руками и горячо зашептала:

— Я — твоя. Я преклоняюсь перед тобой!

Сандро замер, не зная, как быть. Внезапно женщина вздрогнула, ее руки скользнули вверх по его голым ногам.

— Ах! — вскричала она. — Ты мужчина! Ты послан, чтобы меня соблазнить!

Почувствовав, как пальчики, вооруженные острыми ноготками, ощупывают его гениталии, Сандро похолодел. Медленно, крошечными шажками, он стал отступать, соблюдая великую осторожность.

Она была уже на ногах и шипела как разъяренная кошка:

— Искуситель! Исчадие ада! Берегись — я расправлюсь с тобой!

Сандро быстро заскочил за кровать и сорвал остатки многострадального полога. Когда Эстасия подступила к нему, он накинул на нее тяжелую ткань и кое-как затянул узлом оба конца портьеры. Женщина продолжала биться, но вырваться уже не могла. Сандро усадил ее на кровать и застыл в ожидании.

Когда наконец истерические рыдания стихли, он подошел к окну и рванул на себя закрытые створки. Ночная прохлада наполнила комнату, запахи лета смешались с ароматами пролитых косметических средств.

— Господи, защити меня и спаси, — все еще бормотала донна, пытаясь освободиться.

— Послушай, Эстасия, — строго заговорил Сандро, от его мягкости не осталось следа. — Объясни, что с тобой происходит. — Он нервно вздохнул и задал вопрос, мучивший его в последнее время. — Ты ждешь ребенка? В этом причина твоих истерик?

Она зашлась в приступе дикого хохота.

— Ребенка? — Смех просто душил ее. — Я жду ребенка? Сандро нахмурился, теряя терпение.

— У тебя было по крайней мере два любовника в прошлом году. Ты вполне могла от них понести. Что тут смешного?

Его слова не произвели на Эстасию должного впечатления. Она вновь рассмеялась, на этот раз ее смех походил на сдавленные рыдания.

— Я не хочу ребенка. Я хочу... Я хочу...

Лицо ее исказилось, и она опять ударилась бы в плач, если бы Сандро не отпустил ей пощечину.

— Я не намерен долее терпеть твои штучки! — Он ждал, она продолжала всхлипывать. — Скажи, что тебя мучает? Если не беременность, тогда что же? — Лицо его снова смягчилось. — Не бойся меня, Эстасия. Расскажи мне, что сейчас было с тобой.

Она отвернулась.

— Я побывала в аду. Я была там, и дьяволы забавлялись со мной. Они хлестали меня шелковыми плетями. Они протыкали меня горящими кольями. — Донна судорожно слотнула, дрожь прошла по ее телу.

— Эстасия, сними грех со своей души, сходи в церковь и исповедуйся. Тогда ночные видения оставят тебя.

Она вновь рассмеялась, уже томно, и повалилась боком на скомканные подушки.

— Я не могу рассказать священнику, что эти демоны творили со мной. Он не поймет, а если поймет... — Ее дыхание сделалось частым. — Это был сладкий кошмар. Он измучил меня. Мне показалось, что от меня ничего не осталось! — Она потянулась всем телом и засмеялась.

В дверь постучали, Сандро обернулся.

— Да?

Симоне — строгий, серьезный — стоял на пороге; с ним был молодой монах.

— Я привел помощь.

— Это очень разумно с твоей стороны, Симоне, — ответил Сандро, подавляя желание выбрать брата. Впрочем, возможно, поступок его и вправду разумен. Сами они с ней уже ничего не могут поделать. — Он обратился к прислужнику: — Нам удалиться?

Монаху было не больше шестнадцати лет. Он бросил на связанную Эстасию опасливый взгляд.

— Я... Я не... Она одержима?

— Сейчас нет. Припадок уже прошел.

Сандро и в самом деле так думал, но, словно бы издеваясь над ним, Эстасия вновь принялась кричать:

— Священник! О Господи! Тут еще и священник!

Юный монах вздрогнул.

— Успокойтесь, почтенная донна, — сказал он, но Эстасия опять закричала. Монах умолк и беспомощно оглянулся на Симоне.

— Грехи терзают ее душу, — торжественно провозгласил тот. Он слегка подтолкнул монаха к кровати. — Как только она исповедуется, адские видения покинут ее.

— Адские видения? — переспросил юноша, недоуменно глядя на Сандро.

— Так она говорит. — Сандро понял, что нужно разрядить обстановку. — Сейчас она успокоится. А ты, Симоне, помолчи.

Эстасия принялась напевать непристойную песенку, усмехаясь и выразительно двигая бедрами. Трое мужчин, словно завороченные, не сводили с нее глаз. Допев куплет до конца, донна заговорила:

— Демоны ада знают, что делать с женщиной. Не то что ты, Симоне. На тебя мало надежды. Но Сандро, ах, дорогой Сандро! Если бы ты захотел, я ни о ком больше не мечтала бы. Ты умеешь ценить женскую красоту! Твои полотна всегда меня возбуждают! Ты получишь огромное

удовольствие, взглянув на меня. Развяжи эту тряпку. Обнажи мои груди! Они благоухают, как плоды в урожайную пору. Прикоснись к ним. Попробуй на вкус...

— Прекрати это, Эстасия, — сказал Сандро, медленно отступая. Он видел все: и румянец стыда на щеках молодого монаха, и ханжеское негодование в глазах Симоне. Художник вздохнул и обратился к иноку: — Если вы все же решитесь попробовать, я отблагодарю вас. Кто знает? Исповедь должна ей помочь.

— Я... Я постараюсь, синьор. Но если она одержима... — Юноша явно смутился. — Демонов изгоняют доминиканцы. Монахи нашего ордена служат молебны во здравие, воздают хвалу праведникам, благословляют на добрые дела...

Сандро задумался, потом махнул рукой.

— Поступайте как знаете. Но если у нее снова начнется истерика, я ее придушу. — С этими словами он повернулся, оттолкнул плечом Симоне и вышел.

— Вы должны усмирить ее, брат. — Симоне сделал большие глаза. — Вы же слышали, что она распевает.

Эстасия рассмеялась.

— Уговори его, Симоне! Сандро от меня отказался. Но монах, возможно, и не откажется. — Она заворочалась на неприбранном ложе, стараясь рассмотреть инока лучше. Ее карие глаза заблестели. — Знаешь ли ты, чего я хочу, мальчик? — Голос донны сделался томным. — Усмири меня, если сможешь. Я буду счастлива следовать твоим наставлениям.

Симоне нахмурился. На лице его появилось свирепое выражение.

— Ты следуешь наставлениям дьявола, Эстасия. Берегись! Я с тобой церемониться не намерен. Искупление даруется через страдание. Посмотрим, что ты сейчас запоешь! — Он шагнул к ложу и сел на его край; осколки стекла захрустели под его ногами. Устроившись поудобнее, Симоне схватил женщину за волосы и резким рывком запрокинул ей голову. Эстасия захрипела. — Вот видите, — обратил-

ся он к инок.— Куда подевалась вся ее наглость? Плоть страдает, и дьявол молчит.— Мучитель вновь дернул женщину за волосы, и Эстасия взвыла от боли.

— Перестаньте! — вскрикнул монах. Несмотря на молодость, он понял, что означают огоньки, загоревшиеся в глазах Симоне.

— Мы не должны миндальничать с сатаной,— пробормотал Симоне, неохотно разжав руку.

— Но мы не можем карать невиновных. Сначала следует убедиться, что она одержима нечистым. Тот, кто считает, что знает все наперед, повинен в гордыне.— Юноша принял решение и указал Симоне на дверь.— Оставьте нас на какое-то время.

Однако тот не хотел уходить.

— Но... она настоящая фурия и может надеть хлопот. Что, если с ней снова случится приступ?

— Она крепко связана, синьор Филиппи,— мягко ответил инок.— Если что-то случится, я вас позову. Вы ведь будете рядом? — Он облегченно вздохнул, когда дверь за рассерженным Симоне плотно закрылась.

— Итак, дорогая сестра,— строго сказал юный монах, становясь на колени.— Я фра Энцо из монастыря Святейшей Аннунциаты. Вы в беде?

Эстасия провела языком по губам.

— О да! И вы можете помочь мне, фра Энцо.

Он кивнул и сложил руки.

— Сейчас мы вместе прочтем пару псалмов. Уверен, что это окажет на вас благостное воздействие.

Донна словно бы невзначай придвинулась ближе.

— Фра Энцо,— прошептала она,— одно ваше присутствие уже благотворно действует на меня. Я чувствую — в вас есть сила.

Юный фра Энцо был явно польщен, но ответил с большим достоинством:

— Смиренная молитва вселит в вашу душу покой! — Он закрыл глаза и завел первый псалом.

— Я знаю способ получше,— пробормотала Эстасия. Закончив пение, фра Энцо открыл глаза и улыбнулся.

— Слова Святого Писания не ввергли вас в исступление — значит, дьявол, к вам подступающий, слаб. Скажите мне, что мучает вас, освободитесь от наваждений.

Улыбка Эстасии казалась смущенной.

— Хорошо, фра Энцо. Но обещайте, что простите меня...

— Это не в моей воле, сестра,— мягко заметил юноша.— Прощение нам дарует только Господь.

— Но его служители вполне способны утешить заблудших овечек.— Женщина часто и горячо задышала.— Рассказать вам, что делали со мною в аду? Эти демоны были очень изобретательны.— Она засмеялась.— Они насильовали меня! Вот так! — Эстасия бесстыдно дернула телом.— И еще так! — Полные бедра раздвинулись.— Не хотите попробовать, чтобы получше понять, что со мной происходит?

Щеки фра Энцо побагровели.

— Сестра, ваше поведение достаточно красноречиво. И прежде всего оно говорит, что вовсе не дьявол его вам внушает. Дьявол бежит от Святого Писания, вы же льнете ко мне. Вам просто взбрело в голову соблазнить молоденького монаха! — Негодование фра Энцо росло.— Мне уже приходилось сталкиваться с подобным! Многим, очень многим кажется, что зов плоти неодолим. Но я принял монашеский сан по собственной воле! Мне дороги моя бедность, мое целомудрие, я чту обеты, которые дал! Вам не дано совратить меня, донна! Стыдитесь!

Юноша встал, стараясь не смотреть на Эстасию, потом повернулся и бросился прочь. Эстасия расхохоталась.

Симоне, подпиривший дверной косяк, удивленно выпрямился.

— Что случилось, брат?

— Эта женщина не более одержима, чем я. Она просто считает, что людей, подобных вам, можно дурачить.

Когда Симоне, заперев за иноком дверь, возвратился к спальне Эстасии, там его поджидал Сандро.

— Ну, что же дальше? — спросил он.

— Мы должны сводить ее к исповеди. Этот монах слишком молод, чтобы понять, какая опасность ей угрожает. Но он дал хороший совет. Нам следует обратиться к доминиканцам.

Сандро скривился.

— Ты в своем уме, Симоне? Зачем раздувать историю из домашнего дела?

— Дьявол — отец лжи! — торжественно и громко провозгласил Симоне. — Проявляя терпимость, ты рискуешь выпустить его в свою душу.

— Защити нас святая Клара! — вздохнул художник. — Делай как знаешь. Если утром Эстасия пожелает пойти к исповеди, веди ее куда хочешь, лишь бы в доме сделалось тихо. — Сандро немного поколебался, прежде чем продолжить свой монолог: — Это, кстати, касается и тебя, дорогой братец. Умерь свой пыл и перестань наставлять ее на каждом шагу. У меня много заказов, я выбиваюсь из сил и не в состоянии выносить вашу неумолчную рутань. — Он устыдился резкости своего тона и положил на плечо Симоне руку. — Что делать, живописцы капризны и неуживчивы. Я вовсе не исключение. Не сердись на меня.

Костявое лицо Симоне демонстративно замкнулось.

— Ты — хозяин этого дома. Разумеется, я подчинюсь.

— Симоне, ну зачем ты...

Сандро махнул рукой. Говорить что-то еще было теперь бесполезно. Надо выждать, когда Симоне отойдет, и тогда... Он открыл дверь спальни и крикнул:

— Кузина?

Эстасия тут же отозвалась. Голос ее звучал ровно и буднично:

— Ты можешь развязать меня, Сандро. Кошмар кончился. Я буду благоразумна. Кто знает? Возможно, я даже пойду к исповеди, если это вернет дому покой.

Сандро не знал, верить ей или не верить. Он подошел к кровати. Эстасия лежала, поджав коленки, ее глаза смотрели спокойно.

— Перекатись поближе.

Она молча повиновалась. Сандро ослабил узлы и помог ей распеленаться.

— Завтра я пришлю двух рабов, они все тут уберут и поправят.

— Благодарю, — голос ее был по-прежнему ровен.

Уже прикрывая дверь, он обернулся.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Да, вполне. Не беспокойся, это не повторится.

Сегодня не повторится. А завтра? Что будет завтра? Очередная истерика? Или что-то еще?

Он не нашел ответа. Дом обнимала теплая летняя ночь, но не было в ней ни покоя, ни мира.

Письмо Леонардо да Винчи к Франческо Ракоци да Сан-Джермано.

«Алхимику Франческо Ракоци да Сан-Джермано шлет свои приветствия Леонардо.

Простите меня за небрежность почерка, я ведь левша и, упрощая дело, пишу с обратным наклоном. Я слышал от Боттичелли, что вы можете одновременно (причем одинаково хорошо) писать и правой, и левой рукой, и, признаваясь, завидую вашему дару. Если бы я такое умел, мне работало бы вдвое быстрее.

Позвольте мне поблагодарить вас за присланные пигменты и краски. Все цвета хороши, но особенно я восхищен голубым. Вы уверены, что он не поблекнет? Я попробовал его и остался весьма доволен. Но мне хочется, чтобы краски быстрее сохли. Если вы найдете секрет быстросохнущего состава, не теряющего при том ни сочности, ни густоты, я пойду к вам в подмастерья.

Да-да, мой друг, это трагедия, но живописец постоянно чем-нибудь недоволен. Как бы ни замечательно было творение, образ его всегда совершеннее. Не знаю, испытываете ли вы те же чувства, занимаясь наукой, но из своего опыта я вынес одно: самым прекрасным в картине является замысел, а воплощение всегда отстаёт.

Я не люблю говорить, что работа готова, ибо знаю, что она могла бы быть лучше, и потому с удовольствием возжусь с механизмами, снискав себе даже в этой области известную репутацию. Машины всегда работают как положено. Чего ожидаешь от них, то и получаешь. Машину можно считать законченной вещью, полотно — никогда.

Мне очень жаль, что во Флоренции не все ладно. Наш общий друг Сандро весьма тем озабочен, но он находит утешение в общении с вами. Я слышал, вы побывали в Индии и видели там храмы величиной с римский квартал. Как я завидую вам! Если бы не Сфорца и иные мои покровители, я бы объездил весь мир.

Если нужда или любопытство приведут вас в Милан, обязательно навестите меня. Мне хочется расспросить вас о многом. Шлите мне новые краски, пигменты и лаки, я буду рад опробовать их. Сейчас очень редки люди, любящие искусство, а уж тех, кто в нем разбирается, и вовсе не сыщешь.

Будьте добры, передайте мои приветы Боттичелли и всем, кто помнит меня. В основном это те, кого обогрел сердцем Лоренцо и кому его нынче недостает. Смерть Медичи Великолепного — большая утрата. Даже здесь, в Милане, я явственно ощущаю, что его уже нет.

Еще раз благодарю за подарок и жду от вас новых вестей. Мое письмо дойдет до вас быстро, оно прибудет с герольдом Моро, посланным к молодому Медичи, которому — увы! — не дано стать достойной заменой отца, ибо лишь равный может соперничать с равным. Не ждите от него особых милостей, Ракоцци. Впрочем, мне

думается, вы, как и я, привыкли всегда рассчитывать лишь на себя.

Примите мои уверения в совершеннейшем к вам почтении.

Л. да Винчи.

Милан (к сожалению), 15 сентября 1492 года».

ГЛАВА 2

 Гаспаро Туччи был раздражен. Он уже с час окопывался в подвалах да Сан-Джермано, он сам их строил, тут не на что было смотреть. Не утешало его и пение Амадео, месившего тесто для пирогов, ибо неаполитанец немилосердно фальшивил.

Наконец подошел Руджиеро.

— Мне очень жаль, что тебе пришлось ждать, старина.

— Ладно, чего там. Раз уж другие парни уехали из Флоренции, с оставшимся можно не церемониться, а?

Гаспаро расправил плечи и заложил большие пальцы за широкий кожаный пояс.

— Ну-ну, Гаспаро. Ты же знаешь, что это не так. Просто хозяин никак не мог отделаться от незваного гостя. Доминиканцы — люди настырные и любят поговорить.

— Чтоб их! — Гаспаро выругался. — В последнее время они совсем обнаглели. Во все вмешиваются, всюду суют свой нос. Чего им нужно от добрых людей? Я посещаю мессу, хожу к причастию, знаю «Верую», «Отче наш» и «Аве Мария». Я почитаю святых и не богохульствую. Большого можно требовать только от монаха. Но их проповедник думает по-другому.

Руджиеро втайне одобрил речи Гаспаро, но вслух осторожно сказал:

— Святые братья проводят так много времени в размышлении о жизни на небесах, что им и в жизни земной хочется видеть нечто подобное. — Он направился к черной лестнице. — Пойдем, нам нужно проверить счета.

Гаспаро кивнул, но не оставил доминиканцев в покое.

— Вечная жизнь! Они говорят нам, что в ней награда за все наши страдания! Однако не так-то все просто,— громко заявил он, поднимаясь за Руджиеро на третий этаж.— Я много о том размышлял. Не думаю, чтобы эта вечная жизнь меня так уж манила.

Руджиеро даже остановился.

— Что-что?

— Ну, если это означает сидеть сиднем и распевать гимны во славу небес, то и от недели такой жизни можно свихнуться. У турок, по крайней мере, в раю женщины и прочие удовольствия, такой рай мне более по душе. Черт побери, Руджиеро, не будь я примерным христианином, я точно подался бы к туркам, надеясь попасть под приговор пухлого ангелочка с толстеньким задом.

Гаспаро расхохотался, но тут же умолк, заметив на верхней площадке фигуру в черном.

— Эсселленц*, — смешавшись, пробормотал он.

— Ах, Гаспаро, — посмеиваясь, воскликнул Ракоци. — Мы во Флоренции. Тут титулы не нужны! — Он приобнял польщенного мастера, затем с улыбкой посмотрел на него. — Так, значит, ты полагаешь, что вечная жизнь особенных наслаждений тебе не сулит?

— Да, полагаю, — буркнул смущенно Гаспаро.

— Вечная жизнь... — задумчиво проговорил Ракоци, вступая в просторный зал. — Возможно, мы и не должны ждать от нее наслаждений...

Гаспаро протестующе вскинул руки.

— Если это так, во имя чего же мы терпим страдания в жизни земной? — Он понимал, что не сможет тягаться с алхимиком в споре, но глаза его воинственно заблестели.

— Открой мою комнату, Руджиеро, — сказал Ракоци и обернулся к Гаспаро. — У меня есть знакомая... — Он помолчал. — Очень хорошая знакомая. Она бы сказала, что у тебя есть философская жилка. Вы бы определенно сошлись.

* Eccellenza (ит.) — ваше превосходительство.

— Если она во Флоренции, я буду рад побеседовать с ней, — ляпнул Гаспаро. Он представил себя в кругу богатых кавалеров и дам, и ему стало неловко. Но сказанного не воротишь.

— Она, к сожалению, в Риме, — беспечно ответил Ракоци, не замечая смущения собеседника. — Но кто знает? Возможно, ей когда-нибудь захочется приехать сюда.

Руджиеро открыл незаметную дверцу в стене, и они вошли в небольшую комнату, всю площадь которой занимали столы, заставленные разнообразными приборами и механизмами. В глаза первым делом бросались часы разных видов и форм, все они показывали различное время; тут же стояли весы — как пружинные, так и аптекарские; одни были снабжены огромными гирями, другие — точными разновесами, мелкими, как горох... Гаспаро изумленно присвистнул и, увидев обыкновенные конторские сче-ты, обрадовался им как давним друзьям.

— Садись, — указал Ракоци на резное изящное кресло. Гаспаро, привыкший к грубым табуретам и стульям, осторожно присел, опасаясь, как бы хрупкая вещьца не развалилась под ним.

Руджиеро ушел в дальний конец комнаты и тут же вернулся с тремя кожаными кошельками, в которых что-то приятно позванивало. Он передал их Ракоци и отошел к двери.

— В этих кошельках золото, Гаспаро. В каждом та сумма, которую я обещал выплатить твоим сотоварищам — сверх тех денег, что они уже получили. Я хочу, чтобы ты открыл каждый кошелек и пересчитал монеты. Затем я опять запечатаю их, а ты поставишь свою метку, как это было оговорено в нашем соглашении. Если пожелаешь, можешь потом пойти со мной, дабы убедиться, что я отдал деньги посыльным, и увериться, что все они — честные люди.

Гаспаро растерянно заморгал.

— В этом нет нужды...

Иноземцу опять удалось его обескуражить. «Что ж, и мы покажем свой гонор, мы не станем ничего пересчитывать...» Думая так, Гаспаро ухватился за первый кошелек.

В голосе Ракоци слышались веселые нотки.

— Ты ведь всегда во всем сомневаешься, поэтому, будь добр, проверь.

— Но экселленц...— Гаспаро открыл кошель и заглянул внутрь.— Все правильно, подтверждаю.

Когда мешок был запечатан, он начертил на горячем воске кошачью лапу, потом придвинул к себе вторую укладку и раскрыл ее несколько небрежнее, чем первую. Часть монет посыпалась на пол, и Гаспаро встал на колени, чтобы собрать их.

— Я очень неловок. Простите меня, экселленц.

— Скажи мне,— сказал Ракоци,— не придавая значения оплошности мастера,— слышал ли ты что-нибудь о своих товарищах?

Гаспаро собрал монеты и вылез из-под стола. Усевшись в кресло, он перевел дух и ответил:

— Да, весточки их я получил. Джузеппе женился на польской пани, и... в общем, он очень хвалит ее как жену. Ему нравится Краков, там строится новая церковь, Джузеппе отделяет в ней потолки. Орнамент сложный, но он справляется и очень доволен. Карло в Лондоне холодно, а англичане кажутся ему чужаками. Он видел тамошнего короля и считает, что тот по сравнению с Лоренцо просто невзрачен, хотя наш Лоренцо был всего лишь банкиром.

— Тюдоры* недавно на троне и еще не освоились со своим положением. Попроси Карло их извинить,— шутливо заметил Ракоци.— А что с Лодовико?

Гаспаро принял озабоченный вид.

— Лодовико не очень доволен. Ему не нравится Лиссабон, он хочет перебраться в Испанию. Работа ему не по вкусу, он жалуется, что его мастерство там никто не в состоянии оценить. Возможно, вы это уладите, экселленц? Нет ли у вас кого-то в Испании, чтобы помочь Лодовико устроиться на первых порах?

* Тюдоры — английская королевская династия, правившая с 1485 по 1603 год.

— А когда ему надоеет Испания, он поедет во Францию, и мы начнем вновь для него что-то искать.— Ракоци вздохнул.— Но, так или иначе, дело должно быть сделано. Хорошо, я согласен. С деньгами ему будут отправлены необходимые наставления. Поначалу пусть едет в Бургос. А там поглядим.

Гаспаро поставил свою метку на вторую печать и мрачно покосился на последний кошель, потом, тяжело вздохнув, открыл и его.

— Вы очень щедры, экселленц...

— Я просил тебя, амиго, не наделять меня этим титулом.

— Я и не наделяю вас им,— проворчал Гаспаро.— Вы им владеете — вот и все. Он при вас, как нимб при святом. Этого могут не видеть только глупцы.— Он помолчал и заявил с торжественным напряжением в голосе: — Сумма верна. Удостоверяю, что в каждом мешке столько монет, сколько оговорено в соглашении.

Ракоци кивнул и запечатал третий кошель.

— К концу года ты должен получить уведомления о том, что деньги до адресатов дошли. Если этого не случится, разыщешь меня. Если по каким-то причинам меня здесь не будет, пошлешь курьера к одному человеку в Венецию. Его имя Джан-Карло Чиркандо, он проживает в новом палаццо возле площади Сан-Марко. Он все поймет и во всем разберется.

Гаспаро уставился на пергамент, который вручили ему при этих словах.

— Разберется? — спросил он с сомнением.— А можно ли ему доверять?

— Почему нет, если я ему доверяю? Он человек честный и добросовестный. Я его знаю давно.

— Хорошо-хорошо.— Гаспаро виновато помотал головой.— Не сердитесь на меня, экселленц. Я просто спросил. Раз вы говорите, что кто-то честен, значит, так все и есть, и кончим на том.— Он встал и сказал, чтобы сгладить

неловкость: — Ваш дворец очень красив. Все только о нем и судачат.

— Тысяча благодарностей, — сказал рассеянно Ракоци, передавая мешки Руджиеро. Потом глаза его оживились. — Если это так, то вы продешевили, Гаспаро. Палаццо выглядело бы иначе, если бы тут работал кто-то другой. Возможно, ты хочешь, чтобы я вам выплатил больше. Говори, не стесняйся, я готов это обсудить.

Гаспаро вытаращил глаза. Говоря о красоте палаццо, он вовсе не имел ничего такого в виду. За работу заплачено щедро, тут нечего обсуждать. Хотя, если как следует вдуматься...

Негромкий стук в дверь прервал его размышления.

— Кто там? — спросил Ракоци настороженно, но Руджиеро уже понял кто и поспешил щелкнуть задвижкой.

На пороге стояла Деметриче с двумя тяжелыми манускриптами в кожаных переплетах.

— Простите меня за беспокойство, Сан-Джермано, но у меня к вам есть кое-какие вопросы. Впрочем, если вы заняты...

Лицо Ракоци мгновенно смягчилось.

— Входите-входите, донна. Мы практически все закончили. Это Гаспаро Туччи, весьма искусный строитель, в том, что нас теперь окружает, немало его труда.

— Доброго здоровья, донна, — смущенно пробормотал Гаспаро.

— Благодарю вас, мастер. Доброго здоровья и вам.

— Донна Деметриче приводит в порядок мою библиотеку, а также приглядывает за домашним хозяйством, — счел нужным пояснить Ракоци, хотя Гаспаро был не из тех, кому надо что-либо пояснять. В том, что в доме холостого мужчины живет женщина, которой он оказывает покровительство, нет ничего зазорного, многие так делают, тут даже сплетникам не за что уцепиться.

— Что там у вас, дорогая?

Деметриче указала на книги.

— Не могу разобрать, к какой категории их отнести? Язык этих рукописей мне незнаком, заглавий нет, так что я в большом затруднении.

Ракоци подошел к ней и заглянул в верхнюю книгу.

— Это персидские рукописи, но более старые, нежели те, что известны. Здесь хроники войн, что происходили за пять веков до Рождества Христова. А вторая — религиозный трактат о божествах Египта, Индии и Персии. — Он не стал смотреть второй том. — Персы очень воинственны, их обычаи чрезвычайно жестоки.

Деметриче пристально вгляделась в развернутые страницы, словно надеясь, что они что-то ей скажут, затем, вздохнув, закрыла книгу и ровным тоном произнесла:

— Хорошо, я опишу их с ваших слов. Если бы Лоренцо знал, какими сокровищами вы обладаете... — Она внезапно умолкла. — Увидимся в библиотеке после обеда.

Деметриче низко склонила голову и, справившись с собой, выскочила за дверь. После ее ухода в комнате повисла напряженная тишина. Ракоци недвижно стоял, уставясь в одну точку, Гаспаро принялся возиться с поясной пряжкой. Когда он наконец поднял взгляд, его охватило щемящее чувство жалости к чужеземцу. С губ мастера сорвалось невольное:

— Экселленц, не терзайте себя.

— Что?! — изумился Ракоци и заглянул Гаспаро в глаза. То, что он в них увидел, глубоко его взволновало. — Я не терзаюсь, друг мой, но... спасибо тебе. — Он задумался, привыкая к новому ощущению. Его пожалели. Ракоци резко повернулся и направился к медным пружинным весам, чашу которых заполняла горка тускло поблескивающих флоринов. — Ты тоже должен получить свою долю, Гаспаро. — Он ссыпал монеты в деревянную шкатулку и протянул ее рабочему. — Я взял на себя смелость добавить к этому перстеню, который, надеюсь, ты будешь носить.

Гаспаро опешил.

— Экселленц... Это слишком... Я ничем такой милости не заслужил...

Ракоци прервал его.

— Гаспаро, амиго, мне будет приятно, если ты примешь его. Это самое малое, что я могу сейчас сделать за... за услугу, которую ты мне только что оказал. Прими перстень, друг.

На мгновение Гаспаро застыл. Он беспомощно покосился на Руджиеро, но лицо того было непроницаемо.

— Экселленц,— глухим голосом произнес Гаспаро,— если бы мне пришлось выбирать себе господина, мой выбор пал бы на вас.— Он стиснул пальцами переносицу, чтобы сдерживать рыдание.— Но я и так к вашим услугам, полагайте мной, Франческо Ракоци да Сан-Джермано.

И Гаспаро Туччи, потомственный строитель и флорентиец, который никогда никому не кланялся, опустился на одно колено, подобно рыцарю, присягающему на верность, и поцеловал руку невысокому человеку в черном.

Письмо Пьеро ди Лоренцо де Медичи, адресованное приору Синьории.

«Досточтимому приору Синьории известный ему Пьеро де Медичи шлет свои приветствия и сожалеет, что не может лично высказать их.

Ваше приглашение нашло меня уже собравшимся отъехать в деревню. Отложить поездку я по многим причинам не мог и потому пишу вам это письмо, чтобы урегулировать недоразумения, возникшие между нами.

Позвольте их перечислить.

Во-первых, вы утверждаете, что я уделяю мало внимания государственным делам. Это не так. Многие подтвердят, что Флоренция занимает все мои мысли. Однако банк Медичи по вине Генриха Тюдора почти разорен.*

* Генрих Тюдор (1457–1503) — с 1485 года король Англии Генрих VII.

Мой отец оставил его в ужаснейшем состоянии. Положение надо исправить, и по этой причине кредиты банка будут закрыты для горожан. Выплаты живописцам, столько сделавшим, чтобы украсить Флоренцию, будут, к великому моему сожалению, приостановлены также.

Во-вторых, вы считаете, что я не должен иметь никаких сношений с новоизбранным папой Алессандро VI и королем Франции. Как же мне заниматься государственными делами, если не вести с ними переговоры? Вы говорите, что они могут навязать мне свою волю? Ну, от Папы этого можно ждать, ибо он — Ворджиа, но почему же Франция так вас беспокоит? Карл мой ровесник и не может иметь влияние на меня, а если ему желательно подносить мне подарки, что ж — на то, как говорится, его воля, я же не вижу причин отказываться от них. Вы думаете, что меня по моей молодости легко обмануть? Я, конечно, молод, любезный приор, но вовсе не глуп. Позвольте напомнить вам, что и отец в моем возрасте уже управлял Флорентийской республикой.*

И раз уж у нас пошел такой разговор, мне хотелось бы сообщить вам, что вашу попытку сунуть нос в дела банка Медичи я считаю более чем нахальной. Какое вам дело, сколько я туда вкладываю и сколько беру? Мне надо подновить фасады дворца, на том и покончим. А Федерико Козза — придворный алхимик — перешел все границы дозволенного. Он попытался содрать с меня дикие деньги за золото низкой пробы. Таких надо гнать из Флоренции, я и выгнал его!

Далее я прошу вас учесть еще вот что. Советы занудливой старости для юности утомительны. Вы всегда повиновались распоряжениям моего отца, и я не вижу причин, чтобы не продолжить эту традицию. В будущем я ожидаю от вас полного повиновения.

Ближайшие десять дней я намерен пробыть в деревне. Мне не хочется пропустить праздники урожая. Возмо-

* Имеется в виду Карл VIII (1470–1498), правивший Францией с 1483 года.

но также, что меня задержит охота: сезон для нее уж очень хорош.

Короче, любезный приор, увидимся в ноябре и, я надеюсь, во всем сговоримся. Пока же примите мои уверения в полнейшем к вам уважении. Не наломайте дров, замещающая меня, ибо спросится строго.

Пьеро ди Лоренцо де Медичи.
Амбра, Поджио-а-Кайано,
23 октября 1492 года.

Р. S. Не стоит грозить мне публичным судом. Отец, которого вы все время ставите мне в пример, был отлучен от Церкви — и что же? Если он игнорировал Папу, почему я должен бояться вас?»

ГЛАВА 3

 Сильный ветер нагнал тяжелые тучи. С вершины холма можно было видеть Флоренцию, она походила на огромный игрушечный город. Накрывшая ее тень обесцветила здания, и они казались фантастически нереальными.

Деметриче сдержала свою кобылку и поплотнее закуталась в плащ. Юбка ее была подоткнута для езды по-мужски, в посадке угадывалась школа Лоренцо. Высокие ботинки донны больше подошли бы мальчишке, как и расшитая треугольная шапочка, скрывавшая белокурые волосы.

Послышался стук копыт. Ракоци осадил своего серого жеребца возле чалой кобылки. На этот раз его одеяние — от русских сапожек до французских перчаток и мягкой испанской шляпы — было полностью черным. Ничего белого, серебристого или красного. Возможно, именно этим и объяснялась неестественная бледность его лица.

Фиолетовые тучи, тесня друг друга, закрыли весь небосклон. Деметриче поежилась.

— Вам холодно, дорогая? — спросил Ракоци, наклоняясь в седле, чтобы подвернуть полу ее плаща.

— Нет-нет, Франческо, не беспокойтесь. — Она посмотрела вниз, на город. — Какой он маленький!

— Большое расстояние, — произнес Ракоци странным тоном. — Оно всегда обманчиво.

Молодая женщина уловила напряжение в голосе спутника и обернулась к нему.

— Что с вами, Франческо?

Он потупился.

— Ничего, дорогая. Все хорошо.

— Это не так, — мягко возразила она. — Но я не буду пытаться вас. — Она прищепила лошадь и пустила ее рысью, даже не оглянувшись, чтобы понять, следуют ли за ней.

Через какое-то время Ракоци догнал ее, лицо его сделалось озабоченным.

— Дорогая, не делайте больше так. Это небезопасно.

— Вам не нравится моя манера езды?

Она смотрела вперед, на город, кажущийся теперь унылым и скучным.

— Нет. Вы управляетесь с лошастью превосходно. Просто сейчас не стоит терять друг друга из виду. На дорогах полно разбойников. Их серебряные кокарды в виде поглощающей ребенка змеи указывают, что они сбежали из отряда Висконти. А дезертиры не... не очень... церемонятся с дамами.

— Вы сообщаете такие ужасные вещи — и выезжаете за город без оружия?

Деметриче усмехнулась, надеясь, что усмешка скроет ее тревогу.

— Без оружия? — Ракоци бросил поводья и, перекрестив руки, рывком извлек из рукавов два кинжала. — Я не так уж и незащищен. — Он поиграл клинками и вновь их убрал.

— Прекрасно, — облегченно вздохнула женщина и вдруг без всякого перехода заметила: — Флоренция стала не та.

Ракоци понял, что она имеет в виду.

— Да, — он прищурил глаза. — Она словно в коме. Урожай был ничтожен, торговля почти замерла: англичане первыми покинули город. Суконщики несут большие убытки. И не происходит ничего нового. Взгляните на восточную часть. Там столько недостроенных зданий! Флоренция подобна потоку, чей бег остановлен затором. Либо она превратится в болото... Либо, — прибавил он, вспомнив о религиозных фанатиках, — грядет прорыв, все сметающий на пути.

Деметриче вскинула голову и посмотрела на тучи.

— Начинается дождь. Посмотрите-ка на холмы.

Ракоци кивнул.

— Деметриче, клянусь, вы не должны меня опасаться.

Он что, умеет читать мысли?

— Я не понимаю, о чем вы.

Он вздохнул.

— Я не знаю, что наговорил вам Лоренцо, но что-то определенно наговорил. И потому заявляю: я не опасен. По крайней мере, для вас. Почему бы вам мне не поверить?

Он улыбнулся, заметив, что напряжение отпустило ее, и совсем другим тоном воскликнул:

— Ну, милая донна, или мы пускаемся вскачь, или нам вскоре понадобятся мочалки и мыло!

В глазах Деметриче запрыгали чертики, она ударила каблуками в бока чалой кобылки, и та резво помчалась вниз по дороге, ведущей в Сан-Минато-аль-Монте.

Ливень застиг их у Понте-Веккио, они промокли и изрядно замерзли.

На заднем дворе палаццо Ракоци спешился и подошел к Деметриче. Она улыбнулась ему, все еще сидя в седле. Ее мокрые, рассыпавшиеся по лицу волосы напоминали водоросли.

— Спокойно, — сказал он, обнимая наездницу, потом, подавшись вверх, приподнял ее над седлом и очень осторожно поставил на мокрые камни брусчатки.

«Господи, я одного с ним роста и в мокрой одежде, а он управился со мной так легко!»

Их взгляды на мгновение встретились: в ее глазах был вопрос, а темные глаза Ракоци излучали тепло. Он отвернулся первым и взял ее за руку.

— Идемте, милая, вы совершенно продрогли. Руджiero приготовит вам ванну. Я не хочу, чтобы вы простудились.

— А как же вы? — спросила она, придерживая дыхание.

— Я выкупаюсь после вас.

— Но вы тоже замерзли.

Он придержал дверь, пропуская ее вперед.

— Это не так уж важно.

Она хотела возразить, но вдруг поняла, что слушать ее вряд ли станут. Ракоци распахнул перед ней еще одну дверь — во внутренний двор.

— Идемте по галерее. — Подковки его сапог мерно постукивали, перебивая звуки дождя. Он двигался в полумраке галереи как тень, лишь голос и этот стук выдавали, что он телесен. — К вечеру мне нужно будет уйти. После ванны Амадео подаст вам обед. Если желаете, я закажу ему суп и пирог. В такую погоду это не скажется на вашей фигуре. После обеда делайте что хотите. В вашем распоряжении все палаццо.

Деметриче молчала. Некоторое время она шла следом за ним, затем прикусила, словно на что-то решившись, губу и тихо окликнула:

— Сан-Джермано!

Необычное волнение в ее голосе остановило его.

— Дорогая, что с вами?

Деметриче с трудом слотнула подкатившийся к горлу комок.

— Я хочу... стать вашей помощницей и ученицей. Я хочу, чтобы вы посвятили меня.

— Посвятил? Но во что? — Он был озадачен.

— Во все то, чем вы занимаетесь в скрытых комнатах.

Роковые слова были сказаны. Она молча ждала приговора, не смея взглянуть в лицо Ракоци.

— И что же вы знаете об этих комнатах, Деметриче?

— Я... Я следила за вами.— Ей хотелось побыстрее снять камень с души, и она торопилась обо всем рассказать.— Вы человек необычный, загадочное всегда привлекает, а я допоздна не ложусь. Однажды, услышав в коридоре шаги, я вышла и отправилась вслед за вами. На площадке парадной лестницы вы исчезли. Я искала потом дверь, но не нашла.

Она бросила на Ракоци опасливый взгляд. Его лицо было непроницаемым, но не казалось рассерженным. В глубине темных глаз поблескивали странные огоньки.

— Вы сказали не все?

— Да,— ответила она тихо, теребя завязки пристегнутого к ее поясу кошелька.

Он подошел ближе.

— Я слушаю, дорогая. Не бойтесь, прошу вас.— Он не касался ее, но от его рук исходил леденящий холод.

Полумрак, царивший под сводами галереи, скрывал краску, выступившую на лице Деметриче. Она это знала и все же не осмеливалась встретиться с ним взглядом.

— Я видела вас под утро.

— Да?

Ракоци понял, о чем она хочет сказать, он мог ее остановить и вдруг ощутил, что не хочет это делать. Он просто стоял и ждал, наблюдая за Деметриче. Ему сделалось интересно, как она выйдет из затруднительного для себя положения.

— Это было несколько дней назад. Вы ушли вечером и за час до рассвета вернулись. Я видела, как вы шли по галерее. Свет фонаря...— Тут она взглянула ему прямо в глаза.— Свет упал на вас, Сан-Джермано. На ваших губах была кровь.

Ему стоило больших усилий выдержать ее взгляд, но он понимал, что, отвернувшись, может навсегда потерять доверие этой удивительной женщины. Такой храброй и такой... беззащитной.

— Лоренцо незадолго до смерти рассказал мне о вас... точнее, о своих подозрениях...

— Он был весьма проницательным человеком,— сказал Ракоци, вспоминая праздник Двенадцатой ночи.

— Да? — Глаза Деметриче расширились.— Значит, его догадки были верны?

Ну почему миг откровения всегда сопряжен с такой болью? Каждый раз он задавался этим вопросом и каждый раз перед ним отступал.

— Что Лоренцо сказал вам?

— Он сказал, что вы... что вы бессмертны...

— Я не бессмертен. Точнее — не совсем.— Его слова звучали отрывисто, резко.

— Он сказал, что вы... вы... вампир.

Ракоци не ответил, и она отважно продолжила:

— Он говорил, что церковь ошибается, что вампиры не демоны, что они вовсе не прокляты Богом и не созданы по подобию сатаны. Он сказал, что они... просто особенные...

— Лоренцо был прав,— тихо ответил Ракоци, прислушиваясь к немолчному шуму дождя.— Деметриче,— медленно произнес он.— Я говорил это прежде и повторю сейчас. Вам нечего меня опасаться. Как и любому из флорентийцев.— Он помолчал.— Я сказал это Лоренцо. И он, кажется, мне поверил. Поверьте и вы.

У нее вырвалось невольно:

— Но кровь...

— Одна особа сама пожелала отдать ее мне.

— Донна Эстасия?

— Нет.

Ревность, вдруг шевельнувшаяся в Деметриче, несказанно удивила ее, и она поспешила выбросить из головы глупые мысли.

— Что происходит, когда вы... пьете?

Ракоци знал, что разговор может завести далеко, но отступать уже не имело смысла.

— Это бывает нечасто, и обычно мне нужно немного. Для тех, кто ко мне... м-м-м... благосклонен, все происходит словно бы в полусне и сопровождается довольно приятными ощущениями. Наутро возможна слабость, которая быстро проходит.— Глаза Деметриче недоверчиво дрогнули. Ракоци усмехнулся: — Да нет же, милая, я совсем не чудовище. Осушите рубиновый кубок — и вы получите полное представление о том, как это бывает. Впрочем, одной крови мало. В ней содержится многое... но далеко не все. Нужна еще близость, нужны сильные чувства, привязанность... если хотите... Однако все это сопряжено с риском для тех, кто принимает меня. Люди, к которым я... скажем так... равнодушен, могут стать подобными мне.— Он неловко пожал плечами и отвернулся.

— Сан-Джермано, но... в таком случае вы обладаете свойством передавать бессмертие вашим... партнерам? Так это или не так?

— Так.

Он знал, каким будет следующий вопрос, и ждал его с обреченностью приговоренного к казни.

— Тогда почему же вы не спасли Лоренцо? Почему позволили ему умереть? Он ведь был вашим другом.

— Да, был.— Ракоци сжал кулаки и закрыл глаза, заново переживая горечь утраты.— Я не спас его, потому что не мог. Я не мог ничего для него сделать.

— Но вы даже и не попробовали!

Она вытянулась в струну, в ее светлых янтарных глазах вспыхнули слезы гнева.

— Деметриче, поверьте, если бы имелся хотя бы самый мизерный шанс, я бы на все пошел... я бы вернул ему жизнь... даже против его желания.

— Почему же вы этого не сделали? — Взгляд ее сделался умоляющим, гнев в нем угас.

Он глубоко вздохнул.

— Потому что есть вещи, к которым не подступиться!

Ракоци помолчал, подыскивая убедительные слова.

— Постарайтесь понять это. Я не мог ничего поделать. Он мучился, а я терзался в бесплодных поисках снадобья, способного продлить ему жизнь. Кровь, Деметриче! Больная кровь в его жилах не позволяла ничего изменить. Чтобы переродиться нужна здоровая кровь. Я был бессилен.

Дождь хлынул с такой силой, что его шум стал походить на грохот марширующих войск. Двор превратился в сплошное кипящее озеро.

Деметриче долго молчала.

— Мне трудно все это осмыслить...

Она вновь умолкла, не зная, что тут можно сказать. Все приходившие на ум фразы казались банальными. Человек в черном тоже молчал, потом осторожно придвинулся и взял ее за руку.

— Деметриче, теперь вы все знаете и вольны уйти, но... останьтесь, прошу вас. Клянусь, что не притронусь к вам, что не буду искать вашей близости даже в мечтах, просто не уходите. Я обещал Лоренцо, что позабочусь о вас, я обеспечу вас всем: деньгами, приданым... Вы можете требовать от меня что угодно, ибо...

Он, смешавшись, умолк.

— Деньги, приданое — вещи, конечно, для женщины важные, но... — заявила она с лукавством, решив использовать подходящий момент, — но мне больше хотелось бы обрести в вас не покровителя, а наставника. Вы человек, искушенный во многих науках, а я хочу знать все на свете. И потому спрашиваю: синьор Сан-Джермано, не нужна ли вам прилежная ученица?

— Я думаю, что нужна.— Ракоци с облегчением рассмеялся.— И спрашиваю в свою очередь: любезная донна, не согласитесь ли вы стать моим другом?

Она молчала, и он вдруг не на шутку встревожился.

— Я... я вас пугаю?

Его охватило отчаяние, он на шаг отступил и замер, ожидая ответа.

— Нет,— покачала она головой.— Я вас не боюсь.

Это было почти правдой.

— Даже теперь, когда вы знаете все?

Деметриче потупилась, чтобы он не прочел в ее взгляде то, в чем она сама пока еще не отдавала себе отчета.

— Вы сказали, что не причините мне вреда, и я верю вам, Сан-Джермано. Даже если бы вы в начале нашего разговора прогнали меня прочь, я и тогда не очень бы испугалась. Но, конечно, разозлилась бы страшно, — прибавила она с улыбкой.

Он рассмеялся — весело, как ребенок, которому вернули игрушку.

— Ах, Деметриче, не делайте этого, иначе я ничему не смогу вас научить!

Она шагнула к нему и порывисто обняла.

Ракоци отступил в сильном смущении.

— Пойдемте-ка в дом, — пробормотал он растерянно. — Здесь очень холодно. Вам нужно немедленно принять ванну, чтобы не схватить лихорадку.

Только тут она ощутила, что сильно промерзла, и поспешила войти в распахнутую перед ней дверь, радуясь теплу и чувству покоя, внезапно охватившему все ее существо.

Письмо графа Джованни Пико дела Мирандола к Марсилио Фичино.

«Своему флорентийскому другу Марсилио шлет из Рима платонические приветы Пико.

Ты первый, с кем я делюсь хорошими новостями. Папа назначил аудиенцию по моему ходатайству. Кто мог бы предположить, что Родриго Борджиа соберется меня выслушать? Впрочем, он может выслушать, а потом отказать, и труд мой поглотит Лета. Так что, Марсилио, молись за меня.

Я видел кардинала Джованни. Конечно, он сногшибательно молод, и семь кисточек на его головном уборе не

прибавляют ему ни мудрости, ни солидности, но это настоящий Медини и флорентиец до мозга костей. Ты говоришь, что Орсини смотрят свысока на Флоренцию, но им не сравниться в высокомерии с тем, как Джованни поглядывает на Рим. Он умен, он преуспевает, он, пожалуй, честолобивее отца. Лоренцо вряд ли понравилось бы кое-что из того, чем приходится здесь заниматься его сыну, но гордость за него он, безусловно, испытал бы.*

Здесь ходят весьма печальные слухи о том, во что превращает Флоренцию наш добрый Пьеро. Генуя всюю намекает на свою готовность взять под крыло Ливорно и Пизу, ибо, мол, флорентийцам не по карману их содержать. Так и будет, если Пьеро не приберет к рукам банк своего дядюшки из рода Торнабуони и не оставит дурной привычки время от времени передавать свои полномочия другому Пьеро. Кто он такой, этот Довизио да Биббиена? Всего лишь секретарь. Его дело снимать копии с писем и согласовывать время приемов. Допускать таких людей к управлению государством — несусветная глупость. Было бы лучше, если бы Лоренцо женил своего старшего на флорентийке. Альфонсина намного хуже Клариче. Но что теперь говорить? Этому браку скоро три года, и даже Борджиа не под силу расторгнуть его.

А месяц назад, признаюсь, я сильно грустил. 7 ноября, в день рождения Сократа. Мы ведь ежегодно отмечаем его. Меня охватило ужасное одиночество. И не только потому, что вы там, а я в Риме. Я понял, что таких празднеств у нас больше не будет, ибо Лоренцо ушел. Никто и ничто не возместит нам эту потерю.

Вместе с письмом посылаю на твой суд несколько новых поэм. Почту мою повезет посланник кардинала Джованни, так что она очень быстро дойдет до тебя. Прошу,

* Лоренцо Великолепному удалось сделать своего второго сына Джованни кардиналом в 14 лет (1489). В момент, о котором упоминает Пико, ему было 17.

когда будет время, прочти эти вириши и отпиши, что ты о них думаешь. Твое мнение всегда очень много значило для меня.

Еще прошу передать мои приветствия всему нашему кругу. Я надеюсь вернуться, как только Папа даст хоть какой-то ответ.

Остаюсь твоим преданным другом.

Джованни Пико,
граф дела Мирандола-и-Конкордия.
Рим, праздник святого Амбросия Миланского,
7 декабря 1492 года».

ГЛАВА 4

 Большой неф собора Санта-Мария дель Фьоре был переполнен. На скамьях не хватало мест, опоздавшие прихожане садились прямо на каменный пол. День стоял солнечный, но ветер с холмов нес дыхание зимы и основательно выстудил огромное помещение.

С тех пор как Савонарола получил дозволение проповедовать с первой в городе кафедры, число его приверженцев возросло, и, похоже, большая часть собравшихся состояла из фанатиков неистового доминиканца. Остальных привело сюда любопытство. Месса тянулась невыносимо долго и, казалось, не кончится никогда. В церкви стоял гул голосов, люди нетерпеливо перешептывались и ерзали на скамейках, все ждали проповеди, обряд никому не был нужен.

Наконец под высокими сводами установилась напряженная тишина, которую нарушало лишь шарканье сотен подошв. Прихожане приподнимались со своих мест, чтобы взглянуть, на угловатого маленького человечка с поттичьей прыгающей походкой.

Симоне Филиппеи обратился к донне Эстасии, неподвижно сидевшей возле него.

— Слушайте повнимательнее, дорогая кузина, — прошепел он ей в ухо. — Его слова прольют на вашу душу бальзам.

Эстасия ненавидела все вокруг и никакого бальзама уже не желала. Голова у нее раскалывалась, ей было холодно, она три часа проторчала на жесткой скамейке, ибо Симоне притащил ее в церковь пораньше, чтобы занять места в первом ряду. Она позволила своим мыслям вернуться к прошлой ночи. Этот новый любовник, Этторе, совсем не доставил ей удовольствия. Он был неловок и тороплив, а после поспешил распрощаться, оправдываясь тем, что его ждет трудный день.

Донна вздохнула и в который уж раз мысленно укорила себя за глупый разрыв с Сан-Джермано. Теперь ему подобно не сыскать. Она раскапризничалась и поплатилась за свой каприз.

Шеи вытянулись, головы подались вперед — прихожане приготовились слушать настоятеля церкви Сан-Марко.

— С глубокой печалью и смирением в сердце, — чрезвычайно сильным и резким голосом провозгласил он, — молился я, чтобы гнев Господа нашего не обрушился на Флоренцию, утопающую в грехах. Я не выпросил и минуты отсрочки!

Это ужасное заявление было встречено мертвым молчанием, все прихожане замерли и обратились в слух.

— Но мне было сказано, что время для покаяния еще есть. Флорентийцы, покайтесь. Иначе ваш город превратится в бесплодную и выжженную пустыню. Не я возвещаю вам это, Господь глаголет через меня!

Симоне искоса бросил взгляд на Эстасию, та улыбалась — презрительно и надменно. Губы ее шевелились, но что они шепчут, Симоне не мог разобрать.

А шептала донна только одно:

— Глупо! Как это глупо!

Она сама плохо понимала, к чему относятся эти слова. То ли к речам проповедника, то ли к поведению прихожан, то ли к собственной неустроенной жизни.

Савонарола шагнул вперед, его ярко-зеленые глаза засияли.

— Сорвите с себя все яркое, ввергающее в соблазн, оденьтесь во все белое, зовущее к чистоте и невинности! Разруха и мор придут в этот город, если вы будете медлить. Я вижу меч гнева Господнего, уже нависший над Флоренцией, и он падет, сея смерть и опустошение!

Толпа слушала, замирая от ужаса, людей заворачивали пророчества маленького доминиканца.

— Первые христиане с радостью шли на смерть, они жили в простоте и смирении среди языческой роскоши Рима. Они знали, что истина заключена лишь в Святом Писании. Их не смущала мощь огромной империи, они отвратили себя от лживых учений, они обратились помыслами к истинной славе...

Эстасия вздохнула и принялась разглядывать публику. Улыбка заиграла на ее чувственных полных губах. Оказывается, тут столько красивых мужчин! Куда она раньше глядела? Донна выделила среди всех одного, судя по одежде — пизанца. Когда торговец посмотрел в ее сторону, она подала ему знак, надеясь, что он найдет ее, после того как все кончится.

— Вам невнятен пример этих праведников. Вы увлечены ересью Платона и Аристотеля, полагая, что их идеи не противоречат учению Христа. Вы заблуждаетесь! Платон и Аристотель горят в аду. — Он поднял руку в ответ на возникший в толпе ропот. — Они горят в аду! Я сам видел это благодаря милости Божией. А вы изучаете их труды, вы радуетесь, что постигли их мудрость. То, что вы переняли у них, ставит вас на путь греха и проклятия!

Молодой пизанец вновь посмотрел на Эстасию и осторожно кивнул ей.

— Вы ведь знаете, что позволяли себе друзья Сократа в отношениях между собой, вы ведь знаете, что этот грех осужден церковью особенно строго! В Писании сказано: таковые подлежат сожжению заживо!

Некоторые мужчины содрогнулись при этих словах, лица других приняли свирепое выражение.

— Вижу, вам это не по вкусу. Вам хотелось бы о таком и вовсе не знать. Вы закоснели в своей развращенности и упиваетесь своей порочностью. Вы хотите убить в себе веру, подобно римлянам, которые убивали увещевавших их христиан. Но где теперь эти римляне? Ворошат угли в аду!

Симоне увидел, как Эстасия подает знаки красавцу-пизанцу, и грубо схватил ее за руку.

— Вы ведете себя как девка. Внемлите наставлениям пастыря. Учитесь смирять свою плоть!

— Ах, Симоне, — вздохнула Эстасия с раздражением и притворилась, что слушает проповедь.

— Вы во всем подражаете римлянам и гордитесь собой. Вы бьетесь об заклад, играете в карты, в кости, вами правят алчность и азарт! Вы устраиваете бесовские игрища, превосходя в неводержанности поганных язычников. Прелюбодеяние — имя всем вашим нескончаемым карнавалам. Вы позволяете живописцам изображать Богоматерь в виде жеманницы, пышно разряженной и увешанной драгоценностями. — Проповедник указал на фреску Мадонны: — Видите? В этих глазах нет кротости и чистоты. Лицо бесстыдно, грудь полуоткрыта, и никого не обманет то, что она обнажена для кормления. Такая женщина не могла вскормить нашего Господа, ее назначение — развращать умы прихожан.

Взоры всех обратились к фреске, публика зашептала, признавая правоту слов проповедника.

— Достоин удивления, что самые почтенные флорентийки раскрашивают свои лица и умащаются притираниями, пренебрегая всеми представлениями о приличиях. А что говорить о блудницах, чьи желания постыдны и отвратительны? Вы все видите их. Вы их касаетесь. Значит, осквернены и вы! Вся Флоренция объята свальным грехом. Я говорю вам: покайтесь!

К сводам собора полетели стоны и причитания. Савонарола стоял с воздетой рукой. Затем он медленно опу-

стил ее и указал на молоденькую горожанку, скромно сидящую в окружении своих родичей.

— Она! Она разыскивала на улицах девок для удовлетворения своей противоестественной страсти!

Женщина вскрикнула, закрыла руками лицо и затрясла головой, словно бы все отрицая, но слезы, хлынувшие ручьем, сказали публике, что проповедник попал в точку.

— Она! — Савонарола указал на сорокалетнюю даму. — Она одевает мужское платье и путешествует в таком обличье за границу.

Но матрона ничуть не смутилась и подбоченившись процричала в ответ:

— А как еще прикажете одеваться в дорогу? Надеть свои юбки — к удовольствию окрестных разбойников, которых ни церковь ни республика не могут унять?

Но Савонарола уже от нее отвернулся. Его мрачный взгляд упал на Эстасию.

— Она! Развращенная и распутная! Она — источник зла и порока. Мерзкая похоть заполняет все ее мысли. Но час расплаты грядет! Каждое отверстие ее тела будет пронзено демонами, в каждое вольется кипящее семя. Плоть этой женщины лопнет и разорвется, а то, что оттуда вырвется, наполнит своим зловонием ад!

Эстасия, оцепенев от ужаса, заморгала глазами.

— Нет! Нет!

— Взгляните-ка на нее, — не унимался Савонарола. — Она во всем подобна Флоренции. Ярмарка, вечная ярмарка, толчея, суета! Она скрывает свою порочность за красивым фасадом, как дурную болезнь! Но ей не уйти от кары! — Он простер к Эстасии обе руки, та в ужасе заметалась. — Смотрите, как исказилось ее лицо. Как ее корчит, ломает. Дьявол дергает грешницу за волосы. Она сучит ногами и стонет! Но никого теперь не разжалобит ее вид!

Эстасия упала на пол и, вцепившись руками в корсаж своего платья, резким рывком обнажила грудь. Острые

ногти вонзились в нежную плоть, оставляя глубокие кровавые борозды.

— О, сжальтесь, сжальтесь!

Обеспокоенный таким поворотом событий, Симоне попытался оттащить кузину к скамье, но та, издав пронзительный вопль, проворно от него откатилась.

— Перестаньте, Эстасия, — зашипел Симоне. — Вы позорите наш дом!

Савонарола возвысил голос.

— Доколе, Флоренция? Доколе будет длиться все это, я спрашиваю тебя? Господь терпелив, но его терпение иссякает! Слепцы, идущие по краю пропасти, более благополучны, чем вы!

Эстасия уже разодрала лиф в клочья и теперь царапала ногтями лицо. С уст ее срывались судорожные рыдания. Прихожане, повскакивавшие со своих мест, шарахались от нее как от зачумленной, торопливо крестясь.

— Господь милосерден, но эту грешницу настигла его карающая рука. На ее месте может оказаться каждый из вас, каждого может постигнуть столь же горькая участь! Покайся, Флоренция! Припади к престолу сияющему, раньше чем мрачная бездна разверзнется под тобой!

Эстасия кое-как поднялась на ноги. Лицо донны подергивалось, тело ее сотрясала крупная дрожь. Она побрела к Савонароле, спотыкаясь и жалобно вскрикивая:

— Спасите меня! Спасите! Смилуйтесь надо мной!

— Теперь она просит пощады! Но вызывает лишь омерзение, ибо где нет покаяния, там нет очищения! Кайся, грешница! Кайся, Флоренция! Смири гордыню, преклонись перед величием Господа! Отринь ложных кумиров, встань на спасительную стезю!

Наиболее фанатичные прихожане сбились в толпу, выкрикивая слова покаяния. Эстасия вновь упала, ее задевали ногами, чей-то сапог ободрал ей плечо. Она, встав на колени, зажала ранку рукой, кровь проступала сквозь пальцы.

Симоне попытался пробиться к ней, но безуспешно: молящиеся флорентийцы стояли плотной стеной.

— Кузина! Эстасия! — нервно вскрикивал Симоне. — Прощу вас, дайте мне руку!

Она ничего не слышала. Она смотрела на проповедника и тихо скулила, как истомленное болью животное. Симоне, потрясенный, увидел, как двое молоденьких щеголей, воровато оглядываясь, принялись мять ей груди.

Савонарола пришел в ярость.

— О, блудодеи! Вы даже во храме Божиим пытаетесь тешить свою ненасытную похоть! Но око сияющее все прозревает, и мерзость ваша вас же и сокрушит!

Щеголи поспешили замешаться в толпу, Эстасия заулыбалась и стала проталкиваться к алтарю, монахи, стоявшие там, беспокойно переглянулись. Никому не хотелось иметь дело с безумной.

Впрочем, братия волновалась недолго, ибо наперерез свихнувшейся донне двинулась маленькая фигурка в белой сутане сестер-сестеинок.

— Мое имя Игната. Успокойтесь, сестра!

Монахиня улыбнулась и обняла Эстасию, продолжая ласково с ней говорить.

Тут произошло неожиданное. Лицо Эстасии, мокрое от крови и слез, исказила гримаса. Мгновение — и на голову сестеинки обрушился град грязных ругательств. Публика замерла. Площадная брань, которой осыпала монахиню безумная донна, могла бы смутить и роту наемников, а прихожан, пришедших послушать проповедь, она попросту потрясла. Приверженцы Савонаролы оторопели, но прочие флорентийцы явно воспрянули духом. Рождество обещало быть невероятно унылым, карнавалы и фестивали были отменены, и скандал, затеянный в храме кузиной известного живописца, привел кое-кого в совершенный восторг.

— Смотрите же все, сколь многогрешно это создание! — Савонарола потряс кулаками и возвел глаза к своду храма. — Боже, ответь, доколе нам это терпеть? Почему ты не поразишь эту грешницу прямо на месте? Я знаю,

твое милосердие бесконечно, но пасть ниже, чем она пала, нельзя!

Монахиня одарила проповедника взглядом, явно не выражающим особой симпатии, потом отвела Эстасию в сторону и встала так, чтобы оградить ее от любопытных глаз.

— Задумайтесь о своих грехах! — кричал Савонарола. — Покайтесь, пока Господь дарует вам свою милость! Завтра может быть уже поздно. Покайтесь сейчас!

В толпе прихожан нарастало волнение. Женщины с криками падали на пол, мужчины плакали, становясь на колени, зазвучали псалмы. Деловитые доминиканцы засновали среди молящихся, благословляя кающихся и успокаивая наиболее истеричных прихожан.

Глаза Савонаролы лихорадочно заблестели, он сам находился в близком к истерике состоянии, которое многие принимали за нисходящую на него благодать.

Вопли и стоны не прекращались, в соборе стоял такой гвалт, что голоса пастыря уже не было слышно. Флоренция каялась, охваченная порывом религиозного фанатизма.

— Не мучайтесь так, мое дорогое дитя, — тихо увещевала Эстасию сестеинка. — О вас позаботятся, мы вам поможем. Сейчас вы поедете с нами и в нашей общине обретете покой.

Если донна и понимала, что ей говорят, то по ней этого не было видно. Ее голова запрокинулась, глаза остекленели, она что-то нечленораздельно мычала и уже не пыталась бежать.

Симоне стоял на коленях поблизости, но делал вид, что не замечает кузину: он боялся, что ее позор падет на него.

Сестра Игната повела Эстасию по боковому проходу к церковным дверям. Маленькая монахиня держалась очень уверенно: что-то, а с умалишенными в Сакро-Инфанте обращаться умели. На улице сестеинка вновь улыбнулась:

— Ну вот, дитя мое, сейчас мы поедем к нашей настоятельнице, сестре Мерседе. Не бойтесь. У нас вам понравится. Садитесь сюда.

Монахиня помогла Эстасии сесть на телегу, запряженную парой волов, села сама и взмахнула кнутом. Еще трое монахинь молча пошли рядом с повозкой и, только когда она выкатилась из города, завели разговор.

— Вот мы увезли ее, но что скажет семья? — спросила сестринка, шагавшая справа.

— Успокойтесь, милая Стелла, — строго сказала сестра Игната. — Семья, скорее всего, так намучилась с ней, что будет рада отдохнуть какое-то время. В остальном же положимся на волю Господа и умение наших сестер.

Негромкий, но настойчивый стук в дверь отвлек Сандро от работы. Он недовольно поморщился. Впустить гостей в дом было некому. Дворецкий ушел навестить свою больную сестру, Симоне уже с час как заперся в своей комнате и молился, а Эстасия еще не вернулась из Санта-Мария дель Фьоре.

Сандро ненавидел, когда его прерывали. Он вытер кисть, бросил взгляд на фигуру Орфея*, и сердце его сжалось. Картина почти закончена, но заказчик не увидит ее. Медичи теперь далеко и никогда больше не ворвется в его мастерскую. Теперь это полотно будет висеть в коллекции Сан-Джермано. У Орфея черты Лоренцо, но чужеземец был ему другом и вряд ли будет против того возражать.

Стук сделался громче, и художник, на ходу чертыхаясь, выбежал в коридор. Открыв дверь, он недоуменно уставился на двух одетых в белое женщин и проглотил ругательство, готовое сорваться с его уст.

— Входите, добрые сестры. Чем я могу вам помочь? — Сандро отступил в сторону, пропуская монахинь в дом.

— Я сестра Фидия из монастыря Сакро-Инфанте, — сказала старшая, смотревшая властно и строго; на вид ей было около сорока.

* Орфей — в греческой мифологии певец и музыкант, пением своим очаровывавший богов и людей и укрощавший дикие силы природы.

— Ваше присутствие делает честь моему дому, — ответил машинально художник. Его удивление все возрастало, и монахини заметили это.

— Вы разве не говорили со своим братом? — спросила сестра Фидия, оглядываясь по сторонам.

— Мой брат пришел около часа назад и тут же заперся у себя. Он все еще молится, он добрый католик. Но, если это необходимо, я его позову...

Сестра Фидия бросила на свою спутницу многозначительный взгляд.

— А где ваша кузина, синьор Филиппи?

— В Санта-Мария дель Фьоре. Она еще не пришла.

Он подумал, что Эстасия совершила какую-нибудь глупость. Уж и впрямь не беременна ли она? Это вполне вероятно, ведь в последнее время ее ублажали по крайней мере трое любовников. Но зачем в этом случае обращаться за помощью в монастырь? Возможных виновников произошедшего Сандро прекрасно знал, никто из них не отказался бы от отцовства. Все они знатного происхождения, и Эстасия из хорошей семьи — не какая-нибудь распутная девка, подобранная на панели... Течение его мыслей прервалось: монахини вновь обращались к нему.

На этот раз заговорила младшая:

— Я сестра Сигнале, синьор Филиппи. Боюсь, что ваша кузина попала... в беду.

Сандро закрыл глаза. Он всегда боялся, что с ней что-то случится. Он видел блеск ее глаз, он знал, как стремительно она переходит от глубочайшего уныния к эйфории.

— Что с ней?

Сестра Сигнале сочувственно улыбнулась.

— Сдонной Эстасией случился припадок. В соборе, во время проповеди. Слова Савонаролы чересчур глубоко взволновали ее. К сожалению, ваш брат ничем не сумел ей помочь, и наша сестра во Христе Игната доставила вашу кузину в наш монастырь.

— Понятно.

Они из Сакро-Инфанте, там есть особый приют для умалишенных и убогих людей. О Господи Боже! Он впервые за долгие годы позволил себе задаться вопросом, что же за птица его богобоязненный брат. Если бы Симоне имел хотя бы частицу той веры, которой так кичится, ему бы и в голову не пришло бросить кузину в беде!

— Синьор Филипепи...

— Прошу прощения, сестры. У меня разбегаются мысли. Скажите мне, что будет с Эстасией?

— С вашего позволения, добрый синьор, мы бы хотели оставить ее у нас. Мы умеем обращаться с такими больными, и нам будет приятно оказать помощь страдальце, ибо любить ближних велит нам Господь.

Сандро чуть было не рассмеялся. Сестра Фидия так ловко все повернула, что возможный отказ выглядел бы чуть ли не богохульством.

— Она вдова, отец ее умер. Я не имею никакой власти над ней. Полагаю, пока она не придет в себя, ей действительно лучше побыть с вами. У меня нет ни времени, ни возможности ухаживать за ней должным образом. Боюсь, что и брат мой будет не в состоянии окружить ее той заботой, которая ей нужна.

— Откуда родом ее муж? — спросила сестра Фидия.

Сандро понял намек. Монахиня беспокоится, что семья покойного мужа Эстасии может принять решение, отличное от решения дальнего родственника несчастной.

— Из Пармы. Вряд ли они станут что-то предпринимать. Видите ли, добрые сестры, моя кузина вышла замуж за торговца преклонных лет. Брак был заключен по расчету, дабы завершить объединение двух торговых домов. Теперь всеми делами управляют племянник мужа Эстасии и ее брат. Только в супружестве она что-то для них значила, а во вдовстве стала докучной обузой. Именно их отношение послужило главной причиной того, что кузина попросила прибежища у меня. Детей Господь ей не дал, а пребывание в чужом доме накладывало обязательства, делавшие затруднительной ее и без того не очень-то славную жизнь.

Монахини переглянулись еще раз. Сандро умолк, гадая, поняли ли они то, что он хотел сказать.

Сестра Сигнале кивнула.

— Да-да. Такое случается с бездетными одинокими женщинами. Но покой и молитва творят чудеса. С Божией помощью она исцелится.

Сандро сделал неопределенный жест, который мог означать как уверенность, так и сомнение в подобном исходе событий. Впрочем, слова его были безукоризненно вежливы:

— Полагаю, в любом случае, добрые сестры, ей будет лучше у вас.

— Похоже, у нее нет склонности к монашеской жизни? — проронила сестра Фидия, словно бы уточняя для себя кое-что.

— Нет... Боюсь, тихая жизнь обители покажется Эстасии... скучноватой. Пожалуй, всю праведность в нашем семействе вобрал в себя мой брат.

Отпустив эту шутку, Сандро тут же о ней пожалел и поспешил добавить:

— Прошу простить меня, сестры. Я все еще несколько не в себе и не понимаю что говорю.

Молодая монахиня вспыхнула от возмущения, но сестре Фидии в своей жизни приходилось слышать и не такое. Она мягко улыбнулась.

— Если пожелаете видеть ее, приходите через неделю. Мы сможем больше сказать вам о ней. Мужчина, принимающий участие в вашей кухне, тоже может прийти. Любовь и привязанность многое значат для тех, кого мы опекаем.

— Я понял, сестра. Пошлите за мной кого-нибудь, как подойдет время, и я непременно приду.

Сестра Сигнале вдруг вспомнила, кто стоит перед ней.

— Ах, синьор Филипепи, вы так добры! Изобразить деву Марию во всей ее чистоте и благости мог лишь достойный во всех отношениях человек!

После этих слов повисла неловкая пауза. Разговор был исчерпан.

— Что ж, добрые сестры,— помедлив, заговорил Сандро.— Благодарю вас от всей души за заботу о моей несчастной кухне. Надеюсь, что в скором времени Эстасия поблагодарит вас сама.

«Ой ли»,— мелькнуло в его голове.

— Я буду молить о том Господа,— сказала сестра Фидия и повернулась к своей молоденькой спутнице.— Что ж, нам пора. Через пару часов стемнеет, нам надо успеть к вечерней молитве.— Она вновь взглянула на Сандро.— Вы можете быть уверены, что ваша кухня будет окружена вниманием и заботой.

Сандро кивнул, произнес еще несколько приличествующих случаю слов и закрыл за монашками дверь. Направляясь вглубь дома, он подумал, что Симоне таки придется сейчас с ним объясниться.

Письмо Лодовико Сфорца, прозванного иль Моро, к Карлу VIII, королю Франции.

«Самому прославленному христианскому королю Карлу VIII французскому ишет свои почтительные поклоны дядя миланского герцога, облеченный правом принимать участие от имени своего племянника во всех государственных делах.

Позвольте мне просить вас восстановить свое влияние в Неаполе и других смежных с этим королевством краях. Видя ужасающий хаос, царящий в этой части Италии, я убежден, что ваше вмешательство принесет лишь выгоды народам, ее населяющим. Неаполь шатается, подумайте, как может он расцвести под вашей сильной рукой.

Поскольку бремя военного экскурса целиком ляжет на ваши плечи, а сулит пользу многим, я озабочен тем, чтобы тяжесть эту частично облегчили стороны, намеревающиеся воспользоваться результатами вашего пред-

приятия. Генуэзский банк готов выдать вам под мое поручительство сто тысяч франков в счет возмещения ваших расходов.

Выплату этой суммы банку Милан берет на себя, равно как и оплату четырнадцати процентов начетов.

Молю ваше величество во главе любого отряда прибыть в Милан, чтобы иметь возможность оценить ситуацию лично.

Позволю себе также упомянуть, что политическая обстановка в Тоскане тревожна. Говорят, Флоренция — компас Тосканы, и этот компас все более отклоняется от верного курса. Лоренцо уже почти год как ушел, а его сын, несмотря на громкие заявления, выказывает полное неумение справляться с государственными делами.

Религиозные возмущения там достигли такой силы, что могут иметь ужасающие последствия. Вот лишний повод сказать, что ваше вмешательство попросту необходимо.

Надеюсь, ваше величество внимательно обдумает это письмо. Молю небеса благословить любое ваше решение.

*Лодовико Моро
от имени миланского герцога
Джан-Галеаццо Сфорца.
Милан, 18 февраля 1493 года».*

ГЛАВА 5

 Иоахим Бранко, высоко вскидывая окровавленные руки, защищался от града ударов. Нарцисо Бочино уже валялся на мостовой, но его продолжали бить. В воздухе мелькали дубинки.

Бьяджо Спинатти радостно ухнул, когда долговязый португалец наконец-то осел, однако тут же нахмурился: капли крови забрызгали полы его плаща. Он обернулся к сообщникам.

— Эй, Уго, Клеменцо, тому уже хватит. Возьмитесь лучше за этого.— Он злобно пнул Бранко ногой.— Посчитайте ему ребра.

Уго с готовностью размахнулся. На плечи сидящего на корточках Бранко обрушился страшный удар.

— Взгляните-ка на него,— крикнул Бьяджо, облизываясь,— сейчас он обгадится!

Иоахим Бранко сидел, обхватив руками колени и прижимая их к животу. Он испытывал странную гордость от того, что его не тошнит.

Клеменцо отошел от недвижимого тела и нанес португальцу удар сбоку. Он радостно засмеялся, когда алхимик повалился на мостовую.

— Эх, если бы тут оказался его дружок! — воскликнул Бьяджо, мечтательно щурясь.— Уж я бы с ним поквитался за Марио!

«Бахвал!» — подумал Клеменцо, но все же сочувственно покивал головой.

— Кажется, чужеземец сломал твоему брату ключицу.

— Да покарает его Господь! — Бьяджо еще раз пнул португальца.— Теперь Марио стал монахом, он не может мстить за себя.

— Что ж, мы это сделали за него,— сказал, ухмыляясь, Уго.

— Только отчасти,— Бьяджо уставился на лежащих.— Чтоб они сдохли,— пробурчал он.— Давайте-ка их прикончим.— Тут ему в голову пришла новая мысль.— Нет. Пусть живут. Пусть. Я хочу, чтобы они обо всем рассказали этому Ракоци. Я хочу, чтобы он знал, что его ждет.

На юном порочном лице Клеменцо появилась улыбка.

— Можно дать ему это понять и другими способами. Например, написать что-нибудь на дверях. В его палатце три огромные двери. Пиши на любой.

— Что-нибудь вроде: «Берегись чужеземная гнида!» — подхватил Уго. Идея, похоже, пришлась Бьяджо по вкусу. Он что-то прикинул в уме и решительно зашагал по проулку.

— Слишком длинно,— скривился Клеменцо, поспешая за коноводом компании.— Пока будешь писать, тебя могут поймать. Ракоци обратится к властям. Он хоть и чужеземец, но Синьория примет его сторону. Им некуда будет деваться. Закон одинаков для всех.

Но Уго не унимался.

— Вы видели его парадную дверь? Она вся резная, покрыта разными барельефами. Хорошо бы ее обтесать.

Бьяджо опять оживился, потом сказал с неохотой:

— Нет, это тоже морока. Вот забросать камнями — другой разговор. Камни посшибают резьбу, а нас никто не увидит. Пока кто-нибудь выбежит, мы будем уже далеко.

Сумерки все сгущались. Прогуливаться по флорентийским окраинам в такую пору было небезопасно, но троюза шла не прячась, возбужденная недавней расправой. Впрочем, пыл компании начинал остывать.

— Как думаешь, что этот старый черт наболтает?

Бьяджо пожал плечами.

— Что-нибудь скажет. Не все ли равно?

Клеменцо нахмурился.

— Он может на нас указать, он ведь нас видел.

— Кто ему поверит? — Бьяджо усмехнулся.— Идемте в Сан-Марко. У нас есть что рассказать Марио, он будет нам рад.

Несколько часов спустя Иоахим Бранко стукнулся в боковую дверь палатки да Сан-Джермано, однако сделал это так тихо, что сам не услышал стука. В отчаянии он с трудом поднял руку, чтобы возобновить попытку, но тут за скрипели засовы.

— Бранко,— воскликнул потрясенный Франческо Ракоци и громко хлопнул в ладоши.— Руджиеро! Скорее сюда! — Он подставил плечо португальцу.— Кто это сделал?

— Не знаю,— пробормотал алхимик, едва проталкивая сквозь разбитые губы слова.— Они напали внезапно. Нарцисо... мой ученик... Я думаю, он уже мертв...

— Где это произошло?

— В переулке. Недалеко от банка Медичи.

Тут появился Руджиеро, и Ракоцци, бережно поддерживая товарища, принялся отдавать распоряжения:

— Немедленно разбуди Аральдо с Пасколи и ступай с ними к банку Медичи. Нарцисо Боцино лежит там избитый. Если он жив, доставьте его сюда; если мертв, передайте тело властям.

— Хорошо, хозяин.

— Непременно вооружитесь. Короткие мечи подойдут. — Он с тревогой покосился на Бранко: тот был близок к обмороку. — Запри эту дверь. Я буду в дальней комнате нижнего этажа. Пришли туда кого-нибудь с кухни. Все, можешь идти.

Руджиеро ушел. Ракоцци пожалел, что его отослал. Взять в одиночку на руки долговязого Бранко было непросто, и все же через минуту он уже нес раненого по коридору — осторожно, как большого младенца, стараясь не оступаться и огибая углы.

Еще через пару минут тем же путем пробежали Мазуччо с Гвалтьере — младшие повара, помощники Амадео. Вид у них был подавленный. Как люди самой мирной на свете профессии, они жутко боялись того, что им предстояло увидеть.

— Силы небесные! — в ужасе выдохнул Гвалтьере. Распростертое на постели тело магистра его потрясло.

Ракоцци вскинул голову.

— Некогда охаты! Несите воду, чистые тряпки... и поживей!

Он стаскивал с Иоахима Бранко длинное одеяние, но в некоторых местах кровь засохла, и ткань, приставшая к ранам, не поддавалась его осторожным усилиям.

Гвалтьере тотчас ушел, Мазуччо стоял столбом, не в силах пошевелиться.

— У тебя ведь тоже был перелом, — напомнил Ракоцци, чтобы как-то его подбодрить.

— Да, но не такой жуткий, — прошептал, бледнея, Мазуччо.

Ракоцци рассмеялся бы, будь ситуация менее удручающей. Теперь же он ограничился тем, что произнес будничным тоном:

— Сходи, принеси какое-нибудь белье.

Мазуччи мог грохнуться в обморок, надо было занять его чем-то.

Послышался звук быстро удаляющихся шагов, их сменили шаги, приближающиеся к спальне. Не оборачиваясь, Сан-Джермано сказал:

— Мы должны потихоньку, поливая одежду водой, отлепить ткань от ран. Начнем с левой руки: она очень плоха.

— Разумеется, мэтр, — откликнулась Деметриче Воландри, ставя на кровать поднос с большой чашей, чистыми тряпками и парой ножниц. Она была в простой блузе, в той самой, которую надевала для работы в лаборатории; косу ее, закрученную в клубок на затылке, стягивала козынька. — Мне показалось, что я вам нужна.

Восхищение, мелькнувшее в темных глазах, сменилось сомнением.

— Да, конечно, нужны, но... раны Иоахима могут вас покоробить.

— Ничего, я как-нибудь это переживу, — Деметриче взглянула на португальца. Лицо ее побледнело и вытянулось, но она тут же овладела собой. — Что я должна делать?

— Для начала сходите в лабораторию. Там, в шкафу со снадобьями, найдите коробочку с надписью «Глаз Гора». Щепотка этого порошка превращает воду в раствор, убивающий в ранах заразу.

Деметриче кивнула.

— Я мигом. Но... скажите, он очень плох?

Ракоцци выпрямился и ответил с большой неохотой:

— Больше всего досталось левой руке. Переломы плеча и предплечья.

— Это... когда-нибудь заживет?

— Если вы спрашиваете, срastутся ли кости, то да. Но вряд ли он сможет пользоваться этой рукой, как прежде.

Его слова были резкими, в них прорывался гнев.

— К счастью, Иоахим — правша. С правой его рукой все будет в порядке.

Кивнув в ответ, Деметриче ушла. Ракоци окунул тряпку в воду.

Руджиеро отсутствовал более часа. Наконец он появился и знаком вызвал хозяина в коридор. Там стояли Аральдо с Пасколи, держа под руки негнущееся тело Нарцисо.

— Что случилось, мой друг?

Руджиеро, белея от ярости, заговорил на латинском.

— Он мертв. Я ходил в казармы наемников, я ходил во дворец Синьории, я был в церкви Санта-Мария дель Фьоре и в монастыре Святейшей Аннунциаты. Никто не пожелал меня выслушать и принять мертвое тело.

Слуг, казалось, больше смущал мрачный вид Сан-Джермано, чем то, что случилось. Аральдо, набравшись храбрости, произнес:

— Хозяин, один из доминиканцев сказал, что Нарцисо сам виноват. Что он вместе с вами занимался запретными опытами и потому Господь его покарал.

Ракоци изогнул тонкие брови.

— Покарал? Переломав ребра и расколов череп? — В его взгляде блеснуло холодное бешенство. — Вы добрые люди, — обратился он к слугам. — Вы сделали все, что могли, и заслужили отдых. Только прежде отнесите тело в зал для приема гостей.

Слуги, кивнув, повлекли мертвеца к парадному входу.

— Через пару часов рассветет, — устало сказал Ракоци. — Я смогу пойти в Синьорию, где, надеюсь, все прояснится.

— Что с Бранко? — спросил Руджиеро.

— Есть сложные переломы, — Ракоци покачал головой. — Ты помнишь, что делал в таких случаях Леонинас — константинопольский врач, которого позже сожгли за кол-

довство? — Он нахмурился, сожалея о загубленной человеческой жизни.

— Леонинас? — Руджиеро наморщил лоб. — Кажется, он скреплял кости проволокой. Но подробностей я не помню.

Ракоци печально вздохнул.

— Я тоже, — он оглядел свой испачканный кровью кафтан. — Боюсь, придется его выбросить. Приготовь мне к рассвету одежду.

Руджиеро кивнул и взглянул на себя.

— Позвольте мне вымыться в вашей ванне.

— Ну разумеется. Но к рассвету наполни ее для меня. Мне надо быть свежим.

— Что вы наденете?

— Я иду в Синьорию. Подбери что-нибудь производящее впечатление.

Около восьми утра Франческо Ракоци да Сан-Джермано в черной мантии и красной шапочке саламанкского университета стоял перед дворцом Синьории.

— Чего хочет синьор? — спросил стражник, преградивший ему путь.

— Я желаю обратить внимание консула на то, что происходит на флорентийских улицах после наступления темноты. Прошлой ночью один мой товарищ был жестоко избит, а его ученика умертвили. Это произошло в нескольких шагах от того места, где вы стоите.

Стражник смутился.

— Ночью на улицах действительно небезопасно, синьор. Вашему другу не стоило выходить на прогулку. Однако у вас нет никаких оснований...

— Любезный, — холодно прервал его Ракоци, — вы намерены читать мне нотацию или все-таки пропустите меня во дворец?

Рассерженный стражник встал в позу.

— Вы чужеземец и не можете требовать аудиенции у приора. Только у флорентийцев имеются такие права. Подайте прошение, вам будет назначено время...

— Я знаю законы республики. Или позвольте мне войти во дворец, или я объявляю всему городу, что назначаю пятьсот флоринов золотом за поимку тех, кто искалечил магистра Бранко и убил его ученика-флорентийца.

Чужеземец держался уверенно, и стражник заколебался. Задетое самолюбие боролось в нем с благоразумием. Последнее победило. Он поднял пику, преграждавшую Ракоцци путь.

— Пройдите в приемную, почтенный синьор.

— Благодарю,— Ракоцци одарил охранника самой обворожительной из своих улыбок.

Внутри палаццо, несмотря на раннее время, было ужелюдно. Он быстро взбежал по лестнице, провожаемый враждебными взглядами и шепотками.

В переполненной приемной приора ему пришлось прождать около часа, прежде чем чиновник для поручений обратил к нему взор. Ракоцци встал со скамьи, но его оттер в сторону какой-то торговец.

— Я флорентиец, и у меня больше прав.

— Но этот синьор пришел раньше,— мягко заметил чиновник.

— Пусть еще подождет! — Торговец покосился на Ракоцци.— Чужеземным язычникам следует знать свое место!

Ракоцци поклонился в ответ.

— Я действительно чужеземец, но не язычник. Земля и собственность во Флоренции дают мне те же права, что и вам, мой друг.

— Я вам не друг! — взорвался торговец, его круглое красное лицо приобрело землистый оттенок.— Вы алхимик, вы развращаете флорентийцев. Вас надо бы гнать из города поганой метлой!

Ракоцци только кивнул и, повернувшись к чиновнику, произнес ровным тоном:

— Договориться с этим синьором, похоже, нельзя. Пусть изложит свою просьбу. Я подойду к вам потом.

Торговец, приготовившийся к скандалу, опешил, потом, задетый пренебрежительным к себе отношением, подбоченился и заявил:

— Я знаю вас, Франческо Ракоцци. Вы сторонник Медичи!

Он явно нарывался на ссору, но в том нисколько не преуспел. Ракоцци рассмеялся.

— Вы абсолютно правы. Лоренцо Медичи был моим другом.

Он умолк, задумавшись о своем.

— Тут нечем гордиться,— не унимался торговец.

— Синьор,— снова заговорил Ракоцци,— у вас, кажется, есть к приору какое-то дело. Очевидно, срочное, раз вы рветесь меня обойти. Так займитесь им! Я тоже спешу.— Он отвернулся к окну, не обращая внимания на свирепые взгляды торговца.

Наконец чиновник освободился. Носивший звучное имя Градаццо Онданте, он, похоже, полагал, что может поглядывать на людей свысока.

— У вас жалоба?

— Да. Я рассчитывал переговорить лично с приором, но уже вижу, что тому не бывать. Придется, видимо, изложить суть дела вам в надежде, что в самое ближайшее время сей документ попадет в руки приора.

Градаццо Онданте принял пергамент и приосанился.

— Моя прямая обязанность — доводить все жалобы до главы Синьории.

— Похвально. Я граф Франческо Ракоцци да Сан-Джермано.— Титул произвел впечатление. Чиновник вытаращил глаза и обратился в слух.— У меня палаццо в северной части города, около монастыря Святейшей Аннунциаты. Я провожу там различные опыты...

— Многие из которых противоречат флорентийским законам,— счел нужным вставить Градаццо Онданте.

— Это спорный вопрос, — возразил сухо Ракоци и продолжил: — Я веду переписку со многими именитыми учеными мира, и некоторые из них навещают меня. Такие, например, как португальский алхимик магистр Иоахим Бранко. Он гостит у меня достаточно долгое время и так увлекся научной работой, что даже счел нужным взять себе в помощь ученика. Прошлой ночью на магистра и сопровождавшего его юношу напали трое молодых флорентийцев, хорошо одетых и достаточно образованных, судя по их речам. Магистр Бранко был искалечен, его ученик Нарцисо Бочино — убит. Ему проломили череп.

Лицо чиновника вытянулось.

— Когда это случилось? И где?

— Прошлой ночью. В переулке, примыкающем к виа Порта-Росса. Молодчики действовали не таясь и переговаривались друг с другом. Магистр Бранко отчетливо слышал имя Клеменцо. Других имен он не помнит, ибо потерял от боли сознание и очнулся, когда все ушли.

— А ученик его, стало быть, не очнулся? — Градаццо Онданте вскинул пергамент, словно бы защищаясь от плохих новостей.

— Нет. Он мертв и лежит сейчас у меня. К сожалению, ни одна церковь не захотела принять его тело. Мне кажется, необходимо упомянуть, что Нарцисо Бочино — коренной флорентиец. Его отец — аптекарь с виа делла Примавера. Если власти Флоренции не сочтут нужным предпринять что-либо по факту избиения иноземца, то на убийство гражданина республики они вряд ли закроют глаза.

Пергамент в руках чиновника хрустнул.

— Ну разумеется, граф. Я... я немедленно сообщу об этом приору.

— Надеюсь.

— Череп пробит и ребра сломаны? — Чиновник прятал глаза. — А что с португальцем?

— Он плох. Прошу прислать в мое палаццо врачей, чтобы они составили акт о его состоянии.

— А Бочино, вы говорите, убит?

— Тело юноши лежит в комнате для приемов. Хотя ему больше пристало бы покоиться в церкви.

Онданте рассеянно покивал.

— Да-да, вы, конечно же, правы. Сейчас мы направим посыльных к его отцу...

Ракоци начал терять терпение.

— Я взял это на себя. Мой слуга Аральдо уже известил синьора Бочино о смерти сына. Лучше направьте туда кого-нибудь из священников.

— Ну разумеется, разумеется! — Казалось, больше всего на свете Онданте хотелось, чтобы докучный проситель ушел. — Мы непременно обо всем позаботимся. Уверю вас, граф!

— Когда?

Вопрос повис в воздухе и был воспринят с трудом.

— Когда? — переспросил Онданте. — Когда?.. Скоро. Да. Очень скоро.

— Сейчас? — спросил Ракоци.

— Да... возможно. Скоро...

Градаццо Онданте встал и, отдуваясь, бочком выскользнул из приемной.

Ракоци возвращался в палаццо, обуреваемый мрачными мыслями. Со дня смерти Лоренцо прошло чуть более года, а город уже не узнать. Он сделался тихим, пустынным, угрюмым. Двое встречных студентов в мантиях пизанского университета — судя по косичкам, юристы — то роливо перебежали улицу и пошли по другой стороне, прижимаясь к домам. У обоих был перепуганный вид. Интересно, чего они так испугались?

Сильный удар в плечо заставил его обернуться. Шагах десяти от себя он увидел стайку юнцов. Камень, брошенный кем-то из них, покатился по мостовой.

— Антихрист! Антихрист! — завопили подростки. — Чужеземный антихрист!

— Что?... — Ракоци был так поражен, что встал, опустив руки. — Что это значит?

Следующий камень рассек ему бровь. Хлынула кровь.

Подростки принялись забрасывать его чем придется. В ход шли камни, куски отвалившейся от стен штукатурки, птичий помет.

Студенты нырнули в какой-то проулок. Другие прохожие делали вид, что ничего необычного не происходит. В чьих-то глазах мелькало злорадование, в чьих-то светилось сочувствие, но урезонить расходившуюся ораву не пытался никто.

Свист, улюлюканье, крики все нарастали. Со всех концов улицы на подмогу к мучителям спешили другие мальчишки. Ракоци понял, что дело может кончиться плохо, повернулся и побежал. Преследователи не отставали. Что-то захлопотало, послышалась брань — лоток мясника со всем его содержимым опрокинулся в грязь. Ракоци на бегу бросил торговцу флорин, тот тут же смолк и принялся подбирать свое мясо, мысленно благословляя щедрого господина и втайне надеясь, что ему вновь вздумается тут пробежать.

Ракоци повернул за угол, перед ним открылась громада церкви Сан-Лоренцо, служившей усыпальницей для братьев Медичи. Он вбежал под сень колоннады, чуть не сбив с ног старого бенедиктинца, стоящего возле входа в храм.

— Простите, брат,— пробормотал Ракоци. Толпа подростков, обогнувшая церковь, подняла торжествующий вой.

Монах прикоснулся к плечу Ракоци.

— Войдите, сын мой. Они не осмелятся переступить этот порог.

Он прикрыл за беглецом дверь и прислонился к ней, сложив на груди руки.

Через мгновение беснующиеся мальчишки окружили его, но священнослужитель их словно не замечал. Минута-другая — и шайка умчалась прочь, заметив новую жертву.

Франческо Ракоци, напоминая черную скорбную птицу, сидел на краю простого надгробья, глаза его были мрачны.

Письмо Оливии-римлянки к Франческо Ракоци да Сан-Джермано.

«Сен-Жермену Франциску во Флоренции шлет Оливия любовь и привет.

Я получила твое письмо от 12 мая и сожалею, что оно подтверждает самые худшие из моих опасений. Пора очнуться, мой друг. Ведь именно ты однажды сказал мне, что разрушать и ненавидеть гораздо легче, чем созидать и любить. Прежней Флоренции уже не вернешь. Пойми это и возвращайся в Венецию. Там царят искусство, музыка и веселье. Там тебя не забросят камнями, а на твоих друзей не накинута с палками, там тебя любят и ждут. Или же приезжай ко мне в Рим.

Мы посетим все наши старые уголки, те, которые еще сохранились. Если захочешь, я сведу тебя с Папой, хотя он дорог за это сдерет. Родриго Борджиа и в облике его святейшества Алессандро VI обогащается любовью пунтами.

Чтобы восстановить его против Савонаролы, понадобится немало усилий и средств, но это действительно многому помогло бы. Будь уверен, я со своей стороны сделаю все, что смогу. Мы знаем, что флорентийские камальдулы и францисканцы не жалуют Джироламо. Ваши августинцы, фра Мариано, также им недоволен. Он ведь был дружен с Медичи, он скорбит, как и ты.

А твое письмо больно читать. В каждом слове — отчаяние и одиночество. Ты, конечно, не жалуешься впрямую, но я знаю тебя, как собственную ладонь, и умоляю: отвлекись от горестных настроений! Займись опять музыкой, поезжай в Карпаты (правда, это вряд ли чему поможет — там ведь резня). Если Флоренция все же тебя держит, найди утешение в своей ученице — Деметриче, кажется, — подари ей себя. Ты говоришь, что она умна, интересна и знает твою тайну, — чего же тебе еще? Что с того, что она до сих пор носит траур? Твоя любовь об-

легит боль ее сердца. Я тоже носила траур, но это не помешало тебе. Ты взял меня, и чуть позже — после того как первые страхи прошли — я погрузилась в море блаженства. Я никогда ничего подобного не испытывала — ни до, ни после тебя. Почему ты закрыт, когда нужно открыться? Сен-Жермен, умоляю, отдайся новому чувству: оно вдохнет в тебя жизнь.

Ну вот, я опять испытываю твоё терпение. Впрочем, десять веков знакомства дают мне право на это. Если тебе так не кажется, ты совершенно невыносим.

Позови меня, когда в том возникнет нужда. Я вся твоя и буду твоей, пока ношу землю в подошвах своих туфель. Я столько тебе обязана, что сделаю для тебя все.

А сейчас прощаемся, я должна отдать это письмо посыльному кардинала Джованни. Он отправляется во Флоренцию, а ночью во дворце Борджиа состоится прием. В честь пророка Моисея и в римском, как они думают, духе. Я надену византийское платье и повяжу его греческой лентой. Уверю, они сочтут, что римские женичны одевались именно так!

Береги себя и будь осторожен. И, если сможешь, не очень страдай.

С любовью, Оливия.
Рим, 4 сентября 1493 года.

ГЛАВА 6

 Октябрь стоял жаркий и солнечный, Флоренция изнывала от зноя. В полуденные часы жизнь города замирала, но Сандро Филиппи погнала в дорогу нужда. С утра он успел побывать в Сакро-Инфанте и возвращался оттуда весьма удрученный. Аббатисса Мерседе просила еще на какое-то время оставить Эстасию в монастыре. Это была уже третья отсрочка, и Сандро сильно обеспокоился, ибо ответственность за судьбу приболевшей

кузины лежала теперь только на нем. Письмо в Парму не возымело последствий. Родственники Эстасии отписали, что вполне полагаются на волю Божию и житейский опыт прославленного флорентийца, то есть, говоря попросту, повернулись к несчастной спиной.

Пройдя сквозь ворота алья Ланца, Сандро направился к монастырю Святейшей Аннунциаты. Он пребывал в дурном настроении, ибо встречаться с Ракоци ему не хотелось. Однако участь Эстасии надлежало как-то решить.

Пересекая площадь Сан-Марко, он огляделся. Слева от него возвышались доминиканская церковь и монастырь, где некогда тихо трудился фра Анджелико* и в каком-то теперь властвовал неукротимый аббат. Справа тянулось здание академии, в классах которой вместо Платона и Аристотеля теперь изучали самые одиозные речи Савонаролы. Спасителя, посланного Флоренции Господом, по словам Симоне.

Сандро нахмурился. Возможно, Симоне в чем-то и прав, но, Боже, как все-таки скучен этот неистовый доминиканец! Как мало в нем сострадания к ближнему, о котором он так любит распространяться!

Приветливый вид палаццо да Сан-Джермано не улучшил настроения Сандро. Трижды стукнув в дверной косяк молотком, он опустил руку и решил было отправиться восвояси, но тут дверь распахнулась.

— Боттичелли! — воскликнул Ракоци с искренней радостью. — Входите же поскорее. На улице слишком душно.

Делать нечего, Сандро вошел в дом и вздохнул.

— Сегодня и в самом деле очень уж жарко.

Он вытер вспотевшее лицо рукавом и покосился на изящного покроя кафтан, облежавший владельца палаццо. Ракоци перехватил его взгляд.

* Фра Анджелико (ок. 1400–1455) — флорентийский художник, доминиканец (мирское имя Гвидо ди Пьеро), известный своими фресками на религиозные темы.

— Дайте мне свои мерки — и завтра у вас будет такой же. Какой цвет вы предпочтете? Уж конечно, не черный. Может быть, голубой или желтый? Желтое подойдет к волосам.

— Это лишнее, граф,— пробурчал Сандро, смутившись.

— Граф? — переспросил Ракоци.— И это говорит флорентиец? Прежде я был для вас просто Франческо. Почему же вдруг — граф?

Сандро потупился.

— Не знаю. Мы ведь не очень близки. А в последнее время... — Он потеряно смолк.

Ракоци улыбнулся.

— А в последнее время пол-Флоренции называет меня не иначе, как «этот нездешний граф»?

— Да, это так,— вынужден был признать Сандро,— но, полагаю, за этим ничего не стоит. Это всего лишь прозвище, и не больше.

— Надеюсь.— Ракоци жестом пригласил Сандро в гостиную.— Что я могу вам предложить? Мой Амадео очень искусен.— Он хлопнул в ладоши, но мог бы этого и не делать, так как Руджиеро уже появился в дверях.

— Простите, хозяин, я был на заднем дворе и не успел встретить гостя.— Он поклонился Боттичелли.— Весьма рад вас видеть, синьор.

— Я тоже рад видеть тебя, Руджиеро,— отозвался Сандро рассеянно.

— Руджиеро, принеси нашему гостю все, чем Амадео захочет его угостить.

Лицо слуги осветила улыбка.

— Тогда, хозяин, позвольте накрыть большой обеденный стол. Только на нем сможет поместиться все то, что сочтет нужным подать Амадео. Он прекрасно готовит, но давать ему волю нельзя.

— Мне ничего особенного не нужно.— Сандро уселся в турецкое кресло и снова вздохнул.— Если можно, я бы выпил чего-нибудь освежающего. Сегодня я был в Сакро-Инфанте, и солнце совсем иссушило меня.

После этого заявления в комнате повисла напряженная тишина. Руджиеро поклонился и вышел. Ракоци отвернулся к окну.

— Как здоровье донны Эстасии? — спросил он словно бы невзначай, но фраза прозвучала неловко.

— Мне трудно об этом судить.— Выражение лица Сандро не поддавалось определению, беспокойство мешалось в нем с раздражением.— Бывают дни, когда она ведет себя совершенно нормально и хочет вернуться домой. Но чаще я застаю ее всю в слезах, не выказывающей расположения к разговору. И это лучше, чем слушать то, что она говорит. Бедным сестрам приходится терпеть от нее многое. Кузина осыпает их бранью и признается в ужасных вещах. Монахини делают вид, что таким образом она освобождается от болезни. Я же не знаю, верить им или не верить.

— Сандро,— мягко спросил Ракоци,— зачем вы пришли?

Он отошел от окна и взглянул гостю в глаза.

— Я... я не знаю, Франческо.

— Возможно, ваш визит связан с тем, что я был любовником вашей кузины и вы желаете меня к ней вернуть?

Сандро вздохнул с облегчением: главное было сказано.

Ракоци продолжал:

— Что ж, нам и впрямь следует объясниться. Наши отношения с донной Эстасией закончились и возобновиться им не дано. Но разобраться в том, как они развивались и почему оборвались, я думаю, стоит.

Сандро отвел глаза в сторону.

— Сейчас не принято говорить о подобных вещах.

— Почему же? Уж не потому ли, что местные доминиканцы берут в городе верх? — Ракоци сузил глаза, ему вдруг вспомнилось о временах сравнительно не очень далеких. Именно орден неистовых проповедников возглавил тогда массовые истребления ни в чем не повинных лю-

дей*. — Я отвечу на любой ваш вопрос. Вряд ли за это нас потянут в Сан-Марко.

Он усмехнулся, усмехнулся и Сандро.

— Вряд ли конечно. Но полной уверенности все-таки нет.

Взгляд Ракоци потеплел.

— Что именно вам хотелось бы знать?

— Все. Я хочу разобраться, что с ней случилось. Чтобы понять, как дальше быть.

Ракоци сел в кресло и, немного подумав, начал рассказ:

— Я встретился с донной Эстасией вскоре после того, как приехал сюда. Это было воскресным утром в палаццо Медичи. По воскресеньям там всегда собирались большие компании... — Он смолк, отдавшись во власть воспоминаний. — Вы помните эти приемы?

Сандро кивнул.

— Разумеется помню.

— Вы тогда приехали вместе с кузиной. У вас с молодым Буонаротти еще затеялся спор по поводу приобретенной Лоренцо скульптуры. Что же касается донны Эстасии, ей это все казалось довольно скучным, а я... я был в вашей компании чужаком. Не удивительно, что у нас завязалась беседа. Ей льстило мое внимание, меня привлекала ее красота; слово за слово, мы прошли с ней в соседние комнаты. Когда мы остались наедине, она приспустила корсаж и... В общем, мы потянулись друг к другу.

Сандро неловко задвигался в кресле и устремил взгляд в окно.

— Хм... Я понимаю.

— Так продолжалось какое-то время, потом она предложила мне ее навестить, и... ночь друг от друга нас не оттолкнула. — Глаза художника недоуменно расширились. — Мои ласки были несколько... экзотическими, — пояснил Ра-

* Имеется в виду 1232 год, когда ордену доминиканцев была передана инквизиция — право преследовать инакомыслящих (еретиков) и предавать их сожжению.

коци, — и это могло ей не понравиться. Впрочем, со мной она не рисковала ничем.

Сандро быстро взглянул на Ракоци.

— Что это значит?

— Я доставлял ей удовольствие, но не в манере, принятой у большинства мужчин. — Он помолчал и добавил: — Я просто не способен на это.

Лицо художника побагровело.

— Послушайте, Франческо, вы совсем не должны...

Ракоци усмехнулся.

— Я рассказываю вам все, чтобы вы могли лучше понять, что между нами происходило.

В комнату вошел Руджиеро с подносом, на котором стояли высокий кувшин, стеклянный бокал и вазочка с медом.

— Амадео приготовил для вас шербет. Это изысканный восточный напиток, хорошо утоляющий жажду.

Живописца обрадовала пауза в разговоре, и, пока Руджиеро священнодействовал, наполняя бокал охлажденным фруктовым отваром и добавляя в него мед, он с преувеличенным вниманием следил за движениями слуги.

— Понадоблюсь ли я вам еще, хозяин?

— Думаю, нет. Ты можешь вернуться к своим занятиям.

— Слушаюсь. — Руджиеро склонил голову. — Донна Деметриче работает вместе со мной. Мы скоро закончим. — Он не стал о говорить, что они разбирают тележку с алхимическими веществами, доставленными из Модены.

— Прекрасно. Если нам что-то понадобится, я кликну Аральдо.

Руджиеро еще раз кивнул и удалился.

— Я уже давно не видел донну Деметриче, — сказал Сандро, чтобы что-то сказать.

— Позже мы сможем пройти к ней.

Сандро машинально кивнул.

— Хорошо. — Он сделал глоток из бокала и почмокал губами. Шербет освежал и был приятен на вкус. — Значит, вы стали встречаться?

— Да, и встречались долгое время. Все шло хорошо. Эстасия получала свое, я... Для меня эти свидания тоже имели значение...

— Но вы же сказали, что не способны... действовать как мужчина.

Ракоци побарабанил пальцами по колену.

— Я давал много больше, но, как выяснилось, недостаточно.— Он резко встал с кресла и вновь подошел к окну.— Она возжелала того, чего я не мог ей дать.

— Не могли или не захотели?

— Скорее, не захотел. Она возжаждала боли. Она возбуждалась даже от разговоров о ней. Я считал это опасным. Когда к ее требованиям примешались угрозы, я вынужден был уйти.— Ракоци говорил сурово, отрывисто, не глядя на Боттичелли.— Ваша кузина нашла новых любовников, но и они не сумели ее удовлетворить.— Тон Ракоци внезапно сделался мягким.— Сандро, поймите, нет во всем мире мужчины, способного дойти до пределов, к которым она устремилась. Это не грех, не вина, а болезнь, что бы там ни говорил Джироламо Савонарола. Ни один любовник не утолит ее страсть, хотя сама она так не считает и потому сердится на весь белый свет. Пожалуй, мне нечего больше прибавить.

Он снял со стены небольшую пастушью дудку и принялся вертеть ее в пальцах.

Сандро налил себе еще немного шербета.

— Теперь я понимаю, откуда идет ее гнев и почему ей в видениях являются демоны. Ей чудится, что они терзают ее, но, поскольку все эти муки являются источником наслаждения, она их боится и считает себя недостойной прощенья.

— Мне жаль.— Ракоци бросил дудку на подоконник.— Боттичелли, вам надо бы остеречься. Ваша родственница одержима. Мне кажется, в минуту отчаяния она вас может оговорить.

Художник, покинув свое кресло, встал рядом с ним.

— Вам тоже следует ее опасаться.

Ракоци пожал плечами.

— Мне что? Я могу в любую минуту уехать. Но вы...— Он коснулся руки Сандро.— У вас здесь работа и дом. Она легко лишит вас всего без особых на то причин. Будьте с ней осмотрительны, умоляю.

Сандро поразила теплота, с какой были сказаны эти слова. Поставив бокал, он раздумчиво произнес:

— Тут есть над чем поразмыслить. Я... Я весьма вам благодарен, Франческо. Вы сообщили гораздо больше, чем были должны. Будьте уверены, все вами сказанное дальше меня не пойдет.

Ракоци спокойно кивнул.

— Не сомневаюсь. А теперь не хотите ли повидаться с моей ученицей?

Сандро покачал головой. Он понял, что непростой разговор окончен.

— Нет. Как-нибудь в другой раз. Не стоит сейчас ее беспокоить.

Наступила неловкая тишина.

— Что ж, хорошо.

Ракоци кивнул и направился к двери. Сандро придержал его за руку.

— Еще раз благодарю вас, Франческо.

Их плечи соприкоснулись.

Уже стоя в дверях палатки, Ракоци улыбнулся.

— Почему бы вам не навестить нас на следующей неделе?

Сандро огорченно ответил:

— Боюсь, что не смогу. Симоне сделался подозрителен, мне не хотелось бы ему лгать.

Ракоци все еще улыбался, но глаза его стали печальны.

— Что ж, приезжайте, когда сможете. Мы вам рады всегда.

Он придержал дверь и добавил:

— В явном меньше опасности, чем в сокрытом. Не позволяйте себя обмануть.

— Что вы хотите сказать?

— Лишь то, что наши привязанности способны нанести нам больший урон, чем даже вражда. Помните это, амико.

Дверь палатки закрылась.

Письмо Джан-Карло Казимира ди Алерико Чиркандо к Франческо Ракоцци да Сан-Джермано.

«Джан-Карло шлет свои приветствия выдающемуся ученому и глубокоуважаемому учителю Франческо Ракоцци да Сан-Джермано.

От Луи Сантьяго Хоранеса дошло до меня известие, что ваш протеже Лодовико не удовлетворен работой в Испании и хочет переехать во Францию. Я могу устроить это через Рейнарда Пьюдоса, но уверен, что на том все не кончится.

Лодовико не выказал особого рвения на строительстве вилл в Лиссабоне, отделять церкви в Испании ему тоже не по нутру. Мне кажется, он просто не хочет работать. Содержать бездельника, и к тому же опасного, нам ни к чему.

Если вы позволите, я обращусь к одному человеку, генуэзцу, который устранил неприятность всего за сто золотых. Он знает свое дело и, кроме того, всегда соблюдает условия договора. Наниматели очень его хвалят и говорят, что человек этот не способен на шантаж или иного рода подвох. Я знаю, это не в ваших правилах, и все же не вижу иного выхода из сложившейся ситуации. Бездельнику может прийти в голову всякое. Примите решение и дайте мне знать.

Это письмо пойдет долго, ибо погода стоит скверная. Зимние бури так разыгрались, что с дорог повымело даже разбойников. Я передам пакет с монахами, направля-

ющимися в Феррару, оттуда они найдут способ переслать его вам.

Благодарю за совет завести связи с обувщиками Польши. От покупателей нет отбою. Фигурные каблуки, как вы и предвидели, заинтересовали кавалеристов и могут войти в моду. Весной, когда дорога на Краков откроется, я удвою заказ.

К сожалению, весь груз смол из Египта перехватили пираты. Другая такая поставка возможна лишь через год. Если вам известны иные торговцы смолами, обязательно сообщите — я тут же вступаю с ними в контакт.

Дож рассмотрел ваше прошение и предоставил вам право возвести дополнительные пристройки к палатке. Золото — хороший ходатай. Дожд получил семь фунтов и, если понадобится, получит еще.

Дайте ответ как можно скорее, а лучше — перебирайтесь сюда. Что вам во Флоренции, если Савонарола поднялся так высоко?

Засим остаюсь вашим верным слугой.

Джан-Карло Казимир ди Алерико Чиркандо.
Венеция, праздник Петра и Павла,
18 января 1494 года».

ГЛАВА 7

 Пьеро, возвратившийся с загородной прогулки по окрестным холмам, вошел в родовое палатко. Его загорелое лицо улыбалось, глаза ярко блестели. Шагая через широкий холл к лестнице, он громким голосом повелевал подать наверх вина и конфет, ибо знал, что у Мас-симилио давно все готово.

— Простите, синьор!

Пьеро приостановился.

— Чего тебе, Серджио? Мне надо переодеться.

Серджио кивнул.

— Я знаю, но вас ждет врач. С утра ждет и не уходит.
— Зачем он тут?

Хорошего настроения как не бывало, но Пьеро старался быть сдержанным. Любого просителя следует выслушать — так делал отец.

— Не знаю, синьор. Он сказал лишь, что дело весьма важное.

Серджио отступил в сторону, открывая дорогу к рабочему кабинету Лоренцо, куда Пьеро заходить не любил.

— Ну хорошо.— Пьеро глубоко вздохнул.— Ты говоришь, он тут?

— Да, хозяин. Его направили из Синьории.— Слуга позволил себе улыбнуться.— Если вы помните, он уже испрашивал вашей аудиенции — дней десять назад.

— Ах вот оно что,— усмехнулся Пьеро.— Есть люди, которые в каждой капле дождя видят заразу. Похоже, наш гость из таких.

Серджио забежал вперед, чтобы открыть дверь кабинета, после чего приосанился и объявил:

— Пьеро ди Лоренцо де Медичи.

Худощавый, опрятно одетый человек средних лет живо поднялся с кресла.

— Доброго дня вам, Медичи,— учтиво сказал он.— Меня зовут Эннио Эрманарико. Я имел счастье встречаться с вашим отцом.

— Похоже, отец мой успел познакомиться со всеми на свете,— уронил Пьеро, направляясь к письменному столу.— Кажется, у вас ко мне какое-то дело? И такое, что даже Синьория не способна самостоятельно в нем разобраться? — Он сел на край стола, небрежно покачивая ногой, его сапоги были забрызганы грязью.

— Синьор Медичи, позвольте мне быть откровенным.— Врач вскинул брови, несколько опешив от такого приема.— Вы очень молоды, а бремя власти — нелегкое бремя. Ответственность, на вас лежащая, весьма велика. Возможно, вы даже не вполне представляете, насколько она огромна.

— В самом деле? — усмехнулся Пьеро.— Мой отец взвалил на себя эту ответственность в двадцать один год. И молодость ему ничуть не мешала. То же происходит со мной. И это в духе Медичи. Мы учимся властвовать, пока мы горячи и сильны, мы не ждем, когда наши руки затрясутся от старческой слабости.— Он ослепительно улыбнулся, его светлые волосы ярко сверкали, подобно нимбам ангелов Боттичелли.

— Ну хорошо,— Эрманарико нахмурился.— В таком случае вы, конечно, прочли мою докладную записку.

Улыбка Пьеро чуть потускнела.

— Да... я ее просмотрел, но детали нуждаются в уточнении. Возможно, вы вкратце напомните, о чем там идет речь... пока не пришел мой повар.

Эрманарико заколебался, на лице его отразилось сомнение.

— Я попытаюсь, синьор. Правда, на это уйдет какое-то время.

— У вас оно есть,— кивнул Пьеро, внутренне покривившись.— Начинайте, любезный. Уверен, что вы поразите меня.

Врач пожевал губами.

— В прошлом году во Флоренции три человека умерли от чумы. А в кварталах за воротами Сан-Фредиано таких случаев было гораздо больше. Семнадцать душ отправились в царство Божие. Это внушает тревогу.

— Кто там живет? — спросил Пьеро, придавая лицу заинтересованное выражение.

— По большей части бедняки — чесальщики шерсти. Мы склонны думать, что зараза разносится паразитами, живущими на животных. По крайней мере, ученые падуанского университета утверждают, что это именно так.

Пьеро засмеялся.

— Похоже, нашим медикам нечем заняться, раз они взялись за блох!

Врач пропустил насмешку мимо ушей.

— Медики заняты тем, что спасают людей, и полагают, что блохи опасны,— сухо парировал он.— Нас очень пугает ближайшее лето. Чума любит жару, и, если мы будем сидеть сложа руки, может случиться беда.

— А при чем же тут я? — спросил Пьеро, усаживаясь поудобнее.— Вы пришли ко мне именно с этим?

— Мне больше не к кому обратиться,— мягко ответил врач.— В минуты опасности Флоренция всегда прибегала к Медичи. И всегда получала помощь. Вот почему я здесь.

— Какой опасности? — изумился Пьеро.— Объясните мне толком! Вы говорите, что летом может вспыхнуть чума.— Он умолк и глубокомысленно покачал головой.— Но этого заявления мало! Какая чума? Черная? С язвами, с сыпью? Или какая-нибудь иная? А возможно, и вовсе ветрянка?

Сообразив что его поддразнивают, Эннио Эрманарико нахмурился и мрачно пояснил:

— Эта чума чаще встречается у свиней, но людей она тоже косит. Несчастные начинают гнить изнутри.

Пьеро потянулся и соскочил со стола.

— Я почему-то не очень напуган. Но все же скажите, чего вы ожидали бы от меня.

Эрманарико понял, что тратит время впустую.

— Следует снести все старые здания,— урюмо сказал он,— где бедняки живут в тесноте и грязи, и взамен их построить новые. Просторные и с белеными стенами. Кроме того, надо взять на заметку людей, работающих с шерстью. Их всех раз в неделю должен осматривать врач.

Пьеро обомлел.

— Прекрасно! И вы полагаете, что я все это оплачу? — Он перевел дух и продолжил: — Или вы предлагаете мастерам поработать бесплатно? А скажите, ваши коллеги, они что — согласятся проводить даровые осмотры?

Врач одернул свой темный, строгий камзол.

— Полагаю, что да.

В комнате воцарилась мертвая тишина. Шум, доносящийся со двора, тоже затих. Пьеро раздраженно поморщился и перешел в наступление.

— Довольно, любезный медик. Я вас послушал, теперь выслушайте меня вы! Вы знаете, что сейчас происходит в Неаполе? Вы можете мне сказать, чем отзовется смерть Фердинанда?* Сфорца зазывает французов в Италию! Вы слышали о том? Король Англии наложил арест на наш лондонский банк. Он присвоил все наше золото — восемь тысяч полновесных флоринов, и мы не можем вернуть ни монеты. Каково это? Попытайтесь вообразить! Сиена с Генуей зарятся на Ливорно. Значит ли это хоть что-то для вас? И вы рассчитываете, что я стану волноваться из-за какой-то там шерсти? — В припадке праведного волнения он пошатнулся и ухватился за стол.— Приходите ко мне в июне, любезный Эрманарико. Но только в том случае, если кто-нибудь умрет от чумы. Тогда, возможно, мы с вами поладим и снесем пол-Флоренции, а также вычистим остальные дома.

Лицо Эрманарико замкнулось, достоинство его было задето, но чувство долга одержало верх над обидой.

— Будет слишком поздно. Флорентийцы начнут умирать. Единственный способ остановить чуму — это не допустить ее в город.

— Ступайте к священникам, пусть помолятся об избавлении от заразы. Пусть просят заступничества у Девы Марии или у Козимо с Дамианом.

— Значит, вы не хотите помочь? — медленно произнес врач.— Тогда укажите, кто на это способен. И оставайтесь при своих балах и охоте. Я вижу, они вам более по душе.

Пьеро дернулся как ужаленный. Лицо его пошло крупными пятнами.

* Имеется в виду неаполитанский король Фердинанд I, умерший в январе 1494 года.

— Ваш тон говорит мне о многом! Продолжайте в том же духе, любезный, но не удивляйтесь, если вас никто не услышит.— Он зашагал к выходу, но остановился.— Что до меня, то я более не желаю вас знать. Ступайте к олухам, заседающим в Синьории,— возможно, они посочувствуют вам. Но сюда являться не смейте, или вас посадят в тюрьму.— Пьеро хлопнул в ладоши и раздраженно устался на подбежавшего к нему Серджио.— Ты слышал наш разговор?

Серджио потупил глаза.

— Я спрашиваю: ты слышал наш разговор?

Слуга стиснул зубы.

— Всего несколько слов, синьор. Всего несколько слов.

— Значит, все-таки слышал? — сказал Пьеро, хмурясь.— Тогда изволь прикусить свой болталивый язык. Иначе в два счета окажешься за воротами — и с такими характеристиками, что никто не посмеет тебя подобрать. Конец света наступит для тебя много раньше, чем его предрекают пустословы-доминиканцы.— Хлопнув дверью, Пьеро вышел во двор.

Какое-то время Эннио Эрманарико оставался недвижим, затем потянулся к лежащему на кресле плащу.

— Вы слышали? — обратился он к Серджио.

— Да,— признался дворецкий,— мне жаль. Вам грозят неприятности.

Врач покачал головой.

— Это пустое. Жалеть надо тех, кто будущим летом умрет.— Он сжал кулаки и опустил голову.

Серджио сочувственно глядел на него.

— Послушайте, мэтр, не мое это дело, но, может быть, кузина Великолепного сумеет вам что-нибудь подсказать.

— Вы говорите о Деметриче Воландри? Разве она не покинула город?

— Нет, она во Флоренции. Ей дал приют один чужеземец. Алхимик. Вы, возможно, слышали о нем.

— Ракоцци Сан-Джермано?

— Да.

Эрманарико разжал кулаки. Об этом человеке ходили разные слухи. Как плохие, так и хорошие. Но слухам доверяться нельзя.

— А что это мне даст?

— Донна Деметриче добра и отзывчива. Она хорошо знает приближенных моего нынешнего хозяина и может найти к ним подход. Кроме того, ее новый патрон так богат...

Серджио смущенно умолк.

— А почему бы и нет? — Врач глубоко вздохнул.— Утопающий хватается за соломинку. Серджио, у вас доброе сердце. Благодарю за совет и сочувствие. Вы благороднее своего господина.

Лицо дворецкого опечалилось.

— Пьеро совсем не похож на отца.— Он широко распахнул дверь, выводящую в холл.

— Да, к сожалению.— Эрманарико взял со стола пергамент, аккуратно свернул его в трубочку и перевязал лентой.— Я обязательно навещу донну Воландри. Правда, не знаю, как отнесется к моему посещению граф...

Серджио редко покидал стены дворца, и потому не сразу сообразил, о каком графе идет речь.

— Вы говорите о Сан-Джермано?

Получив в ответ утвердительный кивок, дворецкий осторожно сказал:

— Синьор Ракоцци — чужеземец. Но я знаю одно: он был другом Лоренцо.

Врач вновь кивнул.

— Посмотрим. Я не верю в успех, но, если из этого все-таки что-то получится, вас восславит каждая спасенная от смерти душа.

Он прошел мимо дворецкого в холл и, не прощаясь, покинул палаццо Медичи.

Письмо Фебо Джанарио Анастасио ди Бенедетто Воландри к Марсилио Фичино, написанное на классическом греческом языке.

«Фебо ди Бенедетто Воландри посылает свои приветствия из поместья ландграфа Альбриха Гроссехоффа своему уважаемому учителю Марсилио Фичино.

Как вы, должно быть, уже заметили, мэтр, я еще не в Париже, но с большим удовольствием сообщаю, что в конце августа отправлюсь туда. Сорбонна* меня ждет, как, впрочем, и Оксфорд.** Я получил из Англии весточку: они готовы устроить мое будущее, когда учеба во Франции будет завершена.

Не могу высказать, как я этому рад. Мне, конечно, нравится обучать детишек ландграфа, но общество людей образованных привлекает меня много сильнее. Я молод, я одарен, я полон сил и стремлений — и вот мне вновь улыбнулась удача. Я бесконечно счастлив, в чем со стыдом и смущением признаюсь.

Нельзя не упомянуть, что все это счастье стало возможным лишь благодаря моей сестре Деметриче. Именно она снабдила меня деньгами и обеспечила рекомендациями, полученными от Франческо Ракоци, ее нынешнего покровителя. Сестра утверждает, что он для нее всего лишь наставник, однако я в том сомневаюсь и весьма беспокоюсь о ней. Я знаю, что Ракоци был другом Лоренцо, но тот уже два года как умер. Люди меняются, и зачастую не в лучшую сторону. Кто поручится, что новоявленный граф, наигравшись, не выставит Деметриче за дверь?

О том, что он уже граф, мне поведал Полициано, но так это или не так, проверить нельзя. Хорошо, если Ракоци действительно знатен, да ведь много и самозванцев, а в этом случае Деметриче ждут одиночество и позор.

* Сорбонна — парижский университет, основанный в 1253 году.

** Оксфорд — английский университет, основанный 1163 году.

Прошу вас, уважаемый мэтр, рассейте мои сомнения. Если да Сан-Джермано и впрямь обращается с моей сестрой как подобает знатному дворянину, я успокоюсь и приму ее дар. Если же Деметриче ради меня идет на какие-то жертвы, я верну эти деньги и сделаю все, что в моих силах, чтобы дать ей достойную жизнь.

Сестра моя умна, проникательна и тяготеет к наукам. Качество редкое в женщине, но такой уж она родилась. Вы не поверите, но в детстве учение давалось ей гораздо легче, чем мне.

Я считаю, что ей следует найти себе мужа и стать матерью, однако она к тому совсем не стремится. Если бы служение науке требовало отказа от мирских удовольствий, она, не колеблясь, отказалась бы от них. Эту истовость замечал и ценил в ней Лоренцо, а он никогда не расточал попусту свои похвалы.

Кстати, каково ваше мнение об открытых испанцами землях? Возможно ли допустить, что за океаном лежит еще один материк? Я не знаю, верить тому или не верить. Испанцы любыми способами утверждают себя и вполне могут выдать за новый континент какой-нибудь островок.

Пишите же мне — сюда или в Париж. Я буду с нетерпением ждать ваших писем. Я жажду до новостей, но они обходят меня. Только весточки от Деметриче прилетают регулярно. Писал мне когда-то и Люцио Фасьябьянко, однако он принял монашество и замолчал.

Я всегда с благодарностью вспоминаю вас, мэтр, и уверяю, что ваши уроки мною не забыты. Я докажу это, когда приеду в Париж.

Преданный вам

Фебо Воландри.

Предместье Вены,

день святого великомученика Бенедетто,

21 марта 1494 года».

Сестра Мерседе завела «Отче наш», когда в дальней части собора слышались крики. Монахини-селестинки переглянулись, но молитвы не прекратили. Крики усиливались, отражаясь от стен храма, и сестра Сигнале поспешила на шум.

— Святости нет! Нет!

Это кричала донна Эстасия. Она резко метнулась в сторону, когда монахиня попыталась ее схватить.

— Святости нет! Нет! Ничто в этом мире не свято! Мне никогда не будет прощения!

Селестинка едва увернулась от ногтей, устремившихся к ее лицу, и мятко произнесла:

— Ну-ну, милая, успокойтесь. Возьмите себя в руки и пойдемте со мной.

— Ей становится все хуже,— заметила подошедшая аббатиса.

— Да,— кивнула сестра Сигнале и вновь обратилась к Эстасии: — Не убивайтесь так, дорогая. Обратитесь мыслями к Господу. Он все простит и поймет.

Эстасия, казалось, ее не слышала. Она рухнула на колени, продолжая громко вопить:

— Дьявол соблазняет меня! Полюбуйтесь, что он творит!

Донна опрокинулась на спину, юбка ее задралась.

— Ох,— вздохнула сестра Сигнале, поворачиваясь к аббатисе,— боюсь, это надолго. Она вновь станет изображать, что ее насиляют тысячи демонов. Я устала. Моему терпению приходит конец.

— Вы должны относиться к этому как к испытанию,— ровным тоном произнесла сестра Мерседе.— Я знаю, что вам приходится нелегко. И все же огонь веры не должен в нас гаснуть из-за того, что кто-то не может прозреть ее свет.— Она вернулась к сестрам, творящим молитву. Нестройное пение сделалось громче.

Эстасия вздрогнула.

— Замолчите, глупые курицы!

Монахини лишь поежились, но не умолкли. Вдова засучила ногами, срывая с себя одежду.

— Донна Эстасия,— голос сестры Сигнале дрожал от скрытого возмущения,— опомнитесь. Женщине не подобает вести себя так. Просите Господа дать вам силы одолеть терзающий вас недуг.

Эстасия сжалась в комок, ощерившись и отбиваясь руками, вооруженными острыми как бритвы ногтями; в глазах ее вспыхнула ненависть.

— Не прикасайтесь ко мне! Дайте дорогу демонам! Они тут, они рядом! Они ласкают меня! О, как жгучи их ласки! Как горяча их плоть! — Донна бесстыдно выгнулась и раздвинула ноги.— Ни одной из вас и не снилось такое блаженство! — Ее дыхание стало прерывистым.— Глубже, милые, глубже! Ваше семя кипит в моем лоне! Ваши движения сладостны, я вся горю!

Тело Эстасии вдруг напряглось и задергалось в частых конвульсиях, потом внезапно обмякло, покрывшись испариной. Донна раз-другой вскинула руки и затихла.

Сестра Сигнале неприязненно наблюдала за ней. Припадок кончился на удивление быстро, обычно подобные приступы длились час или два. Впрочем, финал был достаточно бурным, и это позволяло надеяться, что Эстасия станет послушной и позволит себя увести.

Подбирая с пола одежду своей подопечной, селестинка заметила, что ту клонит в сон.

— Прикройтесь, синьора. Не подобает находиться в церкви в таком виде.

— Что? — Эстасия, вздрогнув, повернулась к монахине. Ее глаза странно блестели, она недоумевающе оглядела себя.— Я снова бредила? — В ее голосе послышалась боль.— Демоны вновь приходили ко мне?

— Сейчас вам уже лучше,— хмуро пробормотала сестра Сигнале, пытаясь взять ее за руку.

— О, милые сестры,— закричала Эстасия.— Почему вы терпите мои выходки? Прогоните меня! Бросьте в холмах

на съедение диким зверям! Я не заслуживаю столь доброго к себе отношения. Прогоните меня, прокляните! — Она зарыдала, простирая к монахиням руки.

— Донна Эстасия, — сказала сестра Сигнале, испугавшись, что истерика возобновится, — вы ведь взрослая и разумная женщина. Постарайтесь следить за собой. — Она обняла донну за плечи, и та вцепилась в ее одеяние, задыхаясь от слез.

— Я недостойна ваших забот! Нет, не достойна! — тихо причитала вдова.

Горло сестры Сигнале сдавило от жалости.

— Ну-ну, синьора, давайте уйдем. Нам незачем долее здесь оставаться. Вам следует успокоиться и отдохнуть. Вы ели сегодня?

Эстасия мотнула растрепанной головой.

— Я не могу есть. Я думаю лишь о своих прегрешениях... когда в состоянии думать. Я много грешила. — Она внезапно умолкла и бросила на монахиню хитрый взгляд. — Вы, часом, мне не завидуете, сестра?

— Нет, — твердо ответила монахиня. — Я не завидую никому.

— Но вы ведь женщина, и молоденькая, а соблазн так велик, — настаивала Эстасия. — У меня было много мужчин: и пожилых, и совсем юных. Первые были богаты, вторые — красивые, и все они боготворили меня. Они пьянели от моего тела, от его запаха, они проводили со мной долгие ночи и уходили, насытившись, и приходили опять. Неужели вы, лежа в своей келье, никогда не мечтали о страстном любовнике? Я просто не могу в это поверить, сестра.

Лицо сестринки порозовело.

— Единственная любовь, которую я лелею в себе, донна Эстасия, — сухо произнесла она, открывая дверь в коридор, — это любовь к Господу нашему Иисусу Христу. Это не плотская страсть, а душевное устремление. Страсть исчезает после кратких объятий, это же чувство горит нега-

симым огнем. Синьора, вам следует думать о покаянии. Греховные мысли сбивают вас с истинного пути.

Эстасия рассмеялась.

— Бедняжка! В чем же мне каяться, если даже демоны вожделеют меня? — Подбежав к своей келье, она остановилась и выпалила: — Возможно, плотская страсть и грех в глазах Господа, но в аду она — добродетель!

Сестра Сигнале, нахмурившись, преградила ей путь.

— Ох, донна Эстасия, ну что вы творите? Подумайте, на что обрекают вас ваши слова? Господь милосерден, но и его терпение не бесконечно! Вы говорите, что демоны вас вожделеют! Что, теща свою похоть, они дарят вам наслаждение! Но задумайтесь: долго ли это продлится? Миг наслаждения краток, ад поразит вас своей ужасающей пустотой! Поймите, донна, там нет ни желаний, ни страсти. Тот, кто возьмет вас для удовольствия, ничего не даст вам взамен. Ничто не сравнится с этой опустошенностью. Подумайте! На что вы надеетесь? К чему устремляетесь, ступая на путь в никуда? Покайтесь! Верните себя в лоно Церкви, позвольте душе вашей припасть к живому источнику истинной веры! — Она толкнула дверь и вошла в келью. Ошеломленная Эстасия последовала за ней. — Вы хотели знать, помышляла ли я о любовниках? Но ответьте тогда, какие любовники могут наполнить душу мою тем тихим восторгом, который даруется мне любовью к Христу? Какое плотское удовольствие может сравниться с этим непреходящим блаженством?

Сестра Сигнале вдруг смолкла и отвернулась.

— Простите, синьора. Я не хотела отчитывать вас. Я просто забылась.

Эстасия затрясла головой.

— Нет-нет, дорогая сестра! Продолжайте. Вам давно следовало мне все это сказать. Тогда, быть может, я не вела бы себя... так... — Она умолкла, подыскивая слова. — Так глупо... так безрассудно...

Эстасия порывисто шагнула к монахине и взяла ее за руки.

— Но... скажите, вы и вправду испытываете этот восторг? Неужели любовь к Христу столь прекрасна? — Она нетерпеливо переступила с ноги на ногу, словно большой капризный ребенок.

— О, милая донна!

Глаза монахини заблестели, она обняла Эстасию и пригнула к себе.

— В мире нет ничего прекраснее этого чувства. Никакие утехи и удовольствия не идут в сравнение с ним. Любовники, деньги, достаток, успех — все суетно, все тщетно, никчемно! Вся слава мира — в Христе! В его сиянии! В его силе и сути! У меня не хватает слов, чтобы выразить, какой сладостный трепет наполняет мое сердце при одной только мысли о нем!

Вслушиваясь в слова селестинки, Эстасия рассеянно оглядывала свою келью. Ее убранство всегда казалось ей уродливым и убогим. Беленые стены, низкий сводчатый потолок, каменный — в трещинах — пол. Узкая койка, на ней одеяло и жесткий, набитый соломой матрас, рядом — сундук, служащий одновременно и стулом, и подставкой для свечки.

В этот момент солнечный луч коснулся распятия, висевшего на стене. Темная деревянная фигурка Спасителя вдруг засияла, и унылое помещение волшебным образом преобразилось. Изумленная Эстасия отпрянула от монахини и, отбрав у нее свое платье, торопливо оделась. Потом, двигаясь словно во сне, она легла на кровать.

— Донна Эстасия? — неуверенно окликнула ее селестинка.

— Все хорошо, сестра, — пробормотала вдова.

— Вам все-таки надо поесть.

Эстасия улыбнулась.

— Хлеб питает плоть, разве не так? — спросила она, закрывая глаза. И уже погружаясь в дрему, добавила: — А что, как не плоть, вводит нас в искушение?

В церкви дочитывали последние молитвы. Сестра Сигнале присоединилась к монахиням, машинально повторяя давно затверженные слова, но помыслы ее были обращены к подопечной.

— Как она там, сестра? — спросила ее аббатиса, когда молебен закончился.

— Не знаю, — честно ответила селестинка. — Она вроде бы успокоилась, и это хороший знак, но я все же тревожусь.

— Как вы думаете, рассудок ее ясен?

— Похоже, да, — сестра Сигнале нахмурилась.

— Но вы все же чем-то обеспокоены. Скажите мне чем?

Аббатиса редко проявляла в расспросах дотошность, и монахиня терялась в догадках, чем вызван ее интерес.

— Ей хорошо бы покаяться. Возможно, тогда припадочки бы прекратились. Демоны являются к ней не сами.

Селестинка замолчала.

— Продолжайте, — кивнула сестра Мерседе. — Если выводы ваши ошибочны, Господь вас поправит, но если вы на верном пути, ваши слова многому могут помочь.

— Как вам будет угодно, сестра Мерседе, — сказала юная монахиня, ощущая сухость во рту. — У донны Эстасии было много любовников после того, как она стала вдовой, и они разожгли ее похоть. Она далека от раскаяния, ибо мечтает лишь об одном, во всем потакая своей буйной фантазии. Ей трудно забыть прошлое и изменить свою жизнь. — Сестра Сигнале вздернула подбородок и посмотрела аббатисе в глаза. — Я думаю, демонов она вызывает сама. То, что с ней происходит, скорее не болезнь, а распушенность.

Сестра Мерседе задумчиво покивала.

— Что ж. Мне доводилось встречать таких женщин. Обычно они немолоды и некрасивы. Но бывают и исключения. — Настоятельница вздохнула и устремила в лицо собеседницы пристальный взгляд. — Ее кузен Сандро Филиппи хочет завтра встретиться с ней. Что вы думаете об этом?

— Пусть повидаются.
— Но он собирается забрать кузину домой. Можем ли мы поощрить это решение?

Сестре Сигнале понадобилось время, чтобы ответить.

— Нет, я думаю, до тех пор пока она не покаялась, ей лучше остаться у нас.

Аббатиса пожевала губами.

— Я полагаю, вы правы, сестра, и молю Господа помочь мне убедить в этом синьора художника. Конечно, тем самым мы добавляем себе немало хлопот, но совесть наша будет чиста. Кто знает, что может случиться с бедняжкой без нашего в ней участия?

Сестра Сигнале молча кивнула и молитвенно соединила руки. Она продолжала молиться, когда настоятельница ушла.

Текст двух писем одинакового содержания, написанных в одном случае левой, а в другом — правой рукой графа Франческо Ракоци да Сан-Джермано и направленных им чиновнику Синьории Градаццо Онданте и капитану ландскнехтов Ипполито Андреа Чинквекампи.

«Уважаемому чиновнику Синьории Градаццо Онданте (капитану ландскнехтов Ипполито Андреа Чинквекампи) граф Франческо Ракоци да Сан-Джермано посылает поклон, надеясь, что дело, изложенное ниже, будет рассмотрено без проволочек и в законном порядке.

Довожу до вашего сведения, что вчера я присутствовал на приеме, устроенном Синьорией в честь праздника апостола Джирокоппо. Уходя из дому, я отпустил на празднество всю прислугу, оставив в своем палаццо лишь дворецкого Руджиеро, человека честного и трудолюбивого, но достаточно пожилого и недостаточно креп-

кого, чтобы считать, что жилье остается под надежной охраной.

Впрочем, в этот особенный для Флоренции день, когда помыслы всех христиан устремляются к благочестию, у меня не возникло никаких опасений на этот счет. И, как выяснилось, напрасно. Вскоре после моего ухода в палаццо вломились неизвестные люди и, угрожая дворецкому шпагами, связали его, после чего беспрепятственно принялись рыться в моих вещах. Очевидно, они искали драгоценности или деньги, поскольку в основном пострадала лишь та комната, где я держу кое-какие инструменты для опытов и производжу расчеты с наемными работниками и поставщиками. Грабители устроили там настоящий разгром, поломали приборы и забрали с собой три чаши от пружинных весов с каким-то количеством находящихся в них золотых.

Не стану перечислять мелочи, но к крупным пропажам хочу отнести исчезновение двух рукописных книг в кожаных переплетах, одна из которых очень важна для меня. Ее ценность во много раз превышает ценность украденных злоумышленниками монет.

В связи со всем сказанным прошу вас направить в палаццо да Сан-Джермано кого-то из ваших помощников или прибыть лично для оценки причиненного мне ущерба.

Позвольте напомнить, что мои гости и слуги уже страдали от рук неизвестных молодчиков. Магистр Бранко все еще не оправился от нанесенных ему ран. Весьма сожалею, но я вынужден во второй раз задаться вопросом: будут ли законы республики в отношении меня соблюдаться или мне следует прибегнуть к иным средствам, чтобы себя защитить?

В ожидании ваших решительных действий остаюсь вашим покорным слугой,

*Франческо Ракоци да Сан-Джермано.
Флоренция, 2 мая 1494 года».*

 День был жарким и душным. Флоренция утопала в запахах спелой сливы и той особенной гнили, которая поражает старые здания, стоящие у воды. Тяжелые низкие облака медленно тащились по небу, с дальних холмов изредка доносились ленивые громовые раскаты.

На пыльных улицах было пустынно, по реке плыл одинокий паром. Многие горожане собрались в четырех главных флорентийских соборах, там шли службы о ниспослании городу и окрете дождя. Массивные двери дворца Синьории были закрыты: приор, консул и его приближенные слушали Джироламо Савонаролу. Базарная площадь походила на раскаленную сковородку, правда двое-трое торговцев еще торчали возле прилавков, отгоняя от скукоженных овощей и несвежего мяса полчища мух. В цехах суконщиков остановились станки, и только шелкопрядильная фабрика продолжала работать. Упрямец Бово Фругатти, игнорируя распоряжение маленького аббата, не позволил никому из своих ткачей прервать монотонный труд.

Ракоци, вышедший во внутренний двор палатцо, сменил свой повседневный персидский кафтан на арабский бурнус. Это непривычное для флорентийцев свободное одеяние драпировало все его тело поверх шелковой белой рубашки и обычных холщовых штанов. К широкому поясу, скрытому под египетской тканью, была приторочена дорожная сумка, наполовину забитая медикаментами и снабженная, на применение каковых новопринятые законы наложили строжайший запрет. Ноги алхимика облегали высокие, закрывающие лодыжки венгерские башмаки.

— Позвольте мне помочь вам, Сан-Джермано, — попросила Деметриче. Она стояла в тени галереи, и Ракоци не сразу заметил ее.

— Пожалуйста, дорогая, но только не покидая стен этого дома.

Он хотел двинуться дальше, но ему заступили дорогу.

— Почему я должна бояться того, чего не боитесь вы? Ракоци досадливо дернул бровями.

— Потому что вы можете заразиться и умереть. Чума может убить вас, меня же — нет. Я уже однажды был мертв. Теперь мне не страшны никакие болезни. Сломайте мне спину — и я погибну. Проломите мне череп, сожгите меня — и я умру. Но все остальное не в состоянии причинить мне вред. Поэтому я ухожу, а вы остаетесь.

Однако ему не дали уйти.

— Но ведь риск для вас все равно существует. Или вы позабыли, что случилось с португальским магистром?

— Нет, не забыл, — мягко ответил он. — Но подумайте, если вы будете рядом, этот риск возрастет вдвойне. Друзья Лоренцо сейчас в опале, в доме Медичи царит хаос. Вас многие знают как сторонницу и подругу Лоренцо. Вы понимаете, чем вам это грозит?

Она помолчала.

— Да, понимаю. И горжусь своей близостью с ним! — Глаза молодой женщины затуманились, потом в них блеснула решимость. — Мэтр, позвольте мне объясниться. Все было бы много проще, если бы Великолепный был жив. Но он мертв, а город в опасности. Лоренцо не бросил бы флорентийцев в беде. А сын его глуп, капризен, труслив... Кому-то следует поддержать традиции дома Медичи! Я думаю, вы поймете меня.

Ракоци мог легко отстранить ее и уйти, но он задержался.

— Если я правильно понял, вы хотите исполнить свой долг?

Она кивнула в ответ, ее янтарные глаза были серьезны.

— Именно долг.

— А вы уверены, что не существует других способов почтить память Великолепного? На вас ведь лежит работа с его книгами. — Говоря это, он понимал, что все уже решено, но попытался прибегнуть к последнему доводу: — Лоренцо на моем месте никуда бы вас не пустил.

— Лоренцо не допустил бы в город заразу.

— Да, это правда.— Ракоци покачал головой.— Вы понимаете, на что идете? Вы знаете, как протекает эта болезнь? — Он глубоко вздохнул.— Я встречался с ней не однажды. В Риме, в Египте, на родине... Выживают лишь единицы. Остальных ждет ужасная смерть. Отвар из мака снимает боль, но на очень короткое время. В некоторых случаях помогают припарки. Исцелить больного практически невозможно. Можно лишь попытаться облегчить его страдания и попробовать уберечь тех, кто ухаживает за ним.

Деметриче посмотрела на Ракоци.

— Дайте мне пару минут — и я буду готова.

Он понял, что пора выкидывать белый флаг.

— Ну хорошо, дорогая. Ступайте, я вас подожду. Оденьтесь во что-нибудь, что можно будет потом сжечь, чтобы не занести в дом заразу.

— Как прикажете, мэтр. Не беспокойтесь, я буду очень послушной.

Деметриче сморщила носик, словно хотела сказать что-то еще, затем махнула рукой и убежала.

Вернулась она на удивление быстро. Ракоци критически ее осмотрел. Льняная шапочка, свободная блуза, юбочка до колен, высокая обувь.

— Мы можем идти?

Вопрос прозвучал почти весело.

— Где вы взяли эти сапожки?

— Это подарок отца. Они немного изношены, но еще крепкие.— Деметриче пристегнула к поясу кошелек.— Так мы идем, Сан-Джермано?

Он знал, что отговорить ее не удастся, и только пожал плечами.

— Учтите, если там будет слишком опасно, я вас отошлю. И вы не станете спорить.

Деметриче присела, как послушная девочка.

— Хорошо.

Ракоци усмехнулся.

От церкви Сан-Марко донеслись крики и плач, проповедь там, очевидно, вошла в последнюю фазу. Лицо Ракоци окаменело.

— Что с вами?

Деметриче заметила его беспокойство.

— Я кое о чем вспомнил...

Он явно не хотел продолжать.

— О чем? — не отставала она.

— О многом,— неохотно откликнулся он и заговорил лишь тогда, когда они пересекли виа Ларга.— Я многое повидал. Я вспомнил, что сделали доминиканцы с катарами...

— С катарами? — нахмурилась Деметриче.

— С катарами, или с альбигойцами*, если хотите.

Они проходили мимо палаццо Медичи, и Ракоци попытался уйти от неприятного разговора:

— Пьеро так и не решился снести бедняцкие хижины. Он очень скоро пожалеет о том.

— Я слышала об альбигойцах,— перебила его Деметриче.— Они были еретиками?

— Нет,— отозвался Ракоци.— Так считали доминиканцы. Но сами катары так не считали.— Он покачал головой.— Сейчас не время обсуждать этот вопрос.

— Но позже мы сможем к нему вернуться?

Дыхание Деметриче было неровным. Она слегка запыхалась от быстрой ходьбы, над ее верхней губой проступили бусинки пота. Ракоци выглядел по-прежнему свежим и, казалось, не замечал одуряющей духоты.

— Возможно.

Они подходили к виа делли Архангели. Узкая улочка со скученными домишками напоминала змеиный зев. К ужающему зловонию, исходившему от сточных вод и отбро-

* Катары (альбигойцы) — приверженцы христианского вероучения, зародившегося в XI веке на юге Франции, в местечке Альби, и отвергавшего многие католические догматы. Катары, объявленные Католической церковью еретиками, на протяжении долгого времени подвергались беспощадным преследованиям, и, несмотря на активное сопротивление, в XIII веке был завершен их полный разгром.

сов, примешивался какой-то особенный запах. Неприятный и стойкий, он делался все сильнее. Запах болезни, подумала Деметриче и побледнела.

— В помещениях будет хуже,— предупредил Ракоци.— Там придется всем этим дышать. Еще не поздно отказаться. Я провожу вас домой.

Она прикусила губу.

— Нет, я останусь. Я справлюсь.

— Что ж, как вам будет угодно.

Он подошел к третьему от угла дому, двери которого перечеркивала черная полоса. Из неплотно прикрытых окон неслись звуки рыданий. Ракоци постучал раз-другой по растрескавшемуся от жары и ветхости дереву, потом крикнул:

— Куорембрилло, откройте.

В доме никто не отозвался, и Ракоци крикнул еще раз. Рыдания прекратились, к двери кто-то пошел. Наружу выглянул тридцатилетний мужчина, которому, впрочем, можно было дать и все пятьдесят. Грязные волосы его свисали сосульками, в них пробивалась ранняя седина. Он молча взглянул на посетителей красными заплаканными глазами и посторонился, пропуская их в дом.

— Я пришел посмотреть, как ваши дела, Сесто,— наигранно бодро произнес Ракоци, входя в полутемное помещение.— Донна Деметриче была столь добра, что звалась меня сопровождать.

Куорембрилло покосился на гостью.

— Я знаю вас, донна. Ваш приход был бы большой радостью еще неделю назад. Но вы опоздали. Анна-Мария умерла этим утром, а Лукреция вот-вот отойдет.

Он вытер лицо грязным фартуком.

— Мне даже некуда вас усадить.

— Что с вашей женой, Сесто? Как ваши дети? — мягко спросил Ракоци, но в его голосе слышались нетерпеливые нотки.

— Феве нехорошо, но она все еще держится. Козимо, Джемму и Эрмо увезли в Сан-Феличе, к монахам. Они бу-

дут там, пока не минует опасность или пока мы все не умрем. Только Илирио оставили — он слишком мал. Он погибнет без матери, а кормилицу нам не нанять.

— Отправьте их в семейный приют,— посоветовала Деметриче.— И жену, и младенца. Им будет там хорошо.

Сесто усмехнулся.

— Никто не призрёт больных из чумного дома, чтобы не подвергать опасности остальных.— Голос его пресекался, он отвернулся.— И вы уходите. Не мучайте нас.

— Куорембрилло,— в воцарившейся тишине голос Ракоци прозвучал неожиданно громко,— отведите нас к вашей жене. Поверьте, мы не причиним ей вреда.

— Уходите, во имя всех ангелов! Дайте нам умереть спокойно! У нас и так много горя! — Сесто поднес руки к лицу и зарыдал.

Деметриче порывисто шагнула вперед и, не выказывая ни малейшей брезгливости, приобняла бедняка за плечи.

— Синьор Куорембрилло, зачем вы гоните нас? Разве мы звери, алчущие добычи? Нет, мы люди, пришедшие вам помочь. Чувство сострадания, внушенное человеку самим Господом, отличает его от зверей. Не сдавайтесь болезни! Мы пришли с помощью — зачем же ее отвергать? Позвольте нам осмотреть вашу супругу. Если наши попытки ничего не изменят, мы хотя бы помолимся вместе с ней.

В тесной прихожей было так душно, что, казалось, сам воздух ее источает зловоние. Сесто медленно поднял голову и убитым тоном сказал:

— Добрая донна, у нас ведь не прибрано.

— Я удивилась бы, будь по-иному. Вы больны и измучены. Разве Господь отворачивался от прокаженных? — Деметриче возвысила голос.— Разве он трепетал, возлагая на их изъязвы персты?

Сесто посмотрел на нее как на умалишенную, но ничего не сказал и пошел по узкому коридору. По пути он молча указывал на подгнившие доски в полу, беспокоясь о том, чтобы гости не оступились.

Ракоци, следуя за бедняком, наливался холодным бешенством.

— Вы только взгляните! — шепот его был отрывист и глух. — Полы провалены, стены в дырах. Эти хижины скоро рухнут! Боже, какой позор! Лоренцо хотел снести эти лачуги и построить для их обитателей другие жилища. Но Пьеро совершенно нет дела до замыслов отца...

Сесто остановился и отвел в сторону рваный полог, закрывавший дверной проем.

— Феве, жена, — сказал он срывающимся от волнения голосом, — чужеземец пришел снова. С ним синьора, ты ее знаешь, она приезжала к нам с Великолепным. Мы вместе ловили рыбу и пили вино.

Феве лежала на старой деревянной кровати, укутанная в грязные одеяла. Ее глаза блестели от жара, волосы, разбросанные по подушке, спутались и сбились в комья. Она, похоже, не слышала ничего.

Деметриче замерла на пороге, охваченная цемящей жалостью, но стараясь ничем не выдать ее.

Едва шевеля сухими, покрытыми волдырями губами, женщина с трудом выговорила:

— Добрая донна... Вы не должны... на это смотреть... Мне уже ничем не помочь. Я умираю.

Ракоци внутренне согласился со словами больной, но ему не хотелось расстраивать Сесто. Он принял озабоченный вид и достал из своей сумки маленький пузырек.

Деметриче уже стояла возле кровати.

— Вы не должны отчаиваться, синьора, — спокойно сказала она и повернулась к Сесто. — Я думаю, нам понадобится вода.

— Только не местная, — бросил Ракоци. — Наберите где-нибудь чистой воды. Хотя бы в ключе Санта-Кроче.

Глаза бедняка удивленно расширились.

— Дорога туда займет уйму времени. Чем плохи наши запасы, синьор?

Ракоци выпрямился.

— Куорребрилло, по городу ходит чума, в стены вашего дома проникла зараза. Она содержится и в вашей воде. Ее уже нельзя пить — ни вам, ни кому-то другому. Ступайте к стражникам, они дадут вам осла. Путь недалек, но вы привезете чистую воду — для себя и для ваших соседей.

— Но ведь сегодня делать что-либо грех. Савонарола велел всем молиться. О дожде и об избавлении от чумы. Ослушников строго накажут.

Ракоци мысленно усмехнулся. Похоже, беднягу больше пугали доминиканцы, чем пожирающая его семейство чума.

— Подумайте сами, — сказал он рассудительно, — может ли помощь нуждающимся считаться грехом? Разве накормить голодных и напоить жаждущих не первейший долг каждого благочестивого человека?

Сесто скорчил гримасу. Он кивнул, но, подняв палец, предупредил:

— Если охранники прогонят меня, вы пойдете к ним сами.

Когда Сесто ушел, Ракоци встряхнул пузырек.

— Вот, Деметриче. Дайте ей это. Сначала лишь увлажните губы, затем влейте в рот несколько капель.

— Что это? — Деметриче откупорила склянку и, смочив свои пальцы в прозрачной жидкости, коснулась ими воспаленных губ Феве.

Женщина застонала.

— Мне больно... Оставьте меня...

— Мажьте, — приказал Ракоци, зажигая огарки свечей в подсвечнике, стоявшем возле кровати. Фитильки их весело вспыхнули, и в комнате стало светлей.

Деметриче повиновалась, стараясь не обращать внимания на сопротивление и стоны больной.

— А теперь не спешите.

Светлая жидкость капля за каплей вливалась в горло Феве. Бедная женщина кашляла и задыхалась.

— Что это? — переспросила Деметриче, не сводя глаз с несчастной. — Что с ней происходит?

Ракоци покачал головой.

— Сразу не объяснишь. Идут процессы, уничтожающие заразу. Если болезнь не зашла глубоко, эликсир ее остановит. Это медленная работа.

Деметриче быстро спросила:

— А это могло бы помочь Лоренцо?

— Нет.

Лицо Сан-Джермано замкнулось. Вопрос был бестактен, и она это поняла.

— Но вы ведь давали ему что-то?

Деметриче умолкла, поскольку Феве снова закашлялась. Она посмотрела на Ракоци, тот взглядом сказал ей, что прямой опасности нет. Затем, очень спокойно, он произнес:

— Я дал ему два пузырька: в первом было средство, утоляющее боль, в другом — один состав... он действовал какое-то время. Большого я сделать не мог. Больную кровь нельзя излечить, дорогая. А это снадобье, — добавил он, наклонившись к больной, — позволяет надеяться на исцеление. Но полной уверенности не дает и оно.

— Простите меня, Сан-Джермано, — торопливо произнесла Деметриче; лицо ее выражало сильное замешательство, — я не должна была расспрашивать вас. Но я очень мучилась, видя как он умирает.

Ракоци молча копался в своей сумке.

— Теперь надо выждать, прежде чем снова дать ей лекарство. Если кожа ее примет естественный цвет, она поправится. Если же...

Он посмотрел на Феве. Взгляд его сделался отстраненным.

Деметриче вздрогнула. Сидящий рядом с ней глубоко опечаленный человек мало напоминал того Ракоци, какого она знала. Через мгновение свечи мигнули, и все стало обычным. Охваченная стыдом и раскаянием, Деметриче произнесла:

— Вы были сейчас далеко и думали о другом.

— Да, но о чем, вы не можете себе и представить.

Вспышка молнии озарила окно. Отдаленный раскат грома слился с грохотом закатываемого в лачугу бочонка.

— Я принес воду, — объявил Сесто, входя в комнату. Его лицо было усталым и потным.

— Прекрасно, — сказал Ракоци и взглянул на Деметриче. — Вы сможете ее выкупать?

Деметриче кивнула.

Ракоци обратился к Сесто.

— Нам понадобится самая большая в доме лохань, а еще чистые простыни и одеяла. Если у вас их нет, сходите в Санта-Мария дель Фьоре. Скажите монахам, что это нужно больной.

Сесто машинально кивнул.

— Вам бы они дали все это охотнее.

— Я чужеземец и в помощи не нуждаюсь.

— Но ведь все знают, что вы возитесь с нами. — Сесто вздохнул и пошел к двери, но вдруг замер, услышав тоненький плач. — Иллирио! Он жив! Он проснулся!

Бедняк ринулся в соседнюю комнату.

— Что ты собираешься делать? — спросил Ракоци, когда Сесто вернулся. — Ступай за одеялами. Об остальном позаботимся мы.

— Вот, Иллирио, — сказал Сесто, показывая ему красного от натуги и громко плачущего младенца. — Он голоден. Ему нужно дать грудь.

— Нет, — Ракоци встал, преграждая дорогу к кровати.

— Но он хочет есть! — вспыхнул Сесто и обратился к Деметриче. — Добрая донна, его надо положить рядом с матерью.

Ракоци дернул бровью.

— Этого делать нельзя.

Ребенок зашелся в крике.

— Видите, он умрет, если его не покормят.

— Если Феве его покормит, он и вправду умрет.

Сесто побагровел, Иллирио продолжал громко кричать.

— Савонарола сказал, что кормящая мать чиста, как Мадонна. Почему я не должен верить ему?

Ракоци покачал головой.

— Можете верить кому угодно, но в молоке Феве зараза.— Он посмотрел на больную, понимая, что той не дожить до утра.— Чума беспощадна. За восемь дней умерли пятьдесят человек.

Одна из свечек внезапно погасла. Сесто, взглянув на нее, прошептал:

— Господи, упаси нас!

Деметриче решила вмешаться. Она склонилась к больной и чистой льняной тряпочкой осушила ее лицо.

— У нее горячка, ее следует выкупать, синьор Куореттило. Если мэтр говорит, что кормить ребенка нельзя, значит, нечего спорить. Лучше сходите за одеялами и бельем.

К удивлению Ракоци, Сесто вмиг присмирел.

— Как скажете, донна. Но что делать с ребенком?

— Отнести его к привратнице ворот Сан-Николо. Она добрая женщина и присмотрит за ним.

— Но чем я ей заплачу? — сердито выкрикнул Сесто.— Она ведь захочет денег. А у меня в карманах нет ни гроша.

— Вот, возьмите.— Ракоци развязал кошелек.— Дайте ей сколько попросит.

Сесто бросил взгляд на жену и взял деньги. По лицу его заструились слезы. Бережно прижимая Иллирио к себе, он вышел из комнаты. Спустя минуту они услышали, как хлопнула дверь.

Деметриче укрыла лежащую женщину одеялом и глубоко вздохнула.

— Я бы тоже сейчас прилегла. Не тут, конечно, а дома.

Феве вновь закашлялась, обирая одеяло руками. Ракоци наклонился над ней.

— К сожалению, мы не скоро вернемся... домой.

Он с большой осторожностью произнес последнее слово. Деметриче назвала домом палаццо, которое сам он считал лишь пристанищем, и сердце его омылось теплой волной. Возможно, она просто оговорилась, но, чтобы не заострять на этом внимание и не спутнуть волшебное ощущение близости, Ракоци поспешил пояснить:

— Я думаю, нам придется обойти и соседей. Зараза распространяется быстро. Особенно в такую жару.

Вторая свеча стала мерцать, потом, зашипев, погасла.

— Ну вот, мы остались без света.

Ракоци побарабанил пальцами по колену, потом встал и вышел. Четыре свечи, которые он зажег, возвратившись, хорошо осветили комнату, но мрачность из нее не изгнали.

— Где вы их взяли? — спросила Деметриче рассеянно, приглядываясь к больной.

— Одна нашлась под фигуркой Мадонны, остальные были на кухне. Их хватит на пару часов, потом понадобятся другие.

— Мы тут пробудем так долго?

Ракоци вгляделся в Феве, коснулся ее лба, горячих сухих рук и шеи.

— Кажется, нет.

— Она... умирает?

Деметриче прикусила губу. Глаза ее заблестели. Неужели все старания были напрасны? Как все-таки мал и слаб человек!

Ракоци понял, что с ней творится, и осторожно взял ее за руку.

— Не казните себя, дорогая. Мы сделали все, что могли.

Сильный раскат грома на миг оглушил их. Когда все стихло, Деметриче тихо произнесла:

— Ей нужен священник. Сан-Джермано, я вас умоляю, кликните кого-нибудь к ней!

Ракоци покачал головой.

— Нет, дорогая. Ни один священник в этот дом не пойдет. Савонарола объявил, что чуму наслал дьявол и что умирающим от нее причастие ни к чему.

Глаза Деметриче расширились.

— Как? Да возможно ли это?!

Она встала и в сильном волнении заходила по комнате.

— Отказать несчастным в последнем причастии! Боже, какой позор!

— Вы правы, но тут ничего не поделаешь!

Ракоци немного поколебался, затем достал из сумки две небольшие фляжки, оплетенные серебром. Под горлышком каждого из этих изящных сосудов посверкивал крест.

— Вот. Тут — церковное масло, тут — святая вода. Я знаю, вы регулярно посещаете одну из флорентийских общин и два дня назад причащались. Сделайте все, что следует. Но учтите, Сесто об этом лучше не знать.

Деметриче кивнула, осенив себя крестным знамением, и склонилась над умирающей. Сан-Джермано, поставив сосуды в изголовье кровати, выскользнул в коридор.

Ливень, второй месяц обходивший Флоренцию стороной, наконец хлынул как из ведра и принес городу долгожданную свежесть. Когда Сесто Куоребрилло вернулся домой, на нем не было сухой нитки. Одежда, которые он нес с собой, тоже вымокли, но в них уже не нуждался никто.

Письмо неизвестного к Пьеро ди Лоренцо де Медичи.

«Предупреждаю вас об опасности, Пьеро де Медичи.

Вы можете потерять Флоренцию. Карл Французский спит и видит, как бы прибрать к рукам этот край. Его намечающийся вояж в Италию никак нельзя назвать миротворческим, хотя в том уверяют всех и вся. На деле же он только и ждет, когда вы покинете город, чтобы поставить на ваше место своего человека.

Действуйте решительнее — и избежите беды. Помните, Савонарола поддерживает французов, не подпускайте его к себе. Знайте также, что Лодовико Сфорца сделал большой займ в Генуе. Не догадываетесь, на что пойдут эти деньги? Безусловно, на то, чтобы вышибить вас из седла.

Ваш отец дважды отказывался от французских титулов, блюдя независимость Флорентийской республики. Отнеситесь ко всему сказанному серьезно, иначе вас ждут изгнание и позор.

*Некто, желающий Флоренции процветания.
10 июля 1494 года».*

ГЛАВА 10

 Стояла жара, и народу в собор пришло маловато. Савонарола был раздражен. Впрочем, его проповедь довела-таки до истерики трех богобоязненных прихожанок, и от сердца у него отлегло.

Он задержался в Санта-Мария дель Фьоре, чтобы поговорить с приором и успокоить чиновников, встревоженных победным маршем французов.

— Карл Французский — помазанник Божий, — объявил Джироламо собравшейся подле него группе людей. — Его нечего опасаться, он никому не желает зла.

Его порадовало, что приор в этот раз выглядел скромно и что в одеждах служащих Синьории преобладал темный цвет. Даже башмаки на ногах присутствующих были простыми, добротными, без всяких там замысловатых отворотов и рубчиков — и это особенно умиляло аббата. Пожалуй, подумал Савонарола, их можно и похвалить.

— Мне по душе ваш сегодняшний вид, свидетельствующий о том, что ваши помыслы устремлены к благочестию, а честолюбие и тщеславие забывают дорогу к вашим сердцам.

Услышав такое из уст грозного Савонаролы, кое-кто из чиновников позволил себе улыбнуться, чем тут же навлек на себя его гнев.

— Но некоторые из вас, как видно, лукавят, полагая, что Господа нашего легко провести. Они не подозревают, что им не дано укрыть от ока всевидящего свои плутни.

Поберегитесь же, грешники, смирите гордыню и умерьте, пока не поздно, свой нрав.

Градаццо Онданте, несмотря на неудовольствие, вновь засветившееся в глазах неистового аббата, решился задать волновавший его вопрос:

— Преподобный отец, все, что вы говорите, прекрасно, но хотелось бы знать, как флорентийцам следует отнестись к сопровождающим Карла французам? Занять ли нам выжидательную позицию или пригласить их к себе как гостей? Пусть сам Карл — помазанник Божий, но он ведет с собой армию!

Онданте обвел глазами присутствующих. Он видел, что все одуряют от жуткой жары, однако многие, слышавшие его слова, встрепенулись.

— Да-да,— произнес кто-то из старых и уважаемых служащих Синьории,— как нам быть с этим, любезный аббат? Над независимостью Флоренции нависла угроза. Если Карл захочет разбить нас, он это сделает без труда. Ни Сиена, ни Модена, ни Милан не придут к нам на помощь. Что же теперь нам, по-вашему, следует предпринять?

Савонарола поморщился, в его зеленых глазах зажглись недобрые искры.

— Если вас так беспокоит ваша участь в этом суетном мире, то я как ваш проповедник напрасно тратил слова. Все пройдет, все станет прахом. Только царствие Божие — пристанище нам и оплот. Все остальное — брэнно. Вы, я вижу, боитесь гибели? Но задумайтесь: страшна ли она тому, кто покается в своих прегрешениях и неустанно возносит Всевышнему благодарственные молитвы?

— Но,— не отступался Градаццо,— если город будет разрушен, где же мы будем молиться? Флоренция — моя родина, и я совсем не хочу, чтобы она обратилась в ничто...

— Смирите гордыню, Онданте! И не забудьте включить ее в перечень своих прегрешений, когда пойдете на исповедь!

Градаццо Онданте почувствовал, что в нем закипает злость.

— Нет, отче, сейчас во мне говорит совсем не гордыня...

— Мы часто сами не можем судить, что плохо для нас, что хорошо, и потому возвышаем свой голос против вышнего промысла, впадая тем самым в великий грех.— Савонарола внимательно оглядел присутствующих и заметил, что многие смотрят на него с неприязнью.— Не пытайтесь проникнуть в замыслы Господа, флорентийцы, и забудьте хоть на секунду о собственных выгодах! Помните: лишь смирение сулит нашим душам отраду!

Кто-то закашлялся, кто-то переступил с ноги на ногу, чиновники Синьории мало-помалу сплотились вокруг Онданте, который заговорил вновь.

— Не отрицаю, возможно, я грешен, но все же считаю первейшим долгом своим не допустить раздела республики и последующего ее разграбления. Разве Господь не велит нам беззаветно и терпеливо нести бремя забот своих и трудов? Флоренция — вот главная наша забота. Если мы должны снестись с французами первыми, дайте нам знак! Если существует другая возможность, укажите нам эту возможность. Но если какой-то из наших шагов вовлечет город в войну, пусть каждый из нас будет проклят!

Он не чувствовал, что кричит, пока кто-то не потянул его за рукав.

Савонарола понял, что надо спасать положение. Он принял озабоченный вид, потом увещевающим тоном сказал:

— Мне необходимо все это обдумать. Я пришлю за вами, когда решу, как следует поступить.

Коротко поклонившись, доминиканец отошел от чиновников и уже собирався присоединиться к монахам, как вдруг заметил фигуру в белом, приближающуюся к нему. Он узнал настоятельницу Сакро-Инфанте и, хотя виделся с ней нечасто, опустил прилив раздражения. Неколебимое спокойствие сестры Мерседе было укором его постоянной взвинченности, а ее рост и стать напоминали ему о собственных физических недостатках.

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа,— произнесла сестра Мерседе, склоняясь к руке проповедника.— Господь услышал мои молитвы!

— Что вы хотите этим сказать? — неприязненно буркнул Савонарола. Он понял, что беседа предстоит непростая, и торопливо перекрестился, словно бы ограждая себя от будущих неприятностей.

Сестра Мерседе на мгновение прикрыла глаза. Монастырская жизнь приучила ее терпеливо сносить многое. Она словно бы не заметила намеренной грубости собеседника и спрятала руки в рукава своего облачения.

— Святой отец, прошло больше года, с тех пор как вы посещали Сакро-Инфанте. Фра Мило, конечно, не оставляет нас без своего попечения, но многие наши сестры нуждаются в ваших советах. Кроме того, вас ожидают и те несчастные, которых мы призываем.

Савонарола поморщился и отступил на пару шагов, чтобы не задирать голову, беседуя с аббатисой. Впрочем, эта уловка мало что изменяла во внутренней иерархии их отношений, ибо сестра Мерседе происходила из родовитой пизанской семьи и маленький аббат волей-неволей ощущал ее превосходство.

— Чем я могу их утешить, сестра, если лучше меня это сделают слова Святого Писания? Безумие отступает перед перед покаянной молитвой. Каждый труждается на своем поприще и несет свое бремя забот.

— О, преподобный отец, кому, как не вам, целить души несчастных? — быстро проговорила сестра Мерседе. — Умоляю вас, выслушайте меня! Не ради моего сана, но ради всех сирых и страждущих, обретших в Сакро-Инфанте пристанище и приют. Изю дня в день наши сестры видят ад в их глазах, изю дня в день они борются со злом, их угнетающим, и радуются, когда им удастся сделать для них хоть какую-то малость. Мы торжествуем, когда обделенный разумом человек начинает лепить горшки, а годами молчащий ребенок вдруг отверзает уста и просит поесть. Плоды наших трудов мы приносим к престолу Господнему в знак нашей благоговейной любви. Мы много работаем, но нас мало; не удивительно, что иногда у кого-то опускаются руки. Мы нуждаемся в ободрении, и для нас

огромной поддержкой были бы ваши сочувственные и вдохновляющие слова!

Савонарола бросил обеспокоенный взгляд на ожидавшую его братию.

— Это возможно, сестра, но не в ближайшее время.

Явный отказ селестинку ничуть не смутил.

— Есть и другая причина, по которой я вынуждена просить вас о визите.

— Вот как? И какова же она?

Во дворе Синьории ударили в колокол, прозванный флорентийскими шутниками «коровой». Его характерное протяжное дребезжание, напоминающее мычание, вещало, что приор собирает совет. Савонарола почувствовал удовлетворение: он знал, чье имя там будет упоминаться чаще всего.

— Мы опекаем некую донну Эстасию, с недавних пор проживающую в монастыре. Она одержима демонами и мечтает об исповеди, которая должна избавить ее от грехов. Сейчас эта женщина много молится и постится.

Савонарола рассеянно кивнул.

— Позвольте ей побеседовать со священником.

— Она говорит, — сестра Мерседе заглянула в зеленые глаза проповедника, — что доверяет лишь вам. Ведь именно ваша проповедь открыла бедняжке глаза на всю глубину ее грехопадения. Она заявляет, что отпустить ее грешения можете только вы.

— В ней слишком много гордыни и мало смирения. Тот, кто и впрямь стремится встать на путь добродетели, может исповедаться любому священнику.

Савонарола повернулся, чтобы уйти, но сестра Мерседе не унималась.

— Мы убеждали ее в том же, и она согласилась с нами. Однако, когда появился фра Мило, демоны вновь овладели ей. Она порвала свое платье и бросилась на распятие. Фра Мило пришел в ужас и удалился, а несчастная донна, очнувшись, долго рыдала и просила нас замуровать ее в келье живьем...

— Донна Эстасия... Донна Эстасия? — Савонарола нахмурился. — Это не она ли однажды прервала мою проповедь, обнажив себе грудь и раздирая ее ногтями?

— Да, это она. Именно в тот день несчастную и отправили в наш монастырь. Ее кузен Сандро Филиппи часто бывает у нас, но она уклоняется от встреч с ним. Ей стыдно за свое поведение, а стыд — добрый знак.

Один из монахов приблизился к Савонароле, чтобы узнать, когда тот освободится, но проповедник резким жестом отослал его прочь.

— Вы говорите, ей являются демоны? Что происходит потом?

— Она утверждает, что они совокупляются с ней... и разно, и скопом. Позвольте не говорить вам всего, преподобный отец. Потом ее ужасает то, что с ней происходит, она борется с этими наваждениями, но слишком слаба, чтобы их победить. Ей кажется, что ее единственное спасение в вас.

Сестру Мерседе удивили странные искорки, мелькнувшие в глазах собеседника, славившегося своим аскетизмом. Она упрекнула себя за глупое подозрение и решила снять свое прегрешение недельным постом.

— Значит, ей хочется избавиться от этих видений? — спросил Савонарола, изучая остановившимся взором что-то доступное лишь ему одному.

— Да. Она надеется только на вас. И заявляет, что, если вы не сочтете возможным ее выслушать, она найдет способ покончить со своими мучениями разом и навсегда.

— Если она попытается совершить что-то такое, то будет проклята во веки веков. Надеюсь, вы ей это внушали? — Он говорил очень медленно, растягивая слова.

— Да, преподобный отец, но она полагает, что без вашего очищающего вмешательства ее душа так или иначе будет проклята и прямиком отправится в ад.

Сестра Мерседе втайне считала, что, требуя себе в исповедники самого Джироламо Савонаролу, Эстасия по-

просту тешит свое своеобразие, но так это или не так, а покаяние определенно должно было ей помочь. Добрая аббатиса искренне желала своей подопечной скорого исцеления; впрочем, к этому пожеланию примешивались и другие соображения. Совсем не исключено, что, ступив на путь благочестия, молодая вдова захочет сделать пожертвования уже не чужой ей обители и станет чем-либо помогать Сакро-Инфанте в дальнейшем. Это были крамольные мысли, но их порождала забота о благе общины, и потому сестра Мерседе не видела в них греха.

— Хорошо, — процедил Савонарола сквозь зубы, очевидно что-то решив для себя. — Я согласен ее исповедовать, но настаиваю, чтобы все, что она мне скажет, было записано и обнародовано. Все целиком, без каких-либо недомолвок и упущений. Только на этих условиях я к ней приду. Дайте мне знать, если она согласится. И предупредите, что, если я обнаружу в ее словах хотя бы тень мистификации и лукавства, она будет обвинена в ереси и дорого заплатит за попытку ввести Церковь в обман.

Совсем не интересуясь тем, какое впечатление произвели его слова на сестру Мерседе, маленький аббат повернулся и зашагал к ожидающей его братии. Странная усмешка играла на его чувственных, чуть вывернутых наружу губах.

Документ, изданный Синьорией Флоренции и доведенный ею до сведения всех горожан.

«По распоряжению главы Синьории мне, Градацио Онданте, чиновнику по особым делам, поручено составить сей документ, воздающий хвалу графу Франческо Ракоци да Сан-Джермано, иноземному дворянину, проживающему во Флоренции и владеющему в ней участком земли.

В то злосчастное время, когда в городе свирепствовала чума, унесшая жизни более двухсот флорентийцев, вы-

шеутомянутый синьор Ракоци (вкупе с донной Деметриче Клариссой Ренатой ди Бенедетто Воландри) самоотверженно и бескорыстно ухаживал за больными и умирающими, подвергая огромной опасности свою жизнь и не считаясь ни с какими затратами. Руководимый лишь собственной доброй волей граф обходил пораженные страшной болезнью дома, наделяя несчастных пищей, одеялами, простынями, свечами и врачюя их целебными снадобьями.

*Эти чудесные средства спасли многих граждан республики от неминуемой смерти и помогли нашему городу избавиться от заразы, за что графу Франческо*Ракоци и воздается хвала, а в память о его достославных деяниях составляется сей благодарственный документ.*

Исполнено по распоряжению приора Синьории Флоренции.

Собственноручно:

*Градаццо Онданте,
чиновник по особым делам.
23 августа 1494 года».*

ГЛАВА 11

 Гаспаро Туччи совсем запыхался к тому времени, как добрался до палаццо да Сан-Джермано. Дернув за шнур колокольчика, он жадно вдохнул воздух и закашлялся, проклиная свою одышку.

Аральдо, вышедшего к воротам, встретил его саркастический возглас:

— Ты не очень-то поспешаешь, малыш!

Аральдо покосился на грубую одежду Гаспаро и пренебрежительно фыркнул.

— У синьора срочное дело?

Но он просчитался. Гаспаро был не из тех, кто может такое спустить.

— У синьора срочное дело? — передразнил мастер слугу. — У синьора такое дело, молодой петушок, что кое-ко-

му сильно не поздоровится, если ворота не будут открыты. Пошевеливайся, господин меня ждет! — Своими огромными ручищами Гаспаро вцепился в кованую решетку, преграждавшую ему путь. — Я клал фундамент этого дома, ценой! И если захочу, вырву это железо с петлями.

Чтобы не уронить своего достоинства, Аральдо повозился какое-то время с замками и пропустил Гаспаро во двор.

— Простите, синьор, — пробормотал он все же на всякий случай, — нам приказано соблюдать осторожность.

— Понимаю. Причины для беспокойства, конечно, имеются. Но где же хозяин?

Гаспаро стоял перед Аральдо как судия: руки на бедрах, седые волосы развеваются по ветру, кустистые брови сведены воедино.

Аральдо принялся что-то ему объяснять, но в это время одна из дверей палаццо открылась и выпустила во двор Руджиеро. Поверх костюма горчичного цвета на нем был длинный рабочий фартук с карманами, в руке он держал связку ключей.

— А, Руджиеро! — Гаспаро повернулся и зашагал по мозаичным плиткам к приятелю. — Мне нужно срочно видеть хозяина. Надеюсь, он где-нибудь тут?

Руджиеро обнял Гаспаро.

— Конечно, дружище. — Казалось, внезапный визит мастера его нисколько не удивил.

— Скажи этому молодому нахалу, — потребовал раздраженно Гаспаро, — что ему следует держаться повежливей и не томить подолгу на улице людей вроде меня!

Руджиеро быстро взглянул на Аральдо.

— Ты был невежлив?

— Я? — Аральдо вспыхнул. — Я делал то, что мне велено. И потом, какой-то рабочий может, кажется, минуту и подождать!

Гаспаро тут же откликнулся.

— Да, я рабочий. Я состою в цехе ремесленников и этим горжусь. И отец мой тоже был рабочим. Он строил

Санта-Мария дель Фьоре. А ты кто такой? Мальчик на побегушках, и больше никто! Если ты думаешь,— продолжал он, не давая Аральдо опомниться,— что работа у графа делает твою кровь голубой, то ты еще больший глупец, чем кажешься с виду. Мой тебе совет: почаще поглядывай на хозяина. Учись у него умению обращаться с людьми.— Он отвернулся и пошел через двор.

Аральдо, закрывая ворота, недовольно глянул на Руджиеро:

— Почему ты позволил ему так со мной говорить? Я был прав, не пуская его.

— Ты все сделал правильно. Просто ты еще не понимаешь, где чужие, а где друзья. Мы дорожим друзьями, у нас их не много.

Гаспаро с другой стороны двора помахал Руджиеро рукой, показывая, что ему некогда ждать.

— Где господин?

— Он проводит свои опыты,— осторожно ответил дворецкий.

— Прекрасно! Я знаю, где его можно найти.

Мастер толкнул высокую дверь и вступил в большой зал палатцо, главным украшением которого служила парадная лестница. На минуту он замер, чтобы окинуть взглядом просторное помещение. Дух непокорства не позволял ему одобрительно улыбнуться, и все же где-то под ложечкой придиричивого флорентийца проскользнул восторженный холодок. Проект проектом, в нем есть недочеты, но сделанная работа была превосходной. Никто не сказал бы, что такое огромное здание построено в год с небольшим. Обычно подобные стройки не завершаются и в три года. Но Гаспаро не стал задумываться над этим. Гордо кивнув, он стал подниматься вверх по ступенькам и остановился на первой площадке — перед панелями, покрытыми причудливой деревянной резьбой. Ему пришлось не раз почесать в затылке, прежде чем в хитросплетении завитушек обнаружилась ветвь с дракончиком и плодами. Гаспаро еще раз кивнул и надавил на секретный замок.

Первые три комнаты были темны, в дальней из них горела свеча, стоящая на окованной железом укладке.

Гаспаро прищурился и споткнулся, зацепившись ногой за скамью. Он вскрикнул, пытаясь восстановить равновесие, и снова наткнулся на какой-то предмет, который с ужасным грохотом откатился к стене.

В следующий момент дверь четвертой комнаты распахнулась и на пороге ее возник Ракоцци со вскинутым над головой фонарем; в правой руке его грозно блеснула обнаженная шпага.

— Экселленц! — закричал падающий Гаспаро.— Это я, Гуччи! Нам надо поговорить!

Напряжение разрядилось. Ракоцци отбросил в сторону шпагу и, шагнув в комнату, протянул упавшему руку.

— Гаспаро! — воскликнул он с укоризной.— Как ты неосторожен, мой друг! Попытка войти в лабораторию, могла стоить тебе жизни!

— Жизни? — Гаспаро замер, не веря своим ушам.— Вы бы проткнули меня, если бы я попытался войти к вам?

Ракоцци опечаленно улыбнулся.

— Я бы сообразил, что передо мной старый друг, но механизм этого не разбирает. После того как на палатцо совершили налет, мне пришлось установить кое-где арбалеты. Один из них спрятан в этой стене. Счастье, что ты споткнулся! Благодарю Бога, Гаспаро! — Он взял рабочего за плечи и потянул за собой.— Но... раз ты здесь, значит, что-то случилось.

— Так оно и есть,— Гаспаро кивнул.

Они вошли в хорошо освещенное помещение. Всю его площадь занимали странного вида предметы: стеклянные колбы, реторты, змеевики и другие вещи, названий которых мастер не знал. Наибольшее недоумение в нем вызвало загадочное сооружение из кирпича, напоминавшее улей и стоявшее в ящике, наполненном крупным песком. Донна Деметриче, склонившаяся к этому улью, не отрываясь от своего занятия, произнесла:

— Сан-Джермано, закройте, пожалуйста, дверь. Иначе мне не удастся удержать нужную температуру.

Ракоцци послушно выполнил повеление.

— Примите мои извинения, дорогая.

Не оборачиваясь, она строго сказала:

— Вы все поддразниваете меня? А что, если мы получим вместо золота шлак?

Ракоцци, глянув на мастера, только развел руками. Деметриче выпрямилась, потирая задумчиво лоб, и вздрогнула, увидев Гаспаро.

— У нас гость,— объявил Ракоцци, его темные глаза озорно заблестели.— Не беспокойтесь. Гаспаро строил все это и умеет молчать.

Деметриче с усталым вздохом опустилась на рядом стоящий стул.

— Я несколько не сомневаюсь ни в вашем благоразумии, ни в ваших друзьях,— сказала она спокойно.— Доброго дня вам, мастер! Пройдет какое-то время, прежде чем тигль потребует нашей заботы. Я что-то проголодалась. Который теперь час? — Донна пошевелилась, устраиваясь поудобнее, и грациозным движением сняла шапочку, прикрывавшую ее волосы.

— Далеко за полдень. Завтрак вы уже пропустили, на очереди — обед.— Ракоцци покачал головой.— Вы слишком много работаете.

Молодая женщина улыбнулась, но улыбка была усталой.

— Я долго бездельничала и теперь наверстываю упущенное.— Она поднялась со стула и кивнула Гаспаро.— Пожалуй, мне и впрямь стоит спуститься на кухню. Вам что-нибудь принести?

Ракоцци весело отозвался:

— Принесите все, что может понравиться мастеру Туччи, и вдоволь! — Он посторонился, давая донне пройти, и добавил, когда та подошла к двери: — Благодарю, Деметриче.

— Пустяки,— донна вздернула носик и удалилась с независимым видом.

— Замечательная женщина! Превосходная! — воскликнул Гаспаро, давая волю своим чувствам.— Ах, эксцелленц,

вы просто счастливец! А если все еще не добились ее благосклонности, то и глупец!

Ракоцци ничего не ответил, и Гаспаро продолжил:

— С тех пор как эти ужасные доминиканцы взяли во Флоренции верх, мы и думать забыли о каких-либо удовольствиях. Нам запретили одеваться нарядно и вкусно есть, из развлечений у нас только церковь и гимны. Женщину можно трогать только тогда, когда хочешь, чтобы она понесла. Боже, что с нами сделали эти ослы! — Он внимательно посмотрел на Ракоцци.— Но я не с этим пришел!

— Я так и думал,— Ракоцци указал мастеру на кресло с гнутыми ножками, стоявшее возле небольшой этажерки.— Присаживайся, Гаспаро. И расскажи, что тебя к нам привело.

Гаспаро оглядел кресло и осторожно присел на край обтянутого кожей сиденья. Слишком уж хрупко выглядит иноземная мебель, не стоит ей доверять.

— Мне необходимо кое-что сообщить вам, эксцелленц.

— Что именно? — Ракоцци поставил на этажерку фонарь и придвинул к нему подставку с подсвечниками. Легкий ветерок, проникавший в лабораторию через узкое потайное окно, приносил с полей запах жнивья; пламя свечей колебалось.

— У меня есть приятель во Франции, который мне пишет. Но та весточка, которую он отправил в июне, до меня не дошла. Гонца, как потом я узнал, убили разбойники еще на пути в Геную.

Высказав это, Гаспаро умолк. Он побаивался, что Ракоцци будет сердиться.

— Мне очень жаль, Гаспаро. Но мне кажется, ты чего-то не договариваешь.

Мастер тяжело вздохнул.

— А тут еще французский король движется к нам со всей своей армией. Кто такие солдаты? Это те же бандиты! Что еще они могут, кроме как грабить и убивать? — Он опять замолчал, задумчиво глядя на пламя свечей.

— Продолжай, Гаспаро. Я с тобой совершенно согласен. Дороги становятся все опаснее, от разбойников нет

отбою. Говори, что ты хочешь сказать; обещаю, это останется между нами.— Ракоци взял другое кресло и сел напротив Гаспаро.— Так что же натворил Лодовико?

Гаспаро дернулся.

— Святая Клара! Как вы догадались?

Ракоци покачал головой.

— А о ком же еще может так болеть твоя голова? Я знаю, что Карло с Джузеппе прижились на чужбине и совсем не стремятся вернуться. А Лодовико мечется. Из Португалии он перебрался в Испанию, потом ему захотелось поехать во Францию, что он, похоже, и сделал. А ты через своего приятеля наверняка попытался его разыскать.

Мастер смутился.

— Да, я попросил своего знакомого Алена найти Лодовико и какое-то время за ним последить.— Кулаки старого рабочего сжались.— Мне вдруг подумалось, что он может нарушить обещание, данное вам!

— Гаспаро, я понимаю твои колебания,— Ракоци наклонился вперед.— С одной стороны, ты связан клятвой и держишь ее! С другой — тебя мучает поведение Лодовико. Он ведь твой друг, и ты не хочешь его подводить. Я прав?

Гаспаро кивнул.

— Да, вы правы. Но правда еще ужаснее, и это моя вина. Сейчас вы поймете.— Он придвинулся к Ракоци.— Алэн нашел Лодовико. Несколько ночей они пили вино, потом Лодовико уехал. Он сказал, что возвращается во Флоренцию. Он сказал, что знает кое-что об одном богаче, за что можно получить много денег. Он сказал, что богач этот не флорентиец, и даже не итальянец, и что таких людей не стоит жалеть. Вот какое известие получил я вчера от своего французского друга. Но пришел только сегодня, потому что хотел составить какой-нибудь план. Но ничего не придумал. Алэн пишет, что Лодовико жаждет золота и удовольствий.

Гаспаро встал и затоптался на месте, не зная, что тут еще можно сказать. Поскольку Ракоци все молчал, он сердито добавил:

— Это значит, что он едет сюда. Он хочет ограбить вас, если не задумал чего-то похуже.

— Я понимаю.

Спокойствие Ракоци возмутило Гаспаро.

— Это все, что вы можете сказать в ответ на такое известие?

Ракоци потянулся к свечам и стал обирать с них нагар.

— Поверь, я очень обеспокоен. Но сейчас наступают сложные времена. Собственно, они уже наступили. Честно скажу, я удивлен твоим приходом ко мне. Я бы не осудил тебя, если бы ты поступил по-другому.

Гаспаро оторопел:

— Но я ведь давал клятву.

В подтверждение своих слов он ударил себя кулаком по колену. Ракоци медленно встал.

— Клятвы нарушаются каждый день, тысячи людей отрекаются от своих слов, несколько тем не смущаясь. Вспомни о Божьих заповедях — и убедишься, что сплошь и рядом не соблюдаются и они.

Гаспаро глубоко вздохнул и закашлялся, потом, тяжело покряхтивая, встал на колени.

— Что ж, чему быть, того, видно, не миновать.

Теперь Ракоци изумился по-настоящему.

— Что ты хочешь этим сказать?

Гаспаро расправил плечи:

— Я готов. Приступайте, хозяин. Каким бы ни было наказание, я его терпеливо снесу. Я виновен. Я проглядел Лодовико! Я не должен был допускать его до работ.

Голова старого мастера опустилась. Растроганный Ракоци не знал, плакать ему или смеяться. Но паузу нельзя было затягивать, и потому он строгим тоном сказал:

— Немедленно встань, Гаспаро. Я уже говорил, что ни в чем тебя не виню. Более того, я очень тебе благодарен. Ты сделал все, что мог, и даже с лихвой. Встань сейчас же, иначе я и вправду обижусь.

— Вы не станете меня наказывать? — недоверчиво спросил Гаспаро.— Я знаю, что слуг порют и за меньшие промахи.

— Ты не слуга мне, а друг.— Ракоци наклонился и помог Гаспаро подняться.— Я и в дальнейшем рассчитываю на твою дружескую поддержку. Конечно, нечего ждать, что Лодовико станет искать с тобой встречи, но он вполне может связаться с кем-нибудь из других мастеров. Если ты что-нибудь узнаешь о нем, дай мне, пожалуйста, знать.— Он положил руки на широкие плечи Гаспаро.— Уверен, ты пришел ко мне не затем, чтобы получить какую-то выгоду, и все же скажи: что я могу для тебя сделать?

Гаспаро мотнул головой, показывая, что ни в чем не нуждается, но в этот момент дверь открылась и в комнату вошла Деметриче. В руках у нее был поднос, ломившийся от еды. Огромный пирог с мясом еще дымился, издавая восхитительный аромат, над ним возвышался кувшин молодого вина.

— Амадео надеется, что это вам придется по вкусу, синьор Туччи,— сказала она.— Сейчас мы освободим в алькове местечко, и вы сможете прекрасно устроиться. Я сама часто там ем.

Деметриче пересекла комнату и подошла к небольшому столу, на котором грудой лежали книги в кожаных переплетах.

— Будьте любезны, синьор Туччи, переложите их куда-нибудь... хотя бы на тот сундук.

— Разумеется, донна.

Гаспаро взмок от усердия, перекладывая увесистые тома. Он страшно боялся что-нибудь уронить, но все обошлось, и мастер радостно улыбнулся.

Деметриче, посмеиваясь, следила за ним.

— Окно, правда, узкое, но из него чудный вид. На Сан-Лоренцо и Санта-Мария Новелла.— Она все стояла рядом, пока Гаспаро не сел.— Мы продолжим работу, а вы себе ешьте и не думайте ни о чем. Приятного вам аппетита.

Гаспаро кивнул в знак благодарности и вынул из-за пояса нож. Убедившись, что все идет хорошо, Деметриче вернулась к тиглю. Ракоци улыбнулся и мягко сказал:

— Вы чудо, донна. Вы с ним управились гораздо лучше, чем я.

Она усмехнулась в ответ.

— Всем известно, что чужеземцы не очень учтивы.— Голос ее вдруг стал серьезным.— Впрочем, со мной вы любезны всегда. И очень ко мне добры... Скорее ради Лоренцо, чем из-за каких-то моих достоинств, но знайте, что я вам искренне за то благодарна.

Глаза их встретились. В янтарных светился вопрос, в темных угадывалось смущение.

— Ради Лоренцо? Да. Но лишь поначалу.

Ракоци отвернулся и взял в руки одну из колб.

— Сюда нужно добавить немного мадрасского масла. Достаньте его, пожалуйста, оно в сундуке за камином.

Сердце Деметриче колотилось так бурно, что ей пришлось постоять с минуту около сундука, прежде чем приступить к поискам необходимого ингредиента.

Вечерние сумерки что-то таили в себе, но Гаспаро Туччи не ощущал беспокойства. Он плотно перекусил, выпил вина и сыграл в шахматы с Руджиеро, немилосердно разменивая фигуры.

Низкий туман шел с Арно, придавая городу фантастический вид. Отойдя от палаццо, Гаспаро почувствовал, что становится сыро. Чтобы совсем не озябнуть, он обхватил плечи руками и какое-то время брел в полумгле, вслушиваясь в пение, доносившееся от монастыря Святейшей Аннунциаты. Раз там поют, значит, уже начало десятого... Мастер заторопился.

Возле реки туман сделался гуще, скрывая близлежащие здания. Гаспаро остановился. Все было тихо, слышался лишь немолчный плеск волн. Он повернул вправо, уверенный, что выйдет на виа Торнабуони. Она спускалась к мосту Санта-Тринита, а там рукой подать до его ветхой лачуги, прятанной с сени церкви Санто-Спирито, где августинцы ночами гнусавят псалмы.

Подходя к мосту, мастер услышал голоса и хихиканье. Вдоль реки брела подвыпившая компания: две женщины и трое мужчин. Гуляки во избежание неприятностей ста-

рались вести себя тихо — к пьяницам и блудодеям Савонарола был особенно строг. Гаспаро пожалел этих людей. Он стоял в темноте, невольно подслушивая их разговор. Они обсуждали, куда бы пойти, чтобы заняться любовью. Скоро неприкаянная компания пропала в тумане, а Гаспаро, вздрогнув, понял, что совершенно закован.

Он быстро пошел вперед, ощущая ломоту во всем теле. Наконец в густой белой мгле проступили очертания знакомого ему с детства моста. Гаспаро вздохнул с облегчением, ступив на незримые плиты. Вдали из густой пелены выступали крыши домов. Шум реки сделался громче; казалось, будто за путником шагают тысячи ног. Гаспаро вздрогнул и замер: ему вдруг почудилось, что за ним действительно кто-то идет. Он постарался унять дрожь и прислушался, но в шуме реки ничего разобрать было нельзя, и мастер, несколько успокоившись, двинулся дальше.

Гаспаро уже миновал середину моста, когда вдруг почувствовал на своем плече чью-то руку. Напуганный, он обернулся, чтобы ударить преследователя, но не успел сделать замах. Что-то вошло ему под ребро, отозвавшись во всем теле пронзительной болью. Ошеломленный Гаспаро нащупал рукоятку ножа и попробовал его вытащить, однако работа эта была слишком тяжелой. Рядом стоял Лодовико. Гаспаро хотел ему что-то сказать, но не сказал, ибо усталость валила его с ног. Лодовико тут же пришел на помощь: он подхватил ослабевшего товарища на руки и понес к перилам моста. Темная тень полетела вниз, в воду, над которой клубился туман. Раздался всплеск, но Гаспаро Туччи его не услышал. Он был уже мертв.

Исповедь донны Эстасии Катарини ди Арриго Пармской, обнародованная по указу ее духовника — доминиканца Савонаролы — во Флоренции в святой праздник ангелов-хранителей 2 октября 1494 года.

«Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь.»

Ниже приводится признание донны Эстасии Пармской в свершенных ею грехах. Признание дано ею по доброй воле и записано с ее слов без каких-либо дополнений и упущений.

“Боже всемилостивый, клянусь, моя исповедь не преследует никаких других целей, кроме искупления грехов, мною свершенных, и спасения моей бессмертной души!”

Вот уже несколько месяцев меня преследуют демоны, вселяясь в мою плоть и подстрекая к нечистым деяниям. Причиной тому мое грешное тело, которое легко возбуждается и в прошлом ввело в соблазн немало мужчин. Каюсь, мне нравилось быть желанной, я проводила время в запретных увеселениях, цenia лишь минутные удовольствия и забывая о ценностях вечных. Теперь же я проливаю горькие слезы и проклиная собственное беспутство, но демоны продолжают мучить меня.

Хочу заявить, что все мои бывшие любовники, кроме одного, о котором я еще расскажу, устыдились своих прегрешений и чистосердечно покаялись в них. Они прощены и ступили на путь добродетели, и я со всей искренностью желаю им преуспеть на этом пути.

В глубоком смирении я прошу их простить меня за бесстыдство, с каким я им себя предлагала, и за уловки, к которым я прибегала, чтобы ввести сопротивляющихся моим чарам в соблазн. Да позабудут они о неистовстве наших соитий, о безумных криках, которые мы издавали, и о позах, которые мы принимали в предвкушении изнурительных содроганий на скомканных простынях! Человеку следует помнить, что он создан по образу и подобию Божию, а мерзость, в которую мы себя вовлекаем, кощунственна — теперь я это хорошо поняла.

Демоны, которые терзают меня, не посещают тех, с кем я прежде бывала, и это, с одной стороны, радостно, а с другой — великая тягость, ибо таким образом мне указано, что проклятие лежит лишь на мне. Я одна долж-

на искупить его покаянием и смею надеяться, что путь этот для меня не заказан, а потому с великим смирением приступаю к рассказу о бездне, в которую меня вверг один чужеземец, по ему лишь известным причинам решивший поселиться на флорентийской земле.

Я до сих пор не знаю, человек это или дьявол. Как бы там ни было, он появился у нас три года назад. Богатство проложило ему дорогу в общество уважаемых флорентийцев, где временами появлялась и я. Какое-то время мы даже не говорили друг с другом, но я хорошо видела, что он вождедеет меня. Позднее последовали домогательства, которые я отвергала. Тогда чужеземец поклялся, что добьется меня.

Я испугалась. Я затворилась в доме кузена, я ненавидела его голос и его черное одеяние, но он лишь смеялся. Будучи известным алхимиком, он говорил, что найдет способ открыть любые замки. Еще он говорил, что нет на земле уголка, где я от него могла бы укрыться. Я верила, что это действительно так.

Возможность в том убедиться не заставила себя ждать. Он выбрал ночь, когда Сандро и Симоне уехали в Пизу, — путь был открыт.

Я защищалась, но он был сильнее, он грубо меня изнасиловал и потом насиловал целую ночь, каждый раз заливая потоками семени мое лоно. Он безжалостно стегал меня шелковой плетью, а потом окропил свой детородный орган елеем и заставил меня его облизать.

Но ему было мало и этого, и уже под утро он стал со мной тешился, как великие грешники тешились с мальчиками, совершая содомский грех. Я кричала и плакала, но это лишь веселило его. Он говорил, что, когда я понесу, в моем чреве завяжется совсем не ребенок. Могу лишь догадываться, что имел мой мучитель в виду, но не хочу ступать на зыбкую почву догадок, ведь исповедь требует от меня не домыслов, а достоверности.

Я пригрозила, что все расскажу своим родичам, он ответил, что убьет каждого, кто посмеет ему помешать.

Я впала в отчаяние, но все же еще надеялась избавиться от него. Я пыталась каяться, но демоны, которыми он населил мое тело, не давали мне вымолвить слова, обращенного к небесам, и мерзкие свидания продолжались.

Однажды он опоил меня каким-то напитком. Очнувшись, я обнаружила себя в церкви. Там были зажжены черные свечи, и мой мучитель положил меня на алтарь. Я молила его убить меня, но он лишь смеялся и тешил со мной свою похоть несчетное количество раз. Он приходил в восторг, когда я кричала от боли.

Утомившись, он собрал свое семя в церковную чашу и заставил меня выпить его. Затем, сняв со стены распятие... О, сколь ужасно это воспоминание, я вся дрожу, но долг повелевает мне рассказать обо всем! Взяв распятие, он использовал его как свою мерзкую плоть. Я онемела от ужаса, я не могла даже кричать, а позже помутилась рассудком — тогда-то добрые сестры из Сакро-Инфанте и призрели меня.

Видите, преподобный отец, сколь велико мое грехопадение, но я все же надеюсь на вышнее милосердие, иначе душа моя будет проклята во веки веков.

Помолитесь же надо мной, добрый пастырь! Словом своим изгоните мерзостных демонов! Я каюсь, но знаю, что этого недостаточно! Я стерплю все муки и унижения! Делайте со мной все, что вам покажется нужным! Если надо, бичуйте меня денно и нощно! Спустите с меня всю кожу! Бросьте меня на съедение хищникам! Я готова остаток жизни провести на коленях, лишь бы душа моя обрела прощение и покой!

Я искренне рассказываю во всех своих прегрешениях — и в совершенных по собственной воле, и в тех, на какие меня толкнули. Я приму любой приговор, который мне вынесут, и с радостью встречу его. В муках и со смиренной покорностью я жду вашего решения, преподобный

отец. Вы славитесь своей твердостью в сопротивлении плотским соблазнам. Взгляните на мои страдания и спасите меня!

Умоляю! Спасите!"

Подтверждаю, что вышеизложенная исповедь донны Эстасии Катарины ди Арриго Пармской абсолютно верна.

*Джироламо Савонарола,
настоятель доминиканской церкви Сан-Марко.
Флоренция, 29 сентября 1494 года».*

ГЛАВА 12

 Пренебрегая доброй половиной флорентийских законов, осуждающих расточительность, Массимилио испек огромный мясной пирог и в память о дружбе Аньоло с Лоренцо украсил его лавровым венком, сделанным из печеночного паштета, а внутри его можжевельными ягодами выложил имя почившего. Чтобы придать венку траурный вид, повар присыпал его молотым перцем.

Он вздохнул, понимая, что старался напрасно. Шла последняя ночь сентября, и недавняя смерть Полициано постепенно отодвинулась на второй план. Гостей палатца Медичи вновь все более занимало продвижение войск французского короля.

Пьеро громогласно требовал, чтобы ему наполнили кубок. Он сидел за главным столом вместе с Фичино и многочисленными Торнабуони. Жена его, возглавлявшая дамский стол, покосилась на мужа, потом отшвырнула салфетку и покинула пиршество, но молодому Медичи все было как с гуся вода. Он повелел положить себе пирога и потянулся к вину.

— По-вашему, это мудро? — спросил менторским тоном Фичино, привыкший одергивать школяров.

— Платон свидетельствует, что даже Сократ напивался. Я это вычитал еще в детстве. Полициано учил меня гре-

ческому по «Философским беседам». Ох, как мне от него доставалось! Впрочем, что теперь говорить? Бедняга мертв, а ведь он был моложе отца.

Фичино поморщился и отвернулся.

Между столами прохаживался лютнист, наигрывая на своем инструменте меланхолические мелодии. Он приостановился возле Франческо Ракоци.

— Я вижу, вы ничего не едите.

— Да. Не могу.

Алхимик огладил свое черное одеяние и поправил серебряную цепочку, на которой висел талисман, изображающий солнечное затмение.

— От нас ушел не только большой острослов, но и блестящий ученый. А какие стихи он писал! — Лютнист говорил тихо, продолжая перебирать струны. — Молодому Буонаротти будет его не хватать. Вы знаете, он ведь мог быть и тонким, и нежным.

Ракоци встал.

— Знаю.

Он кивнул лютнисту и отошел к буфету, где скучал Массимилио.

— Прекрасная работа, амиго, — бросив взгляд на повара, заметил он. — Каждое блюдо выше всяких похвал.

Глаза Массимилио увлажнились.

— Это что-то вроде прощальных гастролей. Я служу дому Медичи с незапамятных времен. Но недавно мне намекнули, что все может закончиться. Во Флоренции делалось тесновато для сторонников красных шаров.

— А ведь совсем недавно казалось, что республика и Медичи неразделимы, — сказал Ракоци, чтобы что-то сказать.

Гигант тяжело вздохнул.

— Если бы Лоренцо был жив... — Он махнул рукой и прикоснулся пальцем к усам. — Теперь Синьория смотрит в рот маленькому доминиканцу. И никто уже не глядит на Пьеро.

Ракоци покачал головой.

— Если вы решитесь уехать, я могу дать вам адрес одного человека. Его имя Артуро Пелигрино. Он сумеет устроить вашу судьбу.

Брови повара поползли вверх. С минуту он изучал лицо Ракоци, опасаясь, не шутят ли с ним.

Ракоци усмехнулся.

— Синьор Пелигрино — генуэзский купец и живет на виа дела Санта-Мария. Он скупает и продает драгоценные камни и пряности. Назовите только мое имя — и он сделает для вас все.

— Почему вы в этом уверены? — вырвалось у Массимилио.

— Потому что я его торговый партнер. А еще потому, что синьор Пелигрино в отличие от меня любит вкусно покушать. Я же ценю в еде лишь ее запах, да и то далеко не всякий.

Словно в подтверждение своих слов, Ракоци снял с поминального пирога одну из можжевельных ягод и раздавил ее в пальцах. Кивнув озадаченному великану, он вышел из зала и отправился бродить по дворцу. Ему надоели самодовольные крики Пьеро и болтовня гостей о французах. Этикет этикетом, но иногда человеку хочется покоя и тишины.

Определенной цели у Ракоци не было, но ноги сами принесли его к библиотеке. Он встал возле двери, спрашивая себя, позволительно ли ему войти. Лоренцо нежно любил книги, Ракоци разделял эту любовь. Даже злоязычный, ожесточенный Полициано словно бы становился добрее, вступая в царство фолиантов и манускриптов. А вдруг их призраки сейчас там? По спине Ракоци проскользнул холодок. Он досадливо передернулся и взялся за ручку, но тут чей-то неожиданный оклик заставил его обернуться.

— Сан-Джермано, — повторил Боттичелли. — Я вас ищу.

С плаща тяжело дышащего художника стекала вода, сапоги его были забрызганы грязью.

— Сандро? — произнес Ракоци, поворачиваясь. — Вот неожиданность! Мне сказали, что вас сегодня не будет.

— Я сам не знал, что приду, — ответил тот, снимая плащ и осторожно его встряхивая.

— Что с вами? — Ракоци понял, что живописец чем-то встревожен. — Вам нехорошо?

Сандро вытер лицо рукавом и тяжело облокотился о стену.

— Великий Боже, я даже не знаю, с чего начать.

— Говорите же наконец! Что случилось? — Сердце Ракоци пронизала острая боль. — Что-нибудь с Деметриче? Или нашли пропавшего Туччи? Не молчите же, Сандро. — Он топнул ногой.

Боттичелли досадливо мотнул головой.

— С Деметриче все, должно быть, в порядке. Вы видите с ней много чаще, чем я. О Туччи мне тоже ничего не известно. Нет, сударь, речь не о том. — Он глубоко вздохнул. — Я бы очень хотел, чтобы мое дело было связано с чем-нибудь достаточно для меня посторонним, но...

Ракоци догадался.

— Эстасия?

— Да, — кивнул Сандро и стиснул зубы. — Я только что из Сакро-Инфанте. — Он уронил плащ и схватил Ракоци за плечи. — Клянись своей бессмертной душой, что говорили мне правду о ваших отношениях с кузиной!

Огромные руки художника напряглись, в глазах его загорелось пламя.

Ракоци был озадачен. Ему не составляло труда вывернуться из недружелюбных объятий, но он ограничился тем, что спокойно сказал:

— Клянусь, что все мною вам открытое правда. Клянусь своей жизнью, своей кровью и своей бессмертной душой.

— Вы не насиловали ее? Не подвергали пыткам и содомии? — Горящие глаза Боттичелли впились в Ракоци. Тот поначалу опешил, потом, облегченно вздохнув, рассмеялся.

— Ох, Сандро, какой вы все же чудак! Откуда в вас эти глупые подозрения? Ну разумеется, я ничего с ней такого

не делал, я никогда не входил в нее по-мужски. Я доставлял ей удовольствие в удобной для нас обоим манере. Я уже говорил вам об этом, у меня нет причин лгать. А если сомнения продолжают вас все-таки мучить, обратитесь к Эстасии, я думаю, что она...

Сильные руки, сжимавшие Ракоци, обмякли и опустились. Взгляд Сандро потух.

— Эстасия исповедалась.

— Вот как? Когда?

— Сегодня. Савонароле. Тот настоял, чтобы покаяние свершалось открыто. Я был там и слышал все. Она вас обогала, она просто чудовище, Сан-Джермано, она, как я понимаю, задумала вам отомстить. Выходит, все ее благочестие показное. Но... так ли уж в таком случае пронизателен наш хваленый Савонарола? Он ведь поверил всему, что извергли ее святотатственные уста! Нет-нет, он знал, что она лжет, он просто сделал вид, что поверил. Он сам хотел, чтобы она ему солгала! — Сандро взглянул на Ракоци с отчаянием и болью. — Он решил с ее помощью вас погубить.

Ну, вот все и случилось, подумал Ракоци. Это должно было случиться, этого следовало ожидать. Он почувствовал, что пальцы рук его сводит судорогой, ему стоило огромных усилий вновь их расслабить.

— Что же она все-таки говорила? — мягко спросил он.

В глазах Боттичелли вспыхнуло отвращение.*

— Это гнусно. Незачем повторять.

— И все же? — тон Ракоци был ровен.

Сандро вздохнул.

— Она говорила, что вы возлагали ее на церковный алтарь и там...

Лицо Ракоци дернулось, как от удара.

— Что еще?

— Вам этого недостаточно? — спросил Сандро с неожиданным вызовом.

— Нет, — этот шепот, казалось, сотряс стены палатки. — Нет, ведь мне следует быть готовым к защите. Обвинения вздорны, я с легкостью смогу их отместить.

— К защите? — ошеломленно переспросил Сандро, запуская пальцы в свои золотистые волосы. — Христос и все святые! — воскликнул через мгновение он. — О какой защите вы говорите, когда вам надо бежать? Она вас заклемила, Франческо. Вы теперь — сам сатана. Вам нужно немедленно покинуть Флоренцию, иначе вас ждут арест и расправа. Защита? Да кто слушает вас?

— Сатана? — нахмурился Ракоци. — Что же она такое наговорила? Значит, вы полагаете, дела мои плохи?

— Да.

— А эта исповедь? Ее хотят обнародовать?

Сандро удрученно кивнул.

— Через день — в святой праздник всех ангелов.

Художник глянул на потолок, словно привлеченный искусной резьбой, покрывавшей потолочные балки, потом опустил глаза.

— Нужна ли вам моя помощь? — спросил он, отводя в сторону взгляд.

Лицо Ракоци дрогнуло. Он понял, что творится в душе живописца.

— Нет. Благодарю вас, мой друг. Я справлюсь сам. Более того, во избежание неприятностей о нашей сегодняшней встрече не следует говорить никому.

Боттичелли побагровел.

— Мне стыдно, Франческо. Я трушу и ничего не могу с этим поделать. — Он ударил себя кулаком по бедру. — Позвольте мне хоть чем-нибудь облегчить вашу участь.

— Чем же? — в голосе Ракоци не слышалось ни малейшего осуждения. — Поверьте, я справлюсь, Сандро. У меня есть для того и возможности, и друзья.

— Тогда внесите меня в их число, — быстро сказал Сандро. — Знайте, что бы с вами ни случилось, я целиком и полностью стою лишь за вас.

— Но люди о том знать не должны, — предупредил его Ракоци. — Когда исповедь обнародуют, вам лучше оставаться в тени.

Его взгляд скользнул по плохо освещенному коридору и остановился на бронзовом изваянии, выступавшем из

ниши. Апполон настит прекрасную нимфу, но — поздно: ноги Дафны* давали побеги, она превращалась в лавровый куст. Лоренцо любил эту статую, но Пьеро собирался ее продать. Ракоци уже вел с ним об этом переговоры.

— Ваша правда, — мрачно кивнул Боттичелли и вдруг встревожился. — Но шила в мешке не утаишь. Серджио знает, что я вас искал. Я справился у него, куда вы девались. — Он погрузился в раздумье, затем усмехнулся: — Вам придется ударить меня. По лицу. Так, чтобы осталась метина. Тогда я смогу сказать, что пытался вас задержать, но вы оказали сопротивление и сбежали. Они поверят, а я их направлю на ложный след. — Глаза художника загорелись. — Пожалуйста, Сан-Джермано! Должен же я вам хоть чем-то помочь!

— Что ж, если хотите...

Ракоци в последний раз взглянул на дверь библиотеки Медичи. Он вспомнил, как Лоренцо, впервые пригласивший его туда, благоговейно взял в руки том Данте и, мечтательно улыбаясь, сказал: «У меня семеро детей от жены и где-то, наверное, есть еще и другие. Но тут мои самые любимые дети, это дети моей души». Воспоминание причинило ему острую боль.

— Франческо? — воскликнул встревоженно Сандро.

— Ничего, — сказал Ракоци, — ничего. Я просто отвлекся. У нас маловато времени, а?

— Да, — кивнул Боттичелли.

Он внимательно оглядел свои руки, затем совсем буднично произнес:

— Скоро выйдет указ о вашем аресте. Возможно, он уже принят. Его издаст Синьория, но по воле Савонаролы. Ему нужно с кем-то расправиться, чтобы устроить остальных. Не с вами, так с кем-то другим, не важно.

* Дафна — в греческой мифологии дочь богини земли Геи и бога рек Пеней, давшая обет безбрачия и превращенная богами, решившими воспрепятствовать ее соитию с Аполлоном, в лавр.

— Но для меня важно, чтобы этим другим не сделали вы. — Ракоци посмотрел на художника. — Еще раз благодарю вас, Сандро. За риск, которому вы подвергаетесь ради меня, за доброе ко мне отношение. Поверьте, я никогда этого не забуду.

Боттичелли смущенно кашлянул.

— Когда вы едете?

— Скоро, — он искоса глянул на Сандро. — Вы уверены, что мне надо ударить вас?

— Да, иначе я не...

В ушах у художника зазвенело. Взор его помутился, он вытянул руки, хватаясь за стену, и чуть не упал — настолько сильной была внезапная оплеуха.

Вновь обретя способность видеть, Сандро огляделся и обнаружил себя в одиночестве. Его одетый в черное собеседник растворился в коридорах дворца.

Приказ об аресте Франческо Ракоци да Сан-Джермано.

«Сим повелевается задержать вероломного сатаниста, именующего себя графом Франческо Ракоци да Сан-Джермано, какового потом надлежит как можно скорее передать дознавателям Флорентийской республики для разбирательства его еретических и богохульных деяний. Сделать сие предписывается с большой осмотрительностью, дабы злодей не наложил на себя руки и не сбежал. Вышеуказанный Ракоци повинен в ужасных преступлениях против Господа и Флоренции, а посему крайне необходимо, чтобы вся мощь мирских и церковных законов обрушилась на него, восстановив тем самым попорченную им справедливость.

Утверждено приором и Синьорией Флоренции

30 сентября 1494 года».

Переносной фонарь, который Деметриче держала в руках, бросал на ее лицо скудные отсветы. Войдя в потайную дверь, она шепотом сообщила:

— Они ушли.

Ракоци повернулся к ней, поправляя верховую накидку.

— Они поверили вам?

— Конечно. Почему бы им не поверить? Я позволила осмотреть все комнаты, они всюду сунули нос.— Молодая женщина поставила фонарь на ближайший сундук и села.— Я очень боялась. Они так грубы.

Она стиснула руки, пытаясь унять в них дрожь.

— Деметриче,— сказал Ракоци, играя дорожными крагами,— если вы так боитесь, уезжайте со мной. В Венеции никакой Савонарола нам будет не страшен. Я не хочу оставлять вас здесь.

Она покачала головой.

— Сан-Джермано, поймите, Флоренция — мой дом. С ней у меня связано очень и очень многое. Я захочу вдали от этого города.

— Я понимаю,— произнес Ракоци тихо.— И много больше, чем вы полагаете.

— У вас за спиной долгая жизнь,— продолжала женщина, не слыша его слов.— Привязанность к одному какому-то месту вам может казаться глупой...

Ракоци, присевший на сундук, чтобы обуться, указал на подошвы своих сапог.

— Не правда ли, они несколько крупноваты? Тому есть причина. Вы знаете, что находится в них?

Его странный тон заинтриговал Деметриче.

— Нет.

Дрожь в руках женщины уже унялась, и глаза ее были полны любопытства.

— Земля,— коротко бросил Ракоци.— Почва моей родины. Без этой защиты, я не смог бы перейти даже через ручей. Земля — моя жизнь. Так же как кровь. А тоска все

не гаснет. Вы страшитесь покинуть родные края. Я знаю, как это больно.

Глаза Деметриче расширились. Какое-то время она молча смотрела на собеседника, потом сказала:

— Они говорят, что Гаспаро Туччи убили вы. Они думают, что вы принесли его в жертву.

— Конечно.— В голосе Ракоци слышалось отвращение.— Они будут распространять подобные слухи еще много дней. Приготовьтесь к этому, дорогая.

Наклонившись вперед, Деметриче сочувственно прикоснулась к его руке. Он осторожно поднес ее пальцы к губам.

— Вы не должны им перечить.— Ракоци говорил мягко, но тон его был серьезен.— Не пытайтесь меня защищать. Наоборот, соглашайтесь и осуждайте меня вместе со всеми. Напраслина скроет правду, которая для меня опаснее, чем ложь.

— Но почему, Сан-Джермано?

— Потому, дорогая,— сказал он, натягивая на ноги сапоги,— что все эти выдумки в чем-то им очень близки, поскольку многие из них порочны и сами. Богохульный насильник — это пугало, щекочущее публике нервы. О нем поговорят и забудут. Иное дело — вампир. Это что-то таинственное, что-то неизмеримо более мерзкое и отвратительное, способное настичь каждого в собственном доме. Вампир представляет реальную угрозу для всех. Его станут преследовать всюду.— Он встал, она тоже, он взял ее лицо в свои руки.— Деметриче, вы до сих пор мне доверяли. Будете ли вы и дальше относиться ко мне так же?

Она ощутила острую боль и закрыла глаза, чтобы сдерживать слезы.

— Вы знаете мой ответ, Сан-Джермано.

Ракоци поцеловал ее в губы. Впервые, очень нежно и осторожно. Затем отстранился и потянулся к кожаной сумке, лежащей на сундуке. Привязав ее к поясу, он сказал:

— Я принял меры, чтобы Иоахим Бранко вернулся в Сиену. Там ему будет спокойнее, чем здесь. Псы Господнии утомонятся не сразу.

Псами Господними называли доминиканцев, и Деметриче вздрогнула при этих словах.

— Я думаю, что меня оставят в покое. Что я для них? Мелкая сошка! У них ничего нет против меня.

Она ощутила предательскую слабость в коленях и втайне порадовалась тому, что руки ее не дрожат.

— Хотелось бы верить, — пробормотал Ракоци, доставая из сундука два длинных кинжала и упрятывая их в рукава. — Но все же соблюдайте предельную осмотрительность. И посылайте мне весточки, я буду их ждать. Руджиеро сейчас составляет бумаги, передающие палаццо в ваше распоряжение. В сундуках комнаты мер и весов имеется достаточно денег, чтобы оплачивать все налоги и держать нескольких слуг. Прежде чем я уеду, мы все подпишем. Задним числом, чтобы никто не мог посягнуть на ваши права...

Ей не хотелось вникать во все эти сложности.

— Подождите, — она видела, что с ним что-то не так. — Вы и впрямь полагаете, что можете ехать? У вас такой утомленный вид.

— Посмотрел бы я на вас в моем возрасте, — пошутил Ракоци, пытаясь ее подбодрить. — Впрочем, вы заслуживаете прямого ответа. Я... я несколько голоден, но это не срочно. Я вполне смогу выдержать длительный путь. — Он снял с вешалки плащ и пошел к двери.

Деметриче не шелохнулась.

— Если я могу чем-то помочь, — произнесла она, внутренне содрогнувшись, — то... Вам вовсе незачем покидать свой дом голодным.

Ракоци замер, глаза его потеплели.

— О, дорогая!

Он усмехнулся и с нежным укором сказал:

— Посмотрите-ка на себя, вы побледнели от страха. В мраморной статуе больше податливости, чем в вас. — Ему хотелось к ней подойти, но не хотелось пугать, и он остался на месте. — Знайте, я беру кровь лишь у тех, кому это не претит. А вы хотите принести себя в жертву. Я бла-

годарен вам за этот порыв. Я знаю, что он продиктован лучшими побуждениями, но — нет.

— Нет? — Глаза Деметриче расширились, она готова была рассердиться. — Если вы думаете, что я не смогу дать вам то, чего вы желаете...

Он помотал головой.

— Нет, Деметриче. Боюсь, этого не смогу дать вам я.

Он не оставил ей времени осмыслить сказанное и требовательным кивком указал на дверь.

— Время не ждет. Нам нужно подписать договор.

Деметриче покорно последовала за ним. На площадке парадной лестницы Ракоци остановился и тщательно закрыл потайную дверь.

— Я думаю, будет правильно, — сказал он, оглядывая панели, — если вы перекроете все входы в секретные комнаты, кроме того, что ведет в них со стороны кухни. Полагаю, палаццо обышут еще не раз.

— Но для чего? — Деметриче вскинула брови. — Неужели вы думаете, что приор на это пойдет? Какой ему смысл дергать стражников понапрасну?

— Фактически Флоренцией правит уже не приор. А Джироламо своего не упустит. Ему явно захочется прибрать все это к рукам. По этой причине я и передаю палаццо под вашу опеку. — Он стал подниматься по лестнице.

Деметриче призадумалась, потом возразила:

— Но у женщин нет права иметь собственность. Синьория опротестует сделку, а потом пустит дом с молотка.

Ракоци уже стоял на верхней площадке.

— Поднимайтесь сюда. Мы заключим временное соглашение. Женщинам позволительно выступать в качестве доверенных лиц. Не забывайте только платить налоги, и никто — ни Синьория, ни Савонарола — не сможет претендовать на дворец.

Ее лицо выразило сомнение.

— Что ж, если вы так уверены...

Они вошли в кабинет.

— Налоги и собственность, милая донна, уважал даже Калигула*, хотя он отнюдь не был отмечен печатью небес. Впрочем... если такой печатью отмечен Савонарола, то рай совсем не похож на то, что о нем говорят.— Ракоци улыбнулся.— Деметриче, вам незачем волноваться. Если местные законники вознамерятся—таки лишить меня моей собственности, вас своевременно об этом предупредят.

Руджиеро, вышедший из-за письменного стола, почти-тельно ожидал, когда хозяин умолкнет. В руках он держал перо и внушительного вида пергамент.

— Все готово, хозяин. Осталось лишь подписать.

Ракоци, не глядя, подмахнул документ и передал его Деметриче.— Прочтите внимательно, дорогая.— Он обернулся к слуге.— Ты хорошо все помнишь?

Руджиеро кивнул.

— Я уезжаю завтра в полдень. Сначала в Пизу, чтобы сбить со следа наших врагов. Из Пизы я поеду в Модену, затем в Милан и лишь оттуда — в Венецию. Я нигде не стану задерживаться, а в Пизе найму охрану, ибо опасность стать жертвой разбойников весьма велика.— Он говорил все это скучным голосом, словно студент, повторяющий выученный урок.

— Ты успеешь собраться? — спросил Ракоци.— Тебе ведь многое надо упаковать.

— Я все успею,— невозмутимо отвечал Руджиеро.— Если меня попытаются задержать, я покажу папские грамоты, присланные синьорой Оливией. Даже Савонарола не осмелится встать у меня на пути.

— Надеюсь,— вздохнул Ракоци.— Что ж. В остальном поступай так, как сочтешь нужным.— Он забрал пергамент у Деметриче, свернул его, обвязал лентой и скрепил печатью ее концы.

Руджиеро подул на воск и, когда тот затвердел, вновь обратился к хозяину.

* Калигула Гай (12–41) — римский император (37–41), славившийся своим жестоким нравом и сумасбродствами.

— Ваша лошадь ожидает внизу,— сказал он спокойно.— Турецкий жеребец. Он в хорошей форме и полон сил.

— Турецкий жеребец,— повторил Ракоци, вручая документ Деметриче.— Дорогая, еще не поздно все изменить. Она покачала головой.

— Я остаюсь. А вам пора отправляться. Скоро совсем рассветет.

Он покорно кивнул.

— Я хочу, чтобы вы писали мне ежемесячно. Через Флоренцию проезжает много народу. Ученые, монахи, паломники. Для разбойников они не пожива, так что письма дойдут. При малейшей опасности дайте мне знать — я тут же приму надлежащие меры. Если рядом не окажется подходящего человека, обратитесь к Сандро Филиппи, он сделает все возможное, чтобы выручить вас.

Деметриче пожала плечами.

— Хорошо, если таково ваше желание, я сделаю, как вы хотите, но, по-моему, вы волнуетесь зря. Что может со мной случиться? Ваши деньги и покровительство дома Медичи гарантируют мне безопасность, поезжайте с легкой душой.

Вовсе не гарантируют, если в дело вступит Савонарола, продумал Ракоци, но ничего не сказал. Он направился к двери и тут же вернулся.

— Вы что-то забыли, Франческо?

— Я не хочу вас оставлять.

В этих словах прозвучала такая мольба, что Деметриче шагнула ему навстречу. В комнате воцарилась напряженная тишина.

Вдали послышался звук колокольчиков. Пастухи выводили овец на холмы.

Это решило дело.

— Нет,— покачала головой Деметриче.— Мешкать нельзя. Вам надо идти.

Темные глаза погрузнели, янтарные были спокойны.

— Благословите меня.

— Доброго вам пути.— Колокольчики продолжали звенеть, и женщина улыбнулась.— Вы верите в добрые знаки?
— Нет,— сказал Ракоцци,— Я верю в вас.

Через мгновение его сапоги уже гулко стучали по мраморным плитам, устилавшим пустые коридоры палаццо. Руджиеро поклонился и вышел, Деметриче осталась одна.

Она подошла к окну, наблюдая за переменчивым небом. Из темно-серого оно сделалось серебристым, затем окрасилось в розовый цвет. Где-то захлопали двери, заскрипели колеса, от церкви донеслись колокольные перезвоны, к ним примешались крики утренних птиц. Раз-другой ей показалось, что она слышит удаляющийся цокот копыт, но звуки множились, и выделить из-них какой-либо стало уже мудрено.

Письмо к Джироламо Савонароле, составленное Синьорией Флоренции.

«Спочтительнейшим смирением приор Синьории шлет свои приветствия Джироламо Савонароле, настоятелю церкви Сан-Марко, и просит его одобрить принятые Синьорией постановления.

Первое. Поскольку все усилия Пьеро де Медичи умиротворить Карла Восьмого ни к чему не приводят, представляется справедливым выслать его вместе с семьей и родственниками за пределы республики.

Второе. Должно принять все необходимые меры, чтобы обеспечить наилучший прием французскому королю, дабы Флоренция не пострадала от возможного мародерства со стороны французских солдат.

Третье. Синьория считает своим долгом всемерно способствовать вашему мудрому предложению сплотить наиболее благочестивую флорентийскую молодежь в отряды, способствующие поддержанию образцового порядка как в нашем городе, так и в его окрестностях.

Четвертое. Наемной страже впредь надлежит подчиняться распоряжениям духовных пастырей наших так же, как она подчиняется распоряжениям светских властей, ибо ересь, как вы по доброте своей нам недавно напомнили, ударяет не только по церкви, но и по всем нашим жизненно важным устоям. Общество, не основанное на богобоязненных принципах, обречено на распад в этом мире, и его граждане не обретут спасения в мире ином.

Пятое. Лица, подозреваемые в связях с еретиками, магами, алхимиками и другими безбожниками, должны быть взяты под неусыпное наблюдение и лишены права покидать пределы республики. Их исповеди необходимо записывать, дабы иметь возможность своевременно выявлять всякую ложь; их жилища следует регулярно обыскивать, а найденные сомнительные предметы надлежит неукоснительно изымать. Флорентийцы же, уличенные в связях с еретиками, должны помещаться в тюрьму для дальнейшего освидетельствования их братьями-доминиканцами, неустанно пекущимися о спасении каждой заблудшей души.

Шестое. Укрывательство еретиков и других богопротивных людей должно караться столь же строго, как и сокрытие уголовного преступления, ибо нравственная разболтанность и терпимость к язычеству уже привели Флоренцию в то ужасное состояние, которое все мы теперь с прискорбием наблюдаем.

Седьмое (последнее). Тем же, кто станет подвергать сомнению справедливость новопринятых уложений, необходимо указывать на их заблуждения и приводить заблудших к публичному покаянию.

Мы рассчитываем на вашу поддержку и, уповая на ваши молитвы, надеемся, что Флоренция вскоре избавится от населяющей ее скверны и избежит грозящих ей бед.

Г. Онданте,
чиновник Синьории по особым делам.
Флоренция, 12 октября 1494 года».

Часть 3

ДОННА ЭСТАСИЯ КАТАРИНА ДИ АРРИГО ПАРМСКАЯ

Вставайте! Вставайте!
Взгляните! Взгляните,
Как Божия слава сияет в зените!
Она лишь одна
Благодатна и вечна!
А жизнь мимолетна,
Скудна,
Быстротечна!

*Сестра Эстасия, приобщенная
к тайнам Господним*

Письмо Марсилио Фичино к венецианской поэтессе Кассандре Феделе.

«Старый Фичино шлет своей подруге Феделе сердечнейшие приветствия из Карреджи.

Много воды утекло, с тех пор как мы последний раз писали друг другу. Каюсь, виноват в том в большей степени я, и все же мне очень хочется получить от вас весточку. Как вы живете? Чем занимаетесь? Мне любопытна каждая мелочь. Ваши новые произведения привели меня в полный восторг, хотя очень немного сейчас может вызвать во мне какие-либо чувства, кроме печали.

Я нахожусь сейчас в потайной комнате на старой вилле Лоренцо и предаюсь напрасным воспоминаниям. Вот уж три года, как Пьеро Медичи выслали из Флоренции, немногим ранее умер Джованни Пико, хотя ему было чуть более тридцати. За ним сошел в могилу Аньоло Полициано — короче, я как последний из них сижу здесь и жду

своего часа, ибо надеюсь, что смерть меня с ними соединит. Ужасно слышать такое из уст священника, правда? Однако Сократ ведь избрал себе смерть, и милосердный Господь приветствовал это. Я чувствую, что прожил свое и должен оставить сей мир. И тому есть резоны. Мне запрещают преподавать, мои друзья мертвы или далеко, а мои работы пылятся в забвении.

Я был во Флоренции на прошлой неделе, но лучше не свдил бы. Вы и представить не можете, что теперь с ней стало. Даже в богослужениях нет былого величия, и, хотя церкви полны, в них царит страх и отчаяние. Душам, взыскующим утешения и покоя, просто не на что там опереться.

Вот почему, дорогая, я к вам так редко пишу. Что может сообщить человек, чье сердце переполнено горем? Ах, если бы Лоренцо был жив и если бы Флоренция оставалась той же, что прежде, тогда... Тогда мы могли бы достойно отметить день рождения Платона и провести ночь с друзьями в философских беседах... Но ныне... Увы!

Ныне бывшие приверженцы де Медичи именуются по-полано*, отжрециваясь от Козимо с Лоренцо, к которым они набивались в родство. Они расправились с фресками Боттичелли, оближавшими предательство Паицци, и глумятся над стихами Великолепного, которые недавно еще были у всех на устах. Я никогда не думал, что Флоренция так скоро забудет семью, которая ее возвеличила, сердце мое содрогается, душа пребывает в тоске.

Тот молодой фламандец, о котором я вам писал в прошлом году, де Ваарт, вынужден был бежать, ибо его объявили алхимиком и неверующим. Впрочем, расправа грозит не только таким, как Ваарт, а и всем образованным людям. Например, Деметриче Воландри, работавшая у Лоренцо секретарем, брошена недавно в тюрьму по какому-то вздорному обвинению. Для них, очевидно, уже преступление, если женщина владеет греческим языком.

* Poperano (ит.) — человек из народа, простолюдин.

Их фанатизм, подобно чуме, считает все на своем пути, лишая город надежды на выживание. Если бы я не был так стар, я тоже бежал бы отсюда, ибо люблю Флоренцию и мне мучительно видеть, как низко она пала.

Я искал утешение в философии и в религии, но меня одолели. Я нес людям слово Божие более двадцати лет, однако теперь я слаб и полон сомнений. Я вижу Савонаролу, стоящего в центре Флоренции. Его отлучили от Церкви, но он отрицает власть Папы. Я вспоминаю Лоренцо, также отказавшегося в свое время принять во внимание папский указ, и задаюсь вопросом: почему же я первого так ненавижу, а память второго так чтю? И сам же себе отвечаю вот что. Протест Лоренцо был актом мужества просвещенного человека, а действия Савонаролы продиктованы всего лишь самовлюбленностью мракобеса.

Что ж. Мои размышления мало что изменяют в существующем положении. Я дал себе слово не омрачать вас, донна Кассандра, но печаль моя чересчур велика. Вы будете пытаться взбодрить меня — не тратьте усилий. Я чувствую, что мое сердце потухло и вспыхнуть ему не дано. Наверное, сестра Эстасия, приобщенная к тайнам Господним, права. Возможно, и впрямь истинные надежда, радость и слава обретаются только на небесах. Она черпает эту уверенность в своих видениях. А я сомневаюсь, подобно святому Фоме.

Чтобы вас более не беспокоить, позвольте откланяться. Лучшие я напишу вам ближе к весне. Весной предместья Флоренции расцветают, да и разбойников тут становится меньше. Несомненно, в мире прибавится счастья, когда на холмах распустится первый цветочек или чей-то сарай огласится писком цыплят.

Я по-прежнему искренне восхищен вашим талантом. Примите мои благословения и любовь.

Марсилио Фичино.
Карреджи, Флоренция,
7 ноября 1497 года».

Лунный свет в своем серебряном изобилии проливался на воды Большого канала, растворялся в золоте фасада Ка д'Оро и мягко мерцал на мраморной облицовке старинных домов и дворцов, подчас лишь драпирующей их внутреннее убожество и обветшалость. Зимняя ночь выдалась на удивление ясной, даруя спокойствие празднику Обрезания. Венеция отдыхала, ее не тревожили обычные для сезона шторма.

Внутри хорошо освещенного, но еще не вполне достроенного Дворца дождей, звучала музыка, огромная веселящая толпа перетекала из зала в зал, всем хотелось отведать заморских вин, перепробовать диковинные закуски и насладиться пением специально сюда приглашенных датских и испанских певцов. Сам Агостино Барбариго бродил среди гостей; золотые пуговицы его живописного одеяния были расстегнуты, открывая взорам простую рубашку черного полотна. Помимо наряда дож выделялся из публики огромными живыми глазами, густой бородой и беретом невероятных размеров.

В одном из салонов со стенами цвета морской волны он увидел Франческо Ракоци, беседующего с Улиссо Вивiano, и остановился послушать их разговор.

— Если открытый в Атлантике Новый Свет и впрямь не является частью известной всем Индии, мы, венецианцы, должны устремиться туда, — быстро говорил молодой человек. — Подумайте, граф. Я молод — и уже капитан. Мне самой судьбой назначено быть в числе первых. Жаль оставлять эту землю на откуп Испании. Для начала будет достаточно всего трех судов. Я знаю людей, которым можно полностью доверять. Они завязанные моряки и жаждут отправиться в поиск. У вас два корабля, я добуду еще одно судно. Две трети прибыли — ваши, вы их получите, практически ничем не рискуя.

— В самом деле? — Лицо Ракоци изображало вежливое внимание. Молодой Вивиано подступался к нему в третий раз и успел надоесть.

— Конечно. Подумайте, граф. Драгоценности. Золото. Пряности. Два-три рейса — и мы сделаем состояние.

— Да, если вас не захватят пираты, если суда не утонут и если аборигены встретят вас дружелюбно. — Ракоци покачал головой.

Барбариго решил вмешаться.

— Оставь его, Вивиано. Кого ты хочешь обогатить? Граф и так несметно богат, а потом — он тебя знает. Или ты позабыл, как пару лет назад потерял его судно? Что ты сделал с ним? Продал? Разбил о рифы? — Дождь отвернулся от капитана и обратился к Ракоци: — На золото, подаренное вами школе Святейшего Иоанна, можно было бы снарядить полдюжины таких экспедиций. Этот вклад не сулит вам прибыли, но Венеция ценит его.

Лицо Вивиано разочарованно вытянулось. Дождь взял Ракоци за руку и потянул за собой.

— Он честен, честолюбив, но деньги давать ему глупо. Впрочем, вы ведь и сами все знаете, тут не о чем говорить.

Они вошли в соседнюю комнату, еще не отделанную. Стены ее были покрыты фресками только наполовину.

— Как вам все это? Мне в общем нравится, но хотелось бы, чтобы остальное дописал Боттичелли.

— Так попросите его.

Тон Ракоци был равнодушен.

— Я просил. Но он отказался, — вздохнул дождь. — Что с вами, Франческо? Сегодня вы не походите на себя.

Ракоци покачал головой.

— Просто мысли мои сейчас далеко. Сегодня первое января. Лоренцо, будь он еще жив, исполнилось бы сорок девять. Флоренция могла бы сейчас ликовать. Но он умер, и она стонет, раздавленная железной пятой. Савонарола окреп настолько, что борется с Папой, с каждым днем он становится все сильнее.

— Вы получили дурные известия? — спросил Барбариго. Взгляд Ракоци потемнел.

— Нет, хотя иных я не жду. Почта что-то задерживается.

— Это бывает. Зима нынче суровая, да и разбойников встоду полно. В сентябре убили двух моих посыльных, купцы в панике: им не переправить товар. — Дождь пожевал губами. — Послушайте, Ракоци, мне нужен совет. Вы ведь родом из Трансильвании?

— Да. Но не бывал там давно. — Он не стал уточнять насколько.

— Вы знали короля Матиаса? — бесцеремонно спросил дождь, и Ракоци понял, что за этим вопросом последуют и другие.

— Не очень-то хорошо. Мы редко виделись с ним. Он был человеком умным и храбрым и часто ездил в Неаполь, поскольку того хотела его вторая жена. Рим и Флоренция относились к нему с уважением. А почему он вдруг вызвал ваш интерес?

— Матиас предлагал Венеции объединиться с Венгрией в борьбе против турок. Я склонялся к союзу, ибо выгоды казались мне очевидными. Но теперь Матиас умер, а Ласло*, его преемник, молчит. Я точно знаю, что мое послание дошло до него, но до сих пор не получил никакого ответа. И не пойму почему.

— А что вам от него нужно?

— Я пригласил его приехать в Венецию, чтобы мы могли без помех кое-что обсудить.

Ракоци усмехнулся.

— Король Добже? Что с ним обсуждать? Не сомневайтесь, он к вам приедет, но только если его австрийские хозяева разрешат. Добже — прозвище Ласло, и означает оно: соглашатель. Не забывайте о том.

* Имеются в виду короли Венгрии Матиас I и Владислав II, правившие соответственно с 1458 по 1490-й и с 1490 по 1516 год.

Барбариго покачал головой.

— Именно этого я и боялся. Хорошо, я попробую отправить второе письмо. Если ответа не будет, постараюсь договориться с Францией. Хотя у французов меньше причин нам помогать. — Он покосился на голую стену. — Доживу ли я до момента, когда тут все будет закончено? Надеюсь, что доживу.

Дождь нахмурился и пошел к двери. Внезапно что-то его осенило, он повернулся и громко спросил:

— Вы не знакомы с донной Кассандрой Феделе?* Её стихи просто прелестны. Так вот, на днях она получила письмо. Из Флоренции. — Дождь бросил на Ракоцци многозначительный взгляд. — Она здесь. Возможно, вам стоит её разыскать.

— Благодарю вас, синьор. Я постараюсь найти эту донну.

Ракоцци сомневался, что станет кого-то искать. О чем ему говорить с пожилой знаменитостью? К его удивлению, она сама отыскала его.

Кассандра Феделе была очень миниатюрна, но держалась с большим достоинством и при всей своей хрупкости обладала удивительно звучным голосом — музыкальным и чрезвычайно густым.

— Сан-Джермано? — спросила она, приближаясь. — Вы — граф Франческо Ракоцци да Сан-Джермано, не так ли?

Известность и возраст позволяли ей вести себя независимо. Подойти первой к мужчине — неслыханная в венецианском обществе вольность, но такой знаменитости сходило с рук практически все.

— Весьма польщен, донна Кассандра, — сказал Ракоцци, поклонившись. — Я уже много лет восхищаюсь вашим талантом. Полициано еще во Флоренции показывал мне ваши стихи.

— О, Аньоло. Мне очень его не хватает. — Поэтесса вздохнула, но ни тени печали не мелькнуло в ее живых и

умных глазах. — Мы можем поговорить? — Прежде чем Ракоцци успел что-либо ответить, она сделала новый выпад: — Никогда не думала, что черное может выглядеть так элегантно. Мы по сравнению с вами просто павлины, вы затмеваете всех.

Ракоцци внутренне усмехнулся и нанес ответный удар.

— Нетрудно выглядеть элегантно, если в основе костюма черный узорчатый бархат, а его прорези отделаны серебром. Я всего лишь подстраиваюсь под свой талисман, — он прикоснулся к медали, изображающей солнечное затмение, — вот весь секрет.

Она одобрительно улыбнулась.

— Прекрасно, прекрасно. Люблю изящные перепалки. Вы во Флоренции освоили этот стиль?

— Нет, — кратко ответил он, следуя за своей дамой к алькову, — Вы не поверите, если сказать вам где.

Донна Феделе опустилась на узкий диванчик и пригласила Ракоцци сесть рядом.

— Меня весьма беспокоит Фичино. Вы ведь его знаете, да?

— Немного. — Это был осторожный ответ, но донна Кассандра не смутилась нимало.

— Недавно я получила письмо. Марсилио в нем не похож на себя: он подавлен, напуган. Вы разбираетесь в флорентийских событиях лучше, чем я. Не хотите ли ознакомиться с этим письмом и высказаться по поводу его содержания?

Ракоцци бросил на собеседницу изучающий взгляд, потом учтиво кивнул.

— Я к вашим услугам. Назначьте мне время и место.

— Незачем так затрудняться, — возразила Кассандра. — Письмо у меня с собой, я надеялась, что вы не откажете мне, и рада, что не ошиблась.

Она потянулась к маленькой старомодной укладке, пристегнутой к поясу, и вынула из нее скатанный в трубку

* Кассандра Феделе — известная итальянская гуманистка тех лет.

пергамент. Протянув его Ракоци, женщина выпрямилась и замерла, словно превратившись в собственное изваяние.

По мере того как глаза Ракоци пробежали по строчкам письма, лицо его делалось все мрачнее, но он продолжал читать. Раздался хруст, голова Ракоци дернулась, он побледнел и бросил скомканный лист на колени.

— Простите, донна Кассандра. Я не...

Ракоци смолк, пытаясь расправить злополучный пергамент.

В серых строгих глазах мелькнуло сочувствие.

— Тут не за что извиняться. Как я понимаю, кто-то из ваших близких попал в беду?

— Деметриче Воландри,— потерянно произнес он.— Они посадили ее в тюрьму.— Губы его скривились, как у обиженного ребенка.

На смену обиде пришла ярость, но он сумел обратить ее в гнев. Он знал, что ярость — плохой помощник. А гнев побуждал к действию и был подобен дождю во время засухи или огню костра в студеную ночь.

Когда он поднялся, поэтесса кивнула.

— Вы хотите уйти? Дождь устраивает банкет. Вы обидите его, если не будете присутствовать.

— Он знает, что я на людях не ем.— Ракоци протянул донне письмо.— Я должен поблагодарить вас, синьора. Новости очень плохие, но... Ничего... По крайней мере, теперь мне ясно, что делать.— Он дернул цепочку, свисавшую с шеи, и сжал в руке талисман, полыхнувший рубиновым светом.— Письмо отправлено в ноябре. Нет ли у вас вестей более свежих?

Донна Феделе молча свернула пергамент и убрала его в поясную укладку. Она уже собиралась что-то сказать, но ее отвлекли. Какой-то щеголь с лютней в руках подлетел к ней и почтительно поклонился.

— Я положил два ваших стиха на музыку, уважаемая Кассандра,— затараторил он с сильным французским акцентом.— Если позволите, я их вам напою.

Ракоци нравился этот француз, ему пророчили блестящее будущее, однако сейчас он появился некстати. Впрочем, Кассандра и сама это поняла.

— Вы слишком добры,— сказала она.— Я очень хочу вас послушать. Но здесь чересчур шумно, и это будет мешать. Приезжайте-ка лучше завтра ко мне, мы прекрасно поладим.

Музыкант просиял.

— Вы чудо, мадам,— заявил он и поспешил к своим товарищам — сообщить, что выиграл заключенное с ними пари.

— Нет ли у вас других вестей из Флоренции? — повторил Ракоци, когда музыкант ушел.

— Вестей нет. Но есть один человек,— сказала Кассандра.— Он поляк, изучает язык и год пробыл в Риме, а два дня назад прибыл сюда. Он проезжал через Флоренцию, дорогой Сан-Джермано. Вам стоит его дожждаться, он обещался быть здесь.

Донна Феделе поджала губы, потом добавила:

— Правда, вам будет трудненько с ним столкнуться. Вы в том убедитесь, как только послушаете его итальянский! Год жизни в Риме не прошел бы бесследно и для барана, но тут...— Она покачала головой.— Я ничего не имею против польских ученых, однако не понимаю, почему Борджиа носится с ними.

— Я говорю по-польски,— ответил Ракоци, игнорируя попытку втянуть его в обсуждение гуманитарной политики Папы.— Я непременно его дождусь.

Женщина улыбнулась. Ее словно забавляло неловкое положение Ракоци. Ему не терпелось уйти, но он был вынужден поддерживать вежливую беседу.

— Вы, кажется, вознамерились оставить Венецию, да? Если так, постарайтесь вернуться скорее. Я ведь уже в годах, и времени у меня мало. Больше всего на свете я не люблю глупцов. Знакомство с вами доставило мне истинное наслаждение. Почему бы нам не продолжить его? Мне

хочется, например, знать, что вы думаете о развалинах, обнаруженных близ Удины прошлой весной.

Он был обязан ей слишком многим и потому спросил:

— Вы говорите о Каза-Соле?

— Да,— ответила она и указала на веселящуюся толпу.— Для большинства из них эта находка мало что значит. Но вы-то знаете, насколько она важна.

— Ну,— осторожно произнес Ракоци, с деланным безразличием пожимая плечами, хотя в его темных глазах замерцали странные огоньки.— Возможно, там некогда находился храм солнца.

— Или,— продолжила донна Кассандра, искоса наблюдая за собеседником,— там помещалось что-то в своем роде единственное, чему сейчас названия нет.

— Возможно,— кивнул рассеянно Ракоци и вдруг встрепенулся.— Вы должны извинить меня, донна Кассандра. Мне неловко прерывать нашу беседу, но я вижу моего управителя и мне просто необходимо переговорить с ним прямо сейчас.

Он вежливо поклонился, дама поклонилась в ответ.

— Что ж, Сан-Джермано, дела есть дела. Не смею вас больше задерживать, однако надеюсь, что мы еще вернемся к этому разговору. И непременно дождитесь поляка,— крикнула она ему вслед, потом села удобнее и устремила свой острый взгляд на влюбленную парочку, проскользнувшую за оконную занавеску. Дурачки надеются уединиться там, где уединиться нельзя.

Джан-Карло заметил Ракоци и принялся проталкиваться к нему сквозь толпу. Он был просто великолепен в бирюзовом венецианском кафтане и белых бриджах с гульфиком, перевязанным яркими, прикрепленными к поясу лентами. Его лицо лоснилось от удовольствия и выпитого вина.

— Сан-Джермано! — развязно воскликнул он.— Я так рад вас видеть!

Ракоци двинул его локтем в бок и прошептал:

— Ступайте за мной.

Джан-Карло от изумления икнул, но беспрекословно последовал за патроном. Они вошли в небольшой зал, где шла карточная игра. Поглощенные своим занятием игроки не обратили никакого внимания на вошедших. Ракоци скорым шагом прошел в дальний угол и встал возле окна.

— Боюсь проявить неучтивость, патрон,— заговорил, понижая голос, Джан-Карло,— но вид у вас просто ужасный. Вы бледны, как известка. Вы не больны?

— Нет.

Он смотрел на Джан-Карло, прикидывая, насколько предан ему этот красивый тридцатитрехлетний мужчина. Ракоци не сомневался в его порядочности, однако люди меняются и легко поступаются принципами под страхом смерти или тюрьмы. Не раз и не два ему приходила в голову мысль открыться венецианцу, но осторожность все-таки побеждала. Вот и сейчас он ограничился лишь тем, что сухо спросил:

— Не знаете ли, где можно пошить одежду на человека вроде меня менее чем в неделю?

Джан-Карло ничем не выдал своего удивления: за время службы у Ракоци он привык ко многим вещам.

— Возможно, Аттилио мог бы. Он всегда шьет для вас и работает очень быстро.

— Нет. Только не Аттилио. Ему это покажется странным. А кто шьет одежду вам?

— Эудженио, но иногда я обращаюсь к Сабине Нимбо.— Он кашлянул.— Патрон, что все это значит?

Ракоци не ответил.

— Спросите, не возьмется ли она за срочный заказ? Весьма срочный и хлопотный. В неделю все должно быть готово. Мне понадобится много одежды, в основном венгерского стиля. И главное — яркой.

— Яркой? — переспросил Джан-Карло.— Вы ведь не носите ничего яркого.

Ракоци отмахнулся.

— Мне надо попасть во Флоренцию. И как можно скорее.

Глаза Джан-Карло расширились. Известие явно ошеломило его.

— Но ведь они вас сразу же арестуют!

«Что с ним? Он спятил? Или всего лишь пьян? Нет, он не пьет, значит, все-таки спятил!» — Джан-Карло нахмурился, не зная, что тут сказать.

— Только в том случае, если догадаются, что перед нами именно я, — сказал Ракоци ровно. — Но кто станет арестовывать племянника беглеца, приехавшего заявить права на имущество дяди? Коротко стриженный, плохо говорящий по-итальянски венгр в ярких национальных одеждах вряд ли вызовет у кого-нибудь подозрения. Людей, близко меня знавших, там уже нет. Только Сандро Боттичелли...

Ракоци вдруг замолчал. Почему Сандро не сообщил ему о том, что произошло с Деметриче? Он осознал, что эта заноза его беспокоила с тех самых пор, как донна Кассандра показала ему письмо. Фичино писал о многом, но о Сандро не обмолвился и словечком. Это позволяло предположить, что с живописцем все хорошо. А ну как этот вывод ошибочен? Что, если Боттичелли, попавший в немилость, тоже томится в тюрьме?

— Патрон? — нерешительно окликнул Джан-Карло, отвлекая Ракоци от тревожных раздумий.

— Я передам вам свои мерки. Отнесите их завтра Сабине Нимбо и скажите, что восемь дней — крайний срок. Цена не имеет значения. Если необходимо, пусть наймет себе в помощь кого-то еще. Объявите, что каждая швея сверх запрошенного будет получать по пять золотых за каждую рубаху или камзол.

Джан-Карло пожал плечами.

— Конечно же я договорюсь обо всем, но вы съезе голову в пасть крокодила. Кто-нибудь все равно может узнать вас. Например, ваша домоправительница. Как ее зовут? Деметриче?

Лицо Ракоци потемнело.

— Она в тюрьме. Именно потому я и еду.

— В тюрьме? — Джан-Карло поморщился и какое-то время молчал, приводя свои мысли в порядок. — Тогда вам тем более нельзя туда возвращаться. Она, возможно, уже на вас донесла. Вы ведь не знаете, почему ее арестовали?

Как ни горько было Ракоци выслушивать это, он все же нашел в себе силы внутренне усмехнуться. Джан-Карло просто струхнул. Он боится, что хозяин предложит ему отправиться в опасное путешествие вместе, и потому всеми силами пытается отменить этот вояж.

— Оказавшись в тюрьме, вы так бы не рассуждали. Я еду, и кончено. Времени у нас мало.

— Да-да, — пробормотал Джан-Карло, краснея. Он любил этого человека и потому пытался отговорить его от безрассудной затеи. — Тогда возьмите с собой кого-то еще. Меня или Руджиеро. Вам ведь нужен помощник. Они все равно могут посадить вас в тюрьму. Как племянника беглеца от них человека.

Ракоци помотал головой.

— Сомневаюсь. Им нет в этом выгоды. Единственное, что они могут сделать, это ограничить время моего пребывания там. Что ж, в таком случае придется поторопиться. Как бы там ни было, а Деметриче следует освободить.

— Патрон, — осторожно начал Джан-Карло, испытывая большую неловкость, — а вы не задумывались о... о другом? Что ваша экономка уже... Простите, но ведь это возможно.

— Вы полагаете, что Деметриче мертв? — резко спросил Ракоци. — Да. Я думал об этом. И потому хочу навести справки. Скоро здесь будет один человек... Я, правда, с ним не знаком, но мне шепнули, что он только что из Флоренции. Надеюсь, беседа с ним что-нибудь прояснит.

Джан-Карло позволил себе возразить:

— Здесь масса народу. Как вы узнаете, кто вам нужен? Ракоци усмехнулся.

— Это будет нетрудно. Я знаю, что он поляк.

— Ах вот как.

Венецианец понял, что проиграл, и склонил голову, признавая свое поражение.

— Значит, одежда должна быть яркой?

— Чем ярче, тем лучше. И главное — венгерского кроя. Больше пышности, вышивки, не скупитесь на жемчуга. Я хочу выглядеть как венгерский вельможа.

Они помолчали.

— Вы давно не бывали на родине, да?

— Да. Очень давно. — Взгляд Ракоци погрузнел. — Джан-Карло, позаботьтесь, чтобы все было в порядке. Сообщите Теодоро из Кавардзере, чтобы он ожидал меня в Кьоджа. Пусть выберет самых быстрых и выносливых скакунов. Я хочу в первый день добраться до Понтеллагоско, а во второй — до Болоньи.

Джан-Карло побледнел.

— Святой Филипп! Вы же загоните лошадей!

— Велите Теодоро приготовить подставы. У нас есть лошади в Пьетрамала?

— Да. Они у Диониджи Фано из Боско. Четыре кобылы и два жеребца.

— Хорошо. — Ракоци потер в нетерпении руки. — Какой они масти? Есть там хотя бы одна не серая?

— Да, кажется, одна из них белая как снежок.

— Пусть мне ее подготовят для въезда в город. — Он взглянул на удивленное лицо Джан-Карло. — Мы основательно запутаем их. Вся Флоренция знает, что Сан-Джермано носил только черное и не держал никаких лошадей, кроме серых.

— Гонца к Теодоро я пошлю на рассвете. — Джан-Карло потер лоб. — Итак, яркая одежда в венгерском стиле, подставы на всем пути до Флоренции и белая кобыла от Диониджи Фано. — Он вскинул глаза к потолку, словно ища там защиты. — Вы ничего не забыли?

— Нет, это все, — кивнул Ракоци. — Теперь я поговорю с польским ученым и тут же уйду. Велите Рикардо погнать к сходням гондолу.

— Все будет сделано. — Джан-Карло облегченно вздохнул.

Пробираясь к выходу из дворца, он широко улыбался. На душе у него было сумрачно, но этого не должен был видеть никто.

Письмо польского ученого Антека Кожелвы, написанное на его родном языке и адресованное Франческо Ракоци да Сан-Джермано.

«Антек Кожелва шлет свои приветствия Франческо Ракоци да Сан-Джермано с отчетом о том, что ему удалось наблюдать в тосканской Флоренции.

Покинув Рим и двинувшись на север Италии, дабы продолжить изучение древних итальянских наречий, я прибыл во Флоренцию в конце октября и стал хлопотать о том, чтобы мне было позволено поработать в библиотеке, основанной Козимо де Медичи. Меня весьма огорчило, что к этим столь скромным моим притязаниям власть предержащие лица отнеслись с большим подозрением, однако благодаря усилиям францисканцев из Санта-Кроче, которые, как я понял, не очень-то ладят с доминиканцами, желанное разрешение было дано.

Вынужден сразу же и с огромным прискорбием заявить, что нынешняя Флоренция весьма далека от былой своей славы. Вместо пышного цветущего сада я нашел мрачный, вытоптаный участок земли. Установленный в городе аскетизм заставил бы вострепетать даже спартацев; боюсь, этой фразой я не выразил и десятой доли того, что творится на деле.

Да, очень возможно, что шерсть стала плоха, что торговля тканями сократилась и что недавнее нашествие войска французского внесло свою лепту в расстройство хозяйства страны. Весьма естественно, что постоянный

недород на полях не мог не заставить граждан республики подтянуть пояса. Но в печальном положении просвещения и науки и в не менее прискорбном упадке искусств повинны прежде всего толпы религиозных фанатиков, не дающие флорентийцам свободно вздохнуть.

За время моего пребывания там я видел много религиозных процессий, но самой странной из них была та, которую я сейчас опишу. Монахи-доминиканцы продвигались по улицам, приплясывая и распевая гимны, умоляя Господа наслать на них святое безумие. Вел их всех некий Савонарола, отлученный Папой от Церкви, но тем не менее призывающий всех окружающих уверовать в то, что Дух Господень снизошел на него. Никто не пытался возразить этому проповеднику, хотя в словах его крылся великий грех.

Подле Савонаролы шла и сестра Эстасия, за благочестивость свою, как было объявлено, приобщенная тайнам Господним. Она немолчно рассказывала о своих видениях, и все, кто слышал ее, замирали в благоговейном восторге. Она была очень слаба, ибо много постилась, лицо ее покрывали следы от ударов хлыста (остальное было укутано — даже руки). Но слова этой женщины звучали так страстно, что многие начинали плакать и каяться. Затем сестра Эстасия стала петь свой новый гимн, монахи его подхватили, а сестра принялась танцевать. Завидев это, многие участники шествия попадали на колени, а Савонарола громкогласно призывал всех в свидетели силы и могущества Господа. Сестра Эстасия, оборвав свое пение, упала к ногам Савонаролы и начала целовать их с большой пылкостью, а потом потеряла сознание. Сестры-селестинки были вынуждены унести ее в свой монастырь, расположенный за городскими стенами. (Хочу заметить, что с тех пор, как сестра Эстасия принесла Сакро-Инфанте известность, к монастырской больнице пристроили другое крыло, ибо она уже не вмещала страждущих, не способных позаботиться о себе. Настоятель-

ница Сакро-Инфанте сестра Мерседе даже неосторожно посетовала, что в городе стало больше безумцев, за что Савонарола сделал ей выговор. Он так разошелся, что предложил освободить сестру Мерседе от обязанностей главы монастырской общины и возложить их на сестру Эстасию, но та упросила доминиканца отказаться от этой затеи, и все осталось как было.)

Добавлю еще, что тех флорентийцев, которых не тронули танец и пение благочестивой Эстасии, похватили одесье в серые сутаны юнцы и заставили публично покаяться в стенах Санта-Мария дель Фьоре при огромном стечении прихожан.

Эти молодчики, еще не достигшие брачного возраста, дважды врывались в мое жилище. Они искали предметы роскоши, а также книги, запрещенные Церковью. Совершать эти обыски им дозволено новыми уложениями, принятыми приором и Синьорией республики, которые все еще являются властью, но находятся под сильным влиянием Джироламо Савонаролы.

Тех же, кто не подчиняется новым правилам, преследуют и сажают в тюрьму. Существует особенный документ с перечнем признаков, за которые человека можно обвинить в ереси и упрятать в узилище. Темницы города переполнены, но более строгие действия к узникам пока что не применялись. (По крайней мере, ничего такого не было до декабрьского праздника святого Николая, а потом я покинул Флоренцию.) Кажется, до Рождества Христова всех заблудивших решили не трогать, чтобы дать им время как следует осознать собственные ошибки и вины.

Надеюсь, мой почерк и стиль изложения не вызовут у вас затруднений. Ваш устный польский столъ превосходит, что вы, мне думается, должны с легкостью разобрать и письмо. Если это не так, я охотно переведу сей скромный отчет на латынь, коей, мне кажется, я овладел в совершенстве, хотя в итальянском не очень-то преус-

пел. Не правда ли, для таких иноземцев, как вы и я, этот язык большая морока? Но многие, к сожалению, тут на нем говорят и требуют от приезжих того же. Латынь звучнее, строже и проще, но они не хотят это понимать.

Скажите, вы изучали польский по книгам? Или бывали в наших краях? Впрочем, я понимаю, что вопрос мой нелеп, и прошу простить мне излишнее любопытство.

За сим позвольте верить, синьор Ракоци, что я всегда к вашим услугам и буду рад, если вам как-нибудь вздумается меня навестить в доме Лино Ваззомаре, в том, что находится возле монастыря Сан-Грегорио. С лучшими пожеланиями

Антеж Кожелва.
В светлейшей Венеции,
4 января 1498 года».

ГЛАВА 2

Чтобы достичь Флоренции, ему потребовалось шесть дней. Скорость, возможная летом и невероятная для зимы, когда на дорогах то снег, то лед, то вода. Он сменил четырнадцать лошадей. Одна расколола копыто — между Кьоджей и Пьетрамала, на старой горной тропе. Ракоци хотел сократить путь, но в результате вынужден был убить покалеченное животное. Потом он часа три брел пешком по замерзающей слякоти к небольшой деревушке, где отогрелся и взял мула. Это был хороший урок.

С болью в душе и ломотой во всем теле он смотрел на крыши Флоренции, красные от закатного солнца. Он знал, что следует поспешить, иначе городские ворота закроются и ему придется искать пристанища в одном из окрестных монастырей. Ракоци тронул повод, белая кобыла, издав тихое ржание, стала спускаться с холма.

— Я знаю, — сказал Ракоци, поглаживая гриву усталой красавицы, — ты хорошо потрудились. Но надо еще потер-

петь. Осталось совсем немного. Скоро ты отдохнешь и поешь. — Он выпрямился в седле и принял горделивую позу.

На его счастье ворота Санта-Кроче были открыты, их охраняли трое улан, вооруженные швейцарскими пиками. Стражники нетерпеливо переминались с ноги на ногу, ожидая, когда умолкнут церковные колокола.

Всадник на белой кобыле успел подскочить к ним с последним звоном вечернего благовеста, служившего знаком, что ворота можно закрыть. Стражники с немим изумлением оглядели зеленый плащ, отороченный мехом куницы, и высокие сапоги, в каблуках которых поблескивали драгоценные камни. Богатая меховая шапка, золотая серьга. Незнакомец выглядел очень внушительно и держался надменно. Одна рука его крепко сжимала поводья, вторая была упрятана в русскую муфту.

— Ваше имя? — спросил капитан, преграждая всаднику путь.

— Жермен Ракоци. Я еду из Венгрии. — Капитан шевельнул пикой, белая кобыла прынула в сторону, но незнакомец непринужденным движением ее осадил. — Солдат, отойдите назад. Вы пугаете лошадь.

К такому обращению капитан не привык, он невольно попятился. Властьность приезжего вызвала зависть и восхищение. Чтобы не потерять лица, страж приосанился и решил задать чужаку еще пару вопросов.

— Ответьте, зачем вы прибыли в этот город, синьор?

— Заявить свои права на имущество. Я племянник Франческо Ракоци да Сан-Джермано, и все, чем он владел здесь, — мое, — ответил Ракоци, намеренно путая ударения.

— А вам известно, что ваш дядюшка бежал из Флоренции под угрозой ареста? — спросил капитан, и глаза его самодовольно блеснули.

— Где находится палаццо да Сан-Джермано, солдат? Капитан был озадачен.

— Я сказал, что ваш родич покинул этот город под угрозой ареста.

Ракоци невозмутимо кивнул.

— Вполне возможно. Так где же?

— Поезжайте на север. К монастырю Святейшей Аннунциаты. — Капитан ткнул рукой в купол Санта-Мария дель Фьоре, поскольку тот скрывал остальные ориентиры. — Только учтите, дворец сейчас пуст. Там нет никого. Никто вас не встретит. Там никто не живет. — Он говорил короткими фразами, решив, что так чужаку будет понятнее.

— Пуст? — Ракоци вскинул брови. — Почему? За имущественным должен кто-то приглядывать. Я возмущен. Скажите, солдат, — обратился он к капитану, — что случилось? Куда подевалось доверенное лицо моего дядюшки?

— Я не уполномочен отвечать на такие вопросы, — злобно улыбнулся «солдат» и отошел в сторону, уступая дорогу. Ну вот, подумалось Ракоци, сейчас этот служака помчится докладывать, что в город приехал племянник еретика. Он постоял, пока ворота не заперли, и тронул кобылу. Охранники глядели ему вслед. Когда приезжий скрылся за поворотом, они опустили, побряхтывая, на колени и, склонив головы, стали молиться, как того требовали новые уложения Синьории.

Флорентийские улицы были мрачны, великолепные статуи, некогда их украшавшие, то ли разбили, то ли куда-то убрали. Голые стены, холодные темные окна, Ракоци сделалось не по себе. Над входом в церковь Сан-Марко белело полотнище с красной надписью: «Восславим муки Христовы!» Он подъехал к палатце. На стене его тоже виднелась надпись. Короткая и выразительная: «Сатанист!»

Да, Флоренция изменилась! Чем же Савонарола сумел ее взять? Уж не тем ли, что странным образом походил на Лоренцо? Тот тоже диктовал Синьории свою волю и бросал вызов Папе, а горожане рукоплескали ему. Для Флоренции отлучение доминиканца от церкви было лишним доказательством его благочестия в противовес чудовищной развращенности Борджиа, слухами о которой полнился католический мир.

Ракоци спешился, толкнулся в незапертые ворота и повел свою кобылу к конюшне, не обращая внимания на оскорбительные рисунки, пятнавшие облицовку палатцы. В основном это были фигурки рогатых и хвостатых существ, снабженных воздетыми фаллосами невероятных размеров. Он подумал с иронией, что Эстасия обвинила его не в том, что было, а в том, чего не было, но чего бы ей очень хотелось. Вот парадокс: правду она все-таки утаила, ибо правда могла сокрушить и ее.

Он приоткрыл дверь конюшни и понял, что там побывали. Большая часть упряжи пропала, с одной из повозок сняли даже колеса.

— Входи, Гелата, — сказал Ракоци, потянув за узду.

Кобыла, прядая ушами, неохотно пошла за ним. В ее огромных глазах словно застыл большой знак вопроса. Она явно не понимала, почему тут так холодно и нет других лошадей.

Ракоци накинул поводья на брус и огляделся. В одном из ящиков обнаружилось немного зерна.

— Маловато, милая, но на вечер должно хватить, а завтра посмотрим.

Он взял лопату и принялся чистить стойло, примыкавшее к стене главного здания и защищенное от сквозняков. Работа его успокоила. Расчистив площадку, Ракоци заглянул на чердак. К счастью, солома там еще оставалась, сухая и без затхлого запаха. Ракоци вилами покидал ее вниз, соорудив для Гелаты основательную подстилку. Покончив с этим, он завел лошадь в стойло, потом насыпал в кормушку зерна и наносил воды из бочки, стоявшей под водосточком.

Убедившись, что с лошадью все будет в порядке, он оставил конюшню и, двигаясь ощупью по узкому переходу, вышел во внутренний двор. В полумраке не было видно, цела ли мозаика, но тратить время на поиски факела ему не хотелось. В конце концов, не важно, цела она или нет, все равно сейчас ничего не поправишь.

Он вошел в главное здание и зябко поежился, гулкие звуки шагов нарушили тишину. Пахло плесенью, мебель была опрокинута, под многими окнами валялись скомканные портьеры.

Ракоци затопила волна гнева. Быстро взбежав по лестнице на площадку, он ощупал резные панели и успокоился, обнаружив, что с ними все хорошо. Теперь следовало спуститься в подвал и посмотреть, что творится на кухне.

Там, к его удивлению, царили порядок и чистота. Утварь находилась на месте, в огромном камине лежали дрова, словно бы дожидаясь, когда к ним поднесут тлеющий трут. Ракоци невольно задумался, что случилось с его поваром, но тут же выбросил эти мысли из головы. Сейчас куда важнее было развести огонь в очаге: тогда по скрытым в полу и стенах здания трубам пойдет тепло и постепенно обогреет палатцу. Сухая растопка занялась моментально. Ракоци облегченно вздохнул и прислонился к разделочному столу. Когда жадное пламя окрепло, он забил зев камина поленьями, чтобы жар держался подольше, опустил решетку и проверил, открыты ли вьюшки.

Дверь хода, ведущего к потайным комнатам, подавалась легко, но Ракоци открывал ее осторожно, прислушиваясь, не заскрипит ли где арбалетная тетива. Все обошлось, и он стал подниматься по лестнице уже почти без опаски, но с чувством брезгливости, ибо ему пришлось заподозрить в предательстве свой собственный дом. Ощущение было не из приятных, и все же в комнату, примыкавшую к алхимической лаборатории, он также проник с некоторой заминкой. Эта комната служила его личным прибежищем, и, затеплив свечу, Ракоци не обнаружил в ней никаких перемен. Узкая койка, стоявшая у дальней стены, была аккуратно прибрана, в сундуке, похоже, никто не рылся, и «Орфей» Боттичелли, являвшийся, в сущности, портретом Лоренцо, по-прежнему висел на стене. Ракоци посмотрел на картину и вновь спросил себя: почему Сандро ничего ему не написал? В голове его тут же зароились тревожные мысли.

Со свечой в руках он обследовал лабораторию и нашел ее в полном порядке. На одном из длинных рабочих столов лежали листы пергамента с заметками, сделанными рукой Деметриче. Перебрав их, Ракоци понял, что его помощница не сидела сложа руки. Слабая улыбка осветила его лицо, но быстро исчезла — беспокойство вновь овладело им.

Деметриче в тюрьме, но что же со слугами? С Аральдо, Пасколи, Гвальтере, Мазуччо? Где Амадео? Ему надлежало быть тут!

Возможно, кто-то бежал, а кого-то арестовали, но выяснить это прямо сейчас не представлялось возможным. Утро должно было дать ответы на все вопросы. Ракоци вернулся к себе.

Спустя четверть часа он уже крепко спал на своей жесткой кровати. Днище ее было двойным, его заполняла земля, оберегавшая сон Ракоци на протяжении многих веков.

Обращение настоятеля собора Сан-Марко Джироламо Савонаролы к богобоязненным гражданам Флорентийской республики.

«Наступает Великий пост, всем добрым католикам надлежит отвлечься от мирских дел и задуматься о великой жертве, которую принес ради нас наш Спаситель!»

Почтем же за великое благо возможность еще раз проявить свою любовь к Всевышнему, ревностно соблюдая Его заповеди и умножая число своих благочестивых деяний!

День 19 февраля объявляется днем покаяния. Все заблуждавшиеся должны будут публично покаяться в своих прегрешениях. Им вменено целовать ноги тех, кто ими обижен, а кроме того, каждому кающемуся надлежит повесить себе на грудь табличку с перечислением всех сво-

их вин. Сии таблички предписывается носить на протяжении всего поста, до пасхальной субботы. С 24 февраля и до страстной пятницы Христову воинству дозволяется проводить досмотр всех флорентийских домов, неукоснительно изымая при том все предметы роскоши, богохульные книги, бесстыдные картины и украшения, не совместимые с добродетельной жизнью.

4 марта будет зажжен костер, в пламени которого сгорят эти богопротивные вещи, чем все мы выразим наше презрение к мирской суете. Истинные христиане смогут принять участие в столь благочестивом деянии, отправляя в огонь всю нечестивую мишуру.

Помните: земная краса лжива, она лишь мерзкий соблазн, убодящий от светочей царства Господнего. Поищите в сердцах своих — и вам откроется бездна скверны. Избавьтесь же от нее!

Великий праздник поста достигнет славы своей 10 марта, и флорентийцы, обвиненные в ереси, предстанут перед своими согражданами, чтобы жестоко поплатиться за свои заблуждения. Тех, чьи сердца содрогнутся от жалости, призываю подумать о том, что грешникам дано было время раскаяться и что с упорствующими в ереси надлежит поступать как с козлицами в стаде агнцев.

Молись, Флоренция, чтобы Господь, читающий в сердцах наших, смилостивился над тобой и узрел в огне, сожигающем языческих идолов, сияние истинной веры!

Обнародовано по указанию Джироламо Савонаролы и с разрешения Синьории 18 января 1498 года».

ГЛАВА 3

Он покинул палаццо с рассветом. Мостовые Флоренции блестели от льда, под ногами хрустело, и Ракоци, отягощенный пышной одеждой, передвигался весьма осторожно. Бархатная шляпа, золотая серьга и парчовый камзол, отделанный в обшлагах горностаем, при-

влекали к нему внимание редких скромно одетых прохожих, но он только вскидывал подбородок и продолжал идти ровным шагом, делая вид, что ничего не замечает вокруг.

На виа Нуова Ракоци счел необходимым потоптаться на месте, словно бы соображая, куда направить шаги. Он свернул к одному дому, потом к другому и только потом постучался в нужную дверь.

Ветер, задувавший с холмов, нес мелкий снег, и Симоне Филиппи скорчил недовольную мину, увидев, что гость ему незнаком.

— Вот что, любезный,— сказал повелительно Ракоци,— извольте ответить, не здесь ли живет живописец, именуемый Боттичелли?

Разглядев незнакомца, Симоне помрачнел совсем. Шеголь, стоявший на пороге, всей повадкой своей и манерами живо напоминал о том, что потеряла Флоренция с приходом Савонаролы.

— Да, это его дом, но он в молельной.— Симоне хотел было закрыть дверь, но мешкал, не находя для того предлога, а посетитель, похоже, не понимал, что его не желают впустить.

— В молельной? — У Ракоци сжалось сердце.— А когда он освободится? Мое имя Жермен Ракоци. Я должен увидеть его.

Он знал, что за этим последует.

— Ракоци? Значит, вы во Флоренции? И у вас хватило наглости явиться сюда?

Ракоци недовольно поморщился.

— Успокойтесь, любезный. Я и сам знаю, что мой дяюшка что-то у вас натворил.— Он подбоченился и заявил: — Но меня это никак не касается. Я приехал сюда по вопросам наследства, и господин живописец должен мне кое-что пояснить.

Симоне понял, что обознался, и разозлился еще больше.

— Приходите позже,— сказал он, намереваясь захлопнуть дверь.

Та захлопнулась, но гость оказался в прихожей. Как он это проделал, осталось тайной. Симоне вытаращил глаза.

— Ну хорошо, я могу подождать. Впрочем, дело важное и отлагательства не терпит. Сообщите господину художнику, что его ожидают.— Гость нетерпеливо поморщился и притопнул ногой.

— Как будет угодно синьору,— пробормотал подавленно Симоне.— Но позвольте вам сообщить, что во Флоренции не принято входить в дом без приглашения.

Ракоци вскинул бровь.

— В самом деле? А мне говорили, что благочестию здесь открыты все двери. И что юношам из Господнего воинства приглашения вообще не нужны. Не может быть, чтобы меня обманули!

Симоне только хрюкнул в ответ и поспешил удалиться. Непрошенный гость улыбнулся, заметив, что он свернул не к молевой, а к мастерской. Оставшись один, Ракоци осмотрелся. В просторной прихожей этого дома обычно висели готовые работы Сандро, дожидаясь, когда заказчики их заберут. В прежние времена это была чувственная воздушная живопись на античные темы. Теперь сюжеты переменились и краски их потускнели. Распятый Христос, опечаленная Мадонна, скорбные лики великомучеников... Ракоци невольно поежился. Лицо святого Себастьяна показалось ему странно знакомым. В пронзенном стрелами юноше художник изобразил себя.

— Брат примет вас.— Симоне улыбнулся, заметив, что посетитель вздрогнул.— Я вижу,— добавил он,— что вам нравятся эти картины. Они не могут не восхищать. Сандро теперь много работает во славу Господню.

Ракоци покачал головой.

Симоне расценил этот жест как одобрительный и, одушевившись, продолжил:

— Смотрите, с каким целомудрием пречистая Дева принимает посланца небесного. В глазах ее кротость, в них нет и намек на святотатственный плотский восторг. Сандро совершенно переменился, отринув свои заблуж-

дения, и перестал потворствовать низким страстям. Он ждет вас, ступайте за мной, сударь.

Симоне повернулся и зашагал в глубину дома.

Ракоци в полной растерянности побрел следом за ним.

Сандро стоял у стола, заваленного набросками. Морщин на его лице прибавилось, в рыжевато-коричневых волосах пробилась сильная седина. Пристально взглянув на вошедших, он с неохотой отложил в сторону лист бумаги.

— Вы родственник Франческо да Сан-Джермано?

Ракоци невозмутимо кивнул.

— Вам говорили, что вы на него очень походите?

— Я знаю.— Ракоци покосился на Симоне.— Синьор Филиппи, могу ли я побеседовать с вами наедине?

Шумно вздохнув, Сандро обратился к брату:

— Симоне, я уверен, тебе есть чем заняться. Чуть позже я тебя позову.

Окаменев от возмущения, Симоне какое-то время сверлил брата глазами, потом резко повернулся и, громко хлопнув дверью, ушел.

Повисло молчание, затем Ракоци, указав на эскизы, спросил:

— Можно взглянуть?

— Сделайте одолжение.— Сандро отошел в сторону. Ракоци склонился к столу.— Ваш дядюшка обладал тонким вкусом. Теперь таких знатоков во Флоренции нет.

Взяв в руки пару набросков и повернувшись к окну, Ракоци сдвинул брови.

— Можно узнать, над чем вы работаете?

Сандро нервно взерошил шевелюру.

— Тема библейская. Избиение младенцев. Но у меня ничего не выходит. Вот, посмотрите. О чем говорит вам эта рука? Ни о чем ровным счетом. А она должна пробуждать сочувствие, жалость. Или это лицо? Оно неживое, как маска.— Он забрал у гостя эскизы и швырнул их на стол.— Все много хуже, чем в худших вещах Леонардо. Я молюсь, но молитвы не помогают. В последнее время мне

все труднее писать.— Боттичелли раздраженно поморщился и потер руками лицо.

Ракоци промолчал. Сандро говорил правду. Эскизы были бездарны. Художник терял талант.

— Впрочем, все это не важно. Что вас сюда привело? — Сандро потряс головой, пытаясь сосредоточиться.— Надеюсь, не какая-то скорбная весть? Например, о смерти да Сан-Джермано? Это было бы уже чересчур.

Ракоци пристально глянул на живописца.

— Нет. Он жив и здоров. Меня заботит другое.

Сандро облегченно вздохнул.

— Вот и прекрасно. Смертей слишком много. Я рад, что с Франческо все хорошо. Мне очень его не хватает. Я сам убедил его покинуть Флоренцию, а теперь об этом грущу. Мне почему-то кажется, что он сумел бы справиться со всеми напастями и остановить надвигавшуюся на город беду. То, что сейчас происходит, ужасно! — Боттичелли потряс руками и замер, потерянно глядя на них.— Я не хочу во всем этом участвовать! Но у меня нет другого пути. Мне приходится принимать их, я молюсь вместе с ними и пишу то, что они велят. Я предаю сам себя и становлюсь все более одиноким. Флоренция изменилась. Вместе с ней изменился и я.

Ракоци молча слушал, он понимал, что художнику следует выговориться. Хотя выплескивать эти признания первому встречному было не очень-то благоразумно с его стороны. Похоже, Сандро и сам понял это. Он опустил руки и глухо пробормотал:

— Надеюсь, вы никуда не пойдете с доносом? Мое положение и без того достаточно шаткое.— Лицо его отразило сильнейшее замешательство.— Сам не знаю, зачем я все это сказал. Просто вы очень походите на своего родственника, а тот...

Ракоци усмехнулся и сказал на чистейшем итальянском:

— Посмотрите-ка на меня.

Он снял шляпу, бросил ее на стул и согнал с лица остатки высокомерия.

Сандро замер, потом отшатнулся, его золотистые глаза загорелись.

— Франческо?

— Да, это я.

Он видел, что Боттичелли колеблется, и стоял, выжидая. Сандро теперь набожен. Еще неизвестно, как он примет внезапное возвращение еретика.

— Боже, вы сумасшедший!

Ракоци только пожал плечами.

Сандро медленно обошел вокруг стола, затем порывисто бросился к гостю и крепко обнял его.

— Сумасброднее человека я еще не встречал! Господи Боже, вы хоть себе представляете, что вас ждет, если кто-то узнает, что вы — это вы?

— Да, представляю,— мягко сказал Ракоци, отстраняясь. Он, не раз видел воочию, как поступают с вероотступниками, но не стал о том говорить.

— Так зачем вы вернулись?

— Затем,— слова Ракоци звучали спокойно,— что Де-метриче Воландри в тюрьме. И я намерен ее оттуда вызволить.

Сандро смутился. Судорожно сглотнув, он сказал, отводя взгляд:

— Это практически невозможно. Вы лишь добьетесь того, что арестуют и вас.

— Что они собираются с ней сделать? — Дыхание Ракоци пресекалось.

— Пока неизвестно.— Сандро в растерянности рухнул на стул и замер, не сводя с гостя жалких, измученных глаз.— Но... как вы узнали? — Ракоци промолчал. Боттичелли спокойно дернул бровями и уставился в пол.— Ну да, я сам... я первый должен был вам обо всем сообщить, но... меня так зажали. Постоянная слезка, доносчик-брат, я не имел возможности написать вам ни строчки! — Он замолчал и хватил себя кулаком по колену.— Нет, это ложь! Я мог извернуться, я мог найти какой-нибудь способ, но трусился. Я недостойн вашей дружбы, Франческо. Они запугали меня.

— Сандро, амиго, успокойтесь. Вам не стоит себя так корить.— Ракоци прошелся по комнате и вновь подошел к Боттичелли.— Я вас ни в чем не виню.

— Зато я себя обвиняю.— Сандро досадливо дернул плечом.— Я ненавижу себя

Ракоци вздохнул, он не знал, что тут сказать. Людям свойственно каяться задним числом и носиться со своими несчастьями, не замечая бед и горестей близких. Если Деметриче жива, то все, возможно, и обойдется. Если же нет...

Сандро заговорил снова:

— Не буду ничего обещать, потому что сам себе плохо верю, но я готов вам помочь. Вам же не стоит слишком на меня полагаться. Однако что-нибудь сделать я все-таки смогу. Итак, теперь вы племянник графа Франческо Ракоци да Сан-Джермано. Как вас зовут?

— Жермен.

— Жермен Ракоци. Что ж, хорошо! Я постараюсь быть вам полезным.— Он посмотрел в окно и нахмурился.— Теперь говорите — в чем?

— Достаточно, если вы будете держать мою тайну в секрете.— Ракоци прислонился к столу.— Впрочем... Надо бы срочно узнать где содержится Деметриче. Если она, конечно, жива.

— Она жива. Но времени у вас мало. Доминиканцам не терпится кого-нибудь сжечь.— Сандро покачал головой.— Аутодафе во Флоренции! Кто мог бы в это поверить?

Ракоци помрачнел.

— Вы шутите, Сандро!

— Нет, не шучу. Эти четыре года отбросили наше просвещенное общество на сто лет назад. Что будет дальше, трудно себе представить.

— Где держат узников? В местной тюрьме?

— Нет. Их увозят из города. Кажется, в окрестные замки. Но конкретно ничего не известно.— Он пожал плечами и встал.— Я попробую это выяснить. У Эстасии. Возможно, она что-то знает. А возможно, и нет.

— У Эстасии? — переспросил Ракоци.— А откуда ей знать?

— О! — Сандро передернулся.— Она теперь — шишка. После того как приняла монашеский сан. Эстасия стала кумиром толпы и первой фигурой в клике Савонаролы. Люди сбегаются, чтобы послушать ее вдохновенные гимны. Она их на ходу сочиняет и имеет огромную популярность. Такому успеху мог бы позавидовать и Лоренцо, хотя его песенки тоже были у всех на устах.

— Погодите, Сандро. Вы хотите сказать, что сестра Эстасия и ваша кузина — одно и то же лицо? — Ракоци хлопнул ладонью по столу.— Я должен был догадаться! Монахиня, приобщенная к таинствам! Так это — она? Ну да, это вполне в ее духе! А я — абсолютный глупец! — Он был не на шутку взволнован.— Вот уж не думал, что Эстасия облачится в сутану. И что, она ей идет? А как же мужчины? Разве они стали ей не нужны? Ни за что не поверю: она слишком чувственна. Ей постоянно надо себя убажывать.

— Сначала она была одержима дьяволом,— хмуро сказал Сандро.— Но это ей быстро наскучило. Возможно, вскоре ее утомит и Господь.— Он взял со стола какой-то рисунок и тут же резко его отшвырнул.

Ракоци понял, что тронул запретную тему, и на минуту умолк. Потом, прикоснувшись к руке живописца, произнес:

— Узнав, где находится Деметриче, вы очень поможете мне. Но если у вас не получится, ничего страшного не случится. Я сам найду способ ее отыскать. Я ведь зашел не за помощью, а убедиться, что с вами ничего не стряслось.

— Я недостоин подобного отношения,— пробормотал Сандро.— Я сделался слишком путлив.

— Ну-ну, Боттичелли,— Ракоци начал сердиться.— Перестаньте себя казнить.— Он бросил косой взгляд на неоконченные работы.— Лучше скажите, когда вы почувствовали, что стали хуже писать?

Лицо Сандро вновь сделалось жалким.

— Около года назад. Когда взялся за все это.— Он оглядел свои руки и отвернулся к окну.— Но я не связываю одно с другим. Просто мне уже за пятьдесят, и моя сила уходит.

Яркие лучи солнца заполнили мастерскую, словно бы возражая этим словам. «Сила Сандро уходит, а день ее лишь набирает,— подумал Ракоци.— Надо идти».

— Если я найду вам заказчиков на стороне, вы согласитесь уехать отсюда?

Не поворачиваясь, Сандро спросил:

— Вы говорите о себе?

— Возможно. Но есть и другие.

Сандро вздохнул.

— Нет. Я утратил талант. То, что я рисую сейчас, недостойно внимания. Такое может нравиться только священникам и тем, кто стремится на небеса.— Он неуверенно улыбнулся и вдруг без всякого перехода спросил: — Скажите, у вас еще сохранился «Орфей», заказанный мне Лоренцо?

— Да, он висит в моей спальне. Его не нашли.

— Я хотел бы, чтобы вы мне его возвратили.

Сандро потупился, потом поднял голову и принялся разглядывать потолок.

— Но... зачем?

Боттичелли сложил молитвенно руки и с отчаянием в голосе произнес:

— Четвертого марта я должен сжечь его на костре. Я поклялся предать все свои языческие работы огню.

— Это глупая шутка,— быстро сказал Ракоци.

Глаза Сандро были серьезны.

— Это не шутка, Франческо. Клятву слышали многие, и четвертого марта я сделаю то, что обещал.

— Нет! — Ракоци охватило холодное бешенство.— Что за безумный бред? — Он схватил Боттичелли за плечи.— Вы же художник! И хотите убить свое прошлое? Тогда объясните хотя бы причину!

Сандро дернулся, сглатывая с себя руки гостя, и отошел от окна.

— Надеюсь, тогда меня оставят в покое. Вы знаете, что такое покой? — Он ронял слова безразлично, словно совсем не заботясь, слушают его или нет.— Я был здесь, а вы сбежали, Франческо. Вы жили в Венеции, а они терзали меня.

— Покой? — Ракоци усмехнулся.— Очнитесь, амиго, покой — это смерть! — Он сам словно очнулся и посмотрел вокруг невидящим взором, в его голосе появилась мольба.— Послушайте, Сандро. Я понимаю, вы много вынесли, но ваше решение — большая ошибка. Вы будете мучиться, вы не найдете покоя, ибо тому, что вы собираетесь сделать, названия нет. Это хуже, чем убивать детей, ведь те могут хотя бы кричать, звать на помощь. А ваши работы на помощь не позовут. Они безгласны, безропотны, они уязвимы. И невыразимо прекрасны, ибо устремлены к свету, к добру.

Ракоци сделал глубокий вдох и продолжил:

— Там, на столе, лежат ваши эскизы. Избиение младенцев — скорбная тема. Зачем вы мучаетесь над ней? Чтобы пробудить в сердцах сострадание? Тогда почему же его нет у вас? Ваша акция много хуже библейской, ведь детей по приказу жестокосердого Ирода убивали солдаты, а не их собственные матери и отцы. Слышите, даже Ироду не пришлось в голову повелеть им такое, а вы по своей воле идете на этот безумный шаг! Опомнитесь, Сандро! Прекрасное так легко уничтожить. Вы стремитесь к покою, к спасению, но ни то ни другое не достигается кровью, огнем и мечом.

Он ощутил сильное жжение в груди и остановился, чтобы глотнуть воздуха. Сандро молчал, и Ракоци вновь захлестнула ярость. Голос его обрел твердость металла.

— Я не верю ни в небеса, ни в ад. Но сейчас мне хочется, чтобы преисподняя все же существовала и чтобы люди, подобные Савонароле, вечно мучились там за свои

преступления. Откажитесь от своей клятвы, Сандро. Умоляю! Иначе она вас раздавит. Вы сами себе ничего не простите потом.

Поглядев на Сандро, он понял, что говорил впустую.

Глаза живописца были мрачны. Голос его прозвучал тихо и ровно:

— Я выслушал вас.

— Но Сандро!

— Довольно. Я сделал выбор. И свое решение не изменю. — Он открыл дверь и позвал Симоне.

Тот где-то замешкался, и Боттичелли вновь обратился к гостю:

— Думаю, нам незачем больше встречаться. Ради спасения Деметриче я сохраню вашу тайну, но теперь вам лучше уйти.

— Сандро, прошу вас.

— Прощайте.

Живописец холодно поклонился и закрыл дверь мастерской.

Письмо Оливии-римлянки, написанное на обиходной латыни и адресованное Франческо Ракоци да Сан-Джермано.

«Встревоженная Оливия посылает Франциско свой сердечный привет.

Во имя всех на свете богов! Что с тобой происходит? Стоило ли уезжать из сравнительно благополучной Флоренции, чтобы вернуться туда в самое беспокойное время? Или ты позабыл, что костер грозит тебе истинной смертью точно так же, как перелом хребта или отсечение головы? Я порой думаю: уж не спятил ли ты?

Ах да. Я знаю. Ты маскируешься. Ты принимаешь все меры предосторожности. Но ведь и самые надежные вещи подчас нас подводят — разве не так? Только не говори, что мои волнения вздорны. Я слишком хорошо знаю тебя.

Письмо твое пришло на удивление быстро. Море было спокойным, ветер — попутным, твой Джан-Карло совершил приятное путешествие. Он понравился мне, Сен-Жермен. И настолько, что я могла бы с ним сблизиться с целью... Ты сам знаешь с какой. Но поскольку ты до сих пор держишь его в неведении о кое-каких сторонах нашей жизни, то и я решила поостеречься. Он считает тебя всего лишь алхимиком и сумасбродом. И пусть.

Алессандро VI настроен решительно. Савонароле не одобровать. Ему была предложена кардинальская шапка, но — в Риме. Доминиканец, очевидно, предпочел ей ореол мученика. Что ж, в самом скором времени он его обретет. Алессандро сделает для этого все.

Савонарола силен во Флоренции, Папа — во всем католическом мире. Чудовищная похотливость и корыстолюбие Борджиа, которых он даже и не скрывает, недвусмысленно говорят, насколько крепка его власть. Джироламо с ней не тягаться.

Движение против Савонаролы возглавляет молодой кардинал Джованни де Медичи. Суть его такова: сопротивление папским указам есть ересь, которую следует искоренять. Уже весной Родриго Борджиа (или его святейшество Алессандро, если так тебе больше нравится) начнет мстить.

Зачем же соваться в костер, который вскоре будет потушен? Его пламя может сделаться жарким. Савонарола, припертый к стенке, покидает туда всех, кто с ним не согласен, а заодно может прихватить и тебя. Назваться кузеном преступника — плохая легенда. Кто таков да Сан-Джермано, понятно, кто таков его родственник — нет! В загадке больше опасности, чем в том, что открыто. Задумайся над этим, Франциско, и поберегись.

Я говорила с его святейшеством. Он находит положение во Флоренции сложным. Папская канцелярия спешно готовит связку указов, призванных разоблачить нагроможденные Савонаролой забавы. Я не очень-то поняла, как

они будут действовать, но главное в них — запрет на аутодафе, и меня также уверили, что всех узников, брошенных в тюрьмы фанатиками, непременно освободят. Документы должны вступить в действие не позже 17 марта. Учитывая чрезвычайность сложившейся ситуации, на разработку этих законов папа отводит семнадцать дней, включая сегодняшний. Даже дочь свою он выдавал замуж едва ли скорее. Так что менее чем через два месяца Деметриче окажется на свободе. Стоит ли гордиться ого-род?

Знаю, ты поступишь по-своему, и все же прошу: будь осмотрительнее. Я очень тобой дорожу... Впрочем, делай что надо, не слушая глупую женщину. Ты готов рискнуть всем ради тех, кого любишь. Однажды твоя отвага спасла и меня.

Я горжусь тобой, мой единственный, я верю в тебя.

Оливия.

Рим, 26 января 1498 года».

ГЛАВА 4

 На придорожных полях поблескивал снег. Дыхание Ракоци стало прерывистым. Белая кобыла с трудом взбиралась на холм. Небо над головой темнело, и гораздо скорее, чем того хотелось бы всаднику.

— Ну же, Гелата, осталось немного. Я знаю, ты тоже устала. Будет досадно, если мы и тут ничего не найдем. Давай-давай, дорогая!

Четвертый день он рыскал по этим холмам, каждый раз избирая новое направление. Сандро сказал, что всех обвиняемых увозят из города. Но не за сотни же миль! Рассудив, что поездка к узилищу не должна отнимать у конвоя более трех часов, Ракоци принял эту дистанцию за максимально допустимое расстояние и приступил к поискам Деметриче.

Сегодня он двигался зигзагами на восток и уже обнаружил на пути своего следования множество пустующих вилл и несколько брошенных биваков — то ли военных, то ли разбойничьих.

Выехав на вершину холма, он заметил вдали древний замок, обнесенный высокой стеной. Ракоци придержал Гелату и всмотрелся в мрачное каменное строение, пытаясь понять, живет там кто или нет, но разобрать не сумел и спешился, чтобы увести кобылу с дороги. Теперь его радовало, что масть лошади была белой, ибо она сливалась со снегом, лежащим в леске. Ракоци завел Гелату подальше и, привязав ее к дереву, пошел к угрюмой громаде, одиноко чернеющей на фоне хмурых небес.

Продираясь сквозь мелкий кустарник, он напомнил себе, что надежды его могут не оправдаться, ибо так бывало уже несколько раз. Но ему ничего не оставалось, кроме как методично продолжать поиски, осматривая все попадавшиеся навстречу строения, мало-мальски пригодные для содержания в них заключенных. Это был самый околный путь к цели, но иного не имелось. Замысел проследить за выезжающими из города доминиканцами пришлось забраковать. И Гелата, и Ракоци были слишком заметны. Монахи могли заинтересоваться держащимся в отдалении всадником, и ни к чему хорошему это бы не привело.

Подобравшись к замку поближе, он увидел, что из трех его дымоходов выбивается дым, и облегченно вздохнул. Там кто-то есть, а это уже немало. Правда, древняя цитадель могла служить оплотом разбойникам, но эту мысль Ракоци сразу отбросил. Крепостные ворота распахнуты, вокруг не видать ни дозорных, ни караульных. Разбойники, по большей части беглые мародеры, так себя не ведут.

Вдали послышалось пение. Ракоци постоял, отдыхая, потом скользнул в тень, отбрасываемую стеной. Двор замка пересекала группа доминиканцев, они направлялись к часовне. Пение становилось все громче, потом смолкло. Ракоци заглянул в ворота. Монахи ушли.

Убедившись, что двор опустел, Ракоци прокрался к замку и, стараясь как можно мягче ступать, пошел вокруг него, то и дело останавливаясь и прислушиваясь. Он похвалил себя за то, что надел коричневый плащ, практически незаметный на фоне каменной кладки. Он верил в удачу, но та не спешила ему улыбаться. Дверей с этой стороны замка не было; более того, пространство между крепостной стеной и докольным этажом здания становилось все уже, пока не превратилось в тупик. Ракоци встал, раздумывая, что предпринять. Идти назад ему не хотелось. В этот миг до него долетел какой-то глухой звук.

Ракоци поднял голову. Звук повторился. Это был кашель. Ракоци прислушался, кашель шел из окна.

Узкое и прямоугольное, оно находилось локтях в шести от уровня его глаз, выше и чуть правее виднелись другие окошки. Он примерился и полез вверх по стене, цепляясь за расщелины кладки. Они были недостаточно широки, чтобы служить опорой для обычного человека, но Ракоци обладал известной сноровкой, и кроме того, ему играл на руку маленький рост. И все-таки дело шло медленно. Прошло какое-то время, прежде чем он добрался до места и заглянул в темный проем.

Человек, сидящий в углу мрачной кельи, вновь закашлялся. Звякнули цепи. Кашель был надрывной, сухой. Ракоци понял, что жить узнику осталось недолго, и лицо его потемнело. Жаль, ведь на обратном пути несчастного можно было забрать.

В другой келье стояла кровать, и двое мужчин полулежали на разных ее концах, угрюмо косясь друг на друга. Они молчали. Ракоци уловил волну исходящего от них страха и, отшатнувшись, полез выше.

Еще одна келья, но женщина, в ней заключенная, на Деметриче не походила. Это была старуха, закутанная в какую-то рвань. Встав на колени, она творила молитву. Помочь ей было нечем. Ракоци снова сдвинулся вправо и обнаружил себя над бездной, ибо здесь стена замка нависала над краем утеса, уходящего вниз.

Выше виднелись еще два окна, под ними имелось что-то вроде уступа, но камень от времени крошился и осыпался. Однако ноги на нем держались, и Ракоци остановился, чтобы передохнуть.

Окно очередной кельи было забито досками. Он заглянул в щель. Кровати там не имелось; на полу узилища валялся тюфяк, на нем — спиной к наблюдателю — кто-то лежал. Ракоци присмотрелся. Спящая женщина свернулась клубком, подоткнув под себя рваную юбку. Цвет ее показался ему странно знакомым. Женщина шевельнулась, на тюфяк упала светлая с рыжинкой коса.

— Деметриче, — выдохнул Ракоци и взобрался чуть выше.

Устроившись поудобнее, он принялся разбирать доски. Он старался действовать тихо, чтобы, во-первых, не напугать спящую, а во-вторых — не привлечь шумом монахов. Две доски вынулись довольно легко, третья не подавалась. Ракоци усмехнулся. О вампирах болтают всякое. Например, существует мнение, что они могут произвольно менять форму своего тела, благодаря чему свободно проскальзывают через любой лаз. Сейчас это свойство ему очень бы пригодилось, но он, вероятно, какой-то ущербный вампир.

Он снял последнюю доску и прихватил две другие, потом, примерившись, отбросил их от себя, чтобы они, падая, не задели за стену. Далеко внизу раздался глухой звук, не громче того, что издает ботало на шее коровы. Ракоци удовлетворенно кивнул, подтянулся и влез в окно.

Теперь перед ним встал вопрос: как разбудить спящую? Деметриче спросонок может и закричать. Ракоци приник к полу и на четвереньках пополз к лежащей. Она шевельнулась, но он был уже рядом. Узкая маленькая ладонь зажала женщине рот.

Деметриче резко дернулась, вцепившись зубами в его руку.

Укус был силен, но Ракоци не ослабил хватки, хотя и не ожидал такого отпора. Деметриче бешено отбивалась, мыча

что-то невнятное. Они все же пришли, эти похотливые лже-святоши, она давно замечала в глазах их недобрые огоньки! Что ж, она лучше умрет, чем уступит их домогательствам!

Ракоци понял, что долго так продолжаться не может, и, откатившись в сторону, встал.

— Деметриче,— сказал он тихо.— О, Деметриче! Успокойтесь, прошу вас. Это всего лишь я.

Она резко села, привалившись к стене, и взглянула на человека, протягивавшего ей руку. Грудь ее бурно вздымалась.

— Это я, Деметриче,— повторил Ракоци, и она узнала его.

— Сан-Джермано? — Ужас не уходил из ее глаз. Она столько о нем думала в последнее время, что боялась поверить в реальность происходящего. Это сон, наваждение, это плод больного воображения! Сан-Джермано сейчас в Венеции! А она сходит с ума!

— Тише, тише, карина,— шепнул он.

— Сан-Джермано? — повторила она и схватила его за руку.

Нет! Это не наваждение! Рука нежно и властно потянула Деметриче к себе, и та, покоряясь ей, встала. Это Сан-Джермано! Реальный, живой! Она попыталась что-то сказать и пошатнулась. Он осторожно и бережно ее поддержал.

— Дорогая.

— Это вы,— прошептала она.— Вы вернулись. Вы меня разыскали.

— Да,— сказал он и поцеловал ее в губы.— Да,— сказал он еще раз и повторил поцелуй.

Деметриче затрепетала. Голодная, истощенная, она вдруг ожила и потянулась к нему. Так крокус тянется к внешнему солнцу. Неодолимо, восторженно, невзирая на холод и снег. В ней вдруг шевельнулось желание — глубокое, сильное. Такую тягу она испытывала только к Лоренцо, но тот умер, и ей казалось, что ее чувственность умерла вместе с

ним. Она смутилась, осознавая, что рада ее возвращению, и замерла, не зная, как дальше быть.

Они еще раз поцеловались, и это ей показалось естественным. Их тени поцеловались тоже — в квадратике света, идущего от окна. Он помолчал, потом уронил обреченно:

— Ах, Деметриче! Чем мне доказать вам, как много вы значите для меня?

Она глядела на него и тряслась, у нее прыгали губы.

— Господи, да вы же замерзли! — встревожился Ракоци. Он снял с себя плащ, подбитый беличьим мехом, и быстрым движением укутал ее.

Ей стало тепло, она благодарно вздохнула и неожиданно для себя рассмеялась.

— Если бы вы сразу сделали это, я, возможно, не стала бы вас кусать.

Он улыбнулся в ответ.

— Я растерялся. Я очень тревожился, Деметриче.

Она кивнула и о чем-то задумалась. В глазах ее промелькнула тень. Его глаза тоже стали серьезны.

— Когда очередное письмо не пришло, я стал сам не свой, я не находил себе места. Мне надо было выехать сразу, а я все на что-то надеялся, все ждал каких-то вестей. Узнать обо всем мне помогла случайность.— Он нахмурился и досадливо дернул щекой.— И вот я здесь. Но эти стены, карина... Они чересчур отвесны, вам не спуститься по ним. Вам придется еще потерпеть, но не отчаивайтесь, прошу вас. Пройдет какое-то время — и я вытащу вас!

Она отмахнулась: все это было не важно. Она не знала, как подступиться к вопросу, которой всерьез ее волновал...

— Скажите, то, что вам... присуще, это... м-м-м... сопряжено с чем-то отталкивающим?

Ракоци понял, что она имеет в виду. Он слотнул подкашившийся к горлу ком и осторожно ответил:

— Нет. Если только... вам не отвратителен я.

— Но... — Она запнулась, но тут же переборола себя.— После всего, что у нас будет... я стану такой же, как вы?

Он позволил себе улыбнуться.

— Не после первого раза. И даже не после второго. Это может произойти лишь в том случае, если мы... зайдем за черту. Или если вы захотите не только давать, но и брать.

Нахмурившись, она принялась обдумывать эти слова, шевеля беззвучно губами, словно прилежная ученица, повторяющая урок. Она так увлеклась этим процессом, что не сразу почувствовала, что Ракоци рядом нет. Он передвинулся, отступил, чтобы дать ей время принять решение. Жаркая волна благодарности затопила Деметриче.

Она посмотрела ему в глаза, и стены кельи раздвинулись. Потолок сделался небом, пол — океаном, тюфяк, набитый соломой, — обетованной землей. Не говоря больше ни слова, они шагнули друг к другу. Ракоци принялся расплетать ее тяжелую косу. Деметриче ожидала, прижимаясь к нему.

И все же какая-то неловкость не исчезала. Деметриче вздрогнула, когда горячие руки коснулись ее груди.

— Нет, — быстро сказала она и села. Так начинал их игры Лоренцо. Было что-то неправильное в том, что и Сан-Джермано делает так.

Он, казалось, нисколько не удивился и сел рядом с ней, ожидая, когда она успокоится. Деметриче не смотрела в его сторону — зачем смотреть, если рядом сидит чужой человек? Он ждал, она знала, что он ждет, и сердилась. Его присутствие раздражало ее. Но секунды бежали, и постепенно дыхание женщины сделалось ровным, она шевельнулась, подвинулась, прислонилась к нему спиной. Это было как поток горячего вина на морозе. Она отстранилась, потом придвинулась ближе и, привыкая к новому ощущению, закрыла глаза.

Его плащ был на ней, он служил ей защитой, он лелеял ее независимость, она доверяла ему. И напрасно: ведь он умел раскрываться. А когда предательство совершилось, оказалась что у изменника есть союзники. Юбка, блузка, сорочка также предали Деметриче и открыли дорогу завоевателю, но она не стала их в этом корить. Разрешение

от долгого воздержания было ошеломляюще бурным и затопило жаркими волнами все ее истосковавшееся существо.

Потом произошло и то, чего она больше всего боялась, однако во всем этом не было ничего неприятного. Наоборот, щемящая нежность, которую она испытала, возродила в ней новую жажду любви.

Ночью она спала — и просыпалась под темными звездами его глаз. Он обнимал ее, и его губы и руки тут же дарили возлюбленной то, чего не смогла подарить ей вся ее прошлая жизнь, кроме короткого времени счастья с Лоренцо.

Вечность сменялась вечностью, и все же перед рассветом Ракоци вынужден был оставить любимую. Он спускался по отвесной стене, объятый холодным туманом, словно бы ниспосланным на округу именно для того, чтобы укрыть его от взоров охранников, лениво перекликающихся где-то внизу.

Деметриче, истомленная и счастливая, осталась лежать на ветхом матрасе, согретом его теплом.

Письмо Руджиеро к Франческо Ракоци да Сан-Джермано.

«Хозяин!

Это письмо уйдет к вам с торговцами из Болоньи, которые должны прибыть во Флоренцию к середине февраля.

Я покинул Венецию, как мы и договаривались, через четыре дня после вашего отъезда, прихватив с собой пятерых мулов с поклажей. Все шло хорошо, но за Болоньей на нас напали разбойники. Их было много — говорят, человек тридцать, и это похоже на правду. Мы пытались сопротивляться, но они взяли числом. Сожалею, но вынужден сообщить, что Теодоро убит и что двух мулов

они все же забрали. Сам я был ранен, и сейчас меня несут добрые братья из монастыря Святого Амброджио, что расположен близ Монджидоро. Хорошо, что Тито, получивший ранение в ногу, сумел добраться до них, иначе нас всех погубила бы стужа.

Письмо за меня пишет добрый фра Серено, потому что я пока не владею руками. Однако уход за нами просто прекрасный, и дней через семь я надеюсь отправить нас в путь.

Будьте уверены в моей искренней преданности.

Записано со слов почтенного путника Руджиеро рукой фра Серено из монастыря Святого Амброджио.

*Монджидоро,
1 февраля 1498 года».*

ГЛАВА 5

 Несмотря на базарный день, церковь Сан-Марко была переполнена, а прихожане все прибывали. Они уже стояли в проходах, и невысокому статному чужеземцу пришлось проталкиваться через толпу.

Он далеко не пошел и остановился в дверях, одетый в великолепный камзол темно-золотистого шелка. Его тяжелая бархатная шляпа была отделана жемчугами, с бедра свисала короткая золотая рапира. Темные живые глаза привлекавшего к себе всеобщее внимание щеголя с большим любопытством оглядели собравшихся, среди которых толклись и чиновники Синьории, и именитые уважаемые купцы.

Хриплые звуки органа, вторившие торжественным песнопениям, смолкли, через какое-то время затихли и голоса. Месса закончилась. Лица богобоязненных флорентийцев обратились к Савонароле.

Ракоци в полной мере мог оценить, сколь велика власть маленького аббата. Мужчины, вытянув шеи, затаили ды-

хание, женщины, заломив молитвенно руки, подались вперед, глаза их были полны обожания. У него защемило сердце: он вспомнил, где видел такие глаза. На лицах фанатичных павилонянок, восторженно наблюдавших, как их детишек бросают в огонь — в угоду жестокосердному богу Ваалу.

— Пришло время,— провозгласил Савонарола,— вспомнить о муках Господних. Рождественские празднества минули, пора задуматься о том, какую ужасную смерть принял Спаситель, чтобы избавить всех нас от гибели.— Он угрожающе глянул на прихожан, словно бы обвиняя каждого из присутствующих в мученической смерти Иисуса Христа. Уверившись, что мысли собравшихся устремились в нужное русло, проповедник кивнул.— Плоть его раздирало железо, раны Господа кровоточили, но он со смирением сносил все страдания! Он умер безропотно, с кроткой улыбкой, не бросив мучителям ни слова упрека... Но ради чего? — Савонарола вновь сделал паузу и посмотрел на слушателей.— Разве кто-то из вас достоин подобной жертвы? Разве ваши деяния праведны? Разве вы проводите жизнь свою в помыслах о спасении ваших бессмертных душ?

Два старика рухнули на колени, их прерывистое дыхание разносилось по всей церкви.

— Вы идете к причастию, надеясь на милость Божию, но что оно значит для вас? Вы полагаете, что кусочек хлеба, положенный в рот, оградит вас от вашей же скверны? О лицемеры! Вы утверждаете, что поклоняетесь Господу, а сами цепляетесь за привилегии и кичитесь своим положением, лелея в сердцах тщеславие и порок! — В глазах его засветилось презрение.— Вас просят о малом, а вы отказываете и в малом? Так не надейтесь на снисхождение, когда попросите вы!

По рядам прихожан прокатилось волнение, многие женщины зарыдали. Ракоци опустил голову, чтобы никто не мог видеть его глаз.

— Я призываю вас отринуть мирское, но вы упираетесь. Вы прячете от Христова воинства роскошные вещи,

ибо не в силах отказаться от них. Когда придет ваш час и вы отправитесь в ад, разве помогут вам эти ничемные безделушки? Разве они спасут вас, разве облегчат ваши страдания? Нет! И вы будете горько о том сожалеть!

Проповедь длилась десять минут, но на процедуру причастия ушло более часа. Прихожане нескончаемой вереницей текли к Джироламо. В хвост этой длинной очереди встал, к удивлению многих, и расфранченный чужак. Руки его были набожно сложены, голова склонена.

Зеленые глазки Савонарола злобно сверкнули. Жертва сама шла в расставленные силки. Он небрежно приложил крест к губам пожилого торговца и воззрился на Ракоци. В церкви установилась мертвая тишина.

— Вы соблюдаете пост?

Ракоци честно ответил:

— Да, преподобный отец.

Но Савонарола не удовлетворился этим ответом.

— Ваш родственник не ходил к причастию и на мессы.

— Мой дядюшка, — сказал Ракоци на ломаном итальянском, — добрый христианин, но он не принадлежал к вашей Церкви. Причастившись у вас, он совершил бы грех.

Савонарола нахмурился.

— Значит, он исповедовал восточное вероучение? Мы жили в союзе с этим течением, пока восточные пастыри не стали нас отрицать. Они ступили на ложный путь и должны признать свои заблуждения, иначе всем им грозит гибель. Свет истинной веры миру несем только мы.

— Возможно, — кивнул Ракоци и добавил: — Мой дядюшка в таких тонкостях не разбирался. Он принял веру своей родины и старался держаться ее.

— Но вы ведь приняли наши догматы, так?

— Да, преподобный отец.

— Тогда вам, прежде чем причаститься, следует попросить Господа о прощении. Грешнику святые дары не помогут. К причастию идут с чистой душой.

Ракоци мысленно усмехнулся. Савонарола борется с самим Папой, однако считает возможным освящать хлеб и вино. Кто из них двоих больший грешник — еще вопрос.

— Просить Господа о прощении? Но за что?

— Вы одеты неподобающе, сын мой, — заявил елеинным тоном аббат. Он считал, что припер спорщика к стенке, и улыбнулся, весьма довольный собой. — Вы вооружены.

— Да, но лишь потому, что это соответствует моему положению, — произнес Ракоци невозмутимо.

Флорентийские законы позволяли титулованным особам носить положенные им по рангу рапиры. Впрочем, Савонарола мог этого и не знать.

По рядам прихожан пробежал шепоток. Авторитет доминиканца был очень высок, но и блестящий, непринужденно держащийся чужеземец также вызывал у многих сочувствие. Он вдруг живо напомнил публике о том, что она потеряла с уходом Медичи: о конных скачках, турнирах, маскарадах, балах.

— Вы так дорожите своим званием? — нахмурился Савонарола. — Истинное величие не нуждается в вещественных подтверждениях. Слава земная меркнет в лучах славы Господней. Или вам кажется, что это не так?

Ракоци холодно глянул на проповедника.

— Досточтимый отец, не понимаю, с чего вам вздумалось говорить со мной в таком тоне. У меня нелегкая жизнь. Моя родина стонет под владычеством турок, там каждый день льется кровь. Я боролся с врагами во славу Христа и отечества, я делал что мог и сейчас, находясь во Флоренции, живу достойно и честно, соблюдая законы республики и Божьи заветы.

Это был сильный ход. Савонарола опешил. Впервые за долгое время прихожане Сан-Марко осмелились симпатизировать кому-то другому. Он попытался выправить положение и скрипучим голосом заявил:

— Разумеется, это похвально, но многие титулы подчас весьма легко раздаются, особенно в странах, разоренных войной.

В голосе чужеземца звякнула сталь.

— Мои предки правили моей родиной еще до рождения Христа. Эта линия не нарушена и сегодня.

— Ваши предки, возможно, но мы говорим о вас... Кем являетесь вы?

— Принцем по крови.— Ракоци словно бы невзначай прикоснулся к рапире. Даже врать не приходится, подумал с иронией он. Правда, три тысячи лет не проходят бесследно, и народ, каким правили его славные и грозные родичи, давно растворился в других племенах.

— Но на вас нет короны,— заметил Савонарола язвительно.

— Да, ибо здесь — республика, но там, где меня признают, мне воздаются все почести, и Италия знает об этом. Я надену корону, когда дипломаты Рима, Франции и Неаполя договорятся между собой.

Доминиканец проигрывать не любил, и прихожане знали об этом. Тихо подтакивая друг друга локтями, они прятали взгляды и втягивали головы в плечи, ожидая грозы. Однако ничего страшного не случилось.

Ласково улыбнувшись, Савонарола взял хлебец и, осенив его крестным знамением, положил Ракоци в рот.

Ракоци поцеловал крест и, поклонившись, медленным шагом пошел к группе стоявших неподалеку чиновников. Там был человек, с которым ему хотелось поговорить.

Прошло три года, но Градаццо Онданте за это время постарел лет на десять и словно усох. Однако во взгляде чиновника светилось неподдельное любопытство.

— Вы очень походите на своего дядюшку. Тот, правда, был старше и выше. Но сходство все равно поразительно. Хотя отличия есть.

— В самом деле? — вежливо спросил Ракоци, удивляясь, что за отличия мог обнаружить чиновник.— Вы, очевидно, хорошо знали его?

— Я кое в чем пытался быть ему полезен. Накоротке мы не общались, но он внушал уважение.— Онданте еще

раз внимательно оглядел подошедшего.— Вы хотите о чем-то поговорить?

Ракоци решил начать с малого.

— Мне бы хотелось вступить во владение собственностью да Сан-Джермано. Но до сих пор никто не сказал мне, какие бумаги я должен представить в доказательство моих прав.

Онданте сухо заметил:

— И с итальянским у графа было получше.— Его глаза сузились.— Я спрошу у приора, что требуется от вас. Но, если не возражаете, через какое-то время. Сейчас ведь великий пост, и Синьория не может надлежащим образом рассматривать гражданские иски.

Ракоци выругался про себя, но изобразил на лице понимающую улыбку:

— Пост — это важно, синьор Онданте, как же я могу возражать? Но, возможно, другая моя просьба менее затруднит вас. Не сможет ли консул, взвесив все обстоятельства, освободить из-под стражи женщину, пригладивавшую за палаццо да Сан-Джермано, или, по крайней мере, отдать ее под мою опеку?

— О да, понимаю.— Онданте нахмурился.— Я видел ваше ходатайство, оно попало ко мне. Но консул сейчас очень занят, а потом... все не так просто. Я бы даже сказал, достаточно сложно. Речь ведь идет о ереси.

— О возможной ереси,— мягко поправил Ракоци.

— Да. О возможной ереси, а это чревато. Пока нет свидетельств, что узница чистосердечно раскаивается в своих заблуждениях, ее освобождение... гм... нежелательно.

— Но я представляю любые ручательства,— сказал Ракоци веско. Онданте вздрогнул и внимательно посмотрел на него.— Под моей опекой она быстро исправится.

— Не сомневаюсь. И все-таки ситуация необычна. Слишком много крючков.— Чиновник поджал губы и покачал головой.— Но я попытаюсь что-нибудь сделать. Не подобает молодой женщине... тем более ее воспитания... тюрьма жестока, я понимаю... да.— Онданте умолок.

— Я умею быть благодарным,— вкрадчиво сказал Ракоци и увидел, что в глазах собеседника вспыхнули искорки интереса.— К тому же,— заявил он чуть громче, заметив, что окружающие прислушиваются к их разговору,— долг каждого состоятельного человека заботиться о людях, обеспечивающих его состояние. Эта женщина много сделала для моего дядюшки, и честь нашей семьи требует, чтобы я помог ей вернуться на истинный путь.

Прихожане, стоящие рядом, кивнули в знак одобрения. Если богатый человек берет в дом экономку, он должен ей обеспечить достойное будущее. Им было приятно, что чужеземец рассуждает по-флорентийски.

Онданте посмотрел на Ракоци с отеческой грустью.

— Да. Разумеется. Я сделаю все, что смогу.

Он поклонился и отошел к своим сотоварищам, радуясь, что разговор окончен. Дело могло не выгореть, а хлопот обещало хоть отбавляй.

Покидая Сан-Марко, Ракоци ощутил, что за ним наблюдают. Он уронил шляпу и, поднимая ее, оглянулся. Пристальный взгляд маленького доминиканца ничего хорошего ему не сулил.

Письмо Жермена Ракоци к Орландо Риччи, настоятелю францисканской общины при Санта-Кроче.

«Жермен Ракоци, наследник графа Франческо Ракоци да Сан-Джермано, чужеземец, у которого нет друзей во Флоренции, шлет отцу-настоятелю францисканской общины смиренный поклон.

Преподобный отец, я в большом затруднении, ибо не знаю, как мне теперь быть. Домоправительница и помощница моего дядюшки, умная, образованная и достойная во всех отношениях женщина, заключена в тюрьму, обвиненная в ереси монахом-доминиканцем, отлученным от Церкви указом Папы Римского. Вы знаете, о ком я го-

ворю. Это Джироламо Савонарола, он до сих пор проповедует в Санта-Мария дель Фьоре и Сан-Марко, он издает свои собственные законы и пользуется здесь огромным влиянием. Все его обвинения против неугодных ему флорентийцев неизменно учитываются Синьорией Флоренции, хотя в глазах всех достойных католиков он сам заслуживает осуждения за гордыню, в которую впал.

Я знаю, что его поведение считается неприемлемым во многих флорентийских общинах, однако положение не меняется, и узники остаются в темницах, лишенные всякой надежды на праведное и беспристрастное рассмотрение их дел.

К кому мне обратиться за помощью? Я делал много попыток спасти несчастную, имеющую заслуги перед нашим семейством, но Синьория с пугающим постоянством отвечает на мои запросы отказом.

Никто не хочет со мной говорить, ибо я здесь чужак. Впрочем, я вижу, что страдают и многие флорентийцы. Одна надежда, что вы мне поможете, преподобный отец. Я слышал о вас много хорошего. Укажите мне путь к решению этой порой кажущейся мне совершенно безвыходной ситуации.

Власть Савонаролы пугает не только своим произволом в отношении отдельных людей: его возвышение и устремления опасны для всей Католической церкви. Они способны навлечь неисчислимые бедствия на охваченную фанатичным экстазом страну. Падшие ангелы поплатились за свою преданность Люциферу, флорентийцам, потворствующим возвышению лжепророка, грозит та же участь. Кому-то надо все это остановить.

Вверяя себя вашей мудрости, ожидаю ответа. Укажите мне путь, отче, ибо бездействие лишает надежды и ввергает душу мою в пучину тоски.

*Жермен Ракоци.
Флоренция, палаццо да Сан-Джермано,
8 февраля 1498 года».*

Свежепобеленные стены Сакро-Инфанте словно парили над грязной землей; впрочем, камни недавно пристроенного крыльца потемнели от сырости. Черные безлистые деревья раскачивались и хлестали друг друга ветвями. Небо было на удивление чистым, но сильный порывистый ветер сулил ненастную ночь.

Плиты часовни источали холод, однако сестра Эстасия продолжала стоять на коленях. Восковая, нездоровая бледность покрывала ее худое лицо.

Провидица была не одна. За ней пристально наблюдал маленький человечек в сутане доминиканца. Савонарола терял терпение. Он ждал уже более часа, но транс, в который впала Эстасия, все длился и длился, и этому, казалось, не будет конца. Ноги аббата заledenели, он поморщился и ухватил монахиню за плечо.

— Эй, что вы там видите? — спросил он свистящим шепотом, намереваясь крепко встряхнуть осененную благодатью сестру. Но тут же одумался и осторожно разжал пальцы.

Эстасия, выронив четки из забинтованных рук, открыла глаза и рассеянно улыбнулась.

— Сестра Эстасия? — Савонарола нагнулся, чтобы она смогла его разглядеть.

Провидица недоуменно прищурилась, затем ахнула и кинулась в ноги аббату. Слезы неудержимыми ручейками хлынули из ее глаз.

— О, преподобный отец, светоч очей моих, мой обожаемый пастырь! — Монахиня принялась лобызать ремешки сандалий доминиканца.

Савонарола позволил себе поощрительно улыбнуться, потом вновь тронул Эстасию за плечо.

— Дитя мое, скажите же, что вам открылось?

Глаза женщины широко распахнулись и засияли.

— О, святой отец, я видела свет!

— Свет видят все, но видения могут быть разными! Господь наш многолик. Вам он показывает одно, мне — другое. Я должен знать, что вы видели, чтобы верно истолковать поданный знак!

Доминиканец помог Эстасии встать и ощутил привычную неловкость, когда та выпрямилась: она была почти на голову выше его.

Монахиня вновь подхватила четки, чуть вскинула подбородок и забормотала по-латыни молитву.

Савонарола рассвирепел. Он грубо схватил провозвестницу вышней воли за плечи и начал немилосердно трясти.

— Говорите, сестра! Господь посылает вам знаки не для того, чтобы вы их таили! Он через вас что-то нам сообщает. Вы обязаны обо всем рассказать!

Сестра Эстасия смолкла и отстранилась. Лицо ее было спокойным, почти безучастным.

— Я видела вас, — заговорила она монотонно. — Вы парили над площадью Синьории и сияли... сияли так ярко, что на вас было больно смотреть. Чуть ниже стояли братья из всех флорентийских общин, они к вам тянулись и вославляли ваше чудесное возвышение.

Глаза Савонаролы вспыхнули.

— Ну же, сестра, что было дальше?

Она нахмурилась, пытаясь припомнить.

— Меня охватил восторг, я хотела к вам прикоснуться, но вас уже скрыло мерцающее свечение... Вы исчезли, осталось только сияние... а я все тянула руки, я очень хотела, чтобы вы взяли меня с собой. — Она прильнула к нему, словно любовница, истомленная страстью. — Почему вы не взяли меня?

— Силы небесные! Это, несомненно, пророческое видение! — Савонарола так возбудился, что не находил себе места. Он метнулся в одну сторону, потом — в другую, потом упал на колени. — Помолимся вместе, сестра! Вы видели знак, возвещающий что Господь скоро явит нам свою силу! Чтобы вознести своего избранника над Флоренцией и воссиять!

Монахиня медленно преклонила колена и, перебирая четки, забубнила благодарственную молитву. Когда Савонарола оставил ее, она продолжала молиться, то резко вскидываясь, то простираясь ниц и прижимаясь всей грудью к холодным каменным плитам.

— У сестры Эстасии было пророческое видение, и мешать ей сейчас не стоит, — объявил доминиканец спешащей в часовню сестре Мерседе.

— Бред безумной не стоит принимать за пророчества, — тихо, но твердо ответила та.

Этот ответ, несомненно, был ей продиктован завистью, смешанной с глупостью, и Савонарола вплоть до страстной пятницы повелел строптивнице подвергать себя ежевечернему бичеванию.

Менее чем через час он пересек городскую черту, направляясь к монастырю Санта-Кроче.

Проходя мимо дворца Синьории, доминиканец невольно остановился и посмотрел на площадь, раскинувшуюся перед ним. Здесь в скором времени должно состояться его возвышение. Мысль была сладкой. К ней примкнула вторая: что будет с Папой, когда он об этом узнает? Савонарола не сомневался, что его святейшество переживет немало скверных минут.

Его приятные размышления были неожиданно прерваны. На площадь вступил отряд молодых людей. Христовы воители жаждали напутственных слов, и Савонароле пришлось вернуться к действительности.

— Мои юные братья, — сказал он польщенным подросткам. — Неусыпная бдительность — вот ваш сегодняшний долг. Поступайте согласно учению Господа и не позволяйте жалости поселяться в ваших сердцах. Это ложная жалость, ведущая к непоправимым ошибкам.

Мальчишки зарделись, старший вышел вперед.

— Не сомневайтесь, святой отец, мы это запомним.

— Превосходно. Но второй ваш долг — послушание. Внимайте с почтением вашим наставникам, ибо в дис-

циплине и подчинении — сила. Церковь наша стоит на неукоснительном подчинении младшего вышестоящему, а все мы исполняем веления Господа ради спасения наших бессмертных душ.

Сила в силе, подумал старший подросток. Он наслаждался самостоятельностью как возможностью действовать безнаказанно и знал, что его отряд во Флоренции самый сильный; впрочем, выражение лица юноши было почти-тельно-скромным.

— Спасибо вам, святейший приор. Мы сделаем все возможное, чтобы оправдать ваше доверие, и будем послушны вашей воле везде, куда бы вы нас ни направили.

— Это не я вас направляю, — мягко заметил Савонарола. — Это Господь говорит с вами через меня. Принимайте смиренно все, что вам будет ниспослано, и действуйте не колеблясь во славу Христову.

Юноши дружно кивнули, самый младший из них произнес:

— Как быть, если близкие не понимают тебя? Мой отец не знает, что я здесь, иначе мне бы досталось. Он говорит, что вам верить нельзя. Что вы — человек гордый, тщеславный и боретесь за мирскую власть, а вовсе не за спасение мира. — Молодой человек помолчал. — Я пытался с ним говорить, но напрасно. — Выражение лица его стало по-детски обиженным. — Он даже поколотил меня, узнав, что я ходил слушать мессу в Сан-Марко.

Савонарола побагровел. Глаза его угрожающе вспыхнули.

— Твой отец заблуждается, мой юный брат! Мои слова не расходятся с вышними повелениями. Если бы это было не так, Господь давно покарал бы меня! — Вспомнив о видении сестры Эстасии, он несколько успокоился и при-смотрелся к юнцу. — Тебя зовут Бетро Гьюсто, не так ли? Ты сын торговца сукном, связанного с артелью суконщиков, а суконщики всегда мыслили здраво. Возможно, они не захотят иметь дело с еретиком.

Бетро Гьюсто побледнел.

— О нет, добрый приор, мой отец вовсе не еретик. Он соблюдает пост и ходит в Санта-Тринита. Он не в ладу со мной, а не с верой.

— Хорошо, что ты защищаешь его. Сыну следует стоять за отца.— Тон проповедника сделался дружелюбным.— Но тебе надо убедить его встать на истинный путь и покаяться в своих грехах и ошибках. Иначе скверна ереси поразит и тебя.

Молодой человек покачал головой.

— Но он снова меня поколотит.

— Мученики сносили страдания с радостью, ибо они приближали их к Богу. Ты должен, как истинный христианин, безропотно принимать удары и оскорбления, помня, что каждый урон, нанесенный тебе, вознаградится стократ в жизни небесной.— Он взглянул на притихших подростков.— Молите небо послать вам стойкость и твердость духа. Не ждите наград в жизни земной, не взывайте о правосудии, ибо его здесь не будет. Люди несовершенны, им свойственно ошибаться. Встоит только тот, кто уповает на милосердие Божие!

Христовы воители зашептались, затем преклонили колени. Савонарола благословил их и знаком велел подняться.

— Будьте бдительны. Не позволяйте богатству, пышности или дружеским чувствам ослепить вам глаза. Приглядывайтесь ко всем — и к иноземцам, и к флорентийцам. Не доверяйте внешности: даже за самым добропорядочным обликом может скрываться нечестивец и грешник.

— А что же с моим отцом? — спросил Бетро Гьусто, не понимавший простых вещей и, очевидно, нуждавшийся в конкретном совете.

— Он должен разобраться в себе. А ты, добрый юноша, должен решить, с кем ты. В твоём возрасте я тоже смотрел в рот своему отцу, мы жили тогда в Ферраре. Он повелел мне жениться. Я осмотрелся, и мне приглянулась одна юная флорентийка. Я заявил, что хочу только ее. Он возразил, сказав, что флорентийцы — тщеславный народ, презирающий остальных итальянцев. Но я был упрям, и отец

не стал мне перечить, однако семейство девушки высмеяло меня. Она тоже смеялась. Я провел бессонную ночь, и Господь явился мне.— Савонарола мечтательно улыбнулся.— Наутро я покинул родных и не виделся с ними семь лет, примкнув к доминиканцам в Болонье. Господь открыл мне глаза на мирское тщеславие и на ловушки, которые нам расставляет женское естество.— Он благожелательно оглядел своих слушателей.— Флоренция отвергла меня, но я нашел в себе силы вернуться и доказать свою правоту. Докажи и ты свою правоту, сын мой!

Бетро Гьусто смущенно потупился. Остальные подростки согласно кивнули. Лишь когда их кумир пересек площадь и скрылся в одной из прилегающих к ней улиц, они позволили себе немного расслабиться и высмеять своего твердолобого сотоварища.

Строгие очертания Санта-Кроче ничуть не впечатлили Савонаролу. Он скорым шагом вошел в бедноватую, скудно освещенную церковь и повелел первому попавшемуся францисканцу поискать отца-настоятеля.

Орландо Риччи, будучи некогда человеком подтянутым и энергичным, сильно сдал к своим сорока. Его крупное тело обмякло и потеряло форму, больные ноги передвигались с трудом. Узнав Савонаролу, он не сумел скрыть раздражение.

— А, это вы, фра Джироламо! Что за притча привела вас сюда?

— Надежда внушить вам, что мое отлучение не имеет никакой силы. Папа — погрязший в пороке кровосмешения нечестивец и потому не вправе кого-либо судить.

Фра Орландо и сам не был в восторге от того, что Родриго Борджиа воцарился в Сан-Пьетро, однако счел нужным сказать:

— Пути Господни неисповедимы. Возможно, Борджиа возвышен лишь для того, чтобы, исправившись и ступив на путь добродетели, явить всему миру мощь и славу небес.— Он повернулся к двери, ведущей в одну из примы-

кавших к церкви часовен. — Быть может, нам стоит поговорить с глазу на глаз?

— Нет. Мне нечего таить от мирян и братьев по вере! — Савонарола хищно прищурился. — Вам не удастся избавиться от меня. Я слышал, вы вновь обратились к Риму с письмом, исчисляющим мои прегрешения. Предупреждаю: я долее этого не потерплю. Извольте направить Папе письмо с заявлением о пересмотре прежних позиций.

Францисканец ласково улыбнулся.

— Я этого сделать никак не могу. Я убежден, что вы встали на ложный путь.

— Что может убедить вас в обратном? — Доминиканец, сложив на груди руки, пристально посмотрел на противника.

— Только глас Божий, фра Джироламо, и никак не меньше того. — Полный пожилой францисканец выглядел очень мирно, однако слова его дышали непримиримостью.

Тем не менее Савонарола ухватился за них.

— Вот и прекрасно! А знамения вам будет достаточно? Золотого сияния, вознесения над толпой? Если со мной вдруг такое случится, вы поверите мне?

— Да, — усмехнулся Орландо Риччи. — Если такое случится, я перед вами склонюсь.

— И сообщите о своих заблуждениях Папе?

— В этом случае — да.

Толстые губы Савонаролы расплылись в улыбке.

— Я только из Сакро-Инфанте. У сестры Эстасии было видение, провозвещающее мое возвышение. Что вы на это скажете, а?

Францисканец пожал плечами.

— Скажу, что не все видения истинны. И что люди часто выдают желаемое за действительное. — Он вздохнул и подхватил свисающие с пояса четки. — У вас есть ко мне еще что-нибудь, преподобный отец?

— Да... кое-что, — медленно отозвался Савонарола. Ожидаемого эффекта не получилось, он был раздражен. — Наде-

юсь, вы понимаете, что наши мартовские костры должны поддержать все общины Флоренции? И в связи с этим...

Францисканец резко прервал его:

— Нет. Я не вижу необходимости в сжигании изящных вещей и предметов искусства. Вы и так уже уничтожили очень многое из того, что приносило Флоренции славу. Вы опустошаете город, и я отказываюсь участвовать в этом.

Савонарола возвысил голос:

— На то воля Божия! Господу для размышлений любезна пустыня.

— Но Флоренция не пустыня! — вспыхнул фра Орландо. — По крайней мере, еще недавно она таковой не была. Наш город в своей красоте соперничал с Римом. Вы же за каких-то три года умудрились превратить его в захолустье. Я не стану вам помогать! Я не стану за вас ратовать! Наоборот, я буду отрицать ваши безумства до последнего вздоха! Впрочем, Господь милостив и, возможно, продлит мои дни, чтобы я мог полюбоваться тем, как вы сходите в ад! — Лицо францисканца побледнело от гнева. — Не ждите от меня извинений, любезный приор, ибо я нисколько в своих словах не раскаиваюсь! И чтобы не взять на душу еще один грех, говорю вам: прощайте!

Савонарола был удовлетворен. Вспышка Риччи обрадовала его, а не задела.

— Я буду молиться за вас, — сухо сказал он.

— А я за вас — нет.

Приор Санта-Кроче отвернулся от приора Сан-Марко и растворился в сумраке францисканского храма.

Письмо Лодовико Ронкале в Синьорию Флоренции.

«Уважаемые синьоры, неустанно пекущиеся о благе Флорентийской республики! Я, Лодовико Ронкале, ремесленник артели строителей, желаю сообщить вам об опасности, угрожающей городу и стране.

В преддверии дня покаяния я решил пролить свет на дело, которое должно было быть рассмотрено еще три года назад, однако тому, на кого я хотел указать, удалось сбежать, а остальное не показалось мне важным. Однако теперь вдохновенные проповеди досточтимого приора Сан-Марко пробудили во мне настоящую потребность снять этот камень с души.

Начну с того, что мне в числе многих моих сотоварищей довелось поработать у чужеземца Франческо Ракоци на стройке палаццо, проект которого он вычертил сам. Это известно всем, но никому не известно другое. А именно то, что четверо мастеров были отобраны им для тайных работ. С них взяли клятву молчать, велев скрепить ее кровью. Франческо Ракоци занимался алхимией — это тоже ни для кого не секрет. Но спросите себя, где он проводил свои опыты? Я отвечу вам: в тайных комнатах — я сам отделял их. Что там творилось потом, я не знаю, но уж явно не что-то невинное. Мой товарищ Гаспаро Туччи бесследно исчез, иначе он подтвердил бы мои подозрения. Я думаю, чужеземец убил Гаспаро, когда понял, что тот не станет молчать.

Настала пора сделать тайное явным, ибо в палаццо да Сан-Джермано явился наследник, он может все там переустроить и ликвидировать следы преступлений. Христово воинство уполномочено обыскивать любые дома, направьте один из отрядов по этому следу. Вход в тайные комнаты находится на площадке большой лестницы, за резными панелями. В какой-то из них скрыт секретный замок.

Прошу принять во внимание, что, сообщая все это, я вовсе не двигаю какими-либо корыстными побуждениями, однако, если вы все же решите как-то вознаградить меня, такое решение будет мною воспринято с радостью, ибо я в настоящее время остался совершенно без средств.

Я пытался просить помощи у наследника Ракоци, но тот обвинил меня в вымогательстве, заявив, что не намерен подкармливать прихвостней своего сумасшедше-

го родича. Это человек надменный, чванливый, с ним надо держаться настороже.

Письмо составлено с моих слов фра Джорджио из Сан-Феличе. Я поклялся ему и клянусь вам, что все вышеизложенное — чистая правда. Перед днем покаяния я хочу освободить свое сердце от лжи.

Лодовико Ронкале, строитель.

Написано рукой фра Джорджио.

Сан-Феличе, Флоренция, 5 февраля 1498 года».

ГЛАВА 7

Под языком сделалось горько. Ракоци рассеянно принял благословение, задаваясь вопросом: как ему быть? Облатка, которой его причастили, была отравлена.

Грехи отпускали мучительно долго — все утро, и, когда началась месса, истомленные флорентийцы словно бы впали в своего рода летаргический сон. Ракоци попытался по вкусовым ощущениям определить, какой яд ему дали и когда он подействует. Во всяком случае, не во время же службы. Это было бы уже чересчур, подумал он с отвращением. День всеобщего покаяния и так унизил Флоренцию, опозорив и заклеймив все, что в ней было прекрасно. Смерть должна подождать. Он перестал о ней думать и полностью сосредоточил внимание на песнопениях.

Служба продолжалась недолго, однако уйти сразу не удалось. На выходе из собора его столкнуло с Сандро Филлипи. Они кивнули друг другу — сухо, как малознакомые люди.

Чтобы что-то сказать, Ракоци безразлично заметил:

— Мое прошение дошло до консула и легло под сукно.

Глаза Боттичелли вспыхнули и погасли.

— Ее должны отпустить, ведь обвинения вздорны. Ей зададут пару вопросов, и все.

— А вы знаете, как задаются эти вопросы? — Ракоци покачал головой. — Вас заведут в темную комнату, отберут вашу одежду и дадут взамен мешок с прорезями для головы и рук. Потом палач продемонстрирует вам свои инструменты, в подробностях объясняя, для чего они предназначены, и лишь затем добрые братья-доминиканцы объявят, что оградить себя от пыток можно только одним способом: отвечая правильно на вопросы. Деметриче — женщина храбрая. Она может и заупрямиться. В этом случае ее поначалу вздернут на дыбу — ведь все, что кожу не повреждает, не считается пыткой. Потом они применяют колодки или щипцы. В конечном счете она скажет все, что им хочется слышать. Абсолютно все.

Сандро побледнел.

— Возможно, так делается в Испании, но здесь ведь Флоренция.

— Где от художника требуют предать свои полотна огню! — Ракоци усмехнулся.

— С ней они так не поступят. — Сандро колушнул пальцем какое-то пятнышко на своем рукаве.

— Не поступят? — Ракоци саркастически хмыкнул. — Но почему же, позвольте узнать? Она жила в доме Медичи — это злокозненное семейство. Она любила Лоренцо — он худший в этой семье. Она служила да Сан-Джермано — тот проклят, как еретик и преступник. Всего этого им хватит с лихвой.

— Но ваше прошение дошло до консула, он вот-вот рассматривает его.

— Савонарола ему не позволит. Он боится вмешательства Папы и должен спешить. Консул сам по себе ничего не значит. Он сделает все, что прикажет доминиканец. Или вы сомневаетесь в том?

Боттичелли мрачно покачал головой.

— Нет. Вы правы. Боже, прости нас! — Жалобно всхлипнув, художник перебежал через улицу и смешался с толпой.

От Санта-Мария дель Фьоре до палаццо да Сан-Джермано было минут десять ходу, но Ракоци не спешил. Он брел восвояси намеренно неуверенно, оступаясь и спотыкаясь, словно внезапно ослабевший или больной человек. Он вошел в свою роль настолько, что какой-то прохожий даже предложил ему помощь. Ракоци поблагодарил его, внутренне восхитившись. Поступок добросердечного флорентийца требовал изрядного мужества. Нынешняя Флоренция старалась иноземцев не замечать.

В дверях палаццо его встретили Уго и Натале — слуги, нанятые им неделю назад. Натале, расторопный малый среднего возраста, прежде служил у Медичи, чем втайне гордился. Любовь к Лоренцо он перенес и на призревшего его иноземца, ибо тот являлся наследником человека, дружившего с Великолепным. Уго был очень серьезен и молод и не выказывал к хозяину особой любви. Ракоци подозревал, что паренек этот приставлен к нему Савонаролой, но выбирать не приходилось. Он держался с Уго приветливо-ровно, и угрюмость с физиономии юноши постепенно стала сходить.

— Вам плохо, хозяин? — обеспокоенно спросил Натале, закрывая за Ракоци двери.

— Не знаю. Я не чувствую ног. — Ракоци качнулся, ухватившись за лестничные перила. — Я... У меня кружится голова.

Натале подскочил к Ракоци и бережно его поддержал.

— Обопритесь-ка на меня. Посмелее.

Ракоци повис на плече Натале.

— Меня бросает то в жар, то в холод, — пробормотал он и сказал то же самое по-венгерски — тоном, который мог бы разжалобить камень. — Кажется, я заболел. Мне надо прилечь.

Он попытался встать на ступеньку, но нога с нее соскользнула.

— Э, нет, хозяин, — заявил решительно Натале, — так у нас дело не сладится. Мы подождем здесь, а Уго пойдет наверх и быстренько там все приготовит.

— Хорошо,— согласился Ракоци.— Я подожду.— Он повернулся к Уго, в глазах которого подрагивали огоньки любопытства.— Будь добр, поспеши.

Уго, потупившись, побежал вверх по лестнице. Ракоци взглянул на Натале.

— Комнату надо согреть. Меня трясет при одной мысли о холодной кровати.

— Но я не могу вас оставить, патрон.

— Ничего. Мне вроде бы лучше. Я постою тут.— Он привалился к перилам и улыбнулся.— Не беспокойся, я не уйду далеко.

Натале заколебался, потом принял решение.

— Я быстро вернусь. Я принесу с кухни жаровню и добавлю туда лекарственных трав. Воздух комнаты станет целебным и...

Ракоци жестом прервал его болтовню.

— Уверен, ты сделаешь все, что нужно. Ты хороший слуга.

Натале просиял.

— Вы очень добры, хозяин.

Он убедился, что Ракоци держится за перила, и побежал в подвал.

Оставшись один, Ракоци вытолкнул изо рта отравленную облатку. Он брезгливо взглянул на нее и сунул в рукав. Надо бы разобраться, чем ее начинили. Ночью. Сейчас в лабораторию ходу нет.

Вскоре он уже лежал в своей постели, заботливо укутанный одеялами. Симулировать болезнь было нетрудно, и Ракоци преуспел в этом настолько, что Натале вызвался возле него ночевать.

— Нет!

Отказ был так резок, что его следовало смягчить, и Ракоци пояснил:

— Я всегда могу вызвать тебя звонком, лучше как следует выпись. К утру мне может сделаться хуже, а потом...

Он прикоснулся к нагрудному инкрустированному драгоценными камнями распятию.— Я хочу помолиться.

Это было понятно. Молитвы с недавних пор почитались в благочестивой Флоренции за основное лекарство. Натале бросил последний взгляд на больного и, пожелав ему спокойной ночи, ушел.

Ракоци лежал и ждал. Он был уверен, что вскоре к нему зайвится Уго. С контрольным визитом: проверить, жив ли патрон.

Его ожидания оправдались. Правда, не сразу, а с наступлением ночи. Дверь приоткрылась, в щель заглянули.

— Кто там? — жалобно простонал Ракоци. Он оперся на локоть, сжимая в руке крест.

— Это я, Уго,— сказал слуга, входя в комнату. Он был в дорожной накидке, но Ракоци сумел разглядеть под ней нарукавный значок Христова воителя. Плавающий меч, вздетый над крошечным городком.

— А, это ты,— сказал Ракоци, откидываясь на подушки.— Я очень плох.

Глаза слуги странно блеснули. Мнимый больной слабым жестом руки поманил Уго к себе.

— Скажи, есть ли в городе сведущий врач? Я уплачу хорошие деньги за помощь.

— Целить надо душу, а не бречное тело,— пробормотал Уго, приближаясь к кровати. Он явно повторял чьи-то слова.

— Я постоянно молюсь,— отозвался Ракоци, приподнимая распятие,— но молитвы не помогают. Возможно, мой одинокий голос плохо слышен на небесах.— Он прибавил к сказанному пару венгерских фраз и отвернулся к стене.

Уго поджал губы и кашлянул.

— Как... как это с вами случилось, хозяин? Может, вас мучит какой-нибудь застарелый недуг?

— Нет,— сказал Ракоци, глядя по-прежнему в стену.— Я никогда ничем не болел и еще утром чувствовал себя про-

сто отменно. Но после мессы меня охватила странная слабость, а теперь все мои внутренности словно в огне.— Он повернулся к слуге.— Не оставляй меня, Уго. Помолись вместе со мной.

— Конечно, хозяин.

Юноша встал на колени и извлек из складок одежды собственное распятие. Цепочка, на которой оно висело, была дорогой.

— Господь милосердный, читающий в наших сердцах и прозревающий все наши нужды,— забубнил он,— я знаю, что недостойн твоих милостей, но все же прошу услышать мои молитвы и снизойти к участи страждущего иноземца...

Ракоци мысленно усмехнулся. Флорентиец есть флорентиец и даже в молитве не может не подчеркнуть, что просит за чужака.

— Прекрасно, Уго,— прошептал он и присоединил свой голос к монотонной скороговорке слуги.

Они молились около часа. После полуночи Ракоци смолк.

— Благодарю тебя, Уго,— прошептал он чуть слышно.— Боюсь, теперь мне нужен священник.

Слуга перекрестился и встал.

— Зачем, хозяин? Вы ведь не собираетесь умирать?

— Похоже, мой час уже близок. Наши усилия тщетны, жизнь оставляет меня...

— Тогда позвольте мне сбежать за Савонаролой. Он обладает воистину удивительной силой и, несомненно, сумеет помочь. Позвольте мне пригласить его к вам.

Именно этого Ракоци и хотелось, но он изобразил на лице колебание:

— Савонарола — очень занятой человек. Он вряд ли согласится прийти. Незачем попусту его беспокоить.— Ракоци задохнулся и смолк. Руки его обирали края одеяла.

— Он придет,— пообещал Уго. Глаза юноши вспыхнули.— Я попрошу, он мне не откажет. Без его помощи вы умрете, хозяин.— Слуга побежал к двери.— Я разбужу Натале.

Ракоци кротко вздохнул.

— Ты очень добр ко мне, Уго. Господь вознаградит тебя за твою доброту.

Когда слуга убежал, он сел, чтобы размять затекшие мускулы, и энергично подвигался, прежде чем снова улечься.

Натале принес свечи и молча расставил их вокруг кровати. Он потрогал ледяной лоб хозяина, лицо его стало серьезным.

— Хотите, я почитаю вам из Святого Писания?

— Да, Натале, сделай одолжение. Думаю, это ободрит меня.

Уго отсутствовал час. Громкий топот ботинок выдал его приближение.

— Он дал согласие! Он придет! Он скоро здесь будет!

Слуга влетел в комнату и был встречен холодной яростью Натале.

— Тише, приятель, не забывайся. Хозяин наш болен. Ему нужен покой.

Уго чуть присмирел, но глаза его возбужденно блестели.

— Я просто радуюсь за хозяина. Молитвы Савонаролы непременно его исцелят.

У Натале было другое мнение о способностях Савонаролы. Он поджал губы и скептически произнес:

— Савонарола не лекарь. Он делает только то, что Господь позволяет ему, и не больше. Он точно такой же, как ты и как я.

— Но Господь слышит его,— возразил Уго.— Он посылает ему видения. Савонарола предсказал смерть Медичи, он знал, что Флоренцию захватят французы...

— Конечно знал,— Натале усмехнулся.— Возможно, он сам их и пригласил.— Глаза его грозно сверкнули.— Ладно, любезный, сейчас не время болтать. Ступай вниз и, когда твой доминиканец придет, не забудь запереть за ним двери. Я буду с хозяином и не смогу за всем уследить.

Суровая отповедь сотоварища привела Уго в чувство. Он покорно побрел к выходу, Натале шел за ним. Уже в коридоре юноша спохватился и виновато спросил:

— Как он? Ему не сделалось хуже?

Натале призадумался, отвечать ли невеже, потом, понизив голос, сказал:

— Он совсем ослабел и вряд ли доживет до рассвета. Лоб у него совсем ледяной, а испарины нет. Посмотрим, что сможет тут сделать твой хваленый аббат.

Дверь закрылась, Уго побрел вниз по лестнице. Ему сделалось жутковато. Вот он спускается по этим гулким ступеням, а навстречу ему, возможно, поднимается сама смерть. Нет, он нисколько не сомневался в том, что Савонарола сумеет ее отогнать, просто на него наводила тоску царящая в здании тишина. Для одного венгерского дворянина и двух его слуг это палаццо слишком огромно. Прежний владелец держал тут много работников и хорошо им платил. Грех жаловаться, венгр тоже платит неплохо, но прислуги у него маловато. Не то что нарядов: что ни день, то новый костюм. А сейчас этот франт лежит при смерти и ожидает помощи от монаха в скромной сутане.

Сильный стук в дверь прервал его размышления.

На пороге палаццо стоял Джироламо Савонарола — с Библией под мышкой и дарохранильницей в руках. Он вошел в дом и неприязненным взглядом окинул убранство парадного зала.

— Тут все дышит тщеславием. — Голос аббата был сух. — Ты призвал меня к человеку, погрязшему в роскоши? Ответь мне — зачем?

Уго потупил взгляд, но в лице его появилось упрямство.

— Этот дворец строил не он. Вы обещали за него помолиться.

— Я сделаю это. — Доминиканец глянул на Уго. — Успокойся, сын мой. Тебя никто ни в чем не винит. Твои донесения сказали нам больше, чем сказала бы исповедь этого иноземца, тем более что исповедуют его францисканцы! — Во взгляде аббата мелькнули злобные искорки. — Ты доказал, что твой долг для тебя важнее собственной выгоды. Тебе уготовано место на небесах.

Он рассеянно благословил Уго, затем спросил:

— Где чужеземец?

— В своей спальне. Пойдемте, святой отец, я провожу вас.

Густой аромат душистых трав ударил им в ноздри. Завидев вошедших, Натале отошел от жаровни, пропуская Савонаролу к постели. Он окинул маленького аббата скептическим взглядом и тихо шепнул Уго, застывшему возле двери:

— Я все равно думаю, что твоя затея дурацкая.

Уго сделал вид, что ничего не расслышал, но на лице его отразилось самодовольство. Он поступил правильно, он настоял на своем.

Савонарола с опаской склонился к больному. Так охотник склоняется к зверю, сраженному выстрелом, не понимая, убит тот или нет. Он ощупал лоб Ракоци и, ощутив леденящий холод, сказал:

— Вы на пороге вечности, сын мой.

Ракоци еле слышно пробормотал:

— Я тоже чувствую это.

Он попытался поднять распятие, но не сумел и закрыл глаза. Не от слабости, а чтобы Савонарола не прочел в них ничего лишнего.

— Помолитесь за меня, досточтимый приор. Кроме вас, я знаю, никто мне помочь не в силах.

Доминиканец смотрел на измученное лицо, невольно восхищаясь выдержкой этого человека.

— Готовы ли вы принять волю Божию?

— Да.

Чужеземец перекрестился, и рука его вновь упала.

Незнакомое чувство, похожее на угрызение совести, кольнуло Савонаролу. Он встал на колени и, рассеянно осенив себя крестным знамением, заговорил:

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Прошу тебя, Господи, услышь мой смиренный глас. Обрати взор свой на смертного, лежащего пред тобой, и оцени праведность

его прошлых деяний. Если он вел благочестивую жизнь, если его не пожирало тщеславие, если он достоин твоего милосердия, исцели его от болезни, угрожающей ему смертью.

Уго при этих словах встрепенулся и сложил молитвенно руки, Натале остался стоять как стоял.

Савонарола возвысил голос:

— Господи, на все твоя воля! Да воссияет над нами, смертными, немеркнущая слава твоя! Услышь меня, сотвори суд твой над страждущим, избавь его от недуга, уведи прочь от гибели, если он невиновен пред тобой. Если же он развращен и порочен, прошу, порази его, чтобы смрад, исходящий от грешника, не осквернял долее землю твою, изгони преступника от людей, посели с демонами в аду, обреки на страдания вечные. Ты один волен карать или миловать любого из нас, яви же нам свою волю!

Ракоци немного пошевелился и издал горлом странный звук. Его пальцы беспокойно задвигались по одеялу.

— Господь мой, всю жизнь свою я служу тебе верой и правдой и теперь умоляю: взгляни на этого человека! Если болезнь послана ему в наказание, оставь его в заботах своих! Но если он добродетелен и достоин твоего милосердия, даруй ему исцеление и долгую жизнь!

Последнюю фразу Савонарола почти прокричал, потом осел мешком на пол и закашлялся: дым от сгоревших корений стал слишком густым.

— Ничего более я не могу для него сделать, — просипел он, пытаясь подняться. — Теперь только Господь решит, жить ему или нет.

Натале громко фыркнул и замахал руками, словно бы разгоняя сгушавшийся чад. Уго неприязненно на него покосился и подскочил к своему кумиру.

— Благодарю вас, святой отец, — возбужденно заговорил он, помогая аббату встать. — Ваши слова все решили. Теперь, если мой хозяин умрет, значит, на то Божий суд. А если выживет, то только благодаря вашим молитвам!

Он подбоченился и с вызовом глянул на Натале, словно бы ожидая, что тот начнет возражать, однако ответом ему было молчание.

Натале не мог ничего возразить, даже если бы и хотел, ибо думал он точно так же, как Уго, правда с брезгливостью, а не с восторгом, не находя ничего замечательного в изворотливости святого отца.

Больной между тем беспокойно зашевелился на своем ложе и попытался сесть. Как ни странно, это ему удалось, и он спустил ноги с кровати. На лице его засветилась неуверенная улыбка. Присутствующие замерли, как пораженные громом.

— О, преподобный отец! — воскликнул больной. Голос его был очень тих и подрагивал, но каждое слово звучало на удивление внятно. — Я полагаю, Господь услышал ваши молитвы.

Уго издал непонятный звук, из глаз Натале хлынули слезы, лицо доминиканца исказила гримаса. Он побледнел и, казалось, ничуть не обрадовался чудесной метаморфозе, свершившейся со страдальцем, еще минуту назад собиравшимся отправиться к праотцам.

Ракоци, словно бы полностью поглощенный собой, продолжал говорить:

— Боль, пожиравшая мои внутренности, утихла, руки становятся теплыми... О, досточтимый приор! Я исцелен — и это ваша заслуга! Где бы я был теперь без ваших молитв? — Ракоци знал, где бы он был — и с молитвами, и без них, — если бы его организм отреагировал на яд другому. — Я хочу отблагодарить вас, преподобный отец!

На прикроватном столике тускло поблескивали драгоценности. Трясущимися руками Ракоци выбрал перстень с огромным, оправленным в золото изумрудом. Он вывез его когда-то из Бирмы, ему не хотелось с ним расставаться. Однако победа в смертельной игре, затеянной против него жестокосердным доминиканцем, стоила этой цены.

— Вот. Возьмите. Это самое дорогое из того, что у меня сейчас с собой есть, и я знаю, что этого мало. Однако

будьте уверены, преподобный отец, что позже я найду способ расчиститься с вами по-настоящему.

Савонарола, двигаясь медленно, как во сне, неловко шагнул к кровати и принял кольцо.

— Это суетная вещица, — машинально произнес он, глядя на камень, мгновенно зажегший зеленые отсветы в его угрюмых глазах.

— Тогда продайте его и используйте деньги во славу Церкви, — посоветовал Ракоци. «Только не швыряйте в костер!» — добавил он мысленно.

— Я подумаю, как с ним поступить, — Савонарола спрятал кольцо и, не сказав больше ни слова, скорым шагом покинул спальню. Его уход походил на бегство — да, собственно, таковым он и был.

— Проводи его, Уго, — велел Натале и, когда молодой слуга удалился, повернулся к кровати. — Он что, и впрямь исцелил вас своими молитвами? Что-то я в том сомневаюсь!

Ракоци посмотрел на слугу. Можно ли ему доверять? Натале — добрый малый, но все же...

— Трудно сказать, — ответил он осторожно. — Однако я точно знаю, что без него все сложилось бы много хуже. Уж ты мне поверь, Натале.

Это была чистая правда. Савонарола, дав ему яд, намеревался выиграть в любом варианте. Если бы Ракоци умер, цель была бы достигнута. Имущество Сан-Джермано досталось бы городу, а впоследствии — доминиканской общине. Если бы он выжил, Савонарола тут же обвинил бы его в дьяволизме и повелел заточить до расправы в тюрьму. Но Джироламо попался в ловушку: он сам просил небеса о помощи иноземцу, и уже не мог это отрицать.

— Уго теперь развонит всюду о чуде, которое совершил этот святоша. — В замечании Натале крылся упрек.

— Пусть. Чем выше тот вознесется, тем больней ему будет падать.

Слова эти прозвучали так жестко, что Натале вздрогнул, но мудро решил промолчать. В конце концов, человек, вырвавшийся из когтей смерти, имеет право на гнев.

Позже, когда восток посветлел, Ракоци покинул постель и отправился в лабораторию, чтобы исследовать отравленную облатку.

Усевшись за стол, он вдруг спросил себя: а что же толкнуло Савонаролу на столь отчаянный шаг? Ответа не находилось, и Ракоци пришло в голову, что в этой схватке, возможно, победа осталась совсем не за ним. Впрочем, он тут же выкинул эти мысли из головы, решив, что признает свое поражение только тогда, когда умрет истинной смертью.

Письмо Алессандро ди Мариано Филиппи к Франческо Ракоци да Сан-Джермано.

«Сандро Боттичелли радуется счастливому исцелению Франческо Ракоци от смертельной болезни и шлет ему свои поздравления.

Я узнал о случившемся утром, но, к сожалению, был занят с заказчиком и потому пишу только сейчас, переполняемый самыми светлыми чувствами. Смерти в безвестии и одиночестве не пожелаешь даже врагу, но радуюсь я не только вашему чудесному избавлению от напасти, а и тому, чему оно может способствовать.

Помните, какое-то время назад вы пытались настроить меня против доминиканцев? Вы даже описали какие-то ужасы, творимые ими в Испании, и намекнули, что подобное может случиться и здесь. Теперь, когда Савонарола вернул вас к жизни, можете ли вы думать о нем плохо? Можете ли вы допустить, что такой человек позволит нанести людям, находящимся на его попечении, какой-либо вред? Вспомните о молитвах, которые он над вами читал, и перестаньте тревожиться о судьбе Деметриче. Будьте уверены, ей ничего не грозит.

Более того, вы теперь в неоплатном долгу перед этим великодушным приором, ибо пытались его очернить. Но

это дело вашей души и вашей совести. Прошу прощения за то, что осмелился указать вам на ваши ошибки. Вы, без сомнения, сами найдете возможность вернуть все на круги своя.

Я также надеюсь, что теперь у вас нет причин не возвращать мне «Орфея», о котором у нас с вами уже был разговор. Конечно, я не могу сам вломиться в ваш дом, но это могут проделать Христовы воители. Картина должна быть уничтожена, и лучше бы нам полюбовно решить этот вопрос. Я не могу ее у вас выкупить, у меня нет такой суммы, однако мне почему-то кажется, что вопрос не в деньгах.

Франческо, Франческо, вы были моим другом, почему вы отказываетесь отдать ее мне? Я писал эту вещь не для вас, она назначалась Лоренцо. Но его уже нет, а мне так нужен покой. Умоляю, верните мне эту картину.

Я буду молиться за вас.

Сандро.

*Виа Нуова, Флоренция,
23 февраля 1498 года.*

ГЛАВА 8

Орландо Риччи в отчаянии развел руками.

— Я делаю все, что могу, синьор Ракоци, но не получил никакого ответа от Папы, а Савонарола не подчиняется мне. Более того, это я нахожусь в зависимом от него положении, ибо он узурпировал власть над отрядами Христова воинства и распоряжается ими как своей личной гвардией. Подумайте, что я значу против него?

Ракоци удрученно кивнул.

— Понимаю. Но тогда нельзя ли хотя бы отсрочить рассмотрение всех этих дел? На неделю? А лучше — на две?

— Вы думаете, это чему-то поможет? — спросил францисканец. — Вряд ли. А Савонаролу лишь разозлит. И толк-

нет на шаги, которых мы все опасаемся. Я говорю об аутодафе. Почувяв сопротивление, он может решить, что город погряз в ереси окончательно и что спасти его могут только жертвенные костры. — Он повернулся к окнам, едва пропускаям уличный свет, отчего помещение церкви казалось безжизненно-мрачным. — Зачем вам нужна эта отсрочка?

Немного поколебавшись, Ракоци произнес:

— Я получил известие... от своего знакомого в Риме, что Папа намеревается обвинить Савонаролу в ереси. Но эти сведения неофициальные, — добавил он быстро. — Я не могу сказать точно, когда будет обнародован указ. Но... мой знакомый — человек очень надежный.

— В ереси? — Францисканец облегченно вздохнул. — Обвинение в ереси. Ну наконец-то!

Ракоци покашлял в кулак.

— Так... отсрочка возможна?

Приор Санта-Кроче внимательно оглядел стоящего перед ним иноземца, одетого в темно-красный дамаский камзол.

— Почему это так важно для вас?

— Во-первых, как человек, получивший определенное воспитание, я не могу спокойно на все это смотреть. А во-вторых, меня волнует судьба домоправительницы моего родственника.

Орландо Риччи вздохнул.

— От меня вы можете не таиться. Ваша выдумка хороша, и Флоренция в нее верит. Однако я точно знаю, что вы не Жермен, а Франческо... И довольно давно.

Лицо Ракоци не изменилось, но словно бы отвердело.

— Как вы догадались? — глухо спросил он.

— По голосу. У вас особенный тембр. В прежние времена я слышал, как вы пели с Лоренцо. — Он рассмеялся. — А на днях вы подпели монахам. Все очень просто, мой дорогой.

Ракоци досадливо подвигал бровями.

— И что же теперь? — Помолчав, он добавил: — Что вы собираетесь делать? На мне лежит обвинение в дьяволизме. Вы ведь не можете с ним не считаться.

— Могу.

Заметив изумление в глазах собеседника, приор пояснил:

— Мой дорогой Ракоци, вы заходите к нам частенько, и я что-то не заметил, чтобы вы сторонились меня, или алтаря, или какой-то святыни. Мы стоим сейчас возле мощей, но вы почему-то не кричите от боли. Вы осеняете себя крестным знамением, и это тоже никак вам не вредит. Почему же я должен не доверять очевидному и считаться с напраслиной, какую на вас возвели?

Францисканец покосился на тускнеющее окно и прибавил другим тоном:

— Подходит время вечерни. Я должен уйти. Приходите ко мне снова, как только получите более твердые вести из Рима. Будьте уверены: в день, когда Савонаролу низвергнут, я буду свидетельствовать за вас.

Ракоци поклонился:

— Благодарю вас, святой отец.

Приор торопливо благословил его и поспешил прочь.

Ракоци тоже не стал задерживаться в Санта-Кроче. Утром он собирался нанести очередной визит консулу, и к нему следовало подготовиться, да и в палаццо дела хватало; правда, вернувшийся Руджиеро взял львиную долю забот на себя. Дворецкий вполне оправился от ранений, хотя все еще прихрамывал. Впрочем, хромота была ему на руку. Вкупе с пороховым пятном на лице она сделала его совершенно неузнаваемым, а новое имя Ферруджио окончательно путало все следы.

В тот момент, когда Ракоци шел по виа дела Примавера, Руджиеро-Ферруджио пытался сдерживать натиск Христовых воителей, вторгшихся во дворец Сан-Джермано. Севшим от возмущения голосом он кричал на юнцов, сры-

вавших со стен главного зала картины. С «Триумфом Париса» им пришлось повозиться, но в конце концов тяжелая рама треснула и грохнулась на мраморный пол. Двое подростков, вынуд ножи, принялись кромсать полотно.

Кучка погромщиков столпилась возле резных панелей, пытаясь найти дверь, ведущую в секретные комнаты. Руджиеро порадовался, что догадался запереть ее изнутри.

Еще двое юнцов поднимались по лестнице, но вход на второй этаж охранял Натале.

— Дальше никто из вас не пройдет. — Он взмахнул тяжелым жезлом. Погромщики рассвирепели.

— Отойдите, синьор. Вы не должны нам мешать. Нам велено уничтожить роскошные вещи.

— Интересно, кто вам это позволит? — Натале поднял жезл. Подростки переглянулись и приняли вызов.

Завидев распахнутые ворота палаццо, Ракоци понял, что там творится что-то серьезное, и побежал. Полы его длинного красного плаща развевались как крылья.

Треск мебели, грохот посуды, вопли погромщиков — все эти звуки вызвали в нем волну отвращения. Он встал на пороге, лицо его побелело от гнева. Погром был в разгаре. Уго с искаженным отчаянием лицом оттаскивал от Натале осатаневших воителей. Тот лежал на ступенях, лоб его был разбит. Руджиеро загнали в угол и прижали громоздким шкафом к стене.

На мраморном полу зала валялись искореженные картины, в той же груде поблескивали весы и мелкие гири. Сломанные альти и скрипка старинной работы сиротливо прижались к китайским нефритовым львам. Разрозненную кучу пергаментов с нотами покрывали турецкие пояса, всюду катались драгоценные кубки, под ногами погромщиков похрустывали черепки. В дверях музыкальной гостиной появились четверо побряхтывающих от натуги юнцов. Они волокли огромную ширму красного дерева, инкрустированную слоновой костью. Кто-то пнул ее, дерево затрепало — эта капля переполнила чашу терпения Ракоци.

— Прекратите! Сейчас же! — Этот окрик заполнил весь зал.

Погромщики замерли, обернувшись к застывшей в дверях фигуре. Ширма упала, ее удар о мраморный пол был зловеющим и оглушительным, как громовый раскат.

Ракоци в полной тишине прошествовал в центр зала и, стиснув зубы, оглядел Христовых воителей.

Позже никто из них так и не смог объяснить, чего они так испугались. Владелец палатки не был вооружен и ни ростом, ни статью не превосходил даже самого щуплого из подростков. Однако в темных бездонных глазах иноземца таилось нечто такое, что вызывало предательскую слабость в коленках у каждого, на кого падал его пылающий взгляд.

Облизнув губы, старший подросток попробовал пояснить:

— Мы не причиняем вреда. Мы просто боремся с проявлениями человеческого тщеславия.

— Молчите.

Приказ прозвучал как удар хлыста.

Вожак Христовых воителей вызывающе выпятил подбородок.

— Меня зовут Иезекиль Аурелиано. Мы действуем по указанию Савонаролы.

— Я приказал вам молчать.

Ракоци взглянул на юнцов, удерживавших Руджиеро.

— Отпустите дворецкого. Ну же. Я жду.

Смутившись, подростки оттащили шкаф от стены.

— Ферруджио, — велел Ракоци, — посмотри, что с Натале.

Руджиеро кивнул и молча пошел к лестнице.

Молчали все. Ракоци прошёлся по залу. Он присел у алта и прикоснулся к струнам. Их жалобное дребезжание, отозвалось в нем болью. Он поднял одного из нефритовых львов. Предняя правая лапа прекрасного изваяния раскололась, полголовы было отбито. Ракоци все смотрел и смотрел на него, пораженный произошедшим.

— Убирайтесь из моего дома. Немедленно. Все, — сказал он наконец. — Иначе я за себя не ручаюсь.

Подростки засуетились и потянулись к дверям. Многие облегченно вздыхали.

Но Иезекиль Аурелиано не двинулся с места.

— Вы не имеете права нас гнать.

— Я? Не имею?

Ракоци задохнулся от ярости. Он встал, подхватив с пола осколок нефрита, и пошел к нагелцу. Дикарь рассуждает о праве?

Иезекиль Аурелиано вдруг понял, что может произойти. Он попятился, зацепился за перевернутый стул и чуть не упал, потом повернулся и побежал к двери.

— Вы еще горько пожалеете обо всем!

Этот крик донесся уже с улицы. Ракоци глубоко вздохнул, потом осторожно положил осколок нефрита на пол и посмотрел на Уго.

— Они — добрые христиане, — заговорил было тот и умолк.

— Они — варвары. — Ракоци нахмурился. — И ты варвар, Уго.

— Но наш приор говорит, что людям не нужны излишества. Люди должны владеть только необходимым.

Ракоци не ответил. Он обратился к Руджиеро, склонившемуся над Натале:

— Как он, Ферруджио?

— Не думаю, что череп его поврежден, но удар был сильный. — Руджиеро выпрямился. — Ему нужно отлежаться, а позже посмотрим.

— Я отнесу его. Ступай к нему в комнату и приготовь кровать.

Поднимаясь по лестнице, Ракоци обошел Уго. Брезгливо, словно боясь испачкаться.

— А что делать мне? — спросил тот обиженно.

Ракоци повернулся.

— Ты впустил их сюда. Как бы ты поступил на моем месте?

— Я поблагодарил бы слугу, попытавшегося спасти мою душу от ада! — вскричал Уго в отчаянии, понимая, что его не простят.

— В самом деле? Тогда, возможно, ты будешь мне благодарен за то, что я позабочусь о твоей благочестивой душе и не позволю тебе оставаться в гнездовье порока? К завтрашнему утру ты должен покинуть мой дом. — Ракоци посмотрел на Руджиеро. — Мне стыдно. Я взял его в услужение.

Руджиеро, казалось, не слышал его слов.

— Натале аккуратен. В его комнате ничего не надо готовить. Я бы помог вам, хозяин, но я еще не окреп.

Дворецкий смотрел в сторону, стесняясь собственной слабости.

— Не беспокойся. — Ракоци нагнулся и подхватил Натале на руки. Уго, стоявший ниже, был изумлен. Хозяин легко, как с младенцем, управился с человеком гораздо крупнее себя.

Молодой слуга в нерешительности сделал шаг вверх и замер. В его помощи там не нуждались. Он вдруг понял, какой опасности избежали его сотоварищи. Хозяин мог всех их перекалечить, но проявил снисходительность. Уго потряс головой. До сих пор он думал, что нет во Флоренции человека сильнее и опаснее Савонаролы. Оказалось, что есть.

Сходя вниз по лестнице, Уго старался не смотреть на то, что творится в зале. Он торопливо спустился в подвал, чтобы набить дровами очаг. На душе его скребли кошки. Юноша чувствовал себя обманутым и виноватым, но не знал, чем своему горю помочь.

Уложив Натале, Ракоци с Руджиеро вернулись в парадный зал. Они долго стояли там и молчали, потом Ракоци произнес:

— Составь список того, что испорчено, Руджиеро. Мне это нужно к утру.

Руджиеро кивнул, сочувственно глядя на своего патрона. Он знал, что творится у него на душе.

Ракоци поднял с пола византийскую миниатюру, больше похожую на икону, чем на светский портрет. Он долго смотрел на нее, глядя большим пальцем лицо базилевса, умершего много веков назад.

— Хорошо, что «Орфей» цел. Мне надо было спрятать и остальное.

— Не корите себя, патрон. Что было, то сплыло, а впредь нам будет наука.

— Ну-ну, — усмехнулся Ракоци. — Ты полагаешь, нас можно чему-нибудь научить?

Он помолчал.

— Составь список, мой друг, и поскорее. Я схожу за врачом.

Натале уже спал, и во враче не было большой надобности. Руджиеро понял, что хозяину просто не хочется находиться в стенах оскверненного погромщиками палаццо. Что ж, к его возвращению он постарается все прибрать.

Письмо венгерского дворянина Жермена Ракоци, адресованное флорентийским властям.

«Жермен Ракоци, племянник и наследник владений и состояния Франческо Ракоци да Сан-Джермано, вынужден обратиться с прошением к просвещенным правителям Флорентийской республики.

Третьего дня вечером отряд молодчиков из так называемого Христова воинства ворвался в палаццо да Сан-Джермано и учинил там настоящий погром, по разрушительности сравнимый лишь с набегами варваров. Прилагаю к письму список вещей, уничтоженных так называемыми воителями, и считаю необходимым заметить, что, будучи добрым католиком, нахожу возмутительными подобные вторжения в дома добропорядочных горожан.

Сообщаю также, что некоторые из перечисленных в списке предметов (музыкальные инструменты, карти-

ны и пр.) не являются собственностью моего дяди, а принадлежат людям известным, влиятельным и в большинстве своем проживающим за пределами Флорентийской республики. Я собирался в ближайшее время вернуть эти вещи владельцам и теперь нахожусь в затруднении, не понимая, как мне поступить. В канцелярию Синьории могут посыпаться иски из-за границы, а международные уложения, как вы знаете, очень строги.

Я со своей стороны покорно прошу возместить мне причиненный ущерб на условиях, которые мы с вами, надеюсь, в ближайшее время обсудим.

В то же время мне хочется вам напомнить, что мое ходатайство об освобождении донны Деметриче Воландри, помещенной по вздорному обвинению в ереси в неизвестное мне место, до сих пор не рассмотрено. Возможно, мы с вами, к взаимному удовлетворению, сумеем уладить оба эти вопроса. Полагаю, что при благосклонном решении первого дела настоящее ходатайство я отзову.

Я понимаю, у Синьории много забот, однако я тоже сейчас озабочен. Дворянину, пекущемуся о чести семьи, волей-неволей приходится быть щепетильным. Как и просвещенным правителям, неустанно пекущимся о процветании вверенной им республики. Мне кажется, интересы наши практически совпадают.

С уважением и в ожидании ваших решений.

Жермен Ракоци.

Палаццо да Сан-Джермано,
Флоренция, 2 марта 1498 года».

ГЛАВА 9

 Моросящий дождь делал камни скользкими, к пальцам липла всякая дрянь. Ракоци дрожал от напряжения, прикладывая все свои силы, чтобы удержаться на гладкой стене. Когда под его левой ногой обрушился выступ, он опасно накренился. От неминуемого падения

его спасла глубокая выемка в камне, подвернувшаяся под свободную руку.

С момента начала подъема, казалось, прошла целая вечность, хотя на деле он полз к окну кельи не долее получаса. Ракоци ухватился за подоконный уступ и замер, прислушиваясь. В узилнице было тихо. Он сдвинул брови. В душе его шевельнулась тревога. Неудивительно, ведь эти стены веками впитывали человеческий страх. Хмурясь, Ракоци осторожно пролез сквозь окно, спрыгнул на пол и тут же присел, готовый к отпору.

Никто не набросился на него. Он выпрямился и кинул взгляд в угол, где на полу лежал одинокий тюфяк.

— Деметриче? — тихо позвал он, и стены прошептали в ответ ее имя.

Келья была пуста.

Он тронул цепи, висевшие над ее ложем, — холодное железо не сказало ему ничего. Его тревога все возрастала, он присел и зачем-то пошарил под тюфяком, но ничего там не обнаружил.

Ракоци побежал к двери, та, к его удивлению, не была заперта и открылась с протяжным скрипом. Сдерживая волнение, он вступил в маленький зал с низким сводчатым потолком, освещенный двумя тусклыми фонарями. В стенах его зияли ходы, но, куда увели Деметриче, понять было невозможно. Он стоял возле кельи, не зная, на что решиться.

Вдруг в отдалении послышался металлический лязг, ему вторили невнятные голоса, они приближались. Ракоци попятился, заскочил в келью и затаился в самом темном ее углу. Он порадовался, что надел черный плащ: тот делал его практически незаметным. Потянулись минуты тоскливого ожидания.

За стеной зазвучали шаги и вскоре стихли. Дверь заскрипела. Дрожащий свет факела упал на стену, два монаха втолкнули узницу в келью.

— Поднимите руки, — приказал один из них.

— Не могу.

Ее голос был тихим и очень усталым. Первый тюремщик просипел что-то второму, тот покорно кивнул, потом, шаркая ногами, подошел к Деметриче и, вздохнув, закрепил на ее запястьях оковы с помощью отвратительного вида клещей. Грузно шагая, монахи вышли из кельи. Дверь закрылась, щелкнул наружный засов. Келья погрузилась во тьму.

Только когда звуки их тяжелых шагов окончательно замерли в отдалении, Деметриче позволила себе разрыдаться.

Ракоци медленно поднялся. Мокрая ткань одежды, пропитанная дождем, липла к телу, но он не обращал на это внимания:

— Деметриче,— шепот его походил на шелест дождя за окном.— О, Деметриче.

Она подавила рыдания.

— Сан-Джермано?

— Да.

Он подошел ближе, ожидая, когда ее глаза приспособятся к темноте,— он знал, что сейчас она ничего не видит.

— Они причинили вам боль?

Деметриче вздрогнула:

— Нет.— Ее голос дрожал, но она старалась держаться.— Я боюсь. Я умираю от страха.

Он взял ее за руки, нежно привлек к себе и поцеловал: в лоб, в глаза, потом в губы. Так они стояли какое-то время, пока ее дыхание не сделалось ровным. Ракоци отступил, втайне обрадованный, что Деметриче потянулась за ним.

— Радость моя, подождите немного.— Он указал на оковы.— Сначала освободимся от них.

Но она спрятала руки за спину.

— Нет. В прошлый раз они увидели, что железо разогнуто, и решили, что это работа дьявола. А еще их перепугало окно. Я сказала, что доски вырвало ветром, но они не поверили мне.— Она опустила голову, глаза ее были полны слез.— Нет, нет.

Ракоци выругал себя за оплошность. После его ухода монахи не должны были найти в положении узницы перемен.

— Но... я вижу, тут все осталось как было. Вы что, дали им обещание вести себя смиренно?

Деметриче улыбнулась сквозь слезы.

— О нет. Они посоветовались и все тут освятили. И сказали, что, если я опять... опять выкину что-то такое, они окончательно уверятся, что мне помогает сам сатана.— Она внезапно умолкла, охваченная новым приступом страха.

— О, Деметриче.— Сердце Ракоци сжалось.— Обещаю, что утром эти цепи вновь будут на вас. Они ничего не узнают. Дайте мне ваши руки.

— Я не могу их поднять.

Ужасная мысль мелькнула в его голове.

— Пытка? Они вас все же пытали?

Она затрясла головой.

— Нет. Пока еще нет. Сегодня они лишь связали мне руки и вздернули их к перекладине. Мне пришлось стоять на носках. Через какое-то время боль притупилась и мне все сделалось безразлично, а они... они искали на моей коже сатанинские метки и рассказывали, что меня ждет.— В глазах ее вспыхнуло отвращение.— Я думаю, это вовсе и не монахи. Они получали огромное удовольствие, унижая меня.

Ракоци промолчал. Он знал, и не понаслышке, о мерзостях, которые творили доминиканцы, издеваясь над беззащитными жертвами, но сейчас не стоило развивать эту тему. Сейчас надо было дать Деметриче выговориться, чтобы ужас, в ней накопившийся, выплеснулся наружу и не отравлял ей впоследствии жизнь.

— Они задавали вопросы. Одни и те же, нелогичные и бессмысленные, но они задавали их снова и снова. Потом палачи привели другую женщину, пожилую и полубезумную. Они раздели ее и стали пытаться. На моих глазах. Им нужно было, чтобы я на это смотрела. Она кричала, а они

всячески ее мучили, а потом раскалили железо. Этот крик, этот запах...— Деметриче умолкла и, пошатнувшись, привалилась к стене.— Когда несчастная потеряла сознание, они сказали, что проделают то же со мной, если я стану упорствовать и отрицать свою ересь. Они сказали, что заклеят меня, а затем...— Ее ноги ослабли; содрогаясь всем телом, она опустилась на тюремное ложе. Ракоци сел рядом.

— Деметриче, карина.— Осторожно и нежно он обнял ее.— Вы столько выносите, потерпите еще чуть-чуть. Клянусь своей кровью, я не позволю им расправиться с вами. Вы верите мне? — На сей раз его поцелуй был настойчив, ее губы ответили, но без пылкости и словно сопротивляясь.

Все же порыв холодного ветра заставил ее прижаться к нему.

— Не оставляйте меня, Сан-Джермано,— шепнула она.

— О, никогда.

Он убрал с ее лица прядь волос и спросил:

— Чем мы займемся сейчас? Хотите, я вам спою колыбельную или...

— Могли бы вы просто побыть рядом со мной?

— Конечно. Я люблю вас, донна. Ложитесь. Я стану оберегать ваш покой.

Его голос звучал тихо и мягко. Деметриче посмотрела на кандалы, на цепи, прикрепленные к вбитой в стену скобе.

— Как я ненавижу все это,— сказала она с отвращением.— Снимите их, Сан-Джермано. Но обязательно верните на место... потом.

— Да, дорогая,— сказал он, без видимых затруднений разгибая железо.— Видите, как все просто? А сжать их еще легче.— Он притянул израненные запястья к губам и осторожно поцеловал каждую ссадину.— Улыбнитесь, карина. И подумайте, что я еще могу для вас сделать. Впрочем, пожалуй, я знаю это и сам.

Ракоци повозился с завязками и накинул на Деметриче свой плащ. Женщина вздрогнула и отшатнулась.

— Он мокрый!

— Да, мокрый,— сказал он печально.— На улице дождь. Вам неприятно? — В словах его крылся подтекст.

— О нет!

Деметриче потупилась и смущенно пробормотала:

— Просто... вы промокли до нитки и... можете заболеть.

— Это,— сухо сказал он,— невозможно.

— Правда? В таком случае...— Деметриче помедлила, потом, словно на что-то решившись, приникла к нему.— Мне все равно, мокрый вы или не мокрый. Мне несколько не помешает, даже если вода хлынет на нас с потолка. Обнимите меня, Сан-Джермано! Крепко, как вы это умеете, обнимите меня! — Она прижалась к Ракоци и затихла, ощущая, как напряглась его грудь.

Он снова поцеловал ее — долгим, затяжным поцелуем, потом отстранился и со вздохом сказал:

— Деметриче, радость моя, вы должны меня выслушать.

Она негнущимися пальцами погладила его по щеке.

— О, Сан-Джермано, одежда скоро просохнет. Не беспокойтесь, прошу вас, мне действительно хорошо.

Взгляд его сказал ей, что дело совсем не в одежде.

— Что с вами? — Деметриче выпрямилась. Она уже знала что.

— Дорогая, не надо лукавить. Вам ведь известно, кто я таков. И в вас все еще живет неприятие этого факта.— Он отмел ее возражения нетерпеливым взмахом руки.— Вы боитесь меня. Вы и раньше боялись.

— Я была не права.

Она покраснела, осознавая справедливость упрека. Он подарил ей ночь наслаждения, он стал ей близок, но зазор между ними все-таки оставался, и поделаться с этим она ничего не могла.

— Будьте честны со мной, Деметриче. Вы очень мне дороги, и потому я хочу лишний раз все прояснить. Ваши страхи оправданны... если вас ко мне тянет, если вы чувствуете ко мне то же, что к вам чувствую я. Такова природа

любви, освященная чудом взаимопроникновения. С каждым новым свиданием я буду входить в вас все больше и больше, вы начнете ощущать в себе перемены, пока наконец не случится окончательный переход.

— Вы хотите сказать, что я тоже могу стать вампиром? — Произнося эти слова, Деметриче, к своему удивлению, не ощутила в себе прежнего страха. Легкое отвращение оставалось, однако перенесенные испытания показали ей, чего в этом мире следует опасаться на деле. Итак, она станет такой же, как Сан-Джермано. И прекрасно. И пусть.

— Да. Но не сегодня, и даже не завтра. Какие-то перемены могут начаться лишь через пять, а может быть, шесть встреч. Проведенных в любви, а не в поисках физических удовольствий. — Ракоцци взял ее за руки. — О, Деметриче! Я был бы счастлив, если бы вы захотели разделить мою участь. Но вы чужаетесь этой мысли. Вы, подарив мне ночь близости, корите себя за нее, и я это вижу. Чувства говорят вам одно, разум — другое. Выход один: вы должны от меня отказаться. Я останусь самым преданным вашим другом и даю слово никогда более не искать ваших ласк.

— Отказаться от вас? — Она рассмеялась. — Вы шутите?

Смех перешел в рыдание. Деметриче поморщилась и смахнула слезы ладонью. Когда она вновь заговорила, слова ее были тверды, словно сталь отточенного клинка.

— Этого от меня не можете требовать даже вы. Я любила только однажды, но любовь моя была краткой, и человек, пробудивший во мне это чувство, ушел. Я впала в отчаяние, я думала, что никто в целом свете не сможет мне его заменить. Вы это сделали, вы оживили меня. Воспоминания о Лауро будут жить в моем сердце, но вы подарили мне другую любовь, пьянящую, как вино. Настоящей любовью Лоренцо всегда оставалась Флоренция, вы же готовы отдать за меня свою жизнь. Вы подвергаете себя страшной опасности, возвратившись в места, где вас ищут, вы бросаете вызов жестокому Савонароле, вы пробираетесь в

это узилище, невзирая на то что вас могут схватить! И после этого вы хотите, чтобы я от вас отказалась? О нет! Это произойдет только в том случае, если вы сами оттолкнете меня!

— О, Деметриче, не зарекайтесь. Возможно, в вас говорит лишь порыв.

— Сан-Джермано, если дни моей жизни уже сочтены, я хочу умереть в любви. Лучшее, что у меня есть, это ваша любовь. И мне ничего другого не надо.

— А если вам суждено жить? — Он положил ей руки на плечи.

— Я буду жить ради вас.

Сказав это, она ощутила, что на душе ее стало спокойно, и отодвинулась от него лишь затем, чтобы сбросить одежду.

Уже под утро, усталая и бесконечно счастливая, она задремала в его руках, прошептывая:

— Не забудьте же об оковах.

— Не забуду, — пообещал он и долго лежал не двигаясь, оберегая ее сон.

Письмо Джан-Карло Казимира ди Алерико Чиркандо к Франческо Ракоцци да Сан-Джермано.

«Джан-Карло из Венеции шлет спешное сообщение к своему учителю, патрону и другу.

Хочу сообщить, что ваши распоряжения я получил и намерен действовать в соответствии с ними.

Нынешним вечером я покидаю Местре и отправляюсь в Падую, а оттуда — в Болонью, где буду вас ожидать. Если до 10 апреля вы там не появитесь, я отправлю во Флоренцию своего человека и, буде тот донесет, что вас схватили доминиканцы, приму все меры к вашему осво-

бождению. На этот случай дож Барбариго и ваша римская приятельница Оливия снабдили меня необходимыми письменными ручательствами. Буде же обнаружится, что вы перешли в мир иной, мне следует убедиться, что ваш спинной хребет сломан. Только в этом случае мне дозволяется предать святой земле ваши останки, равно как и ваш пепел, если вы умрете в огне. Во всех остальных вариантах я должен перевезти ваше тело в Венецию в специально обустроенном для того сундуке.

Если у вас возникнут какие-то изменения в планах или появятся новые поручения, обязательно дайте мне знать. Я остановлюсь на постоялом дворе Сасси-Верди. Хозяина там зовут Исидор Ривифальконе. Ему уже щедро уплачено за молчание и расторопность.

В надежде на скорую встречу

Джан-Карло.
Венеция, 4 марта 1498 года».

ГЛАВА 10

 На площади Синьории шли последние приготовления к аутодафе, которое должно было состояться вскоре, после завершения мессы в Санта-Мария дель Фьоре. Два отряда Христовых воителей наблюдали за укладкой хвороста и за установкой щитов заграждения, призванного не подпускать к кострам горожан. Утро в этот мартовский день выдалось солнечным, но не обещало тепла.

На северной стороне площади толпились художники. Какой-то молодой человек, чьи огромные руки выдавали в нем скульптора, одиноко прохаживался вдоль картин, кое-как приставленных к стене ближайшего здания, и сокрушенно покачивал головой.

Время от времени на эту своеобразную выставку косился и седовласый Фичино, хотя глаза его давно уже потеряли и зоркость, и цвет.

— Боттичелли,— сказал он тихо, дергая за рукав Сандро Филиппеи,— не делайте этого, я вас прошу.

Сандро досадливо выдернул руку.

— Я дал клятву. Выбора у меня теперь нет.

Старый философ покачал головой.

— Выбор всегда есть. Клятва, принесенная отлученному от церкви монаху, не может связывать вас.— Он вновь посмотрел на картины.— По крайней мере, спасите хотя бы «Соломона и Шебу»*. Это ведь религиозная живопись, Сандро. На библейский сюжет.

— В самом деле? — высокомерно спросил Сандро.— И много ли там благочестия? Царь Соломон мнет бедра красавицы, груди ее бесстыдно открыты.. Это все непристойность, соблазн.

— Но Соломон любил Шебу высокой любовью. Разве Евангелие осуждает такую любовь? — Фичино заметил, что Сандро его не слушает, и в бешенстве от своей беспомощности повернулся к живописцу спиной.

Спустя какое-то время месса закончилась, о том возвестил колокольный звон, зовущий флорентийцев на площадь. Часть Христовых воителей собрались возле двух куч хвороста в ожидании появления процессии.

Заунывное пение, выхлестнувшееся из собора, словно бы пригасило яркость весеннего дня, в звонах колоколов слышались погребальные ноты. Монахи, показавшиеся на паперти, приплясывали — медленно, будто бы опоенные сонным настоем.

Площадь заполнялась людьми, Христовы воители цепью рассыпались вдоль заграждения, ибо горожане стали перелезать через щиты, чтобы подобраться поближе к кострам. Зрелище обещало быть редкостным: книги, картины и дорогостоящие безделушки жгли тут не каждый день.

* Соломон — царь Израильско-Иудейского царства (965–928 гг. до н. э.), почитавшийся величайшим мудрецом всех времен, автор некоторых вошедших в Библию книг. Шеба — царица Савская, приехавшая его навестить и родившая от него сына.

Выйдя на площадь, монахи возвысили голоса. Наиболее набожные флорентийцы попадали на колени, громкими криками призывая к себе милость небес. Доминиканцы в своих черных накидках поверх белых сутан смешались с толпой, собравшиеся начали ритмично хлопать в ладоши. Над площадью прокатился шум, подобный грохоту листового железа.

Внезапно все смолкло. Савонарола, появившийся на ступенях Санта-Мария дель Фьоре, выждал с минуту и обратился к пастве:

— Радуйтесь, флорентийцы! Сегодня Господь дает вам возможность искоренить главный ваш грех! — Он воздел над толпой обе руки, чтобы унять бурю восторженных возгласов и рукоплесканий. Восклицания, сорвавшиеся с уст многих тысяч объединенных восторженным порывом людей, стихли: Флоренция обратилась в слух.

— Здесь! Сегодня! Сейчас! Буквально через мгновение мы с вами выкажем нашу готовность следовать Господним велениям. Мы навсегда избавимся от вещей, тешащих наше тщеславие и ввергающих город в пучину порока! — Доминиканец показал на Христовых воителей. — Эти молодые бойцы, верные Господу, уже наготове. В их ясных глазах пылает огонь истинной веры, им и доверяется честь воспламенить эти костры, назначенные уничтожить всю скверну во имя нашего очищения!

Монахи продолжали приплясывать, люди, стоящие у заграждений, начинали им подражать.

Над кучами хвороста появились дымки. Христовы воители, ободренные словами вождя, заторопились. Первый огромный костер, разложенный на южной стороне площади, занялся быстро. Второй, поменьше, не хотел разгораться, хотя внимание публики привлекал к себе в большей степени именно он. Именно в его пламени знаменитый Сандро Боттичелли собирался уничтожить свои полотна, и молодой Иезекиль Аурелиано со своими приспешниками делал все, чтобы пламя наконец вспыхнуло.

— Сандро, позвольте мне взять одну или две картины. — В тихом, спокойном голосе говорящего явственно слышался чужеземный акцент.

Боттичелли стремительно обернулся.

— Франческо?

— Жермен, — с улыбкой поправил Ракоци. — Всего два холста. У вас их тут более двадцати. Уверяю, недостатку никто не заметит.

Глаза живописца сделались жесткими.

— Я не могу.

— Господи, почему? Сандро, отдайте мне «Персефону»*. Эта легенда всегда привлекала меня. Живопись не греховна. Думать иначе могут только безумцы. — Ракоци говорил очень тихо, но Боттичелли казалось, что его собеседник кричит.

— Нет. Я дал клятву.

— Так нарушьте ее. Ради своих картин. Это ведь не куски ткани покрытые красками, это частицы вашей души. — Внезапно он взял Боттичелли за плечи и посмотрел ему прямо в глаза. — Сандро, да понимаете ли вы, что творите?

На другом конце площади Савонарола возносил хвалу Христовым воителям. Раскрасневшиеся юнцы сияли от гордости.

Боттичелли пытался вырваться, но не сумел. Сила удерживавшего его человека была воистину фантастической. Дернувшись раз-другой, Сандро промямлил:

— Мне больно. Оставьте меня.

Ракоци опустил руки. Краем глаза он видел, что юнцы из Христова воинства приближаются к ним.

— Одумайтесь, Сандро. В сравнении с ними, — Ракоци указал на картины, — ни вы, ни я ничего не значим, равно и как затеявший весь этот ужас бесноватый монах. В этих полотнах больше жизни и человечности, чем во

* Персефона — в греческой мифологии богиня плодородия, супруга похитившего ее бога подземного царства Аида.

всех тех, кто пришел поглазеть на их гибель. Пожалуйста, Сандро. Еще не поздно. Я вас прошу.

— Я полагаю, синьор Ракоци, вам лучше уйти.

Боттичелли отвернулся от собеседника и обратился к Иезекилю Аурелиано.

— Я готов. Помогите мне поднести картины к костру. Тот ухмыльнулся.

— Нет, синьор Филиппи. Вы должны это сделать сами. Иначе жертва будет неполной.

Глаза Сандро вспыхнули и погасли. Он пристально поглядел на юнца и пожал плечами.

— Хорошо. Тогда скажите, каков порядок этого ритуала? — Живописец боком прошел к картинам, опасаясь, что Ракоци преградит ему путь. Но тот, как видно, уже ушел, и дорога была свободной.

— В начале следует сжечь все небольшое, — ответил Аурелиано, получивший соответствующие инструкции еще накануне. — Самое большое и непристойное пойдет на закуску. — Ухмылка на лице юноши сделалась шире. — Оставьте здесь «Диану и Актеона»*, — снисходительно посоветовал он, — а «Юпитер и Ио»** отправится к Савонароле.

— К Савонароле? — переспросил Сандро в недоумении.

— Ну да!

Взгляд вожака Христовых воителей сделался ласковым, даже елейным.

— Наш добрый приор покажет ее всей пастве и обличит в ней все человеческие заблуждения, навлекающие на смертных гнев Божий.

* Диана — в римской мифологии богиня луны, часто отождествлявшаяся с греческой богиней охоты Артемидой, превратившей, по одной из версий, осмелившегося подглядывать за ней охотника Актеона в оленя.

** Юпитер — в римской мифологии царь богов, отождествлявшийся с греческим небожителем Зевсом, превратившим свою земную возлюбленную Ио в белоснежную телочку, чтобы оберечь ее от гнева ревнивой жены Геры.

Боттичелли зажал рот ладонью, пытаясь справиться с приступом тошноты. Он приказал себе успокоиться, затем опустил руки:

— Мне кажется, это уже чересчур.

— Вы ошибаетесь, — нагло усмехнулся Аурелиано. — Раскаяние должно быть глубоким и искренним. Если вы его не проявите, чего же ждать от других? Двусмысленность, свойственную языческой живописи, следует заклеить. — Мальчишка явно повторял чужие слова. Он заткнул руки за пояс и принялся раскачиваться на каблуках.

Сандро, ища сочувствия, огляделся по сторонам, но обнаружил вокруг лишь глумливые физиономии Христовых воителей. Двое-трое монахов деловито перебирали картины. Он сделал к ним шаг, но юнцы встали теснее. На миг Боттичелли овладело безумное желание броситься на глаза у всех флорентийцев в костер. О, как переполошились бы эти святоши! Монахи продолжали копаться в полотнах. Один из них, отличавшийся властной осанкой, вдруг сунул под накидку «Семелу»*, потом — «Персефону». Художник открыл было рот, чтобы изобличить вора, и тут же его закрыл. Из-под сутаны доминиканца выглядывали носки синих венгерских сапожек. Боттичелли подавил истерический смех, поражаясь смелости Ракоци, и сердце его омыла волна восторга.

— Пора начинать, — заметил Аурелиано. — Добрый приор Сан-Марко дает нам знак.

Сандро еще раз покосился на мнимого доминиканца и кивнул:

— Прекрасно. Пусть будет «Юпитер». — Он сдвинул брови. — Чего же вы ждете? Несите эту картину ему.

— Вы должны отнести ее сами. — Углы губ подростка презрительно искривились.

* Семела — в греческой мифологии возлюбленная Зевса, испепеленная молниями неосторожного небожителя, вздумавшего однажды (по коварному наущению Геры) явить ей свое величие.

Похоже, его хотят растоптать окончательно. Художник мысленно досчитал до десяти и усмехнулся.

— Что ж, почему бы и нет?

Полотно, приговоренное к сожжению первым, стояло чуть в стороне от других. Боттичелли критически осмотрел его — как чужую, представленную на суд мэтра работу — и невольно залюбовался увиденным. Прекрасная золото-волосая Ио, вобравшая в себя все краски рассвета, нежилась, лежа на облаке, имевшем очертания мужской головы. Линия шеи Ио вдруг показалась ему удивительно трогательной, и он с гордостью подумал, что никому еще не удавалось нарисовать что-либо подобное.

— Синьор Филиппи! — резко окликнул Аурелиано.

— Да-да, я иду.

Сандро взялся за тяжелую раму. Юнцы из Христова воинства, раздвинув толпу в стороны, проложили ему путь. Шагая к палатцу дела Синьория, он чувствовал, что все взгляды собравшихся устремлены на него, и шел, опустив голову, охваченный отвращением к себе и к тому, что происходит вокруг.

— Внемли, Флоренция, — выкрикнул Савонарола, указывая на художника пальцем. — Вот человек, осознавший свои заблуждения и отрекающийся от собственных нечестивых деяний. Лукавой кистью своей, вместо того чтобы возвеличивать Господа, он живописал похоть и блуд.

Доминиканец знаком повелел двум подросткам принести у Боттичелли картину.

— Поднимите ее повыше, дети мои! Пусть все увидят, сколь мерзостно это творение, прославляющее греховное вожделение во всей его отвратительной неприглядности. Взгляните на эту распутную женщину, бесстыдно обнажившую свое тело. Она изнывает от похоти, она сучит оголенными бедрами, поощряя ненасытность Юпитера и пробуждая в грешных душах соблазн!

Толпа подалась вперед, горя нетерпением увидеть все это воочию и проникнуться отвращением к оголенной язычнице. Сандро хотел крикнуть во весь голос, что его

холст прославляет не мерзость, не похоть, а человеческую красоту. Впрочем, до красоты никому здесь не было дела. Публика бесновалась. Малый костер за спиной художника разгорелся и весело затрепал.

— Но Сандро Филиппи раскаялся, — провозгласил Савонарола. — И сейчас он своими руками бросит в огонь сие нечестивое полотно!

Сандро шел к костру словно во сне, прижимая к груди свое обреченное дитище. Ненависть, в нем бушевавшая, слепила глаза. Он швырнул картину в огонь, и жадное пламя, взметнувшись, в одно мгновение превратило ее в прах.

Толпа ахнула. Сквозь завесу смрадного дыма Сандро увидел своего брата. Тот торжествующе улыбался. Зловонное облако окутало кучку доминиканцев, стоящих за спиной Симоне. Когда дым рассеялся, под одним из монашеских капюшонов проступило застывшее словно маска лицо — лицо Франческо Ракоци да Сан-Джермано.

Поддерживая одной рукой спрятанные под накидкой холсты и выставив перед собой локоть другой, Ракоци принялся прокладывать себе путь через людскую массу, объясняя выражавшим недовольствие горожанам, что ему необходимо вернуться в Сан-Марко.

Он уже огибал Санта-Мария дель Фьоре, когда новый вздох толпы за спиной подсказал ему, что в огонь бросили очередную картину.

Описание видения блаженной Эстасии — сестры, приобретенной к тайнам Господним.

«Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь!»

Почитая благословенную Богородицу, всех святых, ангелов и великомучеников, смиренно прошу фра Мило записать все, что я ему расскажу о видении, ныне мне явленном.

Томясь в миру и предаваясь безумствам плоти, еще не сознавая, что мне будет дано победить в себе грешницу, я проживала в доме кузена своего Сандро Филиппи, известного также как Боттичелли. Бесстыдные картины его, преданные вчера очищающему огню, творились при мне, и мне же довелось видеть их разрушение. Думая об этом как о ниспосланной мне великой милости, я направила все свои помыслы к Господу, великолением своим ослепляющему все сущее на земле. Все земные цари — ничто пред славой его, и нет в мире красок, достойных живописать его лик, и самый возвышенный гимн не сравнится со сладостью его гласа.

Моя душа вознеслась ввысь вместе с ярким сиянием, и я увидела, что исходит оно от флорентийских костров. Смерд, источаемый сгорающей в их огне мерзостью, делался на небесах ароматнее ладана, жирный дым обвинил чело Спасителя цветущим венком и излучал свечение, весьма его украшавшее.

Языки пламени танцевали пред ним, а молитвы, возносимые верующими, звучали как лютни и трубы. Когда знаки тишеславия были разрушены, Господь улыбнулся и явил свою красоту, с которой ничто на свете не может соперничать. Я была вознаграждена в своих мыслях о нем, ибо ничто не несет нам такой благодати, как вера. Благочестие прядет нам покровы лучшие, чем те, что могут быть предложены самыми искусными в мире ткачами.

Я видела, как Господь поглядел на Флоренцию и отвел от нее пылающий меч свой, чтобы занести его над адской низиной, имя которой — Рим. Но глаз Спасителя зорек, от него ничто не укроется, он узрел, что не все принесли ему жертву свою. Нашлись отступники, не пожелавшие отринути мирские сокровища ради славы небесной. Однако не радуйтесь, нечестивцы, посмеившие забрать две картины, назначенные к сожжению. Вы низвергнетесь вместе с ними в геенну огненную, ибо Господа нашего нельзя обмануть. Он покарает всякого, кто решит насмеяться над искренностью наших праведных устремлений.

Я утратила голос, воздавая хвалы всеблаговому Творцу. Мои веки отяжелели от созерцания его славы. Мое бренное тело ослабло от ночных молитв и постов, но вера моя крепка, ибо она привела меня к престолу Господнему.

Мне открылось, что Флоренция может быть прощена, что ревнитель праведности ее возвысится и что луч его славы упадет на меня благодаря милосердию Божьему.

О, Флоренция! Будь искренней в своем покаянии! Будь крепка во вновь обретенной вере своей! Не упусти своего триумфа, ибо он почти явлен тебе. Избавься от еретиков, развративших тебя! Ступи на путь святости, по которому вслед за тобой устремятся народы!

Любовь к Господу преодолевает любые препятствия и прекращает любую вражду. Сонмы ангелов, святых и великомучеников взирают на нас с горних вершин. Они радуются, когда грешники каются, и рыдают над теми, кто все еще остается в тенетах соблазна.

Какая земная любовь может сравниться с подобной любовью? Можем ли мы рассчитывать на признание и успех, когда смерть кладет предел всем сокровищам мира, обращая их в прах? Только величие Божие остается в веках, и если мы от него отвернемся, то навсегда лишимся доступа к источнику вечной жизни, являющемуся средоточием всего сущего!

Записано рукой фра Мило со слов сестры Эстасии, приобщенной к тайнам Господним.

Сакро-Инфанте,
Флоренция, 5 марта 1498 года».

ГЛАВА 11

— И что это все означает? — спросил Ракоци, когда его ввели в часовню Санта-Мария Новелла. Он держался спокойно, с высокомерным достоинством, несмотря на присутствие двух дюжих охранников, следивших за каждым движением подопечного, чей темно-зеле-

ный камзол, расшитая жемчугом шляпа и синие венгерские сапоги хорошо гармонировали с красками фресок, покрывавших дальнюю стену святилища.

Двое доминиканцев, сидевших за длинным столом, настороженно переглянулись, третий, совсем еще юноша, посмотрел на задержанного крайне недружелюбно.

— Вы можете сесть. Вам придется ответить на кое-какие вопросы.

— Я постою, — коротко ответил Ракоци, взглянув на молодого доминиканца. Было в нем что-то неприятно знакомое... Но что? «Двенадцатая ночь!» — мелькнуло в мозгу, и Ракоци вспомнил: палатцу, гости, банда погромщиков, Лоренцо, побелевший от гнева. Этот молодчик возглавлял тогда шайку приверженцев Савонаролы.

Положение осложнилось.

— Вы — Жермен Ракоци, так? Наследник богоотступника Франческо да Сан-Джермано?

Ракоци покачал головой.

— Я бы не стал это утверждать. Франческо да Сан-Джермано — мой дядюшка, это факт. Богоотступник он или нет — я не знаю. Что до наследства, то Синьория не подтвердила пока что мои права.

Пожилые монахи вновь озабоченно переглянулись.

— Ответы на заданные нами вопросы покажут, насколько ваши притязания основательны, — нахмурился молодой монах.

— И каким же образом? — Ракоци вскинул брови. — Вы ведь — не Синьория, а Синьория — не вы.

— Меня зовут фра Марио, я из рода Спинатти. — Молодой доминиканец впился в задержанного изучающим взглядом.

Ракоци, выпятив подбородок, спросил:

— Вы хотите представиться? Вы много о себе полагаете, молодой человек.

Подобной реакции юноша явно не ожидал. Он подскокил на месте, задыхаясь от ярости, потом взял себя в руки и выпалил обвиняющим тоном:

— На вас сапоги синей кожи! С высокими каблуками!

Ракоци с нарочитым испугом вскинул правую ногу и воззрился на свой сапог.

— Да, и что же с того?

Фра Марио хищно осклабился.

— И вы были в них в день очищения, когда на площади горели костры!

— Вполне возможно, — согласился Ракоци, ставя ногу на место.

— Я знаю, что вы были в них. Вас там видели.

Ракоци пожал плечами.

— Но я и не пытался скрываться.

— Зачем вы пришли туда? — спросил фра Марио, едва сдерживая торжество. Он полагал, что припер иноземца к стенке.

— Боюсь, по той же причине, что и многие горожане. Мне хотелось в последний раз полюбоваться картинами Боттичелли. — Ракоци знал, что играет с огнем, но надеялся, что эта игра отвлечет их от тем, представляющих для него прямую угрозу.

— Флорентийцы пришли туда, чтобы распроститься с тщеславием, — заявил фра Марио.

— В самом деле? Тогда почему же многие плакали, глядя как пылают творения великого мастера?

Он надменно воззрился на Марио, ожидая ответа.

— Они плакали потому... потому что сердца их исполнились радости, освободившись от бремени скверны... Людям свойственно плакать в значительные моменты...

Марио замолчал. Он злился. Чужеземец вновь выиграл в споре, заставив его обороняться. Следовало перейти в наступление, и молодой доминиканец наклонился вперед.

— Значит вы признаете, что похитили эти картины?

— Какие картины?

— «Семелу» и «Персофону». — Глаза фра Марио заблестели. Противник ушел в оборону. Еще секунда — и он будет смят.

ный камзол, расшитая жемчугом шляпа и синие венгерские сапоги хорошо гармонировали с красками фресок, покрывавших дальнюю стену святилища.

Двое доминиканцев, сидевших за длинным столом, настороженно переглянулись, третий, совсем еще юноша, посмотрел на задержанного крайне недружелюбно.

— Вы можете сесть. Вам придется ответить на кое-какие вопросы.

— Я постою,— коротко ответил Ракоци, взглянув на молодого доминиканца. Было в нем что-то неприятно знакомое... Но что? «Двенадцатая ночь!» — мелькнуло в мозгу, и Ракоци вспомнил: палатцу, гости, банда погромщиков, Лоренцо, побелевший от гнева. Этот молодчик возглавлял тогда шайку приверженцев Савонаролы.

Положение осложнилось.

— Вы — Жермен Ракоци, так? Наследник богоотступника Франческо да Сан-Джермано?

Ракоци покачал головой.

— Я бы не стал это утверждать. Франческо да Сан-Джермано — мой дядюшка, это факт. Богоотступник он или нет — я не знаю. Что до наследства, то Синьория не подтвердила пока что мои права.

Пожилые монахи вновь озабоченно переглянулись.

— Ответы на заданные нами вопросы покажут, насколько ваши притязания основательны,— нахмурился молодой монах.

— И каким же образом? — Ракоци вскинул брови.— Вы ведь — не Синьория, а Синьория — не вы.

— Меня зовут фра Марио, я из рода Спинатти.— Молодой доминиканец впился в задержанного изучающим взглядом.

Ракоци, выпятив подбородок, спросил:

— Вы хотите представиться? Вы много о себе полагаете, молодой человек.

Подобной реакции юноша явно не ожидал. Он подскокил на месте, задышавшись от ярости, потом взял себя в руки и выпалил обвиняющим тоном:

— На вас сапоги синей кожи! С высокими каблуками!

Ракоци с нарочитым испугом вскинул правую ногу и воззрился на свой сапог.

— Да, и что же с того?

Фра Марио хищно осклабился.

— И вы были в них в день очищения, когда на площади горели костры!

— Вполне возможно,— согласился Ракоци, ставя ногу на место.

— Я знаю, что вы были в них. Вас там видели.

Ракоци пожал плечами.

— Но я и не пытался скрываться.

— Зачем вы пришли туда? — спросил фра Марио, едва сдерживая торжество. Он полагал, что припер иноземца к стенке.

— Боюсь, по той же причине, что и многие горожане. Мне хотелось в последний раз полюбоваться картинами Боттичелли.— Ракоци знал, что играет с огнем, но надеялся, что эта игра отвлечет их от тем, представляющих для него прямую угрозу.

— Флорентийцы пришли туда, чтобы распроститься с тщеславием,— заявил фра Марио.

— В самом деле? Тогда почему же многие плакали, глядя как пылают творения великого мастера?

Он надменно воззрился на Марио, ожидая ответа.

— Они плакали потому... потому что сердца их исполнились радости, освободившись от бремени скверны... Людям свойственно плакать в значительные моменты...

Марио замолчал. Он злился. Чужеземец вновь выиграл в споре, заставив его обороняться. Следовало перейти в наступление, и молодой доминиканец наклонился вперед.

— Значит вы признаете, что похитили эти картины?

— Какие картины?

— «Семелу» и «Персофону». — Глаза фра Марио заблестели. Противник ушел в оборону. Еще секунда — и он будет смят.

— Разве их похитили? — спросил Ракоци невозмутимо.

— Да. И вы прекрасно об этом знаете!

— Разумеется... с ваших же слов. — Ракоци заметил замешательство на лицах старших монахов и почувствовал облегчение. Но торжествовать победу было еще рано. — Я рад, — добавил он, — что у кого-то хватило храбрости их украсть!

Признание ошеломило доминиканцев, на что, собственно, Ракоци и рассчитывал. Фра Марио нервно забегал возле стола, потом резко остановился.

— Вы сами это сказали! — вскричал растерянно он.

— Да, — согласился Ракоци. — Сказал. Потому что именно так я и думаю. И еще скажу вот что. Придет время — и мир будет благодарить этого человека.

— Значит, вы тоже могли бы украсть эти картины?

Вопрос был дурацким, ибо открывал карты противника. Незадачливый фра Марио недвусмысленно сообщал, что не уверен в виновности стоящего перед ним человека. Ракоци внутренне возликовал, но ответил не сразу.

— Да, — сказал он наконец. — Если бы мне представилась такая возможность, обязательно попытался бы. Но я бы унес «Юпитера», а не «Семелу».

Иноземец смотрел Марио прямо в глаза. Его искренность не вызывала сомнений.

Один из сидящих молча монахов кашлянул.

— Синьор Ракоци, — его голос был удивительно звучным. — Меня зовут фра Станислао. Позвольте и мне задать вам вопрос-другой.

— Я к вашим услугам. — Ракоци понял, что в схватку вступает сильный противник. — Я постараюсь быть с вами откровенным, ибо ваш вид внушает мне уважение. — Он не смотрел на Марио, но знал, что тот уязвлен.

Фра Станислао кивнул.

— Вы говорите, что являетесь наследником Франческо да Сан-Джермано?

— Да, это так.

— У вас есть тому доказательства?

— У меня имеется гербовая печать, которая должна быть вам известна: затемненный солнечный диск на серебряном поле. Кроме того, у меня есть несколько писем от дядюшки и письменные свидетельства двух португальских монахов о его смерти. Я уверен, вы знаете, что он нашел приют в Португалии — у своего знакомого, алхимика Бранко.

Фра Станислао снова кивнул.

— Вы можете предъявить нам все это?

Ракоци тяжело вздохнул.

— Я с момента приезда пытаюсь все это кому-нибудь предъявить, но складывается впечатление, что никому во Флоренции нет до меня дела. Если вы возьметесь за меня ходатайствовать, я с огромной охотой готов довериться вам.

Фра Станислао сморгнул и побарабанил пальцами по столу.

— Хорошо, мы вернемся к этому позже. — Он заглянул в пергамент, лежащий у него под рукой. — Поговорим теперь о донне Деметриче Воландри. Вы ведь хлопчете о ее освобождении, так?

— Да, — согласился Ракоци, ощутив укол в области сердца. — Мой дядюшка передоверил мне заботы о ней. Он хотел, чтобы донна Деметриче ни в чем не знала нужды, и положил ей за службу приличное содержание.

— Но она обвиняется в ереси, — тихо заметил фра Станислао.

— Она не признала себя виновной. Обвинение можно и отозвать. Возможно, ее оболгали, запутали, неправильно поняли. — Ракоци горделиво выпрямился и словно бы от волнения заговорил с сильным акцентом: — Я не знаю, как принято здесь, во Флоренции, но в Трансильвании воля покойного — закон. Освободить бедную женщину, если хотите, мой долг.

Фра Станислао переменил тон, в его голосе появилась угроза.

— Долг — понятие христианское, а не светское. Вы ведь христианин? И, кажется, даже католик?

Ракоци оскорбленно кивнул.

— Мне странны ваши сомнения. Вам ведь известно, что я ежедневно хожу к мессе. Или меня тоже кто-нибудь оболгал? — Он решил вновь рискнуть и грубым ходом сбить допросчиков с толку. — Фра Марио полагает, что я ворую картины. Вы тоже считаете так?

Фра Станислао нахмурился. Чужеземец опередил его, ему ничего не осталось, как пробурчать:

— Я пока что воздерживаюсь от суждений.

— Что ж, общитесь палатцу. Христовы воители уже шарили там, но они были больше заняты порчей вещей и, возможно, что-нибудь пропустили. — Ракоци сдвинул брови, голос его гневно возвысился: — Только прошу: отправьте с этими варварами какого-нибудь достаточно взрослого и разумного человека, чтобы за ними был хоть какой-то пригляд.

— Вы довольно дерзко ведете себя, синьор Ракоци, — сухо заметил фра Станислао.

— Это неудивительно: я возмущен. — Ракоци склонился к столу. — Осмотрите палатцу!

Фра Станислао пренебрежительно отмахнулся:

— Раз вы настаиваете на этом, значит, картин там уже нет.

— Что? — воскликнул Ракоци, и осекся, как человек, осененный ужасной догадкой. — Так-так... я понимаю. Если бы мне вздумалось уклониться от обыска, это укрепило бы вашу уверенность в том, что картины украл я. А поскольку я сам прошу осмотреть мое обиталище, вы заявляете, что умыкнутое попросту перепрятано. Чудно, чудно. В любом случае я остаюсь на крючке. А у вас пропадает необходимость опрашивать флорентийцев. Иноземцы всегда во всем виноваты — это очень удобно, не правда ли? — Он в негодовании фыркнул и сжал кулаки.

— Дело вовсе не в том, что вы иноземец! — запальчиво выкрикнул Марио, несмотря на предостерегающие жесты

старших доминиканцев. — Просто факты указывают на вас. Вас видели возле картин. Вы разговаривали с Боттичелли.

— Я этого и не отрицаю, — быстро ответил Ракоци. — Он попросил меня вернуть ему картину, купленную у него моим дядюшкой несколько лет назад. Я обыскал все палатцу, но ее не нашел. Об этом мы с ним и говорили. Я даже сказал ему, что очень рад, что она не сгорит. — Он удивленно покрутил головой и продолжил: — Мне хотелось в последний раз взглянуть на холсты, но Христовы воители очень ревностно их охраняли. Туда допускали только монахов. Спросите тех, кто стоял в оцеплении, они подтвердят.

Еще бы не подтвердить, если Ракоци специально там терся. А вот как он прятал холсты под накидку, не видел никто.

Фра Станислао пришлось признать истинность его слов.

— Мы знаем — охрана работала хорошо. Однако один из охранников утверждает, что видел монаха в таких же синих, как у вас, сапогах.

Ракоци неожиданно расхохотался. Фра Станислао осенил себя крестным знамением и озадаченно на него посмотрел.

— Прошу прощения, — сказал Ракоци, задышавшись. — Доминиканец в модных сапожках! — Он вновь засмеялся. — Это слишком нелепо! Я стоял рядом с монахами, там было тесно. Возможно, охранник ваш не разобрал, где чьи ноги... там яблоку было негде упасть. Во всяком случае, обую я ни с кем не менялся. — Ракоци вновь весело улыбнулся и смолк.

Фра Станислао поморщился.

— Что ж, возможно, наш молодой человек и ошибся.

Он потянулся к пергаменту и сказал со скучающим видом:

— Аутодафе назначено на десятое марта. Сегодня шестое. Завтра или днем позже дознаватели нашего ордена допросят обвиняемую Воландри, чтобы определить, ере-

тичка она или нет. Первый допрос ее не привел к ожидаемым результатам.

Ракоци похолодел.

— Что это значит?

— Это означает, — осторожно пояснил доминиканец, — что с ней пока ничего не делали, а лишь попросили признаться в содеянном. Она отказалась нам отвечать. Поэтому завтра ее подвергнут допросу с пристрастием.

Ракоци хорошо знал, что за этим стоит. Но слова его прозвучали почти безразлично:

— Разве в таких случаях недостаточно клятвы?

Фра Станислао с сожалением покачал головой.

— Вы человек светский, вам этого не понять. Дьявол хитер и упорен. Словесных внушений тут мало. Ради спасения души тело должно пострадать.

Молодой доминиканец также счел нужным дать пояснения. Повернувшись к Ракоци, он сказал:

— Либо она признается в ереси, либо докажет свою невиновность. В этом случае мы вам ее отдадим.

— Но чем она может доказать свою невиновность? — спросил Ракоци, уже зная ответ.

— Смертью своей, чужеземец. Лишь смертью. Отрицая свою вину до конца.

Фра Станислао поморщился. Ответ молодого священника показался ему жестоким. Он ласково улыбнулся.

— Будет достаточно лишь подвести ее к этой грани, а дальше останется только ждать. Смертью своей она будет прославлена в царстве небесном, а если выживет — мы отпустим ее. Ежели же она признает свои вины, десятого марта ее сожгут. На костре, вместе с другими еретиками.

Ракоци пристально посмотрел на доминиканцев.

— Скажите мне, добрые пастыри, а многие ли выживают? Из тех, что... доходят до грани?

Фра Марио с особенным удовольствием ответил на этот вопрос:

— Пока таких не было. Впрочем, нам следует допросить еще одиннадцать человек.

— Я понимаю. Это удобно. — Ракоци отошел от стола. — Хорошо, добрые братья, и что же дальше? Вы намерены обвинить меня в ереси? Или в краже картин? Или хотите послать за моими бумагами, чтобы выяснить, не самозванец ли я?

Фра Станислао поджал губы, словно слова эти причинили ему боль.

— Все это вскорости проявится. Мы еще побеседуем с вами. Когда у нас будет достаточно времени — после аутодафе. Вы должны понять, чего мы хотим, вы должны убедиться, что нами движет лишь забота о вашей душе. Пока же мы к вам приставим охрану, которая постоянно будет находится при вас. Если вы попытаетесь ускользнуть, вас арестуют, а мы сочтем это доказательством вашей вины.

Темные глаза Ракоци загорелись.

— Понимаю. Противясь обыску своего дома, я навлекаю на себя подозрения; соглашаясь на обыск, я их усугубляю. Приглядывая за мной, ваш человек, будет собирать факты против меня. Попытавшись уйти от надзора, я буду обвинен и обесчещен. Очень ловко, добрые братья!

Казалось, монахов ничуть не затронул сарказм его слов. Фра Станислао, перекладывая бумаги, невозмутимо сказал:

— Мы займемся вашим делом через несколько дней, синьор Ракоци. Пока же, я думаю, вам придется со всем согласиться. Фра Сансоне, — он сделал знак доминиканцу, сидевшему молча, — будет вас охранять.

Фра Сансоне встал из-за стола и поклонился. Это был мускулистый, высокий и широкий в кости человек.

— Доброго дня вам, фра Сансоне, — вежливо поклонился в ответ Ракоци. — Будьте уверены, я сделаю все, чтобы вам в моем скромном обиталище было удобно. Если, конечно, Церковь не сочтет это грехом, — добавил он, обращаясь к фра Станислао.

Монах улыбнулся.

— Такой уважительностью вы окажете и себе, и донне Деметриче большую услугу. Фра Сансоне исполняет при-

говоры церковных судов. У него много возможностей влиять на развитие ситуации. Я полагаю, вам это понятно?

— Да,— мрачно кивнул Ракоци. Что тут непонятного? К нему приставили палача.

— В таком случае мы вас не задерживаем. Встретимся после аутодафе.— Фра Станислао встал и повернулся к своим сотоварищам.

— Но... я не могу ведь оставаться все это время в неведении? Дадут ли мне знать, что случилось с донной Воландри? И сообщат ли, какие обвинения будут направлены против меня?

— После аутодафе,— в голосе фра Марио звучала издевка.— Ваш дядюшка был крепким орешком. Посмотрим, таков ли племянник!

Ракоци ничего не ответил, он смотрел на фра Станислао.

— Я полагаю, что до одиннадцатого мне нельзя посещать мессу и причащаться?

— Да, это так.

— А если я нарушу запрет? — Он привалился к столу и, опираясь на руки, наклонился вперед.— Ответьте мне, добрые братья. Что в этом случае будет со мной?

Фра Станислао спокойно встретил его взгляд.

— Вас обвинят в ереси. И вы разделите судьбу всех еретиков. Вас сожгут на площади, возле столба, а пепел развеют по ветру. До встречи, синьор Ракоци. У нас еще много дел.

Письмо папы Алессандро VI к Джироламо Савонароле.

«Его святейшество Алессандро VI шлет последние предупреждения непокорствующему отступнику Джироламо Савонароле.

Мы весьма обеспокоены тем, что, упорствуя в гордыне своей и не признавая свое отлучение от святой Церкви, вы продолжаете вершить церковные службы и приво-

дить к причастию флорентийцев, чем усугубляете свои вины и вовлекаете в грех прихожан, доверяющих вам.

Поэтому мы с большим неудовольствием сообщаем, что начинаем процесс против вас, призванный истолковать ваши деяния как самую вредную ересь, за которую вам придется тяжелейшим образом поплатиться как в этом мире, так и в жизни иной.

Но Господь милосерд и призывает нас более печься о заблудшей овце, чем о смиренном стаде. Процесс, нами начатый, идет пока без огласки, дабы дать вам время отречься от ваших богопротивных поступков. Даем вам неделю с момента получения настоящего документа, чтобы публично покаяться в неповиновении нашей булле и в остальных своих винах. Ваше раскаяние должно быть искренним, безоговорочным и письменно зафиксированным, чтобы о нем мог узнать весь католический мир. После сей акции вам вменяется в обязанность предать себя в руки верховного настоятеля доминиканского ордена, дабы тот указал, какой из монастырей примет вас в качестве добродетельного монаха-затворника.

Сим шагом вы удержите вашу паству от великих грехов, чем, несомненно, заслужите наше благоволение.

В противном случае на вас обрушится вся мощь католической гвардии в соответствии с волей Господней.

Алессандро VI, верховный понтифик престола святого Петра.

*Рим, праздник святого Фомы Аквинского,
8 марта 1498 года».*

ГЛАВА 12

Гелата вскинула морду, готовая пуститься галопом. Ракоци натянул поводья. Мрак конюшни освещала всего лишь одна свеча, и лица Руджиеро практически не было видно.

— Как долго фра Сансоне проспит? — спросил слуга, готовясь открыть боковые ворота.

— До утра. Я вернусь много раньше. Если он начнет просыпаться, брось в жаровню еще несколько корешков. Этого вполне хватит, чтобы его успокоить.— Ракоци плотнее завернулся в плащ.— Я выеду через ворота Корса дель Прато, как мусорщик. Там открыто всю ночь.— Он сунул руку в сапог и проверил, на месте ли нож.— Я готов. Не мешкай же, Руджиеро.

Тот колебался.

— Что мне сказать, если явятся доминиканцы? Вдруг они захотят видеть вас?

— Скажи, что хозяин молится и не велел себя беспокоить. Будь уверен, они отнесутся к этому с уважением.

— Ладно,— кивнул Руджиеро с сомнением.

— Положись на меня, старый друг.— Ракоци наклонился вперед и, когда ворота открылись, дал волю Гелате. Та исчезла во мраке ночи, прежде чем Руджиеро успел что-либо возразить.

Флоренция спала и в сиянии звезд казалась городом-призраком. Ракоци молча скакал по пустым улицам и придерживал кобылу только возле Санта-Мария Новелла. Грохот копыт смолк, но в нескольких кельях зажегся свет, там забубнили молитвы. Всадник помедлил, затем пустил лошадь шагом и через десяток минут проехал через ворота Корса дель Прато — в соседстве с парой повозок, нагруженных всяческим хламом.

Он гнал Гелату, пока мог хоть что-то перед собой различать, а когда тьма стустилась, перешел на рысь, потом на трусцу, а вскоре и вовсе остановился. Скачка во мраке сулила множество неприятностей. Ракоци постоял с минуту, изучая дорогу. Вдруг Гелата прыгнула в сторону. Из-за холма послышался лай. Что там — застава, засада? Ему показалось, что в темноте что-то движется, приближаясь к нему. Он дернул поводья. Кобыла легко рванулась вперед и унесла его от опасного места.

Где-то в полумиле от конечной цели своего путешествия Ракоци спешил и, потянув за узду, свел Гелату с до-

роги. Близился день аутодафе, и подступы к древнему замку могли усиленно охранять. Он привязал кобылу к толстому корню дерева, выросшего в холм, и продолжил путь.

Камни стены были сухими, и на подъем ушло менее четверти часа. Ракоци тенью проник в келью и, присев под окном, позвал Деметриче. Голос его был не громче шелеста тростника.

Она не ответила, Ракоци скользнул к ее ложу и, встав на одно колено, тронул спящую за плечо.

Жалобно всхлипнув, Деметриче с трудом разлепила опухшие веки. Губы и щеки ее покрывали струйки засохшей крови.

— Нет,— шепнула она и вновь погрузилась в забытие.

Ракоци, задыхаясь от ярости, принялся ощупывать Деметриче, пытаясь определить, как тяжелы нанесенные ей увечья. Он действовал с большой осторожностью, всякий раз обмирая, когда бедняжка начинала стонать. К счастью, серьезных повреждений не обнаружилось, и он еще раз попытался ее разбудить.

Узница вздрогнула и вскинула руку к лицу, словно бы защищая себя от удара. Глаза ее лихорадочно заблестели.

— Не надо. Пожалуйста. Я все вам сказала.

Захлебнувшись слезами, женщина съежилась и откатилась к стене.

— Деметриче, прошу вас, это я, успокойтесь...

Остановленный ее ужасом, Ракоци смолк.

— Я снова скажу вам все, что вы хотите,— повторяла она как в бреду.— Я скажу. Все, что угодно. Только не мучьте меня.— Голос ее прерывался рыданиями, надрывавшими ему сердце.— Не надо. Уберите эти ужасные вещи. Нет, нет...

— Деметриче,— заговорил Ракоци снова, чувствуя, что его усилия тщетны.— Это я, Сан-Джермано. Успокойтесь, карина. Я вернулся, я здесь. Я пришел к вам, как обещал.

Он уже не надеялся, что она услышит его, когда стены узилища огласил бурный, безудержный плач. Ракоци замер. Он понял, что это плач облегчения.

— Сан-Джермано,— пробормотала потерянно Деметриче.— О, Сан-Джермано, я во всем им призналась! Я сказала, что оскверняла крест и подбрасывала в святилища экскременты.— Глаза ее внезапно расширились, она покачала головой, словно не понимая, как ее губы могут такое произносить.— Я должна была это сказать. Иначе они не остановились бы.

Он осторожно взял ее за руку — чуть выше запястья, чтобы не потревожить подсохшую ссадину. Он порадовался, что оковы валялись под стенкой. Получив свое, монахи, как видно, не сочли нужным использовать их.

— Это не имеет значения, дорогая.

Это и впрямь не имело значения. До аутодафе оставалось два дня. Савонарола, бросивший вызов Папе и Риму, не выказывал никакого желания отступить от своего ужасного замысла. Деметриче, как и многим несчастным, томившимся в этих стенах, грозила страшная смерть.

— Я знаю, что пойду на костер,— спокойно произнесла узница.— Они сказали мне это. Я буду гореть и в этом мире, и в том.

Ее глаза закрылись, но лишь на мгновение. Справившись с приступом слабости, Деметриче храбро продолжила:

— Я знаю, что ваше ходатайство не помогло. Они все заранее предрешили, не так ли? Любые хлопоты были обречены на провал.

— Пожалуй,— кивнул он, вспоминая часовню Санта-Мария Новелла и стараясь не глядеть в глаза Деметриче.

— Что ж, зато я успела узнать вашу любовь.

Она помолчала какое-то время, затем сказала:

— Ох, как я боялась вас поначалу! А теперь о том сожалею! Столько времени потеряно зря!

Глаза Ракоци наполнились нежностью.

— Но... дорогая, оно ведь у нас еще есть.

— Да, и я этому рада.— Она прислонилась к стене, но скривилась от боли и вновь села прямо.— Я боюсь пламени, Сан-Джермано. Я жалею, что не погибла под пытками,

но плоть моя слишком слаба. У меня не хватило духу идти до конца... Я хочу умереть, но... как-нибудь безболезненно. Я не гожусь в мученицы, Франческо.

Он вздрогнул. И вовсе не потому, что его впервые называли по имени. И не потому, что Деметриче заговорила о самоубийстве. Нет — на ум ему вдруг пришла странная мысль.

— Что?

Он обдумывал эту мысль, он пытался ее отбросить, но она властно стучалась в сознание, утверждаясь в правах.

— Я боюсь мучительной смерти.

На мгновение Ракоци усомнился, стоит ли говорить ей о том, что он надумал, но тут же отбросил сомнения прочь. Ситуация торопила и заставляла идти на риск. Он придвинулся к Деметриче. Лицо его, попав в квадрат бледного света, идущего от окна, словно бы засияло.

— Деметриче, выслушайте меня. Я не могу уберечь вас от гибели. Но в моих силах помочь вам ее пережить. Если, конечно, вы этого захотите.

Она изумленно взглянула на него.

— Пережить? Что это значит?

Он снова взял ее за руки.

— Вы помните наши прежние разговоры? О том, что для вас существует опасность стать такой же, как я? Если мы будем какое-то время встречаться. Это долгое дело, но имеется и короткая тропка. Вкусите моей крови. Сегодня, сейчас.

— Но... для чего? Меня ведь сожгут,— мягко возразила она, не принимая всерьез этих слов, но взглядом благодаря его за лучик надежды.

— Они не станут делать это с мертвой. Им придется похоронить вас на каком-нибудь пустыре. Но в первую же ночь вы проснетесь. Через мою кровь вы обретете новую жизнь.— Ракоци говорил быстро, опасаясь вопросов.

— Но... для этого надо ведь умереть! Как? На новом допросе? — Лицо Деметриче болезненно побледнело. Воспо-

минание о недавно перенесенных страданиях заставило ее задрожать.

— Нет. Совсем нет.— Ракоци достал из сапога нож. Узкое лезвие его тускло блеснуло.— Вы уйдете легко. Всего два надреза, две небольшие царапины — и вы ускользнете от палачей.— Он нежно погладил ее по плечу.— Решайтесь же, Деметриче. Примите новую жизнь. Спасите себя. Пожалуйста, я прошу вас.

Слова его были ласковы, но их смысл... Деметриче внутренне напряглась, прислушиваясь к своим ощущениям. Каждое движение причиняло ей острую боль, а утро обещало новые муки. Перебирая свои ужасные инструменты, они сказали, что доведут следствие до конца... Узница содрогнулась и поднесла руки к лицу.

— Нет, Деметриче.

Ракоци испугался. Он принял ее жест за отказ и замер в отчаянии, не зная, на что решиться. Насильно заставить ее принять свой дар он не мог и понимал, что уговоры будут напрасны. Если она чувствует отвращение, перерождение невозможно. Душу его охватила тоска.

Она вытерла слезы и тихо спросила:

— Что мы должны делать?

Ракоци облегченно вздохнул.

— Ничего страшного, дорогая. Просто на этот раз вам придется взять у меня то, что беру у вас я. Немного, всего несколько капель. А потом...— Он бережно обнял ее.— Потом мы сделаем остальное. Возможно, вам будет больно, но боль быстро пройдет...

— Это не имеет значения,— спокойно сказала она и быстро поцеловала его в губы.

Его руки были уверенно-нежными, а поцелуи грели и врачевали. Он тихо приговаривал что-то, она замерла, вслушиваясь в размеренный речитатив и ощущая, как в глубине ее существа возникает желание.

— О женщина, ты подобна Венере, разгорающейся на утреннем небосклоне. Деревья склоняются пред тобой, как

трава, земля ковром расстилается под твоими ногами. Близость твоя волнует мне кровь, подобно тому как приближение луны волнует морские пучины. Губы твои источают дыхание вечности, я растворяюсь в нем, очарованный твоей красотой...

Голос его пробуждал в ней жажду и нетерпение. Деметриче порывистыми движениями сорвала с Ракоци плащ и принялась расстегивать пуговицы рубашки. Пальцы не слушались, он ей помог, потом сверкнул нож, и на смуглой коже мужчины появился разрез, через мгновение оросившийся кровью.

Он снова поцеловал ее и отстранился.

— Ну же, карина. Возьмите мою жизнь.

Она передвинулась и припала губами к солоноватой ранке, обмирая от щемящего чувства восторга и ощущения невероятной свободы. Он обхватил рукой ее голову и замер, покорный, ожидая, когда ее упоение разрешится экстазом, ибо знал, что теперь она всего достигнет сама.

Миг-другой — и она застонала, содрогаясь, плача, слабея, освобождая дорогу его нарастающей страсти. Он взял ее нежно, но властно и успел насладиться последними всплесками ее содроганий. Он хотел большего, но понимал, что медлить нельзя.

— Деметриче, готовы ли вы?

Она все еще дрожала, однако сумела с собой справиться и протянула ему обе руки.

— Великие римляне в свое время делали это в термах, услаждая свой слух торжественной музыкой, но тут нет ни музыкантов, ни ванн с благовонной водой. И все же, карина, не огорчайтесь, я что-нибудь вам спою.

Шуткой Ракоци пытался ее ободрить, она поняла это, но промолчала. Он взгляделся в нее и кивнул.

— Потерпите чуть-чуть.

Лезвие ножа было холодным. Ракоци подержал его между ладонями, чтобы согреть сталь, затем сделал два неудо-

вимо быстрых движения. Запястья Деметриче окрасились кровью. Уверившись, что артерии перерезаны, Ракоци привалился к стене и притянул возлюбленную к себе.

— Теперь остается лишь ждать. Ни о чем не тревожьтесь. Упритесь ладонями в пол, чтобы раны не затянулись.

Руки его напряглись, взгляд сделался отстраненным. Спустя какое-то время он стал напевать. Мотив песенки был вовсе не элегическим, ее сочинил когда-то Медичи, восславляя юность как лучшую пору человеческой жизни.

Все в годы юности возможно.
Все манит нас, чарует нас.
Стремись продлить веселья час,
Поскольку завтра ненадежно.

Деметриче узнала слова, в душе ее ворохнулось нежное чувство. Лоренцо словно бы сам вошел в эту келью и присел с ней рядышком на старый тюфяк, чтобы облегчить ей минуты прощания с жизнью. Она с благодарностью посмотрела на человека, подарившего ей не только себя, но и встречу с прежней любовью. Деметриче захотелось улыбнуться, но улыбка не получилась. Умиравшая с глубоким вздохом приникла к груди Ракоци и закрыла глаза.

Письмо Фебо Джанарио Анастасио ди Бенедетто Воландри к Марсилио Фичино, отправленное 19 декабря 1497 года и врученное адресату 19 апреля 1498 года.

«Высокочитимый учитель! Ваш ученик Фебо Воландри шлет вам из Парижа свой нижайший поклон!

Это письмо найдет вас благодаря любезности Рене Бенау Ричезе, моего однокашника, направляющегося через Мантую в Рим, чтобы продолжить учебу. Он согласился передать мое послание с условием, что вы удостоите его личной беседы. Я взял на себя смелость пообещать ему это.

Меня очень расстроило известие об аресте сестры. Я ведь предупреждал Деметриче, что ее тяга к алхимии не принесет добра, — так, похоже, и вышло. Впрочем, надеюсь, обвинения вздорны и недоразумение разрешится раньше, чем это письмо вас отыщет.

И все же ситуация неприятна и побуждает меня искать ваших советов. Что бросает тень на сестру? Возможно, неблагоприятные делишки приютившего ее чужеземца? Но она была у него всего лишь домоправительницей и, по ее же собственным уверениям, в близкие отношения с ним не вступала. Даже если между ними что-то и было, чужак этот давно покинул Флоренцию, время и расстояние должны все списать. Или он все же каким-то образом ее опекает? В таком случае ничего хорошего ждать не приходится. Бесцеремонность этого человека известна. Сам того не желая, он может поставить сестру в трудное положение.

Мне надо бы лично во всем разобраться, но я, к сожалению, не могу сейчас оставить Париж и потому целиком полагаюсь на вас. Если вам покажется, что Деметриче следует покинуть Флоренцию, я тут же пошлю кого-либо за ней или приеду сам. Но это случится не ранее лета. Я тут стеснен и учебой, и обстоятельствами, однако занятие для нее, конечно же, подыщу. Впрочем, лучше бы все оставалось как есть, разумеется если ситуация то позволяет. Вам на месте виднее. Я очень рассчитываю, что вы все оцените и дадите мне знать, как целесообразнее поступить.

Надеюсь, вы понимаете, что я очень привязан к сестре. Она всегда была ко мне бесконечно добра, она изыскивала средства, чтобы я мог продолжить образование, и потому она первая выругает меня, если я вдруг, прервав обучение, примчусь во Флоренцию из-за дела, которое не стоит выведенного яйца. Наверстать упущенное будет весьма нелегко, и я прошу вас, составляя свое суждение, помнить об этом.

Еще прошу, буде благодетель сестры появится во Флоренции, взять на себя обязанности моего доверенного лица и убедить его прекратить всяческие контакты с Деметриче. Я почему-то уверен, что все ее неприятности из-за него, как и в том, что ситуация тут же уладится, если их связь распадется.

Остаюсь в ожидании ваших мудрых советов; впрочем, если положение сносно, умоляю, не затрудняйте себя ответом. Я сочту ваше молчание свидетельством благополучия. Деметриче достаточно рассудительна, и стороннее вмешательство в дела, с которыми она может справиться самостоятельно, несомненно ее возмутит.

Надеюсь, что вы находитесь в полном здравии, и прошу, как и всегда, считать меня вашим покорным слугой, искренне вам благодарным за доброту и заботу.

Фебо Джанарио Анастасио
ди Бенедетто Воландри.
Парижский университет,
10 декабря 1497 года».

ГЛАВА 13

 Огромный монах смотрел на Ракоци с подозрением, ибо проспал почти до полудня и не понимал, как могло такое произойти. Он уходил куда-то, но скоро вернулся и теперь угрюмо топтался за спиной своего подопечного в комнате мер и весов.

— У нас новости.

— Какие? — лениво спросил Ракоци. Он знал, о чем пойдет речь.

— Еретичка, о какой вы хлопчете, выдала себя с головой.

Ракоци привел в равновесие медные чаши и поднялся из-за стола.

— Что это значит?

Фра Сансоне улыбнулся.

— Это значит, чужеземец, что женщина, которую вы так защищали, этой ночью лишила себя жизни, чтобы избежать очищающего костра.

Ракоци вскинул брови.

— Чушь, — заявил он высокомерно. — Вы сами убили ее. Замучили пытками, а теперь обвиняете в самоубийстве. — Он ссыпал порцию перца в маленький ящичек и занялся новой порцией ароматного порошка. — Кто сообщал вам об этом?

Фра Сансоне раздраженно откашлялся.

— Фра Станислао... около часа назад. Двое охранников пришли за ней утром и нашли лишь холодное тело. Она взрезала себе вены, сомнений тут нет.

— В самом деле? — скептическим тоном спросил Ракоци.

— Да. Никаких. Вчера умерли еще трое, но они доказали свою невиновность. Их похоронят по-христиански. — Фра Сансоне сложил молитвенно руки. — А вашу донну зароют на каком-нибудь перепутье.

— Она не моя. Впрочем, так или иначе, честь нашего семейства задета. — Ракоци покачал головой. — Возможно, мне будет позволено позаботиться о ее погребении? Чтобы придать всей этой истории благопристойный вид.

— Но она еретичка, — напомнил фра Сансоне.

— Для меня она прежде всего домоправительница моего дядюшки, — возразил Ракоци твердо и повернулся к монаху. — Где находится ее тело, достойный отец?

Вопрос этот явно не пришелся доминиканцу по вкусу. Фра Сансоне поморщился и неохотно сказал:

— Ее должны привезти в Сан-Марко. Наведайтесь, если хотите, туда. Возможно, вам и удастся с кем-нибудь столковаться. — Монах презрительно оглядел окружавшие его вещи. — Все тщеславие, все суета.

— Отчего же? — язвительно поинтересовался Ракоци. — Эти приборы весьма полезны, их изящные формы отнюдь им не вредят. А хорошо сработанные укладки очень

практичны. Специи, например, нуждаются в тщательной укупорке.

— Это просто куски дерева,— усмехнулся фра Сансоне.— Как их ни складывай — это только куски.

— Крест, как я полагаю, тоже сложен из двух кусков дерева,— надменно заметил Ракоци и повернулся к озадаченному монаху спиной.

Осторожно наполнив медную чашу корицей, он установил ее на весы, потом произнес безразличным тоном:

— Если у вас имеется ко мне еще что-нибудь, выкладывайте сейчас. Если же нет, я вас не задерживаю. Только поплотнее прикройте дверь за собой, чтобы сквозняк не сдувал порошки. Специи нынче в цене и стоят дороже золота.

— Я буду осторожен,— утрумо пообещал фра Сансоне.

— Вот и прекрасно. Если Ферруджио окочачивается поблизости, пришлите его ко мне, хорошо?

В ответ на снисходительный кивок чужеземца, доминиканец что-то пробормотал и ушел. Ракоци усмехнулся. Монах явно озлился, однако дверь прикрывал тщательно и даже пристукнул ее кулаком.

Через какое-то время пришел Руджиеро. Его встревоженное лицо сказало Ракоци, что он уже все знает.

— Неужели вы опоздали? — тихо спросил слуга по-венгерски.

— Нет, опоздали доминиканцы,— ответил Ракоци на том же наречии. Он сел на краешек стола, небрежно покачивая ногой. Закатный луч красным кантиком очертил его высокий сапог.— Оказывается, они доставляют мертвых в Сан-Марко. Сейчас я отправляюсь туда. Надеюсь, ты мне поможешь присыпать тело землей?

Руджиеро кивнул.

— Не сомневайтесь, хозяин.

— Говори лучше по-итальянски. В венгерском ты не очень-то тверд.

Слуга покосился на дверь, и Ракоци понял.

— Что ж, хорошо. Ты получил землю? Сколько ее у нас?

— Мешка два-три. Они хранятся в конюшне.— Слуга повел плечами и кашлянул.— Скажите, а вы уверены, что она... преобразится? Вы... хм... встречались с ней только три раза. Этого может быть недостаточно.— Руджиеро совсем смутился и хриплым голосом пояснил: — Я... я очень о ней беспокоюсь. Мне не хотелось бы ее потерять.

— Мне тоже,— коротко бросил Ракоци.— Мы обменялись с ней кровью,— добавил он примирительным тоном, сожалея, что обидел слугу.

Руджиеро не обратил внимания на невольную грубость хозяина: он был озабочен другим.

— Как это вышло? Ведь вы говорили, что она еще не готова.

— Так и было. До вчерашнего дня. Но эти мерзавцы подвергли ее пыткам. К счастью, лишь устрашающим, отложив основной допрос на сегодня. Выхода не оставалось.— В голосе Ракоци прозвучало отчаяние.— Потом... она позволила мне вскрыть ей вены. Я думаю, она была несколько не в себе.

Руджиеро кивнул, но продолжил расспросы:

— Значит, очнувшись, она может... не принять свою новую участь?

— Возможно... Не знаю... Да.

Ракоци опустил голову и надолго умолк.

— Поверь, у меня не было выбора. А она очень боялась пыток.— Он вскинул голову и невесело усмехнулся.— Не очень-то обнадеживает, не так ли? Что ж, будь что будет, сейчас самое главное — ее увезти.

— Когда она начнет приходить в себя, я попытаюсь ее успокоить.— Руджиеро двинулся к выходу.— Боковые ворота будут открыты, хозяин,— сказал он уже по-итальянски.— Подвозите тело туда.— Слуга резко толкнул дверь, чуть не сбив с ног припавшего к ней фра Сансоне.

— Мне вменено в обязанность слушать,— пробурчал смущенно монах.

— Я знаю,— кивнул Ракоци.— Каждый из нас верен долгу, не так ли? Поэтому я сейчас поеду в Сан-Марко, а

вам надлежит обо всем кому следует доложить.— Он снисходительно улыбнулся, потом хлопнул в ладоши.— Ферруджио, время уходит! Ступай, приготовь мне коня!

Собор Сан-Марко сиял в сумраке, все окна его были освещены.

Припозднившийся прихожанин, решительно шагнувший внутрь храма, тоже переливался, сиял и сверкал. Его белый парчовый наряд с черным высоким воротом осыпали сотни крошечных бриллиантов; короткую белую накидку, небрежно брошенную на плечи вошедшего, удерживали от падения черные шелковые шнуры.

Суетившийся в центре огромного помещения доминиканец прервал свои хлопоты и спросил:

— Вы наш сосед-чужеземец, не так ли?

— Да. Не подскажите ли, к кому я могу обратиться по поводу выдачи тела.

— Какого тела? — Монах вытаращил глаза.

— Фра Сансоне сообщил мне, что тела еретиков, не вынесших допроса с пристрастием, направлены к вам. Среди них должно находиться и тело бывшей домоправительницы моего покойного дядюшки. Я хотел бы устроить ей приличное погребение, но, разумеется, не в освященной земле.— Он наклонился к монаху и шепнул доверительно: — Я знаю, что просьба моя необычна, однако волю покойных родственников следует уважать.

— Конечно-конечно,— согласился монах, нервно сжимая в руках какой-то пергамент.— Скорее всего, вам нужен фра Каталине. Пройдите в южную часть храма. Его конторка находится там.

— Спасибо вам, добрый брат,— поклонился Ракоци, поворачиваясь к алтарю и осеняя себя крестным знаменем.

Возле конторки толпились монахи. Ракоци самым почтительным образом поприветствовал их. Ответом ему было молчание. Добрые братья-доминиканцы явно не собирались его замечать.

Ракоци вскинул голову и выпятил грудь.

— Эй, уважаемые, кто из вас фра Каталине? Дело мое срочное и отлагательства не терпит. Ну же, любезные братья, я жду! — Голос его, усиленный эхом, раскатился по всей церкви и возымел нужное действие: из конторки выскочил плотный востроглазый монах.

— Не шумите, я занят,— напустился он на ожидавшую братию,— и, пока не заполню свидетельства, никого не приму.

— Тысяча извинений, фра Каталине. Это я осмелился вас позвать.— Ракоци бесцеремонно растолкал ожидающих и приблизился к рассерженному доминиканцу.

Фра Каталине с любопытством воззрился на расфранченного чужеземца.

— Кто вы, сын мой?

— Жермен Ракоци,— представился незнакомец.— Я пришел забрать у вас тело Деметриче Воландри. Она умерла прошлой ночью в какой-то тюрьме.

— Забрать тело? — недовольно переспросил фра Каталине.— Пожалуйста, но... после сожжения.

— Что? — Ракоци побледнел.— А почему не сейчас? Какой смысл в этой задержке?

Доминиканец вздохнул.

— Никакого, но тел здесь уже нет. Их увезли час назад. Вы опоздали.

— И куда же? — Голос чужеземца был тих, но у фра Каталине от страха похолодела спина, а остальные монахи, крестясь, отшатнулись.

— На... на площадь Синьории,— пробормотал фра Каталине, опуская глаза.— Наш настоятель, благословенный Савонарола, распорядился сжечь тела всех умерших грешников вместе с живыми еретиками.

Ракоци закрыл глаза. Гнев, боль и отчаяние помutilи его сознание. В нем вспыхнуло бешеное желание убивать.

Жизнь каждого из поджавшихся в кучку монахов повисла на волоске. Он знал, что сумеет справиться с ними,

но... секунда-другая — и вспышка прошла. Долг перед Деметриче призывал его оставаться спокойным.

— Синьор чужеземец, — в дрожащем тенорке фра Каталине слышались нотки сочувствия, — вы потом сможете забрать ее пепел. Вряд ли наш настоятель наложит на это запрет.

Ракоцци резко развернулся на каблуках. Монахи шарахнулись в стороны. Не глядя на них, он поспешно двинулся к выходу. Мысли его путались, однако в них брезжило нечто, на подъезде к палаццо да Сан-Джермано оформившееся в подобие туманного плана — достаточно авантюрного, но имевшего шансы увенчаться успехом.

— Как быть, если опять что-то не сложится? — спросил Руджиеро.

Ракоцци покачал головой.

— Тогда, мой друг, ты немедленно покинешь Флоренцию, прихватив с собой холсты Боттичелли. Возьмешь Гелату, она вынослива и надежна.

— А вы? — Слуга знал ответ, но не спросить не мог.

— Лошадь мне не понадобится. Если Деметриче сожгут, я умру.

Письмо сестры Мерседе к Джироламо Савонароле.

«С чистым сердцем и светлыми помыслами настоятельница монастыря Сакро-Инфанте шлет свои приветствия Джироламо Савонароле, настоятелю флорентийского собора Сан-Марко.

У меня нет желания обременять вас лишней докукой, однако я все же должна обратиться к вам, прежде чем ситуация сделается совсем уж неразрешимой. Завтра вашими попечениями на площади Синьории возгорятся костры, сожигающие еретиков во имя славы Господней. Что ж, на все воля Божия, и чему быть, тому быть. Меня

же сейчас очень заботит состояние одной из наших монахинь — Эстасии, сестры, приобщенной к тайнам Господним, которой вы повелели явиться на площадь, дабы она победала всем собравшимся о своих видениях и восславляла происходящее в хвалебных молитвах.

Досточтимый приор, я смиренно прошу вас отменить свой приказ. Вы по своему обыкновению можете счесть, что мной движет ревность к получившей широкую известность сестре, уверяю вас: это не так. Я стала монахиней совсем не затем, чтобы снискать славу и почести, моя жизнь отдана служению Богу. Удивительный дар сестры Эстасии привлекал внимание верующих к нашему монастырю, способствуя его расширению, что дало нам возможность протянуть руку помощи еще большему числу страждущих и нуждающихся, чему я несказанно рада.

Однако, досточтимый приор, позвольте вам сообщить, что в последнее время сестра Эстасия много постилась и очень ослабела. Ее обуревают противоречивые чувства, толкая подчас на странные действия, божественный промысел в каковых узреть весьма нелегко. Прошлой ночью, к примеру, она сорвала с себя всю одежду и принялась хлестать тело плетью столь яростно, что я попыталась ее унять. Сестра с грубой бранью, привести которую здесь я просто не в силах, обрушилась на меня и заявила, что демоны все еще являются к ней и что она не видит другого способа с ними бороться.

Я очень опасаясь, что вид ревущего пламени и крики гибнущих без покаяния грешников могут ввергнуть сестру Эстасию в состояние, способное причинить много вреда как ей самой, так и тем, кто увидит ее и услышит.

Вспомните, как вела она себя, перед тем как принять монашеский сан, и вы получите полное представление о том, что может произойти. Ее разум мутится, ее душа пребывает в смятении, и за вспышками благочестия следуют припадки отчаяния, сопровождаемые безумными выходками, каковые я также не берусь сейчас описать.

Молились за нее, досточтимый приор, но не подвергайте несчастную столь тяжкому испытанию. Сандро Филиппи, заехавший к нам на прошлой неделе, очень обеспокоился ее самочувствием. Будучи кузеном сестры Эстасии, он жил с ней долгое время бок о бок и повидал всякое. Он, будьте уверены, не стал бы волноваться по пустякам.

Еретиков, конечно, сожгут, и Флоренция, несомненно, получит все ей с того причитающееся. Отсутствие сестры Эстасии вряд ли как-либо повлияет на вышеуказанное, однако хрупкое душевное равновесие, в котором она сейчас пребывает, будет сохранено.

Подумайте обо всем этом, досточтимый приор, и примите единственно правильное решение. Сестра Эстасия уже более часа недвижно лежит на полу в часовне. Лицо прижато к камням, руки раскинуты в стороны. Ей, по ее заявлению, хочется полностью раствориться в лучезарном сиянии славы Господней.

Я боюсь за нее. Позвольте бедняжке остаться здесь, под присмотром сестер, которые любят ее и почитают. Ее вера сильна, но плоть слаба и не выдержит испытаний. Господь привел страдальцу к месту, не отторгайте несчастную от него. Вы окажете ей плохую услугу. Преданность сестры Эстасии вам такова, что, будь она обыкновенной миряной, я бы сказала, что вы ее кумир и что подобное почитание сродни богохульству.

Взвесьте все сказанное, досточтимый приор, не подвергайте риску все лучшее, что хранит в себе столь страстная, ревностная и самоотверженная натура. Я буду ждать вашего ответа всю ночь, и если к рассвету не получу его, то с большим нежеланием подчинюсь вашей воле и доставлю сестру Эстасию туда, куда вы указали.

Послушная вам во всем, кроме того, что может нарушить обеты, принесенные мной Господу нашему,

сестра Мерседе,
настоятельница монастыря Сакро-Инфанте.
Предмestье Флоренции, 9 марта 1498 года».

ГЛАВА 14

 Первый рассветный луч выбился из-за восточных холмов. Улицы Флоренции все еще были темны, но красные крыши ее уже засверкали. Над гладью реки стелился низкий туман, в прибрежных кустах начинали тенькать первые птицы.

И все-таки, несмотря на столь ранний час, город не спал. Самые любопытные его обитатели понемногу подтягивались к площади Синьории. Сегодня им было обещано редкое зрелище: сожжение еретиков — и некоторые флорентийцы неодобрительно хмурились. Флоренция самым недвусмысленным образом ставила себя на одну доску с Испанией, и ничего хорошего это сулить не могло. Однако большая часть толпы находила предстоящую акцию весьма полезной и в какой-то мере даже более поучительной, чем недавнее уничтожение роскошных вещей.

Юнцы из Христова воинства деловито сновали по площади, подсовывая вязанки под помосты, сооруженные вокруг высоких столбов. Их назначением было поддерживать грешников над кострами, пока жадное пламя окончательно не пожрет древесину настилов и еретики, потерявшие точку опоры, не провалятся в огненную пучину, символизируя тем самым сходжение в ад. Таких платформ было девять. Десятый помост — очень широкий и уже без столба — возвели перед дворцом Синьории. С него Савонарола намеревался лишний раз вразумить свою паству и дать знак к началу аутодафе. Платформы выглядели внушительно, но плотники то и дело проверяли их прочность, постукивая деревянными молотками по брусам опор.

Когда зазвонили колокола, к месту сожжения прибыла процессия доминиканцев. Монахи прикатили с собой просторную клетку с осужденными. Глаза семерых еретиков, в ней стоящих, были красны от страданий и слез. Они непонимающе озирались вокруг, стыдливо запахивая лохмотья, покрытые кровью и грязью. На днище клетки валялись

два голых тела. Ноги мужчины свисали с телеги и представляли собой месиво из мяса и обломков костей. Женщина, неестественно бледная и словно бы выточенная из единого куска алебаstra, лежала ничком.

Нетерпеливый ропот прошел по толпе, которая против ожидания устроителей жуткого действия не выглядела особенно многочисленной. Поллюбоваться мучениями своих ближних пришли всего две-три тысячи горожан, зато в глазах почти каждого из пришедших горел огонек нездорового любопытства. Зеваки вставали на цыпочки и напирали на щиты ограждения, чтобы получше видеть, как еретиков выводят из клетки и привязывают цепями к столбам. Процедура тянулась медленно, и, когда все было закончено, рассветное солнце уже заливало золотыми лучами Флоренцию и холмы. Туман над водами Арно начинал понемногу рассеиваться.

С западной стороны к площади подтянулись доминиканцы из Санта-Мария Новелла. Они неспешно передвигались от платформы к платформе, и фра Станислао громко и обстоятельно зачитывал вины несчастных, томящихся возле столбов.

Толпа забурлила. Христовы воители кинулись к заграждению, не позволяя зевакам перелезть через щиты. Добрые флорентийцы ответили на утеснение криками возмущения, но быстро уgomонились, завидев, что Савонарола, обменявшись несколькими словами с фра Станислао и Иезекилем Аурелиано, ступил на широкий помост.

Приор Сан-Марко глядел на толпу, чувствуя, как в нем растет волна горделивого упоения. Несмотря на огромные трудности, он все-таки подчинил Флоренцию своей воле и вырвал ее из пучины порока. Теперь ничто — ни жалкое сопротивление приверженцев Медичи, ни вся мощь католической гвардии Папы — не в силах остановить его крестовый поход против ереси. Лицо маленького доминиканца пылало, когда он шагнул к краю помоста и вскинул обе руки к небесам.

Толпа мгновенно утихла, наиболее благочестивые горожане рухнули на колени. Солнце, выглянув из-за облачка, осветило главную площадь Флоренции, согревая своими лучами как приговоренных к сожжению, так и тех, кто пришел поглазеть на их муки.

— Флорентийцы! — воскликнул Савонарола. — Зрите же свой триумф! Сегодня безбожники, вас растлевавшие, отправятся в ад! — Его резкий голос эхом отдался от стен городских зданий и рухнул на головы притихших людей. Он выждал какое-то время, наслаждаясь своей безграничной властью над раболепно внимающей ему паствой, и вновь возопил: — Ликуйте же, благочестивые флорентийцы! Ликуйте, но помните, что случается с теми, кто отрицая Господа нашего, погрязает в пучинах мерзости и греха! — Приор приосанился и широким движением указал на несчастных, привязанных к скорбным столбам.

Ракоци, хмурясь, проталкивался через толпу; она была плотной, но белое нарядное одеяние ему помогало. Чужеземцу давали дорогу даже там, где не пропустили бы земляков. Однако он не стал пробиваться к первым рядам, не желая до времени себя обнаруживать, и принялся изучать обстановку. Мертвую Деметриче привязали к столбу, окруженному другими эшафотами, и это значительно осложняло задачу. Пробежать между разгорающимися кострами не составляло труда, но хворост занимается быстро. Удастся ли ему совершить обратный маневр, да еще с ношей и задыхаясь от дыма? Глаза Ракоци сузились, он лихорадочно размышлял. Получалось, что самым безопасным путем был проход, ведущий к помосту Савонаролы. Главное — проскочить мимо этой преграды. Дальше — легче: забирая к востоку, можно скрыться среди домов и кружным путем выбраться к Санта-Кроче.

Пока он раздумывал, на намеченном им пути отступления возникло дополнительное препятствие. Повозка, влекомая парой волов, потеснила толпу и встала возле помоста. Пятеро женщин, закутанных в белое, сошли с нее, одна

из них пребывала в глубокой задумчивости. Толпа зашепталась, узнав в ней сестру Эстасию — монахиню монастыря Сакро-Инфанте, приобщенную к тайнам Господним.

Сестра Мерседе взяла ее за руку и тихо сказала:

— Повторяю еще раз: вам вовсе не обязательно здесь находиться, моя дорогая. Одно ваше слово — и я отвезу вас обратно.

На исхудавшем лице сестры Эстасии засветилась улыбка.

— Со мной все в порядке, любезная матушка. Не беспокойтесь, прошу вас. Я чувствую, что душа моя просто поет в ожидании желанного озарения.— Она подняла четки и поцеловала распятие.— Сегодня прекрасный день, сестра Мерседе.

Савонарола, завидев монахинь из Сакро-Инфанте, торжественно усмехнулся и жестом велел сестре Эстасии подняться к нему. Затем он вновь обратился к толпе:

— В этот день, добрые флорентийцы, много веков назад сорок благочестивых каппадокийцев пострадали за веру. Восславим же их! Укрепимся духом, вспомнив об этих отважных солдатах, не отрекшихся от Господа нашего и замерзавших на заснеженном льду, в то время как их языческий вождь грелся возле огня, обещая жизнь и тепло каждому, кто откажется от заветов Христовых. Думайте об их обнаженных телах, охваченных лютой стужей, о метели, беснующейся в ночи, и об охранниках, взиравших на мужественных своих сотоварищей с недоумением, неприязнью и страхом. Они терпели страшные муки, но Господь, превратив лед в купель, облегчил их страдания, а позже, ликуя и радуясь, принял мучеников в царстве своем!

Сестра Эстасия тихо ахнула, потом рухнула на колени и, завладев ступней проповедника, принялась ее целовать.

— Я пришла, дорогой отче. Вы позвали меня — и вот я здесь.— Она вскинула голову и перекрестилась с таким радостным исступлением, словно в этот миг сам Спаситель явил ей свой лик.

Савонарола принял все это как должное и милостиво перекрестил свою обожательницу, потом, словно вспомнив о чем-то, покосился на сестру Мерседе. Их взгляды встретились. Проповедник нахмурился и повернулся к притихшей пастве.

— А теперь поглядите на этих людей! — Он показал на приговоренных.— Жалкие и ничтожные, они изнывают от страха! Еще минута — и их пожрет тот огонь, которым вводили в соблазн замерзавших на льду христиан и который сейчас превратит искусителей в пепел!

Ракоци уже стоял подле помоста, но старался держаться в тени, дыша в затылок худосочному флорентийцу. Прикрытие не очень надежное, зато легко устранимое. Оставалось дожидаться момента.

Один из еретиков, совсем еще молодой человек с изуродованным лицом и переломанными ключицами, выпрямился на дрожащих ногах и, набрав воздуха в легкие, крикнул:

— Это ты — искуситель! Ты — еретик! Тебя отлучили от Церкви! Ты не имеешь права судить нас! — Он умолк, кашляя кровью, и обвис на цепях.

Какой-то юнец из Христова воинства вскочил на помост и короткой дубинкой ударил его по лицу. Толпа закричала, приветствуя эту выходку; молодежь, посмеиваясь, прыгнул на мостовую.

Иезекиль Аурелиано прошагал в дальний конец площади и заговорил с двумя бойцами из своего отряда. Перед ними на специальной подставке лежали короткие факелы, толстые концы которых были погружены в чашу со скипидаром. Аурелиано взял один факел и сунул его в стоящую рядом жаровню. Тряпки вспыхнули, и Аурелиано вскинул пылающий факел над головой, словно бы проверяя, может ли он соперничать с сиянием солнца.

Сестра Эстасия, не поднимаясь с колен, начала ритмично покачиваться из стороны в сторону, издавая горлом

странные низкие звуки. Глаза ее, полуприкрытые веками, закатились под лоб. Толпа всполошилась и стала повторять движения отмеченной Богом монахини. Теперь все собравшиеся следили только за ней. Внезапно она вскочила с коленей — так резко, что едва не упала. С раскинутыми руками и запрокинутой головой провидица походила на большую белую птицу — подраненную и не могущую взлететь. Горестно искривив изнуренное личико, Эстасия закричала:

— О Боже! Боже! Я вся предаюсь тебе! Почему ты не хочешь со мной говорить?

Савонарола и сестра Мерседе обменялись короткими взглядами. Доминиканец казался растерянным. Он двинулся было к Эстасии, но та закричала вновь:

— О, я понимаю тебя! Понимаю! Здесь столько греха, что ты отвращаешь свой лик! Ты покидаешь нас, ты скрываешься в облаке! Ты сияешь, но слава твоя не для нас!

Толпа застонала, напуганная выкриками провидицы. Через мгновение этот стон перешел во всеобщий истерический плач.

— Не покидай нас, милосердный Господь! Неужто тебе неудобна жертва, приносимая нами? Мы любим тебя! Мы отдаем тебе этих еретиков! Мы молим об очищении! Почему же ты нас презираешь? — Сестра Эстасия рухнула на колени и зарыдала.

Савонарола воспользовался моментом и крикнул Иезекилю Аурелиано:

— Пора!

Аурелиано со злобной усмешкой бросил горящий факел стоящему рядом юнцу.

— Начинайте с подветренной стороны. Иначе вы задохнетесь от дыма.

Толпа загумела. Со всех концов площади понеслись возбужденные вопли. Вязанки хвороста весело затрещали, охваченные огнем.

Ракоци понял, что мешкать больше нельзя, и побежал через площадь. Отблески пламени, отразившись в крошеч-

ных бриллиантах отделки камзола, на какой-то миг окровавили его безупречно белый наряд. Осмотревшись, он ринулся к центральному эшафоту.

Охранники закричали, но вопли толпы заглушили их крики. На них обратил внимание только один человек. Это был плотник, проверявший крепость помостов. Пользуясь своим положением, он задержался возле костров, и теперь ему вздумалось оказать страже поддержку.

Ракоци был уже близок к цели, когда за плечо его уцепилась чья-то рука. Он повернулся и сильным толчком сбил противника с ног. Тот, выронив молоток, откатился к костру и завизжал: рукав его загорелся. Сильные руки выдернули рабочего из огня, темные пронзительные глаза заглянули, казалось, прямо в его душу.

— Вы — Франческо да Сан-Джермано, — потрясенно выдохнул Лодовико Ронкале и потерял сознание, грянувшись оземь.

Схватка была короткой, но эта заминка позволила изготавиться к бою двум поджигавшим хворост юнцам. Один из них размахивал факелом, другой выхватил маленький меч. Оба разом атаковали, намереваясь опрокинуть чужеземца в огонь.

Ракоци отступил, но лишь для того, чтобы получить свободу маневра. Примерившись, он подпрыгнул и резко выбросил ногу вперед. Сильный удар в челюсть оглушил малого с факелом, тот зашатался и, споткнувшись о тело Ронкале, упал в кучу хвороста, которая тут же вспыхнула и затрещала. Ракоци перевернулся в воздухе и присел, поворачиваясь к другому юнцу.

Тот наступал, угрожая мечом, но Ракоци, уклонившись от лезвия, перехватил руку противника и резким движением завел ее ему за спину. Раздался отвратительный хруст, юнец завопил и, корчась, закрутился юлой, ничего не видя от боли.

Толпа выла, костры разгорались. Большое облако темного дыма накрыло всю площадь. Рев пламени заглушал крики жертв.

Ракоци разбежался, вскочил на центральный помост и кинулся к Деметриче. Соседний костер выстрелил, ей на голову упала горящая ветка. Он выхватил нож и, забрав в кулак ее волосы, отсек их решительным взмахом руки. Звенья цепей были спутаны и раскалились немилосердно. Обжигаясь и дуя на пальцы, Ракоци принялся раздвигать их, стремясь поскорей со всем этим покончить, ибо помост под его ногами угрожающе закряхтел.

Сильный порыв ветра принес прохладу и отвел в сторону дымовую завесу. Сбоку посылались тревожные крики: зеваки увидели чужеземца, отвязывавшего мертвую еретику от загоравшегося столба.

Дикие вопли, свист и улюлюканье донеслись до слуха Савонаролы. Там что-то творилось — неприятное, непредвиденное, но что именно — он не мог разобрать. Едкий дым застилал всю площадь, выжимая слезы из глаз. Доминиканец засуетился и побежал к краю помоста — туда, где стояла сестра Мерседе. Он злобно глянул на селестинку.

— Что там? Вы видели? Отвечайте скорее!

— Я ничего не видела, любезный приор. Разбирайтесь со всем, что вы затеяли, сами. — Лицо настоятельницы под белым чепцом было враждебным и неприступным.

Пробормотав сквозь зубы проклятие, Савонарола приставил ладонь ко лбу, напряженно вглядываясь во мглу, но ничего не увидел и попробовал обратиться к юнцу из охраны. Тот, возбужденный зрелищем и нарастающим гвалтом, не слышал слов пастыря и остался стоять как стоял.

Взвалить на плечо непослушное женское тело оказалось делом нелегким, но Ракоци справился с ним. Соседние эшафоты уже обвалились, в ноздри бил одуряющий запах пылающей плоти. От толпы беснующихся зевак исходили почти ощутимые волны животной злобы. Ступням его сделалось горячо. Он надел обычные сапоги, чтобы было легче бежать, и теперь сожалел об этом. С землей в подошвах никакой ад под ногами не доставил бы ему особых хлопот.

Ракоци выпрямился, осторожным движением переместив тело возлюбленной в удобное положение, и спрыгнул с накренившегося настила на мостовую. Там, к его удивлению, было чуть попрохладнее, чем наверху. Сквозняк, питавший огонь, нес благословенную свежесть, он же указывал дорогу к спасению, прокладывая в дыму своеобразный тоннель, в конце которого стояла на коленях Эстасия с простертыми в благословляющем жесте руками. Времени на раздумья не оставалось, и Ракоци кинулся к ней.

Савонарола все еще находился на дальнем конце помоста. Он не мог разобрать, кто возник перед монахиней — многорукий демон или полощущий крыльями ангел, зато Эстасия прекрасно узнала человека, вынырнувшего из пылающей мглы.

Ракоци видел, что она узнала его, и на какое-то время замер, не в силах пошевелиться.

— Эстасия, — произнес он тихо, глядя в ее измученные глаза.

— Франческо. — Она протянула свои забинтованные руки к нему, принимая его за видение. — Ты уносишь меня?

Ракоци вздохнул и огляделся вокруг в поисках выхода. Между повозкой и стенкой помоста обнаружилась щель. Губы Эстасии были полуоткрыты, он прикоснулся к ним пальцем.

— Не выдавай меня, дорогая. Прошу тебя. Хорошо?

Она любовалась им, его бриллиантами, его белой одеждой, не замечая ни пятен копоти, ни многочисленных дыр, проделанных в ткани угольками.

— Нет, — прошептала она, поспешно поднося ладони ко рту. — Я не выдам тебя. Ни за что. Будь спокоен.

Он кивнул и повернулся к повозке. Эстасия проводила его ласковым взглядом, в глазах ее появился лихорадочный блеск.

— Нет, — повторила она. — Я не выдам тебя. — Сделав гримаску, монахиня принялась разоблачаться. Сначала она

стацила с себя чепец, потом размотала бинты, скрывавшие руки. Ее каштановые короткие волосы полыхнули огнем.— Никогда. Никому.— Эстасия встала, переступив через соскользнувшее с нее одеяние, и медленно, как сомнамбула, двинулась к онемевшему от ужаса Савонароле, но потом передумала и повернулась к кострам. Наступившую вдруг тишину разорвали мучительные всхлипывания сестры Мерседе.

Жар костров поднял дым к небесам, гул пламени сделался однообразным и ровным. Толпа получила возможность видеть, и то, что она увидела, поразило ее. Сестра Эстасия, абсолютно голая, стояла на фоне здания Синьории карикатурным подобием прекрасных скульптур, уничтоженных режимом Савонаролы. Недоуменно оглядев свое исхудавшее и покрытое уродливыми шрамами тело, монахиня вскинула подбородок.

— О, милосердный Господь,— заговорила она,— я знаю, ты, послал мне его в знак великой твоей благосклонности к своей недостойной рабе. Я была слепа и теперь молю тебя о прощении! — Эстасия подняла руками свои плоские груди и смяла их в страстном пожатии.— Взгляни же, как плоть моя стремится к тебе. О Боже, возьми меня, я изнываю от сладостной муки!

Маленький доминиканец уже стоял возле нее, она, не глядя, обвила рукой его шею. Настоятель Сан-Марко оторопел, Эстасия затрепетала. Извернувшись как кошка, она прильнула к нему и в нетерпеливом порыве бесстыдно ощущала пах своего духовного пастыря, сминая сутану. Савонарола взвыл, пытаясь ее оттолкнуть, но достиг лишь того, что сам отлетел к сестре Мерседе, чье лицо было перекошено от возмущения.

Порыв ветра взметнул над площадью тучу искр, пламя бешено заревело. Сестра Эстасия улыбнулась, осторожно спустилась с помоста и принялась пританцовывать перед огнем, бросая на притихшую от изумления и страха толпу лукавые взгляды.

Ее действия были на руку Ракоци. Он, прячась за повозкой, так удачно поставленной сестрами-селестинками, проскользнул к зданию Синьории и на секунду остановился, чтобы перевести дух. Остановка эта, как выяснилось, оказалась вовсе не лишней. Она позволила беглецу заметить, что трое доминиканцев проталкиваются к нему сквозь людское столпотворение. Осторожно поправив плечом свою ношу, Ракоци выхватил из за пояса крошечную рапиру. Она выглядела игрушкой, но клинок ее был закаленным и гибким.

С первым доминиканцем, который к нему подобрался, он справился довольно легко. Это был старый монах, тщедушный и очень неловкий. Ракоци с силой двинул его эфесом в живот, и старец, сложившись вдвое, рухнул на мостовую. Остальные преследователи предпочли отступить. В конце концов, аутодафе состоялось, и мертвая еретичка вовсе не стоила того, чтобы из-за нее рисковать.

Сестра Эстасия подошла к ревущему пламени, ее глаза сияли, как майские звезды.

— Смотри, о Господи, как я жажду тебя! — Она положила руку на свое лоно и вся передернулась, ощутив первый спазм.— Любовь твоя опалает меня, мой Боже! Она здесь, она рядом — твоя всепоглощающая любовь! — Эстасия протянула свободную руку к огню и рассмеялась, когда та потемнела и пошла волдырями.— Позволь же мне стать частью твоей! Мой возлюбленный, мой супруг, мой спаситель и избавитель! Никто во всем мире не сравнится с тобой! Я иду к тебе и надеюсь, что ты меня не отвергнешь!

Толпа глухо ахнула и вновь замерла в напряженном молчании, наблюдая, как селестинка Эстасия, монахиня, общенная к тайнам Господним, легким танцующим шагом уходит в толщу бушующего огня и стена беспощадного пламени смыкается за ее худенькими, покрытыми уродливыми рубцами плечами.

Отчет о мартовских флорентийских событиях, составленный для его святейшества Папы Алессандро VI францисканцем Орландо Риччи и впоследствии фигурировавший в процессе против вероотступника Джироламо Савонаролы.

«Его святейшество Алессандро VI смиренно приветствует францисканец Орландо Риччи и посылает ему настоящий отчет.

С великой печалью в сердце я вынужден вам сообщить, что 10 марта сего года вероломный доминиканец Джироламо Савонарола обрек на сожжение восемь мужчин и одну женщину, облыжно обвиненных им в ереси. Вышеупомянутое аутодафе закончилось тем, что погибли еще пять ни в чем не повинных людей: сестра-селестинка Этасия, приобщенная к тайнам Господним, строитель Лодовико Ронкале, два юноши из Христова воинства (боевой молодежной организации, которую Савонарола использует для достижения своих несправедливых целей), а также юная флорентийка, сгоревшая при попытке вытащить из огня своего отца, приговоренного к мучительной смерти.

Многие горожане получили ожоги. У людей выгорали волосы, брови; на тех, кто стоял ближе к кострам, вспыхивала одежда — и вообще, во всем этом было слишком много катастрофической неразберихи. Жар угрожал воспламенить здания, но никто из организаторов акции почему-то не озаботился тем, чтобы расставить в толпе, и вокруг хотя бы бочки с водой, что не составляло большого труда, ибо Арно протекает в пяти шагах от площади Синьории.

Прежде чем дать сигнал к началу аутодафе, Савонарола призвал всех собравшихся одобрить кошмарное действие, утверждая, что оно угодно Господу нашему и что тем самым Флоренция очистит себя от скверны. Для ве-

роотступника, заклеяменного Церковью и не допущенного к причастию, утверждать подобное — смертный грех.

Действия Савонаролы не утасуют, а губят Флоренцию. Добропорядочные горожане, равно как и известные всему свету ученые бегут из нее, спасаясь от возведенных на них несправедливых обвинений. У великих художников, чьиими работами восхищается мир, опускаются кисти, музыканты молчат. Флорентийским торговцам нечего выложить на прилавки, ибо ввоза товаров в город не происходит. Савонарола относит к предметам роскоши шелк, тафту, парчу, батист и многие иные виды текстиля. Эти ткани запрещается производить, а поскольку Флоренция живет во многом за счет ткачества, подобные запреты обрекают огромный город на голод и нищету. Иноземные искусники и умельцы, прежде охотно обучавшие нас разнообразным полезным вещам, теперь объезжают республику стороной, чтобы не быть обвиненными в ереси.

Святой отец, поведение Савонаролы является вызовом Богу и Церкви. Зловоние, им источаемое, уже достигло небес, и даже ангелы вопиют там от жуткого смрада. Умоляю, рассейте сгустившийся над Флоренцией мрак, подвергните этого безумца суду, покарайте его теми карами, какими он сам карает невинных. Савонарола — бешеный пес, чьи укусы губительны и заразны.

Клянусь, что все вышеизложенное — самая достоверная правда, но не могу утверждать, что в изложении моем нет предумышленности. Я не в силах взирать с беспристрастием на того, кто причинил Флоренции столько страданий, и молю небеса снять это бремя с моего сердца, чтобы и я мог простить ему его вины точно так же, как наш Спаситель простил своим истязателям и губителям их неслыханные злодеяния.

Орландо Риччи,
настоятель францисканской общины
при Санта-Кроче.
Флоренция, 12 марта 1498 года».

Руджиеро держал под уздцы гнедого, пока Ракоци приторочивал драгоценную поклажу к седлу.

— Вы уверены, что с ней все будет в порядке? А если это случится в пути?

— Мы справимся,— сказал Ракоци, осторожно затягивая ремни.— Где намечено в первый раз сменить лошадей?

— На одном хуторке. Там держат порядочных рысаков. Я уплатил им вперед.

— Хорошо.— Ракоци глянул через плечо на облако дыма, висевшее над флорентийскими крышами.— Нам надо поторопиться. Худшее позади, однако один мой знакомый доминиканец наверняка захочет еще раз меня повидать.— Он щелчком сбил порошинку копоти с рукава.— А что с фра Сансоне?

Руджиеро позволил себе улыбнуться.

— К несчастью, он сам себя запер в одном из подвалов. Это так на него не похоже. Я удивлен.

Ракоци поднял бровь.

— Как-нибудь ты расскажешь мне об этой истории подробнее.— Он огладил гнедого.— Картины?

— Они под выюками.

— Превосходно.— Ракоци подошел к Гелате, но приостановился и вновь посмотрел на продолговатый выюк, в котором покоилась Деметриче.— Надеюсь, там хватит земли. Она должна прийти в себя вечером. Хорошо бы к тому времени оказаться в Болонье.— Руджиеро кивнул.— Но это от нас не зависит,— спокойно добавил Ракоци. Минутой позже он уже находился в седле.— Не знаю, как все сложится дальше, но по этому дому я буду определенно скучать. Как, впрочем, и по Флоренции.

Не сказав больше ни слова, Ракоци прищпорил Гелату и покинул пределы своего обиталища. Руджиеро, поспешно вскарабкавшись на своего низкорослого жеребца, дви-

нулся следом за ним, ведя двух выючных лошадей в поводу. Ворота, ведущие во внутренний двор палаццо да Сан-Джермано, остались открытыми.

Флорентийские улицы были пустынные. Ракоци в последний раз оглянулся на строгую башню дворца Синьории и направил кобылу к воротам Санта-Кроче, охраняемым парой наемных солдат.

Охранники больше интересовались тем, что творилось на главной площади, чем двумя проезжавшими путниками, и не сделали никакой попытки их задержать. Эта беспечность, впрочем, не прошла для них даром. Через час ротозеев схватили и потащили в пыточную. Савонарола, узнав, что его провели, впал в бешенство, и ему требовалось сорвать на ком-нибудь злость.

В холмах пахло весной, и, хотя в низинах лежал ледок, на залитых солнцем пригорках пестрели цветы. Их аромат был столь силен, что окончательно перебил застоявшийся в ноздрях Ракоци смрад пылающей плоти.

На вершине одного из холмов они сделали остановку, чтобы еще раз взглянуть на Флоренцию. Дым, висевший над площадью Синьории, рассеялся, костры рассыпались в прах. С этого расстояния город казался игрушкой, расцеленной полоскою серебра. Белые стены зданий и их красные крыши напомнили Ракоци о древних селениях Греции. Вдруг он заметил, что из ворот Санта-Кроче выезжает небольшой конный отряд. Крошечные доспехи всадников ярко блестели.

— Наемники,— сказал Ракоци.

— Как скоро они нас нагонят? — шурысь, спросил Руджиеро.

— Не знаю. Возможно, часа через три. Без навьюченных лошадей мы бы легко от них ускакали. А так...

— Может, нам стоит где-нибудь спрятаться? — неуверенно предложил Руджиеро.

— И угодить в ловушку? — нахмурился Ракоци.— Все было бы проще, если бы к Болонье вели и какие-нибудь другие дороги.— Он повернулся в седле.— Но других дорог нет. Далеко ли до первой подставы?

Руджиеро поморщился.

— Час езды... с небольшим. Хуторок прячется в узкой лошине, в холмах.

— Что ж, постараемся двигаться порезвее.— В голосе Ракоци не было озабоченности, в нем слышалась лишь усталость.— Правда, галопа наши лошадки не выдержат. Придется пустить их рысью.

До хуторка они добрались после полудня. Никто их не встретил, хотя над трубой курился слабый дымок. Ракоци бросил на Руджиеро вопросительный взгляд.

— Хозяева, наверное, в деревне. В церкви или на рынке. Думаю, это и к лучшему.

— А ты уверен, что лошади здесь? — резко спросил Ракоци.— Нам может не поздоровиться. Гелата уже устала, она не протянет и часа.

— Они взяли деньги. И поклялись, что не подведут.

Ракоци знал, чего стоят такие клятвы, но промолчал. Он спешил и повел Гелату к воротам загона. Конюшня представляла собой низенькое строение с покосившимися воротами и местами провалившейся крышей. Пересекая загон, Ракоци наклонился и достал из сапога нож. С неприятным ощущением, что за ним наблюдают, он приоткрыл створку ворот и вгляделся во тьму. Там виднелись какие-то лошади. Ракоци аккуратно вернул створку на место и, оставив Гелату на попечение Руджиеро, обошел конюшню кругом.

Нож он держал наготове, но все было спокойно. Теперь следовало осмотреть лошадей. Ракоци ощупал им ноги — никаких повреждений не обнаружилось. Он проверил копыта — одна кобылка была не подкована. Значит, выюк с Деметриче, как самую легкую часть груза, придется поло-

жить на нее. Удовлетворенно кивнув, Ракоци пошел к двери и кликнул слугу.

Они быстро переседлали лошадей и занялись поклажей, стараясь при этом не очень шуметь. Ощущение, что за ними следят, не проходило, однако все обошлось. Через четверть часа всадники вновь были в пути, но Ракоци досадливо хмурился. Он сожалел, что оставил Гелату в такой развалюхе. Выносливая и спокойная лошадка хорошо служила ему.

Дорога сделалась круче, солнце ушло в облака, которые нагонял западный ветер. Конники ехали молча, погружившись в свои думы. Говорить было не о чем, оба они знали, что группа вооруженных преследователей неуклонно приближается к ним. Далеко за полдень серо-коричневый мерин, несущий основные выюки, взмок и стал задыхаться.

— Что его беспокоит? — спросил Ракоци, оборачиваясь.

Глаза мерина закатились, он пцерился, тяжело всхрапывая и высовывая язык. Лицо Ракоци исказила гримаса. Он спешил, поймал несчастное животное за узду и подтянул его морду к себе. Раздутые бока и пена, идущая из рта, сказали ему многое. Ракоци похлопал беднягу по шее, затем разнуздав его и мрачно глянул на Руджиеро.

— Клясться не стану, но готов спорить, что прошлой ночью его накормили чем-то соленным, а утром подпустили к воде. С океаном в желудке далеко не уедешь. Удивительно, что он вообще тронулся с места.

Руджиеро озадаченно крикнул и переступил с ноги на ногу.

— Не понимаю, почему они так поступили.

— Кто знает. Но это сделано неспроста.— Ракоци принялся отвязывать выюки от седла.— Нам придется переложить их на верховых лошадей.— Он быстро кивнул в ответ на протестующее движение Руджиеро.— Да-да, я знаю. Мы облегчаем страже задачу. Но что нам еще остается? Нас двое, оружия у нас нет. К тому же надвигается буря.

Уходить от дороги нельзя.— Он снял с широкой спины мерины первый выюк.— Вот, держи. Привяжи его к своему седлу.

Руджиеро машинально повиновался. Затянув ремни, он нарочито безразличным тоном спросил:

— Разбойники?

— Я тоже об этом подумал.— Ракоци переложил второй выюк на круп своей лошади и принялся сосредоточенно возиться с ремнями.— Надеюсь, мы ошибаемся.

Руджиеро вздохнул, вскарабкался на присевшую от его веса гнедую, потом покосился на тюк, в котором покоилась Деметриче.

— Как скоро это случится?

Ракоци пожал плечами.

— Не знаю. Думаю, на закате.— Он покончил с поклажей и сел в седло.— Не стоит сейчас торопиться. Это изнурит лошадей. Возможно, их силы еще нам понадобятся.

Руджиеро вздохнул вновь и толкнул свою кобылу коленями. Животное перегружено, и — поторапливай его или не поторапливай — быстрее оно не пойдет.

Облака на западе все сгущались, вскоре задул сильный ветер. Ракоци остановился и повернулся в седле.

— Они уже где-то рядом,— сказал он.— Нам следует забраться повыше и поискать валуны, которые можно будет обрушить на них.

Руджиеро молча кивнул. Он слишком устал, чтобы что-нибудь говорить. Следующая деревня, где им надлежало сменить лошадей, должна была вот-вот показаться, но не показывалась, и сколько до нее оставалось, сказать было нельзя. Слуга посмотрел на большой выюк.

— Нам надо о ней позаботиться.

— Да,— согласился Ракоци,— Раз уж драки не избежать, нужно обеспечить безопасность Деметриче. Мы спрячем ее под деревьями или в каком-нибудь придорожном амбаре, если, конечно, отыщется таковой. Главное, место

должно быть приметным. Чтобы не заплутать, когда придется к нему возвращаться.

Слуга, так же как и хозяин, прекрасно знал, что последнее маловероятно. Дернув поводья, он пустил свою лошадь вперед.

Уже темнело, когда за их спинами послышался отдаленный топот копыт. Дальнейшее бегство теряло смысл. Спешиваясь, Ракоци вдруг ощутил огромное облегчение. Напряжение последнего часа перестало его томить. Беглецы находились на небольшом возвышении, что давало им преимущество. Но — лишь теоретическое, ибо они не были вооружены. Руджиеро взял лошадей под узды и, продравшись сквозь мелкий кустарник, свел их с дороги к ручью, убегавшему вниз по склону. Ракоци крикнул:

— За ручей не ходи! Очнувшись, она не сможет пересечь бегущую воду.

— Сколько у нас времени до заката? — спросил Руджиеро, привязывая лошадей.

— Точно не знаю. Облачность слишком плотная, трудно что-либо сказать. Наверное, около часа.— Ракоци попробовал покачать огромный придорожный валун и убедился, что с места его сдвинуть нельзя.— Ладно, зато укрытие из него неплохое.

Даже отличное, если иметь стрелы и лук. Однако при нем не было ни того ни другого. Сборы в дорогу проходили достаточно спешно, и ему не хотелось перегружать лошадей. Боевое оружие весит прилично... Он вспомнил о своем тяжелом двуручном мече, сработанном оружейниками Толедо. Тот прорубал любые доспехи, но, к сожалению, не годился для уличных стычек. Впрочем, в его арсенале имелся и меч полетче, дамаский, прекрасно отбалансированный,— с ним можно было драться не только один на один. Но самым странным и удивительно разворотливым являлся третий клинок — он выиграл его в честном

бою у японского самурая, правда это случилось довольно давно...

Воспоминания толку не принесли, но странным образом подбодрили. Ракоци спустился к ручью и посмотрел, хорошо ли устроена Деметриче.

— Мне нужна веревка, — сказал он.

Руджиеро задумался.

— Какой длины?

— Чтобы хватило перебросить через дорогу.

Руджиеро кивнул и стал шарить в седельных мешках. Наконец веревка нашлась. Прочная, длинная — в четыре человеческих роста.

Они поднялись к дороге и разошлись по разным ее сторонам.

— Помни, — сказал Ракоци, заводя свой конец веревки за камень, — дергать надо только тогда, когда лошади доскачут до нас.

— Хорошо, — ответил Руджиеро, примеряясь к дереву, возле которого он залег.

— Если кто-то из стражников упадет, выхватывай у него любое оружие, до какого дотянешься. Иначе он ухватится за ногу лошади, и та его унесет. Это старый прием, он калечит животное, но спасает солдата.

На щеку Ракоци упала тяжелая капля. Другая, третья — потом хлынул дождь. Ракоци усмехнулся:

— Грязь тоже нам на руку.

Руджиеро попытался улыбнуться в ответ, но улыбка не получилась.

— Хозяин...

— Что случилось, мой друг?

Руджиеро долго молчал, прежде чем откликнуться:

— Ничего. Все в порядке.

Он отвернулся и накинул конец веревки на сук, потом легонечко натянул ее и замер.

Ожидание было мучительным, но недолгим. Размеренный стук копыт стал стремительно приближаться, странным образом совпадая с ритмом дождя.

— Готов? — прошептал Ракоци, когда стук превратился в грохот.

Руджиеро кивнул.

— Давай! — крикнул Ракоци.

Резко натянутая веревка хлестнула головных лошадей по ногам. Те, испугавшись, вздыбились, на них налетели другие. Всадники, потеряв равновесие, скатились на землю. Одна из кобыл завалилась набок, придавив седока, на нее, дико скалясь, упала вторая. Образовалась свалка, и плотно дороги в один миг перегородила странная баррикада, части которой отчаянно дергались, стремясь расцепиться, но эти панические попытки лишь усугубляли плачевное положение каждой из них.

Следовало воспользоваться моментом неразберихи, и Ракоци с Руджиеро побежали к упавшим. Пока наемники не опомнились, можно было попробовать вывести кого-то из строя и закрепить свой успех.

Ракоци подбежал к свалке первым и ухватился за рукоять офицерского палаша. Капитан наемников, придавленный лошадьё и оглушенный падением, не оказал похитителю сопротивления, однако клинок застрял в ножнах, и Ракоци высвобождал его мучительно долго, помогая себе левой рукой.

Руджиеро, боевого опыта не имевший, подобрал отлежавшее к обочине дороги копье. Оно было тяжелым, громоздким. Впрочем, природная сметка подсказала дворецкому, как с ним управиться. Он взял наперевес мокрое древко, упер его тыльный конец в подножие валуна и замер в позиции, наиболее выгодной для отражения конной атаки, ибо видел, что шестеро всадников, оставшиеся в седлах, приходят в себя.

Тучи сошлись плотнее, дождь хлынул как из ведра, дорога сделалась скользкой. На Ракоци набежал латник, вы-

бравшийся из свалки, и попытался достать его коротким мечом. Ракоци увернулся и шипом, вделанным в рукоять капитанского палаша, распорол противнику подбородок, однако ноги его разъехали в жидкой грязи. Чтобы не потерять равновесие, ему пришлось соскочить с дороги. Там почва была потверже, но он стал заметен: щеголеватый костюм Ракоци белым пятном выделялся на фоне темных кустов.

Он стал мишенью и понимал это. Шестеро всадников разворачивали коней. Наемники строились полукругом, изготавливая свои копья к бою. Секунда-другая — и еретик, устроивший всю эту кутерьму, будет наказан. Острия пик намертво пригвоздят его к склону холма.

Ракоци, пятясь к деревьям, остро осознавал безнадежность своего положения. Противостоять атакующим он не мог. Палаш хорош в пешей схватке, но в сражении с конницей бесполезен: древки копий длиннее любого клинка.

Руджиеро окликнул его, но Ракоци не посмел оглянуться. Он боялся удара в спину — губельного, если чья-нибудь пика заденет хребет. Встретив атаку грудью, он мог надеяться на спасение, но разрушение позвоночника сулило ему истинную и скорую смерть.

Сбоку — с той стороны, где находилась Болонья, — внезапно послышались жуткие вопли и нарастающий топот копыт. Всадники замерли и повернули на шум головы. Забывший об осторожности Ракоци тоже глянул туда.

Около двадцати конников со свистом, криками и улюлюканьем неслись по дороге, размахивая рогатинами, дубинами и булавами. У некоторых имелись мечи. Столь разномастное вооружение и разношерстные одеяния нападающих позволили латникам предположить, что к ним приближается разбойничья шайка. Засуетившись, они принялись перестраиваться, чтобы отразить нападение. Еретик был забыт.

Ракоци не стал ждать, чем кончится дело, и проворно нырнул в заросли, махнув Руджиеро рукой. Только сейчас он ощутил, что его одежда промокла до нитки, и встал под деревом, ожидая, когда слуга догонит его. Стоны, крики, звуки ударов, лязг оружия, брань сказали ему, что противники сшиблись.

— Сколько это продлится? — спросил появившийся из кустов Руджиеро.

— Не знаю. Но думаю, что не очень долго. — Ракоци покосился на затянутое тучами небо. Дождь уже прекратился, и алая полоска на западе, заставила его встрепенуться. — Солнце садится, — сказал он и зашагал к ручью.

Лошади стояли на том же месте, где их и оставили. Возле них под слоем веток, срезанных с кустов, лежала Деметриче. Ложком ей служил раскатанный пустой выюк. Лицо молодой женщины было по-прежнему бледным, однако мертвенной сизоватости в нем больше не наблюдалось. Деметриче спала.

Ракоци опустился рядом с ней на колени и покачал головой. Старое домотканое платье, в которое он успел обрядить ее перед отъездом, совершенно промокло.

Шум сражения сделался громче и неожиданно стих. Затем тишина нарушилась грубыми голосами чем-то занятых и переговаривающихся между собою людей. Так продолжалось какое-то время, потом прозвучал властный окрик, ответом которому были радостный гомон и топот множества лошадей.

— Похоже, наемников смяли, — прошептал Ракоци. — Победители обобрали убитых и отправились пировать. Нам тоже пора отправляться. Теперь нас не будут искать.

— Она очнется? — спросил Руджиеро. — Или мы снова завернем ее в мешковину?

Ракоци прикоснулся к лицу Деметриче. Влажные губы дрогнули, ресницы затрепетали.

— Она уже здесь, Руджиеро.— Он взял женщину за руку.— Деметриче! — Оклик его был тих, как шелест ветра в ветвях.— Деметриче, проснитесь.

Она открыла глаза.

— Фран... чesко? — Рука ее вскинулась и безвольно упала.— Вы еще не ушли? — Она вдруг встревожилась.— Вам пора. Уходите.

— Не беспокойтесь. Все хорошо.

— Почему здесь так сыро? Они придумали новую попытку? Отвечайте же, не молчите! Меня пытали водой? — Деметриче приподнялась на локтях. В глазах ее вспыхнуло недоумение.— Но... мы не в тюрьме?

— Нет,— сказал Ракоци и умолк.

— Где мы? — Она замолчала. Недоумение в ее взгляде сменилось испугом.— Что это за место?

— Мы едем в Болонью.

Он молча ждал, когда к ней вернется память. Деметриче вздрогнула, потом села и поднесла руки к глазам. На запястьях виднелись два четких пореза — уже затянувшихся и словно бы давних. Ее зрачки изумленно расширились.— Значит, это не было сном? Вы действительно вскрыли мне вены!

— Да.— Ему очень хотелось обнять ее, но он понимал, что этого лучше не делать. Потрясение чересчур велико. Ей надо привыкнуть к своему новому состоянию, и тогда... Что будет тогда, он не знал.— Деметриче, вы были мертвы... Еще утром ваше мертвое тело висело в цепях на площади Синьории, и юнцы из Христова воинства разводили под ним огонь.

— В это трудно поверить.— Деметриче попробовала усмехнуться.— Что мы делаем здесь?

Ракоци улыбнулся в ответ.

— Мы прячемся. От стражников, от разбойников... Опасность вроде бы миновала, и все-таки нам следует поспешить. Обопритесь на меня, дорогая.

Деметриче приняла помощь и крепко сжимала руку Ракоци, пока он вел ее к лошадям. Она старалась держаться, и он это понимал.

Уже сидя в седле, Деметриче спросила:

— Надеюсь, у вас есть сухая одежда?

— К сожалению, нет,— нахмурился Ракоци.

— Тогда что же в этих мешках?

После продолжительной паузы он ответил:

— Там грунт... из Римини. Земля вашей родины, Деметриче.

Тело ее внезапно обмякло, а сердце наполнилось ледяным ужасом первого понимания.

— Земля моей родины? — прошептала она.

— Потом вы поймете, как это важно. Чуть позже, когда начнете новую жизнь.

Не дожидаясь ответа, Ракоци сжал коленями бока лошади, и та потрусил к дороге, уже совершенно неразличимой в сгустившейся темноте.

Письмо флорентийского философа Марсилио Фичино к венецианской поэтессе Кассандре Феделе.

«Кассандре Феделе, неоценимой и несравненной, Марсилио Фичино шлет свой привет!

От всего сердца благодарю вас за присланные стихи. Они пришли весьма кстати, ибо апрель у нас был тревожным и обращение к вашей поэзии вселяло в мою душу покой.

Вы, конечно, уже слышали, что Савонаролу признали виновным в ереси, но, возможно, вам не известно, что приговор, ему вынесенный, приведен в исполнение. Это случилось пять дней назад на площади Синьории, еще, можно сказать, не остывшей от жара костров, на которых он сам предавал лютой казни ни в чем не повинных лю-

дей. Я испытал мистический трепет, увидев его тело, вздернутое над толпой. Группа фанатичных монахов кричала, что это и есть вознесение и что Господь забирает избранника в царство свое. Не знаю, слышал ли их Савонарола. Огонь развели сильный, и все скрылось в дыму.

Я никогда не восхищался Алессандро VI, однако не могу не считать, что в данном случае он поступил мудро. Его суд был безжалостным, но на безумцев, подобных Савонароле, угрозы не действуют. Только жестокость может держать их в узде. Возможно, Борджиа-и-Лара и впрямь находится на своем месте и его деятельность укрепит папский престол.

Флоренция еще не оправилась от пережитого ужаса. Синьория продолжает придерживаться порядков, введенных доминиканцами. Впрочем, поскольку те обезглавлены, можно надеяться, что вскоре все вернется на круги своя. Не далее как вчера я встретил на улице женщину, украсившую себя венком, сплетенным из грубого вервья, и умилился. Тяжелые времена миновали. Христово воинство расформировано, и многие горожане достают из тайников вещи, в каких почему-то не видел пользы неистовый Джироламо. Не за горами день, когда Флоренция примет свой прежний облик, хотя мне до этого, наверное, не дожить. И все же я благодарен Господу за то, что дозволил мне стать свидетелем нового ее возрождения. Чаяния Козимо*, Пьеро** и Лоренцо не умерли — это несказанное счастье.

Я знаю, что Ракоци да Сан-Джермано удалось уцелеть и что сейчас он проживает в Венеции. При случае не сочтите за труд сказать ему от меня все ласковые слова. Он замечательный человек. Благородный, храбрый и много сделавший для нашего города. Флоренция помнит его.

Боттичелли весьма впечатлила гибель его кузины, шагнувшей в огонь во время печально памятного аутодафе. Я думаю, она была не в себе, но Сандро сильно мучается. Он почти ничего не пишет теперь.

Я откопал в библиотеке Лоренцо превосходные комментарии к Аристотелю и беру на себя смелость ознакомить вас с ними. Их вместе с этим письмом доставит вам нарочный кардинала Джованни. Самого Джованни во Флоренцию пока еще не пускают, но слугам его пути к нам не заказаны, и это хороший знак.

Будьте уверены в моей неизменной любви. Вы и представить не можете, что значила для меня ваша поддержка. Но Господь наш все прозревает и в судный день, несомненно, узнает вас по сиянию, исходящему от вашей чистой души.

Марсилио Фичино. Флоренция,
день Сан-Джермано Парижского,
28 мая 1498 года».

* Козимо Медичи (1389–1464) — дед Лоренцо Великолепного.

** Пьеро Медичи (1416–1469) — отец Лоренцо Великолепного.

ЭПИЛОГ

Письмо Оливии-римлянки к Франческо Ракоци да Сан-Джермано.

«Оливия из Вечного города шлет свой привет Сен-Жермену в Венецию, пропитанную водой!

Итак, Деметриче, от тебя отвернулась?

Мне жаль, мой милый. Ты можешь не верить, но мне действительно жаль.

Переход от одного состояния к другому произошел слишком быстро. Девочка не успела к нему подготовиться, и потрясение вызвало шок. Впрочем, она умна и, безусловно, сумеет взять себя в руки. Душевные раны со временем заживут, и жизнь ее понемногу наладится. Правда, уже без тебя. Она не простит.

Я знаю, тебе очень больно. В течение долгого времени ты ищешь подругу, способную понять и принять твое одиночество ради тебя самого. Я не уверена, что такая женщина существует, но от души желаю, чтобы твои надежды сбылись.

Что до Эстасии, то, возможно, и справедливо, что она умерла. Поскольку связь ваша не была согрета любовью, перерождение в ней шло медленно, но оно, судя по всему, все-таки шло. И могло завершиться еще до ужасной развязки. Тогда она стала бы одним из тех жутких существ, от деяний которых содрогается мир и которые создают всему роду вампиров недобрую славу. Ты же знаешь, мы в чем-то подобны слонам. Эти сильные, умные, неприхотливые и выносливые животные в большинстве своем прекрасно ладят с людьми. Они нянчат детишек, таскают тяжести и отгоняют хищников от селений. Но стоит в округе завестись бешеному слону — и деревни тре-

пекут. Слон-убийца, слон-разрушитель превращается в страшное бедствие. И Эстасия вполне могла стать подобным чудовищем — в силу свойств своей необузданной и неукротимой натуры. Ее смерть избавила мир от возможной опасности. Всплакнуть над участью этой женщины можно, но не стоит скорбеть.

У нас скончался еще один кардинал. Молва в том, конечно, винит Алессандро VI. Я, впрочем, не понимаю, чем мог мешать ему старец восьмидесяти шести лет. Возможно, Борджиа отправил его просто для поддержания репутации? Вряд ли. Она в том совсем не нуждается. Старик, скорее всего, умер сам.

Мы редко видимся, дорогой. Я очень скучаю. Когда и тебе наскучит Венеция, загляни на недельку в Рим. Лучшие негласно, ибо меня опекают. Но мы все же сумеем выбраться на нашу старую виллу, а захочешь — махнем на Сицилию. У меня есть собственное суденышко, заботливо высланное землей.

Благодарю за подарок. История Семелы мне очень близка. Странно, что ты это помнишь. Я по твоей просьбе повешу эту картину подальше от чьих-либо глаз, хотя и не понимаю зачем, ведь прекрасное не греховно! Не буду ломать голову над этой загадкой. Когда-нибудь ты мне все объяснишь.

А теперь — извини. Слуга доложил, что ко мне приехал один юноша (просто красавец) — у меня с ним дела. Не слишком-то важные, но неотложного рода. Прощай, дорогой, я тебе еще напишу. И знай, что моя любовь всегда остается с тобой.

Оливия.

Рим, праздник Святой Девы,
15 августа 1498 года.

Р. С. Знал бы ты, какая у нас тут жара!»

Литературно-художественное издание

Челси Куинн Ярбро
ОТЕЛЬ «ТРАНСИЛЬВАНИЯ»

Ответственный редактор *И. Шефановская*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *К. Иванов*
Корректор *И. Мартыанова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *С. Шикина*

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЛЬ «ТРАНСИЛЬВАНИЯ» 5

Перевод А. Гуровой

КОСТРЫ ТОСКАНЫ 335

Перевод Т. Петрушенко

Оригинал-макет подготовлен ООО «Издательский Дом Домино»
197198, Санкт-Петербург, ул. Блохина, д. 20/7.
Тел./факс (812) 329-55-33

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина»,
ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс: (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел.: 937-85-81, 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать 10.11.2005.
Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 42,0.
Тираж 5000 экз. Заказ 875.

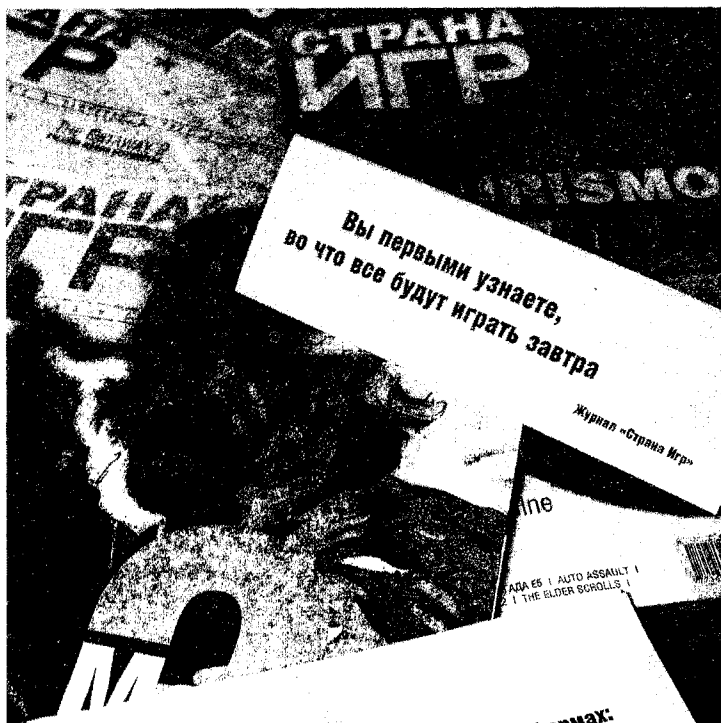
ISBN 5-699-10507-7

9 785699 105076 >

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Лучшие игры на самых разнообразных платформах:
PC, PlayStation 2, Xbox, GameCube.
Мы поможем вам разобраться в этом
круговороте и сделать правильный выбор

Ca

ШЕДЕВРЫ ПУСТЫН ШЕДЕВРЫ ПУСТЫН

ЧЕЛСИ КВИНН
ЯРБРО

Chelsea Quinn Yarbro

ISBN 5-699-10507-7

9 785699 105076 >

ШЕДЕВРЫ ПУСТЫН ШЕДЕВРЫ ПУСТЫН